Журнал отечественной словесности

«Вологодская литература»

адресован мыслящей аудитории, имеющей вкус и осведомленной о высоком предназначении печатного слова, призванного быть словом правды, добра и любви

«ВЛ» НУЖДАЕТСЯ В МЕЦЕНАТАХ

Выпуск журнала «Вологодская литература» возможен при меценатской поддержке в размере типографского счета. Это около 50 тысяч рублей на печать одного номера

№8 журнала издан за счет меценатской поддержки ООО «Газпром Трансгаз Ухта».
Редакция выражает персональную благодарность
Симакову Константину Павловичу, начальнику Грязовецкого ЛПУ, депутату Законодательного собрания Вологодской области

Журнал «Вологодская литература». Учредители и издатели Николаев А.В., Халов А.С.
Редколлегия: Ломковский А.В., Николаев А.В., Толстиков Н.А., Халов А.С. Главный редактор Николаев А.В.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ35-0031 от 1.07.2009, выдано управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Вологодской области.
Адрес редакции: Вологда, ул.Мишкольцская, 11а-19. Тел. 8-931-500-88-44. E-mail: vl_classik@mail.ru
Эл. версия: www.vollit.narod.ru. Тираж 450 экз. Формат 70x100/16. Цена свободная.
Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика», Вологда, Челюскинцев, 3. Заказ 873

ОГЛАВЛЕНИЕ

Художественная проза

Витас Новоселов
АРБАТСКИЙ ХИРОМАНТ, роман 3 стр.

Алик Горели
АБРЕК, повесть
Часть I. **Волк** 111 стр.

Александр Халов
В ЭПИСТОЛЯРНОМ ЖАНРЕ, или СОПЕРНИКИ 124 стр.
Повесть, нарисованная в письмах
WOMAN OF MOON, или ДАНЬ МАРИНАМ 144 стр.
Повествование в частях

Александр Рулёв-Хачатрян
БАТУРИНСКИЙ КЛАД, рассказ 158 стр.

Николай Толстиков
РОДИТЕЛЕВ ГРЕХ, повесть 168 стр.

Александр Ломковский, рассказы 186 стр.
ИДУЩАЯ ПО ОСЕНИ
ЖИВОДЕР

Фаина Соломатова, рассказы 199 стр.
ЦВЕТ ТАВОЛГИ
КАПКАН
ВОРОНЬЕ

Игорь Ваганов
ПРАВО НА УБИЙСТВО, повесть 214 стр.

Наталья Усанова
ГОРОД ЗОЛОТОЙ, дневник студентки 227 стр.

Наталия Брашкина
СКАЗ ПРО ВАСИЛИСУ ПРЕКРАСНУЮ, сказка 248 стр.

Стихотворения

Сергей Козлов
ЗВЕЗДА СВЕТЛА, лирика 271 стр.

Откуда авторы: Витас Новоселов - Вологда, Алик Горели - Тотьма, Александр Халов - селение Высокая Поляна под Грязовцем, Александр Рулев-Хачатрян - Череповец, Николай Толстиков - Вологда, Александр Ломковский - Вологда, Фаина Соломатова - Чушевицы (Верховажский р-н), Игорь Ваганов - Череповец, Наталья Усанова - Вологда, Наталия Брашкина - Вологда, Сергей Козлов - Вологда, Алексей Николаев - Вологда

Витас НОВОСЕЛОВ

АРБАТСКИЙ ХИРОМАНТ

Роман

Посвящаю Алле Север,
известной петербургской оккультистке
и просто красивой женщине

Он полагает печать на руку каждого человека, чтобы все люди знали дело Его.
Ветхий завет, кн. Иова, 37:7.

1. У РЕСТОРАНА «ПАНЧО ВИЛЬЯ»

Лето. Улица в сердце Москвы. Среди горластой, по-птичьи пестрой толпы кого только нет! И вдруг появился господин с седыми висками, в очках и шейном платке под светлой рубашкой, сел на раскладной деревянный стульчик, рядом установил фанерный лист с надписью. Местных торговцев удивить трудно, но тут раздались голоса:

- Что за «профессор»?..
- Уж не фокусы ли пришел показывать?..

А познакомившись с его рекламой, начали кидать шуточки похлеще:

- Хиромантия?!
- Кому она сегодня нужна...
- Аферист!
- Наврет с три короба...
- Денежки хапнет и смоется.

Когда я приехал в столицу в середине девяностых, вышел на Арбат и занялся оккультизмом у ресторана «Панчо Вилья», ко мне подходили с соболезнованиями впечатлительные женщины: «У вас такая солидная внешность. Почему вы здесь?..» Оставалось лишь вежливо улыбаться: не мог же им поведать, что отнюдь не столбовая дорога привела меня к этому питейному заведению.

Трудился я чисто, никаких «передергиваний». Мужчины, словно принимая в свое братство, жали мне руку. Бойкие дамочки млели от восторга, иногда оставляли записку с номером телефона и смелым предложением: «Женись на мне, не промахнешься!» Возможно, я бы и не ошибся, но москвичка просчиталась бы непременно, обнаружив вскоре, что вышла замуж не только за хироманта, будто бы чеканящего гульдены из воздуха, но и за человека затейливой судьбы.

Сидел я через дорогу от ресторана. У его дверей красовалась картина, напоминав-

шая трактирную вывеску: могучий полковник с воинственными усами Тараса Бульбы, но без люльки, в сомбреро, с пулеметными лентами крест-накрест. Невольно мелькнула мысль: откуда здесь культ вождя из Латинской Америки? Мне подсказали, что владельцы заведения - жители Кавказа. Тогда все понятно: если дать название горское, кое-кто прочитает в этом вызов, русское - то будет угодничество, а так нейтрально, как на берегах Женевского озера.

Однажды на брусчатке перед террасой ресторана начался рекламный концерт. Приблатненно прохрипела жестокий романс шансонетка. Призывно задребезжал небольшой оркестр длинноволосых боливийских хиппи. Пустились в пляс увешанные игрушечными кольтами энергичные «мексиканские венсеремос». Прям-таки, революционная ситуация на отдельно взятой мостовой.

В толпе привлекает внимание улыбчивый парень с короткими золотистыми волосами, в модном светло-сером костюме. Рядом стройная девушка: розовые щечки, синие глазки, платье с декольте. Когда молодой человек скрещивает руки на груди, ткань рукавов натягивается на бицепсах. То не артист кино и не известный спортсмен, то сутенер. Недавно, случайно оказавшись за соседним столиком кафе, я услышал их беседу: он злобно выговаривал путане, что та много спит и мало работает, обещал выбить зубы; девушка, плача, бормотала что-то жалкое, маловразумительное.

А вот осетинский художник Гриша, худощавый брюнет лет сорока. У него три страсти: искусство, музы и доллары. «Деньги - это свобода творчества!» - шутит он. Гриша продает здесь выполненные маслом картины. Такое впечатление, что эта живопись построена на совмещении несовместимого: она вещественная и воздушная, в ней есть какая-то небрежная грация. Вечерние сцены на мостовых и в злачных местах большого города, компании загадочных мужчин и эротичных женщин. Их необычные позы и жесты, по-моему, придумать нельзя, можно только подсмотреть. На ладони моего приятеля вышла отчетливая линия Аполлона, или Творческой одаренности - Гриша может стать знаменитым.

Его новая пассия - молодая казашка, прилетевшая из чопорной Алма-Аты развеяться. Она мне знакома: час назад изучал линии ее ладоней. На ее запястье вырисовывается знак Недвижимости. Удачливая спекулянтка жильем гордо заявила: «У меня в собственности четыре дома». Я намекнул Грише, что эта муза не такая уж симпатичная. Мудрец с Кавказских гор понял меня по-своему и объявил, что женщин он не обижает: «Они же не виноваты, что иногда страшненькие».

Выделяется импозантностью дама-доктор исторических наук. Только что ее портрет написал художник-отставной офицер, одетый в защитного цвета рубашку. Его произведение выглядит бледной копией: портретное сходство присутствует, но нет психологического. Эту даму я тоже знаю. На ее руках читаются успехи в работе и проблемы в личной жизни... Имея внешность прибалтийской красавицы, она обладает чисто русским характером. Женщина подошла погадать, а в заключение сеанса небрежно выдала, что дело не в рисунке ее линий - просто сегодня она при деньгах и снимает стресс, и ей захотелось помочь творческому человеку. Я так и не понял, как определила она мою принадлежность к этому сословию: по очкам или платку на шее?.. Оркестрик боливийцев продолжал настырно наяривать. Дама рассмеялась - видимо, художник-офицер удачно пошутил - и потянула его танцевать.

С интересом смотрит на происходящее москвич Константин Паисьевич. Когда Библию иллюстрируют для детей, с таких стариков рисуют апостолов. Большая белая борода великолепно контрастирует с коричневой от загара лысиной, как будто он только что вернулся из Синайской пустыни. Светлые глаза излучают вселенскую доброту. На сухой, словно у кузнечика, голый торс накинут плащ-болонья, на ногах - рваные ботинки. И тоже свой бизнес: торговля маленькими самодельными шкатулками и самыми дешевыми билетами в Большой театр.

Меня, в отсутствие клиентов сидящего с рекламкой «Читаю линии ладоней» и с газетой в руках, старик приветствует «изящным» юмором:

- Кудесник! Вы хорошо читаете линии ладоней, но газеты - еще лучше!

Я улыбаюсь.

- Рад видеть вас в добром здравии, господин юрист!

Не знаю, за что я так его величаю, может, за старую профессию, - он иногда рассказывает о ней, - может, за согнутую крючком спину, но такое обращение льстит ему.

Однажды он появился на улице комильфо по-русски: в рубашке, джинсах и кроссовках. Роскошная борода почти сбрита, от нее остался хвостик в три волосины. При этом

стали видны кривые, острые зубы. Вчерашний апостол походил на театрального Мефистофеля.

Я поразился такому превращению:

- Что с вами, Константин Паисьевич?

И услышал восторженное:

- Сватаюсь к богатой женщине!

Изменение внешности привело моего знакомого к новому стилю поведения. В глазах теперь мерцала сумасшедшинка, появились дьявольские вспышки гнева по ничтожному поводу. Похожая на перевернутый веер белая борода, голая бронзовая грудь и рваные ботинки на босу ногу могли произвести впечатление на какую-нибудь старую набожную сумасбродку. Но Мефистофелю в спортивной обуви фирмы «адидас» невеста, видимо, не верила.

В ответ на невинный вопрос «Как ваше драгоценное здоровьице, Константин Паисьевич?» он бросился на меня с кулаками, и только вмешательство клиента спасло от неприятности. Я вынужден был прекратить общение с женихом.

Через некоторое время обновки у юриста исчезли, он снова ходил по улице в рубище. Борода отросла. Мы опять тепло приветствовали друг друга, соблюдая мужскую этику. Но жениховское испытание, судьбой ниспосланное старику, приблизило его к могиле: губы посинели, появилась одышка.

Молодой еврей наблюдает за боливийскими хиппи, прервав свое привычное занятие - игру на кларнете. У парня живописная внешность: большие печальные глаза и ниспадающие на плечи черные, как тушь, волосы. Трудится он без затей: входит на веранду ресторана, останавливается около какого-нибудь стола, желает сидящим приятного аппетита и предлагает свое искусство. Некоторые официанты гонят его прочь, а другие жалеют, хотя и не бескорыстно.

Как-то кларнетист остановился около меня и стал исполнять свои немудрящие мелодии. Закончив работу с клиентом, я подошел к дарованию и сказал:

- Молодой человек, я уважаю вас как музыканта, но это не повод, чтобы дуть мне в ухо.

Он смущенно извинился и ушел в ресторан. Через минуту оттуда выскочил официант.

- Батя, не трогай его или сам уйдешь отсюда!

Во избежание конфликта я сел в стороне. Молодой человек благополучно закончил свое выступление. Пока он играл, мне стало ясно: посетители веселого заведения платят ему, но играть просят подальше - показывают на другую сторону улицы.

На фоне нашего безделья продолжает работать молоденькая, в русых кудряшках продавщица мороженого. Круглые очки в серебристой оправе придают ей несколько комический вид. Она так искренне рекламирует свой товар, в ней столько непосредственности и очарования, что женщины невольно улыбаются, а мужчины, всегда предпочитавшие горькое, покупают сладкое.

Однажды девушка долго наблюдала за мной, потом подошла и сказала:

- Здравствуйте! Меня зовут Светой. Можно задать вопрос?

- Здравствуй, деточка! Меня зовут Ардальоном Филипповичем. Спрашивай, я весь внимание.

- Что вы делаете с людьми? Они садятся к вам грустные - уходят веселые... как в сказке. Я не понимаю...

- Люди слушают рассказ о себе. Интересно для каждого, не правда ли, Света?.. При этом они обретают душевный покой. Что это такое, поймешь со временем... Пока запомни одно - я помогаю людям.

Через несколько дней Света попросила посмотреть линии ее ладоней: не все, а, как смущенно сказала, самые главные. Ясно, что чаще всего волнует девушек. Я посадил ее на стульчик клиента, подобный моему, раскладной и деревянный, обтянутый зеленым брезентом, и углубился в изучение линии Брака. Нам повезло: эта линия обещала юной особе счастливое и долгое супружество... Услышав такое, Света зарделась румянцем, глаза под очками стали светиться, а я подумал: «Вот и ты преобразилась, как в сказке». Она угостила меня мороженым, оно действительно оказалось вкусным.

Край черной тучи выдвинулся из-за каменных башен и завис над узкой улицей. Потемнело. Полил густой дождь и разогнал праздную публику. Но тут, как в кино, меж водяных потоков появились молодые московские йоги и начали свое представление: один стал упражняться на скользкой брусчатке, другой выкидывать номера на битом стекле.

Следом атлеты в плавках приняли вычурные восточные позы, закрыли глаза и замерли в созерцании прекрасных образов, создаваемых их фантазией. Струи дождя омывали мускулистые, закаленные, подвластные только духу тела. Я стоял под навесом магазинной витрины и любовался зрелищем.

Посетители ресторана видели представление через широкие оконные проемы деревянной террасы. Шел дождь, а публике было уютно и весело. Кто-то пустил по столам поднос. Когда дождь закончился, официант вышел на улицу, и лица артистов осветились белозубыми улыбками: денег хватит на несколько дней сытной жизни. Раньше, как пел Высоцкий, «йог мог» обходиться святым духом. Нынче созерцателям приходится думать и о пище телесной.

К концу выступления йогов подоспел местный житель, музыкант Юра. С лихорадочным блеском в стеклянных глазах он объявил, что двенадцатый день в запое. Запрокинув голову, Юра устремил в небо трубу. На всю столичную улицу зазвучала мелодия городских окраин, нетленка «Мурка». Абориген сыграл от души, но за концерт ничего не получил: дела надо делать вовремя! Тогда он стал решать вслух сложнейшую задачу: не то съездить в деревню, нарвать ландышей, продать букетиками и наконец опохмелиться; не то пойти менее романтическим, но коротким и проверенным путем - «трясхнуть» француза, что снимает у него квартиру.

Юра тоже озабочен проблемами счастья и везения в жизни. Он предложил мне посмотреть его ладони. Я согласился, хотя обычно не читаю линии у тех, кто во взвинченном состоянии. Как и следовало ожидать, у нас ничего не получилось. Разъяренный музыкант объявил, что прогнозирую я хреново - с точностью до наоборот, и все-таки милостиво разрешил заниматься моим ремеслом под его окнами.

Между тем, туча снялась и уплыла на восток. На западе выглянуло солнце, тронуло последними лучами стены домов. Я вернулся на свое место. Подошла молодая женщина: платье на стройной фигуре невероятного покроя, вьющиеся каштановые волосы, задорная улыбка, в живых глазах любопытство. «Хороша лапушка! Когда-то я влюблялся в таких за один тур вальса. Когда-то...»

Пригласил молодушку сесть и стал «рисовать» ее психологический портрет, но в сумочке у нее зазвонил сотовый. Из разговора я понял: звонок из Италии, у аппарата подруга по туристическому бизнесу, русская эмигрантка. Их деловой разговор перешел в светский:

- Где ты?

- На старом Арбате.

- Чем занимаешься?

- Гадаю у хироманта.

Последовала пауза, за ней - почти монолог. Клиентка поднесла мобильник к моему уху.

- Динара, ты этого не поймешь. Здесь тоска, ностальжи... Вокруг тебя - наша Москва, моя улица... И твою ладонь держит тайновидец... Как я завидую - сейчас заплачу. Не отключайся!

- Майя, ты разоришься!

- К черту деньги! Дина, пусть он продолжает!

Пришлось взять сотовый и «вещать на Рим». Психологический портрет Динары, кажется, получился. Конические ладони, удлиненные пальцы и ногти, а главное, рисунки некоторых линий показали, что женщина романтичная, имеет успех у мужчин. В работе пока не очень удачлива, вероятно потому, что претендует на ведущие роли, хотя по складу характера исполнительница...

Кто только ни раскрывал мне свои ладони на этой улице: юная содержанка и многоопытная дама из торговли, белолицая английская леди и грациозная нигерийка, молодой доктор философии и старый рэкетир, - но настоящее испытание начиналось, когда приходили люди искусства.

И вот, один из них осчастливил меня. Во взгляде мужчины читалась снисходительность, углы рта подрагивали усмешкой недоверия. Однако сел ведь ко мне. Значит, скептик в нем тоже хотел получить ответ на сокровенные вопросы: кто он и что его ждет. На ладони был весь набор знаков творческой одаренности, только подкачали символы везения и удачи, не выстраивалась древняя фигура Власти. Как сказать ему об этом?..

Он уловил мои колебания и подбодрил рокочущим басом:

- Не стесняйтесь, кройте как есть, не обижусь.

Тогда я решился:

- С талантом у вас все в порядке, но удачливость, по-моему, не на пять баллов.

Иронию в глазах будто погасил выключатель, крупное лицо чуть побледнело.

- - Да, я человек искусства, кинорежиссер. Было громкое имя. Но молодые стали опережать, начались простои... Меня забывают. Да что там, забыли уже! Мои фильмы, оказывается, не кассовые... А я не в состоянии делать хуже, чем могу! Чтобы прокормиться, занимаюсь черт знает чем. Сегодня снимаю здесь рекламный ролик. Я - и реклама?! Вот заметил вас. Как одолеть себя?.. Это мучительно, невыносимо... И, что интересно, было столько поклонниц - где они теперь?..

- Я постарался успокоить мэтра:

- Не вижу знаков долгого невезения: кармических барьеров, тупиков судьбы... С другой стороны, без пересмотра некоторых взглядов вам не обойтись. Тут я мог бы оказать практическую помощь. Однако должен предупредить: коррекция через душевную боль - это очень тяжело... А поклонницы? Уверен, вы еще встанете на ноги, потому что сохранили чувство юмора.

Он улыбнулся и достал записную книжку, мы обменялись номерами телефонов.

Так проходили мои дни у ресторации «Панчо Вилья», хотя рекламные концерты случались там нечасто. Сегодня то место трудно узнать: кирпичное здание на капитальной реставрации. От него сохранился один фасад с проемами окон, где гуляет вольный ветер. Дом восстановят. Если деревянной террасы с кухмистерской в стиле «латинос» здесь больше не будет, она останется в моей памяти.

А в премудрости хиромантии, мой уважаемый читатель, мы будем углубляться постепенно: такова метода, так задумано.

2. БУДЬТЕ ПИСАТЕЛЕМ!

...Поезд «Крейцеровой сонаты» переехал судьбу мою.
А.Наугольный

Как я дошел до жизни такой?

У меня, жителя северного города Палисадова, внезапно начались ночные приступы тяжелейшего удушья. Прогноз не вызывал сомнений: несколько лет одинокого прозябания - и белая березка на погосте. Но я проявил активность, а терапевты подсказали, что белую березку можно отсрочить, если пройти основательное климатическое лечение на южном берегу Крыма. Хотя, как это сделать практически, никто не знал. Потеря работы в Палисадове?.. Трудоустройство на юге?.. Статья за тунеядство?.. Профсоюзный начальник с мясистым подбородком и сочувствующим взглядом выразил глубочайшее сожаление, что у меня астма, а не чахотка: в этом случае поехал бы к Черному морю по санаторной путевке.

Однако времена уже менялись, в разгаре была Перестройка. И я решился на отчаянный шаг - уволившись с работы, отправился на все лето в крымский город Киммерийск. Будучи врачом, чем только ни занимался там в одном из медицинских кооперативов: лечил шахтеров массажем от радикулита, старушек - гипнозом от бессонницы, детей - по методике от заикания. Скажу коротко, меня поддержали добрые люди и мне повезло: вернулся домой посвежевшим, помолодевшим, а главное, с легким дыханием. Северян южный климат иногда воскрешает.

Но опытный специалист предупредил меня: «У вас не выздоровление, а только улучшение, болезнь может возобновиться в любое время». Поэтому следующим летом я снова выехал на юг.

К тому времени произошли известные события девяносто первого года: распался Советский Союз, Крымский полуостров стал заграницей, началась безработица. И те же самые люди, мои добрые знакомые, уже не могли помочь мне ничем. Возвращаться домой?.. А как пережить грядущую зиму?.. Мои деньги позволяли задержаться в Киммерийске еще на несколько дней. Я шел по набережной под освежающим бризом. Вода вблизи была зеленоватая с белыми барашками волн, вдали - темно-синяя, горизонт выделялся насыщенно-черным цветом. В общем, не было его для моего завтра, совсем не было.

Нарядная публика начинала вечерний променад: шли красивые беспечные женщины, уверенные в себе мужчины. Улыбки, смех и музыка. На всех перекрестках играл если не оркестрик, то аккордеон. На одной из скамеек сидела женщина с большой лупой в руке и живописной рекламой хиромантии. Я, сроду не веривший ни в какой оккуль-

тизм, сел к ней: в таком уж был состоянии. И она поведала, какие испытания начались в моей жизни... Гадалка говорит правду?! Это так удивило меня, что поделился с ней своим горем.

Выслушав и поразмыслив, она сказала:

- Подойдите ко мне завтра. Может, придумаем что-нибудь.

На следующий день Августа Васильевна, так звали гадалку, встретила меня словами:

- Есть работа на звероферме. Запишите адрес. Это не находка, но все-таки... Освоитесь - приходите сюда.

Я долго и настойчиво стучал в калитку добротного каменного дома на окраине обветшавшего города. Наконец вышла миловидная заспанная женщина в желто-зеленом халате с кистями. Она грубовато представилась хозяйкой фермы. Выслушав меня, посмотрела испытующе и предупредила, что мех нутрий пользуется сейчас большим спросом, но болотный бобр любит уход, полноценный корм.

Когда обговорили условия, хозяйка отвела меня в сараюшку, показала дощатый стол и топчан: «Здесь будешь обедать и спать». Потом предложила надеть брезентовую робу, резиновые сапоги и провела к железным клеткам, где я впервые увидел множество светло-коричневых зверьков с белыми саблевидными зубами; животные были размером от мыши до большого сибирского кота.

Мог ли подумать еще вчера, что сегодня займусь звероводством?.. Вначале побаивался залезать в клетки. Нужда заставила преодолеть страх. Так начался мой труд по колено в воде, по локоть в дерьме. Случись подобное батрачество несколько лет назад, я мог сойти с ума от унижения. Но испытания сделали свое дело: я уже смирил свою гордыню и мечтал только об одном - как встать на ноги, вернуться к полноценной жизни.

Через неделю, закончив дневную работу, принял душ, переоделся, перекусил и, надушив носовой платок любимым одеколоном «Спортклуб», отправился на встречу.

Гадалка, увидев меня, посочувствовала:

- Там непросто... Вы осунулись.

- Не без вашей помощи, Августа Васильевна!

Она улыбнулась.

- Если шутите, значит, справляетесь. Продолжайте в том же духе... А я приготовила вам сюрприз. Опекать так опекать! Хотите, научу хиромантии?

- Ну, конечно! - ответил я из вежливости. Не мог же сказать этой даме: не хочу.

- Я тут думала, смогу ли обратить в свою веру врача-психиатра?.. Доктора считают нас шарлатанами. Отбросьте предубеждение, испытайте себя! Наше ремесло особое. Если

хватит упорства, вам откроется нечто необыкновенное! Впрочем, все увидите сами.

Слова гадалки заинтриговали меня. К тому же я помнил, каким правдивым был ее рассказ обо мне.

- Сделайте милость, Августа Васильевна!

Стал приезжать к ней почти каждый вечер. Она занималась с клиентом, я наблюдал. Когда он уходил, она отвечала на мои сумбурные вопросы: «Неужели так бывает?.. Разве это возможно?.. Не укладывается в сознании!» Случалось, и во время сеанса она, волнуясь, показывала мне характерный знак.

Теперь все свободное время я штудировал специальную литературу, которой снабжала меня Августа Васильевна, спал не больше четырех часов в сутки. «Неужели все в нашей жизни чем-то предрешено: победы и срывы, триумфы и катастрофы?..» У меня возникали сомнения, особенно философского характера, ведь сокровенные древние знания отрицали догмы материализма, с которыми жилось скучновато, но спокойно. «А что взамен?.. Туда ли иду?..» Овладев азбукой хиромантии, я стал получать подтверждения достоверности магических знаков от клиентов; в дальнейшем это сыграло свою роль в моем мировоззренческом обновлении.

Мы стали засиживаться на набережной, а темнеет на юге рано и быстро. Для освещения ладоней использовали импортный фонарь с аккумулятором и лампочками дневного света. Моя наставница изучала линии, я в роли ассистента держал фонарь. Как-то она заметила:

- У вас дрожат руки, Ардальон Филиппович! Представляю, сколько тонн силоса прошло через них. Крепитесь!.. Если все хорошо, в следующем году будете работать на соседней скамейке.

«Хорошенькая перспектива...» - подумал я.

Хозяйка зверофермы томилась в одиночестве. В один из вечеров, когда я не ушел на

набережную, в мой сарайчик вошла ухоженная шатенка с многообещающими глазами, одетая в сиреневую кофточку навыпуск и короткие шорты, села на расшатанный стул - он чуть скрипнул. Забросив стройные ноги одна на другую, она закурила «Marlboro». На этот раз сам герцог был бы в восторге, но пахну`ло сивушными маслами.

- Видела тебя на набережной. Интересно, что ты делаешь рядом с Августой? - сказала она игриво.

- Учусь хиромантии.

- Ты... этой самой хе-хи-романтии?! - хозяйка поперхнулась дымом. - Ты же был врачом?

- Диплома меня никто не лишал.

- Но врачи лечат, а ты...

- Я же рассказывал вам свою историю.

- Ах, у всех свои «истории», одна жалостливей другой... Я думала, ты бомж. Хорошие мужики не идут на такую работу. Ученик Августы?.. Чудеса! Городок наш маленький, ее знают все... Какой она была! Миниатюрная, личико нежное, глаза зеленые. И пышные рыжие волосы. А умница, скромница!

Женщина с наслаждением затянулась сигаретой. Мне оставалось только любоваться ее мастерством: кольца дыма становились все больше и таяли в воздухе под низким потолком убогого жилища. Ведь знала, что я без денег, но так и не предложила... А, может, это и хорошо - мне же очень вредно курить. Стул под ней нежно поскрипывал.

- Потом она вышла за художника, нарожала детей, стала как все. Но почему ты и - Августа?.. Знаешь, сколько местных набивалось к ней в ученики?.. Не тут-то было! Мы учились в педагогическом. Я на биофаке. Она окончила физмат, увлеклась астрологией, приложила ее к хиромантии и создала свою методику. Я пыталась, да не получилось. То же и в личной жизни...

Тут дама задала неожиданный вопрос:

- А как относится к твоей учебе ее ревнивый муж?

- Однажды подошел, недовольный.

- Ну и что?

- Она его прогнала.

Хозяйка откинулась на спинку стула, который заскрипел угрожающе.

- Не может быть! Лань превратилась в тигрицу?! Наша милая Августа... Ради тебя? Да кто ты такой?.. Ты врешь или она сошла с ума.

Фермерша закурила новую сигарету, немного успокоилась.

- А ведь ты, прохиндей, так и не рассказал, чем соблазнил ее.

- Вышло само собой. Наверно, добрый нрав Августы Васильевны... Опять же, мою историю она узнала не по рассказу.

...Приблизилась бархатная киммерийская осень, ночи стали прохладными. Вода в море тоже начала остывать. Как запоздалая страсть больного Антона Павловича Чехова к неуловимой Книппер-Кармен... Я подошел к своей покровительнице, чтобы на прощание поцеловать ей руку, и спросил:

- Что сподвигло вас оказать мне помощь, Августа Васильевна?

Она в раздумье опустила глаза и тихо ответила:

- Если бы я знала... Ко мне нередко садятся люди тяжелой судьбы. Смотрю линии, рассказываю прогноз и расстаюсь, а вы... Думаю, вам начинают помогать помимо меня.

- И замолчала, вглядываясь: понимаю, нет?.. Я вспомнил, как она просила не задерживаться на ферме, как мельком отмечал, что с моим приходом набегает очередь клиентов. Относил это к экзотичности обстановки: богатая декоративная зелень, на скамейке сидит гадалка, ее рыжие с проседью волосы стянуты узлом, на шее шарфик цвета морской волны, а рядом немолодой, представительный мужчина с любопытством заглядывает в чужие руки. Тут же на эту картину наложилась другая: измотанный поденщиной, добираюсь до набережной, шатаюсь от усталости, но стоит присесть, как появляется бодрость и желание работать, будто кто-то подталкивает меня.

Мудрая Августа Васильевна поняла все быстрее, чем я, но и мне втайне хотелось так думать. Она ввела меня в другое измерение человека не через умозрительные схемы, а с помощью простенькой стеклянной лупы и живых символов, которые бороздят ладони каждого. Учебные пособия имели второстепенное значение.

Мое отношение к оккультизму менялось. Но сердце замирало от мысли, что с новым взглядом на мир не смогу вернуться к своей профессии, хотя учился лечить в лучших клиниках страны, меня любили больные, уважали коллеги. Неужели впереди - набереж-

ная и статус «свободного художника»?.. Успокаивал себя тем, что это временно.

Прошло несколько лет. Я выскользнул из цепких лап болезни и нужды. Жил в своем родном Палисадове, трудился на оккультном поприще в кооперативе. По местному радио регулярно звучала немыслимая в прежние годы реклама: «Спешите, спешите! Вас ждет хиромант!» В кругу дам она вызывала шорох.

Однажды на прием пришла моложавая женщина из тех, что называют жгучими брюнетками.

- Давно хотела навестить оккультиста, а вас нет и нет. Вчера, наконец, услышала...

- Хиромант Ардальон Филиппович к вашим услугам.

- А я человек искусства, прозаик Римма Степановна Корешкова... «Что может быть прекрасней мистики!» - сказал великий Эйнштейн. Если бы вы знали, уважаемый Ардальон Филиппович, какие таинственные случаи наблюдались в моей жизни. Абсолютно неподвластные логике! Судьба - вот единственное объяснение таким чудесам! И они, именно они давали толчок для полета воображения.

Трезвый опыт подсказывал мне, что словеса Корешковой - бредоподобные фантазии. Однако это же наводило на мысль о каких-то редкостных качествах женщины... Линии ее ладоней показали не только богатую творческую одаренность, но и текущие испытания в личной жизни, грядущие проблемы со здоровьем - в общем, картина открылась сложная. Дама несколько притихла.

- Скажите, Ардальон Филиппович, эти шифры меняются?

- Да, в течение всей жизни.

- Тогда будем дружить. Верьте мне! Но почему вы так долго отсутствовали?

- Летом уезжаю в Москву, работаю на старом Арбате.

Собравшись было уходить, она снова присела. Черные глаза заблестели.

- Как интересно! Я училась в столице, люблю эту улицу... Хиромантия - сколько человеческих судеб! Магия таинственной древней игры... Вы не пытались писать?

- На темы истории, в документальном жанре, - ответил я на неожиданный вопрос.

- И что вас побудило?

- Да интерес к прошлому. Он был у меня со школьных лет.

- Это уже неплохо. Поднимите свои публикации, покажите мне.

Писательница ушла. Я отвез ей две книжки. И вскоре она позвонила:

- Верьте мне, вы могли бы писать художественную прозу: достаточно богатый язык, местами интересно... Но вы скованны, чего-то стесняетесь, не используете свой жизненный опыт. Мой вам совет: начинайте сочинять.

- Римма Степановна! Вы же понимаете, мои труды - всего лишь краеведение, историческая журналистика. Для прозы нужно другое...

- А что вы теряете?.. Думаете, потрясающая мистика Эдгара По возникла на литературном столе?.. Ошибаетесь: он много испытал! Можно без этого написать его новеллы о женщинах или знаменитое стихотворение «Ворон»?!

- Эх, куда вы загнули! Выдающийся поэт и прозаик.

- К чему же тянуться, если не к вершинам?.. Верьте мне!

Она на минуту задумалась.

- Извините, я отвлеклась... Знакомы с творчеством Оскара Уайльда?

- Разве что по роману «Портрет Дориана Грея».

- Его рассказ «Преступление лорда Артура Сэвила» слабее других: автор... не знал хиромантии, - продолжила она.

- Значит, по-вашему, заткнем за пояс классика?!

- Никого не надо затыкать. Вы - это вы, в чем и прелесть! Вообще, самое гениальное - факт жизни. Верьте мне!

Куда же она меня манит?! Ни больше ни меньше, как овладеть литературным жанром. А вдруг начнет что-то получаться, заражусь графоманией - и снова поворот судьбы. Одна женщина спасла, другая погубит... Достоверных знаков творческой одаренности на моих руках не читается.

Жизнь окружающих всегда представлялась мне пресноватой. Душа смутно алкала какой-то иной доли, пусть трудной и опасной, но интересной. Да у кого не тосковала она по некому таинственному вертограду?.. Кому неизвестно чувство грусти по чему-то настоящему, но недоступному?.. Изредка кажется, что оно приблизилось. Наверное, это состояние и называют счастьем. Фантазии госпожи Корешковой все-таки захватили меня. Я забыл, что сходить с проторенного пути - лотерея опасная.

3. ПОЛИНА И ЧЕРТИК

Конечно, Париж и Монмартр стоят мессы, но Арбат... это Арбат.

Мои незабвенные друзья - уличные артисты баянист и певица - обладали явно не общим выражением своих физиономий. Когда Полина Акимовна, женщина гренадерского роста, с классической полнотой и сизым носом-картофелиной, выводила свою коронную руладу «Парня молодого полюбила я...», прохожие столбенели от избытка чувств: смеяться неудобно, не смеяться невозможно. Однако в картонную коробку сыпались мелкие купюры: тетя Поля - психолог!

Главную программу вел ее муж Веня. Маленький, страшноватый, на кривых ножках, он напоминал мне озорного и зловещего карлика из «Лавки древностей» Диккенса. Он пропил все, в том числе память. Его поводырем по улицам была жена. Он забыл ноты, но, истинный музыкант, сохранил гармонию звуков в своем сердце. Играл на уровне сильного студента консерватории, вышибленного с последнего курса за какой-то подвиг. Мог объяснить происхождение любого попурри, что исполняли неподалеку его конкуренты скрипачи, флейтисты, аккордеонисты, и виртуозно их переиначивал, за что получил кличку Чертик.

Общительную Полину Акимовну там знали все: от владельцев кафе до патрульных милиционеров. Она рассказывала мне о своей жизни: как бездетная вдова приехала лимитчицей из Сибири. Ее познакомили с москвичом, который вел образ жизни пещерный. Она увидела незабываемое зрелище: в его квартире на первом этаже, унаследованной от родителей, сохранился единственный предмет домашнего обихода - изгрызенный крысами деревянный сундук. На этом ложе и кемарил баянист без баяна.

Далеко не пять минут жизни отдала тетя Поля, чтобы отмыть, откормить Веню, а его непрерывный запой перевести в запои периодические. Отучила и от рукоприкладства, по старой народной методе - клин клином вышибают. Правда, однажды перестаралась, не соразмерила силу удара, чуть не отправила своего подопечного раньше времени на вечное поселение. Бедняга рухнул навзничь, захрипел, посинел. Но отдышался, отлежался, отпился куриным бульоном - и превратился из дикого почти в ручного, а свою благоверную стал нежно называть: «Бандитка!» Настал день, когда сибирячка вручила воскрешенному москвичу баян, на его лысину надела белый картуз - для имиджа.

Приготовления к грядущей зиме - животрепещущая тема в разговорах Полины Акимовны. Она сумела купить мешок муки, и относительно недорого. Еще бы мешок сахару надо, да успеть по сегодняшней цене, мечтала она, тогда им с мужем зима не страшна. Как-то она угостила меня пирожком с яблочной начинкой, после чего не осталось сомнений в ее кулинарном искусстве.

Позднее жизнестойкая женщина поделилась со мной самым сокровенным:

- Мой-то начитанный, и все законы знает. Двадцать лет отсидел! Он у меня настоящий интеллигент, пока не напьется и не описается. Да только пенсия у нас одна.

- А Венина? - спросил я невольно.

- Какая может быть пенсия у черта?! - с гневом воскликнула Полина Акимовна.

Но глаза! Они у тети Поли смеялись.

Она продолжила:

- Никого не обидела, а женщины нашего района меня побаиваются. Зайду в парилку - загалдят, разбегутся, будто бешеная пришла. Люблю пар по-сибирски! Так поддам, что их обжигает, а мне одно удовольствие. Больная во всех местах, сердце слабое, не посплю днем - вечером мне плохо, а без хорошего пара банька не банька... Не видали эти бабы настоящих-то хулиганчиков, как у нас в Сургуте!»

Помню одну сценку: молодой мужчина, почти юноша, вручил певице букетик цветов. Она растаяла от счастья. Веня вскочил и выплеснул импровизацию на тему русских народных песен, от которой у слушателей появляется приятный холодок под сердцем, у самых чувствительных - слезинки на ресницах. Чертик еще и добавил: «Фраера хохмят, что у меня память западаит, а я и без нее играю лучше их!»

Конечно, я предложил своим добрым знакомым услуги хироманта. Полина Акимовна отказалась: грех. Веня - тоже: испуганно забормотал про какой-то гипноз.

Однажды среди праздничного шума шансонье и портретистов крепко подгулявший молодец, возможно, вспомнив своих родителей, в благородном порыве отвалил моим друзьям пачку стодолларовых банкнот. Полина Акимовна и Веня опешили, потом возликовали и, торопливо собравшись, направились домой, никого вокруг не замечая. Тут ко мне подлетела мороженщица Света, на ходу поправляя круглые очки.

- Ардальон Филиппович, беда! Тетя Поля и Веня получили большие деньги... За ними пошли...

На дворе поздний вечер. Маршрут стариков я знал: бывал в гостях. Быстро сложив в сумку вещи, поспешил к станции метро. На Киевской я перешел на кольцо, не увидев своих друзей. Направился к Проспекту Мира, там у них еще пересадка. Ритмично стучали по рельсам колеса электропоезда, с надрывным воем набиравшего скорость.

Где-то впереди меня Полина Акимовна и Веня. Они мысленно уже окунулись в счастливую жизнь: больше не поедут на Арбат в жару и холод, не будут играть и петь до изнеможения, изображать строгую бабушку и веселого дедушку, а станут сидеть дома, у телевизора; тетя Поля рачительно поведет хозяйство, будет варить уху из консервированной кильки, испечет пирожки с капустой; Веня, несмотря на плохую память, не забудет пропустить рюмашку водки. Напротив них, на скамейке полупустого вагона, наверное, сидят молодые люди с безразличными лицами. Но, если бы Полина Акимовна или Веня посмотрели на них внимательно, парни отвели бы глаза.

На Проспекте Мира моих друзей не было. Тревожно екнуло сердце: «Богатеи мои милые, зачем вы так спешите?.. Откуда такая прыть?..» Поехал до Рижской. «Должен догнать хотя бы на выходе из метро! Ведь дальше им не миновать большого подземного перехода...»

На выходе внезапно остановился эскалатор - явление редкое. Стоящий выше меня здоровенный парень повернулся ко мне и зарычал: «Зачем ты это сделал?!» Параноик?.. Сейчас он ударит меня, и я уж точно не успею. Но движение эскалатора возобновилось, парень отвернулся.

Вот и большой подземный переход. Он почти безлюден. Я быстро спустился, сжимая в руке газовый баллончик, прошел метров пятьдесят, повернул и застыл в ужасе... Что я увидел, передавать не стану: слишком тяжело, - к тому времени я полюбил этих стариков. Видимо, они не отдавали денег и сгоряча подняли шум. Венина испитая душа отлетела тут же. У Полины Акимовны пульсировали сонные артерии. Придя в себя, я вызвал скорую. Организм женщины еще боролся за жизнь в реанимации, но тщетно.

Иногда представляю своих друзей, усталой походкой бредущих поздно вечером к станции метро. Баян в футляре несет певица: жалеет мужа. Мороженщица Света заплакала, узнав о гибели наших артистов. Теперь грустно улыбается, когда мы вспоминаем их концерты.

Судьба Полины Акимовны и Вени потрясла меня. Я дал себе слово рассказать о них людям. А когда показал текст Римме Корешковой, она отозвалась похвально, сделала некоторые поправки и подсказала название. У меня оставались сомнения: может, поощряет для стимула?.. Нет, и другой прозаик одобрил рассказ. Так я стал литератором: давно известно, если человек начал сочинять - не сочинять он уже не может.

4. КОЛЕСО ФОРТУНЫ

День угасал нехотя. Багровый закатный луч скользил по стеклам окон серых домов. Работы у меня не было. Я сидел, читал газету. По Арбату двигался, шуршал людской поток. Вдруг один из проходивших около с криком «Ты немец!» ударил меня чем-то по плечу. Я вскочил и увидел человека в рубище, с перекошенной физиономией. В руках - металлический стержень. Этой пикой он попытался ткнуть меня в живот. Увернувшись, я выхватил из кармана газовый баллончик. Плотная струя перца ударила в рот, изрыгающий ругательства. Нападавший выронил стержень, схватился за лицо и молча отступил.

Люди безучастно шли своей дорогой. Я поднял с мостовой «оружие пролетариата». То была алюминиевая трубка, на которой крепится зонт уличного торговца, крючок на ее конце был подвижным. Не мог он таким прибором искалечить меня. Ущербная личность, на нее ли обрушивать гнев?.. Зачем же я брызнул перцем?.. Но ведь не было времени изучать его пику.

Это происшествие заставило меня задуматься кое о чем. Много было рассказано в литературе, искусстве о бродяге. Какие неожиданные превращения и занятные приключения изгоя предстают нам со сцен театров, полотен киноэкранов, книжных страниц! Этот горемыка волнует сердца читателей и зрителей, вызывает интерес и сочувствие, но не презрение и злость. Почему так?..

Прошло несколько дней. Я был на том же месте. Подняв голову от газеты, вдруг увидел знакомое лицо. Передо мной стоял тот же, принявший меня за немца полубезумный, с большой суковатой палкой в руке. Я вскочил, пальцы невольно скользнули в карман.

Он в упор глядел на меня, как будто что-то припоминая. На этот раз одет был прилично, худой и бледный, в выражении лица ничего зверского.

Выдержав хорошую паузу, незнакомец неожиданно улыбнулся и заговорил глуховатым голосом:

- Не тревожься, батя! Прессовать не станем. Ты молоток: в обиду не даешься. Меня прости - я был бухой. Вот гулял, увидел тебя и вспомнил... А так все бы забыл.

Он уважительно высказался о моем ремесле:

- Ты говоришь им хорошее - плохого у них своего хватает. Все гут... Раз надежда жива, остальное сами додумают.

Постоял еще немного, потоптался... и предложил выпить. Я неожиданно для себя согласился. Мой старенький дядя когда-то внушал мне: «Много ли надо ума для общения с человеком, который проучился пятнадцать лет? Ты, Доля, юноша праздный, найди-ка общий язык с тем, кто пятнадцать лет отсидел! Вот тогда я поверю: у тебя голова, а не пустая колокольня с вороньими гнездами. И сам ты никуда не скатишься». Мой недавний обидчик назвался Игнатом, присел на стульчик клиента, извлек из сумы бутылку водки «Абсолют» и два пластмассовых стаканчика, хитро взглянул на меня и пробурчал:

- Ну, что... За Нобелевскую премию мира! Ты, надеюсь, не против?..

Выпили, закусили свежим луком. Водка была первосортная, сразу захотелось жить. И московская толпа показалась родной, будто и не здесь я, а в своем допотопном, но близком сердцу Палисадове. Мы закурили, и горький дым поплыл над улицей, делая более сносной нашу маленькую жизнь.

По просьбе Игната я сосредоточился на его ладонях. Там читались обычные линии, если не считать отчетливого знака Закрытого пространства. Еще обратили на себя внимание характерные метки, которые в хиромантии мудрено называют саморазрушительными тенденциями. Похоже, что Игнат сильно поскользнулся на чем-то в жизни и встать уже не сумел: человек слаб, а «тенденции» очень сильны.

Оказалось, что он отсидел большой срок и возвращается домой. Милиция уничтожила его документы. Теперь он бомж и застрял в Москве. Я посочувствовал Игнату:

- Доедят вас здесь. Прорывались бы на родину. Там скорей помогут... Влюбились бы и помолодели на двадцать лет!

Он посмотрел пристально, без улыбки.

- Двадцать лет? Это еще столько мучиться?!

Мне стало не по себе.

- Где же ваш дом?

- В Псковской области. Да это пустое, бодяга. Родители умерли, сестра куда-то уехала, хата заколочена... Колония перед моим освобождением делала запрос.

- Вот так история! Извините за неудачную шутку. Что же вы собираетесь делать?

Он, чуть помедлив, спокойно ответил:

- Сейчас пацаны подкармливают... Осенью переночую на лавочке в сквере - и амба! У меня туберкулез.

Я поверил, что его кто-то поддерживает, ведь отсидевшие большой срок - своеобразная аристократия городского дна. Чувствовалось, человек не рисуется, он страшно устал: ни гнева, ни сожаления - скорей бы уйти. Вот они, занятные приключения изгоя не в кино, а в жизни... Наконец, Игнат попрощался и неспешно удалился, опираясь на свой суковатый посох.

...Да, он сломался. А ведь это могло случиться и со мной: отец погиб осенью сорок первого, мать вскоре умерла, я их не помню. Меня воспитывала полуслепая бабушка.

Многие подростки нашей области, деревенские, из мелких поселков, послевоенные голодные годы лето проводили в тайге. Они пожирали там все съедобное, что росло, ползало, плавало, летало. Уходили из дома в мае, возвращались в сентябре; ночевали в шалашах или под открытым небом. Случалось, срывались с деревьев, тонули в речных воронках, становились добычей медведей. Выживали сильные, ловкие, смекалистые. Один мой приятель, солидный старик, и по сей день вспоминает то время с ностальгическим удовольствием: «Съешь, бывало, с утра кусочек змеиного мяса, поджаренный на углях, и целый день бодрость в теле необычайная!»

Городские огольцы кормились на базарах и в магазинах. Мой друг Пашка отличался ловкостью рук и вынимал кошелек, как бы глубоко его ни прятали. Моя задача в тот момент была скромней - отвлечь внимание. Среди взрослых, от которых зависела наша судьба, всегда находился благородный человек, который спасал нас от суда и колонии. А камеры детприемника в счет не беру: там и сидели-то мы по несколько суток.

Хлебнули лиха наши учителя. Помню, дружную компанию разбросали по разным классам и объявили об этом по радио. С волнением в голосе девочка-отличница зачитала приказ: нас она презирала. Директор - вечная ему память! - дубиной отечественной педагогики орудовал со вкусом: из школы исключал тоже с треском, а восстанавливал втихаря, не попрешь же против закона о всеобуче.

За несколько дней до выпускных экзаменов Петрович, так за глаза звали мы директора, вывел классы в актовый зал на линейку и заклеймил позором Пашку. Вина его была в том, что он встретил Петровича на улице и не поздоровался. «Этому молодому человеку, носителю антикультуры, мы собираемся вручить аттестат зрелости»?!» - гремел директор. Педагоги поглядывали на своего руководителя с гордостью: есть порох в пороховницах, орел! Мы удивлялись: такое сборище из-за пустяка, не это случалось, уж Пашка-то созрел не только для аттестата.

Только на выпускном вечере мы узнали от Пашки подробности дела. Он играл на баяне, обслуживал семейные торжества. В тот раз свадьба двигалась по деревянному тротуару от дома к дому. И надо же - какое совпадение! Навстречу ей появился аккуратно одетый мужчина лет сорока пяти, хмурое, сосредоточенное лицо, в руке портфель. То был Петрович. Пашке уже не раз поднесли - в голове туман и море по колено. При виде нашего гонителя он не растерялся, а спел озорную частушку под собственный аккомпанемент. Гений перековки трудновоспитуемых выронил портфель.

Одного приключения тех лет мне не забыть. Стоял теплый летний день; с нежно-голубого неба смотрело ласковое солнце. В юности от такой погоды ликует сердце. Я шел по улице и вдруг увидел: навстречу идет парень из враждебной шайки. Оглянулся - еще один! Я встал спиной к деревянному забору и выхватил нож, с которым тогда не расставался. Меня захлестнула злость: двое на одного!.. Столько лет прошло, а помню все мелочи: лезвие, остро заточенное, твердое, держал у бедра - пырнул бы в живот первому, кто приблизится. Увидев оружие, парни остановились, потоптались и ушли. У меня потемнело в глазах, навалился на забор, стал сползать на землю. Очнулся на спине, открыл глаза: на доске синевато-прозрачные крылья стрекозы. Она тут же упорхнула - и осталась в памяти навсегда. Бог миловал: парням и мне повезло... А бедняге Игнату везенье когда-то не улыбнулось.

Стать на путь истины мне помогло несчастье: заболел ревматизмом сердца. Лежа в больнице, влюбился в шуструю медсестру-эстонку. До сих пор помню ее непривычное имя - Виик Марет. На мои бесхитростные знаки внимания она ответила насмешкой. Не знаю, что сыграло главную роль - перенесенная болезнь или безответная любовь, но я стал серьезней относиться к учебе. А когда поступил в Горьковский медицинский институт и окунулся в новую среду, почувствовал, что преодолел какой-то невидимый барьер.

Забавный вид имел я в студенческой аудитории на первом курсе. У однокашников модельные стрижки, стильные пиджаки, брюки-дудочки и ботинки на толстой подошве. У меня стрижка наголо, кирзовые сапоги, об одежде лучше не вспоминать. Однако, когда в учебной группе спросили, что подарить ко дню рождения, ответил: «Галстук».

Бабушка умерла, моя связь с Палисадовым почти прервалась. Учебу я совмещал с работой санитаром, на старших курсах - фельдшером. В каникулы общежитие пустело. В свободное от дежурств время я наслаждался тишиной, иногда выходил размяться на баскетбольную площадку, много читал. Среди наших преподавателей встречались чуткие люди, любителям книг они давали списки хорошей литературы.

Было у меня еще одно увлечение. Заразился им в школьные годы, в большом городе стало больше возможностей для приобщения к нему. На окраине, в бывшей церкви, работал скромный кинотеатр повторного проката. Говоря языком современным, то было элитарное учреждение культуры, в котором шли французские, итальянские, польские послевоенные фильмы. Реклама вывешивалась за месяц вперед, видимо, среди местных прокатчиков были люди со вкусом. Туда и уходил я с лекций.

Гас свет. Возникала печальная и светлая мелодия. Появлялись титры с именами французских актеров Бурвиля, Жана Габена, Симоны Синьоре, ставшими сегодня бессмертными.

Некрасивые, угловатые, но добрые и умные герои Бурвиля. Симона Синьоре и Жан Габен - роза в петлице фрака. Итальянские фильмы большого впечатления на меня не производили: наверное, еще не дорос до их восприятия.

Трагедия Польши... В том зале я познакомился с творчеством ее выдающегося режиссера Анджея Вайды, увидел принца и королеву черно-белого экрана Згибнева Ци-

бульского и Беату Тышкевич. Врезались в память названия фильмов: «Крестоносцы», «Под фригийской звездой», «Пепел и алмаз», «Пепел», «Операция Гляйвиц», «Вастерплатте сражается», «Пятеро с улицы Барской».

Если бы я обладал таким даром, то создал бы сейчас поэму, посвященную эпицентру культуры на окраине старинного русского города. Определенно, его открыли люди утонченного мироощущения. За этим ведь целая философия! Западное кино в эпоху советской империи. Ирония и тайна времени: шел послевоенный катарсис, очищение душ по Аристотелю под темными сводами бывшего православного храма.

Я стал больше интересоваться историей и искусством, хотя по-прежнему учился медицине, чтобы иметь надежный кусок хлеба. Жизнь омрачали два обстоятельства: грядущая сессия и угроза потерять стипендию за непосещение лекций. Но хватало сил на все, и настроение часто было приподнятым - вот что такое молодость! А из нашей школьной компании некоторые плохо кончили. Вот и Пашки, который когда-то играл на баяне, пел озорные частушки и ловко изымал чужие кошельки, давно уже нет. У меня хранится его фотография.

...Что-то увлекся я воспоминаниями. Между тем, в арбатской мозаике появился новый штришок. Недалеко от меня остановился православный служитель культа. На груди у него опечатанный ящик с нарисованным крестом, в руках четки. Одет с головы до пят в черное, волосы темные, брови сдвинуты - настоящий ворон, того и гляди каркнет. Вдохновения в нем не чувствуется, радости жизни тоже не заметно, и его опечатанный ящик, наверное, пуст.

А вот к чинному монаху присоединился собрат, тоже в черном, но босой, простоволосый, улыбчивый, на шее позвякивают медные колокольчики. Приятным тенорком распевая псалмы, он стал демонстрировать фокусы: белый шарик неожиданно появлялся у него из рукава, из-за пазухи, из-за уха. Наконец веселый монах положил его на мостовую, сел на него, запрокинул голову, сделал напряженное лицо. И через минуту, к восторгу детей, вынул шарик изо рта. Дела у братьев во Христе пошли веселей.

С чего я начал эту главу? С описания стычки с обнищавшим, бездомным человеком. Я сожалел, что обидел ущербного, стал размышлять, случайно ли образ босяка в литературе и искусстве вызывает сочувствие. Затем погрузился в воспоминания о своей молодости и, по-моему, нашел там ответ на вопрос, почему искусство даже любит отверженного. Казалось бы, кого тут любить?.. Ведь божий лик у него смывает, точно в русской сказке мертвой водой. Но большие художники, прозорливцы другой реальности, чувствуют по наитию слепые игры колеса фортуны. Отсюда симпатичные бродяги Максима Горького, Чарльза Чаплина и других классиков.

5. БЕЗ ФИНТОВ!

Вавилон жил своей жизнью. Текла арбатская толпа. Ко мне никто не подходил. Как скучно сидеть без дела! Одиночество в мегаполисе - давно известная тема... Поневоле обращаешь внимание на мелочи: у сувенирной лавки вспыхнул конфликт, но был быстро замят; над витриной магазина напротив обновили вывеску; в руках у цветочницы на смену белым ландышам пришли голубые незабудки. Уж не от таких ли наблюдений и зарождается искусство?..

Начало смеркаться, читать газету все трудней. Мне стало невмоготу. Поеду-ка в гостиницу... Я принялся укладывать вещи, когда крупный мужчина в помятом полотняном костюме с выпирающими из рукавов кулаками остановился около моей рекламки. Голиаф был поддатый и не один. Друзья стали отговаривать его: «Не время! Как-нибудь в другой раз. Хочешь, мы сами расскажем о твоей линии Жизни?..»

Но мужчина сел и протянул мне руки.

- Давай свисти!

К таким выпадам привыкнуть трудно.

- Извините, я занимаюсь астрологической хиромантией.

- А по мне, хоть хреномантией! Батя, работай! Только без финтов.

Он смотрел с ожиданием и злостью. Лицо еще молодое, а серые волосы поредели, над левой бровью белесый шрам, нос деформирован. Его товарищи, видя, что он предпочел меня, направились в соседнее кафе. «Да, Ардальон, сегодня тебе не хватало этой неприятности! Некоторым дай только раздражение сорвать... Терпение, терпение! Ты же тертый калач, выкрутишься».

Я углубился в расшифровку живых символов.

- Поговорим о линии вашей Судьбы, по-современному - работы, карьеры... Первое дело выбрали по обстоятельствам. Зависимость от хозяина была полная, подчинение беспрекословное, а перспективы невелики... Вижу смену работы и рода деятельности. Взлеты и падения... Наконец дело по интересу. Обретение самостоятельности. Деньги. Долгожданный успех! Но как приходится крутиться для его закрепления! Знак «Вертушка» случайно не появляется...

Я сделал паузу. Клиент молчал.

- Линия Брака - непростая и характерная... Рядом с ней надо искать знак соперницы. Минуту терпения! Еще минутку! Вот он - так называемая Паутинка. Здесь отношения восторженные: цветы, дорогие подарки... Но перспективы не вижу. А брак отравлен - гремучая смесь!

Снова моя пауза и его молчание.

- Вижу отчетливую линию Аполлона. Это интересно! Где же проявилась ваша творческая одаренность: в литературе, живописи, музыке, спорте?.. По другим знакам уточнить невозможно. Утолите мой интерес, прошу вас!

Но в ответ - ни звука. Клиент даже не смотрел на меня. Тогда я выбросил свою козырную карту.

- Самая оригинальная информация с ваших ладоней: у вас нет врагов!.. У всех - есть, а у вас - нет.

Я старался больше не смотреть в глаза зверя. Сколько можно потрафлять его капризам... И постепенно увлекся. Куда девалось плохое настроение! Время стремительно полетело. Моя тактика, кажется, оправдала себя. Клиент заговорил смягчившимся тоном:

- Да, отец, я был боксером.

- Ардалион Филиппович! - вдруг расхрабрился я.

- Чего? А, ну да, Ардальон Филипыч... Был я боксером, стал коммерсантом. Проблемы с женой есть, но разводиться не буду. Если б ты знал, какая у меня половина! Без финтов... Подруги липнут, как мухи на мед. Умом им далеко до моей Катьки. Зато они с изюминкой: не бабы, игра да веселье. Я простой, влюбляюсь по уши. С последней, Галькой, мне было хорошо! Поймал ее на вранье... В боксе все построено на финтах, а по жизни я их ненавижу.

Оказывается, клиент был щедр: обильной мздой подтвердил серьезность моей работы.

- Мой бизнес идет полосами. Сейчас она светлая, я добрый.

А уходить боксер-коммерсант как будто не собирался. В выражении его простоватого лица читались упрямство и любопытство ребенка, который нашел интересную игрушку.

- В натуре, батя. Ты правильно сказал, сегодня у меня почти нет врагов. А сколько их было! Без финтов. Спортсмены имели большие льготы, я разбогател на водке. Стал беситься с жиру, меня вычислили. И началось: делись, делись, делись!.. Дело доходило до перестрелок. Как изучают человека гады! Они поняли, что значит для меня моя Катька, что я ревнивый. И устроили подлянку! Не верю, что эти идиоты сами додумались до такого финта, среди них был бич.

Я почувствовал, что разговорил клиента.

- Как-то вернулся домой поздно. Смотрю - у подъезда мерседес. Около него мужик с бабой целуются взасос. Вдруг она бросилась в подъезд, он - в машину. Я глянул на номера, машина рванула с места. Кто эта баба?.. На мою жену похожа... Ее рост, фигура, шубка, шляпа... Помню, как взлетел на лифте, ворвался в квартиру, собрался забить Катьку насмерть. Заглянул ей в глаза и понял... не может быть. Срамота! Хорошо, что детей не было дома.

Рассказ давался ему нелегко. Он нервничал, но, видимо, хотел выговориться.

- Ночь не спал. Утром затемно поехал к знакомому гаишнику. По номерам мерседеса определили водилу. Организовали встречу... Гад раскололся сразу: его попросили, он лишь шофер. Телку, которая играла мою жену, привез к подъезду. Она переждала на лестничной площадке, пока я вбежал в лифт, спустилась вниз и смылась... Гад умолял простить его. Я держал руки в карманах, чтоб не дать в челюсть. Без финтов! Но он подтвердил: Катька не имела понятия... Я пожалел дурачка, отпустил без последствий.

Мужчина задумался. Между тем сумерки сгустились, зажглись фонари. Продавцы сувенирных матрешек и бижутерии разобрали стоящие посреди мостовой магазинчики. Их место заняли артисты. Один запел под Розенбаума: «Стрелять так стрелять. Лечить так лечить...» Другой завел: «Отпусти мне, батюшка, грехи...» Но благородно зазву-

чала виолончель, и остальные звуки перестали восприниматься.

Клиент встрепенулся.

- Отец, погадай мне еще!

Тонких линий я уже не различал. Однако не обижать же большого ребенка! Мы перешли улицу к хорошо освещенной витрине магазина одежды. За это время я мысленно подготовился. Оттолкнувшись от квадратной ладони и пальцев энергичного дельца, описал характер мужчины. Рассказ об особенностях его широкой натуры, кажется, получился: бывший боксер расчувствовался, крякнул от удовольствия и во второй раз расплатился. Мы познакомились ближе, но Андрей перешел на вы, достал мобильник и проникновенно произнес:

- Ардальон Филиппович, поговорите с моей женой.

Дело принимало неожиданный оборот.

- Захочет ли она?

- Захочет. Вы не знаете моей Катьки! Расскажите ей без финтов, что говорили мне.

- Как ее отчество?

- Не надо отчества.

Андрей вызвал жену и представил меня.

- Здравствуйте, Катерина! Я потрудился над линиями и знаками ладоней вашего мужа. Информация произвела большое впечатление! Если позволите, поведаю и вам кое-что.

- Вы считаете, я хуже вашего знаю самого близкого мне человека? - раздался голос московской барыни, уверенный, с переливами тембра, несколько раздраженный.

- Что вы!.. Что вы!.. Я так не думаю. Но специалист все-таки замечает тонкости, о которых другой не догадывается... Не вижу у Андрея впереди легкой жизни, но главные трудности позади.

- Вы можете это гарантировать?!

- Извините, Катерина, но гарантии дают в магазинах... Оккультист лишь приоткрывает завесу над программой, что идет свыше... Подсказывает оптимальный вариант!.. Даже Господь Бог оставляет человеку свободу выбора... Впрочем, я не проповедник.

- Да?!

- А сейчас задену святая святых, вашу личную жизнь, - я почувствовал, как сердце мое громко стукнуло в груди и замерло. - Здесь тоже были проблемы, но впереди - свет!

- Это уже интересней... Спасибо за добрые вести... если не шутите.

Беседа переходила в дружескую. Андрей слушал, кивал, улыбался. Но шрам у левой брови то и дело дергался, в глазах была все та же грусть. «Да, хватил ты лиха, сынок! В боксе бьют, и очень больно. В коммерции - тоже».

Я справился с заданием клиента, и меня потянуло на шутку. По моей просьбе он снова положил ручищи на мою ладонь. Я продолжил разговор:

- Катерина! Холмы Венеры у Андрея подсказывают мне, что его избранницей вы стали не случайно. По строению этих холмов неплохо представляю вас.

- Ну, и как я вам нравлюсь?

- А вот послушайте!.. Вы сдержанны в речах и движениях, но у вас богатый внутренний мир. Вы гордитесь положением хозяйки дома, но переживаете до слез, если в нем возникает какой-нибудь беспорядок. Серьезные заботы воодушевляют вас, вскрывают непочатый запас энергии... Можете вспылить из-за пустяка, а потом горько сожалеете об этом... Непрочь покрутиться перед зеркалом, если нет рядом детей. Но главное - вы не по годам мудры, способны подсказать человеку, как выйти из щекотливой ситуации... Вы надежная, к вам тянутся люди. Ваша жизнь - ваш дом. И пусть фундамент под ним будет прочным!

Закончив хвалебную песнь, я отпустил руки клиента. Телефон молчал.

- Катерина, вы слышите меня?

Она ответила тихо:

- Да. Вы кое-что отгадали... Я пла?чу... Как-нибудь приеду к вам. Передайте телефон Андрею.

Шуточка удалась. Мое предположение оказалось верным: скажи о человеке лучше, чем он есть - даже по телефону! - он таким и станет, уповая на счастье. Каждому по вере его!

О чем говорили они, я не слушал. Вспомнился мой давний брак с очень милой девушкой, измученной тиранической опекой родителей. Только озорной, наивный ум спасал ее от крайнего шага, он же очаровал и меня. Я согрел жену, и первые годы семейной жизни мы наслаждались домашним уютом.

Моя половинка умела и знала многое, хотя как-то не очень старалась. Она оказалась талантливой пианисткой, но тянулась к бесконечным удовольствиям. Ее красота постепенно огрубела, наивность ума обернулась пустотой. На смену вдохновенному музицированию пришли истерики: она мгновенно сбрасывала маску и устраивала страшную сцену. Любовь прошла. У каждого была своя жизнь. Дети подросли, и мы расстались.

Андрей, судя по всему, не мог наворковаться с женой.

А я продолжал вспоминать... Если без финтов, и сам был хорош. Не дай бог простому и впечатлительному смертному много читать серьезной литературы, пытаться разгадывать ход истории, заходить в тупики философии, заглядывать в бездны веры и неверия: он утратит вкус к реальной жизни. Какая уж тут семья! У него останется небольшой выбор: наркотики, запойное пьянство или «странные интересы», как местные обыватели назвали мое увлечение историей медицины и краеведением. Позднее случилась встреча с палисадовской писательницей Риммой Корешковой, прозвучали ее пламенные призывы: «Верьте мне!»

Андрей закончил телефонный разговор, встал. Я тоже поднялся.

- Ардальон Филиппович, если б вы знали, как помогли нам сегодня! Без финтов!.. Это от Кати, - и протянул еще одну хрустящую купюру.

По-дружески обняв меня и махнув на прощание рукой, он исчез в ночном водовороте большого города с компанией мужчин, которые, выйдя из кафе, терпеливо поджидали его.

6. ПОДАРОК

Кинорежиссера, с которым познакомился у ресторана «Панчо Вилья», я больше не видел. Случайно узнал, что ему наконец-то повезло: предложили подходящий сценарий. Ну что же, работа по? сердцу - лучшее лекарство от тоски. Зато встретил художника Гришу: он провожал смуглую девушку, похожую на турчанку, черные кудри до плеч, моложе его лет на двадцать. Он представил ее как свою ученицу, но взгляды, которыми они обменялись... Я вспомнил Гришины слова: «Могу работать только тогда, когда меня любят. Музы заряжают меня энергией». «А кого они не заряжают?..» - подумалось мне тогда.

Девушка куда-то спешила, поэтому быстро простилась с нами. Живописец пригласил меня в свою мастерскую, расположенную неподалеку, в Спасопесковском переулке Арбата. По дороге рассказал, что «турчанка», дочь богатых людей, предлагает ему открыть совместный салон, а он боится потерять независимость.

Я удивился:

- Каким образом?

- Очень просто! Выставлять других - зарабатывать деньги легким путем. Художник богатеет и прекращает творческие поиски, которые часто мучительны.

- Вы говорили мне, что любите доллары. Оказывается, отношение к ним у вас не такое уж простое?

- Да, это так... Хотя деньги для меня - мощный стимул.

По крутой лестнице, извилистому коридору мы спустились в ярко освещенную мастерскую-подвальчик, где стоит запах масляных красок, который чувствуешь уже в дверях. Много картин, развешанных по стенам и стоящих на полу. На полочках несколько оригинальных скульптур: Гриша начинал ваятелем. Мольберт, этюдники, палитры, инструменты - типичная начинка мастерской художника.

Я разместился на старом кожаном диване. Хозяин включил магнитофон на низком столике в форме палитры (не без гордости отметив, что этот предмет домашней обстановки сделал сам), быстро переоделся в запачканные краской футболку и джинсы и уселся за станок писать маслом улицу родного Цхинвала. Я впервые наблюдал, как живописец работает не кистью, а мастихином, миниатюрной стальной лопаточкой. Изначально ее использовали для чистки палитры.

На холсте появилась влюбленная пара. Неподалеку от нее - задравшая морду запряженная лошадь, сидящая собака. Первое животное символизирует силу, второе, конечно, - преданность. А вокруг старый город: мостовая, каменные домики, деревянные балконы, вычурные арочки... На них грустная печать исхода и легкой незавершенности письма. Я был там туристом, бродил по улочкам, но не почувствовал главного.

Гриша показал пачку карандашных эскизов на пожелтевшей бумаге.

- Я много писал городскую старину, когда был студентом... Моя любимая тема - про-

свет жизни. Поэтому периферия работ темная, середина светлая. А насчет незавершенности вы, пожалуй, правы: картину пишу на одном дыхании. Дохни еще раз, она будет замученной.

Мы пили кофе, беседовали. Гриша вспомнил курьезный случай:

- Недавно навестил меня знакомый. Посмотрел на холст и заявил: «Это я напишу мимоходом. Подумаешь, лошадки и собачки, мальчишки и велосипеды...» Я предложил: «Вот краски и холст, сделай хотя бы копию. Приду через два часа». Вернулся и увидел какую-то мазню, смущенный приятель развел руками... Посмотрите, что он оставил мне в подарок, - художник указал на прислоненный к стене холст жизнерадостных тонов. - Он что-нибудь напоминает вам?

- Может быть, фото уголка природы...

- Да, напоминает фотографию, только раскрашенную. Но не подумайте, что мой знакомый бездарен. Просто у него другая школа.

Так же быстро, мастеровито написал Гриша и «Вечерний Арбат»: дом с башней, тускло горящий фонарь, мостовая, фигурки прохожих... Все рядом и не совсем различимо, доступно и чуть отстраненно. Хорошо знакомая мне улица, но такая, какой ее хочет видеть живописец: по-московски теплая, по-парижски богемная и чем-то напоминающая европейский город начала двадцатого века. Люди на ней - не толпа, машина на перекрестке - не «тачка», а старинное ландо. Если вид Цхинвала очаровал меня, наполнил светлой печалью, то полуфантастическое изображение улицы, на которой тружусь, всколыхнуло пережитое. Спасибо тебе, гостеприимная столица! Ты поддержала меня в непростые годы моей жизни и подарила трогательные встречи.

Эту работу Гриша вставил в рамку, аккуратно обернул целлофаном, заклеил скотчем.

- Чтобы не размазать краску... Под пленкой она тоже сохнет, хотя и медленней, - пояснил он.

- Ждете заказчика?

- Нет, это вам.

От неожиданности я поднялся с дивана.

- Простите, Гриша... мы мало знакомы.

Он посмотрел на меня испытующе.

- Вам нравится работа?..

- Конечно! Но... такой дорогой подарок. Мне неудобно его принять.

- Вы мой гость?!

- Да. Но...

- Тогда никаких «но»!

Гриша от души расхохотался, запрокинув голову, задрав тронутую серебром черную бородку. Выпрямился, посерьезнел, только карие глаза поблескивали, и вручил мне свой этюд.

- Земля круглая, Ардальон Филиппович!.. Хох-хохима не мбалы. (осетин. - Гора с горой не сходятся.)

Расстались мы друзьями.

7. ГАДАЛКА, ХИРОМАНТ И ГЕНЕРАЛ

Я-то верю в судьбу и в угрюмый рок,
Карты тоже в цыганских руках не лгут, -
Это я говорю тебе, поперек
Всех разумных суждений...
А.Кушнер

Как хорошо после арбатского муравейника отдыхать в городе Солнечный, в кольце живописных хребтов Кавказа... Стояла золотая осень. Сухие и теплые ветры-фёны ласкали кожу, запах хвои бодрил. Я бродил по тропинкам известного старинного парка, постепенно увеличивая высоту подъемов, только к вечеру спускаясь вниз.

Однажды увидел на скамейке солидную женщину в ажурном черном жилете с блестящими бисеринками. Перед ней лежала колода карт. В этой даме с бровями вразлет и необычайно живым выражением серых глаз я сразу почувствовал что-то необычное, даже загадочное. Остановился, присел. Она раскинула тридцать шесть знаков на короля треф. И я погрузился в мир ее прогнозов о моем прошлом, настоящем, будущем. Отметил со-

впадения, начал улавливать дедуктивный метод Конан Дойла, идеи Леви и Лазарева. Да, я не ошибся - уровень очень приличный.

Мы познакомились, разговорились. И пути господни неисповедимы, и мир воистину тесен! Гадалка Виктория живет в подмосковном городе Святогорске, лето тоже проводит на Арбате, только сидим мы в разных местах. Когда-то она была медсестрой. Работала шофером такси - надо было поднимать детей после смерти мужа. В эту работу влюбилась: хорошие деньги, интересные встречи, - но несчастье внезапно приковало ее к дому.

Болел сын, сложная операция, непредвиденные расходы: то одно, то другое. Таксовать она не бросила, все было на полном ходу. Стояла ночь, ненастная, дождливая, вихревая. И вдруг - пьяный лихач навстречу. Лобовое стекло покрылось «сеткой», ее бросило вперед...

Очнулась в больнице. «Ремонтом» Виктории доктора занимались несколько месяцев. Долго долечивалась дома. Литературные герои в подобных случаях открывают заново домашнюю библиотеку, она же наткнулась на шелковый платок с каймой-узором из карточных знаков. В нем были завернуты двенадцать колод - наследство матери. (Вспомнила правило: любая из них может трудиться только один раз в сутки.) Окрепнув, Виктория отправилась на поклон к старой ворожее, которая взялась ее обучать.

В конце нашей встречи и я «блеснул» искусством хироманта. Оказалось, что у гадалки были проблемы с воспитанием детей. «Знак Трудного ребенка на ладони?.. Хорошо, не рубец на сердце!» - пошутила она. Ее серые глаза потеплели. Тема детей - беспроигрышная, у Виктории их двое.

В Солнечном я жил на квартире, обстановка которой позволяла работать за письменным столом. Моя новая знакомая по-прежнему сидела на скамейке под сенью раскидистого дуба. Я подходил к ней поговорить о текущей курортной жизни и как-то прочитал только что законченный рассказ. Дама отозвалась о нем деликатно:

- Вы, конечно, не Чехов, но чувствуется: тоже литератор... И я хотела печататься. Не вышло. Рассказываю - слушают с интересом. Пытаюсь то же изложить на бумаге - получается белиберда. Такой вот пассаж...

В следующий раз по просьбе Виктории я провел что-то вроде показательного сеанса хиромантии. Когда клиент ушел, услышал мнение коллеги:

- Впечатление неплохое, только надо бы добавлять немножечко ша-а-рма.

- Что вы имеете в виду?

- Клиента лучше вначале припугнуть, потом порадовать. Тогда он не уйдет от вас, а улетит на крыльях.

Тут до меня дошло, что моя приятельница просто дурачится.

Помолчав, она неожиданно сказала:

- Ардальон Филиппович, погуляйте со мной!

Виктория вдруг разволновалась. И куда все подевалось у посредницы между человеком и его судьбой: независимая поза, снисходительный тон.

Я с готовностью согласился, и впервые увидел, как тяжело поднималась она со скамейки. Двигалась медленно, прихрамывая. Мы пошли черепашьим шагом под пристальными взглядами курортных дам. Как будто тех самых, что гуляли здесь еще во времена Лермонтова.

Виктория заговорила первой:

- Догадываюсь, почему вы возитесь со мной. Это не бескорыстно. Вам нужна не я, а мои истории.

- Что вы, что вы, Виктория... Вы очень интересная женщина!

Она рассмеялась весело, беззаботно.

- Шу`тите!.. Все равно - спасибо! Знали бы, сколько времени я не ходила с мужчиной.

Мы начали ежедневно гулять по ухоженному парку. Проходили около маленькой речки, обычно светлой и тихой - и мутной, клокочущей после дождя. Поднимались по петлистым аллеям в горы. На смену широколиственным деревьям постепенно приходили хвойные, мы незаметно для себя выходили из тени. Нам встречались игрушечные утесы и гроты, скопления горных пород разных цветов: Красные камни, Синие камни, Серые камни, - следы тектонических игр природы. Изредка - пустые, полуразвалившиеся белые здания, которые, как во времена любившего эти места писателя Георгия Газданова, по сей день именуются «храмами воздуха». И, наконец, открывались панорамы Кавказа.

На уютной зеленой поляне горы Красное солнышко мы отдыхали. Виктория рассказывала «поучительные истории», так она называла интересные случаи из своей практи-

ки. Я видел, что непросто даются ей наши подъемы, но держится она стойко. Старался отвлечь ее внимание от трудностей не столько окружающими видами (они говорили сами за себя!), сколько встречными вопросами по ходу ее повествований: чувствовал - это ей нравится. Ученые подчеркивают исключительную чистоту воздуха в Солнечном. По-моему, он еще насыщен литературными флюидами.

На обратном пути мы могли зайти в долину, усаженную разноцветными розами, и любоваться ими несколько часов. Время от времени чуть в стороне от нас раздавался легкий шум: в воздухе проплывал вагончик подвесной канатной дороги, услугами которой мы никогда не пользовались. Иногда в чайной под открытым небом, сидя на декоративных пнях, выпивали по чашке горячего сбитня-настоя горных трав и кормили с рук прирученных белок с желтыми хвостами. Заканчивали прогулку около маленького бассейна, в который по традиции отдыхающие бросают на прощание монетку, чтобы снова вернуться сюда. Тоже - точно в бытность здесь юноши Георгия Газданова.

Мы сидели на скамейке после прогулки. На аллее появился мужчина в выцветшей мятой ковбойке. Нетвердой походкой он направился к Виктории:

- Дай еще!

Она умоляюще посмотрела на меня:

- Как-то пожалела, дала двадцать рублей «на лечение». Теперь подходит каждый день...

Я вмешался:

- Оставьте в покое мою знакомую!

Человек как будто ждал этих слов. Он рванул на груди рубашку - затрещала материя - и завопил фальцетом:

- Я тебя здесь сто лет не видел. Вали отсюда, пока цел! Перед тобой не босяк, я был артистом филармонии! Я дружен с этой дамой.

Он обнажил по пояс худое, белое тело, того и гляди сбросит штаны. Все ясно - местный ханыга. Возможно, сейчас и его товарищи появятся из кустов, потребуют отступного за причиненную ему обиду. Мы с Викторией, поняв друг друга без слов, поднялись, чтобы уйти.

И вдруг ироничный мужской голос:

- Кого на горло берешь? Ну-ка, отойдем в сторонку.

Разгневанный вымогатель смолк, будто ему рот заткнули.

Подошедший мужчина что-то негромко, с улыбочкой сказал ему - того словно ветром сдуло, только линялое пятно мелькнуло меж кустов. Оттуда раздалось ребячливое оранье песенки герцога: «Сердце красавицы склонно к измене и к перемене, как ветер мая...» Заступник в соломенной шапочке и шортах, махнув нам рукой, пошел вниз по тропинке.

- Кто такой? - спросил я Викторию.

- Потом расскажу.

Освободилась комнатка в маленькой частной гостинице, где жила гадалка. Я переехал туда. Это недалеко от центра города, за водной лечебницей, стоит перейти улицу, мостик через речку и сделать несколько шагов в гору. Удобств для человека неприхотливого там оказалось достаточно, особенно порадовало автономное отопление, ведь на дворе сентябрь, ночи становились холодными. Хозяева, старые и глуховатые, со своим хлопотным делом справлялись, к жильцам относились радушно, не обирали. Мне, всю жизнь имевшему дело с «ненавязчивым» советским сервисом, это прибежище показалось райским уголком.

На дворике, куда выходят двери нескольких комнат, то и дело появлялись новые лица; кухня-столовая под деревянным навесом становилась местом неожиданных встреч. Там и увидел я утром нашего заступника, с блестящей, как будто полированной, лысиной, румяного ото сна: мы сели за стол почти одновременно. Тут же допивала чай Виктория. Он посмотрел на меня внимательно: «Я где-то видел вас, помимо Солнечного? Не могу припомнить...» Пришлось коротко рассказать о себе. Он представился юристом.

Не спеша, с удовольствием съев кусочек скумбрии горячего копчения, бутерброд с сыром и выпив чашку кофе, Вадимир Вадимирович поговорил о видах на отдых, рассказал пару веселых анекдотов. На дворике он выкурил сигарету и отправился на прогулку, мелькнув соломенной шапочкой с длинным козырьком, напоминающим птичий клюв.

Виктория пригласила меня в свою комнату, чтобы поговорить без свидетелей:

- Как вам Вадимир Вадимирович?

- Контактный мужчина... С юмором.

Она улыбнулась:

- Что этот контакт дал вам?
- Как что? Приятно пообщались.
- Всего-навсего?.. О нем вы что-нибудь узнали?
- Да вроде ничего особенного...
- Может быть, просто - ничего?
- Пожалуй, да.
- А он о вас?
- Кое-что.

Такой разговор меня уже раздражал:

- В чем дело?!

Виктория улыбнулась и поделилась своим секретом:

- Вадимир Вадимирович - генерал милиции. За завтраком узнал о вас все, ничего не сообщив о себе. Вот ведь что! Такой стиль общения - профессиональная привычка... Приезжает сюда с женой и уступает ей свою путевку. Генеральшу увидите в воскресенье: придет из санатория готовить обед. Какими запахами наполнится кухня! Вы, Ардальон Филиппович, еще оцените преимущества семейной жизни над холостяцкой.

Виктория глянула кокетливо и многозначительно.

- Вадимир Вадимирович приезжает смертельно уставшим. Первые несколько суток отсыпается да анекдоты молотит. Вот этакие: «Доктор, что же со мной? - Вскрытие покажет». Потом гуляет в горах, заходит в санаторий к жене, там у них свой круг знакомых. Успокаивается, округляется за две недели и начинает рассказывать другие анекдоты. Тоже старые, но без чернухи: «Вы на барабане играете? - Играю. А на контрабасе? - Играю. А на флейте? - Нет, с нее карты падают».

Гадалка неожиданно перешла почти на шепот:

- Несколько лет назад у него решался вопрос - служить дальше или выйти на пенсию. Он хотел уходить: не видел перспективы... Ежели интересы у клиента шкурные, ворожба получается какая-то механическая. Человек порядочный - вижу сквозь карты! Вадимиру Вадимировичу выпало - перспектива есть. И вскоре освободилась должность. Вот ведь как!.. Только, Ардальон Филиппович, никому ни звука про его инкогнито! Этого не знают даже хозяева.

Во время прогулки Виктория рассказала о недавнем случае. Возвращаясь из водолечебницы, она увидела на мостике через речку молодого горца, говорящего что-то по сотовому, и не придала этому значения. Напротив ворот гостиницы стоял такой же парень спортивного вида. Невольно глянула на пригорок - третья неподвижная фигура. «Что за люди?.. Кого так плотно опекают?.. Уж не генерала ли нашего?!» - подумала с тревогой.

Выяснилось, что в гостинице только что поселились двое чеченцев: один болен, другой за ним ухаживает. Первого она так и не увидела, второй заходил в кухню за чайником. Его молодое бесстрастное лицо украшала аккуратная мусульманская бородка. Крепко сбитый, в красновато-коричневой сорочке, как будто подобранной к черным волосам, он двигался по дворику уверенно, не глядя на жильцов. И вдруг этот человек, проходя около, негромко, но отчетливо сказал Виктории: «Мы еще будем серьезно и долго говорить с вами!» Она оцепенела от страха.

Необычные жильцы съехали внезапно, ночью. С хозяевами рассчитались на ходу, не выпуская из рук мобильников. Со старухой во время уборки их комнаты сделалось дурно: наткнулась на ворох окровавленных бинтов. Старик тоже занервничал. Карточные расклады гадалки показали неприятность без последствий. Пожилых людей это не успокоило.

Вадимир Вадимирович, узнав о случившемся, изменился в лице: «Не может быть!» - и, приодевшись поприличнее, ушел в город. По возвращении сказал: «О кровной мести слыхали?.. То были кровники. Подробностей не спрашивайте, а волноваться больше не о чем». Хозяева угомонились лишь тогда, когда убедились, что самый солидный жилец днем по-прежнему пропадает в горах и ночью спит при открытой двери.

...К концу отдыха мы с Викторией ездили на дальние экскурсии, побывали даже на склоне Ставропольской возвышенности, откуда видны Эльбрус, Казбек и вся снежная цепь гигантского хребта между ними. Горные вершины серебрились и блестели на солнце, как жемчуг. Казалось, что они рядом, а до них более ста километров. Наше общение пошло на пользу Виктории. Когда я провожал ее на поезд, передо мной была другая женщина: она похудела, похорошела, походка стала легкой, даже хромота прошла. А светлый настрой моей новой подруги!..

Мы обменялись адресами. Я обещал, что поработаю над ее рассказами.

8. СОРВАННОЕ СЕРДЦЕ

Долгую зиму я провел в Палисадове. А летом - едва оно наступило - приехал в Москву и вышел на Арбат. Июль - макушка лета. К середине дня жара усилилась. Раскаленный воздух дрожал. Труженики улицы пытались обрести тень и пили минералку, а впрочем, не только ее.

Вблизи объявился некто в черном, почти похоронном, костюме, такой же кепке, галстук в горошину. В руке его полыхал номер газеты «Искра». У него было поразительное портретное сходство с вождем мирового пролетариата. Рядом семенил его помощник, парень-фотограф. «Владимир Ильич» снимался со всеми, желающими приобщиться за умеренную плату. Но похоже, что роль топ-модели не давала ему развернуться: для мировой революции тесновато.

Он вскочил на пустующее пластиковое кресло одного из художников, пошнырял по толпе мутными глазами и - знаменитым ленинским жестом - двинул руку вперед! Мол, к победе, дорогие товарищи! Но прокричал, картавя, совершенно иное:

- Буржуины!..

Помощник попытался его урезонить:

- Владимир Ильич, не надо! Опять неприятности, свара, милиция...

- Молчать, каналья! - раздалось со случайной трибуны, как с броневика. - Ты ренегат, у тебя на уме шалаши да бабы.

Возможная контрреволюция стушевалась. Зато пафос революции стал нарастать:

- Кастрюльные интеллигенты, вы погрязли в стяжательстве и разврате. Вернусь к власти - всех саботажников на перековку!

Толпа оцепенела... Раздался хохот. Оратор впал в транс:

- Смешно, мерзавцы?.. Чекисты займутся вами в первую очередь. Мы вам устроим судную ночь! Однако, батенька, - снизив накал, совсем другим тоном обратился «вождь» к сподвижнику. - Как можно в такую жару водчонку потреблять?!

Он резко просигналил рукой, видимо, намереваясь закончить речь, качнулся, зацепился ногой за сломанный подлокотник кресла-трибуны и стал вываливаться на мостовую. Все вокруг замерли, но ловкий ренегат бережно подхватил «Ленина», усадил в то же кресло, отодвинув его подальше в тень. Тот помолчал, мрачно насупившись, будто обдумывая очередной июльский тезис, обнажил знакомую всему человечеству лысину, помахал страдальчески кепкой, защищаясь от жары и скепсиса, уронил могучий лоб на тщедушную грудь и уснул.

Шаяли пригородные торфяные болота, от них наносило гарью. Но уличная жизнь продолжалась. Ко мне подошел господин лет тридцати с небольшим. Одет-обут шикарно: в серую со стальным отливом итальянскую рубашку, светлые брюки «из дерюги», сверхмодные желтые мокасины. С ним была молодая блондинка, фигура и «фотография» a la` Мэрилин Монро из Урюпинска, даже мушка на левой щеке. Он предложил ей пока погулять и сел на стульчик клиента. Она обиделась, как капризная девочка: дернув плечиком и вильнув бедрами, отошла к сувенирной лавке.

Лицо у мужчины было усталое, глаза холодные, бороденка висела уныло. Как будто что-то выжгло его изнутри. На мои вопросы он отвечал очень скупо, только меланхолично поинтересовался: «Сколько там насчитал мне ваш бог?..» Стало нарастать нервное напряжение - так бывает, когда клиент пассивен. Линии ладоней читаются не у всех, но опыт подсказывал мне: едва ли это «немые» руки.

Наконец я увидел необычную, ломаную линию Сердца. Но что за этим: перенес инфаркт или психическое потрясение?.. Знаки в хиромантии вариативны. Для сердечника он молод. Аффект? Да, застать любимую жену в чужих объятиях можно, если имеешь такую метку...

Я попытался исподволь разговорить мужчину:

- Вероятно, вам нелегко жилось последнее время?

Он выдавил из себя подобие улыбки:

- Как обычно.

- Меня интересуют дела амурные...

- Тут все нормально... Не в этом дело... Наехали на меня. Пару раз.

Я вопросительно огляделся вокруг. За моей спиной маячили здоровенные парни: один разглядывал меня и - почтительно - моего визави. Другой пялился в толпу: изучал, наверное.

- Извините, ради бога, за любопытство: оно профессиональное. Но... как вас понимать? В чем это выразилось - наехали?

- Снайпер. Охрана его заметила, обезвредила. Потом перо в бок.

- Слава богу, вы живы! - подбодрил я его.

- Нож угодил в ребро. Сердце задел касательно. Хирурги спасли.

«Стоп, стоп, стоп... Нож в сердце! Неужели этот оригинальный, ломаный символ - редкий знак Сорванного сердца?!» - мелькнуло у меня.

Я уже уверенней продолжал работу хироманта. Господин снисходительно слушал рассказ о себе. Его взгляд потеплел, бородка выглядела солидно. Да, похоже, что это - линия Сорванного сердца. Только как ответить клиенту на главный вопрос: сколько ему «бог насчитал»? У символа багровый цвет - значит, опасность еще не миновала. Она всегда рядом, за первым углом.

Я сказал:

- На руке - угроза, и не только из прошлого... Поберечься бы какое-то время, ведь знаки приходят и уходят.

Губы мужчины дрогнули. Он опустил голову, как будто скрывая выступившие на глазах слезы. «Кажется, теперь я слышу тревожные, частые и замирающие удары сорванного сердца. Сейчас клиент скажет о чем-то важном...» Но он поднял голову - снова зрачки затравленного волка - молча расплатился и встал.

Блондинка a la? Мерилин Монро порхнула к нему, прижимая к груди аляповатую деревянную матрешку, приобретенную в сувенирной лавке. Девушка, видимо, была чертовски рада, что мы закончили разговор, забавно гримасничала, но в ее счастливых зеленых глазах внезапно мелькнуло что-то тяжелое, злое - и тут же она потупилась. Эту игру, думаю, заметил только я, потому что длилась она мгновение, а мужчина был поглощен своими переживаниями. Сопровождаемые двумя угрюмыми профи, они растворились в людском потоке.

Шаги клиента затихли на брусчатке. А у меня появилась праздная мысль: не завидует ли он последнему бродяге?.. Завидует, еще как! С неимоверным облегчением сорвал бы несчастный итальянскую сорочку и потрясные туфли канареечного цвета, напялил рубище бомжа, натянул опорки и отправился на все четыре стороны нищим, но свободным... чтобы вскоре опомниться, запить и сгинуть без следа. Шаловливая краля с деревянной матрешкой в руках бомжевать с ним не станет. Даже я - в дешевой рубашке и плетенках от second hand, одинокий и неприкаянный - нынче счастливей его.

Клиентов не было. Я читал газеты. День пошел на убыль. Жара спала, и - о, чудо из тишины! - моя подруга, да, она самая, Виктория... Если не работает, то изредка приезжает из дома навестить меня. Голова гордо откинута, плечи задорно подвижны - это сама грация, летящая по улице. Красиво ходит женщина после наших моционов по горному парку! Однако на этот раз она сильно чем-то взволнована.

Не спрашивая, бухнулась на стульчик клиента, сразу заговорила:

- Ардальон, что мне пришлось пережить! Час назад! Сознание не вмещает... Вы не поверите, я была на войне... Кровь! Трупы!

По тому, как стрекочет замок ее сумочки, я понял: да, случилось что-то чрезвычайное.

- Расскажите, Виктория, не торопясь. Вам надо успокоиться.

- Шла по улице. Из переулка - легковушка на предельной скорости, и тут же - женский вопль. Нет, вы представляете?.. Я туда. А там... вразброс... три мужика. Автоматы с глушителями валяются... И девушка на коленях. Под нее подтекает кровь. Не видит. Онемела...

«Это невозможно, чтобы так пересеклись дорожки у нескольких человек в гигантском городе!» - подумал я. И все-таки спросил:

- Она красива, наряжена в эксклюзив?

- Разве я на это смотрела?! Хотя да, пожалуй. Соблазнительная блондиночка! Похожа на артистку.

Я продолжал сомневаться:

- В руках она что-нибудь держала?

Викторию передернуло от нетерпения. «Нервничает. Хочет побыстрей выговориться, с облегчением вздохнуть».

- Почему вам это интересно, Ардальон?.. Там смерть гуляла, а вы - что у бедной девушки в руках... Да матрешка! Сперва я не заметила, потом удивилась.

Я был ошеломлен... Сорванное сердце - первый случай в моей практике. Внезапная

гибель его носителя вместе с охраной. Странный взгляд зеленоглазой блондинки, которая осталась в живых. И самое загадочное - как все состыковалось на сцене огромного города: к событиям прикоснулись и я, и Виктория?! Вероятность такого ничтожно мала, но ведь случилось. Случилось почти невозможное!!! Или дело все-таки в таинственном символе, в его багровом и ломаном, как молния, оттиске?! Так ли уж много знаем мы о нем!..

Наступила очередь гадалки задавать вопросы. Растормошив меня, все узнав, она немного успокоилась и перешла на привычную форму общения.

- Вы, Ардальон, святая простота, если еще удивляетесь такому! Ваш клиент нарушил правила какой-то крупной игры... Стать новым Робинзоном он не захотел. А просто прятаться - в таких случаях! - бесполезно. Найдут хоть на другой стороне земного шара.

Бывалая, знающая жизнь в ее черновом варианте, Виктория неплохо гадает по звездным камням и знакам Таро, если требует клиент, то и на кофейной гуще, хотя всему предпочитает простые карты.

Она встала, набросила лямку сумочки на плечо, собираясь уходить.

- Виктория, а может, в основе этого - ревность, измена?

- Масштаб не тот... А блондиночка не пропадет! Не знаем мы ее подлинной роли. Спутников в решето - на ней ни царапинки. Вот такой пассаж!..

Тут осенило и меня: «Ума тебе не занимать, моя подруга! У нетерпеливой «Монро» был зловещий взгляд... Казалось, ее тянуло в землю. Или тянула она?!»

На прощание я вручил Виктории текст первого рассказа гадалки. Не представлял, как трудно описывать то, в чем не участвовал, чего не пропустил через сердце, но подруга очень хотела этого. Пусть порадуется, вспомнит прекрасный парк, в котором мы проводили литературные упражнения. Не умеет интересно писать, так, может, покритикует. Это у нее получается хорошо.

Виктория ушла, покачивая любимой замшевой сумочкой, подарком сына.

«Ленин» наконец проснулся, разлепив один глаз, потом другой, встрепенулся недовольно, надел кепку и дерзко пошутил, легко подхватив на руки проходившую мимо хорошенькую иностранную туристку: «Инессочка! Неужели это ты?..» Женщина всполошилась, попыталась освободиться, соломенная шляпка съехала на глаза. Но маленький человечек, основательно освеженный сном, крепко держал свою жертву. У него оказалась недюжинная физическая сила, хоть сейчас на субботник бревна катать. С этой сцены помощник молниеносно сделал несколько снимков. Туристы остановились, загалдели, засмеялись. Только гид озабоченно повторял: «No! No! No!»

«Ильич» осторожно поставил даму на мостовую, чмокнул в ручку - международный инцидент исчерпан. «Вождь» и его верный соратник отправились дальше по улице делать групповые фото с «Лениным», своим аппаратом - за сто рублей, чужим - за тридцать. Из гущи людского потока доносилось: «Снимайтесь со мной, пока я живой и теплый! Снимайтесь, а то лягу в мавзолей!»

9. БАРОН. РАССКАЗ ГАДАЛКИ

За окнами дома в предместье старинного Святогорска давно стемнело. Мужчина и женщина, сидя в креслах, смотрели телевизор. Большой серый пес дремал на ковре. Фильм закончился. Мужчина подал овчарке знак - та бросилась на женщину... Скорая увезла жертву, истекающую кровью, с помраченным сознанием. Произошедшее сочли несчастным случаем. Мужчина позвонил своим товарищам и отключил телефоны. Все было проделано в духе бестселлера Трумэна Капоте, то есть исключительно хладнокровно и профессионально.

Главный рынок этого города известен своими рыбными рядами. Какого только товара там нет! Золотисто-полосатая скумбрия, холодного и горячего копчения, - лакомство для среднего класса. Нежная, розовая на разрезе семга, тающая во рту форель, - радость гурманов. Янтарные балыки со специфическим вкусом и запахом, - угощение пресыщенных. Привлекают внимание шевелящиеся черные раки в белых ванночках. Радует глаз икра в баночках с яркими этикетками: черная и красная, зернистая и пастеризованная, паюсная, ястычная. Иногда п-оявляется в продаже редкий тонизирующий деликатес - икра морского ежа, до которой так охочи пожилые сластолюбцы.

В центре живописного «натюрморта», на высоком табурете, сделанном по специальному заказу, сидела торговка Валентина Яковлевна. Личико как у фарфоровой куклы, круглое, свежее, губы бантиком. Одета словно в театр пришла, и вся в дорогих украше-

ниях, от ушей до пальчиков пухлых ухоженных рук. Сама ни к рыбе, ни к баночкам с икрой не прикасалась - все быстро, ловко делали ее подручные. Она только командовала: «Коля, отрежь это. Маша, подай то». И покупатель к ней тянулся состоятельный, не торгующийся. Валентина Яковлевна, бывший ветеринарный фельдшер, процветала: ценная рыба через ее холодильники проходила тоннами, черная и красная икра - мириадами баночек.

Она делилась с Викторией секретами своего успеха: «Нашим делом заниматься сумеет не всякий. Тут нужен нюх! И не в том он заключается, чтобы обвесить-обсчитать, гнилой товар всучить за свежий, а чтобы человек не ушел от меня без покупки, запомнил меня и пришел ко мне снова».

С гадалкой Валентина Яковлевна познакомилась, побывав у нее дома как разведенная женщина:

- Встречу ли я когда-нибудь хорошего мужчину?! Одной жить скучно, ничто не радует.

Та сделала карточные расклады, подвела итог:

- Бедность вам не грозит... Но богатство притягивает только шваль. Посмотрите, какие мелкие знаки мельтешат вокруг вас... Купить можно секс, но не любовь. Вы будете одиноки, пока не поймете этого... Вот такой пассаж!

Виктория знает, что, погладив женщину против шерсти, или больше не увидит ее, или та привяжется к гадалке. И вот Валентина Яковлевна появилась у нее снова: под шифоновой блузкой просвечивал бюстик, хороший цвет лица, но в темно-серых глазах - тревога.

- Вика, раскиньте карты... Нет, сперва расскажу о себе...

У ее сына Геннадия украли с работы японскую видеокамеру. Обращаться в милицию он не стал: там не успевают разыскивать пропавших людей, а тут забавная игрушка. Опять же, если начнут следствие, бросят тень на его фирму, перетрясут его помощников. Но Геннадий объехал с видеокамерой несколько стран, очень любит снимать, а главное - это подарок матери.

Друзья Валентины Яковлевны дали совет: надо обратиться к авторитету. Он найдет что угодно, у него своя агентура, а методы следствия понадежней милицейских. Владелец швейной мастерской, старый одышливый южанин с большим животом выслушал ее, усмехнулся пустяковой просьбе и попросил подождать с ответом. Через несколько дней порадовал по телефону, что постарается помочь: «Хороших людей я в обиду не даю».

Дом Валентины Яковлевны посетил расторопный молодой мужчина с широко открытыми, все понимающими глазами, весь такой добрый и ласковый. Представившись юристом, он внимательно выслушал рассказ о пропаже, задал Геннадию несколько уточняющих вопросов по телефону, что-то записал в книжку и на прощание сказал, что шансы найти камеру есть. Гость ушел. «Тоже гангстер из пошивочной?.. А может, действительно юрист, выполняет просьбу авторитета?..» - подумала хозяйка, в некоторых вопросах жившая представлениями прошлых времен.

Через некоторое время мужчина появился в рыбном ряду. Коротко сообщив, что дело подвигается, - круг поисков стал уже, - рассказал забавную историю, как ездил за границу, где американские туристы перепутали его с Челентано и вымогали автограф. С тех пор друзья шутливо называют его Веронцем. «И впрямь итальянец! Блестящие черные глаза, то доверчиво распахнутые, то пытливые и смышленые. Шелковистые волосы чуть вьются, нос аккуратный, губы тонко очерчены. Руки белые, с длинными пальцами, - и никаких татуировок», - размышляла Валентина Яковлевна.

Наконец мужчина позвонил: «Камера у меня. Завтра будет у вас». На следующий день вечером Веронец снова вошел в ее дом; одет со вкусом, ведет себя непринужденно, но без развязности. Гость представился Юрием. Он радовался завершению поисков не меньше, чем хозяйка. Она осмотрела находку: сомнений не было, это видеокамера Геннадия, - и пригласила Юрия к столу.

- Как вам удалось? - был ее первый вопрос.

- Старые связи, немножко удачи... Я адвокат. Еще недавно был опером. Так сказать, неформальное дознание.

- Ушли из милиции? Устали?

- Э, сложный вопрос, Валентина Яковлевна... Баловался газетными заметками о буднях уголовного розыска, шалил под псевдонимом. Как-то вышел на интереснейшую тему - о старой адвокатуре нашего города. Местный историк похвалил меня. А увлеченному много ли надо?.. Так и перешел на вольные хлеба присяжного поверенного. Пишу книгу.

После рюмки коньяку у обоих наступило то состояние, когда мир кажется прекрасным, все люди братьями и хочется любить. Валентина Яковлевна принесла из соседней комнаты коробочку, покрытую черным бархатом, попросила гостя встать, расстегнуть пуговку на сорочке, закрыть глаза, и надела на шею Юрия золотую цепочку: «Рассчитается сын... А это моя небольшая премия», - при этом как бы нечаянно прижалась к нему. Поцеловались... Юрий оказался горячим любовником, настоящим итальянцем. Они стали встречаться, и вскоре он переехал к ней.

...Тут Виктория прервала клиентку:

- Милая Валя, мужчина живет в вашем доме. Я чувствую, вы нагрузите меня чем-то безысходным... Давайте лучше расстанемся.

- Вика, дорогая! Если б вы знали, как мне больно... Произошло такое... Я должна рассказать все... или сойду с ума.

Хорошенькая мордашка клиентки исказилась, она расплакалась. Гадалке показалось, что даже золото колье у гостьи потемнело, а топазы потеряли блеск. Виктория сдалась, и Валентина Яковлевна, чуточку успокоившись, продолжила.

...Она поняла: ее дому не хватало чего-то главного. «Интеллигентные люди - это не то, что наши торговцы!» Юрий обожает шахматы, часами разыгрывает партии с компьютером. Валентина Яковлевна решила: не хочет уходить к друзьям, обижать ее. Днем все свободное от адвокатской работы время у него занимают библиотеки и архивы.

Домашний человек и нежно любящий друг привез от своего дяди собаку размером с матерого волка. На большом лбу темно-серой кавказской овчарки белеет корона, из-под которой смотрят удивительно умные глаза: кажется, что пес понимает все. Юрий пошутил: «Красивой женщине - красивую собаку! Барон будет охранять нас от грабителей, тебя - от поклонников». Такой юмор Валентине Яковлевне нравился; она скучала, когда Юрия не было дома, и хорошела при нем.

А вчера в торговом ряду появился чем-то обеспокоенный сын. Отозвав мать в сторону, он рассказал, что впервые после возврата пропажи занялся съемкой и обнаружил - видеокамера не его... Пораженная Валентина Яковлевна, бросив работу, поехала домой.

Хозяйку встретил Барон. Он не вильнул ей хвостом, как обычно, а показал страшный оскал. Отпустив прислугу, она села в кресло у холодного камина, закрыла глаза. Что значит подмена камеры?.. Неужели это трюк, с помощью которого Веронец проник в ее дом?.. Она вздрогнула. Ее поздняя любовь - обман?! К горлу подкатил горячий ком, перехватило дыхание. Вот здесь каждый вечер ее друг забавно рассказывает об адвокатской практике, изображая клиентов в лицах, когда в ударе, читает стихи собственного сочинения... А ведь пес дополняет хозяина. Красота и ум собаки завораживают, пугают. Невольно подумаешь о перевоплощении душ, раньше она смеялась над этим.

Кое-что Валентина Яковлевна замечала последнее время: то в одном, то в другом месте мебель была чуть передвинута; видела, но, опьяненная любовью, не брала в голову. Веронец ищет тайник! Там у нее доллары и драгоценности на черный день. На рынке иногда можно купить по дешёвке дорогое ювелирное изделие.

Навострил уши, вскочил с ковра Барон. Щелкнув ключом, скрипнув дверью, вошел улыбающийся Юрий. Он нежно поцеловал Валентину Яковлевну. «Ты не встречаешь меня?.. У тебя усталый вид, мое солнышко. Чем могу помочь?.. Все в порядке... Ну и лады». Погладив собаку, сел в соседнее кресло, поделился радостью: «Находка в архиве! Кажется, будет маленькая сенсация».

И Валентина Яковлевна забыла о своих сомнениях. Сказав, что все-таки немножко приболела, она отправилась спать. Заснула быстро, глубоко, как иногда бывает после сильных волнений, успев подумать: «Не та камера? Какая чушь! Она же исправна».

Утром проснулась поздно. Юрия рядом не было. Не стал будить, учел ее нездоровье?.. Порадовалась его деликатности. Встала с постели бодрая, свежая, с таким настроением, когда хочется в полет, но, выходя из ванной, встретила угрюмый взгляд Барона. Вчерашние сомнения навалились с новой силой, беспокойно забилось сердце.

Позвонила сыну:

- Геннадий, я о видеокамере... Ты уверен, что ее подменили?

- Это чужая камера. Я чувствую... Беру в руки, и не могу снимать... Поверь на слово, мама.

...Валентина Яковлевна помолчала. Кажется, она приблизилась к концу своего рассказа.

- Неужели Веронец - оборотень?.. Вика, мне страшно. Кому решусь рассказать все это?.. Кто поверит!.. Если я ошиблась, как смотреть в глаза сыну?.. Что делать?!

- Вы переоцениваете мои возможности, Валя... А карты давайте раскинем, давно пора.

Гадалка разложила колоду на червонную даму - и замешкалась с ответом: такая открылась картина. Трижды карты легли с тем же прогнозом. Невыносимо трудно бывает в такую минуту, но она должна что-то говорить.

- Валя, такое сочетание четырех тузов - это плохо... Я бы не стала возвращаться домой.

Женщина ушла. Ее телефон замолчал. Много позднее Виктория узнала о дальнейших событиях.

Валентина Яковлевна прислушалась к совету гадалки и отправилась домой собрать кой-какие вещи, но там ее ждал Юрий. Он приехал раньше и весь выложился, играя перед ней, как столичный премьер в модной пьесе, потому что накануне, видимо, уловил в ее болезни что-то необычное, а на кону стояло слишком много. И снова она поддалась его очарованию.

За окнами давно стемнело. Веронец и Валентина Яковлевна, сидя в креслах, смотрели по телевизору очередную тягомотину о буднях оперативников уголовного розыска. Барон дремал у их ног. Фильм закончился. Веронец подал собаке знак - та бросилась на Валентину Яковлевну... Скорая увезла ее, истекающую кровью, с помраченным сознанием. Произошедшее сочли несчастным случаем. Веронец позвонил своим товарищам и отключил телефоны.

В своих кругах его знали также под кличкой Гроссмейстер, имея в виду недюжинные способности к оригинальным ходам и тонким комбинациям не только в шахматах, но и в любимом деле. Он действительно учился когда-то на юридическом факультете, послужил в милиции, писал стихи; остальные детали легенды ему подсказали его насыщенная событиями биография и утонченная фантазия. Все это позднее узнал через друзей Геннадий.

Когда он, встревоженный молчанием телефонов, приехал, то увидел картину, уступавшую по впечатлению только стихийному бедствию: домашний сейф и тайник вспороты, как консервные банки, комнаты образцово зачищены. Сын заметался в поисках матери, но ничего не слышал даже ее сосед-вдовец с чутким сном тайно влюбленного в соседку.

Валентина Яковлевна выжила. Хирург, убежденный материалист, после ее выздоровления сказал: «Теперь я верю в чудесные исцеления!..» Выйдя из больницы, она узнала, что старый южанин-авторитет по кличке Пузо по-прежнему худо дышит, но командует швейной мастерской и «не дает в обиду хороших людей». Врачи говорят, что в ближней перспективе у него дубовая домовина, а он в ус не дует и один за другим строит каменные дома для своих любимых чад. После рыбного дела их особняки хорошо подались кверху. Веронец-Гроссмейстер пропал вместе с собакой; вероятно, получив свою долю, ушел в творческий отпуск.

Уголовное дело не было возбуждено. Это и хорошо. В ту пору любили помотать нервы пострадавшим: дела тянулись, как караваны сквозь пески, и обычно кончались ничем.

Опять же, когда богатство нажито быстро и не совсем праведно, то подумаешь, прежде чем проявить настойчивость в поисках защиты. А если бы милиция обнаружила где-нибудь драгоценности, что хранились в тайнике у Валентины Яковлевны, то еще неизвестно, какие ниточки потянулись бы от них - не заметишь, как из жертвы превратишься в преступника.

Геннадий выручил мать небольшим стартовым капиталом. Поддержал ее и сосед, рукастый мужчина, помогавший ей в хозяйственных делах. Он не осмеливался заявить о своих чувствах, пока Валентина Яковлевна процветала. Женщина купила старенький пикап, вдовец возит ей рыбу - снова заработала железная формула «товар-деньги-товар».

Торговля идет без прежнего размаха: и «натюрморт» не тот, и подручные исчезли, персональный табурет - тоже. Дорогих украшений, пошлой кукольности как не бывало. Но личико снова округлилось, на щеках исчезла бледность. Одета в мужские рубашки, которые ей идут. Шею бережно закрывает легкой косынкой. Что поразительно, Валентина Яковлевна не говорит о своем разорении, а если напомнить, то мягко соглашается: «Обидно, конечно, да что там...» - и тень улыбки трогает губы и задумчивые темно-серые глаза. Вот и не верь после такого в судьбу!

...Виктория, поведав эту историю, спросила меня: «Неужели, чтобы очеловечиться, надо побывать в пасти у зверя?!» Я утешил ее словами Эпикура: «Веселая бедность - вещь

честная!» А что еще здесь можно сказать?..

10. БЕДНЫЙ СИ`РОТ

Я сделал себе день отдыха и гулял по Арбату. У невысокой кирпичной стены расположились художники. Среди них сидел Гриша, покуривал сигарету: заказчиков не было. Я подошел к нему.

- Вы еще и портретист?

- Всего лишь уличный, - ответил мой друг с необычной задумчивостью.

- Почему всего лишь? Откуда грусть? Работать на улице интересно. Какие встречи, типажи!

- Да, встречи самые неожиданные. И натуры запоминаются.

Я почувствовал: чего-то он не договаривает. Подошел молодой человек с раскупоренной бутылкой пива и сигаретой в руках.

- Старик, нарисуй меня! - обратился он к Грише.

- Садись, уважаемый. Красавцем сделаю!

- Красавцем не надо. Сделай старым и с рогами. Да побыстрее!

Художник спокойно ответил:

- Ну что ж, начнем с рогов.

Он усадил заказчика в мягкое, удобное кресло: на алюминиевый каркас натянута льняная ткань. Сам сел перед молбертом на железный табурет. Поняв, что я никуда не спешу, мне предложил второе кресло чуть сбоку.

Внешность-то у парня, как нынче говорят, прикольная: нос крючком, выступающие надбровные дуги, каштановые вихры рассыпались в разные стороны и торчат, как сосульки. Он развалился в кресле, покуривал, цедил пивко. Перед нами сидел некто, что верит в свою удачу и не боится судьбы, делает из демиурга посредника и даже почему-то желает выглядеть старым чертом. «Интересно, какое чувство вызвал этот человек у Гриши?..»

Из-под его кисти выходило весьма оригинальное произведение. У меня мелькнула мысль: «Возьмет ли его клиент?.. Не взбеленится?!» Около нас стали останавливаться прохожие, началось оживление, послышались смешки.

Женщина прошептала мне на ухо:

- Знает ли молодой человек, что рисуют?

Я вполголоса подыграл:

- Откуда ему знать!

Художник закончил писать подгулявшего старого черта с бутылкой и дымящейся сигаретой в руках. Парень пришел в восторг, рассчитался, взял портрет и тут же куда-то заторопился. Зрители посмеялись и разошлись.

Мой друг обратился ко мне, продолжая разговор об уличных встречах и типажах:

- Ну, откуда такая прихоть - увидеть себя старым чертом?.. К чему восторг и умиление?.. Думаете, мне не хотелось поговорить с этой натурой, посмотреть ее «изнутри», сравнить с шаржем?!

Желающих портретироваться пока не было. Гриша то манипулировал цифровым фотоаппаратом, то писал маслом со снимка. Подобные действия привлекают внимание прохожих - ненавязчивая реклама. Из ресторана «Русь» вышел мужчина лет пятидесяти, с выпирающим животом, в дорогом костюме, и направился к нам. Оказалось, что господин... хочет рисовать сам. Художник невозмутимо уступил ему свое место.

Толстяк сел на железный табурет и отдался вдохновению: вывел черной краской большой круг, внутри него - какой-то символ, похожий и на солнечный диск с лучами, и на вертолет, и на птицу. Трудился он усердно: пыхтел, наклонял голову то вправо, то влево, по-детски высовывал язык. «А лысеет-то он спереди. Говорят, если лысина со лба, это бог ума прибавляет. Сейчас посмотрим, много ли прибавил».

На такое зрелище опять собрались любопытные, нас обступили. Привычный ко всему Гриша сидел нога на ногу, скрестив руки на груди. Наконец под большим кругом с символом появился какой-то иероглиф, и, отстранясь от своего произведения, автор таинственного рисунка торжественно пояснил:

- Это - моя печать! А это - моя подпись!

Наступила тишина. Стоящие громко рассмеялись. Новоиспеченный рисовальщик победоносно улыбался... Мой друг изобразил на лице недовольство:

- Ну вот, лист испортили.

Господин достал бумажник, вручил ему сто долларов, пожал руку и отправился в ресторан, оставив свой рисунок. Видимо, выходил размяться. «А у этого рисовальщика есть свой шарм: щедро отблагодарил за понимание и подыгрыш, руку пожал выразительно, не мимоходом. Если разобраться, он изобразил свой герб и, может быть, символ текущих времен. Интересно было бы заглянуть в биографию господина...»

- Гриша! Не так уж плохо? - спросил я.

- Ардальон Филиппович, подобный случай - редкость. А вы по-прежнему не понимаете драмы уличного живописца. Сейчас поймете! Я буду краток...

Но ему помешали: на мостовую нахлынуло оранжевое шествие одетых по-восточному юношей и девушек. Под аккомпанемент аккордеона, экзотических дудок и погремушек молодежь скандировала: «Харе Кришна!» Вот они ушли дальше, стало относительно тихо. Гриша продолжил:

- Путь на улицу у каждого свой. Но есть два общих обстоятельства: нужда и уверенность - это временно.

- Таково ваше личное мнение? - перебил я его.

- Да все об этом знают... Вчера - полуголодное студенческое братство, честолюбивые мечты. Сегодня - в руках пачка денег. Неужели конец унизительной экономии?! Я - хозяин своей маленькой судьбы... О, какое это удовольствие! Его надо прочувствовать, чтобы понять. А заказчик сердечно благодарит, расточает наивные комплименты, главный из которых - поднятый кверху большой палец. Смешно, но и приятно.

- Значит, испытали сами?

- Да, конвейер включился... В ход пошли лупы, трафареты, щетки. Вечером - фонари. Портрет с натуры, портрет с фотографии. Похоже? Красиво? Быстро? Вот и вся академичность. Только бы произвести впечатление. Да здравствует бойкая кисть! Гоните денежки, а искусство подождет. Куплю квартиру и уйду с улицы. Построю дачу и все-таки уйду... Доучу сына... Выдам замуж дочь... Очень кстати пришлась новинка - цифровые фотокамеры: они ускорили конвейер.

- Такая независимость оборачивается рабством?

- Да, Ардальон Филиппович. Это описал еще Гоголь в повести «Портрет».

Я не думал, что дальше услышу исповедь, полную горечи.

- Дар сгорает, как свечка. О вдохновении свыше, о хушауе расухджинад (осетин. - об истинной, божьей красоте) говорить становится неприлично. Между тем, однокашник достиг вершин: диплом в Сеуле, выставка в Париже... Я же талантливей его! Был, был, был. Такое не прокрутишь назад, как киноленту. Иногда жить не хочется. И начинают пить.

- Вы же не запили!

- Это не о себе: я равнодушен к спиртному. Разговор о моих несчастных товарищах... А причуды заказчика не знают предела! Самое странное случается, когда делаешь шаржи. Казалось бы, получилось! Зрители от души смеются: шарж на улице - всегда маленькое шоу. Но человек внезапно вскакивает, с руганью убегает: «Изуродовали! Обсмеяли!» Не отличает добрую шутку от злой насмешки: происходит какое-то помутнение рассудка.

Гриша невесело улыбнулся. Я спросил:

- Не слишком ли все пессимистично?

- Все именно так, - ответил художник и помолчал. - Работать на улице трудно, но муки эти - товарно-денежные. К настоящему творчеству отношения не имеют, счастливым никого не сделали.

Снова послышался шум. То возвращалась, закончив уличный обход, оранжевая орава кришнаитов. Аккордеон играл уже на полную мощь, с надрывом; вторили ему дудки и погремушки; молодые люди пританцовывали, иные аж заходились от крика, славя своего бога.

К нам подскочил запыхавшийся бритоголовый юноша и сунул брошюрки.

- Приходите на проповедь, не пожалеете! После нее бесплатный обед.

Гриша поглядел на него многозначительно:

- Присядь, душа моя. Остынь, ма-зарда (осетин. - мой дорогой). Дай отдохнуть своему Кришне! Ресторан рядом, сейчас пойдем обедать. Я тебя приглашаю.

Парень засмеялся и бросился догонять процессию.

Мне хотелось продолжить разговор о драме живописца. Знал, что есть и другие соображения на эту тему: дело не в улице, деньгах, пьянстве, а в неверном выборе и бесконечных поисках своей доли, в смирении одних и упертости других. Отсюда понятие за-

тяжное детство и ироничное: «А что он делает? - Как что? Ищет себя». Отсюда и бесчисленные штампы: «Портрет художника в юности», «Портрет художника в щенячестве»...

Но мой друг то ли снова загрустил, то ли устал от «эстетского» разговора. Ни интересные клиенты, ни кришнаиты не оживили его. Что это с ним сегодня? Где беспечность? Где веселая болтовня о музах? Неужели действительно так затосковал по большому искусству?!

Мои мысли прервал сам Гриша... Месяц назад он работал здесь же. Вдруг услышал из-за спины мелодичный голос: «Господин художник, нельзя ли посидеть на вашей табуреточке? Устала! На всем Арбате - ни одной скамейки». «Одна есть, у памятника Окуджаве», - подумал он и, конечно, разрешил незнакомке сесть. Обернулся и увидел: глаза-то у нее прозрачно-голубые, как волна на морской отмели.

Девушка оказалась разговорчивой: звать ее Агнессой, приехала из Кирова, в Москве учится в медицинском институте, родители коммерсанты. Посочувствовала Грише:

- У вас усталый вид. Наверно, и пообедать некогда.

- Если много дел, про еду забываю.

Подошел заказчик, и художник углубился в работу. Девушка ушла. Он закончил портрет. Она появилась вновь. Веселая, в голубой отмели глаз резвятся рыбки. В руках поднос с ресторанным обедом.

- Кушайте! Надо беречь здоровье. Вы талантливый и трудяга. А помочь, кажется, некому...

Поднос был помещен на этюдник, и едва ли надо говорить, с каким аппетитом Гриша пообедал. Заботливая Агнесса взять деньги решительно отказалась. Поговорили о неспокойных и все-таки счастливых годах студенчества.

Художник стал рассказывать девушке об искусстве, о загадочной судьбе Поля Гогена, книгу о котором недавно перечитал. Реплики новой знакомой говорили, что та начитанная, в столице времени зря не теряет. В поисках вдохновения Поль Гоген уехал на Таити, вулканический остров в Тихом океане, и там нашел свою смерть. Взгляд Агнессы затуманился.

Ближе к вечеру она попросила:

- Если можете, выручите меня... Выходит замуж подруга-землячка. У меня не хватает на подарок. Звонила отцу, обязательно вышлет. Может быть только небольшая задержка: у коммерсантов денежки в товаре.

В голове у Гриши пронеслось: «В долг - первой встречной?.. Но мы уже друзья... Ах, не будь злой собакой на сене!»

- Сколько?

- Десять тысяч.

Приняв деньги, Агнесса ответила благодарной улыбкой, трогательно положив руку на сердце.

- Ни о чем не беспокойтесь! Верну через три дня.

Должница не появилась ни через три дня, ни через десять. Гриша пришел в бешенство. «Дурканулся?.. Убью! Так посмеяться над мужчиной!..» Но, прежде чем убить, надо найти. Сходить в милицию? Там вежливо выслушают, как пошутила девушка. А найдика ее в Москве по голубым глазам! Оскорбленным самолюбием им заниматься некогда, для них такой случай - забавный анекдот. «Как это по-русски, Ардальон Филиппович?.. Совершенно верно, будут ржать, когда уйду».

В Грише кипела злость. А что, если... нарисовать эту Агнессу - и в милицию с портретом? На провинциалку она не похожа. Среди московских мошенниц ее найдут без особого труда. Попалась, голубушка! Думала: предусмотрела все-все. Но мудрые юристы говорят не зря - все учесть невозможно. Забыла самую малость: есть люди с феноменальной памятью. Если человек что-нибудь напишет или внимательно прочитает - как будто сфотографировал.

Мы по-прежнему сидели у невысокой кирпичной стены. Художники писали портреты, занимались кто чем. «Как вы думаете, Ардальон Филиппович, такая память - не болезнь?» - спросил мой друг. Я только пожал плечами: думал совсем о другом. «Попался бы я на подобный финт? Разве что в молодости. Сейчас уже нет. Хорошо это или плохо? Скорее печально - стать таким мудрым... Но и Гриша уже не юнец. А вот тут, наверно, и сыграла свою роль известная всем ментальность». Он открыл бутылку кока-колы, сделал несколько глотков, - видимо, пересохло в горле - и продолжил рассказ с таким жаром, как будто надули его вчера.

Гриша принялся рисовать портрет девицы. Вместо нее из-под серого карандаша про-

ступала какая-то ведьма. Что такое... Разучился?.. Потерял хваленую память?.. Эх, мазила! Надо успокоиться, отвлечься от обиды.

Через неделю вернулся к рисунку. И кое-что стало получаться. Глаза светлые. Белая бумага создала оттенок их легкой голубизны. Взгляд открытый, искренний. Такая не обманет... Он поймал себя на том, что улыбнулся. А ее улыбка!.. «Ардальон Филиппович, та самая, за которую на костер пойдешь!» Платьице, жакетик - все просто, но это модная простота. Да, едва заметная оспинка на нежной щеке, вот здесь. И так душевно слушает его токование о драме Поля Гогена, подпирает щечку ладонью... Не девушка - атами! (осетин. - персик!)

Злости как не бывало.

Агнесса ушла незаметно - и вызвала сожаление. Вернулась неожиданно, да с таким обедом - вот была вкуснятина, особенно солянка! Не сфальшивила и когда отказалась от денег: «Мне так хочется!» Но глаза... Нет, их прозрачная голубая вода не замутилась. В ней только играли рыбки.

Гриша понял, что трюк с ресторанным обедом был первым ходом: девушка сделала его своим должником. Затем - другом: с интересом слушала его рассказ. Очень естественно попросила в долг. Трогательно простилась. Блестящая многоходовка!

- Что за актриса живет в Агнессе! Как это по-русски, Ардальон Филиппович?

- Замечательная?

- Нет. Берите выше!

- Великая?

- Нет. Еще выше!

- Может... крутая?!

- Совершенно верно, крутая! А я хотел посадить ее в страшную тюрьму, чтобы она забыла там все свои таланты. Изверг!.. Теперь бьюсь над загадкой - кто она?..

Глубоко вздохнув, художник опустил голову, стал привычно манипулировать цифровой фотокамерой, писать маслом со снимка. Снова, как в начале нашей встречи, занялся незаметной рекламой, только рассеянно, с остановками: ему, оказывается, хотелось бы знать - бенефис Агнессы был подготовлен или сыгран на ходу.

Пока мой друг рассказывал, я изрядно запутался. В кого или во что он влюбился: в девушку, в ее портрет, а может, в искусство мошенницы?.. За годы странствий меня не раз обманывали; если грубо и вероломно, во мне поднималась буря возмущения; если грамотно, почти не переживал, лишь вспоминал с усмешкой. Размер ущерба не имел решающего значения. Но чтобы сплутовали так изящно - не припомню! Дьявол силен.

И тут Гришу прорвало:

- Я найду Агнессу!.. Выставлю здесь ее портрет. Увидят, ей передадут. Москва - город маленький. Агнесса даст о себе знать! Такая девушка не может быть обманщицей. Ее заставили какие-то обстоятельства. А может, то была мистификация?.. А может, она - бедный си`рот?! Никто ее не любит...

От неожиданности я потерял дар речи.

- Ну, конечно, конечно... Казанская сирота! Никто ее не любит. От тоски шатается по улицам, мистифицирует, играет весельем... на десять тысяч рублей.

Что-то еще бормотал - не помню сейчас - о влюбчивых осетинских живописцах, об изощренных столичных мошенницах. Какое там! Горячий мужчина не слушал. Тогда я встал и пожелал ему удачной реализации фантастического плана: бесполезно увещевать горца, у которого зажглось сердце.

11. НАШ АРОШКА

Ветераны войны узнаются с первого взгляда. Золоченый «иконостас» выделяет их в разношерстной толпе на Арбате. Только фортуна не всегда справедлива, да и жизнь на различные перипетии горазда. Подошедший ко мне высокий старик с офицерской выправкой заговорил громко, командирским тоном:

- Погадал бы у хироманта, да с деньгами не густо... Верю в судьбу! Кому выпадут долгие годы, того не возьмет ни пуля в атаке, ни огонь в танке... Моя мать была гадалкой. Она напророчила: «Ты долговекий, Федя, а жить будешь тяжко!» Все сбылось. Недавно - опять беда...

Попав под обаяние этого старца, я собрался было посмотреть линии его отважной молодости бесплатно. Как вдруг парень из компании, что пила пиво вблизи и оживленно о чем-то толковала, шагнул к нам и жестом старомосковского купчины вручил мне

хрустящую сторублевку, а старику прокричал на ухо:

- Гадай, отец! Это из уважения к тебе, победителю... Каждый твой шаг - в оправдание нам.

Ветеран согласно кивнул, с командных высот взглянул на салагу и, не снижая голоса, поправил:

- Не в оправдание, а в назидание! Уяснил?

- Яволь, герр комиссар! - и бойкий парень снова смешался с тусовкой, откуда раздался смех. Какой-то манкурт крикнул: «Ордена, медали - разницы-то! Покупай - не хочу...» Но этого почти глухой старик, видимо, не слышал.

Он сел ко мне и сообщил, что звать его Федором Савельевичем, ему восемьдесят лет, родился под Ярославлем, живет в Москве, много лет работал учителем. Потом начался пространный рассказ ветерана о пекле Сталинградской битвы, о товарищах, которых давно уже нет.

Между тем, к молодым людям подошел еще один, небрежно одетый, с брыластой физиономией. Их разговор сделался напряженным: «Отбиваешь крышу! На мои деньги играешь в казино...» Теплая компания! Если что-то случится, тут же милиция, попадешь в свидетели, хлопот не оберешься.

Я терпеливо слушал клиента. Выяснилось, что он возвращается от своего бывшего сослуживца, генерала, ходил к нему за советом. Федор Савельевич недавно женился. Вдруг он замялся... Я спросил:

- Сколько ей лет?

- О, она юна... То есть ей около... ну, пусть - сорока. Да разве это так важно? Она - женщина моей, понимаете, только моей молодости!

Теперь на какой-то миг задумался я.

- Юна... Годится вам в дочери. Скорей во внучки!

Он улыбнулся, показав ровные, белые вставные зубы, натужно вздохнул.

- Она прекрасна, как Вирсавия с картины Рембрандта. Разве я ждал ее? Блеск звезд в глазах... да не все то золото, что блестит. - Он с трудом справился с охватившим его волнением. - Умерла жена, потом сын. Болезни. Проклятая тугоухость. Остался один, если не считать генерала, которому девяносто... И размечтался о новой участи.

Ветеран помрачнел. Недавно молодая жена одарила его змеиным поцелуем, сказала: «Знаю, как покупались ваши награды - за чужой счет, кровью других...» И он потерял последнее - душевный покой.

- Теперь надо разводиться, выселять нахалку из квартиры. Это трудно, дойдет до суда. Генерал обещал поддержку... Погадайте, получится ли?

Клиент наконец-то объяснил свою беду и сформулировал мою задачу.

А за его спиной обстановка накалялась. Мне было видно, что уже хватали за грудки. Донеслась угроза: «Мы тебя грохнем!» Назревала драка. Что делать?.. Прервать работу?.. Или успею?..

Слушая Федора Савельевича, я пытался определить по ладони его нрав. Похоже, передо мной сидел человек сильный духом и добрый, с годами ставший доверчивым, подетски наивным. Бедняга доживает свой век с обнаженными нервами, почти беззащитным. Все-таки нам повезло: я увидел линию позднего Брака с распадом. Когда ветеран услышал об этом, его выцветшие глаза просияли. А я подумал: «На двоих с генералом им сто семьдесят. Но старая гвардия победит, если не преставится во время тяжбы».

И во все время сеанса меня мучила мысль, что где-то я видел такого же великолепного мужчину: глаз блестит, ус торчит, кудри, прямая фигура... Как будто встречал клиента молодого. Лихорадочно рылся в памяти: детство, встречи, кадры из фильмов. Какие кадры... Что-то из жизни. А может, фотография? Нет, из жизни! И это «что-то» забрезжило... Догадка, будто луч света. Эврика! Федор Савельевич - вылитый Арошка.

К парням, что ссорились, подошел бритоголовый мужчина крепкого телосложения. Громкий разговор поутих. Хоть бы этот навел порядок!

...В доме моей тети, в красном углу, стоял на полочке снимок ее сына Арона, молодого капитана. Под фото на черном крепе висели два ордена: Красного Знамени и Великой Отечественной войны. Я, мальчишка, приходя в гости, изучал покрытую яркими красками и эмалью металлическую память о двоюродном брате. Это потом, став взрослым, понял: за каждым орденом - подвиг, а за ним всегда маячит смерть. Арону повезло два раза... Тетя о сыне ничего не рассказывала. Сейчас понимаю почему: ее душили слезы.

Кое-что случайно я узнал об Ароне много лет спустя от его одноклассницы, которая с восторгом вспоминала его нежное, как у девушки, лицо, длинные ресницы, каким он

был стройным гимнастом и хулиганистым парнем, со сверстниками не церемонился, на порицания взрослых отвечал широкой обезоруживающей улыбкой. Помнила женщина и такую подробность: дощатая перегородка, что отделяла его комнатку в доме, была увешана спортивными почетными грамотами.

Их выпускной бал пришелся на июнь сорокового года. Арон с его хорошими математическими способностями поступать в институт не пытался: не приняли бы его - отец погиб во время ежовщины. В этом месте рассказа моя немолодая собеседница понизила голос и произнесла зловещие слова: сын врага народа... мандатная комиссия... лишенец... Местный техникум моего брата не прельстил. Он работал киномехаником в клубе, тренировался, как будто смутно ждал перемен. На войну ушел веселым, видимо, от отчаяния. В двадцать лет командовал ротой разведчиков.

Война уже приближалась к концу. «Наш Арошка» прибыл с фронта на побывку. Посмотреть на него сбежалась не только родня, но и вся улица. В зеленой гимнастерке, затянутый в кожаную портупею, он подкинул меня на руках и заразительно улыбнулся. Так я получил первое представление о мужской красоте и силе, да с этого события и помню себя... Офицер вернулся на передовые позиции и сложил голову под Кёнигсбергом. Все, что осталось от Арона Ивановича Рогачева, - фотография в красном углу и два магических знака.

...Я посмотрел на золоченый «иконостас» сидящего передо мною фронтовика и увидел - такие же ордена. И белые искусственные зубы старика напомнили мне - смешно, конечно - улыбку Арона. Как будто снова встретил своего брата и прикоснулся к детству. Воспоминание об этом заслонило от меня окружающие реалии, в ту минуту я почувствовал себя по-настоящему счастливым.

Проза действительности напомнила о своем существовании. За спиной клиента заканчивалась иная разборка. Настоящая мужская драка бесшумна, коротка, результативна. Здесь после долгой непотребной ругани парня, подарившего ветерану сто рублей, ударили в челюсть. Он выплюнул зуб, кровь напугала дерущихся, они разбежались.

Мне не хотелось расставаться с Федором Савельевичем, который, слава богу, похабной сцены не видел и не слышал. Как мало их осталось, фронтовиков великой войны... А вдруг это последний из тех, кто подходил ко мне?..

12. ЗЛОСЧАСТНОЕ НАЧЕРТАНИЕ

Стоим мы слепо пред Судьбою.
Не нам сорвать с нее покров...
Ф.Тютчев

Человек устроен таким образом, что ему иногда проще поверить в собственное поражение, чем в победу. Отсюда и случаи необоснованного предчувствия апокалипсиса. Таких людей не спутаешь ни с кем: они существуют как бы в другом мире. Один из них, мужчина средних лет со стареньким дипломатом, сел ко мне на Арбате. Каштановые волосы коротко острижены, худощавое, желтоватое лицо чисто выбрито, взгляд страдальческий. Худые руки с длинными пальцами, будто у аристократа или музыканта, чуть дрожали.

Надо искать причину его несчастья. Я начал с Брачных линий, их оказалось две. Первая - багровая, с усложненным рисунком и отчетливым знаком кризиса. Подобное читаю часто, поэтому уверенно сказал:

- А отношения в браке непростые.

- Хуже некуда, - ответил он тихим голосом.

Вторая Брачная линия - розовая, атипичная по рисунку. Такие встречаю редко и не уверен в их толковании... Поэтому продолжил осторожно:

- И новое чувство?

- Да, я встретил другую женщину... Она ставит меня на ноги.

- Значит, до встречи с нею вы лежали?

Он вымученно улыбнулся, подумал и начал неторопливый рассказ:

- ...Вы задеваете самое больное. Женился по большой любви на «светской даме» из Петербурга. Потерял голову от загадочных глаз с поволокой. Встретились на концерте. Вдруг почувствовал: кто-то смотрит на меня сзади. Обернулся - все глядят на сцену, только одна девушка опустила глаза. По-прежнему слушаю музыку, то же странное ощущение, обернулся быстро - наши взгляды встретились, она улыбнулась.

После концерта они познакомились, вышли вместе. Оказалось, идти в одном направлении. Никогда еще Сергею не было так интересно... Эльза рассказывала о памятниках и дворцах, мимо которых они проходили. Да как рассказывала!

Искусствовед, она поехала с ним, офицером, в степной гарнизон, где появление даже цыганского ансамбля - событие. Они поженились. Получили квартиру. Но очень мало он ее знал... Однажды спросил шутя, почему так легко и быстро вышла замуж. Эльза тоже ответила шуткой: сказала, что ждала Сергея. Студентками они гадали «на колечко», которое опускали в стакан с водой, то был целый ритуал. Она увидела в колечке Суворова. Ей объяснили: выйдет за умного, волевого, стройного. «Не будешь ходить на концерты в военной форме!» - подковырнула она Сергея.

Потом произошло событие не такое веселое. Один из его друзей приехал к ним без приглашения, Эльзе это не понравилось. Когда подошло время расставания, она сказала Сергею: гостя провожать не надо, пусть почувствует бестактность своего поступка. Муж не послушал ее, ответил, что скоро вернется, но возвратился с большим опозданием: они попали в аварию. Машину три раза перевернуло, друзья не получили ни одной царапины, хотя потрясение испытали. Эльза встретила Сергея многозначительной улыбкой: «Легко отделались». Ему не понравились ее слова.

Как-то в длительной командировке он увлекся женщиной. Возвращаясь домой, сломал ногу. Эльза встретила загипсованного мужа не с тревогой и сочувствием, а холодным, отчужденным взглядом. Коротко бросила: «Могло быть хуже», - и не разговаривала с ним несколько месяцев. «Вот такой кунштюк!» А он терпеливо ждал, стал побаиваться ее.

...Клиент посмотрел на меня пристально.

- Вы, наверно, думаете - что за мужик?

- Совсем нет! Рассказывайте дальше, - ответил я.

А сам погрузился в размышления: «Ее прогнозы, иногда шутливые, видимо, имели в его глазах силу реализации событий. Этот толкователь мысленно кивал на предопределение: как будто тайная энергия небытия угнездилась в ее словах. Если в подобное уверовать, то будет чего опасаться и можно, скиснув, превратиться в подкаблучника... не учитывая любовь, живую душу и, возможно, мощную интуицию женщины».

Изучив другие линии, обсудив с клиентом информацию, полученную с них, я выпустил его ладони. Он стал нервно постукивать пальцами по чемоданчику, лежавшему у него на коленях. Однако на его щеках проступил легкий румянец, голос несколько окреп.

...Сергей понял, что служба не для него, и уволился из армии. Семья переехала в Москву, где живут его родители. Теперь у него с отцом небольшая фирма, они любят птиц и зверей, делают деревянные клетки, кормушки, чесалки. Сырья хватает, покупателей - тоже.

Он убежден: жена продержалась несколько лет в гарнизоне лишь потому, что обожает их сына Лешу. Сын - единственный человек, которого она любит. В столице Эльза будто возродилась, снова окунулась в свою стихию - выставки, спектакли, творческие вечера - и начала приобщать к искусству мужа и сына. Эльза - стихийный просветитель. Все получается у нее легко, незаметно, шутя; этим она владеет в совершенстве. (В рассказе возникла заминка. Я почувствовал, как клиенту дорога жена.)

Однажды его родственник увидел Эльзу в кафе на Тверской с мужчиной: богатый стол, цветы, оживленные лица. Сергей потребовал у жены объяснения. «Не стану спорить, картина впечатляет, особенно сияние очей, - сказала она с улыбкой. - Кстати, какие там были цветы?.. Букет алых роз. Даже так?! Представляю, какой они источали бы аромат! Этот цветок действительно старинный символ вожделения и эротики. Однако, милый, ты же знаешь мой вкус - предпочитаю астры. Вообще, Сережа, какой мужчина?.. Что за адюльтер на глазах у всей Москвы?.. Я же люблю только тебя!» И похлопала его по щеке. И слова, и жесты - всё было не то, другое... Это не передать.

- ...Клиент помолчал. Его взгляд неожиданно чуть повеселел, интонация разговора стала другой.

- Я встретил Верочку! Она из простых, совсем другая, но западает в душу...

- А Эльза? - поинтересовался я.

- Смотрит вопросительно... Купались в озере, прикоснулась пальцем, у меня отнялись руки-ноги, пошел ко дну. Не знаю, как сумел всплыть на поверхность. Недавно сказала: «Сергей Кириллович, видела тебя с девушкой. Порадуйся жизни, но простушка не заменит меня». Где могла видеть?.. - Он пожал плечами.

Его пальцы медленно гладили шероховатую крышку чемоданчика. Значит, немного

успокоился, готов к серьезному разговору. Но я не мог сделать заключение. Две линии Брака, с которых начал... Значение второй, атипичной по рисунку, так и осталось для меня загадкой. Придется признать свое поражение...

На улице парило перед грозой. Тучи сгустились, упали первые капли дождя. Клиент ждал моего заключения и, видимо, никуда не спешил. Я согласился зайти с ним в кофейню, собрал вещи. Открыли дверь - какой чудесный аромат! Сели и сделали заказ. Тут внимание Сергея, уже превратившегося в моего приятеля, привлекла молодая пара за соседним столиком.

- Посмотрите на них, Ардальон Филиппович! Лейтенант с девушкой. Не просто с девушкой, с невестой!

- Почему вы так решили?

- По глазам. Так смотрят друг на друга только жених и невеста. Он в парадной форме: сейчас в академиях выпуск. Через месяц они будут далеко-далеко.

- Вспомнили молодость?

- Да. Тянул лямку в такой Тмутаракани...

Но столько чувства прозвучало в его словах, словно он сам помолодел. Тут уж и наваждения злой силы бессильны, и хиромантия не нужна: «здесь дышат почва и судьба». Мой собеседник мечтательно задумался. Стряхнул оцепенение.

- До женитьбы я жил в офицерском общежитии, трехкомнатном клоповнике. Помню, как сейчас, бесконечный преферанс, песенки под гитару, анекдоты... Свои мастера художественного слова!..

Он наконец-то улыбнулся.

- Вот характерная картинка... У шахматной доски сидит с партнером Гена Лобач. Рыжебородый, горбоносый, в кителе с золотыми погонами. Сбоку бутылка сухого. Стакан не нужен: Гена пьет «из горла`», смакует... Бывший боксер умеет обломать самого оголтелого самовольщика: верит в кулак, а не воинским уставам. Зато не отправляет солдат на гауптвахту и пользуется их уважением. Командование не спешит переводить капитана Лобача на майорскую должность. Гена не философ, об идеальном и вечном не думает, иначе перешел бы с сухого на спирт-ректификат.

Сергей стал вспоминать сцены из армейской жизни.

- Ночной звонок. Я самый чуткий, как и положено трезвеннику. Встаю, спрашиваю, кто там. За дверью - тишина. Снова звонок и молчание. Ага, пахнет дешевым портвейном. Значит, лейтенант Мынка. Говорю: «Леня, игры сегодня нет, все спят!» Леня, видимо, поражается, что я вижу сквозь дверь, и бесшумно уходит.

У рассказчика заметно оживилось лицо, заблестели глаза.

- Хуже, если пахнет тройным одеколоном или денатуратом... Тут у меня пропадает весь сон. Не открывать - будут последствия. Открыть - опасно. С майором Мериновым шутки плохи! По ночам он часто не спит совсем. Как-то расстрелял обойму из пистолета Макарова по зеленым чертям, его брали медики и комендантский взвод. Теперь до оружия его не допускают, но в полку случается всякое... Майор Меринов знает: на звонок встаю я, подчиненный ему по должности. Не застрелит сейчас, загоняет завтра с похмелья: «Иди сюда!» Потом, трезвый, будет по-своему извиняться: «Как я тебя, а?.. Да ты не серчай! Вас, молодых, надо жучить авансом, чтоб служба не казалась медом». Посмотрели бы вы на него! Уже седой, а глаза под черными бровями сверкают, как бинокль, - ну прямо боевой генерал. Голова, однако, трясется. Может, от контузии на учениях. Может, от некачественных напитков.

Он отпил кофе и продолжил:

- Помните фильм по повести Куприна «Поединок»?.. Я смотрел его, не шелохнувшись. В гарнизонах ничего не изменилось за сто лет!.. Каждый лейтенант мечтает о больших звездах. Чтобы они упали на погоны, надо иметь надежный тыл. Ребята посерьезней говорили: «Зачем образованная жена? Вернусь из командировки усталый, голодный, а мне скажут: моя улетела на «симфозиум», - и привозили медсестру, продавщицу, парикмахершу. Эти обычно приживались. Мечтательные мальчики влюблялись в актрису, музыкантшу, художницу, но злые степные ветры выдували их женушек из военного городка. Молодые мужья ходили за несколько километров на маленькую станцию, опускали свои послания в ящики почтовых вагонов - так скорее дойдет. Проводницы завистливо вздыхали: «Какие у вас счастливые жены!» Образованные иногда отвечали на письма - и никогда не возвращались.

Мой приятель грустил, смеялся, размашисто жестикулировал, опрокинул чашку с недопитым кофе. Можно было подумать, что рассказывает он не про майора Меринова,

а о родном отце. Не станешь же его останавливать, намекать, что все эти страсти-мордасти существуют со времен царя Гороха.

Дождь кончился. Мы вышли из кофейни. Легким шагом навстречу нам шла женщина. Сергей растерялся, его прошиб пот. Эльза? Откуда? Да, это была она. Вытирая платком лоб, Сергей познакомил нас. Действительно хороша: изящная фигурка, ослепительно белая кожа, жемчужно-серые глаза и впрямь загадочные, с поволокой. Поговорили о приятном сюрпризе на столичной улице. Узнав, кто я, Эльза попросила почитать ее линии. Этика хиромантии не позволяет во время сеанса присутствовать третьему - я предложил Сергею погулять. Мы с клиенткой, найдя подходящее место, присели на мои стульчики.

Ее магические знаки читались с трудом. Так и должно быть: женщина необычная. Такие случаи я люблю, они часто обещают интересную, неожиданную находку. Открылась линия Интуиции. Впечатляющее зрелище... Свой «факел» в космосе, да какой яркий! Уж не видит ли дамочка вещие сны?!

А это что? Не может... не может быть! Неужели... то начертание, от которого у женщин средневековья леденела в жилах кровь?! Современные хироманты, увидев такое сочетание знаков, молчат (делают вид, что не заметили), а прежние без церемоний объявляли: ведьма! Мне стало немного не по себе, я невольно приостановил свое занятие. Вот и заключение для Сергея! Справившись с волнением, я продолжил изучение ладоней. Поговорили о линии Брака со сложным рисунком и знаком кризиса. Эльза обворожительно улыбалась, словно не придавая значения этим сведениям.

И все-таки она заметила паузу в моей речи.

- Вы умолчали о чем-то серьезном... Почему?

- Ну что ж, вернемся... У вас великолепная линия Интуиции! Чутье оказывает вам бесценную помощь. Случаи, когда надежней доверяться ему, а не логике, встречаются часто, - отговорился я.

Порывшись в сумочке, Эльза протянула мне крупную купюру. В глазах - смешливые искорки.

- Спасибо! Тронут.

Вернулся Сергей. Теперь я предложил Эльзе погулять несколько минут: надо было закончить разговор с ним.

- Она знала, что вы на Арбате?

- Нет.

- У вашей жены необычные знаки... Старые хироманты посоветовали бы молиться за нее.

- Неужели?! Расскажите подробней, прошу вас!

Мне ничего не оставалось, как выложить ему все. Закончил словами:

- Она сеет зло. Особенно страдают самые близкие люди. Но и сама несчастна... Ей говорить нельзя. Это чревато... Как поступать, решайте сами.

Он помолчал. Пожал мне руку, и мы расстались. В заработанных за день деньгах вместо крупной купюры я обнаружил листок белой бумаги.

Сергей подошел ко мне через год. То был другой человек, уверенный в себе, каштановые волосы завиты. Сказал, что так нравится Вере, ставшей его женой. Поделился горем: минувшей зимой она попала в аварию, ехала на своих жигулях, внезапно отказали тормоза, спасли случайный сугроб и ремни безопасности. Но несколько секунд полета между жизнью и смертью бесследно не прошли - заболела тяжелым неврозом. Сейчас они собираются на курорт за границу.

Я спросил про Эльзу и увидел в глазах Сергея боль. Он рассказал: экспертиза выявила, что тормоза были исправны. А Эльза в те дни бросала на него торжествующие взгляды. «Как узнала про аварию?..» - задумался он. Наконец, все понял и тогда решился раскрыть ей содержание нашего разговора год назад.

Вначале она пыталась шутить:

- Ай, Ай, Ай... Ведьма?! Вот это здорово! До чего интересно! Однако ж... Может, я добрая волшебница из сказки Шарля Перро? Раздаю хрустальные башмачки?

- Нет, ты ближе к панночке из гоголевского «Вия», - ответил он.

Услышав, что их сыну Леше из-за нее не будет счастья, Эльза изменилась в лице и сникла. «Она подурнела. Игры больше нет. Вы бы не узнали ее», - с горечью добавил Сергей. Позднее заявила: «Ухожу. Не поминайте лихом...» - и пропала. А уйти Эльзе было куда: встреча в кафе на Тверской имела свое продолжение.

...Мой здравый смысл сопротивляется: что еще за ведьма?.. Это же из области фоль-

клора. Но зловещее начертание я видел. Белая бумажка, в которую странным образом превратилась пятисотенная купюра, осталась у меня на память. Наконец, стала понятной вторая, атипичная линия Брака на ладони клиента: она не читалась из-за сильного влияния первой. И все-таки я не уверен до конца, что это было: сверхинтуиция и озорство - или действительно загадочное предопределение.

PS. Крым и Кавказ сперва очаровывают меня, но потом срываюсь и уезжаю оттуда, потому что на берегу меняющего цвет моря и у подножия заснеженных горных хребтов не так уж много интересных встреч. Где мне всегда хорошо, несмотря на тесноту и отсутствие потрясающего пейзажа, так это на Арбате. Здесь я читаю самые загадочные линии и знаки. Их носители подчас изливают мне душу. Они словно чувствуют, что в таком случае получат больше: не схематичный прогноз, а развернутый рассказ о своем прошлом и будущем. Люблю неформальное общение! У арбатских клиентов не замечаю снобизма, хотя иногда передо мной садятся крупные ученые, физики и математики. Здесь я по-настоящему оценил «роскошь человеческого общения», а моя будущая книга стала населяться всевозможными и невозможными обитателями.

13. ПО-ГРУЗИНСКИ, ПО-ОСЕТИНСКИ

Рассказ Гриши о драматической судьбе некоторых художников произвел на меня впечатление. Его «роман» с девушкой, назвавшей себя Агнессой, - такое тоже не скоро забудешь. Мой друг все больше интересовал меня; и, несмотря на занятость обоих, мы договорились по телефону о встрече.

На этот раз Гриша стоял со своими пейзажами у пересечения Арбата с Серебряным переулком. Мы сели в его белый вольво, но обстоятельства были не для беседы: у его стенда то и дело останавливались прохожие, он выходил из машины, отвечал на вопросы. Я терпеливо ждал.

Небо заволокли тучи, вокруг потемнело, духота улицы обещала дождь. Любители живописи ушли. Едва художник успел прикрыть картины целлофановой пленкой, как грянул гром и разразилась гроза. Мы снова спрятались в автомобиле, все-таки мне повезло, начал задавать вопросы:

- Расскажите, пожалуйста, как вы очутились в Москве?

- Почти случайно... Я с женой возвращался автобусом из Тбилиси к себе в Цхинвал. В нескольких километрах от города шофер остановил машину: «Дальше ехать нельзя - там стреляют!»

Жена была беременна, но пришлось идти пешком. Вскоре их догнал «уаз», из него выскочили люди с автоматами. Старший из них строго спросил Гришу:

- Ты, конечно, осетин?

Он ответил по-грузински:

- Неужели похож на осетина?!

Боевики вернулись в машину. Посовещались и уехали. Слава богу, поверили.

Супруги отправились дальше. Когда входили в Цхинвал, увидели у дороги блокпост, которого раньше не было. Из него показались вооруженные люди. Один из них посмотрел на Гришу пристально:

- Ты, конечно, грузин?

Он ответил по-осетински:

- Неужели похож на грузина?!

Их снова оставили в покое. А Гриша в обоих случаях говорил правду: по матери - грузин, по отцу - осетин. Ненависть нарастала с каждым днем, в воздухе запахло порохом. Вскоре начались настоящие бои. Художник тоже взял в руки автомат. И дорога в Тбилиси, где раньше неплохо продавались его картины, оказалась закрытой. По окончании войны он уехал в Москву.

«Мой друг женат, и при наших встречах - ни слова об этом. А его любовь к Агнессе и «кредит» в десять тысяч рублей?.. История получается несерьезная, какая-то двусмысленная. Или я по-прежнему ничего не понимаю в ментальности горца?..»

...Дождь усилился. Капли, вначале дробно стучавшие по крыше салона, теперь падали гулким потоком, по брусчатке текли ручьи. Стало почти темно, дома просматривались неясно, лишь яркие сполохи молний на мгновение освещали улицу. Рокотал гром. Боевая страница в биографии художника заинтриговала меня. Однако на мои расспросы он отозвался скупо:

- По своей природе я воин. Обожаю сражаться! Человек влюбляется в чом-схашам

(осетин. - войну, резню), как отведавший горячей крови волк. Но мне удалось остановиться... И вспоминать не хочется.

Раз задели такую тему, я не удержался:

- Помню события в вашем регионе. Подобное происходило тогда во многих уголках большой страны. Газеты и телевидение помогали разобраться... Люди требовали восстановить историческую справедливость, а дирижировали темные личности. Они возмечтали стать президентами, министрами, генералами... Как же вы, - я разволновался, зачем-то открыл дверцу, в салон потекла вода, захлопнул дверцу, - как же вы позволили вовлечь себя в нечистую игру, Гриша? Этих борцов заело честолюбие. Вы же - талант! Потеряли три года... Хорошо еще, не погибли...

- Вы не знаете тех событий, - перебил меня помрачневший собеседник. - Не представляете, какая бушует хушау-на ркурта (осетин. - буря, стихия), если идея увлекает весь народ. Газеты и телевидение?.. Это смешно! Чтобы что-то понять, надо пережить. Когда прольется кровь, на первое место выходит бафидчистамца (осетин. - месть, отмщение). Не заметишь, как неведомая сила закрутит и бросит не туда. А богатым осетинам, которые смылись, мы еще устроим... танец с саблями.

- Не надо! - вырвалось у меня. - Кто навлекал беды на головы стариков и детей?.. Впрочем, говорить об этом поздно. Извините, Гриша! Я пришел по другому вопросу. Потолкуем об искусстве?!

Такое предложение явно понравилось художнику. Он нажал на клаксон - улица огласилась сигналом, приглушенным шумом дождя. Включил свет в салоне, угостил меня спелой, желто-коричневой грушей, достав ее из портфеля, стоявшего на заднем сидении. Я представил, какой сладкий, душистый сок потечет, если ее надкусить, но отложил удовольствие. Надо спешить: дождь пройдет - конец беседе.

- Если верить слухам, ваши картины принимают в дар жены зарубежных президентов. Это приносит удовлетворение?

- Да, конечно. У них тонкий вкус: гранд-дамы не зашорены. Они знакомы с лучшими образцами современной живописи.

- Как-то вы сказали, что пишете для всех. Разве это возможно?

- Картину для души не выставишь на общее обозрение: могут не понять... Моя энергетика будет действовать на людей, когда меня уже не будет. Это вдохновляет! Люблю работать на улице. Некоторые называют ее помойкой. Они забывают имена тех, кто начинал с такой «помойки». Хотя бы Камиль Писсарро и Морис Утрилло, их городские пейзажи...

«В прошлую нашу встречу он говорил об уличных живописцах нечто другое... Ай да Гриша, какой ты переменчивый! Правда, речь шла о портретистах».

- Простите, почему на вашем полотне «Вечерний Арбат» развевается российский флаг?

- Флаги нравятся иностранцам.

- Нравится - не нравится... Разве это критерий?!

- Угождая вкусу толпы, могу утратить свой? Согласен. Но я должен учитывать интерес покупателя... Вам не приходилось видеть коллекцию тропических бабочек?.. Их продают моряки в портовых городах. Крылья самых неожиданных, нежнейших расцветок! На них тончайшие рисунки! Эти бабочки живут всего несколько часов. Думаю, их создает Самый Великий Художник. Показывает нам: так до`лжно!.. Но картину надо еще продать. Где найти золотую середину?! Жить в Москве очень дорого.

В голосе Гриши послышались печальные ноты. А мне почему-то вспомнились сцены на мостовых, написанные им в сверхреалистической манере, которые я видел еще при первой нашей встрече, у стен ресторана «Панчо Вилья»: компании загадочных мужчин и эротичных женщин на вечернем городском фоне. Я поделился, что, глядя на них, испытывал волнение.

Гриша встрепенулся.

- Значит, есть загадка в тех работах?! Вы порадовали меня. Да, я мистик. Но верю не в бездарное нагромождение ужасов, а в шыдар-наахурджинад (осетин. - чудо, что-то невероятное, небывалое). Человек жаждет его, как любви, красоты, справедливости! Иногда само ожидание чуда помогает выжить в безнадежных обстоятельствах...

Художник смело развивал свою мистическую идею. А я погрузился в себя: «У нас далекие судьбы, разная мера одаренности, но похожий настрой души. Может, поэтому мы и сблизились?.. Я нашел себя очень поздно: потерял не три года, как он. Но знаки на моих ладонях - что удивительно! - начали меняться, когда стал сочинять прозу. Появи-

лась линия Аполлона, о которой мечтают люди искусства. Она постепенно обретает отчетливый рисунок и связь с холмом Луны, средоточием художественных фантазий. Набирает силу линия Судьбы, крепнет узор на холме Юпитера: растет шанс какого-то успеха...»

Я очнулся и готов был снова донимать своего друга вопросами об искусстве. Свободная беседа свободных людей - когда такое повторится! Но небо прояснело, дождь почти закончился, лишь редкие капли падали на крышу автомобиля. Раздался легкий стук в боковое окно. Гриша открыл дверцу, свежий воздух ворвался в салон. У машины стояла маленькая черноволосая девочка. Гриша удивленно поднял брови, нахмурился. «Без разрешения... В такую грозу... Не позвонила?!» - стал строго отчитывать он ее.

«Конечно, дочка. Но почему одна?..» - подумал я. Девочка ничего не отвечала отцу, только сдержанно улыбалась. «Она его нисколько не боится. Не позвонила потому, что он не разрешил бы приехать. Папина дочь, притом с характером». Я почувствовал, как хорошо им вместе: нежные чувства все-таки победили. Гриша расчехлил свой стенд, мы попрощались.

Сегодня художники - и осетины, и грузины - работают в Москве, помогая друг другу. О войне вспоминают с юмором: «Ты же против меня бегал с автоматом!» От них я узнал, что Цхинвал лежит в развалинах: от старых улочек, которые с любовью пишет Гриша, осталось совсем ничего. Его жена вскоре после родов погибла от пули снайпера. Но жизнь продолжается.

PS. Глава написана до печальных событий августа две тысячи восьмого года.

14. ВОСТОЧНЫЙ ПРИНЦ

Маргарита отправилась в одну из стран Арабского Востока, на западный берег Персидского залива, в город Эль-Хуфуд. В самолет вошла в заснеженной, хмурой Москве, а вышла под ослепительное солнце и струи теплого воздуха. На улицах города суперсовременные небоскребы эффектно сочетались с мечетями, старинными домиками незнакомой архитектуры и зелеными пальмами. Белые одеяния мужчин развевались волнами. Женщины в чадрах, с пышными формами и тонкими талиями, не шли, а несли себя.

Вместе с Маргаритой, певицей, прилетели на гастроли две очаровательные танцовщицы Жанночка и Капочка. С первых дней жизни в отеле на артисток обрушилась лавина предложений: «Я сразу полюбил вас... Давайте встретимся... Выходите за меня замуж!» Приходилось отключать телефоны. Все-таки Жанночка и Капочка забыли о предостережениях родных, отправились на свидание - и с ближайшим авиарейсом их вернули на родину.

Маргарита оказалась осторожней, хотя и продолжала вести себя по-европейски: улыбалась окружающим, разговаривала с мужчинами. Однако девушку ожидала новая опасность - знаки внимания со стороны ее импресарио Шанкаля. Она пела для людей другой эпохи, а он допекал ее своими предложениями и проводил над ней опыты: то вел себя приторно-вежливо, то внезапно начинал чураться, не узнавать при встречах.

Безо всяких объяснений он перевел Маргариту из беломраморного отеля-оазиса в общежитие, напоминающее российскую «хрущобу», заселенную молодыми индусами и неграми. Вот когда она, дочь московского профессора-музыканта, испугалась по-настоящему. Чего ждать дальше?.. Неужели сейчас, когда все остальное наладилось, придется разрывать выгодный контракт и возвращаться домой?!

...Еще недавно Маргарите прочили блистать в миланском театре Ла Скала или нью-йоркском Метрополитен-опера. В этом не был уверен только ее отец, умудренный опытом Илья Арнольдович. Он считал, что дочери больше подходит педагогическая работа: так надежней, - и на этом поприще обещал свою поддержку. А она мечтала о свете рампы большой сцены и унаследовала от своего родителя не только любовь к музыке, но и недюжинное упрямство.

Маргарита окончила консерваторию с отличием, а головокружительных приглашений ни из Италии, ни из Америки, увы, не последовало. Обстановку в их семье смягчала только мать, учительница музыкальной школы Зинаида Васильевна, но и она попала впросак, заговорив при романтически настроенной дочери о выгодной партии. После этого единственное дитя чадолюбивых родителей, красавица Марго сделала первый шаг с небес на землю, подумала о самостоятельной жизни, о своей квартире - заключила этот контракт.

...Теперь она выступала в ночном клубе страны, которая еще не так давно считалась

задворками цивилизации. И трудно сказать, чего было больше в ее пении - игры или скорби.

На той же сцене танцевала молодая арабка, почти обнаженная, но с закрытым лицом: у европейских и восточных женщин «стыд» расположен в разных местах. От нее исходили резкие запахи ароматических масел, остряки-иностранцы называли их конскими. Гибким телом она играла изумительно, а когда в конце выступления сбрасывала лицевую накидку, во взгляде из-под фигурных бровей читалось такое превосходство, что отрезало от нее всех мужчин.

Маргарита невольно прикоснулась к миру страстных южных женщин, ведущих жизнь затворниц. Если они все-таки собираются женской компанией, их как будто начинает лихорадить, в их поведении появляется нечто дикое... Видимо, так проявляется изнанка бытия и быта сверхбогатой арабской страны.

В это неспокойное время своих гастролей Маргарита заметила среди публики горделивого молодого араба. Его окружала свита. И, о чудо, он неожиданно кивнул певице. Когда она исполнила арию Аиды, его люди поставили на сцену расписанную миниатюрами вазу с огненными розами. После концерта он подошел к Маргарите и заговорил по-русски:

- Благодарю вас за наслаждение! Этот зал не слышал ничего подобного.

- Вы знаете русский? - вырвалось у нее.

- Я учился в Москве. Вы напомнили мне о многом!

Ваил оказался улыбчивым и добрым. У них завязалось знакомство. А ее импресарио Шанкаль как будто перевоспитался: вернул Маргариту в отель, сам ушел в тень. Между тем, что-то произошло: о молодой русской примадонне заговорили, на ее концертах стало яблоку негде упасть.

От Эль-Хуфуда по пустыне простирается шоссе для автомобильных прогулок на большую безлюдную гору. Извилистое и мощно освещенное, темными вечерами оно напоминает огненную змею, на голове которой горит по-арабски «Велик Аллах!». Ваил и Маргарита побывали там. Шум ветра на смотровой площадке стоял необычный: казалось, что они сливались - ни больше ни меньше - с вечностью. Здесь он объяснился ей в любви таким цветистым слогом, на какой способен - так решила она - только человек Востока. Маргарита узнала, что Ваил принадлежит не себе, а семейному клану и государственной службе, борьбе с криминалом, поэтому встречаться им можно пока только тайно.

Там же, на горе, с доброй иронией в голосе он читал ей стихи Саади:

Наверно, в садах замечал ты в ночи:
Блестит червячок, точно пламя свечи.

Спросил я: «О ты, озаряющий тьму,
Куда ты скрываешься днем, не пойму?»

Во прахе рожденный смиренный червяк
На это ответил, послушайте как:

«Я вовсе от солнца не прячусь, о нет!
Да только при солнце не виден мой свет».

Иногда Ваил приезжал на свидание усталый, с измученным видом, но всегда оставался ровным и ласковым. Она постепенно узнала, что он мечтатель из древнего рода, уходящего корнями в глубь тысячелетий. Поняла, что легенды его народа придают Ваилу силу и стойкость, а традиции семьи для него святы, словно предания.

Однажды Маргарита отправилась на дискотеку. Танцы - ее вторая стихия. На обратном пути ее, разгоряченную, возвращавшуюся в такси, внезапно остановили. Офицер полиции, представившись по-английски, устроил жесткий допрос: «Откуда едете?.. Чем там занимались?.. Может, вы ночная бабочка?!» Она несколько дней не находила себе места. «Неужели мне вручат билет на самолет, как танцовщицам Жанночке и Капочке?.. Почему у полицейского были такие озорные глаза?..»

В следующий раз Маргарита ждала Ваила в баре и разговорилась с молодым русским стоматологом. Пришел ее друг, улыбнулся им обоим, включился в беседу. Знакомый откланялся. Автомобильная прогулка прошла как обычно, а потом Ваил исчез и не давал знать о себе целую неделю.

Наконец он объявился и, лучезарно улыбнувшись, воскликнул:

- Любишь ли ты меня, моя Маргарита?

- Почему ты молчал?!

- Я был очень занят. Но в твоем сердце должен жить только один мужчина!

Маргарита стала замечать, что невольно подстраивается к образу жизни арабок: строгость во всем, начиная с одежды, и какие при этом могут быть дискотеки или мужские компании в баре?! Почувствовала, что ее как будто обволакивает невидимая паутина, она теряет непринужденность и чувство юмора, у нее вытягивается лицо - зеркало тому свидетель. Мечтала об итальянской или американской сцене - оказалась на шатких подмостках судьбы.

...Эту историю я услышал на Арбате от девушки, которая прилетела с Арабского Востока в отпуск, отработав там половину двухгодичного контракта. Она, конечно, не удержалась - рассказала своей матери о восточном романе. Та поделилась с мужем. Илья Арнольдович пришел в ужас, разразился скандал. А безутешный араб то и дело звонил: «Любишь ли ты меня, моя Марго?.. Когда ты вернешься?.. Я не могу без тебя. Станешь ли ты моей женой?!»

Она вспоминала визиты Ваила к ней в отель. То были живописные зрелища! У подъезда резко тормозили несколько лимузинов кремовой окраски, похожих по форме на современные самолеты. Из них выскакивали автоматчики, перекрывали вход и расстилали ковровую дорожку. Наконец из машины показывался он, с непроницаемым лицом, закутанный в белоснежный распашной плащ, и плыл по красному ковру к широко распахнутой двери... После такого визита ее импресарио Шанкаль корчился от избытка чувств.

«Что делать?!» - с мольбой и надеждой обратилась ко мне девушка.

Я взял ее ладони. Руки музыкантши выражают не меньше, чем слова. Их формы совершенны, жесты грациозны. А под лупой выступили характерные линии-стрелы: правильные по форме, алые по цвету, - к носительнице таких знаков мужчины должны стремиться безоглядно. Это неудивительно: у нее великолепная фигура, отливающие золотом вьющиеся волосы, доброе лицо, и большие синие глаза, в которых сосредоточилось страдание. И тревожные изгибы тонких бровей.

Линии Брака две. Первая багровая - это большая любовь. Но сколько тут знаков неизбывных проблем!.. Вторая - окрашена умеренно и отмечена счастливым финалом, как в американском кино.

Я рассказал Маргарите о ее перспективах... На мгновение задумался: «Жаль, что у такой девушки не одна, американско-киношная линия Брака».

И тут она показала мне свои коготки:

- Вы не дали мне конкретного совета. Никакой вы не хиромант!

В таких случаях говорю себе мысленно: «Спокойно, Ардальон! Главное - выдержка. Начинается серьезная работа, тут не грех и щеки надуть».

- Да, Маргарита, я не даю простых ответов на сложные вопросы. Это удел шарлатанов. Что должен хиромант? Открыть вам глаза. Но никаких конкретных советов! Они за рамками возможностей оккультиста... Могу лишь повторить: жених из другого мира - игра с огнем! Опять же, отказаться от самобытности?! Да на это не хватит всей вашей жизни!..

Я почувствовал, что она не слушает меня, рассеянно думает о своем, что сам начинаю горячиться. Тогда поинтересовался прозой - ее текущими делами. Оказалось, что в том государстве иностранным специалистам хорошо платят, даже освобождают от налогов - квартиру она, вероятно, уже может купить.

И снова Маргарита задала мне простенький вечный вопрос:

- Так лететь мне туда или нет?

- Вас ждут там большие испытания.

- Но я люблю его!

- Это пройдет.

- Знаю, придется поставить крест на моих концертах. Семья Ваила больше не возражает против нашего брака, но он может остановить карьеру мужа... Не могу без него! Я стала другой.

- Вы вернулись с другими, арабскими бровями, которые нарисованы. А сапфировые глаза навсегда останутся вашими. Душа - русской!

На щеках Маргариты вспыхнул румянец. Как она молода и наивна! У нее же нет драгоценного опыта... Благородных страстей своего отца, моих нравоучений она просто не

понимает. Разные поколения - другие миры!

Арабский офицер в больших чинах предстал перед нею восточным принцем. Но что ждет ее там? Чадра и золотая клетка, в которой будет музицировать для себя, менять наряды для него, добреть телом и чувствовать, как ожесточается и каменеет сердце в тоске по родине... Похожий образ жизни ведут три жены отца Ваила.

Заходящее солнце вытягивало большие тени, розовый свет заливал фасады старых зданий. Около нас прошла продавщица ювелирного магазина, у нее закончился рабочий день. Она пошутила: «Ах, как хорошо гадает этот мужчина! Он помог мне найти свое счастье в Париже». Обменявшись номерами телефонов, мы с Маргаритой расстались.

Как было бы здорово: рассказать клиентке о ее прошлом и будущем, получить за услугу деньги - и все забыть. Но у меня так не получается. Через несколько дней я позвонил девушке. Она сообщила мне новость: пришла телеграмма - отвергнутый ею импресарио Шанкаль под хитрым предлогом разорвал контракт.

О чем только ни подумал я в эту минуту: и о злом импресарио, который неведомо для себя обернулся добрым волшебником, и о замысле провидения... Ей же сказал: «Милая деточка, вы колебались, мучились. А сейчас плачете счастливыми слезами облегчения. Вы приняли решение! Я слышу это... И желаю вам счастья во всем!» Мы простились. Думаю, навсегда.

Оторвавшись от мобильника, я оглянулся, и воздух старой Москвы опьянил меня. И успокоил. Шли словно знакомые люди. Я сидел на стульчике хироманта. Продолжалась обыкновенная, наша, такая родная жизнь.

15. ОБЪЯТИЯ ТИГРА

По небу ходили задумчивые серые тучки, подобно суденышкам воздушной эскадры. Дул свежий ветер. Пришлось накинуть плащ. На Арбате показалась Виктория. Что это? Где ее игривая походка? Подходит ближе. Вижу - вся такая нахмуренная и без макияжа. Ясно: она не в настроении.

С ходу пристроившись рядышком со мной, ринулась в атаку.

- Вы не в моем вкусе, Ардальон! Мне нравятся толстые, развратные. Вы тощий и какой-то постный.

Я опешил, не сразу нашел, что ответить, только руками развел.

- Извините, Виктория, вы о чем? Не припомню, чтобы я объяснялся вам в страстной любви.

- Все равно, вы не в моем вкусе!

Кажется, стал догадываться, в чем причина ее столь неожиданно возникшей антипатии. Видимо, нахлынули воспоминания о муже.

- Хорошо, хорошо, Викториночка! Хотя некоторым я нравлюсь... Поменяем лирику на прозу. Скажите, как идет ваш бизнес? Надеюсь, успешно?

- Работать я умею.

- Сынок как поживает?

- У него все нормально.

- Здорова ли внучка?

- Что ей станется под папиным крылышком... Резвится.

Виктория попыталась перехватить инициативу.

- А чем занимается ваша подруга Лина?

- Мечтает изучить Калабрию, Апулию и что у них еще там, в Италии?.. В общем, маленькие городки, осколки Римской империи... Глубинку, так сказать.

- Последние уголки Европы, где она не была? Что за потребительский образ жизни...

- Не будем столь категоричны, милая Виктория. Побольше великодушия! Ангелина Петровна много ездила, когда работала завучем. В Константинове «у Есенина» была несколько раз. И продолжает путешествовать, став пенсионеркой, ей помогает состоятельная дочь... Видели вы русскую туристку в объятиях таиландского тигра?

- Такого миндала еще не видала!

Я достал из сумки цветные фотографии. На одной из них Ангелина Петровна на фоне пальм в белом костюме сидит на хоботе у добродушного слона.

- Обратите внимание, какая у нее фигура! - не удержался я.

Следующий снимок: Ангелина Петровна отдыхает на большом гранитном валуне, положив голову на грудь тигра. Хищник блаженствует на спине, обняв женщину передними лапами, задрав кверху задние. Морда запрокинута, язык высунут от удовольствия,

прямо герой-любовник - только ошейник и цепь выдают невольника.

- Бесятся люди с жиру! - скривила губы Виктория, с любопытством разглядывая фото.

- Почему вы не женитесь на этой Лине? Вы только посмотрите на него... Пятнадцать лет - «дружить»? Черт-те что! Какой пассаж!

- Сие зависит не только от меня, Викториночка... Да, встретились мы давно. Был я в Великом Устюге, знакомился с седою стариной. Ангелина Петровна прилетела в город с московскими туристами пощелкать фотоаппаратом, поснимать раритеты Третьего Рима. Ну и...

Виктория посмотрела на меня с интересом. Внезапно налетел порыв ветра, и фотографии, которые лежали у меня на коленях, разлетелись по мостовой. Я, споткнувшись, бросился их поднимать, накинутый на плечи плащ свалился на землю. Моя подруга покатилась со смеху.

- И карты не нужны! Вам стихии гадают!

Когда вернулся со снимками, она подала мне подобранный плащ и продолжила разговор несколько смягчившимся тоном:

- Допустим, вы давно и безнадежно влюблены. Но почему Лина до сих пор не захлопнула перед вами дверь?

- Может, это проявление местной культуры... Все эти годы Ангелина Петровна приветливо встречает меня. Она - коренная москвичка. Когда-то в ее семье были под запретом слова «вино, табак, карты». А сейчас...

- А сейчас? - с нарочитым безразличием перебила Виктория.

- Да как вам сказать? Некоторые и сейчас проявляют благородство.

Она фыркнула.

- Например?

- У них в лифте всегда чисто и пахнет освежителем воздуха. На подоконнике лестничной площадки - цветы в горшках. Как-то там стала ночевать бомжиха. Перезимовать ей помогла Ангелина Петровна: подкармливала, успокаивала недовольных соседей.

- Вот ведь что! Святочная история, ничего не скажешь... Бедные соседи! - Виктория многозначительно покачала головой.

- Поберегите запас вашей иронии! Самое главное впереди... Однажды я приехал в Москву и застал Ангелину Петровну в плачевном состоянии: смирно сидит дома, гладкое лицо осунулось, голос тихий, потому что больно дышать. И все-таки мне удалось кое-что узнать.

Несколько дней назад она вышла из подъезда утром и увидела в одном из углов безлюдного двора подозрительную картину: четверо мужчин, присев на корточки в кружок, рассматривают что-то на асфальте, раздаются выкрики. Азартные игры? Этого еще не хватало...

Приблизилась и увидела - мелькают кости! Красивый парень с бородкой и взволнованный мужчина с внешностью провинциала бросают их поочередно. Два мордоворота наблюдают за игрой и горячат простака острыми репликами. Под камешком лежит пачка денег. Все говорит о том, что сейчас будет сорван куш. И это происходит рядом с клумбой, о которой столько лет заботится Ангелина Петровна. Кощунство, почти оскорбление святыни!..

Помолчав, я решил спросить:

- Виктория! Только откровенно, что бы в такой ситуации сделали вы?

Она замешкалась с ответом:

- Не знаю...

- Вы бы приняли вид, что ничего не заметили, и шмыгнули прочь.

- Скорее всего.

- А что бы сделал я, как вы думаете?

- Остановились бы в сторонке. Краем глаза смотрели, чем дело кончится.

- Грешен, - кивнул я. - Люблю наблюдать жизнь в ее острейших проявлениях... Отгадайте, какой номер отмочила наша Линочка?.. Я уже подвел вас к ответу, но все равно не решите эту задачу: мы с вами люди иного порядка.

Виктория молчала. Я не стал томить ее:

- Вне себя от гнева, Ангелина Петровна подошла к компании вплотную и громогласно объявила: так поступать нельзя.

Игроки вскочили, замерли на мгновение. Красивый с бородкой заорал, что она залезла ему в карман. Один из мордоворотов ударил ее в грудь чем-то твердым, вероятно, кастетом. Она потеряла сознание. Очнулась в больнице с переломом ребер, грудь туго

забинтована, дыхание нарушено.

Через несколько дней ее выписали домой, а тут и я подоспел... Что я мог сказать, если ее поступок считаю нелепым?.. Брякнул: «Нау`читесь дышать животом, это гораздо физиологичней». Она недоуменно уставилась на меня, рассмеялась, схватилась за грудь, на глазах выступили слезы.

- Да, «детюктив»! - произнесла Виктория. Что теперь посоветуете другим одиноким женщинам? Бороться с мошенниками... Влюбляться в тигров...

Я поперхнулся: норовистая дамочка, с ней иногда нелегко. Дался ей до отвала накормленный хищник с подпиленными клыками и когтями.

- Викториночка, не опошляйте темы! Вы тоже когда-то любили... Однако, извините, ко мне клиент.

Она уступила место, мы простились. Гадалка постепенно успокаивается, если получает пищу для лирических размышлений. Она держит меня в ежовых рукавицах все лето, но, когда буду уезжать, не удержится, всплакнет и назовет как-нибудь возвышенно, например, товарищем по борьбе за жизнь или даже - настоящим писателем.

Как-то Виктория рассказала мне о своем муже. Руслан Викторович был банковским ревизором высшей категории, но имел свои слабости. Это случилось давно, руководимая им бригада возвращалась из Сибири, самолет во второй раз сделал вынужденную посадку. Объявили, что ремонт будет продолжаться несколько часов. Трое подчиненных поехали в город посмотреть модный фильм: когда еще выберешь время. А Руслан Викторович купил бутылочку коньяку и отправился в номер аэропортовской гостиницы с молодой специалисткой. Так никто и не объяснил потом, почему лайнер вылетел раньше и отчего разбился, от пассажиров и команды остались одни воспоминания. Руслан Викторович и женщина на посадку успели.

Трое смотревших фильм вернулись в Москву поездом и внезапно предстали перед оплакавшими их близкими. На гражданской панихиде говорилось, что руководитель бригады ревизоров и молодая специалистка стали жертвами обостренного чувства долга. Виктория еще несколько лет ждала Руслана, свою первую любовь, открывала по ночам дверь квартиры на только ей одной слышимые звонки, пока один из спасшихся не рассказал ей все. Сейчас она спит спокойно, но временами на нее находит...

16. ОДНОЛЮБКА. РАССКАЗ ГАДАЛКИ

Когда Татьяне надо было рожать третьего, ее благоверный «кантовался» у зазнобы. Татьяна ждала и не ждала его возвращения, все у нее валилось из рук - так нервничала, и уехала в роддом, не успев подготовить колыбельное снаряжение для новорожденного.

Обыкновенное чудо деторождения произошло, но встретил женщину цветами и приданым не муж и отец Горгоний, а воздыхатель Татьяны Владимир Вениаминович. Да все подобрал так удачно, что акушерка умилилась: «Какой заботливый! Вот это отец! Вы счастливая». Знала бы она... Он и в доме у Татьяны навел порядок: дети ухожены, холодильник набит продуктами, в нем даже бутылочки для младенца. Владимир Вениаминович разведен и готов в любое время взять ее к себе вместе с детьми.

Через некоторое время клиентка Виктории Татьяна, оставив детей с няней, приехала к гадалке и задала вопрос:

- Мой Горгоний ушел совсем или временно?

Виктория раскинула колоду и ответила:

- Временно.

Карты действительно показали это. Последовало обычное:

- А когда вернется?..

Даже и тут Татьяна не сказала: «Он мне не нужен». Наоборот, снова стала рассказывать, какой муж хороший:

- Горгоний у меня шофер. Выступал в самодеятельности. Как читает Есенина! Сердце замирает. И в жизни по-простому слова не скажет, все с выходом из-за печки. Видный, не пьющий, но увлекается... Когда он дома, нежней не сыскать. Воспитывает детей, делает гантельную гимнастику, обожает богатый стол. Жареной картошкой его не накормишь, у него организм тонкий. Меня он любит, но критикует: нет у меня душевной чуткости, не понимаю, что из дома он уходит для общения с художественными натурами...

Гадалке давно уже кажется, что словоохотливая клиентка плетет свои бесконечные словеса не о муже, а о ком-то другом, не вполне реальном. Как-то на улице она шла на-

встречу Виктории своей танцующей походкой, улыбалась. Поравнялись, гадалка спросила:

- Ты улыбалась мне?

- Нет, своим мыслям, - ответила та. Карие глаза у нее острые, с огоньком, фигура точеная. Эта невысокая женщина любит платья в радужную продольную полоску: бросит на шею ярко-желтый шарфик в тон, и всегда нарядная. Жизнерадостность клиентки нравится Виктории, но при гадании вокруг ее дамы собираются карты черные: обман, обида, слезы.

Потом Татьяна появилась у Виктории ликующая: рот до ушей, из солнечных глаз брызжет радость майского утра. «Чего, спрашивается, тебе еще?..» - подумала гадалка, но разложила карты и увидела нечто сомнительное.

- Опять поцапались?

- Нет... потешились!

- То-то смотрю: блестишь, как пятак начищенный. Уж не твоя ли взяла? Побила своего Горгошу? Наконец-то!

- Нет, его Соньку. Не то, чтобы побила... Ха-ха-ха! Сейчас все расскажу. Ты упадешь и не встанешь. Что там было! Что там было! Ехала я на своих стареньких жигулях. Смотрю - на обочине справа эта стоит... художественная натура, расфуфыренная, мужиков клеит. Для понту... крутанула баранку на нее. Ха-ха-ха! Она отпрянула и села в лужу. Посмотрела бы ты на ее рожу! Я смеялась до самого дома.

- Какой пассаж! А если б задавила?

- Не знаю, все произошло так быстро... Да ты не дрейфь, Вика! Я спортом занималась, у меня расчет, реакция.

- Смотри, Танька, как бы тебя не посадили с твоей реакцией.

- Не посадят: мое дело правое, у меня дети.

Виктории надоело разбираться, кто там кого колошматит. И она, наверное, отказала бы клиентке в услугах, да очень уж красивые делает та прически. Татьяна - дамский мастер, женщина не промах во всем, кроме личной жизни. Не прошло и месяца, как вернулась из роддома, а уже, отправив старших отпрысков в детский сад, поехала на работу. Побывала и у гадалки; при этом младший мальчик, крупный, спокойный, спал на диване.

Колдуя над волосами Виктории, Татьяна не без удовольствия рассказывала о своих редких встречах с Владимиром Вениаминовичем, во время которых она разыгрывает уморительные сценки, передразнивая его. Случается, в веселом порыве спляшет перед ним канкан, сопровождая танец какой-нибудь незатейливой песенкой: «...Все еще будет, все еще будет, теплый ветер еще подует!»

Гадалка не понимает, почему Татьяна не уходит к положительному, молчаливому трудяге, который боготворит парикмахершу. Да разве в сердечных делах разберешься... Об отношениях с мужем Горгонием она говорит с клиенткой популярно:

- По китайскому гороскопу ты Свинья, а он Змей. Ничего у вас не получится, нарожай ему хоть тринадцать детей. Коварный Змей сближается со Свиньей лишь потому, что у нее водятся денежки. Вот ведь что!

Татьяна только глазки закатывает под выщипанными, удивленно-приподнятыми бровями:

- Все так, Вика. Все понимаю. Но я его люблю!

...Нагулявшись, Горгоний вернулся домой. И Татьяна опять цветет. Но Виктория считает, что от ее любви осталось немного. Сегодня это скорее азарт: муж уходит, да все равно возвращается. Татьяна не замечает, как она изменилась за последние годы. Раньше выпархивала от гадалки яркой, веселой бабочкой. Теперь у нее бывают вспышки гнева - иногда за Татьяну страшно. Карты подтверждают эти опасения: черные вокруг ее дамы ложатся еще гуще; иногда возникает иллюзия, что их в колоде больше, чем красных.

Но видит гадалка и другое: бубновый король приближается к червонной даме, ведет себя все активней, вот-вот выступит на сцену. Должен ведь Владимир Вениаминович получить награду за годы ожидания, встречу из роддома... Хотя и говорят, что в любви вчерашних заслуг не бывает.

17. СИНДХ

Ваше благородие, госпожа удача...
Б.Окуджава

Виктория недавно объяснила мне по телефону, почему, когда приезжаю в Москву на короткое время, не встречаю больше моего друга и нашего общего знакомого художника Гришу. Это поразительно, но его фантастический расчет оправдал себя: друзья обманувшей его девушки гуляли по Арбату и в вывешенном им портрете узнали ее. Имя шутницы оказалось не Агнесса, а Марина. Она передала через кого-то, что при первой же возможности вернет долг. Гриша о презренном металле не захотел слушать, все-таки встретился с ней... Он много пишет, ездит. Работал по приглашению во Франции, в Японии. Кажется, мечтает о выставке. Картины продает теперь на Крымском валу: там престижней. Так занят, что отключает мобильник.

«Видимо, доказывает, что он не ремесленник, - подумал я. - Кому: себе или девушке?.. Наконец-то влюбился по-настоящему?.. Искусство побеждает обожаемую им улицу?.. Вопросы, вопросы. Но кто она такая, эта лиса по имени Марина?.. Да и могут ли отношения, которые возникли после столь ловкой «мистификации», перерасти в любовь?..»

Я поделился с Викторией, что у меня снова в смягченной форме заговорил недуг, из-за которого когда-то уехал в Киммерийск, в корне изменив свою жизнь. Теперь придется чередовать московские сезоны с крымскими, затормозится работа над книгой; обидно, конечно, но ничего тут не поделаешь.

На очередные летние «гастроли» я отправился к морю. Сделал пересадку в Москве и встретился с Гришей, сумев предварительно созвониться. Снова Спасопесковский переулок. У моего друга по-прежнему - ни домофона, ни видеокамер. На звонок он просто крикнул «Кто там?» и открыл дверь. После обмена приветствиями мы спустились в знакомый подвальчик. Картин здесь прибавилось, беспорядка, пожалуй, тоже. На том же столике в форме палитры традиционный кофе, козинаки. Я спросил хозяина, как поживает. Он ответил:

- Да все по-прежнему, текучка. Дуардам-рафд-бафд канен. (осетин. - Кручусь, как юла.)

И посмотрел на меня лукаво.

- Знаю, о чем вы опять мечтаете! Вас, писателей, хлебом не корми, только подавай занятную историю.

Я почувствовал, что ему хочется о чем-то рассказать.

- Так выкладывайте вашу историю, Гриша!

Он допил кофе, закурил сигарету, уселся на диване поудобней.

- Ну, что с вами делать...

И начал с того, как рано утром возвращался от Марины... многозначительный взгляд на меня. «Помнит, отлично помнит мое «голубиное воркование» и о влюбчивости осетинских живописцев, и об изощренности столичных мошенниц».

...На дворе стоял октябрь. Художник ехал на своем вольво по Садовому кольцу. За Курским вокзалом, перед туннелем, его внимание привлекла необычная картина: по обочине шел босой мужчина в тюрбане индуса, черная борода ниже пояса. Он рассеянно поглядывал по сторонам, похоже, никуда не спешил. «Что-то знакомое в его лице. Айяма! (осетин. - Ба, неужели!) Да не Вахтанг ли это, грузин, мой бывший однокурсник?.. Не виделись лет десять. Вот так встреча!»

Гриша остановил машину, включил аварийные фары, дал ход назад.

- Куда держишь путь, Вахо?

- Не знаю, Гришико, - ответил Вахтанг таким тоном, как будто расстались они вчера.

- Как не знаешь? Вроде не пьяный.

- Жил у Малхаза. Он меня выгнал. Говорит, мешаю работать.

- Почему босиком?

- Так ходят синдхи.

- Опомнись, чемо карго, (грузин. - мой дорогой, хороший) ты же не в Индии...

Голос у бывшего однокурсника неуверенный, вид пришибленный, руки трясутся, ходуном ходят. И это Вахо, считавшийся перспективным студентом их курса! Что же теперь с ним делать?

Гриша подобные задачи решает быстро.

- Садись в машину! Поедем ко мне на дачу.

Он слышал, что Вахтанг улетел в Индию в поисках новых сюжетов и первозданной красоты. Неизвестно, нашел ли он ее там, но влился в маргинальную касту синдхов, что принципиально отрицают всякий труд, ходят почти нагие и не стригут волосы, которые, как антенны, обеспечивают им... связь с Космосом. Где бы ни находился такой синдх, он при первой возможности безмятежно сядет на циновку, закроет глаза, по методе расслабит мышцы, погрузится в самогипноз и подключится к Вселенной, сольется в блаженной нирване с ее манящими образами и неземными ландшафтами.

В Грузию Вахтанг вернулся без картин и крепко пьющим, но породнившимся с Космосом и с твердой верой в единство всего живого. Позднее приехал искать счастья в Москве, писал портреты, жил у Малхаза, дальнего родственника, тоже художника.

На даче Гриша показал Вахо, как вести хозяйство, где расположен продовольственный магазин, дал денег на текущие расходы и отправился по своим делам, пообещав вечером привезти ботинки. К ночи вернулся и увидел, что гость крепко спит, на столе бутылка из-под водки, печь не топлена. Через несколько дней такой релаксации и медитации Гришины деньги у Вахо закончились.

Мой друг не стал подробно описывать, как привозил на дачу нарколога, мольберт и краски, фотографии заказчиков, по которым Вахтанг стал писать недорогие портреты. «Надо же с чего-то начинать реабилитацию!» - сказал доктор. Дела пошли на улучшение, запой удалось прервать.

Как-то Гриша, приехав на дачу, застал синдха лежащим на диване и созерцающим потолок. Казалось, тот чем-то недоволен.

- Что-нибудь случилось?

- Да. Ты помешал единению живого в природе.

- Ты можешь объяснить по-человечески?

- Ухуре Ра-хдеба. (грузин. - Об этом не говорят, это смотрят.)

«Свихнулся... Просил доктора: приезжайте еще. Тот свое: сейчас уже нет показаний».

Вахо скомандовал:

- Гачерди ну модзрааб, асеа сачиро! (грузин. - Молчи и не шевелись, так надо!)

«Придется подчиниться... Но каков тон! Не зря говорят: один сумасшедший сведет с ума тысячу», - размышлял хозяин дачи, сидя на табуреточке.

Вахо помолчал, поднял руку и щелкнул пальцами три раза. В ответ - тишина. Слышно только, как от соседней дачи отъехала машина. «Определенно свихнулся! Для розыгрыша это слишком серьезно. Оставлять его здесь опасно... Надо вызывать психиатра».

Вахо щелкнул громче. Из-под кушетки у противоположной стены появилась мышь. Она пересекла комнату, забралась ему на ладонь, положенную на пол, поднялась по руке, посидела на плече и спряталась под разросшейся бородой. Фокусник блаженно закрыл глаза.

Грише захотелось расхохотаться, но он сдержался, чтобы не нарушить чистоту эксперимента. «Приручил?.. Ай да мастер! Чего не сделаешь от безде... от созерцания. Надо здорово верить в единство всего живого, чтобы заняться такими штучками. И какой странный результат подключений к Космосу... Неужели ради этого он столько лет обретался в далекой, загадочной Индии?!»

Снова тройной щелчок. Бородища зашевелилась - показалась мышь, юркнула под кушетку. Вахо сел и начал нудный монолог: «Больной художник и маленькая-маленькая мышка нашли общий язык! Так почему же не понимают друг друга здоровые, большие человеки?.. Где их хваленое превосходство над всем живым миром?.. Или тут особый промысел Всевышнего?! Скажи мне, чемо-карго! (грузин. - мой дорогой, хороший!) Ты же был самый умный в нашей группе».

Не получив ответа о промысле Всевышнего даже от самого умного, повелитель мышей закрыл глаза, воздел руки, как две звездообразные антенны, и застыл, подобно каменному истукану. «Подключился к Вселенной, - дошло до Гриши. - Сейчас Она объяснит ему все».

Вскоре обнаружилось, что Вахо, приручивший мелкого грызуна, пригрел на своей груди и дочь соседей по даче. Осталось неясно, чем увлек он милую девушку-студентку: рассказами об индийской экзотике, научил подключаться к Космосу или написал ее романтический портрет?.. Ну, не бородой же! Территория дач что маленькая деревня. Вспыхнул скандал. Синдха нужно было срочно выселять - оказалось, у него нет документов, утеряны. На голове розовый тюрбан, космы до земли, лохматое украшение, как у

Черномора, а паспорта нет... Милиция этого не поймет.

Вахо написал в Тбилиси, за ним приехали родственники. Они попытались провезти его через границу в надежде на случайную удачу. «Как это по-русски, Ардальон Филиппович?.. Совершенно верно, в надежде на авось!» Но пограничники отказались войти в положение синдха: пусть приведет себя в божеский вид, иначе напугает всю Грузию. Вахо - ни в какую! Сбрить волосы?.. Отключиться от вездесущего и всемогущего Космоса?.. Разрушить наработанную карму?.. Он синдх! Он не способен плюнуть в Мудмиви самхаро... (грузин. - Вечность, бессмертие, нетленность...)

Пришлось Грише выехать на юг и переправить дикобраза на свою родину, в Южную Осетию: там на границе знакомые ребята. «Как это по-русски, Ардальон Филиппович?.. Совершенно верно, не имей сто рублей, а имей сто друзей!» Оттуда заблудшего провели на территорию Грузии.

...Мой друг снова заварил кофе. Я не удержался от провокации:

- Гриша, вы спасли грузина. А ведь они убили вашу жену...

Он ответил убежденно и резко:

- Убили не грузины - каратели!

Теперь Вахо присылает своему спасителю трогательные письма. Гриша хранит их: рука не поднимается выбросить. С помощью протестантской общины его однокашник вернулся в лоно христианства, сбрил бороду, обстриг космы, не пьет, много работает. Похоже, что встретившийся ему пастор станет великим проповедником, но это отдельная, интереснейшая тема... В письмах Вахтанга неизменно звучит: вся его семья молится за Гришу и считает, что к нему обязательно придет большой успех.

- Успеха не было и нет! - неожиданно вырвалось у рассказчика.

Он горько вздохнул, встал и начал ходить по мастерской, перебирать картины, возможно, подводя итог чему-то большому и в унисон со своими размышлениями машинально пытаясь создать в мастерской хотя бы относительный порядок. Я обратил внимание, что у него посеревшее от усталости лицо и серебра в бородке за эти годы прибавилось. Видимо, веселость, с которой он принял меня, была напускной. Я попытался утешить его:

- Вы признавались мне когда-то: не можете работать, если вас не любят. Теперь встретили свою музу. Разве не удача?

Гриша посмотрел на меня многозначительно, как в начале встречи, усмехнулся и ничего не ответил. Я стоял на своем:

- Купили дачу в Подмосковье... Многие из художников могут позволить себе такое?

- Все это не главное! - отмахнулся он.

- Что же главное? - по инерции спросил я.

- Вы знаете что.

Значит, творец все-таки победил ремесленника!

Гриша сел, постепенно успокоившись. Мы поговорили еще о текущих делах и попрощались: меня ждал поезд «Москва-Симферополь». Снова на юг, к морю, ближе к загадочной волошинской Киммерии, где бродят тени аргонавтов и Одиссея.

В вагоне мне не спалось. «Творец победил ремесленника. Три слова, но сколько за ними всего!.. А если долгожданный успех так и не придет?! Несколько лет назад, у стен ресторана «Панчо Вилья», я увидел на ладони Гриши отчетливую линию Аполлона. Помню, как тяжеловесно пошутил: он может прославиться, если не будет сверх меры увлекаться музами. Сегодня хотелось снова посмотреть эту линию. Появились ли сопутствующие ей знаки везения, удачи?.. Художник не разрешил. Наверно, стал мнительным. Жаль! Знал бы он, как символы на моих руках поддерживают меня».

18. СНОВА О ДУШЕ

Бывшая жена Лариса требовала алименты на дочь: «Почему не работаешь, торчишь дома? Посажу!» А Петр мог выйти из квартиры разве что до магазина за хлебом: внезапно треснула подошва теплого ботинка, хотя внешне это не заметно. Зимы теперь стоят теплые не то что раньше, когда птицы, замерзая на лету, падали в снег. И все равно после выхода на улицу нога начинает мерзнуть.

Денег на новые ботинки не было. Петр сидел дома, угрюмо чего-то ждал. Тюрьмы?.. Лета, когда станет тепло и можно будет выйти на улицу?.. А может, просто - беспечной и радостной улыбки фортуны, позабывшей дорогу в его одинокое жилище.

Дальше все было как в плохом, но добром кино. Утром в серый, тоскливый день раз-

дался звонок у дверей. Почтальон принес телеграмму. Из города Таллинна к Петру ехала сестра Наташа, с недавнего времени иностранка. Через день она пожаловала собственной персоной, с огромным черным мешком на тележке. Цветущая, уверенная в себе женщина раннего пенсионного возраста.

После сдержанного приветствия Наташа разразилась недоуменными вопросами:

- Почему не пишешь? Всегда любил переписку. Почему не встретил у поезда, супостат? Не узнаю тебя.

- Приболел, - отстраненно промямлил Петр.

Сели обедать. На столе - картошка, поджаренная на подсолнечном масле. Такое меню произвело впечатление на сестру.

- Постишься, богомолец?.. А у нас в Эстонии не так голодно.

Она извлекла из баула на свет божий колбасу сервелат, баночку шпротов.

- Взяла в дорогу лишку...

Брат, никогда не отказывавшийся выпить, заявил: можно обойтись и без этого. Сухой закон подействовал на сестричку, как холодный душ. Она сбавила тон, внимательно вгляделась в Петра:

- Смурной-то какой!

Возразить было нечего.

Несколько лет назад он напечатал в журнале небольшую повесть о молодых технарях. После чего, опьяненный успехом, бросил работу инженера, прирос к письменному столу, как говорят, вышел в астрал. Вопрос, чем при этом жить, казался несерьезным. Когда закончатся деньги, тогда можно и потрудиться ради хлеба насущного где-нибудь временно. Таким занятием оказалась торговля; у него обнаружился на нее особый нюх: за неделю зарабатывает столько, сколько у другого не получается за месяц. Но Меркурий любит Петра, а он бога торговли - не очень. Едва накопив деньжат, бросает куплю-продажу, возвращается к трудам литературным. Под любым предлогом откладывает очередной нырок в стихию торжища, иногда пропускает критический момент - и впадает в нищету.

...Погода в Москве в тот день стояла теплая и ясная, солнце тихо катилось по безоблачному небу. Передо мной сидел литератор Петр Григорьевич с бледным до синевы лицом и грустными глазами. Он хотел знать, тому ли посвятил свою жизнь, рассказывал о ней и время от времени, видимо, непроизвольно трогал портфель, что стоял на брусчатке у его ног.

Не прерывая клиента, я приступил к изучению рисунка на его ладонях. Линия Аполлона не говорила о звездном пути этого сочинителя. Но характерная веточка от линии Ума (способность к фантазиям!), выпуклый холм Луны с узорами, отчетливая линия Интуиции, вместе взятые, - тоже признак определенной творческой одаренности. Об этом нет ни в одной книге, а Виктория намекала. Последнее время она занялась астрологией, через нее приобщилась и к хиромантии... Сколько рук должно пройти перед пытливыми глазами, чтобы однажды вспыхнуло такое озарение! Работоспособности и наблюдательности Виктории можно позавидовать. Все это напоминает мне путь, пройденный киммерийской оккультисткой Августой Васильевной.

Итак, Петр Григорьевич может стать маленьким писателем, известным в узких кругах, оставить в литературе неглубокий след. Зато у него обрисовались образцовые знаки Меркурия! Они подтверждали рассказ клиента: передо мною сидел сугубый делец, может быть, гений от торговли. Казалось, можно с уверенностью сказать: «Вы созданы для бизнеса», - но что-то останавливало меня, я по-прежнему всматривался в паутину потаенных символов.

Потом меня стали отвлекать неприятные мысли: «Новые клиенты подходят и уходят, а речам литератора не видно конца. Что же я сегодня заработаю?.. Не предложить ли ему свидание на завтра, до того, как сяду на улице?..» Услышав об этом, он глянул на меня с недоумением, но, подумав, открыл стоящий на брусчатке портфель. На свет появилась бумажная папка, набитая текстами. Один из них он протянул мне: «Согласен на ваше предложение. Почитайте это. Начало вы только что слышали».

На следующее утро я принялся за рукопись.

...Его сестра Наташа начала воспитательную работу.

- Все богатство наше: море, песок да сосны. А живем, слава богу, прилично, особливо которые любят робить. Почему торговлю бросил, Петька? С твоей-то головой дома сидеть!

- Ты же знаешь, Наташа, не мое.

- Не твое?.. А этот черный свитер х/б, который носишь сто лет, твое?.. Обрясканные синие штяны - твои?.. Как бы мог жить, на каких мерсобесах кататься! На год вперед кумекаешь, что будут брать, по какой цене. Чуешь все мелочи! Считаешь быстрей рифмометра. Мне бы половину твоего ума! Петь, а ведь алименты платить надо... С твоей тонкой кожей из тюрьмы не выйдешь.

Она задумчиво помолчала.

- Какой вы были пригожей парой... Хотя чуяла я с самого начала - в одно сердце жить не будете. Помнишь, вашей дочке было несколько недель, тебя взяли в армию?.. Два года писал жене почти каждый день. А чем дело кончилось!.. Хорошо еще, вовремя разъехались.

- Лариса донимала: «Зачем ты пишешь? Живи проще!»

- Петя, нельзя ли заниматься сразу тем и другим?

- Можно. Но я не могу. Творчество требует самоотречения.

Наташа заплакала. Он успокаивал ее, но неуверенно, понимая, что в этом вопросе не поймет его и единственная сестра: «можно, но не могу», какое-то «самоотречение»... Пили купленный Наташей крымский херес: Петр под ее влиянием отказался от сухого закона. Предавались воспоминаниям послевоенного детства, без этого для них встреча - не встреча.

Как всегда, говорили о покойной матери, которая шила для детей и взрослых, быстро, с фантазией, хотя не училась этому. Одновременно умудрялась - в те-то годы! - заниматься частной торговлей. Все это презрительно называли спекуляцией, матери грозили тюрьмой. О ней злословили: любит мужчин. Здесь была неточность: любили ее, женщину-огонь. Петр снял с книжной полки фотографию, поставил на стол.

- Не было у меня гостя, Наташа, который бы не спросил, кто это. Ее уже нет - ей по-прежнему делают комплименты... Помнишь, как мы гордились мамой?

- Помню, Петенька, все помню.

Слово «помню» во время их встреч звучало чаще всех других. Наташа взяла в руки снимок матери в деревянной лакированной рамке, то снимала с него платком невидимые пылинки, то стирала несуществующие пятна.

- Где ты взял этот патрет? Вижу первый раз, - удивилась сестра.

- Нашел в семейных бумагах. Знакомый отреставрировал, увеличил.

- Спасибо, Петенька!

Одна из женщин, одинокая и несчастная, написала донос. Их мать, вдову солдата, осудили на семь лет. У щедрой российской фемиды этот срок в послевоенные годы был очень популярным. Четыре года спустя мать освободили по амнистии. Она вернулась такою же славной, никакая лагерная грязь к ней не прилипла. Сразу же взяла сына и дочь из детдома, принялась кормить-воспитывать. Спрашивается - на какие шиши? Да снова занялась шитьем и коммерцией. Знакомые обратили внимание: куда девались угрюмость, нелюдимость ее детей?!

Наташа заметила:

- Бабу, которая написала, заела совесть. Она пришла к матери, упала в ноги: «Люба, прости, коли можешь!..»

- Ты только представь то время, сестра! - Петр не усидел, в волнении заходил по комнате. - Вернись туда мысленно. Захолустный городок Приуралья, жизнь - примитивней не бывает, люди самые бедные, старики спичку щепали на две, как лучинку, а человек все равно оставался человеком, и какие закипали страсти!.. Того поколения уже нет. Кто скажет, ради чего они жили?!

- Петенька, наша мама не жила в нищете.

- За что и поплатилась тюрьмой, Наташенька.

- И это правда, святой истинный крест... Сказал ты хорошо, супостат. Я думаю то же, да баить так не умею... А ту бабу мама простила. Вспыльчивостью грешила, злой памятью - нет.

Петр успокоился, снова сел рядом с сестрой, отпил вина. Повеселел.

- Помнишь трюк с шубками?.. То было гениально!

Однажды мать заметила: синтетика дешева и качественна, а родители не знают, во что одевать маленьких. Стала в другом городе, на фабрике, покупать за бесценок мешки с отходами производства. Как ухитрялась она, не имея понятия о тригонометрии, разноцветные лоскуты подгонять под выкройки - секрет фирмы. У красивой моделистки были постоянно исколоты руки, зато выходило добротно и броско, а фирма состояла из портнихи да ее подруги, которая получала процент с продажи и начала курить дорогие папи-

росы «Казбек». Конечно, через несколько лет синтетика вышла из моды, но к тому времени мать нашла новую золотую жилу.

Наташа опять принялась за свое:

- Кто только ни стучал на маму: не соседи, так родственники. Она все равно крутилась - жить умела. Добрые люди говорили: ее в ступе пестом не утолчешь. Сейчас отношение к коммерсантам другое, а ты... не хочешь.

- Наташа, не могу.

- Не можешь?! Как тебе не приелось черкать?.. В кого ты такой...

Видимо, она хотела добавить: несчастный или уродливый. Замолчала. Глубоко вздохнула.

- Твоими делами мама сперва гордилась. Сынок стал писателем! Ему и тут далось. Потом спохватилась - уже поздно... Ты так зазнался, супостат, что и черту не брат. Ушел с инженерной работы?! Обрадел! Есть нечего, да жить весело.

На следующий день сестра принялась, не торопясь, разгружать свой черный мешок-«контейнер». Она торжественно накинула на плечи Петра американское пальто-пуховик, легкое, красивое. Замелькали пиджаки и джинсы, мужские сорочки и клетчатые рубахи-ковбойки, шерстяные пуловеры всех цветов. Наташа занималась торговлей и привезла брату то, что не купили у нее на таллиннском базаре. Квартира быстро превращалась в комиссионный магазин.

Петр все это видел и не видел. Мечтал об одном: если сестра достанет из мешка зимнюю обувь, он спасен... «Так как вы думаете, господа, нет Бога или Он все-таки есть?..» Последней вещью, которую гостья вынула, оказались теплые ботинки! В таких «бутсах» - из грубой кожи, на толстой подошве, с каким-то нелепым ремешком впереди - щеголяет рядовой состав эстонской полиции. Раньше Петр носил хорошую обувь: и элегантную скороходовскую, и красивую, как игрушка, с мраморным узором по коже чешскую. Теперь неказистые «бахилы» взял с умилением.

На прощание Наташа вручила брату сто долларов. Он принял стартовый капитал с благодарностью, пообещал вернуть долг без промедления. И услышал: «Не надо, Петя. Я одинокая: с меня никто не теребит... Между нами граница, во что обойдется перевод?! Только прошу - не забывай сестрёнку! Письма твои пробирают крепче молитвы. Таллинн - город чистый, да не мой».

Больше они не увиделись: через год Наташа умерла. Медицинское заключение гласило: от злокачественной опухоли. Петр подумал: «А если от тоски?.. От разочарования... Она же была ангелом-хранителем, которому некого опекать».

Своим последним визитом сестра встряхнула его и, видимо, спасла. Петр научился смягчать сочинительский зуд: стал заниматься литературой и коммерцией поквартально. Однако в те месяцы, когда торгует, кто-то в нем ворочается, терзает изнутри, требует жертвоприношений. В конце рабочего дня Петр, измотанный нелюбимым занятием, садится за письменный стол сделать текущие бытовые зарисовки. Только после этого верный друг и жестокий мучитель дает ему заснуть.

...Я прочитал рассказ-исповедь. Ответа на вопрос, тому ли автор посвятил жизнь, у меня по-прежнему не было. Призвание человека, назначение на Земле - ведь это ближе к поэзии, музыке... Кто знает Высшую Правду!.. А может, все проще: мужчина живет очень трудно потому, что не желает знать о пределах своего владычества, как расшалившийся ребенок.

Мы познакомились ближе. Петр Григорьевич повел меня в арбатский ресторан с экзотическим названием «Сан Марко». Сели на просторной веранде, выходящей окнами во внутренний дворик. Перед нами расторопные официанты, безлюдный зал, пальмы в кадках. Обстановка для глубокомысленной беседы самая подходящая, ведь русские интеллигенты любят поговорить о пропащей жизни и трагизме бытия именно за обильным столом.

- Уважаемый Петр Григорьевич, я простой смертный. А вы озадачили меня вопросом, над которым философы бьются тысячи лет.

- В том-то и дело! У меня нет такого запаса времени.

- У меня тоже. Но кое-что скажу определенно. Вы можете сделать головокружительную карьеру коммерсанта.

- Я это знаю... Не лежит душа.

- Опять душа!.. Каждый третий клиент уверенным тоном говорит о ней! Но никто не может объяснить, что это такое. Может, вы, писатель, наконец-то просветите меня?

Он впервые улыбнулся.

- Я знаю о ней не больше, чем вы, хиромант.

- Она не подсказывает вам, что богатый коммерсант может помочь другим?

- Вы считаете, я не думал об этом?.. И помогал. Но душа не откликалась. Видимо, так я устроен, не филантроп.

- Конечно, конечно, вам точно известно, когда символ непознаваемого в человеке чувствует себя на седьмом небе...

- Да. Только за письменным столом! Если нахожу изящный сюжетный ход. Когда вижу: вот новый образ, он интересен и неповторим. Он мой!.. На вопрос, что такое душа, ответа нет. И прекрасно! Значит, о ней можно писать бесконечно... Вновь и вновь испытывать опьянение, которому нет равных. Эквивалент ему пытались отыскать, да оказалось - не в тех лабораториях.

Я не ожидал, что Петр Григорьевич так похорошеет, когда заговорит о своих сюжетах и образах. Бледное лицо порозовело, глаза ожили, голос стал громким. Пьяненький, а мы почти не пили... Это было трогательно и немного смешно. Неужели я незаметно для себя превращусь в такого же?.. Надо его охладить.

- Но писателей тысячи, а люди помнят нескольких гениев. Розовая иллюзия бессмертия...

- Поверьте, я знаю свое место... Что делать, если жизнь без этой иллюзии не имеет смысла!.. Кстати, оставьте себе мою рукопись, Ардальон Филиппович. Печатать ее не собираюсь: невелика и слишком интимна. Когда-нибудь откроете, вспомните меня.

Мы вышли из ресторана. На прощание я собрался с духом и сказал:

- Петр Григорьевич, слушайтесь своего сердца!

PS. Прошли годы, и у меня появилась мысль: а был ли литератор Петр Григорьевич? Может, я выстрадал его, когда мечта написать о судьбе маленького писателя никак не превращалась в текст - не пишется, и все тут! - и в бреду бессонницы родился спасительный прием: сознание начало отдавать фрагменты моей биографии этому герою... Так был ли Петр Григорьевич? Да вот же его рукопись.

19. КАРТЫ СТАРЫЕ

Закончив труды на Арбате, в конце августа я отправился в Киммерийск. Там, освоившись, заглянул в платную поликлинику по поводу легкого недомогания. Доктор тщательно осмотрел меня, задал несколько уточняющих вопросов и вынес лаконичное заключение:

- Опухоль.

Оглушительные диагнозы доходят не сразу. Да и я к тому времени витал где-то в эмпиреях, проще говоря, жил насыщенной культурной жизнью. Побывал в открытом - почти античном - театре на лазурном берегу Понта Эвксинского (древнегреческое название Черного моря), где любой посетитель настраивается на беспечный, праздничный лад. Встретил знакомого киммерийца, не чуждого литературе, хорошо посидел с ним в кафе. На смену столичной суете пришел эдемский покой. Видимо, поэтому мой ответ специалисту прозвучал несколько легкомысленно:

- Закончу отдых, на Севере обследуюсь.

Врач посмотрел сквозь меня.

- Если задержитесь здесь, загорать не следует... Но я бы так не смог.

Понять-то я его понял, а смыслу сказанного еще не внял по-настоящему, хотя и екнуло где-то под ложечкой.

- Скажите, доктор, часто ли такие опухоли оказываются злокачественными?

Он откинулся на спинку стула, внимательно разглядывая меня, как я сообразил позднее, возможного кандидата в покойники. И задумчиво произнес:

- Пятьдесят на пятьдесят. Теория вероятности...

Надеюсь, я не сильно изменился в лице.

Вернувшись на квартиру, все обдумал и осознал серьезность своего положения. Следующий день встретил в вагоне поезда. Делая пересадку в Москве, разыскал на Арбате Викторию. Она удивилась:

- Что случилось? Вы сейчас должны быть в Крыму.

- Неприятность со здоровьем, срочно еду домой. Не буду вдаваться в детали: мне тяжело... Пожалуйста, погадайте.

Она с готовностью отозвалась на мою просьбу, раскинула карты.

- Да, какое-то нелегкое испытание. Однако продолжим... Снова неважный знак, он усилил значение предыдущего. Вот ведь что!.. Но будем смотреть дальше, будем даль-

ше...

Виктория стала ронять карты. Справилась с собой. И вдруг выпала десятка червей!

- Ваша десятка, ненаглядный король, - воскликнула моя подруга. - Этот знак говорит: жизнь победит!.. Таков пассаж! Еще намилуетесь со своей Линой... Что она?.. По-прежнему влюбляется в тигров... И вы не ревнуете?!

Однако, как ласково заговорила на этот раз: умеет, когда надо. Но все равно не удержалась, подковырнула. У нее уже вошло в привычку напоминать мне о москвичке Ангелине Петровне и моих «странных» отношениях с нею. Гадалка сделала два контрольных расклада и развеселилась окончательно: сочетания повторились почти один к одному. Она замурлыкала: «Карты старые лягут, как веер...»

Успокоенный, я поехал на вокзал. А к Виктории обратился не случайно. Наша совместная практика показала, что прогноз на текущие события легче получить по картам, а не по линиям рук. «Карты старые лягут, как веер...» Тьфу ты! И ко мне прилипла эта пошлятина.

Вернулся домой. Начал основательное обследование, находясь в особом состоянии, где-то на станции пересадки между этим миром и тем. Слова гадалки стали терять силу, радость жизни все меньше согревала меня. Чем бы ни занимался, навязчиво всплывали мысли: «Кому это нужно?.. Зачем?.. У меня нет главного - перспективы. Умереть так рано!..» Я забыл, что смерть всегда приходит рано и не вовремя. «Ну, почему не обратился к врачам полгода назад, когда впервые почувствовал что-то не так?..» Бесконечные безответные «почему»! «А ведь окружающие отнесутся к моей смерти спокойно. Примерно так же относился и я к уходу других. Да разве должно быть по-другому?..»

Пребывание в больнице затянулось. Лечащий врач уехала на конференцию. Последние дни она была очень занята: передача больных другому доктору, сборы в дорогу, - и мы не попрощались. Как оказалось позднее, мой решающий анализ поступил из лаборатории, был подклеен медсестрой в историю болезни, а у врача-преемника нагрузка резко возросла и до такой «мелочи» руки не дошли. Мне же его молчание показалось недобрым. Конечно, можно было поинтересоваться своей судьбой, но я стал бояться заключения: пусть лучше будет неопределенность... Короче, запутался и дрогнул. Даже придумал на будущее «эстетичный» и безболезненный способ суицида - не агонировать же под наркотиками!

К вечеру меня отпускали из больницы. Дома я выпивал бокал мадеры и читал. Двухтомник Чехова в оранжевом переплете и южное вино скрашивали мне жизнь. Но как будто дьявол нашептывал время от времени: «Последние бокалы вина?.. Прощальное приобщение к великой русской литературе?.. Наслаждаешься?! Пустое: впереди тьма».

Чтобы не молчать и хоть что-то отвечать Люциферу, я вспоминал философа-гуманиста Мишеля де Монтеня. В своих «Опытах» он учил людей науке самопознания, великому искусству достойно жить и достойно умереть. Ведь «в конечном счете это и есть наше бытие, это и есть наше все».

Подобная тема наличествует в классической русской литературе, в частности, у Антона Павловича Чехова, который, казалось, всю жизнь только тем и занимался, что умирал. В Ялте, например, его запросто можно было увидеть на набережной в кафе, пьющим красное вино. Вполне вероятно, что мысли о скорой смерти и делали его книги столь жизнелюбивыми. Достаточно вспомнить «Прощай, мое сокровище!» - последние слова из его трогательной и возвышенной «Скучной истории». Вот так, мимоходом, он сумел вступить через века в перекличку с Монтенем и, если не выздороветь, то еще раз напомнить себе и миру о главной теме искусства.

Мне оставалось немного: не терять присутствия духа. Но по утрам осеннее солнце почти не грело, ветерок прощально сметал с асфальта сухие серые листья. Я возвращался в самую угрюмую в Палисадове больницу. От ее нового, облицованного блестящей, голубоватой плиткой куба веяло ледяным холодом. И мой рассудок говорил:

- Может, пожил, хватит? Тебе не семнадцать.

Тут же включалось сердце:

- Неправда! Ты не хочешь умирать.

- На пять лет больше, меньше - какая разница... - продолжал холодный ум.

- Огромная! - горячилось сердце. - Ты уже несколько лет корпишь над книгой. Твоя мечта! Дается она непросто. Но лед тронулся: солидный критик дал положительный отзыв. Трудов осталось на какой-нибудь год.

- А кому это нужно?.. Уж не мечтаешь ли вписаться во всемирную картотеку?.. Глупость! Не того сорта твоя «романея». Да и гении канут в Лету. Земля остынет, человече-

ство погибнет в астрономической западне.

- Не слушай его! Передергивает, как шулер: смысл творчества подменяет смыслом жизни...

Во время «их спора» я вспомнил слова профессора-хирурга, адресованные когда-то нам, студентам-медикам: «Все живое хочет жить!» Забытые, теперь они ожили в памяти. Думаю, если бы тот профессор слушал подобную дискуссию, он бы развил мудрое изречение: «...Жизнь и трагична, и прекрасна. А в метафизические дебри не ходите - это сделают философы».

В больничной палате я не расставался с бумагами, продолжал работать. Это отвлекало от тяжелых раздумий, помогало сохранить внешнее спокойствие. Но время от времени в сознание врывалась мысль: «Успею ли закончить книгу?!»

Наконец приехала с конференции лечащий врач и объявила: «Рака у вас нет. Есть небольшая доброкачественная опухоль. С ней мы справимся». Она дала мне как коллеге полистать историю болезни. «Ну, как обидишься на нее, внезапно уехавшую, такую красивую и умную?.. У нее же, говорят, золотые руки. А весть, которую принесла!..»

Меня прооперировали и в скором времени выписали. Я шел домой. Солнце било в глаза. Ветерок подгонял золотисто-желтые листья. Они останавливались у ног и не двигались, к следующему шагу набегали новые и тоже замирали. Я оглянулся и увидел на асфальте узкую ленту своего пути, как будто кто-то, радуясь, меня провожал. И я тихонько запел:

Карты старые лягут, как веер,
На платок с бахромой по краям.
И цыганка сама вдруг поверит
Благородным своим королям...

Таинственное очарование заключено в этих простеньких словах... Надо написать Виктории о моем излечении.

20. ДЕВЯТКА ПИК. РАССКАЗ ГАДАЛКИ

В дверях стояла моложавая женщина. Приятная, с благородными чертами лица. Одета со вкусом. Моя подруга обрадовалась: вот что значит престиж... Пригласила гостью войти.

Сели за стол. Дама представилась как Елена Иосифовна и попросила рассказать о личной жизни своего мужа. Гадалка раскинула карты на короля треф.

- Вижу близко к нему двух женщин... это бывает. Вполне приличный мужчина, озабоченный семейными обстоятельствами...

Елена Иосифовна перебила ее:

- Как?.. Вы находите?! Да этот «приличный мужчина» ушел от меня к другой, крестной матери нашего сына, с которой мы дружили много лет!..

Она зарыдала. Виктория подала ей стакан воды. Клиентка отпила глоток, с трудом справилась с собой. Виктория продолжила:

- Давайте успокоимся и посмотрим еще... Другая около него действительно крутится, но я не вижу там брака.

Женщина успокоиться не могла. Видимо, столько накопилось, что она едва ли слышала Викторию. Ей не терпелось выговориться:

- Кума одинокая. Она часто ходила к нам, была привязана к нашему сыну, делала ему подарки, оставалась с мальчиком, если мы уезжали на курорт. Кто мог подумать!.. Бывало, муж возвращается с работы. Кума сидит у меня, тихонько спрашивает: «Почему не соберешь Яну Павловичу на стол?» Отвечаю: «Знает сам, где что лежит». Она посидит-посидит и сорвется, накроет ему... Подлая! Увела моего собственного мужа! Сын уехал в Канаду. Что я скажу ему, когда вернется?..

Елена Иосифовна снова заплакала, но без рыданий. Виктория еще раз подала воды и возобновила карточные расклады.

- «Увела моего собственного мужа!» Каков пассаж!.. Давайте разберемся. По-моему, собственным может быть ваше платье, но никак не живая душа... Было ли что-нибудь между мужем и кумой раньше?

- Не замечала... По-моему, нет.

- Вот ведь что! Так, может, кума не такая и подлая?.. Просто Ян Павлович устал от

вас?.. Карты говорят, милая, что ваша любовь деспотична, вы капризны, любите настаивать на своем.

Клиентка молчала. Потупив мокрые глаза, рассеянно вертела бирюзовый перстнь на белой руке. А когда заговорила, ее голос был полон горечи:

- Ваши упреки не имеют смысла: мой муж ушел к другой!

- Как ушел, так и придет, если не наломаете дров, - парировала гадалка, заметившая, что в раскладах повторяется знак обмана - девятка пик.

Женщина промокнула глаза платочком и слабо улыбнулась. Возможно, представила, как он звонит в квартиру, а она медлит открывать.

- Как ушел, так и придет?.. Да он уж готовит документы на развод!

- Он бывает у вас?!

- Когда крайне необходимо.

- И о чем он говорит?

- Утешает: я хорошо сохранилась, не останусь одна. Спрашивал, отдам ли ему машину.

- А вы?

- «Ах, тебе машина нужна? Можешь забирать, я не такая мелочная!» Швырнула ему ключи.

Виктория почувствовала подходящий момент и перешла в решительное наступление:

- Еще чего?! Я понимаю ваше состояние, но много ли надо ума на такое?

Елена Иосифовна смутилась:

- Что же мне делать?

- Будьте подобрей с мужем. Мужчина - тоже человек... И самое главное - хватит необдуманных поступков! - развила свою мысль Виктория.

- Вы хотите сказать, что наша семья еще не распалась?

- Повторяю: по карточным знакам брака на стороне не вижу.

- Спасибо! У меня от сердца отлегло.

Елена Иосифовна встала из-за стола, оправив платье с роскошной атласной вышивкой и глубоким вырезом, который может позволить себе только женщина, у которой красивая грудь. Позднее Виктория узнала, что клиентка - классная портниха, хозяйка небольшого ателье. Гадалка не могла тогда предположить, что этот визит - начало истории, которая затянется на годы. Ян Павлович не станет торопиться с возвращением в семью, но гадалку с Еленой Иосифовной будет поддерживать неизменно выпадающая девятка пик: обман, новое бракосочетание не состоится.

Моя подруга вела свое небольшое хозяйство и принимала клиентов. По вечерам ездила на лекции по астрологии, которыми не на шутку увлеклась. В свободные часы углублялась в теорию хиромантии. Новые знания стала применять на практике. В общем, наслаждалась одиночеством и покоем в своей однокомнатной квартире. Прежде она жила в семье сына-доцента, предмет его занятий - история экономических учений. Его хорошенькая жена не работает и не особенно утруждает себя заботой о семье; зато ведет насыщенную светскую жизнь, лихо водит машину и все время куда-то спешит... Видимо, у нее есть любовник. Карты говорят то же самое.

Они учились вместе в университете, когда сын познакомил мать со своей невестой. Провинциальная девочка очаровала Викторию, хотя что-то насторожило, позднее поняла - бойковата. Теперь уверена: эта девочка вышла замуж ради московской прописки. Виктория внушала сыну, что личное нельзя пускать на самотек, надо принимать решение. Но слышала только одно: «Прошу тебя, оставь эту тему!» Кажется, он так любит жену, что ему страшно предположить измену, двойную жизнь. Недавно Виктория приехала к ним, а он опять вдвоем с дочерью; ей стало жаль сына больше, чем внучку.

...Муж Елены Иосифовны развода не оформлял. Она по подсказке Виктории приобщилась к занимательному чтению, туристическим поездкам. За ней начинали ухаживать - она принималась сравнивать. Все было в пользу Яна Павловича! Елена Иосифовна ужасалась своему горю и вновь спешила к гадалке за надеждой.

Во время визитов бывали у клиентки и срывы. Нервно пощипывая гладкую шею, она жаловалась:

- Их видели во МХАТе. Веселые, беззаботные. Он в темно-сером костюме, рубашка за сто долларов. У инженера-бюджетника... Я не могла дарить ему таких рубашек, она может. Аферистка!

- Черт те что!.. Лена, не судите!.. Не люблю подобных сплетен. Они заведут нас в

болото, - одергивала ее Виктория.

Иногда женщина повторялась:

- Их видели на концерте русских басов. Она в новом бархатном платье. Сшито со вкусом... Но у нее же нет никакого вкуса!

Виктория гнула свое:

- Не судите!..

Елена Иосифовна рассказала, с чьих-то слов, как ее соперница ведет себя на работе. Шло вроде бы совещание узким кругом. Директор фирмы попросил секретаршу принести ему чая. Та понуро вошла в кабинет, равнодушно поставила чашку на стол. Кума взвилась: «Девочка! Посмотри, как угощают шефа!» Села на краешек директорского стола - юбка с разрезом, ножка на ножке, туфли итальянские - и с ангельской улыбкой поднесла блюдце с чашкой на пальчиках. Начальник, старый бабник, млел. «Внешне она так себе, а ноги красивые. Знает, что показывать, ведьма!» - позавидовала клиентка. Виктория не выдержала, рассмеялась. Ее визави натянуто улыбнулась.

Перед уходом у Елены Иосифовны вырывался стон:

- Когда же мне вернут его?!

Гадалка подбадривала бедную женщину:

- Сроков назвать не могу, но девятка пик не уходит из раскладов.

- Вика, посмотрите мне в глаза!

Виктория смотрела, сдерживая улыбку. Женщина успокаивалась.

Чары ласковой кумы оказались сильными. Ян Павлович, натерпевшийся от жены, во время коротких визитов к Елене Иосифовне, - у нее осталась собранная им библиотека, - вел себя сухо, отказывался от чашечки кофе. Только на третьем году такой жизни, перед возвращением их сына из Канады, муж пришел с просьбой: возникли трудности с новым гаражом, нельзя ли машину поставить пока в старый. Елена Иосифовна разрешила. Ян Павлович посмотрел на нее пристально.

И однажды клиентка не вошла к Виктории, а влетела: в дверь не угадывает, щеки горят, как пионы, васильковые глаза сверкают радостью. Оказывается, долгожданное свершилось! Супруги воссоединились. Ян Павлович пришел смущенный, принес жене чудный букет ее любимых орхидей.

Виктория вздохнула с облегчением: девятка пик не подвела! Ведь живому человеку присущи невольные сомнения.

...А я, заканчивая труд над этим рассказом, сделал свой вывод: карты, конечно, поддержали милых дам, но и гадалка была на должном уровне.

21. УСПЕХ

Зиму я, как всегда, провел в Палисадове. А в начале лета утром раздался телефонный звонок от Гриши. Он спросил:

- Наверно, собираетесь в Крым?

- Да, собираюсь.

- Если хотите, загляните ко мне... Готовлюсь к выставке в Центральном Доме Художника.

Сногсшибательная новость для едва проснувшегося литератора! Фраза пьянила, как вино и воздух Цхинвала. В ней прозвучали признание, судьбоносная веха, деньги. Я знал, что Гриша талантлив, но откуда свалилось такое везение?.. Персональная выставка в Москве!.. Значит, теперь уже можно не смотреть его линии и знаки: в моей поддержке он больше не нуждается. Видно, не зря вся семья художника Вахтанга молилась за Гришу. Мне, конечно, захотелось побывать у него. Узнав, когда я выезжаю, он сказал, что в это время будет на вернисаже Крымского вала.

Приехав в столицу утренним поездом, сдав вещи в камеру хранения, я отправился к месту свидания. Знакомый шум подземных электричек, многолюдство в переходах метро. Висячий мост через Москву-реку. И, наконец, встреча с моим удачливым другом, который стоял у своего стенда.

Тут я почувствовал по-настоящему, что попал в столичный ритм жизни: на мои вопросы Гриша отвечал лаконично, перекидывался репликами с художником-соседом по вернисажу, внезапно куда-то исчезал, неожиданно появлялся - и все под мелодии его мобильника. Стал накрапывать дождик, появилась покупательница с зонтом. Гриша сделал ей комплимент: «Какой чудесный зонтик! Какой красивый дэвушка! Слуши, пусти под зонтик одинокого скитальца - подарю тебе все свои работы!»

Сосед, его звали Глебом, в одну из отлучек Гриши доверительно сообщил мне: «Ваш знакомый везучий, но и работает, как вол. Не работает - титанит! Ренуару за ним было бы не угнаться». Вернувшись к стенду, Гриша предложил:

- Ардальон Филиппович, махнем ко мне на дачу? Председатель садового товарищества задергала меня: там накопилось кое-что неотложное. Это не женщина, а моя здешняя совесть... По дороге и поговорим. Время у вас есть?

- Несколько часов, - ответил я, не подумав о столичных автомобильных пробках.

- Да осилит дорогу едущий! - провозгласил живописец.

Он поручил свой стенд Глебу и пригласил меня в серебристый ситроен. «У вас уже новая машина!» - поздравил я его. Мы поехали с остановками в густом потоке транспорта.

«Здорово изменилась Москва за последние годы! - размышлял я, любуясь столицей. - Какое обилие ярких красок на улице! Броские рекламные щиты. Все больше зданий-дворцов! Стекло и металл их фасадов - новая для нас архитектурная эстетика. А, может, знак перехода к новой жизни?.. Да, сегодня столица уже не та. Конечно, для всех разная. Некоторые, знаю, тоскуют по старине, называют эти дома унылыми коробками... Мой Палисадов изменился меньше, но и там прогресс налицо. Слабые духом теряются перед ним. А мне нравится этот размах и буйство цвета! Может быть, потому, что немножко разбираюсь, в каком мире живу...»

Мы пронеслись с ветерком около триумфальной арки Кутузовского проспекта. Началось Минское шоссе, по сторонам пошли коттеджи, деревянные домики. Небо мягкой синевы, дымка свежей зелени над лесом, и еще не жарко. Я почувствовал легкость ушедшей молодости - такой неожиданный, почти забытый всплеск ощущений! - и захотелось общаться с прекрасным. Хорошее время - начало лета в Подмосковье. Миша показал на «исторические» кусты, откуда пуляли в Чубайса.

...Потом он посвятил меня в историю своей удачи. Мой друг относился с иронией к пророчествам Вахтанга о грядущем успехе своего однокашника и спасителя, читал трогательные письма из Грузии с улыбкой, но случилось неожиданное. На вернисаже ко Грише подошел шатен лет пятидесяти, невысокий, скромно одетый, из тех, чья внешность не запоминается. По его репликам Гриша понял: неплохо подготовленный любитель. И вдруг тот заявил: «Мы с вами знакомы! В моей коллекции картина вашего стиля. Приобрел лет двенадцать назад».

По случаю такого юбилея художник подарил ему этюд. Мужчина растаял от признательности, купил дорогое полотно и вызвал кого-то по сотовому с просьбой унести покупку и презент. Прощаясь, он протянул Грише визитную карточку, пригласил в гости: «Познакомитесь с моей коллекцией. В ней будут три ваших работы».

Заинтригованный художник не заставил себя долго ждать, через несколько дней его машина остановилась у ворот трехэтажного коттеджа. Семья вышла встречать нового знакомого в полном составе: хозяин Анатолий, его жена, дочь и внук.

Размеры и роскошь апартаментов ошеломили Гришу, живущего в хрущёвке. Одно дело видеть такое на экране телевизора, и совсем другое - воочию. Анатолий заметил растерянность визитера и быстро повел его на третий этаж.

Вошли в картинную галерею, ко Грише стала возвращаться уверенность в себе. «Просторно и уютно. Много незнакомых цветов - красота! А живопись подобрана не вся со вкусом. Смешение стилей, авангардисты и романтики висят рядом: любитель остается любителем. Две картины Ильи Ухова, графика Евгения Морковина...» - отметил про себя посетитель.

- Портрет вашей жены сделан Мыловым, поздравляю, - сказал он.

- Год очереди ждала, - Анатолий почему-то смутился.

Их остановили работы Гриши, среди них - черно-белая «Облака над городом».

- Купил лет двенадцать назад, - напомнил коллекционер.

Автор картины уточнил:

- Четырнадцать... Я только приехал покорять Москву, имел две краски.

Гриша смотрел, говорил, а у самого щемило сердце... Ведь его столичная жизнь началась с деревянной скамейки на Казанском вокзале.

Хозяин предложил побеседовать в кабинете, заваленном книгами по искусству, и задал задушевный вопрос:

- О чем мечтаете, Гриша?

Он, вероятно, понимал, о чем мечтает живописец, но захотел услышать его ответ.

- Мечтаю и не смею мечтать... о выставке, Анатолий, - гость уже знал, что хозяин

дома, подобно людям искусства, не любит официального обращения.

- Почему же не смеете?

- Ну, откуда у меня такие деньги!

Коллекционер помолчал какое-то время и вдруг произнес:

- Я верю в ваш талант... Деньги будут. Помогу и в организации. Иначе вас станут обманывать на каждом шагу. Не возражаете, если встретимся через неделю?..

В дверь постучала жена.

- Обед вас ждет! Прошу! Там и договорите.

За столом Гриша узнал, насколько хлебосольны коренные москвичи, обед был добрым. Оказалось, что крупный предприниматель Анатолий прошел все этапы дикого капитализма, перенес несколько инфарктов. Жена и дочь помогают ему в делах.

Вскоре после визита Анатолий уступил своему новоиспеченному «крестнику» этот серебристый ситроен с высоким салоном и хорошим обзором. Теперь можно писать уголки города в любую погоду, не выходя из машины. Фактически Гриша готовился к такой выставке давно: еще студентом приезжал в столицу, знакомился с ней, изучал, а в последние годы почувствовал ее по-настоящему. Когда встретился с покровителем, работа пошла легче и быстрей.

Уж мне-то не забыть рекордную скорость, с какой мой друг написал картину-презент «Вечерний Арбат». Сколько живых воспоминаний вызывает эта работа сегодня! О впечатлительных женщинах, которых трогала солидная внешность хироманта («Почему вы здесь?..»). О бойких дамочках, что сгоряча предлагали ему руку и сердце («Женись на мне, не промахнешься!»). О директрисе ювелирного магазина, которая благоволила к нему и, случалось, защищала от хулиганов из толпы. Он, в свою очередь, заходил в небольшую комнатку той лавки и рассказывал, как развиваются линии брачного поля на ладонях вдовы.

...После часа езды Гриша отворил железные ворота садового товарищества, где расположен его земельный участок со старым деревянным домом. Вошли в большую комнату. Хозяин устроился на диване, на котором когда-то отдыхал длиннобородый художник Вахтанг. Мне предложил табурет. Посидели в тишине. Гриша щелкнул пальцами три раза. Увы, в ответ никто не появился. Мышь, наверное, обиделась на покинувшего ее человека и оставила это жилище навсегда.

Пришла молодая женщина-председатель товарищества, бледная худышка, вероятно, измученная неаккуратностью дачников. Они с Гришей обсудили свой вопрос. Он подписал нужную бумагу, женщина облегченно вздохнула. Мы отправились в обратный путь.

Все-таки попали в автомобильную пробку. Билет на юг я купил еще в Палисадове, вещи лежали в камере хранения Курского вокзала, но остановка на улице могла затянуться. «Только бы не опоздать на поезд!» Самое неприятное, когда оказываешься зажатым в скоплении машин, - это чувство беспомощности. К чему-то нам вспомнилась дачная начальница, которой непросто живется. Попутчик поведал мне, что она дочь учителя, разведенная женщина, добрая мать двоих детей. Сочувственно вздохнул: «Милая скеле`та! Ну, кто возьмет ее снова замуж...» Обсудили погоду. Потом он стал рассказывать анекдоты с подтекстом; их надо было быстро разгадывать, чтобы не ударить лицом в грязь. Это помогло скоротать тягостные минуты.

К вокзалу приехали в спешке. Я ринулся в камеру хранения, Гриша - к магазину. У вагона он вручил мне пакет с продуктами. Это же умница и душа нараспашку! «До встречи на выставке!»

В дороге меня обступили воспоминания о первых, самых тяжелых днях на Арбате, когда новенького отовсюду гнали, ибо все свободные от официальной торговли квадратные метры брусчатки уже заняла богема или такие, как я. Стоило остановиться где-нибудь со своей рекламкой, как рядом возникала недоумевающая личность: «Извините, но я работаю здесь давно!» «Вы будете отвлекать внимание от моих произведений», - ядовито шипел какой-нибудь торговец ширпотребовскими эстампами.

Наконец я устроился около стенда художника горской внешности, и через несколько минут... он подошел знакомиться. Угостил минеральной водой: день был жаркий. У нас зашел разговор об искусстве, о музах, о долларах, которые были тогда очень популярны. Гриша узнал, что я провинциал, видел, что не богат, без связей, не имел представления, что балуюсь пером, но вскоре пригласил в свою мастерскую и подарил этюд.

Когда я возвращался из Крыма, Гриши в Москве не было: уехал с дочкой к родителям в Южную Осетию. Зато Виктория пригласила меня на чай. Мой рассказ о предстоящей выставке нашего живописца произвел на нее впечатление. Сперва она искренне

удивилась, что не она, а я узнал первым такую новость. И тут же истолковала ее астрологически: «Значит, в гороскопе у Гриши хорошо расположен Меркурий, планета помыслов. У кого они чистые, того Бог награждает. Вот ведь что! А может, сыграла свою роль удачная планета в королевском градусе, например, Регул - звезда маленьких царей, или Вега - звезда почестей и богатства...»

Сколько чудесных легенд в этом древнем учении, воплотившем в себе весь опыт мудрецов-звездочетов! Я слушал подругу с наслаждением и сожалением, что сам пока не могу заняться астрологией: много времени и сил отнимает работа над книгой, мои литературные штудии. Не удержался от комплимента:

- Виктория! Общение с астрологами пошло вам на пользу... Ваша увлеченность мне импонирует.

И тут же получил «сдачу»:

- Импонирует моя увлеченность... Каков пассаж!.. Увлекаться можно женщиной - астрологию надо изучать, терпеливо и долго. А память-то надо иметь! Ой, е, ёй!..

Она вернулась к главной теме нашей дружеской беседы:

- А вы, Ардальон, все такой же наивный! Угостили меня сказочкой старого Арбата. За здорово живешь денежки не выкладывают! Будьте уверены, этот спонсор провел экспертизу Гришиных картин.

- Анатолий не спонсор, а богач, который дает людям шанс. Если верит, то на просьбу отвечает одним словом: «Сколько?» Так отзывается о нем Гриша.

- Значит, он такая же святая простота.

- Ну что же, почту за честь подобное сравнение... Допустим, Анатолий сделал экспертизу. Но это означало бы ее положительные выводы! Кстати сказать, святая простота не исключает ума. Вы же сами утверждали в прошлый раз: у наивного есть своя защита. В свидетели призывали авторитетную планету Меркурий.

Виктория не любит уступать в споре, но, когда удается использовать почерпнутые у нее же познания, она замолкает. Это ей льстит? Или от неожиданности? Не знаю.

Позднее окажется, что опытная гадалка была в чем-то права. Уже не помню по какому поводу я обратился ко Грише:

- А в вашем Анатолии есть нечто оригинальное. Расскажите о нем подробней.

- На руках у него синие наколки.

- Отшучиваетесь? Не хотите говорить?

- Если серьезно... Он избегает долгих разговоров об искусстве, которое так любит. Смущается. Жена успела шепнуть мне: крепко выпивал, инфаркты добили бы его, если б не эта новая страсть... Где покровитель заразился ею, не имею понятия. Обожаю его: он - ма-хвшау (осетин. - мой бог, спаситель).

Меня не оставляли сомнения:

- Гриша, извините, все-таки не верится, что Анатолий помог вам с машиной, дачей «просто так»... Ведь кругленькие суммы.

- Конечно, не просто... Сказал: когда-нибудь рассчитаюсь картинами, - легко ответил мой друг.

Мне его легкость не очень понравилась. Считаю, что в деловых отношениях нужна максимальная ясность: мало ли какие могут всплыть нюансы. Ох уж эти люди искусства с их мечтами, порывами, нежеланием заглядывать в завтрашний день...

Я вернулся в Палисадов. Занялся своими делами. Побывал на местной художественной выставке. У нас они проходят в небольших галереях, с разбросом экспозиции по анфиладе комнат, с ощущением камерности и уюта. И сколько вокруг знакомых милых лиц!

Получив приглашение от Гриши, снова выехал в столицу. В Центральном Доме Художника гудела толпа. Москву писали тысячи представителей разных школ, направлений, течений и просто вдохновенные самоучки. Теперь предстояло оценить, как видит нашу столицу сын гор. Напомню, что этот осетинский художник начинал ваятелем, что пейзажи он выполняет не кистью, а мастихином: набрасывает краски на холст миниатюрной стальной лопаточкой. Работа занимает меньше часа.

Гриша рассказал о себе немногословно: «Просто пишу на одном дыхании, и это все. Если тут есть секрет, то я его не знаю. И никаких доработок в мастерской: сама картина уже не подпускает к себе... Почему люблю импрессионистов? Они умели передать мимолетное впечатление от действительности. Если дотяну до их уровня, буду необыкновенно счастлив».

Солидные люди говорили об эффектах пленэра и творчестве Клода Моне, Игоря Гра-

баря, об их влиянии на другие виды искусства. На этой выставке было о чем потолковать и теоретикам живописи, и просто приглашенным. Одна из таких дамочек развеселила всех, стоявших близко, посоветовав Грише: «Не рассказывайте, что рисуете так быстро: не будут покупать». Его товарищ по Крымскому валу Глеб подчеркнул, что мастихином тоже владеют по-разному: «...В Москве уже человек десять работают «под Колумбегова», но Колумбегов - один».

Выступил и бывший однокашник по Тбилисской Академии художеств. Он вспомнил замечание старого профессора в адрес Гриши: «Такого острого глаза я еще не встречал. Жаль, что у этого парня есть недостатки: во-первых, если из студии исчезает красивая натурщица - ищите у него, во-вторых, он осетин». При последних словах в большом зале наступила мертвая тишина. Видимо, сотни людей подумали одно и то же: какие шуточки позволяли себе некоторые мэтры, и чем это закончилось.

Вот виновник торжества стремительно прошел по залу, весь в делах. Сказали, что готовится к мастер-классу. Остановился на минуту около меня. Сегодня он в дорогом светлом костюме, который как будто омолодил его.

- Ардальон Филиппович, никогда не угадаете, кто сейчас подходил ко мне в большом волнении... Художник Малхаз. Тот самый родственник «синдха» Вахтанга, что выгнал его из дома... Как думаете, о чем он просил?

- Право, не могу знать...

Гриша усмехнулся.

- Вы не поверите... Он сказал: «Если Вахтанг снова приедет в Москву, направляй его ко мне... Может, и мне повезет!»

После торжественной части я задержался у трех картин: в тот суматошный день душа успела открыться только для них.

«Площадь Европы у Москвы-реки». Багровый закат. Багровые блики на темной воде. И площадь в тени окаймляющих ее зданий. Время вечернее, мрачные контуры архитектуры напоминают старый Лондон. Кусочек Европы в столице России! Чего только не было в наших отношениях... И что будет еще... Закат Европы по Освальду Шпенглеру?.. Наш закат?.. Заклинание вечности. И на этот уголок нашей родины сын гор дохнул сакральной аурой своего таланта.

«Церковь во имя святых Девяти мучеников». Что еще нового может быть в изображении православного храма?.. Их пишут без конца и в Палисадове. Главная черта тех произведений - тщательно прорисованные детали архитектуры. А у Гриши церковь залита потоками солнечного света и чуть прикрыта склоненными от ветра деревьями. Над нею перистые облака, на фоне которых парят птицы. И две фигурки, идущие по дороге к храму. Во всем легкая незавершенность, дающая толчок моим фантазиям. Это как вступительный музыкальный аккорд - прекрасный и чуть тревожный. По-моему, «Церковь во имя...» зовет к сближению человека, природы и Бога. Да и в Палисадове храмы выписывают по-ученически старательно от любви.

«Ритм большого города». Широкая улица сплошь до горизонта в разноцветных пятнах. Как будто увидено с вертолета, хотя такого факта в биографии Гриши не было. Что это, запрудившая город фантастическая река? Нет, если приглядеться, все куда прозаичней. Маленький человек смотрит на большой город, где рекой времени стал поток машин (остановившийся поток!). У попавшего в автомобильную пробку простого смертного появляется досада и злость, у художника - целая гамма противоречивых мыслей и чувств... По-моему, данное полотно - прикосновение мыслителя к болевым точкам мира через быт любимого города.

По картине «Церковь во имя...» угадывается, что Москву рисовал горец: перистые облака над храмом напоминают заснеженные горные вершины, где парят орлы. Или «Ритм большого города»: разноцветье остановившегося автомобильного потока живописец видит с высоты. Вот они, красота и скрытый смысл, открывшиеся только ему, - маленькие тайны автора. Но, видимо, есть и большие. Григорий вырос в горах. С годами стал жителем Москвы. Он уловил, что горы, зовущие дальше и выше, и большой город, с бешеным напором зовущий в неизвестное будущее, - в чем-то похожи. Призрак гор сродни призраку мегаполиса: тот и другой притягивают человека.

Следующий день я посвятил подробному осмотру выставки «Московская сюита», которая успешно продолжалась. А вечером Гриша, улучив момент, за чашечкой кофе нарисовал меня карандашом на бумаге - пригодится для будущей книги. Мы попрощались, и я вернулся в Палисадов. Близким портрет понравился. Дама-искусствовед тонко поддела меня: «Когда он успел так изучить ваш непростой характер?..»

А может, он гений...

22. ТАНЦЫ ДО УПАДУ. СЕВЕРНЫЙ ГОРОД

В Палисадове, словно старого друга, я иногда навещаю мой любимый театр, недоступный для пошлости. Там и встретил школьную подругу Машу, Марию, Марию Брониславовну. Сколько минуло лет и событий, а у нее тот же живой взгляд, такая же открытая и добрая улыбка. В черном бархатном, странно поседевшем платье, посвечивая локотками сквозь поредевшую ткань, она поправляла прическу. Высоко заколотые золотистые пружинки волос делали ее хрупкой.

Когда-то она заметила, что я похож на Олега Кошевого. Книжная девочка видела в сверстниках литературных героев, а нам нравилось посмеяться над ней.

- Помнишь, Доля, как вы, бессовестные мальчишки, дразнили меня макакой? Я вас любила, а вы...

- Машенька, давай я буду называть тебя Мэри!

Она улыбнулась на это предложение, но заговорила о серьезном:

- Муж тяжело и долго болел. Его уже нет. Мое сердце, наверно, почернело от переживаний. Живу одна: не нашли общего языка с зятем...

На янтарно-карие глаза навернулись слезы. Она сменила тему.

- Хочешь, Доля, я покажу тебе место, где время остановилось?

Интересно, что Маша имела в виду?..

- Тебе пойдет на пользу: ты же пишешь. Запомни мой телефон.

Через несколько дней мы подъехали на автобусе к одноэтажному деревянному клубу на окраине города. Вечерело, снег валил хлопьями. Купили билеты, вошли в скромно освещенный зал с жесткими стульями вдоль стен. Вокруг много немолодых людей, все принаряжены, в приподнятом настроении. Маша, оживившая усталый бархат платья серебристым шарфиком, бережно поправляла его на плечах. Зазвучала музыка, начались танцы.

- Сейчас буду сплетничать, Доля. Здесь все известно обо всех. Не осуждай меня! Без этого ты не разберешься... Посмотри на веселую старушку - танцует рядом с нами! Копна рыжих волос, пудра сыплется с лица, как штукатурка сталинского дома... Поет на клиросе и служит горничной в гостинице сомнительной репутации. Всегда с мужчиной! Хотя их здесь меньше, чем женщин. Появится новый со слуховым аппаратом, и тот нарасхват.

Маша танцевала легко, предвосхищая каждое мое движение. Зная, что у нее красивая улыбка, не торопилась гасить ее.

- Видишь седобородого дедушку в старомодном коричневом костюме?.. Это техник-строитель Игорь Платонович. Здесь представляется инженером. Между прочим, программист-самородок. Странно устроена человеческая натура: гордимся тем, чего нет, и забываем о том, чем гордиться можно... Обожает посудачить научно о смысле жизни, о бренности земного бытия, но больше всего - потереться среди пригожих дамочек. Домой уходит один. Там его ждет покладистая жена. Раньше он обещал ей: «Я потанцую до семидесяти!» Теперь говорит: «...до восьмидесяти!»

Мы останавливались в сторонке, снова сливались с публикой. Маша продолжала свое обозрение:

- Обрати внимание на ту моложавую женщину: сама стройная, лицо свежее, очки золотые. В раздевалку входит в самом затрапезном виде. Выплывает - в прозрачном шифоне и модельных туфлях. Это замужняя докторша. Если мужчина нравится, томно намекает ему в первом же танце: «Со мною можно рассчитывать на большее...» Но любить-то хочется, Доля! Ты молчишь. Думаешь: я стала злой, циничной?..

- Машенька! Мэри! Не волнуйся об этом. Мне очень любопытно.

- Тогда внимай... Вон маленький, длинноносый живчик во фраке! Смотри, смотри, летает с партнершей по всему залу. Ножками-то, ножками какие выделывает антраша! Освоил еще в молодости - импровизирует до сих пор. Вглядись в лицо - все в морщинах! Фрак лоснится, штопаный-перештопанный. В гости к пассии приезжает со сдобной булочкой... Но как он крутится в вестибюле перед зеркалом, расчесывает седые кудерьки! Плясать ему до ста лет!..

Я понял, почему она любит бывать здесь: столько занятных личностей и наверняка свой интерес. Мне захотелось определить - кто?.. Но все ее внимание направлено на меня. Старается, чтоб не заскучал. Напрасно волнуется! Зрелище впечатляет: время замедли-

ло ход в старом доме, где влюбленные в жизнь мужчины и женщины вытанцовывают свои заключительные па.

Я поймал на себе хмурый взгляд широкоплечего молодца в сорочке с закатанными рукавами.

- Маша, это кто?

Ко всем незлая ирония, а тут - смутилась. Все понятно: это он!

- Сеня достоин отдельного живописания. Всего три раза сидел, всего раз десять лечился в желтом доме... Он у нас солист! Водит - бесподобно: застенчивая домоседка начинает вальсировать, как балерина. Хотя танцует Сеня немного, больше стоит или сидит в сторонке, о чем-то думает. Но когда раскрывается - технички прибегают в зал смотреть его фантазии... Не устал, Доля? Давай присядем.

На подмостках появилась женщина, красивая, нарядная, очень красноречивая. Она объявила белый танец. Я подумал, что он значит для молодых, а люди нашего поколения все понимают, помнят. Добрая волшебница пожелала всем встретить сейчас свою половинку. «Оказывается, счастье по-прежнему возможно?! Интересно, сколько лет она раздает его ворохами...»

Маша стала удаляться от меня в новом танце, где участники двигаются порознь. Руки ее устремились ввысь, изобразили порыв, невозможность полета, беспомощное падение. И вдруг она бросилась в веселый круг праздничного водоворота. «Твое сердце когда-то почернело, но, кажется, снова розовеет», - отметил я.

Чуть в стороне выступал Сеня. Свои фигуры он выполнял так изящно и легко, словно не имел веса в полете. Вокруг него образовалось свободное пространство: им любовались. Неожиданно Сеня пронесся так близко от меня, что я ощутил ветерок. Что-то этим было сказано... Я не соображал, что таит его налитое тело, но почувствовал угрозу. И наконец танцор-солист показал свою заключительную фантазию: пируэты увенчал тем, что, прыгнув, сделал в воздухе пол-оборота и с маху врезал каблуком по ветхой сцене.

Стоявшая на подмостках добрая распорядительница бала испуганно схватилась за грудь, но, увидев лицом к лицу Сеню, сразу успокоилась. Радиола уцелела, веселье продолжалось. Маша танцевала без прежнего подъема. Сеня сидел на краю сцены, скрестив на груди руки в синих наколках и думал какую-то думку, словно к только что случившемуся переполоху не имел никакого отношения. Музыка кончилась, он подошел ко мне. Резкий запах махорочных сигарет ударил в нос.

- Выйдем потолкуем!

Я невольно посмотрел на поспешившую к нам Машу.

- Что с вами, Семён?.. Это мой школьный товарищ.

- Не мандражи, очкарик... Не волнуйтесь, Мария Брониславовна. Вернемся через пять минут.

Мы прошли в глубь освещенного коридора.

- Как тебя звать?.. Ардалион?.. Не видел я жизни, Ардальон-медальон. Колхоз, леспромхоз, тюряга... Последние годы жил у матери. Только поймал кайф, она умерла. А одному хреново! Вот встретил Марию, озорная она, фартовая. Люблю все живое... Не убийца я, хоть и сидел по 102-й! Не пришил бы его, он бы меня заколбасил.

Я, ошарашенный этой откровенностью, зачем-то спросил:

- Где вы научились так танцевать?

Он усмехнулся:

- В лагерной самодеятельности. Был человек...

Тут словно кто-то подтолкнул меня:

- Семён, я хиромант. Разрешите, гляну ваши ладони.

Он раскрыл руки. И я замер. На левой... красовалась линия Танца! Больше того... она легла на линию Судьбы! Я видел, наверное, сотни тысяч магических знаков, но такого манифестного их сочетания - никогда. «Вот это программа! Сеня, Сеня! Не угрюмым убийцей родился ты, а выдающимся танцовщиком. Но тебе не повезло... И хорошо, что ничего не понимаешь в хиромантии. Может, сказать? Что это даст ему сегодня!»

Я сделал вид, что мне неинтересно. Семён сжал кулаки. Морщины на лбу выступили резче, кустистые брови почти сошлись, впалые щеки побледнели.

- Мария учит детей алгебре. Я жэковский шнырь, мету двор. Но она будет моей! Раньше обнимешь - сбросит руку, теперь прижимается... Думаешь, понт? Ни хрена подобного! Только начинаю жить... Не могу видеть: кто-то смотрит ей в глаза, прикасается к ней! Думал, остыл от подвигов, побрился - сегодня понял: все может быть... Рви когти, хиромант!..

Глаза у него побелели от бешенства. Мне стало не по себе. Мы вернулись к ожидавшей нас Маше, она опустила очи долу. Я сдержанно простился и вышел из клуба.

Снег уже перестал, похолодало, чистые звезды горели в темном небе. Автобус подошел к дому культуры по расписанию. В природе и в городе все шло своим чередом. Ай да Машенька, Мэри, Мария Брониславовна! Преподнесла сюрприз... Но Сеню она может спасти, если действительно полюбила. Я помню подобный случай.

23. МИФОМАНЫ. СЕВЕРНЫЙ ГОРОД

...Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.
А.Блок

Пора, наверное, рассказать вам, дорогой читатель, чем занимаются литераторы вроде меня долгими зимними вечерами у нас в Палисадове. Утомленные, нервные люди. Еще бы! Вокруг кипит жизнь, которой принято наслаждаться, пишутся шедевры, проводятся встречи с интересными людьми. А тут сидишь, терзаешь черновики, угрызаемый собственной никчемностью, и понимаешь: рассказы уровня «Полины и Чертика» тиражировать не получается, прочие заоблачные вершины не очевидны. Осталась единственная надежда, что есть еще подобные мне горемыки, не безразличные к чужому опыту порчи бумаги.

Эти прискорбные размышления и привели меня в объединение литераторов под названием «Среда». Им руководит прозаик и моя клиентка Римма Степановна Корешкова. Та самая, что когда-то вдохновила меня заняться творчеством (при этом звучали имена Эдгара По и Оскара Уайльда!), одобрила мой первый рассказ и придумала для него название.

- Верьте мне! Только здесь вы по-настоящему научитесь нашему делу, - услышал я сходу.

Вскоре Римма Степановна объявила, что к нам едут писатели из другого города.

Я попытался уточнить:

- Не приедет ли мой приятель Шубин? Давненько его не видел.

- Да, он будет, - порадовала староста.

В названный день и час я отодвинул текущие дела и отправился в литературное объединение. Пришел, осмотрелся - моего знакомого среди гостей не было. Но прозвучала его фамилия, и на сцену вышел... неизвестный мне парень. Тут и выяснилось, что это встреча писателей молодых, а приехавший Шубин - сын моего приятеля. Значит, я был приглашен для числа, чтобы придать маленькой аудитории некую солидность. Так началось мое знакомство с нравами «Среды». Все ее посетители влюблены в покровительниц искусств, но музы очень капризны и редко отвечают им большой взаимностью. Чаще успех витает только в воображении неофита, а он все равно пребывает в восторге от своих опусов, радуется им, как любимым детям.

Знают мои новые друзья толк и в других дерзаниях, после которых жены-берегини находят их спящими младенческим сном в каком-нибудь из тихих переулков нашего города торговцев и мелких чиновников. Потребляя горячительное, пока крыша не съедет, свою пагубную страсть поэты и прозаики красиво объясняют: «Пью не потому, что нравится, а от несовершенства мира». Виктория здесь бы добавила: «Гороскоп настоящего поэта я узнаю` сразу! У него сильный Нептун, планета водной стихии, которая руководит воображением и мистическим началом. Подсказывает нептунианцу, какие идеи носятся в воздухе. Поэт первым чувствует вибрацию высших космических сил! У него же, к сожалению, возникает ошибочное ощущение гармонии от хаотичной действительности. Опасны алкоголь и наркотики...»

Где только мы ни собиралось: в большом зале культурного центра, в маленьком филиале картинной галереи, в одной из мрачных аудиторий педагогического института... Нас отовсюду выгоняли из-за излишней горячности споров. Однажды приехали по приглашению в сельский дом культуры. Микроавтобус остановился около неказистого кирпичного здания с облупившимися колоннами, но у подъезда нас встретили цветами и улыбками. Зал был почти полон. В городе такое бывает редко.

На сцену поднялся один из наших гениев поэт Артем. Немец из Поволжья, он учился в Ленинградском горном институте, женился на однокурснице и поселился на ее родине. Короткие седоватые волосы, крупные черты лица и орлиный нос придают поэту му-

жественный вид, а пухлые красные щеки говорят, что не любит оставаться голодным. В старомодном сером костюме в мелкую клеточку и домашних тапочках, Артем напоминал бюргера, поизносившегося в России. Отправляясь из города, за ним заехали в спешке, а он парил в небесах: шли стихи. В такие минуты поэт может выйти из дома и нагишом. То, что он в тапочках, обнаружилось уже в дороге.

Артем стал читать неоконченную фантастическую поэму о Гете, где классика навещают герои его произведений; между ними и автором, их породившим, возникает непримиримый философский спор. А выход из положения находит современный Мефистофель. Знаменитая литературная легенда - и вдруг, словно зловещий отблеск вечерней зари, появляется новый демонический образ.

При этом, какой поэтический фон! «Давлением в двенадцать атмосфер / Тоска собою раздвигает стены. / Скажи, сестра, за что моя печаль? / За что я здесь?» И песня ангела: «Он тихо пел о мирном Рождестве, / О леденцах, о домике в Лозанне, / О том, что мир опять обожествел». И «гутенбергова дыба» поэта: «Распятый на наборе литер / Кричал печатаемый стих». И, наконец, откровение: «Все это когда-нибудь закончится: / Дрогнет сотворившая рука, / Дрогнет камень, вспомнив свое отчество, / Дрогнет, раскрываясь, вечной ночи створ, / Воцарится Божье одиночество / Над Помпеей нашего мирка...» (Стихи Антона Черного, который не является прототипом героя.)

От метафор у меня дух захватывало и першило в горле. «Магическое говорение! Какие таланты ходят по нашему городу в войлочных тапочках! Хорошо, что не босиком». Зал затих. Слышался шелест листочков в руках выступающего. Но вскоре, пока взрослые слушатели вежливо молчали, дети недовольно зашумели. Выступление под угрозой срыва... Заволновалась сидевшая ближе к сцене староста Корешкова: «Артем, заканчивайте!»

Поэт не растерялся: объявил стихотворение из юношеского цикла «Утро в деревне». Каждую строфу он сопровождал голосами домашних птиц и животных, от петуха до собаки. Подражал мастерски! Взрослые переход литературного вечера в цирковое представление встретили улыбками, дети - смехом и криками восторга.

В сельский клуб - с подобными стихами?.. Нет, Артемушка, ты не бюргер. Расчетливый немец так бы не прокололся. У тебя истинно русские порывы... А какая находчивость! Однако, чтобы написать поэму о Гете, надо осваивать его наследие. Ума у тебя хватило бы, но терпения... сомневаюсь.

Поэты чередовались с прозаиками. Незатейливые стихи и рассказы доброжелательная публика встречала хорошо. Поднялся мужичок, маленький, скромно одетый, хорошо загоревший. Такой загар получить в мае! Значит, трудится на улице, рабочий и не чурается сцены. Молодец! А этот молодец-удалец взял да и прочел несколько стишков-загадок в стиле устного народного творчества... Видимо, они задевали местные проблемы: ответы аудитория находила быстро, смеялась громко, аплодировала дружно.

В перерыве я вышел покурить. В буфете за пивом беседовали Артем и только что выступавший поэт-юморист. Римма Степановна сообщила мне, что собеседник Артема никакой не рабочий, а журналист районной газеты, и загорел не во время ударного труда, а на рыбалке. Там, видимо, и сочиняет, сидя у лунки.

Концерт продолжили. На сцене появилась наша поэтесса Меланья, девушка лет под тридцать, лицо кровь с молоком, а медовые глаза затуманены печалью.

- Здравствуйте, люди добрые! Здравствуйте, братья и сестры! - сказала она сладким голосом и низко поклонилась.

Подняла голову нахмуренная и заговорила, чуть не плача, о проклятой нефтяной трубе, о том, что «там, за океаном» решили сократить нас до пятидесяти миллионов, коварство врагов не знает предела! В общем, туши свет и спасайся, кто как может.

Артем, вернувшийся в зал, насмешливо бросил:

- Малаша, где баян?.. Сыграла бы лучше!

Она обрезала:

- Я вам не мешала!

И, зажав виски рукой, изобразила на цветущем лице глубокую скорбь. После чего взяла баян. Полилась песенная патока собственного сочинения про ясное солнышко, зеленую травушку, белую березоньку, студеную реченьку... Меланья слухач, ноты не требуются, голосок у нее приятный и проникновенный, а главное - она знает вкусы публики. Проводили ее продолжительными аплодисментами. Не зря ее концерты идут с аншлагом.

Прочел и я небольшой арбатский рассказ, но успеха не имел, зал молчал. Признать-

ся, это меня обескуражило. Ведь текст звучал по областному радио, несколько месяцев назад в городском доме культуры его сопроводили громкими аплодисментами. Меня успокоила одна из наших литературных дам: «Не огорчайтесь: неподготовленность публики...» Каково?! Встретили цветами и улыбками, а тему отвергли. И это в двадцати километрах от областного центра.

Меланья стала сочинять после того, как прошло ее увлечение кошками и собаками. Недавно она выпустила сборник стихов тысячным тиражом, поистратилась. Об этой книге и повели разговор литературные дамы, когда мы возвращались в город. Кто-то дипломатично заметил, что цвет обложки мрачноватый. Меланья милостиво согласилась: в следующий раз учтет. Корешкова попросила назвать ее любимого поэта. И все услышали: «Чужих стихов не читаю: можно испортить свой стиль. А вообще-то признаю Пушкина». В автобусе установилась многозначительная тишина.

Артем мужик добродушный, а Меланью переносит плохо. К тому же, он превращается в злого, когда выпивает лишнее: даже щербинка между зубами смотрится угрожающе. Похоже, что с поэтом-рыболовом они баловались не только пивом.

Наш гений пошутил:

- Малаша, с таким тиражом сборника - хоть в Союз писателей!

- Я не против, - отбила она атаку.

Артем не унимался:

- Есть у меня соседка Калиста Гавриловна, учительница начальных классов. Лихо рифмует «датские» стишки... На день рождения, год без рецидива, пять лет под одной крышей... Да мало ли замечательных дат у нашего человека! Никому не отказывает... особенно под мухой.

Язык у Артема заплетался, а сам он оживлялся в недоброй игривости: знаток наследия великого Гёте что-то задумал. Я видел это, потому что сидел впереди, лицом к салону. Передо мной устроилась Меланья, Артем - позади нее.

- Любит Калиста Гавриловна читать новинки из моей библиотеки... Не боится испортить свой стиль... Дал я ей недавно твою книжку, Малаша. Три дня не могла успокоиться... все веселилась.

На Меланью было больно смотреть. Она сидела, захватив руками опущенную голову. Представляю, чем бы это закончилось в литобъединении: криками, ревом, выбеганием из аудитории, - из машины на ходу не выскочишь.

Артем уже еле выговаривал слова:

- Остра моя соседушка на язык! Остра... Где словечки берет... заковыристые... Так тебя пригвоздит! Не знаешь... плакать... смеяться. Есть у нее... дар слова. Есть... Но в Союз писателей не метит, потому что умная!

Меланья резко вскочила и влепила Артему звонкую пощечину. Наш гений оторопело покрутил головой и медленно, подобно гоголевскому Вию, сомкнул мутные глаза. А через пару минут мирно захрапел, откинувшись на спинку сиденья, словно обещая впредь никого никоим образом не тревожить. Такого еще не бывало даже в нашей эксцентричной среде.

Мы подъезжали к городу, когда у Меланьи случился припадок. Началась паника, автобус остановился. Все смотрели на меня, ждали помощи. В такой обстановке даже опытный медик встревожится: а вдруг что-то серьезное? «Однако больная не упала... Цвет лица не изменился...» Я попытался проверить пульс - она отдернула руку. «Э, да это нервная реакция! Никакой опасности для жизни. Больная нас слышит». Я попросил литераторов выйти, чтобы побеседовать с Меланьей.

В салоне, кроме нас, остались шофер, спящий Артем да староста. Она всю дорогу беседовала с литературными дамами, а тут громогласно объявила: «Наверно, работа Артема?.. Да и Меланья хороша со своей ученической поэзией. Верьте мне!» Вот это и есть наша Римма Степановна! Ей дела нет, как больно пишущему слышать такое. Где надо успокоить, поддержать, там обольет ушатом холодной воды; а ведь не упустит случая спеть хвалебный гимн своему золотому сердцу.

Моей психотерапии не потребовалось: судороги у Меланьи прекратились, она стала спокойно дышать, вытерла пот с лица. При утонченных страданиях такое неожиданное выздоровление бывает. Возможно, подействовал «ушат» нашей патронессы. Пассажиры заняли свои места, автобус тронулся, наступило тягостное молчание.

И вдруг упитанный водило, с бритым затылком и складками на шее рявкнул густым басом «под Высоцкого»: «Не нравился мне век и люди в нем не нравились. И я зарылся в книги...» Он уверенно, ловко крутил рулевое колесо и переключал скорости. Асфальт

дороги летел навстречу столь стремительно, а проселочные пути разбегались в стороны так плавно, что в салоне стали переглядываться и улыбаться.

Оставшуюся часть пути я размышлял о судьбах поэтесс и писательниц. А, может, мещане, как любил величать себя Александр Сергеевич Пушкин, правы, когда говорят: «Девушки, обязательно выходите замуж! На кой ляд вам блохастые кошки, мерзкие маленькие собачонки и нефтяная труба впридачу?.. Пошлите к черту низкопробное творчество. Рожайте детей! Люди берут на воспитание чужих и обретают счастье: пусто в доме - пусто в душе... Есть своя сермяжная правда и романтическая высота в обыденной жизни, не обделенной любовью и здравым смыслом!»

...Как-то Корешкова отмочила шуточку в своем стиле. Пригласила нас на постановку детской драматической студии, где режиссером ее приятель: «Надо своим присутствием поддержать их морально. Верьте мне!» О плате за вход не было и речи. Мы пришли и наткнулись на кассира: выяснилось, что билеты на самодеятельность стоят как в городском театре. Пришлось делать хорошую мину при плохой игре.

Вошли в зал. Нам объявили название пьесы, занявшей первое место на областном конкурсе, имена драматурга и режиссера. А драматургом оказалась наша Римма Степановна! «Этот спектакль - лирическое повествование о становлении девочки-девушки-женщины. Он излучает тепло. Некоторые сцены смотрятся с замиранием сердца», - написал позднее не склонный к сантиментам критик.

Некоторым моим знакомым Корешкова нравится, они оживляются при одном упоминании ее имени. Есть и такие, кто с трудом терпит писательницу и ее навязчивый рефрен «верьте мне!», подчас напоминающий оговорку по Фрейду. Меня ее трюкачество поначалу раздражало: не мог разобраться, для чего темнит, из корысти или для забавы. Однако проделки такие ловкие и повторяются с таким постоянством, что со временем стали веселить.

Первый роман Корешковой о женщине, боготворящей литературу, «живущей в ней», местные критики высмеяли, не заметив главного. Во втором романе школьный учитель, он же художник-самоучка, влюбляется в ученицу. Автор так вылепил образы, что критиканы прикусили языки. Но и эту книгу не удостоили серьезным разбором. Вот уж действительно: нет пророка в своем отечестве.

Претензии писательницы простираются далеко: и на разгадку музыки небесных сфер, и на высшее общество, и на власть. А театр-то детский... А денег-то вечно нет... Зато повсюду рукописи, страсти и сплетни. Что сочинять?.. Где читатели?.. Как жить дальше?.. Вакуум - маленькая трагедия провинциальной литературы.

Мои товарищи по перу - каждый не от мира сего. Одни могли бы сделать карьеру, другие жить побогаче, но это их не интересует. Они работают охранниками, дворниками, лишь бы продолжать, как изрёк от сердца известный философ, Божье дело сотворения мира, в данном случае - сочинительство. Которое в то же время есть грезы, обман и мания.

С чем бы сравнить сборища людей, влюбленных в языковые игры, подчас доводящие их до самоизнурения? Пришла на память комедия Гоголя «Игроки», где в городском трактире орудует шайка шулеров. Там обман тоже становится сверхценной идеей и достигает степени искусства, а процесс захватывает сильнее, чем результат. В узком кругу рыцари зеленого стола восхищаются ребенком-феноменом, у которого обнаружился «божий дар» вынимать карту из рукава с ловкостью, недоступной взрослым. Они взволнованно говорят о высших тайнах своего искусства, которыми можно овладеть лишь практикуя с гибких юношеских лет, и с пафосом вещают о долге, искренности, дружбе. Но, если на трактирной арене нет ни наивного поручика, ни азартного помещика, они с дьявольской изобретательностью группируются и «кидают» одного из своих.

Есть, конечно, коренное отличие писателя от шулера: сочинитель обманывает во благо. Он совершает магическое действо - из хаоса жизни создает гармонию и высшую реальность. Как говорили древние, «это неправда, но получилось здорово!» Я мысленно окрестил моих товарищей мифоманами.

...Недавно я увидел Артема в вестибюле областной библиотеки перед встречей с известным искусствоведом из Петербурга. Здесь обычно обмениваются новостями. Артем с удовольствием сообщил мне, что был на вечере поэта Савелия, второго нашего гения, и срезал его: задал такой каверзный вопрос, что тот растерялся. «А ведь парень-то находчивый! - торжествовал Артем. - Нет, все-таки не зря я окончил Литературный институт, хоть и заочно». Свой технический вуз он как будто забыл.

Соперников палисадовские полубоги не признают. В присутствии Артема лучше не

хвалить другого поэта: наш первый гений сразу как-то опечалится. Если под рукой окажется книжка этого автора, то, выхватив стихотворение послабей, в пух и прах разнесет его, а о лучшем процедит сквозь зубы: «Ну, это более-менее».

Похоже, что неприятное происшествие в автобусе Артем заспал: у пьющих это бывает. И никто ему пока не напомнил. Посмеялись только, что он оставил в салоне автобуса тапочку. Живет в счастливом неведении.

На встречу прибывали новые люди. В вестибюле стало многолюдно. Появился легкий на помине поэт Савелий, молодой, кудрявый, веселый. К нему тут же подбежала наша староста. Они поговорили о чем-то в сторонке, поглядывая на нас, и Римма Степановна устремилась к лестнице на второй этаж. Проходя около, она приветливо напомнила нам: «Мальчики, поднимайтесь наверх! Сейчас начнут».

Этакая яркая брюнетка. Черные глазища бездонные. Глянет - и ты уже замер! А не кипит ли в ней цыганская кровь?.. Она никогда не откажет в помощи новичку, будет терпеливо возиться с ним, не зря ее называют крестной матерью палисадовского андеграунда. Но, если кто-то ей не угодит, добра пусть не ждет! Расплата придет внезапно и оттуда, откуда не ждал. «Стравит людей мимоходом, а сама ускользнет. Мастер интриги!» - восхитился как-то Корешковой Артем.

Савелий тем временем сдал одежду в гардероб, подошел к нам и без обиняков объявил Артему:

- Недавно прочитал твой новый сборник... В пятом стихотворении вместо союза «и» стоит «а»! В одиннадцатом лишняя запятая!

Второй гений взял реванш, возможно, с подачи «мастера интриги». Тоже «срезал» и направился в зал со снисходительной улыбкой баловня судьбы и любимца публики.

- Что бы ты понимал в поэзии! - взревел ему вслед взбешенный Артем.

Интересно, чем он не угодил Корешковой?.. Может, неосторожно покритиковал?..

Ну что для меня, простого смертного, союз «и», союз «а»?.. Присоединительный, противительный. Много ли весит в моей прозе лишняя запятая?! А для поэтов такая ошибка - смертный грех, хула на Господа Бога. Они же продолжают Его дело сотворения мира по им одним известным прожектам! Так не все ли равно для избранников неба, в чем гулять по земле: в комфортных штиблетах швейцарской фирмы Rieker antistress или в домашних тапочках...

«Но, помилуйте, внимательно относиться к союзам надо и в прозе, - тут же вспомнил я. - А иная запятая меняет все! В литературе важен законченный смысл. К тому же, некоторые поэты печатают стихи совсем без знаков препинания».

Попал и я под влияние, втянулся в мифоманские игры. Однако после приобщения к палисадовским литературным катакомбам мое сочинительство пошло спорее.

24. ПОЧТИ КРАСИВАЯ. СЕВЕРНЫЙ ГОРОД

Листочек клена, в нем твои черты
запечатлел безумный рисовальщик,
а написал об этом я, прости,
по возрасту - старик, душою - мальчик.
В.Архипов

Я работал за письменным столом, когда позвонила школьная подруга Маша. Мне говорили, что с танцором Сеней они сошлись, не регистрируя брака. Отношения неровные, но в клубе смотрятся, как два голубка.

- Доля, хочу познакомить тебя с женщиной. Томится одиночеством... Думаю, тебе оно тоже не в радость.

- Машенька, ты не забыла меня?

- Никогда не забываю друзей, Доля... За тот случай прости! Не думала, что так получится, долго переживала... Эта женщина тебе понравится. Если серьезно, она нуждается в помощи.

Я встретил Машу у подъезда деревянного дома культуры, где танцуют жизнелюбивые мужчины и женщины. С ней была невысокая дама в шубке из голубого енота и модной меховой шляпе, круглолицая и рыжеволосая. Маша познакомила нас, сказала: «Дальше разберетесь сами», - и направилась к Сене. Он, в свое время чуть не убивший меня в приступе ревности, на этот раз приветливо поздоровался.

Я почувствовал, что моя новая знакомая чем-то подавлена: пытается улыбаться, а во

взгляде печаль. Мы разговорились, и оказалось, что она много пережила за последние годы: потеряла мужа и дочь. Глаза Марты Георгиевны переполнились слезами. Готовая разрыдаться, она замолчала. Я увел ее из круга танцующих, мы присели на жесткий диван.

- Успокойтесь, Марта Георгиевна... Готов помочь вам. Только надо встретиться.

- Буду признательна!.. Но в моем доме ремонт. Давайте обменяемся телефонами. - Она назвала один из универсальных магазинов города. - Я директор. С казенной медициной не хочу иметь дела.

Спустя неделю Марта Георгиевна позвонила и предложила отобедать в отдельном кабинете ресторана. Обед был хороший, хотя и без затей. Разговор о том, о сем: попробуйте это, то, здесь отличный шеф-повар. И быстрые взгляды в мою сторону: изучает, хочет сориентироваться, сдерживает волнение. Обед закончился, она позвонила, официант бесшумно убрал посуду. Она вышла на минуту, я внимательно оглядел уютное место, куда не войдет никто непрошеный. Вернувшись, Марта Георгиевна выжидающе помолчала. Я попросил ее протянуть ладони.

- Представьте, вижу необычную линию. Она и у сильного пола встречается редко. Это линия Власти! Хироманты девятнадцатого века говорили: «Не успеет такой молодой человек окончить университет - он уже чиновник для особых поручений. Не пройдет и трех лет - вице-губернатор... Его как будто кто-то ведет!»

В бирюзовых глазах Марты Георгиевны появилось сомнение.

- У меня стремительной карьеры не получилось: муж был военным летчиком, скитались по стране. Окончила юридический. Училась петь, это недолго... - Ее душили слезы. Я дал ей высказать наболевшее, понимая, что начинаю большую и трудную работу.

Став своим человеком в вавилонах универмага, я смотрел на мир сквозь его витрины. В свою очередь и он изучал меня глазами покупателей, служащих, видеокамер. Я сидел в просторном офисе за чашечкой кофе. Марта Георгиевна, беседуя со мной, перекидывалась словами с заходившими сотрудниками и время от времени отправлялась в торговые залы. Возвращаясь, она иногда на ходу разыгрывала сценку, уморительно пародируя какую-нибудь неповоротливую продавщицу с глазами сонной кошки.

Ответы, что давала директриса посетителям, были исчерпывающе точны. Некоторые снабженцы выходили из офиса, как от матушки-государыни, пятясь и не показывая спины. Другие, не торопясь по делам, норовили переключиться в разговоре с качества товаров на достоинства хозяйки. Она снисходительно улыбалась, но самым назойливым напоминала ровным голосом: «Смотрите не на меня, почти красивую, а на товар! Вы можете понести большие убытки».

Со временем наши встречи переместились в старинный каменный домик с железным петухом над крышей, за столик маленького уютного кафе. Я держался старой лекарской мудрости «Выслушай до конца», тем более, что рассказы Марты Георгиевны были мне интересны. Сперва я удивлялся ее открытости. Потом понял: она много страдала и носила переживания в себе, - ее работа и окружение не располагают к откровенности, - а теперь надеялась на серьезную помощь.

...Ее муж вышел в отставку молодым и крепким, никаких проблем со здоровьем, но через год у него начались сердечные приступы. «Когда он был женихом, мама увидела меня с ним и сказала: «Долго не наживете». Я самоуверенно посмеялась над ней».

Единственная дочь Марты Георгиевны оказалась девочкой, способной к домоводству, в двенадцать лет взяла на себя шефство над кухней и домашним кошельком, на радость всегда занятым родителям. А потом с ней что-то стряслось: стала скрытной, начала исчезать из дома.

После смерти мужа Марта Георгиевна просила дочь:

- Люда, побудь со мной хотя бы один вечер.

И слышала в ответ:

- Ты не понимаешь, мне надо успеть все!

«Куда она спешила?.. Кто мне скажет?.. Может, к отцу... Когда-то мама подозвала меня к кроватке, в которой лежала грудная Людочка. Та подняла ручонки и сосредоточенно играла пальчиками. Мама сказала: «Недолговекая». Я обиделась на маму».

Дочь погибла в автомобильной катастрофе. Горю Марты Георгиевны не было предела. Жила автоматически. На похоронах не уронила ни слезинки: у нее словно оледенело внутри. В магазине трудилась по-прежнему, только видела в зеркале, как побледнело и осунулось лицо. Сотрудники шушукались: «Настоящая железная леди! Но нельзя же до такой степени...» Однажды на работу принесли беспомощный пушистый комочек - си-

амского котенка. Марта Георгиевна прикоснулась к нему, и что-то стронулось в ее душе: хлынул поток благодатных, облегчающих слез.

«Но прихожу домой - стулья стоят не так. В комнате Люды почему-то раздвинута штора. К ночи стукнет дверца шифоньера... Моя девочка где-то рядом!

Вдруг открывается дверь в квартиру. Так тихо она скрипела, когда Люда возвращалась очень поздно. Я просыпаюсь, но страшусь открыть глаза: слышу ее дыхание в соседней комнате.

Как-то увидела на улице девочку с походкой моей дочери. Пошла за ней, не догоняла и не в силах была остановиться. Позабыла обо всем на свете! Шла и шла, пока не потеряла ее из виду... Что-то похожее происходило на юге: на пляже, в море я искала глазами мою Людмилу.

Понимаю: этого не может быть. Но для меня оно существует!»

...Квартирный ремонт у Марты Георгиевны закончился. Настал вечер, когда я очутился у нее в гостях. «Здесь и живу-горюю, в этих трех комнатах на втором этаже, - сказала она, встречая меня. - Мебель не новая, но из орехового дерева. С ней уютней...» Маленькая женщина сделала высокую прическу. Ей очень шло приталенное голубое платье с декольте и золотистыми кружевными манжетами. Я вручил свои подарки. Ужинали при свечах.

Осторожно поправляя разноцветные пряди модной прически, хозяйка извинилась за отсутствие домашней выпечки. Раньше она любила свободные часы отдавать кухне, связывала это с благополучием родного очага. Но, где поселилось одиночество, там не пекут пирогов. «Теперь, если из дверей какой-нибудь квартиры пахнёт запеченной рыбой, у меня перехватывает дыхание», - призналась она.

В тот вечер я впервые услышал волнующее пение Марты Георгиевны.

Сыграй сонату ветра и сосны,
Капель апреля, дух сосновых почек,
Пусть легкость нот напомнит детский почерк
И детские летающие сны...

На ее лирическое сопрано в моем сердце неожиданно откликнулось что-то, казавшееся раздавленным обстоятельствами жизни и забытым навсегда. Мне было хорошо с этой обаятельной женщиной, даже когда мы молчали. Не хотелось возвращаться домой, где пусто и холодно.

Меж тем, состояние Марты Георгиевны улучшалось медленно. Она подчас внезапно умолкала, взгляд становился отсутствующим, глаза зеленели, наполняясь страданием. Но оно уже не выплескивалось прозрачными капельками на ресницы, и мы говорили: «Облако набежало». Я не манипулировал блестящим шаром, свечами и крестами, не изображал ясновидящего и всемогущего, просто внимательно слушал ее и время от времени задавал нужный вопрос. Такие беседы постепенно стали для нас потребностью, мы вели их к ночи по телефону.

Как-то Марта Георгиевна пожаловалась:

- Я разволновалась. Теперь долго не уснуть.

- Послушайте спокойную музыку.

- Ты думаешь, она заменит все?.. Может, хватит нам говорить на вы?..

Мне нравилась домашняя чистоплотность Марты. Уборку она делала через день, генеральную - каждый месяц. Иногда так увлекалась, что занималась этим до самой ночи. Когда все было закончено, она ликовала. Если от нее поздний звонок и она в приподнятом настроении, я понимал, что Марта в своей стихии.

- Ты знаешь, как пахнет белье, которое высохло на ветру?! Я бегала в шортах. Стою у зеркала, изучаю себя. Примеряю колготки.

- Те, с оригинальным рисунком?

- Да. А сегодня купила новый бюстгальтер.

- Прозрачный.

- Как ты догадался?

- Единственный, какого у тебя не было.

- Ты в курсе не только моих страданий... В прозрачном все смотрится бесподобно. Хочешь увидеть?..

И я вызывал такси.

Я помнил не только орнамент на ее колготках, но и упругую грудь, на которую од-

нажды сорвались руки слепого массажиста. Веснушки вдоль спины, в ложбинке.

Как-то спросил:

- В таком месте?

- Появились после Ялты.

- И ты заметила? - ляпнул я.

Марта замерла, ее веки медленно опустились, в уголках губ скользнула улыбка.

Очарование - простодушный способ застраховаться от грядущей неизвестности. Откуда берутся такие женщины?.. На радость или погибель мужчинам?! Рядом с ней я забыл об этике оккультиста: увлекся клиенткой, как будто не знал, к каким печальным последствиям это приводит.

Иногда с ней происходило что-то необъяснимое. За несколько месяцев до гибели дочери Марта во сне видела ее за рулем автомашины: голова запрокинута, вместо лица безжизненная маска. И такой же предстала Людмила на фотографии, что показал Марте следователь после дорожной катастрофы. Я не очень-то верил в эту мистику: может, переживания матери и аберрация памяти?.. Но собственные наблюдения тоже наводили на размышления. Иногда часа три кряду сидел за компьютером, наконец выключал - и именно в ту минуту звонок от Марты. Случайные совпадения?..

Весной, когда я собрался на свои «этюды», моя новая подруга встревожилась:

- Как я тут без тебя?

- Но есть же еще друзья.

- Об этом не надо.

- Я стану писать.

- Я тоже.

Вот отрывок из сохранившегося письма Марты: «Не пиши коротко. Я люблю подробные письма. Если б ты знал, как жду их! Еще на работе начинаю мечтать, что сегодня может прийти. О чем на этот раз? Еще в машине представляю почтовый ящик. Не иду, а бегу к нему. Письмо распечатываю не сразу. Принимаю ванну, а душа поет. Ужинаю, а она ликует. И, наконец, за чашкой чая беру конверт...»

Помню, прочел эти строки и подумал: «Марта все время играет в любовь». Ведь к тому времени я уже с горечью осознал, что чувства ко мне у нее нет. «Интересно, понимает ли это она сама?..» Но мысли мелькнули и забылись: был настроен на другую волну.

Вернулся с юга домой. Вечером после концерта мы с Мартой проходили у автобусной остановки, я предложил прогуляться до стоянки такси.

Она возразила:

- Сейчас подойдет девятый.

- Он ходит редко.

- А вот увидишь!

Мы остановились. Через минуту из-за угла показался автобус, приблизился: девятка!

- Марта, как это происходит?!

- Не знаю... Мне нужно только смотреть в ту сторону.

- Дорогая, да ты колдунья!

- Хочешь сказать: ведьма?

- Ну, что ты!.. Не волнуйся! Я сказал образно. Ты немножко экстрасенс.

А у самого тревожно ёкнуло сердце.

25. ИСКУШЕНИЯ

Одно время на Арбате занимался оккультизмом москвич Евсей Тарасович, одноногий инвалид неопределенного возраста, квадратные очки в роговой оправе. Посмотреть со стороны: само великодушие... Интересующих его хиромантов, гадалок он ласково зазывал посидеть рядом с ним на серебристо-белом алюминиевом стульчике. Угощал мужчин сигаретой «Ява», женщин - стаканчиком прохладного тоника и беседовал, незаметно собирая о них сведения. А потом при случае ловко использовал их, память у продувной бестии была цепкая.

Так произошло и со мной. Он подозвал, я сел. Мы закурили.

- Филиппыч, ты обратил внимание, как много здесь гадалок с Украины, Молдавии?

- Меня это не очень интересует, Тарасыч.

- А меня интересует... Думаешь, кто-то разрешил бы нам расположиться в центре Киева или Кишинева?

- Значит, наша демократия ушла вперед.

У собеседника неожиданно задрожали руки. Бросив сигарету, он, как дубинку, повертел старательно костыль.

- Не чувствую в тебе здоровой злости, Филиппыч. Мне непонятна твоя позиция. Я патриот.

Я пожалел, что задел расхожую тему, так неловко наступил ему на больную мозоль. Инвалид все-таки...

- Не будем о политике, Тарасыч. Оставим ее молодым волкам... Всего доброго!

- Филиппыч! Куда ты? Работать еще рано - клиентура спит. Побудь со мной, скучно одному.

- Ладно, еще пять минут.

И тут последовал главный удар.

- Филиппыч, тебя любят деньги!

- Как это? Ты о чем?

- Деньги... денежки тебя любят!

- А может, клиенты?.. Против этого не возражаю. Кстати, от тебя, мой патриотичный друг, они уходят с кислыми физиономиями.

Евсей побелел, вновь схватил костыль.

- Мы наблюдаем за тобой. Бабки берешь только после работы. Шутишь: не в деньгах счастье. Тебе платят в затмении! Гипнозом действуешь, аспид!

Он замер, видимо, опомнившись.

- Филиппыч, извини, не обижайся. Мужик ты умный, я погорячился... Нам нужны бабки!

- Кому вам? Причем тут я?

- Мне и моим пацанам. Разворачиваем бизнес. Дело надежное, благотворительность... Выручай под расписку! Вернем с процентами. Никаких понтов!

Ты еще и гуманист! Шалишь, Севушка... Эти манёвры мы знаем.

- Нет у меня таких денег, Тарасыч. Хотел заработать здесь на издание книги. Не тутто было.

- Эх-хе-хе, не хочешь помочь бедным людям! Жаль, очень жаль. Но ты подумай, Филиппыч, хорошенько подумай... Слышал новость? Теперь гадать на Арбате будут только москвичи.

- Кто так решил?

- Мы, патриоты.

Его глаза за линзами очков, подобно фотовспышке, злобно сверкнули. Если так допекают, мое терпенье лопается. Ах, ты «господин Искариотов, патриот из патриотов»!

- Симулируешь политика, сволочь! Уже забыл, как неделю лежал дома, зализывал раны. Костыль-то у тебя не погнулся?..

Недавно он «наехал» на молодую гадалку из Молдавии, а ее друг отделал инвалида его же костылем. Когда Евсей долдонит свое, сбить его трудно, но тут его сразила моя осведомленность. На лбу «патриота» выступила испарина, очки медленно сползали с носа. Он стал гнусавить скороговорочку:

- Костылек-от не погнулся, не погнулся, не погнулся...

На этом интересном месте мы и расстались. А все-таки неплохо иметь такую подругу, как Виктория: с норовом, зато знает все, что происходит на улице, и делится со мной.

...Две молодые женщины, блондинка и брюнетка, не спеша гуляли по улице, изучая сидевших на ней хиромантов, гадалок и размышляя, наверное, так: «Кто сумеет заглянуть в наше будущее, рассказать о нем откровенно, без прикрас, денежки возьмет не задаром?.. Кому доверить свою судьбу?!

Может, этой, со следами былой красоты, одетой бедновато, но с претензией на вкус? Перед нею на переносном столике лежат колоды карт. Она приветливо улыбается прохожим, ласково приглашает их присесть и заказать расклад... Такая убогонькая и заискивает.

Или подойти к румяной и полной с сигаретой и бутылкой кока-колы в руках? Без ложной скромности кейфует посреди улицы. Вокруг на мостовой лежат листы ватмана с намалеванной рекламой. Якобы сия особа училась хиромантии у знаменитых пророков в карпатских монастырях... Это вульгарно.

А вот гадалка и художница в одном лице. Высокая, тощая, длинные черные волосы стянуты красной ленточкой. На ней синяя рабочая блуза и светлые брюки. Она изобразила цветными карандашами каких-то диковинных зверей и картинно дефилирует око-

ло своих произведений. Рекомендует себя элитной оккультисткой, при этом зачем-то показывает на верхние этажи соседнего дома... Слишком странная».

Наконец блондинка и брюнетка задержались около меня. И в это время, точно в сказке, рядом объявилась Виктория:

- Как хорошо, освободились! Я подходила несколько раз, вы все заняты. Помните меня?.. Гадаю только у вас: вы говорите правду.

Дамы дружно осадили ее:

- Вы пришли после нас!

Виктория разыграла разочарование, но согласилась ждать своей очереди. Линии рук у парочки оказались информативными, читались легко и быстро, женщины ушли довольные. Моя подруга подсела ко мне.

Я улыбнулся, поблагодарил ее за маленький безобидный пиар. Она рассказала, что вчера в гостинице у нее произошла неприятность. Остановилась-то на одну ночь: не захотелось поздно вечером ехать домой, в свой Святогорск. В номер рвался мужчина, будто бы разыскивал пропавшего друга. Она открыла дверь и увидела такую рожу - красавец с площади трех вокзалов! Он стал просить на бутылку, не уходил из комнаты, пришлось вызывать охранника.

Я не скрыл, что и у меня на днях имел место рискованный разговор с молодым человеком. Его линии не читались. Я объяснил, что так иногда бывает - статистика. А он неожиданно забрюзжал, что, когда в Москве снова будет футбольный погром, непременно найдет меня и «заденет по голове».

Виктория не упустила своего момента.

- Вот ведь что!.. У вас нет гибкости, Ардальон. Чтобы выжить, надо быть дипломатом. Сказали бы фанатеющему громиле, что он ничего себе паренек... Он за спорт, и вы за спорт. Наша команда обязательно выиграет! Мир, дружба, жвачка!

Мне сия сентенция понравилась не слишком.

- Что же вы не посочувствовали своему вчерашнему гостю?.. Сказали бы, что понимаете и разделяете его горе. Потерять друга... Выпили бы сообща... если живы остались.

- Вечно все опошляете! С вами нельзя быть откровенной. Тяжелый человек!

- Извините, Викториночка, я пошутил, просто неудачно пошутил... А что это вы сегодня перекладываете из руки в руку? Уж не сотовый ли?!

Она расцвела в улыбке, забыв о моем уколе. Ясно: сбылась ее мечта.

- Зачем вам сотовый, Виктория?

- Как зачем?.. Нет, посмотрите на него. Святая простота!.. А клиенты?

- Для них достаточно проводного. Мобильники дороги, да и разговоры по ним - тоже.

Подруга хотела открыть свою замшевую сумочку, видимо, намереваясь спрятать телефон, но замок заело.

- Я не сказала вам главного: сотовый подарили.

- Если не секрет, кто спонсор?

- Знакомая массажистка Таня.

Тут уж было о чем поговорить...

- Знакомая массажистка, просто так, взяла и презентовала... мобильник.

- Какой вы зануда, Ардальон! Конечно, услуга за услугу. Теперь она пользуется на работе моим дипломом медсестры.

- Массажистка... и такая богатая! Обслуживает только мужчин?

- Это меня не интересует... К ее делам не имею отношения! - занервничала Виктория, снова тщетно пытаясь справиться с замком.

- Увы, теперь уже имеете! И мне тревожно за вас, Виктория. В грязном бизнесе крутятся бешеные деньги, но их умеют считать.

Сумочка открылась - сотовый исчез. Подруга холодно попрощалась.

Неподалеку села женщина с мегафоном, «по-русски» матюгальником. Началась оглушительная реклама, что с каждым годом становится все умней и добрей: «Новая моментальная лотерея! Если вы купили два билета и ничего не выиграли, вам возвращаются деньги плюс пять долларов от нашей фирмы». Потолкуй о судьбах по линиям рук, когда рядом такой дятел раздает доллары.

Потом я узнал, что Виктория перебралась из ближнего Подмосковья в дальнее, в Коломну. Живет у племянницы, ездит в столицу на жигулях. Видимо, свою квартиру предоставила под дом свиданий. Схема известная. И, судя по письмам, которые Виктория начала присылать мне (почтамт, до востребования), понял, что ходит она уже не с гордо поднятой головой, а понуро скрючившись.

Массажистка Таня сделала ей заманчивое предложение: сдать жилье на три месяца за подержанные «жигули». Дальше - больше: еще на квартал за обновление мебели и бытовой техники. Кто устоит перед такими соблазнами! А накануне окончания срока договоренности Викторию остановили на улице молодые люди, передали привет от Тани.

- Ты много задолжала, да и проценты! В своем городе тебе делать больше нечего. Здесь - куплена комнатка.

- С какой стати! - вспылила она.

Ей ответили грубым смехом. Она попыталась скандалить - ей показали нож.

Ослепление жадностью прошло. Виктория не могла понять, почему не поверила картам. «Они меня предупреждали: какой-то интерес, обман, опасность. Шагу не ступала без их совета, тут потеряла голову...» - читал я в письмах.

Касалась она и наших отношений: «Давно бы вас захороводила, да не получится у нас ничего. Оба самолюбы. Ну, разве сможет писатель изменить образ жизни?.. Или я - начну готовить для него обеды?..»

Преодолев стыд, Виктория обратилась за помощью к сыну-доценту, человеку небогатому, но имеющему солидные связи. Известие о ее переезде в Коломну он встретил спокойно. Мужчине, ушедшему с головой в историю экономических учений, затурканному смазливой и бойкой женой, где уж помнить о матери! А здесь и он забил тревогу... Черные риэлторы все-таки просчитались. Так что ездит моя подруга снова на электричке, зато живет в своей квартире.

К счастью, этот случай не выбил Викторию из колеи, а поддержала оккультистку, что удивительно, астрология. При первой же нашей встрече пришедшая в себя Виктория разразилась нешуточной угрозой: «Строгий учитель Сатурн вошел в знак деловой Девы. Эта парочка шутить не любит! Смотрите, сколько посадили коррупционеров. Скоро Сатурн войдет в знак Весов. Их первый градус разрушителен! Думаю, начнется волна показательных судов и основательная смена законов. Фемида слепа, но в руках у нее весы и меч. Будет черт те что - плохо всему криминалу!»

Гадалку понесло в астрологический армагеддон. Я дал ей высказаться. Она отвела душу и на этом успокоилась. Но общаться с нею стало трудно: она и раньше не была ангелом, а теперь почти не слышит собеседника, возлагает свои надежды больше на звезды. Даже любимые карты отодвигаются на второй план.

26. ФАВОРИТКА. РАССКАЗ ГАДАЛКИ

Женщина поразила Викторию своим жутким видом. Обрюзгшая, с мертвым лицом. На голове топорщилась мужская ушанка. С плеч свисало рваное драповое пальто. На ногах - стоптанные ботинки. «Пожалуй, ни один фейс-контроль тебя бы не пропустил», - отметила гадалка про себя. Сегодня ей не верится, что ее подопечная выглядела именно так... Впрочем, обо всем по порядку.

Они расположились за столом. И Виктория услышала:

- Жить мне или умереть?

«Бывает и такое», - вздрогнула гадалка.

- Давайте пошебуршим... Как ваше имя?

- Лиза. Елизавета, то есть...

- Сколько вам лет?

- Тридцать три.

- Есть ли дети?

- Двое.

- Что же с ними будет?

- А что с ними может быть? И сейчас ничего, и потом ничего...

«Какой пассаж! Она изживает в себе мать. Надо с ней по-другому».

- Вы неизлечимо больны?

- Этого только не хватает!

- Спите на вокзале?

- Пока нет.

- Дети здоровы?

- Слава богу.

- Тогда, голубушка, все в ваших руках!

Виктория раскинула карты: в настоящем ничего радостного, но в дальнейшем удача, а в отношении мужа - непонятная мрачная чепуха...

- Чем занимается ваш супруг? - спросила она.

- Он много пил... Потом был инсульт, после чего сильно изменился. Сидит на инвалидности, смотрит в книги с загадочными знаками. Занимается какой-то магией. Люди приходят, шушукаются, свечи теплят, все потолки закоптили. Я хочу навести порядок в доме, он не дает: «Колдун так и должен жить!» Меня даже в магазин не выпускает. К вам еле вырвалась, сказала, что зуб болит, терпеть не могу.

Выяснилось, что жить Елизавета все-таки хочет и мечтает выучиться на бухгалтера. Но муж против. «Нарушишь запрет - сдохнем все: и мы, и дети!»

- Скажите, умоляю, он способен на такое?

- Карты говорят: его угрозы мнимые... А вас ждет успех!..

Перед уходом женщина неуверенно сказала:

- Простите. Платить нечем... Искала ворожею, которая примет и бесплатно. Подсказали вас... Появятся деньги, я рассчитаюсь.

Виктория объявила амнистию:

- Рада видеть вас в любом случае.

Елизавета решилась благоустроить свою жизнь - пошла учиться. Муж выгнал ее из дома, оставив детей у себя. Она появилась у гадалки снова: в том же состоянии, с прежним вопросом. Хорошего в раскладе карт оказалось немного, но сердобольная Виктория, взяв грех на душу, раздула и приблизила грядущее везение. Женщина сделала первый шаг. Гадалка надеялась, что сделает и второй. В заключение приободрила измученную: «А разлука с детьми временная».

На черном горизонте бедолаги все-таки забрезжил робкий свет. Преподавательница бухгалтерских курсов рекомендовала ее на работу в строительный кооператив. Позже Елизавета узнала, что по требованию ревнивой жены председателя провели негласный конкурс - его победительница должна быть толковой, но страховидной. Елизавета подошла под эти требования и стала работать по шестнадцать часов в сутки вместе с председателем Борисом Аркадьевичем, шустрым спортивного вида мужчиной в домашней вязки пуловере и джинсах.

Елизавета собралась судиться из-за детей, но муж умер. После него осталось большое богатство: три мешка оккультистской литературы, старый деревянный дом с закопченными потолками, плюс команда закадычных друзей по черной и белой магии.

Вскоре женщина явилась к своей утешительнице, обвешанная сумочками, коробками, пакетами: «Это вам! Не верится, что у меня - деньги. Ведь забыла, как они выглядят». То был день ее первой зарплаты.

У кооператива появились богатые заказчики. Елизавета выполняла работу главного бухгалтера. Она начала заниматься собой, стала ходить в парикмахерскую, научилась делать красивый макияж. Ее лицо посвежело, в светло-карих глазах появился интерес к жизни. Видно, когда человек не набивает себе цену, но знает ее. Работала она с удовольствием, однако жизнь ее усложнилась: начальник увидел в ней не только специалиста, начал приглашать куда-нибудь поехать, развлечься.

Она твердо отвечала:

- Нет.

- Ну, почему? - спрашивал Борис Аркадьевич тоном капризного мальчика. К тому времени энергичный молодой инженер превратился в холеного, подернутого жирком предпринимателя. На смену фуфайкам и линялым джинсам пришли дорогие костюмы, ткань которых безупречно облегает и ласкает тело.

- Просто нет. В этом вопросе я не должна ничего объяснять.

Елизавета знала: ей будет хорошо с Борисом Аркадьевичем, но как легко из-за одного сомнительного шага потерять все, чего добилась за последнее время... Он стал приглашать другую сотрудницу. Возвращался домой, а там ревизия чуткой супруги: отведенные в сторону глаза, запах чужих духов. Жена Бориса Аркадьевича, кудрявая шатенка в очках с толстыми линзами, обычно сидевшая дома с детьми, начала дежурить в приемной мужа, встречая и провожая женщин тревожным взглядом.

Елизавета оставалась на высоте, а сколько оттенков возникало в отношениях с влюбчивым шефом... Он пытался осыпать ее дорогими подарками, она твердой рукой отвергала их. Тогда, после очередной запарки на работе, Борис Аркадьевич объявил:

- Елизавета Варламовна, у вас усталый вид. Мы должны беречь своих ведущих сотрудников. Вот билет на Багамы и обратно, гостиница заказана. Отдохните!

Тронутая заботой, Елизавета улетела на экзотические острова. А следующим рейсом туда прибыл ее начальник. Но тропические чудеса зимнего курорта с грозами и лив-

нями, щадящим солнцем и благоуханием незнакомых цветов не вскружили женщине голову. А как хотелось ей побыть без сутолоки рядом с Борисом Аркадьевичем, послушать его рассказы о студенческой жизни, о чудаках из мира профессоров, окунуться с ним в теплые, зеленоватые волны океана! Однако этим не кончится, будет продолжение, предрешенные изломы треугольника, за ними - неизбежный крах. Путешествие кончилось ничем.

Борис Аркадьевич не выдержал испытания успехом: его поразила самая распространенная российская болезнь. В приступе «благородного недуга» шеф может потерять важные документы или подписать бумагу с катастрофическими последствиями, но главный бухгалтер всегда на страже и оберегает от худшего.

Ценную работницу пытались переманить другие фирмы, обещая пролить на нее золотой дождь. Елизавета шутила: «У меня есть все!..» И действительно, она окончила заочно финансовую академию. Ее дети растут в хороших условиях. Когда в гадании женщине идет фарт, она улыбается жизни, как новому платью. Правда, иногда Елизавета признается, что ей снится покойный муж: «Просыпаюсь с тревожным чувством - потеряла кого-то самого близкого... Он был добрым и умным. Болезнь испортила характер».

Клиентка приезжала к гадалке регулярно. Виктория наблюдала, как у нее появлялись новые наряды, умение выбирать и носить. Запомнилась шуба из отборных, переливающихся серебром черно-бурых лис, длиной до пят. Елизавета куталась в нее, подобно Чингисхану. Однажды она вошла в пятнисто-рыжем «леопардовом» манто, открывшем ножки в модных ботинках. На руках элегантные перчатки. И все у новой Золушки оказалось красивым. И любой фейс-контроль пропустил бы ее.

Гадалка спросила:

- Кто вам шьет?

- Заказываю, привозят...

Деликатная душа не уточнила откуда, чтобы не унизить гадалку.

- Вот ведь что!.. А жить не хотела! - не унималась Виктория.

В ответ - смущенное:

- Не говорите, глупая была... Жизнь - дивная штука!

Сегодня в фирме есть психолог, в очках, с бородой, «настоящий профессор», а наболевшим Елизавета по-прежнему делится с гадалкой. Только она знает, почему клиентка не меняет место работы и не думает о новом замужестве, хотя, как говорят, из поклонников ей можно ступеньки мостить. Елизавета устала, но без нее фирма лопнет, а дорогой ей человек скатится и погибнет.

Чем ей дорог Борис Аркадьевич? Об этом можно сочинить философский трактат, однако вряд ли он что-нибудь прояснит, ведь любовь из категории чудес отнюдь не земного происхождения. Или Елизавета просто жалеет Бориса?.. Тут гадалка не ломает голову: он был другим, когда они встретились. Ну, разве Виктория не умница, не тонкий политик?!

А карты сегодня не обещают им процветания, но и банкротство пока не грозит.

27. ОПЕКУН. СЕВЕРНЫЙ ГОРОД

Утром, поцеловав Марту и выйдя из ее квартиры, я стал спускаться по лестнице. Навстречу поднимался загорелый, светловолосый мужчина с пластмассовой емкостью в руке. Я уловил его растерянный взгляд. На площадке невольно оглянулся - он вошел к Марте.

Весь день мне было неспокойно: почему у мужчины так вытянулась физиономия?.. А вечером позвонила Марта: «Сейчас расскажу все. Это может повториться... Твое главное условие - открытость. Я тоже заметила: чем откровенней, тем лучше».

Оказалось, то был автомеханик Иван Алексеевич, чье имя уже звучало в рассказах Марты. Он привез ей воды из артезианской скважины и сразу спросил:

- Кто этот мужик? Повадился в гости по утрам...

Она безмятежно ответила:

- Знакомый психолог. Купил у меня пылесос, заходил за инструкцией... Красный пылесос, который ты привез из гаража на той неделе. Надеюсь, помнишь?.. И почему ко мне не может зайти мужчина утром?..

Иван Алексеевич больше ни о чем не спрашивал.

...Раньше он ремонтировал жигули у мужа Марты. Когда муж умер, автомеханик помог ей в поездках по скорбным делам. Если она начинала плакать, он останавливал ма-

шину: «Марта Георгиевна, не могу вести, когда вы...» После гибели дочери Людмилы он был для Марты как нянька: «Давайте, я буду гостевать в одной вашей комнате. Вам будет не так одиноко». Она не смогла отказать: «Я была тогда не в себе, продолжалось это несколько дней... Он и привязался».

С тех пор Иван Алексеевич возит Марту на могилы мужа и дочери, снабжает водой из скважины и овощами из ее кессона; иногда она целый день ездит с ним по своим делам. Конечно, в универмаге есть транспорт, но автомеханик водит машину лихо и в то же время аккуратно, так, что на обгонах у Марты замирает сердце, а он только сдержанно улыбается да быстро поглядывает на попутчицу искоса. Не зря же деревенский парень с молниеносной реакцией и бычьими нервами стал когда-то гонщиком. Случается, что на одной остановке Иван Алексеевич высадит жену, а на следующей - еще не остывшее место занимает подруга. «Он скажет: порховка, погляди, моей-то кикиморы не видно?.. И засмеемся оба, как дураки», - вспоминает Марта. Впрочем, старую, сварливую жену автомеханик катает редко, сетуя на дороговизну бензина.

Как только ласково ни называл Марту этот влюбленный мужчина, но истертые слова не прививались, пока не вспомнил, что в родной северной глубинке резвых пташек называют порховками. Соседка Марты по лестничной площадке, незамужняя продавщица Клавдия, не может понять, почему та равнодушна к Ивану. «Ты только посмотри, разуй глаза... Личико налитое, не защипнешь. Добряк! Хозяин! Две машины, две дачи. Собирается поставить третью, да такую большую, чтобы Марточку выгуливать по аллеям. Позови - бросит жену, будет рядом через десять минут. Эх, мне бы такого хахаля! И за что тебя любят мужики, доска худючая... Любят, аж сил нет, на иномарках возят... Меня бы кто на лисапеде покатал!» - вздыхает дебелая женщина.

Ивану Алексеевичу все время хочется побыть рядом с Мартой. Жена за порог - он к телефону:

- Порховка, не привезти ли водицы?

- Иван, привези побольше и не беспокойся.

Он обиженно бурчит:

- Только бы меня реже видеть.

Однажды он узнал, что Марта ходила в театр с друзьями, и высказался:

- А меня так бракуешь!

И получил отповедь:

- О чем ты говоришь, Иван?.. Для театра ли создал тебя бог?! Посмотри в зеркало на свой загар, на руки - после двух машин и двух дач. Вспомни, когда последний раз надевал свой выходной «кустюм».

Ее шуточкам автомеханик добродушно улыбался. И все-таки как-то забастовал. Встретив Марту после работы, начал изливать свои чувства, пытливо глядя на нее. Она насторожилась, он высказался еще откровенней: «Я не люб - найди другого завхоза!» - и простился с ней... бесповоротно. Марта сделала скорбную физиономию, а когда машина остановилась у ее дома, тоже покинула друга... навсегда.

Однако на следующий день, в субботу, простившийся на веки вечные ждал ее в парке на лыжне. Его лицо было непривычно бледным, голос тихий.

- Чуть не умер. Давление упало. Не мог вспомнить телефон скорой...

- Да?.. Я так и знала... А ты больше приставай ко мне! У меня в кессоне все растет. Ты от безделья маешься. Картошку оборви!

После примирения счастливый опекун сидел в гаражном кессоне и обрывал картофельные ростки. На улице была благодать: яркое солнце и легкий морозец. Здесь темновато и сыровато. Зато уютно шумел домашний вентилятор, сушил стены.

«Расскажу ей о проделанной работе. Она улыбнется, подставит щечку. И будет между нами вечный мир», - размечтался Иван Алексеевич. И вдруг... почувствовал чье-то присутствие, услышал сзади слова озорной детской песенки. Ужас овладел им. Казалось, не взбирается по лестнице, пытаясь выбраться из кессона, а погружается в многоголосый ад. С упавшим сердцем кое-как поднялся наверх - какофония оборвалась. Никого ни в гараже, ни вокруг.

Когда вечером он рассказал Марте об этом «концерте», у нее появились мрачные мысли о покойной дочери, она замолчала. Тогда Иван Алексеевич не придумал ничего другого, как повернуть машину к магазину цветов. Раньше он использовал этот прием, если хотел погасить конфликт между ними, подводил подругу к прилавку и скромно молвил: «Выбирай!» Они затормозили у освещенной витрины безлюдного магазина. Марта глянула на часы, со вздохом процедила: «Проздравляю», приехали. Еще немного - ночь

наступит. Совсем ты стал плох, Иван».

Еще не так давно он был главным механиком крупного гаража, дело свое любил, работать привык «все бегом, бегом». Но в последнее время сдал, стал несобранным и суетливым. Может позвонить Марте в разгар рабочего дня, устроить дотошный расспрос, где купить внучке оригинальную игрушку, или поразить просьбой:

- Порховка, видел тебя во сне. Хочу покалякать. Можно приехать?

Она пресекает его порыв:

- Еще чего?.. Дел по горло, а тебе подавай срочную встречу для обсуждения сновидений? Приедешь по делам - расскажешь.

Одно время Иван Алексеевич принялся усиленно наблюдать за Мартой. То бормотал с тоской: «Опять с кем-то загуляла», то с облегчением вздыхал: «Все-таки разошлись». Она терялась: «Неужели определяет по моему внешнему виду?.. Или начал болеть и сподобился?.. Провидец Иван?!» Все оказалось проще: о приключениях подопечной он догадывался по букетам цветов на подоконнике в ее гостиной, окнами выходящей на дорогу. Наивные провинциальные анекдоты, шпионские романы про любовь!

...Я вернулся с юга глубокой осенью. Позвонил Марте и услышал: «Ардальон, днем и ночью чувствую около себя дочь. Она чего-то хочет... Не дождусь, когда же наступит конец недели и съезжу на погост».

Вечером в субботу, уже лежа в кровати, она рассказала мне по телефону:

- Съездила, наплакалась... На холмике яркий зеленый мох и белые ромашки с чайное блюдце. Холодно, а они не вянут... На фото у Люды такое выражение, будто кого-то ждет. Я погладила портрет. Иван решил: стираю пыль. Он такой же добрый и жалкий... Ардальон, как ты думаешь, не его ли ждет Людмила? Зачем? Чтобы лишить меня поддержки?

- Марта, этого я не знаю. И не советую тебе углубляться в подобную философию.

Она, конечно, перенервничала в тот день, и я, пожалев ее, приступил к заочной психотерапии. Вскоре она заснула, не положив телефонную трубку. У Марты замечательная гипнотабельность.

Утром позвонил:

- Как ты спала?

И услышал бодрый голос:

- Очень хорошо! Проснулась свеженькая. Захотелось обняться, поцеловаться, да не с кем.

Это ее стиль.

Опишу здесь и случившееся тем летом дачное происшествие, хотя узнал о нем позднее. Должен еще оговориться, что Марта без тени смущения рассказывала мне об интимных отношениях с другими мужчинами, вводила в тайны, которыми, думаю, не поделилась бы и с матерью, будь та жива. Я слушал ее, превозмогая обиду, порывался уйти, но не мог: так был привязан к ней. В другой раз пытался мягко остановить ее, но она будто проверяла меня на прочность: «В моем сердце хватит места для всех». При этом бирюзовые глаза напоминали голубые льдинки. «Так любит всех?.. Или не любит никого?..»

Сельскими делами Марта занимается с большим удовольствием. Увещевает цветы и овощи: «Вы меня не обижайте! Растите хорошо. Я пересаживать вас не собираюсь». Искренне верит, что не дай бог сказать: «Ох, уж эта поливка, прополка, как мне все надоело!» - и растения завянут. Восторгаться их быстрым ростом тоже нельзя, можно сглазить.

Отправляясь на курорт, Марта все свое хозяйство поручила Ивану Алексеевичу. Он побывал у нее на даче. Ухоженность, мужская рука выступали там во всем, это заметил бы и ребенок, только не влюбленный мужчина. Марта была в игривом настроении, сыпала шутками под восторженные взгляды Ивана Алексеевича. Он чмокнул ее в щечку: «Озорная ты у меня, настоящая порховка!»

Вечером он посадил Марту на поезд. На перроне она вполголоса, чтобы не привлекать внимание пассажиров, спела провожатому известные куплеты: «Я танцевать хочу, я танцевать хочу...» - вызвав у него наивный восторг и ревнивую грусть, и сообщила дату своего возвращения. Поезд ушел. Иван Алексеевич прочитал записку, которую Марта вложила ему в руку. То была памятка о том, что сделать на даче в первую очередь.

Иван Алексеевич усердно опекал ее хозяйство. И вот он снова на перроне с букетом выращенных им гвоздик, но шоколадная от загара курортница не приехала. Автомеханик, почуяв что-то неладное, поехал на ее дачу.

А Марта, заскучав от курортного безделья, вернулась домой на сутки раньше и в тот

же день столкнулась на улице с Данилой Макаровичем. (Еще один ее друг, о котором я расскажу подробно ниже.) Он отвез ее на дачу и задержался в сельском раю, не стал торопиться в шумный, пыльный город.

Хмельной Данила Макарович возлежал на кушетке с сигаретой в зубах. Вообще-то он приезжает сюда не столько отдыхать, сколько работать. Этот земельный участок - предмет его особых забот, ни у кого в округе нет таких надежных теплиц и более совершенной системы полива. Но, когда хозяйка уезжает на курорт, он не появляется здесь из принципа. Местные жители уважают Данилу Макаровича за ум и приветливость: идет по деревне, с каждым встречным поздоровается, каждую собачку погладит.

Марта тут же, на веранде, порхала у газовой плиты, халатик на голом теле, не все пуговки застегнуты. Увидев Ивана Алексеевича, она смутилась, поспешно застегнулась и вывела его во двор.

- Когда приехала?

- Вчера.

- Давно... с ним?

- А вот этого не скажу!

- Я-то радел, чтоб клубника скорей дошла... Теперь дотумкал, почему не разрешала приезжать сюда раньше... - Его губы обиженно задрожали.

- Иван, справилась бы я здесь одна?

- Али я тебе отказывал?

- Но у тебя свои две усадьбы.

Безутешный опекун уехал, ошеломленный хозяйственным аргументом и прагматизмом коварной изменщицы.

Данила Макарович поддразнил Марту:

- Что, сколько веревочка ни вьется, а кончик найдется?.. Иван Алексеевич! Иван Алексеевич! Не курит, не пьёт, цветы дарит охапками, мерседесы меняет, как цыган лошадей... Проглотил и уехал!

- Данила, мы дружили семьями...

И все-таки Марта не собирается порывать с Иваном Алексеевичем. Она заметила у него не только «тормоз» в поведении, но и странный, острый взгляд, как у брошенного котенка. Так смотрел ее муж незадолго до смерти.

...Я видел Ивана Алексеевича всего один раз, и то мимоходом на лестнице. А жаль... Он заинтересовал меня. Простой паренек полюбил тернистые трассы гонщика и победил на них! Крепких нервов и мышц для этого мало. Хороший тренер - тоже не панацея. А везение - просто химера. Тут нужна особая хватка, то таинственное, что называют талантом. В спорте, как в музыке, если он есть, то есть; а если его нет, то и говорить не о чем. Иван Алексеевич прорвался в мастера. И ему же судьба послала незавидную позднюю любовь и какой-то тяжкий недуг. Да разве может мужчина познакомиться с Мартой и не влюбиться?.. Не повторяю ли я в этом Ивана Алексеевича?.. Сколько печальных, безответных вопросов - сплошная экзистенция.

28. НЕВЕСТА ЭСФИРЬ

Все, что сбыться могло,
Мне, как лист пятипалый,
Прямо в руки легло,
Только этого мало...
А.Тарковский

Если Перестройка - время пробуждения, когда я впервые почувствовал вкус свободы и настоящей жизни, то этот шлягер сегодня надрывает сердце, так напоминает о девяностых, самых трудных и самых счастливых моих годах. Веселое время с беспощадной изнанкой... Кто тогда прозревал, что столько людей отправится на погост?! Летние сезоны в Москве, на Южном берегу Крыма, на Северном Кавказе, зимние вечера в Палисадове представляются нынче единым потоком времени, стрелой, пущенной в бесконечность. От обилия испытаний и впечатлений иногда начинала кружиться голова. Но я убедился, что моя задача не в скрупулезном описании всего увиденного, а в отражении самого характерного.

...По Арбату двигалась группа молодых людей в черных косынках, лица суровые с остроконечными бородками-эспаньолками, в глазах мрачная отрешенность. Одеты в ко-

жаные куртки с железными шипами, заклепками, цепочками. Я не понимал, что это означает. Поколение, обретающее собственное лицо?.. Своеобразные бунтари?..

А ко мне подошли двое черноволосых мужчин. Увидев мою рекламку, младший из них сказал:

- Вот и хиромант, папа.

- Вижу, вижу, Эфраим, - ответил старший.

Я понял: отец и сын - евреи. Папа отправился выпить чешского пива. Эфраим сел на стульчик клиента. Я приступил к работе.

«Наполеоновский» подбородок с чувственной ложбинкой говорил о силе воли и магнетизме натуры. Первое впечатление физиогномиста подтвердили ладони: линия Судьбы обещала интересное самостоятельное дело, звездный узор на холме Юпитера показывал, что человек везучий. Однако линия Брака беспощадно перечеркивала всё предыдущее, суля распад при трагических обстоятельствах.

Успел ли молодой человек реализовать хоть что-нибудь из своих великолепных возможностей?.. Как предупредить его помягче о грозящей катастрофе?..

В конце сеанса мы перешли на беседу. Эфраиму двадцать с небольшим. Он бывший москвич, ныне гражданин Израиля, прилетевший в Россию за невестой. Отслужил там в армии, получил звание офицера. После увольнения в запас с группой ребят-сослуживцев, проверенных в стычках с арабами, построил ферму по откорму гусей. Весь их начальный капитал состоял из нескольких выходных пособий - сегодня они оперируют сотнями тысяч долларов.

Я поинтересовался:

- Неужели в Израиле такой спрос на мясо водоплавающих птиц?

- Спрос не на мясо, а на печень. Мы кормим гусей по особой диете, этот орган увеличивается в размере. Тушки идут в рестораны, печёнки - на фабрику... Фармацевтическая индустрия не знает кризисов!

- Как вы додумались до столь прибыльного бизнеса?

- На моей новой родине люди созревают быстрее.

Эфраим был в приподнятом, радостном настроении. А ведь предупреждение хироманта станет для него громом среди ясного неба... Что делать?..

Снова прошли суровые бородатые «рыцари» в железно-кожаных доспехах. Картина усложнилась. На плече одного из них устроилась белая морская свинка, вот-вот достанет откуда-то билетик на счастье. Может, это предупреждение?.. Или здесь кроется нечто надчеловеческое, сакраментальное?.. Другое время - другие песни, непонятные мне... Не скрою, средневековая экзотика все-таки вызывала изумление. Оставалось надеяться, что молодежь, кроме того, что раскрепостилась, еще и поумнела.

Вернулся отец из пивного бара. Сын поднялся, я тоже. Мы познакомились. Залман Абрамович - хозяин строительной фирмы, возводящей в Подмосковье городки современных коттеджей. Он инженер, влюбленный в свое дело, создает оригинальные проекты. Мы тепло вспомнили о святой земле, где поселился Эфраим. Под порывами ветерка черные кудри у обоих растрепались, у папы повлажнели глаза. А здорово у них получается: отец успешно строит здесь, сын там гусей «конвертирует» в доллары и прилетает за невестой, чтобы увезти ее в тартарары... Масштаб! Динамика!

Переключились на судьбу Эфраима, его предстоящую женитьбу. У них не было сомнений, что невеста Эсфирь полетит со своим женихом хоть на Ближний Восток, хоть на Дальний. Но как успокоить ее родителей: они боятся отпускать дочь в Израиль, где снова тревожно. Кажется, время раскрыть мои карты:

- Испорчу вам настроение, но я обязан... На руке Эфраима читается большое испытание. Оно коснется Эсфири.

Сын посмотрел на меня растерянно. У отца вытянулось лицо. Я продолжил:

- Переждать бы... Меняется положение звезд - меняются линии. Индусы терпеливо ждут благое время для свершения брака.

- В ваших словах, - заволновался Залман Абрамович, - видимо, есть резон. Но Эфраиму без Эсфири будет плохо... Вы поймите, невеста товар темный. Случайный брак пустил под откос не одну молодую жизнь. А Фирочка выросла у нас на глазах: наши семьи дружили. Очень мила! Никогда не болела. Вот будет хозяюшка! И даже жене моей нравится...

Попрощались они сдержанно, слегка надменно, дальний свет избранности читался на лицах. Что мог изменить в их судьбах бедный хиромант... Так устроены люди: все ждут сказочку со счастливым концом.

Те же загадочные парни, одетые в кожу и металл, теперь неспешно проезжают на самодельном трехколесном мотороллере, один за рулем, двое на заднем сидении. Их средство передвижения напоминает катафалк в миниатюре, черную телегу из пушкинского «Пира во время чумы». На кузове написано белым «Таракан». Из магнитофона на всю улицу гремят стилизованные частушки:

Я, ребята, не зазнайка,
Хоть давно я городской.
Как играла балалайка,
Вспоминаю я с тоской.

Мне подсказали, что это тешатся байкеры.

«Река времен в своем течении» все та же: человеку живется трудно. Мои уличные знакомые учли, казалось бы, все. Но их планы могут расстроить внешние силы. Или проще дурачиться, ходить по улице ряженым, носить на плече морскую свинку и плевать на цивилизацию, потому что ты будто бы посвященный, знаешь какую-то высшую тайну, уедешь от судьбины на таракане?..

Как соединить золотую умудренность одних и романтическую бесшабашность других? Утопия? Конечно. Но хочется иногда и помечтать...

29. ЖЕЛЕЗНАЯ РАМКА

Действие начиналось на Арбате...

Хотелось написать: «тоже», «как всегда», «естественно», «привычно»... Что-то остановило. Самому не совсем ясно, как мне удалось стать летописцем этой улицы и города, эпохи. Вероятно, именно потому, что странствовал я по судьбам. Меня влекло время, в котором мы жили. А можно ли разобраться в этом, не вникая в человека, его образ жизни и образ мыслей... Я полюбил незабываемые девяностые и общение с людьми.

Итак, действие снова начиналось на Арбате. Пожилые супруги подошли ко мне повторно и заявили, что мои прогнозы привели их к тревожному выводу. Они собирались радикально поменять место жительства. Но переезд в другую страну я прочитал лишь у женщины. У мужчины этого не ожидалось. В общем, они пребывали в растерянности.

- Мы приехали в гости с юга, из Бишкека. Мечтаем перебраться в Россию совсем. Но разве не вместе? Если верить вам, нас ждет какая-то беда, - горячилась седовласая женщина.

Мне оставалось только заняться ребусами их ладоней снова. У жены по-прежнему увидел дальнее путешествие со сменой окружения и уклада жизни. Мужу предстояли разве что близкие поездки. Я сделал заключение:

- Мои прогнозы, господа, остаются прежними!.. Какое-то испытание, связанное с переездом, в вашей жизни будет. Но запомните: хиромантия - это предупреждение, а не рок. Принимать решение будете вы сами.

Они ушли успокоенные. А следующим летом я увидел ту седовласую женщину в трауре и узнал ее. Она присела ко мне и, всплакнув, рассказала историю, что произошла в ее семье.

...По возвращении из России в Бишкек Ольга Викторовна купила абонемент на курсы народной медицины. Но перед началом занятий была неожиданно направлена в длительную командировку. Она в шутку предложила учебу мужу: не пропадать же деньгам. Супруг встретил новость в штыки: «Вечно ты ничего не предусмотришь, не рассчитаешь...». Поворчал и все-таки поехал вечером на первое занятие. Вошел в зал, а он уж полон, и столько интересных женщин! Евгений Михайлович стал охотно посещать лекции, учиться премудростям нетрадиционного лечения.

Вернувшись из командировки, Ольга Викторовна увидела в своем доме чудну`ю картину. В одной комнате на кушетке лежала полуобнаженная дама в ожидании массажа, в другой на диване томилось несколько женщин с печатью страдания на лице, впервые пришедших на прием по поводу порчи, сглаза, проклятья рода и прочих напастей, в третьей - повторные посетители. Ванная тоже была занята, там происходила подготовка к серьезнейшему действу: в теплой воде сидела молоденькая киргизка. Евгений Михайлович - шевелюра с проседью и солидный животик - в голубом махровом халате гулял среди своих подопечных. Жену он сразу привлек в качестве ассистента.

У народного лекаря реквизит подобран просто и со вкусом. Он поставил на поднос

зажженную свечку, графинчик с соленой водой, маленькую кружку и направился в ванную комнату. Евгений Михайлович вошел, девушка напряглась. Ее руки «приросли» к слабой, неразвитой груди. Он предложил ей взять кружку, налить из графина и сделать глоток. Она нерешительно дернулась туда-сюда, в ванне пошли волны. Огромным усилием воли она оторвала ладони от груди и выполнила его рекомендацию.

Лекарь передал поднос жене, положил одну руку на голову пациентки и зашептал какие-то заклинания, указательным пальцем другой рисуя на ее коже не то полумесяцы, не то кресты. А в конце процедуры он нежно погладил девственную грудь. Поднялась буря, вода плеснула на пол. Отроковица напрочь забыла не только о своей порче, но и как зовут родную маму... Ольга Викторовна не ожидала, что народное лечение пойдет с такой долей эротики, что будут так сочетаться простота и эффективность. Это вызвало у нее и настороженность, и любопытство.

Евгений Михайлович окончил когда-то элитный московский вуз - училище имени Баумана. Может быть, поэтому неизгладимое впечатление произвела на него рамка, продемонстрированная на курсах народной медицины как новейшее достижение научно-метафизической мысли. Она копировала прямоугольную детскую рогатку из толстой проволоки, на стержнях которой по принципу шарнира болтались две железные пластинки. Если рамку поставить вертикально, они замирали, как створки закрытых дверей. Распахивание пластинок вперед означало «да», назад - «нет». Держал в руках этот прибор, задавал ему вопросы и переводил его ответы народный целитель.

Ольга Викторовна наблюдала, как, начиная прием, муж спрашивал:

- Скажи, рамка, страдает ли имярек неизлечимым недугом?

Пластинки распахивались назад.

- Нет, не страдает, - успокаивал лекарь больного и себя.

- А помогут ли ему массаж и водные процедуры?

Пластинки распахивались вперед.

- Да, помогут, - радостно произносил он.

Казалось бы, вот и вся диагностика... Легкость, с которой данное изобретение отменяло гений Парацельса, включая все дальнейшие научные изыскания и открытия в области медицины, стала наводить Ольгу Викторовну, инженера-конструктора, на некоторые размышления, в частности, на проблему идентичности выпускника элитного вуза самому себе. Где-то в этой рамке и стал теряться для нее Евгений Михайлович. Но в жизни все оказалось сложней и, пожалуй, интересней.

Через несколько часов квартира опустела. Задержалась только одна женщина с пляшущими в зрачках параноидными чертиками, измученная мнимой неверностью мужа, утратившая способность думать о чем-либо другом. Попытки переубеждения вызывали у несчастной раздражение, ярость. И в ход пошла железная палочка-выручалочка.

- Скажи, рамка, изменяет ли муж моей пациентке?

Пластинки, поколебавшись, распахнулись вперед. Целитель перевел ответ:

- Да, бывает.

По лицу Евгения Михайловича разлилась печаль. Но пауза не затянулась.

- Скажи, рамка, часто ли это случается?

Пластинки распахнулись назад.

- Нет, очень редко.

Физиономия целителя стала светлеть. Ольге Викторовне хорошо знакома хитринка на круглом украинском лице ее мужа. В подобные минуты веки серых с плутовскими искорками глаз почти смыкаются, оставляя узенькие щелочки для наблюдения.

Затем последовали вопросы кардинальные:

- Простительна ли супружеская измена со стороны женщины?

- Категорически нет, - ответила рамка.

- А со стороны мужчины?

Движение волшебного прибора было столь резким, что он чуть не выпал из рук Евгения Михайловича.

- Да, конечно, простительна!

И Ольга Викторовна увидела, что женщина с застывшим в муке лицом... улыбнулась. Чертики в зрачках спрятались, видимо, озадаченные. Хозяйка дома была захвачена этой сценой: она знала, что ее Женя - мужчина непростой, большой артист, но такое наблюдала впервые. А он раскатистым басом спел украинскую песню о любви, погладил даме руку. Потом было приглашение навещать его, если взгрустнется. И пациентка ушла, успокоенная на какое-то время.

После замешательства Ольга Викторовна поздравила мужа:

- Вот где твое истинное призвание!.. А ты столько лет тянул лямку инженера-энергетика. Как ты смог столь быстро этому научиться?

- Я всегда интересовался человеческой натурой в ее тончайших проявлениях! Только ты не ценила этого.

Вскоре Ольга Викторовна встретила одну из своих знакомых, пышную блондинку с губами, накрашеными столь густо, что встречных оторопь берет.

- До чего нравится мне ваш Евгений Михайлович! Такой чуткий! Такой внимательный! Знает, что женщине сказать, как ее приласкать, где погладить. А руки, а пальчики: мягкие, ласковые...

- Это что-то новое... Про руки и пальчики раньше вы не говорили.

- Да он же на мне учился массажу, - пояснила словоохотливая дама.

Супруги не подозревали, что приобретенное ремесло скоро станет спасительным для Евгения Михайловича. Отношение к русским в Средней Азии разительно изменилось. Их сыну под вздорным предлогом сорвали защиту кандидатской диссертации. Детей потянуло на родину, Ольгу Викторовну - вместе с ними. И только новоиспеченный медицинский кумир воспротивился общему настроению. «Уезжать отсюда, где у меня появились пациенты и сытно живется?.. А что ждет пенсионера в России?.. - вопрошал он. - Пока не поеду».

В этом месте своего рассказа седовласая Ольга Викторовна разволновалась, заплакала. Речь ее сбилась:

- Вы говорили нам год назад: переезд будет непростой... какое-то испытание... как поступить, решайте сами. Женя не послушал ни меня, ни детей... Нам пришлось уехать в Россию без него. Верили: затоскует, одумается.

Клиентку в трауре утешать сложно: не тот случай. Я понимал, что Ольге Викторовне надо поделиться, выговориться. Она успокоится сама и продолжит исповедь. Так и получилось.

Из Бишкека приезжали знакомые. Рассказывали о процветании Евгения Михайловича. Его популярность нарастала. Он капитально отремонтировал квартиру и взял на работу соблазнительную секретаршу, которая, сидя у телефона, вела предварительную запись пациентов. Рамка рекомендовала ему лечить только женщин, и желательно молодых. Время от времени он устраивал для них домашние вечеринки.

В разгар веселья какая-нибудь из его поклонниц спрашивала:

- Почему вы один, наш повелитель?

Он скромно отвечал:

- У меня есть жена.

- Где же она?

- Фланирует по российским просторам.

- Но мужчине одному плохо.

Руки общего любимца, сидящего посреди дивана в окружении дам, тянулись к проверенному аппарату. Дрожащим голосом он задавал вопрос:

- Скажи, рамка, вернется ли моя жена Ольга?

- Да, может приехать.

- А что она делает там, уж не изменяет ли мне?

- Да, гуляет.

С грохотом падала из рук страдальца, пораженного собственными словами, тронутая ржавчиной железяка. Он в отчаянии откидывался на спинку дивана. По щеке его, естественно, катилась скупая мужская слеза. Так что всем становилось ясно: у человека настоящее горе. Без дураков! И дамы принимались трогательно щебетать, стараясь хоть чем-то отвлечь и утешить несчастного Евгения Михайловича. Одна подносила фужер знаменитого шампанского «Асель», другая протягивала на тарелочке дольки лимона с медом, но больше всех старалась блондинка с густо накрашеными губами, что при встрече говорила Ольге Викторовне комплименты в адрес ее мужа. Она платочком сушила ему глаза и целовала в лысую макушку, с невероятной быстротой и ловкостью стирая следы помады.

На несколько минут в доме воцарялась тишина, в которой угадывалось осуждение черной неблагодарности женщин, что оставляют таких мужей. Вскоре теплая атмосфера восстанавливалась. Хозяина просили спеть. Начиналось второе отделение концерта.

А недавно с юга прислали телеграмму - там все внезапно и печально оборвалось. Расплачивались с целителем не только деньгами: иногда приносили продукты, чаще домаш-

него приготовления. Однажды утром дверь его квартиры резко распахнулась на лестничную площадку, и он, посиневший, рухнул на пороге замертво. Видимо, отравился.

Мы попрощались с Ольгой Викторовной.

...Герой этого рассказа, к сожалению, отошел в вечность. Но его история имела продолжение. Рукопись «Железной рамки» я дал прочесть Виктории. Люблю в таких случаях получать обратную связь: иногда услышишь самое неожиданное. На этот раз получил и услышал сполна.

Моя подруга начала с астрологического толкования случая. Оказывается, когда на вершину гороскопа приходит новая большая планета, человек может резко изменить свою профессию. У моего клиента скорей всего пришел Уран или Прозерпина. Уран внезапно меняет жизненные ориентиры, Прозерпина дает целительский дар. А вообще-то у Евгения Михайловича были - Виктория лукаво вскинула бровь - способности самозванца и шарлатана. Проходившая около планета сыграла роль пускового механизма этих задатков.

Итоговая часть отзыва огорошила меня. Я вступил в горячую дискуссию:

- Евгений Михайлович давал облегчение пациенткам с бредом ревности - и был самозванцем?! Знаете ли вы, Виктория, что в таких случаях профессора беспомощно разводят руками?.. Евгений Михайлович творил чудеса со ржавой железякой в руках - и был шарлатаном?! Уверен, что миру являлся большой талант, может быть, нераскрывшийся гений!..

Возможно, я несколько увлекся. Да и Викторию убедить не так просто. Она ответила уверенным тоном:

- Вы любите своего шарлатана. Потому и заступаетесь!

- Викториночка! Разве можно написать что-нибудь дельное, не любя? Вспомните, как восклицал булгаковский герой в «Театральном романе»: «Героев своих надо любить; если этого не будет, не советую никому браться за перо - вы получите крупнейшие неприятности, так и знайте». Любовь - категория универсальная! Смогли бы Ильф и Петров создать образ очаровательного жулика Остапа Бендера, если бы не любили его?..

Я стал вдохновенно развивать свои доморощенные теории о драматических парадоксах творчества, когда сочинитель вынужден любить самого отъявленного злодея. Чувствовал, что все больше увлекаюсь, но остановиться уже не мог. Виктория, которая до этого молча улыбалась, тут меня и притормозила.

- Черт те что! Чудеса, да и только!.. Я думала, вы хиромант. А вы, оказывается, большой ученый! Ах, ах, Ильф и Петров... Ох, ох, Остап Бендер-душка... А почему вы не вспомнили... блистательного головореза Леньку Пантелеева? Та же эпоха, та же среда. О нем шпана пела песенки, потому что любила его... На деле-то все проще. Вы сами такой же «Евгений Михайлович»!

Она не сказала «шарлатан», это слово прогремело в подтексте. Хлестко, как выстрел. Я не опустился на землю - меня швырнуло на нее. Сердце замерло, в груди возникла тягостная пустота. Услышать такое от человека своего цеха, от подруги... Я не мог говорить больше. Виктория тоже молчала, кажется, смутилась. Мы расстались.

Знаю, что она остынет, при следующей встрече, скорей всего, извинится передо мной. Я поворчу о некорректных сравнениях... Но о своих теориях - больше ни гугу. И некие облака перестанут омрачать наши отношения. Хотя «теории» - хлеб насущный для литератора, развивать их перед эмоциональными женщинами опасно: может привести к обоюдному помрачению сознания... С кем не бывает, знаете ли.

30. ВИРТУАЛЬНЫЙ ПИГМАЛИОН. РАССКАЗ ГАДАЛКИ

На этот раз к Виктории пожаловала русская красавица кустодиевского типа. Ее сопровождала мать. Обе оживлены необычайно. Дочь сверкала черными глазами и тараторила: «Еду за границу, выхожу за короля бензоколонок, познакомились по объявлению... Это судьба! Погадайте, что меня ждет».

Гадалка представила, как будет огорошен иностранный жених, - видимо, клюнувший на фотографию в Интернете, - когда увидит это торжество плоти в сиреневом платье-балахоне, но, конечно, не подала вида. Разложила карты и увидела: разочарование, убыток, обман... Барышня на ее слова весело хохотнула: свое решение не отменит, она уже мысленно там, в Германии. И «мамочка не возражает».

Мать была ироничная сухонькая старушка с седоватыми буклями, этакий человек из прошлого, киношный типаж, Фаина Раневская в миниатюре - и беломорина дымится.

После сообщения Виктории ее взгляд поскучнел, но она гнула ту же линию: «Окочуриться мне на этом месте, если моя девочка, мой поздний ребенок не будет счастлив! Немцы любят сдобненьких». Их невозможно было поколебать. Гадалке оставалось только сочувственно вздохнуть, когда они уходили.

Через некоторое время мать, ее звали Агриппиной, неожиданно зачастила к Виктории. В том же замшевом, затертом до блеска жакете, в такой же юбке. И ее неизменная беломорина так же бесцеремонно дымилась. Правда, ироничности в ней стало поменьше, старушка нервничала. Дочь Ирина уехала, вышла замуж, звонила, что все идет хорошо, но ее голос...

- Провалиться мне сквозь землю! Там что-то неладно.

Во время этих встреч гадалка узнала, что сама Агриппина воспитывалась в неполной семье, отец погиб на фронте, что получить образование ей не удалось, работает в больнице кастеляншей. Ирину родила вне брака: присутствием ребенка хотела согреть холодные стены своей комнаты в общежитии. Была счастлива, когда дочь поступила в медицинский, но врачебный диплом не принес материального процветания.

Слушая рассказы клиентки, Виктория удивлялась, как та решилась отпустить Ирину в неизвестность. Конечно, Германия - культурная страна, Европа ведь, но все это слова, общие фразы. Бог весть, что кроется за ними в данном случае... Кажется, на этот раз к ней обратились за помощью две «очарованные» женщины: мать, зацикленная на богатой жизни, и дочь, оставшаяся навсегда ребенком.

Гадалка смотрела карты: все тот же обман, какая-то непонятная игра, много слез. Конечно, обеспокоенной, беспомощной матери сообщала об этом осторожно: «Видимо, там идет притирка характеров». Агриппина на какое-то время успокаивалась - и снова приходила: тревога не оставляла ее. Съездить к дочери для нее слишком дорого. Лишь позднее она узнала, что произошло за границей.

...Жених Руди жил на юге страны, в небольшом городке, в уютном коттедже и производил впечатление человека респектабельного. Он неплохо объяснялся по-русски: детство и юность провел в России. Каким занимался бизнесом, Ирина так и не поняла, но к ночи уезжал куда-то регулярно. Представление ее матери, что современные немцы любят женщин пышных, оказалось преувеличенным. После регистрации брака муж дал понять жене, что от ее безобразной полноты он не в восторге, и спросил, чем будет зарабатывать на хлеб. У нее тревожно засосало под ложечкой.

Обсудили варианты. Лечебное дело - Ирина детский врач - отпало сразу: она не имела немецкого диплома и слабо владела этим языком. Прочие «благородные» профессии оказались недоступны ей по тем же причинам. Сделать из нее домашнюю хозяйку было невыгодно: проще нанять кухарку. Молодой супруге, оказывается, больше всего подходило раздеваться и вертеть бедрами под музыку, готовиться к выступлениям в ресторане.

Откуда что взялось, как будто было приготовлено заранее: эротический шест, вокруг которого должна плясать и обнажаться настоящая стриптизерша, соответствующие видеозаписи. Вчерашний эскулап, топая, как слон, начала репетиции-тренировки. А ведь мечтала красиво жить и в молоке купаться... Лощеный муж смотрел с брезгливостью на пыхтящую, обливающуюся потом жену, однако не терял надежды на благоприятный исход своего предприятия.

Одновременно началась диетотерапия. Уходя из дома, Руди обматывал холодильник скотчем, ставил пломбу, одаривал Ирину красноречивым взглядом. В отсутствие своего мучителя она выла от голода и выскочила бы на улицу, чтобы попросить кусок хлеба, но мешал все тот же языковой барьер. Да и будь у нее хороший немецкий, в стране сытых людей ее бы не сразу поняли. Реальность оказалась фантастичней прогнозов гадалки, хотя разворачивалось все почти буднично.

Ирина плакала перед Руди, взывала к милосердию, пыталась скандалить. Тогда он с печальным видом показывал ей свою учетную запись: чашечка кофе ячменного, кусочек сахара, ломтик хлеба ржаного, тарелка супа горохового, ломтик хлеба пшеничного, стакан кефира - столько-то марок и пфеннигов. Электрическая энергия, газ, вода - столько-то марок и пфеннигов. Суммировал суточные расходы, делал вывод: «Мне жаль тебя, Ирина, но я женился не для того, чтобы разориться». А в светлых глазах - усмешка, а сам уверенный в себе, красивый, сытый. Сбежать было невозможно: до Берлина далеко, а у нее ни одного пфеннига в кармане.

Муж проявил себя большим знатоком женской психологии. Время от времени он возвращался домой с комплектом превосходного дамского белья, на четыре размера

меньше габаритов его супруги. Итак, вместо райских кущ в Германии Ирину поджидали эксперименты.

Но все-таки оказалось, что страдала она не напрасно. Несколько месяцев каторги - и произошло чудо! Ее жир сгорел, дыхание стало легким, глаза наполнились грустным смирением. Жена наконец-то влезла в замечательное немецкое белье.

Руди остался доволен, чуть дополнил диету, снизил темпы репетиций. Причины для этого были: бледность Ирины пугала прохожих на улице, у нее не прекращались голодные обмороки. После «шоковой терапии» бедняжка расценила послабления мужа как проявление зародившихся к ней чувств. А он стал намекать, что обнажаться придется не только на сцене, будто бы по европейским понятиям в этом нет ничего зазорного и настоящие деньги именно тут.

Какая удача, что к Ирине вернулась способность соображать и по-женски хитрить! Она подумала и сказала, что согласна на все, только просит сначала пригласить в гости мамочку Грушу: очень по ней соскучилась.

Руди взорвался:

- Ты понимаешь, о чем говоришь?.. Во что мне это обойдется: билеты, кормежка?!

- Тогда отпусти меня к ней. Мамочка живет одна в большой квартире, это непрактично. Продадим и купим ей маленькую. Разница в деньгах нам пригодится.

После колебаний он разрешил ей съездить в Россию на две недели: то ли немец свято верил в институт законного брака, то ли сработала приманка.

Вот тогда Ирина и Агриппина появились у Виктории опять вдвоем, причем мать бережно держала дочку за руку. Если бы не присутствие Агриппины и не этот жест, гадалка не узнала бы Ирину. Считают, что облагораживает счастливая жизнь. Оказывается, бывает и наоборот. Бывшая барышня кустодиевского типа, роскошь плоти в платье-балахоне, пришла в узкой джинсовой юбке. Нежной была белизна молодого лица, не так давно покрытого кирпичным румянцем. В глубине встревоженных черных глаз читалась кротость. Неужели это милое создание было колодой весом более ста килограммов, которую хоть поставь, хоть положи?!

Ирина рассказывала Виктории о своих приключениях. Ее мама, прикуривая одну беломорину от другой, то и дело вставляла:

- Какой пышечкой уехало мое дитя! Каким заморышем вернулось... Краше в гроб кладут. Чтоб лопнули мои глаза!

Виктория протестующе заявила:

- Вернулась красавицей.

Мама Агриппина захлебнулась дымом и закашлялась.

- Красавицей?.. Уж не смеетесь ли вы над моим горем?! Красавицей?.. Но что от нее осталось!

Проклятья, богохульства посыпались из старухи, как из дырявой торбы. Все они в конечном счете сводились к тому, что хоть тресни, а около ее дочери не держатся ни мужики, ни деньги. На гадалку такая брань произвела удручающее впечатление. Она почувствовала, что мать наговаривает плохую программу себе и дочери. Решила побеседовать с Агриппиной, притом помянула реинкарнацию:

- Возможно, в одном из предыдущих воплощений вы тратили слишком много. В этом - денег у вас должно быть поменьше.

- Предыдущие воплощения нас не интересуют. Нам надо пожить сегодня, - отбрила ее старушка.

Слушая Ирину, Виктория стала сомневаться в искренности немца, для выступления где, в каких-таких ресторанах, готовил он ее. В Германии двойная роль не пройдет: там полиция не дремлет. А вот в странах Ближнего Востока, где славянки лакомое блюдо, - другое дело. И был ли настоящим брачный контракт?.. Может, фальшивым?..

Приступили к делу. Перед гадалкой стоял вопрос: удастся ли Ирине выпутаться без больших потерь из этой истории. Карты показали, что впереди у нее проблемы с успешным разрешением. Услышав об этом, незадачливая жена заграничного мужа облегченно вздохнула и сдержанно улыбнулась, на щеках обозначились ямочки. А Виктория поймала себя на том, что по-прежнему изучает ее новое лицо. «Словно другой человек... Во всяком случае, уже не ребенок! Неужели такое возможно?.. Настолько быстро?!» На прощание клиентка сказала гадалке, что будет держать ее в курсе всех дел.

От адвоката дочь и мать узнали: от крупных неприятностей их может спасти то, что Ирина сохранила российское подданство. Брак, возможно, расторгнут по отечественным законам, без поездки в Германию и денежной компенсации мужу. Но, чтобы раз-

вод не затянулся до бесконечности, никакого обострения отношений, первым стукнуть кулаком по столу должен он.

Ирина сообщила мужу, что мать болеет, продажа квартиры откладывается; позднее в ход пошли другие версии, время тянулось. И тут случилось то, во что Виктория с трудом поверила, когда услышала. Руди стал звонить каждый день и просить Ирину скорее вернуться, потому что ему... плохо без нее. Его голос в трубке дрожал, прерывался. Муж клялся, что больше - никакого стриптиза, Ирина пойдет на курсы немецкого языка, работу выберет сама, может совсем не работать. Он умолял простить его за все...

Однажды, слушая неопределенные ответы дочери, мама Агриппина рванулась к телефонному аппарату.

- Дай трубку, доченька! Скажу ему пару ласковых. Ошпарю без кипятка. Дай трубку! Чтоб мне околеть на этом месте.

Ирина закрыла микрофон.

- Мама, прекратите или я уеду к нему снова.

- Он заманивает тебя! Я так и знала. За-ма-ни-ва-ет! - каркала старуха, показывая пожелтевшие от табака крупные зубы.

- Нет! Он хочет прилететь сюда.

- Я лягу на посадочную полосу.

- Руди не лжет! Когда расставались, он смотрел на меня по-другому. Мечтает только повидаться со мной.

- Я отвинчу ему голову! - истерично закричала Агриппина.

В эту минуту она уже не походила на знаменитую актрису Фаину Раневскую, папироса которой дымилась победоносно, а крылатые афоризмы облетали всю страну. Ирина зарыдала, уронила телефонную трубку.

Слушая впоследствии ее рассказ, Виктория после слов «мама, прекратите или я уеду к нему снова» мысленно поставила жирный знак восклицания. Пуповина все-таки перерезана! Перед ней действительно другой человек - становление русской красавицы состоялось. Только жаль, что таким бесчеловечным путем. Но каков экспериментатор! Она вдруг поняла: задержись Ирина за границей еще, и Руди вытеснил бы из ее сознания зануду-мамочку. Так иногда бывает, когда жертва влюбляется в своего мучителя, которого и боится, и боготворит. Агриппина уже никогда не увидела бы своего ненаглядного «заморыша».

Возможно, что и новый Пигмалион действительно полюбил свою Галатею, но было уже поздно. А о разводе он даже не заикнулся; значит, предположение Виктории оказалось правильным - брачный контракт был фальшивкой.

Ирина снова работала детским врачом. Иногда звонила гадалке, просила раскинуть карты заочно, прогноз выпадал путаный. В конце разговора трубку брала мама Агриппина и нежно ворковала: «Милая Виктория, а я перевоспиталась! Бранных слов больше не употребляю и думать стараюсь только о хорошем. Но денег-то у меня как не было, так и нет... Хоть сдохни!»

Через какое-то время Виктория получила письмо из Германии. Ирина вышла замуж по объявлению в Интернете, сделанному еще до поездки к Руди. Оказывается, в Мировой паутине бывало и такое. Ее муж, крупный промышленник, души не чает в молодой русской жене. Она его не любит, но терпит. Мама Груша живет с ними, и с ней случилась беда. Вредина и хулиганка больше дочери мечтала о красивой жизни, а, когда приобщилась к райским кущам, затосковала по родной речи, заболела ностальгией. Ревет белугой: «Умру на вокзале, но в своем городе!» («Еще одно преображение?!» - изумилась Виктория.)

«Что делать?» - растерянно спрашивала Ирина.

Гадалка разводит руками: «Как помочь Агриппине? Не знаю. Заигралась!.. Карты говорят: на родину она пока не вернется».

31. ШУХЕРЕЗАДА, СЛОВЕЧКО МОЕГО ДЕТСТВА. СЕВЕРНЫЙ ГОРОД

Как-то нагрянул к Марте без предупреждения. Настроение у меня было превосходное. И я выговорил нечто маловразумительное:

- Ты нынче очаровательна!

- Что же было вчера?! - рассмеялась она.

Марта, Марточка... «Черт возьми, - вдруг пришло мне в голову, - имя-то не поддается нежности... Так не бывает». Она загадочно посмотрела в окно, пригласила к столу.

И тут в прихожей словно что-то взорвалось, грянул звонок. Марта вспыхнула румянцем, привстала, снова села. Я нерешительно разглядывал изящную рюмочку, куда она успела плеснуть коньяка. Сигналы были громкие, продолжительные, настойчивые. Марта безнадежно махнула рукой. Я уже догадывался, что происходит, но не хотел верить. Она сидела неподвижно, в непривычной для нее позе, облокотившись на стол, обхватив лицо руками. Звонок нахально будоражил наши озябшие души. Наконец он затих.

Марта убрала руки с лица.

- Ардальон, - заговорила она, - это приходил тоже мой друг... Расскажу тебе все! Такая у меня судьба - каяться. Но не сейчас. Извини!

Какой тут обед... Я вышел на улицу. На углу меня чуть не протаранил лиловый пежо. Я направился через парк к одинокой скамейке в глубине аллеи. Здесь, почти в центре города, есть небольшой чистый пруд. Погода портилась: небо было низкое, темно-сизое, вода черная. На берегу два дерева: сплелись осина и липа. На липе, сверху донизу пожелтевшей, колебался в паутине под порывами ветра багровый осиновый лист. Элегическая грусть овладела мной. «...Давно понял, что Марта играет в любовь. Так чего же ты ждал?!» Упали первые капли дождя. Я отправился домой.

Вечером того дня Марта позвонила и сказала, что незваного гостя зовут Данилой Макаровичем. Живет через дорогу от нее, работает главным связистом в местном аэропорту. Познакомила их соседка Марты Клавдия: без помощника было трудно управляться в квартире. Я пожелал ей спокойной ночи, сославшись на нездоровье.

А на следующий вечер услышал по телефону целую исповедь.

«Данила Макарович пришел ко мне с красными от бессонницы глазами: «Малышка, что ты наделала? У тебя был мужик!» Я ответила: «Да, знакомый психолог. Была нужна консультация... Уехал вскоре». Он не поверил, повел меня к иконе. От клятвы я отказалась: «Принимай какая есть или убирайся отсюда!»

Данила Макарович ушел к себе, в хрущевку грязновато-коричневого цвета, видимо, выпил и сел на балконе третьего этажа со скорбным видом, покуривая, покачивая головой. Дымил он часто и много, как Везувий. Соседи внизу бывали обеспокоены обилием пепла. Рядом, на табурете, место занимал черный кот с белой манишкой и рваным ухом. В нем было что-то аристократическое и разбойничье одновременно. Человек смотрел на окна Марты. Животное провожало глазами проходившие по дороге машины, крутя головой вправо-влево, вправо-влево.

Данила Макарович в разводе с женой Лидией Карповной. Живут они под одной крышей в разных комнатах. И все равно у них продолжались стычки. Потом он научился гасить обиды, поняв, что это себе дороже. Лидия Карповна говорит о нем своим подругам: «Хоть он и змей, а я его люблю». Она служила ведущим терапевтом больницы для чиновников, могла явиться в элитное учреждение в подшитых валенках, в них же вести прием, приходила и навеселе. И вот Лидия Карповна оказалась без работы. Когда не пьет, к ней ходит лечиться весь дом: «Лида не ошибается». С Данилой Макаровичем у них осталась одна общая собственность - черный кот, которого зовут Котиком.

Печется о нем хозяин, но вспоминает и хозяйка, когда у нее случается очередное «окошечко». Она красит губы на испитом лице, надевает рваный халат, обувает стоптанные туфли, берет на плечо кота и отправляется в гости к кому-нибудь из своих недавних пациентов. Войдя в квартиру, заявляет изумленным хозяевам, что пришла «отдохнуть от змея», ложится на пол в прихожей, прижав к груди любимое животное: «Моя грелка», - и засыпает. Мирно дремлет и Котик, похоже, что вдыхать винные пары ему нравится. Хозяева не тревожат гостью: «Это же Лидка...» Особенно жалеют ее старушки.

С милым Иваном Алексеевичем, который снова опекал Марту, приключился, оказывается, не только дачный, но и местный конфуз. Марта приучала его ставить машину с торца ее дома: «Не надо демонстрировать всем наши отношения». Он не знал, что под всеми имеется в виду Данила Макарович. К тому же у Ивана Алексеевича стало плохо с памятью. И надо же было такому случиться, что нарушение конспирации произошло в то время, когда ревнивый соперник в очередной раз дымил на балконе.

Иван Алексеевич шествовал с очередным презентом от автомобиля к подъезду Марты, как Рок или Каменный Гость, ничуть не подозревая о подобной роли. При виде такой картины у Данилы Макаровича то ли что-то замкнулось в голове, то ли соскочила какая-то пружинка: «Опять он?! Опять Иван?!» И ревнивец устремился к перилам, чтобы сигануть на улицу с третьего этажа. Но черный Котик, ощетинившись, стрелой взлетел на поручень, замяукал громко, отчаянно. Человек и животное посмотрели глаза в глаза. Это

остановило Данилу Макаровича от прыжка. Он заметался по балкону, разряжаясь изысканной лексикой ненормативной речи. У истинных технарей в критические минуты жизни пробуждаются незаурядные филологические способности.

Он бросился к телефону, набрал номер Марты:

- Все успели?

- Данила, что ты?

- Я спрашиваю, вы все успели?

- Иван вошел ко мне минуту назад.

- Кое-что у тебя получается очень быстро!

- Хочешь сказать - молниеносно?

- Когда ты перестанешь рвать мое сердце?!

- Хорошо... Успокойся и приходи. Посидим втроем.

Вскоре двое мужчин, как дуэлянты у барьера, изучали за столом физиономии друг друга. Женщина угощала их, но аппетита не было ни у того, ни у другого. Иван Алексеевич поглядывал на Марту, беспомощно молчал. Данила Макарович смотрел исподлобья, к еде не прикоснулся, с кислой миной закинув в глотку несколько полновесных рюмашек. Видимо, от пережитого волнения он тоже не знал, о чем говорить, только посверкивал белками антрацитовых от ярости глаз. Марта закончила описание этой сцены одним словом: «Театр!» А я невольно отметил: «Милая, однако, забава... стравливать мужиков».

Иван Алексеевич окончательно стушевался, потупился и покинул ристалище. Данила Макарович остался для «выбивания пыли». Не стань он связистом, вероятно, пошел бы семимильными шагами по юридической части. Его визит к подруге частенько начинался с какого-нибудь каверзного вопроса: «Я не курил, а в туалете бычок... Кто здесь был?!» - и острый взгляд на Марту. Или: «От свечи на кухне остался один огарок... С кем маскировалась?!»

Вот и на этот раз спросил не очень твердо:

- Зачем приезжал этот?

- Кое-что привез, как всегда.

Данила Макарович попытался объясниться:

- Малышка, я не сумасшедший, я люблю тебя...

- Данила, ну охота тебе ревновать!

- Поклянись перед иконой! - сказал он, плаксиво скривив губы... Его последняя надежда.

- А ты прости, и дело с концом.

- Не прощу!

- Никогда?

- Никогда!

- Да?.. Тогда будет тебе... новый случай! Два новых! Три! Уходи, зануда. Видеть тебя не могу!

Данила Макарович ушел к себе и неделю «болел». Ослабевший, он лежал на диване. Хозяин, безответно влюбленный и пьяный. Ученый кот, трезвый и обожает хозяина, но зверски хочет жрать. От запущенности манишка у него утратила белизну. Пикантная ситуация! Наконец черный Котик, отчаявшись, тряхнул рваным ухом и проявил разбойничью сторону своей натуры - помочился под носом у бедного Данилы Макаровича. Хозяин через силу встал, принял холодный душ, вымыл пол, накормил кота. Затем приготовил свое любимое печенье. Часть его в духовке подгорела. В квартире Марты раздался телефонный звонок.

- Малышка, у меня печенье. Какого тебе принести: поджаренного очень, средне или нежно?

- Нежного, - прозвучало в ответ.

Так они мирились.

Все передвижения Марты по городу Данила Макарович вычисляет со своего балкона заранее. «Только подумаю, а ты уже говоришь по телефону. Тебе и к бабке ходить не надо», - журит его Марта. Он охотно соглашается: даже когда его нет дома, за него дежурит верное животное. Второй этаж стоящего напротив дома ученый кот просматривает насквозь. Марта смеется: «Когда будет нужно, обведу вокруг пальца и тебя, и твоего хитрого котяру».

«В унылых пятиэтажках Палисадова живут веселые люди», - подытожил я, выслушав ее байки.

Незаметно шло время. В жизни моих героев произошли существенные изменения,

причем, далеко не радостные. У Данилы Макаровича стало слабеть зрение и потребовалась операция. Женщина-хирург при подготовке не удержалась от комплиментов: «Какие ресницы!.. Девочки такие приклеивают. С этой стороны придется срезать. А брови!.. Не переживайте. Через две недели отрастут», - и вздохнула, видимо, любуясь черными до синевы кудрями пациента.

Услышав такие разговоры, Марта попыталась вернуть Данилу Макаровича на землю:

- А докторша-то с юмором... Ты этого не понял?

Он гнул свою линию:

- Между прочим, мы, цыгане, пользуемся успехом у женщин.

- У вас, цыган, во всем успех.

- Вспомни, как мои ромы поют и танцуют.

- Вспомни, как они воруют.

Данилу Макаровича передернуло. Он побелел.

- Воруют из озорства... Звание лучшего конокрада было когда-то почетным. Азартных цыган узнаю со спины - по походке. Даже мальчишек... Тысячи лет кочевой жизни! Но ром у рома коня не украдет.

- Ладно, хоть ты инженер... Ваши до сих пор расписываются крестиком.

- Да где им расписываться? Зачем? Что им от вашей грамоты?! - он помолчал. - Это мне повезло... Детдом. Хороший воспитатель. Я привязался, он не оттолкнул.

У Данилы Макаровича уже отлегло от сердца.

- Чувство свободы я испытал под звездами. Бывал в таборе, приглашали. Запах костров, ржание лошадей... Прогулка на верховом коне-калистрате... Да разве это перескажешь! Мы неизлечимые бродяги... И бедовая цыганочка Аза! Нигде не училась - украсит любой ансамбль.

Он задорно тряхнул кудрями. Но Марта не любит, когда хвалят других женщин.

- Цыганка Аза охамела, растолстела. Носит кожаную куртку, торгует наркотиками...

- Раньше цыганки много знали. По стуку копыт угадывали коня своего суженого. Видели на лице печать смерти!

- То-то сегодня пугают прохожих: ты больной, скоро умрешь, а я могу вылечить... Гадают всем одно и то же: тебя обидели, но придет бумага... Что девушке, то и старухе. Ей-то какая судьбоносная бумага? Повестка на тот свет?!

Данила Макарович заулыбался: острое слово он любит.

- Малышка, хочешь познакомлю тебя с цыганской семьей? Трудяги, умники, все музыканты.

Но малышка уже завелась.

- Погублю я тебя, трефовый, ай, погублю!..

- Не погиб в детстве - теперь никто не погубит!..

Если Марта хотя бы вскользь задевает тему непредсказуемой доли и диктатуры случая, Данила Макарович садится на любимого конька - начинает вспоминать о детдоме. Он попал туда, отбившись от табора. Было ему лет пять, дату рождения записали наугад. Им заинтересовались, потому что цыганский ребенок в этом месте - явление очень редкое. Растерянный, он плакал, прятался по углам. Вдруг заметили: играет с деревянным конем. К ночи подошел к дежурной няне, попросил караулить его лошадь.

Она пошутила:

- А чем ты со мной расплатишься?

И услышала:

- Я тебе погадаю.

То была тетя Ксения, которая жалела сирот. Когда мальчик подрос, она и рассказала ему, как привыкал к новой жизни. Детдом был сельский, директор строгий, воспитатели добрые. Повзрослев, Данила долго искал родителей. Оказалось: погибли в стычке таборов. Нашел только младшую сестру.

Из воспитателей ему запомнился фронтовик Фрол Галактионович. Иногда он приглашал мальчишек в свой дом, как говорил, погреться у русской печки. Учил подшивать валенки, которые изнашивались у них почему-то очень уж быстро. Поил компотом из сушеных яблок. Плел рыболовные сети вместе с ребятами, которые постарше. Когда не было рядом жены, наставлял их, как строить отношения с женщинами. И никогда не рассказывал о войне. Если кто-то настаивал, проявлял нехарактерную для него растерянность: «Не могу. Тяжело!..»

Время от времени Данилу Макаровича направляли в какой-нибудь из отдаленных

районов области, если там случалась в аэропорту серьезная неполадка со связью. Командировка оборачивалась для него тяжелым испытанием. Каждое утро в квартире Марты раздавался телефонный звонок, по нему можно было сверять часы.

Так случилось и на этот раз.

- Малышка, ты одна?

- Конечно, одна, - ответила Марта, завтракая со мной.

Данила Макарович продолжил:

- Всю жизнь мне не везет. Я заслуженный связист, а езжу на старом запорожце! Знаешь, как называют эту машину любители? Пылесосом. Консервной банкой. Откуда взяться успеху, если везде - тринадцать... Номер моей консервной банки в сумме тринадцать! На гараже у соседа намалевано то же. И даже здесь - на доме через улицу!.. Заноза, не могу без тебя!

Она попыталась утешить его:

- Ну что ты, Данила?.. Осталось три дня, потерпи.

Мое присутствие сказалось: обет верности прозвучал суховато. Марта, видимо, почувствовала это и спела в трубку один из романсов своего репертуара, улыбаясь мне:

Сыграй сонату. Твой рояль устал.
Он пену с губ, как водится, оближет...
Ну что с того, что не был ты в Париже?
Ну что с того, что ты никем не стал?

Данила Макарович вернулся из командировки туча тучей: «Три дня назад ты была с мужиком. Меня не проведешь!» Марта никогда не видела у него такой густой черноты и такого горячего блеска глаз.

...И я увлекся женщиной, что никем не дорожила, кроме своей дочери да мужа-службиста, которого и видела-то редко. Конечно, дочь Людмилу она обожала, но это другое, древнее, кровное. Скоро мне снова на юг. Будет прощальный ужин при свечах. Посреди стола я поставлю тяжелые хризантемы: розовые, голубые, сиреневые... Нальем шампанского, и никаких нравоучений. Марта скажет: «Нам ли унывать, почти красивым!» Начнутся песни моей подруги.

Янтарная печаль. Оплавленные бусы.
Сосновая смола. Густой тягучий мед.
Не говорите мне о разнице во вкусах,
Какое дело вам, как все произойдет...

А может, ничего этого не нужно?.. Как будто идет загадочный спектакль. Автор пьесы и режиссер неизвестны. Главную роль исполняет Марта. Я - единственный участник драмы, посвященный во все ее подробности. О Марте знаю больше, чем она о себе, хотя это не значит, что понимаю суть происходящего. Одно бесспорно: я влюбился в клиентку и слишком много терпел.

Возможно поэтому перед отъездом неожиданно оказался в кардиологии под капельницей. Мой «мотор» дал основательный сбой, я задыхался, а молодой врач успокаивал: «Мерцалка - еще не вечер». Через несколько часов ритм сердца восстановился, и остро почувствовался телесный комфорт, которого в добром здравии не замечаем. Я стал прокручивать в памяти свои отношения с Мартой, делать выводы: «Были литературные планы - и навредил сердцу. Слава богу: не потерял голову. Надо, надо выходить из этой игры, пока не поздно».

Тщетная надежда... Она тут же забылась, как только я вернулся с юга, снял телефонную трубку и услышал игривый серебристый голос Марты. Однако при встречах стал снова обращаться к символам на ее руках. Сколь хорошо читалась поразившая меня когда-то линия Власти, столь же смутно - знак паранормальных способностей. Он был атипичный или еще не встречавшийся в моей практике. «Откуда он у Марты?.. Может, унаследовала от матери, которая разгадала участь зятя и внучки?.. Надо купить туши, снять отпечатки ладоней Марты и отправить Виктории, посоветоваться. Думаю, Марта согласится: углубляться в себя она любит. Как я не подумал об этом раньше...» И она действительно согласилась.

32. АМЕРИКАНСКИЙ КРЕЗ

Арбат, Арбат, кругом Арбат... Затишье. И вот откуда ни возьмись мальчишки, московские Гавроши лет десяти. Один с изможденным, зеленым лицом и мутными глазами - видимо, нюхает клей - встал сбоку от меня. Другой, здоровый на вид, сделал передо мною сальто-мортале. Мне стало интересно. Тогда он неожиданно поднес к моему лицу ярко раскрашенную игрушку-змею. Я отпрянул. Они расхохотались и убежали. А через некоторое время у меня не обнаружилось бутылки кваса.

Господин почтенных лет и молодая дама остановились рядом со мной. Она одета по последней европейской моде, как я ее представляю, он - в затасканную куртку, в таких пенсионеры из российской глубинки ходят за грибами. Зато на голове у него красуется клетчатое кепи, на шее - пестрый платок, глубоко посаженные глаза смотрят зорко. «Богема, - подумал я, - наверно, актер. С ним поклонница его таланта, а может, дочь». Но женщина представилась как переводчица.

Мужчина сел ко мне. По линии Судьбы выходило, что свое дело он выбрал по душе, занимается им упорно, добился многого, однако возникла проблема...

И отчетливая линия Аполлона. Все-таки ее носитель - человек искусства?.. Я намекнул парочке об этом. Он сохранил на морщинистой физиономии полное спокойствие. Она загадочно улыбнулась, стрельнув глазками на него, и торжественно объявила, что передо мной не актер, не музыкант и не поэт, а банкир из Нью-Йорка. «Солидный финансист с Уолл-стрита? Акула Додсон?! - мысленно удивился я. (Акула Додсон - герой рассказа О. Генри «Дороги, которые мы выбираем».)

- Банк-и-р... Позвольте, но откуда у него такая линия Аполлона?!

- Не знаю, не знаю... Может, способности к языкам... Я руковожу его российским офисом и удивилась, как быстро он стал понимать русский, хотя произношение... В общем, мы его отрабатываем. Вышли вот прогуляться, - невинно заявила молодая дама, положив руку на плечо господина.

Я продолжил:

- Вижу мощную линию Интуиции!.. Колдун, да и только.

Она мне в ответ:

- Шеф говорил, что слышит музыку банковских сфер... Во время самой напряженной работы перед его мысленным взором текут зеленые долларовые потоки.

- Ценю его воображение... Вернемся, однако, к линии Судьбы. Самая интересная информация в ней! Здесь читается редкий знак Фатума. Программа свыше и жизнь такого человека полностью совпадают. Ему не нужно метаться в поисках дела и места. Он трудится и ждет своего часа...

Женщина переводила. Мужчина, видимо, устал от своего молчания. Мягко высвободив из моих рук ладони и опустив их на свои колени, он сообщил, что его бизнес в Америке процветает, а в России потерпел фиаско. Финансист уязвлен, как Моцарт, написавший бы под занавес своей жизни фальшивую музыкальную пьесу. Он просит прощения за нескромное сравнение и спрашивает: будет ли процветать филиал его банка в нашей стране? Этот вопрос стал для него идеей фикс.

Я почувствовал, что, пожалуй, готов сделать этот главный для клиента прогноз.

- Внимание, господин банкир! Секрет в том, что выделяют два вида Фатума - положительный и отрицательный. Обычно говорят: добрый и злой. Носитель злого обречен на поражение, доброго - на успех... На вашей линии Судьбы справа есть препятствие. Поэтому в начале сеанса я и оговорился: «Возникла какая-то проблема...» Хотел охватить картину в целом. Такова методика... Теперь вижу: линии Интуиции и Аполлона перевесили это препятствие. Значит, ваш Фатум добрый, ваши трудности - временные!.. Вы поняли меня?

Я готов был повторить мудреное умозаключение. Но американец внимательно выслушал переводчицу, сосредоточенно помолчал и понимающе кивнул.

Около нас остолбенели мальчишки-истребители кваса, привлеченные английской речью. Здоровый на вид стал просить:

- Дяденька, дай доллар! Будешь богатый!

Болезненный мальчишка повторил эти же слова. Мужчина что-то ответил. Женщина объявила:

- Господин и так богатый.

Попрошайки на секунду опешили. И тут же заканючили еще напористей:

- Будешь очень, очень богатый!..

Оба сделали самые серьезные физиономии и многообещающе развели руки. Мне захотелось присоединиться к ним. Банкир остался довольный, ему понравилось. Он кивнул своей спутнице, она дала пацанам по пять долларов, они убежали.

Я, решив, что пора прогуляться по другим магическим знакам, снова взял руки клиента.

- По линии Брака делаю заключение: ваши отношения распались.

- Совершенно верно! Особенно если учесть... что я никогда не был женат.

- Простите! Поясняю. Линия Брака - название условное и устаревшее. Сегодня она отражает серьезные отношения между мужчиной и женщиной.

Американец сделал паузу.

- Тогда все правильно. Хорошее пояснение!.. - его глаза блеснули лукаво. - А как мое здоровье?

- Вижу Сосудистый знак.

- О да, сосуды - мое слабое место.

- На участке линии Жизни, который соответствует зрелому возрасту, читается знак Закрытого пространства. Обычно это пребывание в больнице.

- Не в психиатрической?

- Бывает и такое, хотя нечасто.

Он многозначительно прищурился.

- А... в тюрьме?

- Теоретически возможно... Там тоже все закрыто.

Мы переглянулись - и расхохотались. Складки его лица как будто разгладились, но красные паучки на щеках побагровели. Женщина переводила и тоже смеялась. Мне подумалось: «Острили бы так старые хрычи, не будь рядом молодой красавицы?..» Я почувствовал ту внутреннюю легкость, раскованность, которая возникает в работе с умными и симпатичными людьми: начинаешь импровизировать - публике это по вкусу.

Банкир встал и предложил посмотреть руки его спутницы. Та смутилась и наотрез отказалась, заявив, что боится хиромантии. Он рассчитался за работу, дав на чай, поинтересовался моими успехами и прикоснулся пальцами к козырьку клоунского клетчатого кепи.

Они еще оставались поблизости, у сувенирной лавки, над чем-то смеялись. Вот и мне удалось лицезреть живьем финансового воротилу. Ничего, хорош «хищник»!.. Он не озабочен тем, кто и как станет смотреть на него, а делает то, что ему нравится, излучая покой и уверенность в себе. Не это ли называют иногда американским нарциссизмом и «культурой пепси»?.. Опять же, почему-то он без охраны... Видимо, причуда миллионера.

Мальчишки-любители кваса и долларов закрутились около иностранца. Усложненное сальто, еще раз, еще. Почти цирк, почти каскадный кульбит!.. Лихо работает маленький шельмец, чует крупную добычу. Мужчина и женщина смотрят с любопытством. Однако, надо бы предупредить... Уже мелькнула раскрашенная змейка. Дама от неожиданности отшатнулась. Второй пацан мгновенно вырвал у нее ридикюль. Но нырнуть в толпу не успел: банкир цапнул его за ворот. Вот это хватка! От Уолл-стрита до маленьких грабителей. Не Акула Додсон, а своего не упустит. Американский крез в задрипанной куртке вернул сумочку своей спутнице, обнял ее за плечи, и они удалились.

А мальчишки продолжили свое дело. Болезненный остановился рядом с продавщицей фруктов. Сейчас они повторят свой фокус. На лицах - ни тени смущения, как будто играют.

33. Я ОСЛЕП

Мы с Викторией снова обживали город Солнечный, обетованный уголок горной страны, что называется Кавказом. Как несколько лет тому назад, снимали по комнатке у старых знакомых, тех же глуховатых, добродушных стариков. Мне хорошо работалось за письменным столом. Сознаюсь, витал в облаках! И моя подруга по мере возможности благоустраивала мою жизнь. Наши обязанности были распределены. Я ходил за продуктами в магазин и ездил на базар, возвращаясь оттуда с тяжелыми сумками. Мои предложения делать по хозяйству что-нибудь еще Виктория решительно пресекла: «Не теряйте времени, пишите. Ухаживать мне нравится».

Какие задушевные люди появлялись под навесом летней кухни, когда мы жили здесь первый раз... Это и ходивший поступью победителя молодой чеченец-кровник, который

так пошутил над Викторией, что бойкая женщина насмерть перепугалась и не нашла, что ответить. И давний ее клиент генерал милиции Вадимир Вадимирович, моложавый и лысый, как бильярдный шар. Больше всего любил он прогулки по горному парку и старые анекдоты. Что не мешало ему время от времени заступаться за нас и ограждать от неприятностей: обстоятельства случались разные. Славный он человек.

В этот раз отдыхающих было мало, к счастью, они ничем не выделялись, обходилось без приключений. И вдруг на отдых прикатила дочь Виктории таинственная Тамара, едва ли не царица. Такое впечатление скоро сложилось из моих наблюдений за ее привычками. Высокая, полная женщина поздоровалась со мной сдержанно, без улыбки, села в дальнем углу кухни, закурила сигарету и глубоко задумалась, не вступая в разговоры с окружающими. А Виктория через несколько дней сказала мне: «Посуду за собой надо мыть». Я извинился, почувствовав, как стремительно спускаюсь с облаков.

Подруга запрещала мне заниматься хозяйственными делами, а тут, как на грех, понадобилась свежая сорочка. «Если постирать самому, Виктория подумает, что начинаю отдаляться. Если попросить ее, то дочь расценит это как попытку бесчеловечной эксплуатации». Я уже стал догадываться, о чем она так напряженно думает, покуривая в уголке.

Все-таки обратился к Виктории. Мы стояли во дворике у дверей комнаты, которую занимали они с дочерью. Моя подруга, чуть помешкав, кивнула утвердительно и, взяв предмет разговора, небрежно бросила его на ближайший полузасохший розовый куст. Это меня шокировало. «Моя лучшая светло-желтая рубашка на цепких колючках?!» Они словно впились мне в кожу.

Виктория выполнила просьбу, но обстановка накалилась. Встречая меня, Тамара стала шумно фыркать и шарахаться в сторону, как ретивая кобылица. В их комнате время от времени вспыхивал громкий и напряженный разговор. Проходя по дворику, я невольно слышал обрывки диалога: «Твой любовник тебя заездил!.. - Бог с тобой, у нас другие отношения!..» Мать с дочерью уходили гулять по замечательному парку, не сказав мне ни слова. Каково оказаться «персоной нон грата» для женщины, которую еще вчера считал своей лучшей подругой?..

Утром я съездил на базар, принес на кухню съестные припасы и пошел прогуляться перед завтраком, испытывая недобрые предчувствия. Они меня не обманули. Возвратившись, увидел: продукты лежат на прежнем месте, масло подтаяло... Вздохнув, убрал их в холодильник, обошелся стандартным омлетом. В общую комнату заходить не хотелось: там перед телевизором сидели Виктория с дочерью и делали вид, что не знают меня.

У Тамары закончился короткий отдых. Виктория все-таки пригласила меня на прощальный ужин. Я был удивлен, даже немного встревожен, в примирение что-то не верилось. «А если готовится каверза «на десерт»?! Не ходить? Тогда обижу Викторию. Надо идти».

Она испекла рыбный пирог. Я купил коньяка «Кавказ». Впервые внимательно разглядел Тамару вблизи: на вид ей лет тридцать пять, лицо малоподвижное, бледное, темные глаза холодные. Совсем не похожа на мать. На руках синяя татуировка... Криминальная?! В голове зароились воспоминания: «Я же видел характерный знак у Виктории в прошлый приезд сюда, при нашем знакомстве в парке. И сказал: «У вас трудный ребенок». Мое замечание ее задело. Она, кажется, ответила: «Хорошо, что знак на ладони, а не рубец на сердце...» Видимо, дела минувшие, иначе поделилась бы за эти годы... Рассказывает же о сыне».

То был необычный ужин: дамы роняли только самые необходимые слова, как хирурги в операционной. Выпили по рюмке коньяку. Виктория попросила меня что-нибудь прочесть. Не скрою, захотелось произвести на Тамару впечатление. Я принес рукопись своего маленького «триллера» об уличных артистах Полине и Чертике. (Папка с текстами всегда со мной.) Начал читать, увлекся. И вдруг - короткий смешок. Поднял голову. Тамару не узнать: на лице выражение совершенно непонятного злорадства! Я стушевался и скомкал чтение.

Она процедила сквозь зубы: «Такие наблюдения есть и у меня. Вернусь домой, сяду и опишу». «Хороша! Как говорится, не было печали...» - подумал я. На лице Виктории читалось смущение, но в серых глазах, когда они смотрели на дочь, по-прежнему светилась нежность. Вот она, материнская слепота, один из вывертов человеческого сердца...

Тамара уехала. Постепенно Виктория оттаивала, взгляд становился виноватым. И она заставила себя быть великодушной ко мне, рассказала о дочери. Тамара еще девочкой попала в колонию за хулиганство. Там совершила другое преступление, получила новый срок и была переведена в тюрьму. Когда освободилась, мать поспешила выдать ее за-

муж. Думала: «Надо сделать все по-людски. Вдруг семья станет для нее якорем спасения?.. Только бы не сорвалась. Только бы не ушла туда снова». Муж Тамары спился. Она одна воспитывает сына.

- Тоже гадает, и лучше моего. Но жестковата с клиентами... Я беспокоюсь за нее.

- Тюрьма была давно, - попытался я успокоить Викторию.

- Некоторые раны болят всю жизнь!

- Да, подростковый возраст опасный.

- Виновата я!.. - неожиданно вырвалось у моей подруги. - Влюбилась, вышла замуж, а отчим увидел в Тамаре женщину, я прозевала, - ее глаза влажно блеснули, голос прервался... - Уверена: она нахулиганила в знак протеста. Отчима я тут же выгнала.

Я был потрясен признанием Виктории. Столько лет носить в себе эту рану! И так просто рассказать о ней... Ни сорных слов. Ни выигрышных ссылок на астрологию. А ведь можно бы пройтись в отношении тяжелых планет: испытывающего Сатурна, гневного Марса, разрушающего Плутона. Разгуляться по адресу зловещей Черной Луны - точки греха и податливости темному началу... Вот что значит - голос матери из глубины души!

Я был несправедлив к Виктории и Тамаре, которую провоцировал на ее выходки. «Неблагородно со мной поступают: посуду не моют, сорочки стирают неохотно и даже рассказ мой, почти гениальный, не приветствуют». А у Тамары другие интересы и совсем, совсем другой опыт. Она словно подсказывала мне: «Вот вернусь домой, опишу свое...» Будь чутким, поддержал бы этот порыв, поинтересовался ее переживаниями. Ведь знаю, как помогает исстрадавшейся душе, если выплеснет наболевшее. Это я ослеп, приняв материнскую любовь за слепоту.

Я извинился перед Викторией и заверил ее: «Надеюсь, мы еще увидимся с Тамарой. Сделаю все, чтобы наладить наши отношения».

34. ШАЛЯТ ПО МОСКВЕ

Закончив свою судьбоносную синекуру на Арбате, я собрал вещи, отнес их в камеру хранения. Люблю эти минуты, особенно когда погода теплая и день прошел спокойно. Выпил стакан чаю за столиком ночного кафе под открытым небом. Питаюсь на улице только бананами: чисто, витаминно, калорийно. Но бананы, бананы... как бы не прыгнуть на дерево.

Спустился в метро... Выйдя на станции Проспект Мира, повернул к трамвайной остановке. Она рядом, но огней отживающего свой век транспорта не видно. Немудрено: первый час ночи. Идти пешком? Не так далеко, да опасно: шалят по Москве, как во времена тишайшего царя Алексея Михайловича... Э-э, была не была, надо топать, хоть и обременен я сегодня дополнительной ношей, подарком клиента. Маршрут знакомый. Сейчас быстро пройду плохо освещенный квартал, у бильярдного салона поверну за угол старообразного дома, а там вдоль его фасада и по всей улице сверкают фонари.

Благополучно миновал густую тень от тополей, припаркованные автомобили, подошел к знакомому повороту. Но почему здесь сегодня темно?.. Из уличного углубления, словно из ниши собора, внезапно ожив, - пародия святости - выдвинулись две зловещие фигуры. И голос:

- Что тащишь в сумке, придурок?

И шорох за спиной. И острое чувство обреченности... Внезапное удушье, перебои сердца. «Пропал... Убежать невозможно. Достать газовый баллончик - обе руки заняты. Только б не стукнули сзади по голове! Куда буду годен, если потеряю память?.. Причем тут память! Нож в спину - легче?! Оглянусь - спровоцирую удар. Отдать сумку? Там двухнедельный заработок... Господи, что мне делать?!»

Я собрал все силы, заговорил чужим, хриплым голосом:

- Молодые люди! Нет у меня ни валюты, ни драгоценностей: бедный пенсионер... Есть два пирога, свеженьких, теплых. Только что подарили... Вы понюхайте, как они пахнут! Тут дырочки на коробках, с боков...

Стоящий против меня в белой рубашке молчал. Его напарник хихикнул. Третий приблизился сзади почти вплотную и дохнул сивушным перегаром.

Я почувствовал прилив красноречия необыкновенного:

- Кушайте на здоровье, сынки!.. Лакомьтесь! Поправляйтесь! Фирменное блюдо лучшего московского ресторана! Центральный дом актера, там знают толк в еде... В здоровом теле здоровый дух! Береженого бог бережет! Сытое брюхо к науке глухо! Вам, моло-

дым, везде у нас дорога, нам, старикам, катиться дальше вниз...

Какие еще молол глупости в стихах и прозе, сейчас не припомню. Понимал, что главное не останавливаться. Говорил и протягивал коробки «белой рубашке», угадав в ней главаря. И он... взял! И они со «вторым номером»... стали обнюхивать коробки.

«Неужели выкручусь?! Болтай, болтай дальше! И сматывайся, но ни одного резкого движения».

В полумраке блеснул нож: «белая рубашка» быстрым и точным движением перерезала бечевку. «А все-таки хорошо, что бечевку!..» Крышки коробок сняты, в руках у «сынков» по пирогу. «Сивушный перегар» вышел из-за моей спины и присоединился к своим, не желая оказаться обделенным. Он был на голову выше их и сутулился.

Я пожелал грабителям приятного аппетита, невесту из новых русских, тещу из Америки, отдыха на Канарах (чуть не ляпнул «на нарах», тут бы мне и крышка). Уже чувствовал, что надоел им, уже отступал понемногу на ватных ногах. Наконец поплелся в свою сторону, спиной слыша их разговор.

- Рвет когти падла. Без шмона?

- Х...р с ним: нищий шпак. Шмонай, если хочешь.

Пироги были большие, вкусные были пироги. Они спасли меня от обыска.

Повернул у бильярдного салона и вступил в царство света. Сердце стало биться ровней, но шаги такие короткие, - казалось, не иду, а топчусь на месте. Как хотелось побежать! Но ведь услышат, поймут: что-то прозевали! - и бросятся вдогонку. А улица по-прежнему безлюдна. Однако уже дышал полной грудью, ступал уверенней, левой рукой сжимая ручку сумки, правой - перцовый баллончик. Если догонят, фактор внезапности будет теперь моим шансом. У трамвайной остановки, что недалеко от Театра зверей, обессиленно плюхнулся на скамейку.

Здесь относительно безопасно: рядом перекресток, где еще течет негустой поток машин, кое-где идут припозднившиеся пешеходы. Через дорогу, на пригорке, виднеется скромно подсвеченная «чаша» олимпийского комплекса, рядом с ней - ярко освещенная голубая мечеть, увенчанная золочеными полумесяцами. Маленькая мечеть на темном фоне огромного спортивного сооружения выглядит иллюстрацией к сказке из «Тысячи и одной ночи». Я ходил здесь постоянно, не замечая этой красоты. И какое потребовалось испытание, чтобы наконец-то увидеть... Время катилось в глубину ночи. Я не вставал: как хорошо, что здесь скамейка!

Стал перебирать дневные события. Получил письмо от дочери, отправился на Арбат в хорошем настроении. Работалось удачно, почти без перерывов. Вечером перебрался на другую сторону улицы, к магазину «Мода Лондона»; его витрина освещена ярко, что позволяло читать тонкие линии.

В самом конце работы ко мне сел молодой мужчина подшофе`, высоколобый, нос с горбинкой, короткие русые волосы. У него были не руки, а медвежьи лапы, не кулаки, а кувалды. Символы ладоней - под стать им, рельефные, четкие. Они показали характер человека власти, сметающего все препоны на своем пути. Линия Судьбы - такую характерную можно увидеть разве что на рисунке в старинной книге по хиромантии. И яркий знак Мужества в опасности, и такой же - Великодушия. Короче, полный джентльменский набор! А что не вязалось с впечатляющей картиной, так это багровая окраска магических символов, отражающая внутреннее напряжение и тревогу клиента.

Развернуться с анализом мне не удалось. Мужчина сказал:

- Ну-ка, определите, что меня мучает!

Я возразил:

- У меня своя методика. Наберитесь терпения!

Он затих на минуту, потом - опять за свое. Тогда мне ничего не оставалось, как нарушить привычный порядок общения с клиентом, выслушать его вопросы, которые перешли в рассказ.

- Я был командиром специального подразделения. Обеспечивал балканский канал. Служба шла, как на вулкане... Оружие - это деньги. Где их много - там кровь. Меня зацепило дважды: пробило легкое, повредило ногу. Думаю, стреляли свои. Но беда в другом: приходилось выполнять... всякие приказы.

Зачем такая откровенность?.. Завтра он будет сожалеть.

- Вы только что смотрели ладони у белокурой дамы. Вдова генерала. Об этом она, конечно, не сказала: скромница. Знаю, я нравлюсь ей. А люблю другую. Недавно ездил к ней. Там... меня ждал позор: обессилел как мужчина. Она выбросила в прихожую мой букет роз: «Ты опоздал, полковник!» Меня выгнала баба... Сейчас служу в столице. Вы-

сокая должность, престиж. Одного не дождался - душевного покоя. Снятся лица белее снега, пустые от ужаса глаза... Напьюсь - все обрывается. Потом начинается снова, еще ярче!.. Узнал, где расположено сердце. Скажите, что делать?

Мужчина положил руку на грудь.

- Лучше всего обратиться к психологу, - посоветовал я.

- Я сам психолог. Жизнь научила, - ответил он.

- Все мы душеведы на уровне поваренной книги. Речь о другом - ищите опытного специалиста.

- А что он сможет, даже золотой? Душа - не больной зуб, ее не вырвешь. Живу проклятым прошлым.

- Минувшее нам неподвластно. Но отношение к нему изменить можно. Видения потускнеют, со временем оставят вас совсем.

Собеседник легонько коснулся моего плеча.

- Люблю убежденных! Не поддакиваете, а спорите... Нет, в Чечню надо! В кровавой круговерти - ни прошлого, ни будущего. Клин клином... Знаю, там я забудусь.

Он закурил сигарету и замолчал. Я понял, что молодой полковник поплывет по течению (сильные натуры часто верят только себе) и «забудется» окончательно. Похоже, он обречен. Об этом же говорил сомнительный знак на линии Здоровья. В конце этой встречи мне все-таки удалось поработать в роли хироманта.

Мужчина рассчитался. Затем достал шариковую ручку, написал номер мобильника и свои данные на картонной коробке, которую принес с собой. Вручив мне коробку со словами «Звоните, если вас обидят», он ушел с белокурой женщиной, терпеливо ожидавшей его в сторонке.

Оставшись один, я осмотрел подарок. Одной бечевкой были перевязаны аж две коробки с надписью «Осетинский пирог» и рекламой ресторана Центрального Дома актера. Из круглых отверстий на боках коробок пахло жареным мясом, печеным на сливочном масле тестом и пряными травами; на голодный желудок от подобных ароматов можно опьянеть. Такой презент по ресторанным ценам стоит дорого. Похоже, кто-то вручил его господину полковнику из уважения, офицер постеснялся отказаться, а потом с удовольствием избавился от него. Что делать мне с ним?.. Тяжеловато для меня. И бомжей не видно, уже отошли ко сну, одну коробку отдал бы им. Пришлось обе тащить в гостиницу.

...Теперь от обеих избавился. Хорошо отдыхать в столице нашей родины теплой ночью под темным небом с крупными звездами! Однако в душе внезапно шевельнулся червь сомнения. Офицер-спецназовец... Молодой полковник... И это правда?! Судя по рисункам его магических символов, мужчина мог быть таковым. Но откровенность, с которой раскрылся перед первым встречным на улице... Или он страстно ищет помощи, измучился и осторожность притупилась нарастающей тревогой? Сколько ее накопилось в сердцах жителей этого огромного города!

А может, то был актер, блестящий импровизатор, решивший на мне, предсказателе чужих триумфов и провалов, испытать собственную магию?.. И пирогами его презентовали в Центральном Доме актера. И терпеливо поджидавшая в сторонке белокурая женщина - молодая вдова генерала от богемы. И телефон он оставил, чтобы узнать результат. Мне нужно, подобно Станиславскому, печально пробормотать: «Да. Верю». И мыльная опера состоится!

Опять же, и грабители были какие-то сомнительные. Пойти на ночной разбой с пьяным подельником... Польститься на пироги... И это наша «Коза ностра»?! Может, и «моя троица» халтурит в каком-нибудь московском театре в качестве статистов?.. Эх, не зря мне вспомнился сегодня тишайший царь Алексей Михайлович: при нем на любой ночной шум на улице, не разбираясь, открывали огонь из пушек, резонно рассудив, что добрые христиане в это время суток должны мирно почивать.

Вслушиваясь в музыку лихолетья, потрясшего начало двадцатого века, Александр Александрович Блок недаром писал, что «человек будущего - это человек-артист». В Москве, да и по всей России в девяностые театральщины было в избытке.

Однако, не пора ли и мне ко сну?.. Я поднялся и отправился на ночлег. Проходя около театра с фигурами каменных зверей, подумал: «Хорошо бы завтра позвонить моему новому знакомому, рассказать, что случилось со мной. Если его рассказ не был выдумкой, вдруг мое приключение послужит ему уроком?.. Я был, возможно, на волосок от гибели, но не собираюсь застревать на этом. А он не может забыть, как выполнил чей-то жестокий приказ». Черт побери, номер-то телефона остался на коробке... Какая досада! Но

навсегда запомню того необычного клиента. Чувствую, что пироги ему испекли от чистого сердца: они помогли мне.

Вот и она, моя уютная гостиница, семиэтажное серое здание почти без огней с двумя ангелами-хранителями у входа, крашенными под бронзу молодцеватыми фигурами командиров Красной Армии, летчика и танкиста. В номерах, где днем постоянно идут телефонные переговоры, тишина.

35. ПОЧТИ КРАСИВАЯ ЗАМУЖЕМ. СЕВЕРНЫЙ ГОРОД

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.
А.Пушкин, «Цыганы»

Иногда Марта говорила:

- Замуж больше не пойду. То была бы моя последняя ошибка. А ты как считаешь, кавалер де Грие?

Я соглашался:

- Какое замужество, ежели кровь так буйствует!

Она удивлялась и начинала грустить:

- Буйствует? Откуда ты это взял? А если перестанет?

- Женщине трудно постареть, когда около нее трое мужчин, и она вертит ими, как пожелает.

Она, прикидываясь девочкой-паинькой, смущенно лепетала:

- Не надо об этом... так громко.

Таким был стиль светского разговора тет-а-тет, принятый в нашем благодатном Палисадове.

Летом вышла неприятность: Марта сломала руку. Наложили гипс. Она продолжала вершить прилавками универмага, но дома ее полководческий пыл улетучивался. Иван Алексеевич хворал. Я трудился на юге. Все заботы о Марте, веснушке нашей, взял на себя Данила Макарович. По утрам он лечил ей витафоном одну руку и делал маникюр на обеих.

Когда здоровье поправилось, выяснилось, что живет Марта не одна, а с мужчиной, обаявшим ее в трудные дни. Произошла естественная смена образа жизни - они вступили в брак. Между тем, за последние годы Марта почувствовала вкус к одиночеству, оно помогало сберечь нервы. «Эмоции стоят дорого», - неизменно повторяла она.

Теперь ей пришлось сократить время своего любимого занятия по вечерам - верчения перед зеркалом, когда она чистит перышки, подбирает наряды и украшения на завтра, мечтает о принце. Марта знает: мужчинам нравится, когда женщина «сделанная», да еще со вкусом. Она не из тех, которые только подкрашивают губы, да и то не всегда.

Марта снова писала мне: «В доме порядок, а мне невыносимо. Томлюсь ожиданием. Умом я сознаю, что возможно лишь повторение пройденного. Но сердце, моя заблудшая душа, все кого-то ждет. Кажется, Данила отнял у меня самое драгоценное, чем жила. Бывает так, Ардальон? Как могла решиться на это? Будто во сне. И вот - западня, орать хочется! Натворила дел, что-то теперь будет?! Как мыслишь?..

Ардальон, милый, ты, наверно, кропаешь ласковые письма другой сударушке. А я ревную, сильно, не имея права. Пусть в твоих посланиях много художественных преувеличений, но как приятно было читать. Маюсь, хотя на дворе солнечный сентябрь, много зелени, цветов, золотых плодов. Сентябрь, а хочется поздней, горькой осени и раскаяния. Нет - хочу зимы, льдов и морозов. Они всегда примиряют меня с жизнью».

Я вернулся домой и, едва переступив порог, услышал телефонный звонок. Да, Марта.

- Ардальон, я несчастная женщина... но милая, надеюсь? Все к черту! Данила не пьет. Это... лучше бы пил! Попер позитив, представляешь? Режим, как в казарме. Рота, подъем! Шаго-ом, арш! Так и маршируем до потери влечения.

- Марта, не драматизируй, идет процесс привыкания... Подобное может случиться с любой одинокой дамой.

- Только не со мной!.. Ты не представляешь, как я существую. Все смешалось. Вечером читаю книжки. По утрам шейпинг. Данила заставляет ложиться на пол, делать гимнастику по его командам. Зачем мне гимнастика?.. Команды?.. Эти картинки?!

- Ну что же, твой новый образ жизни вполне в духе времени. Привыкай.

- И ты?.. - она всхлипнула. - Ты, мне, это говоришь... Где ты видишь меня в таком кино? Мирно прыгающей через скакалочку?..

- Извини, дорогая Марта... Не паникуй! Заходи, обсудим.

И она объявилась. Встревоженная, похудевшая, с натянутой улыбкой. В бирюзовых глазах много тоскливой зелени. Но по-прежнему элегантная, а la? Марлен Дитрих, в белом эксклюзивном жакете. Влетела и разом о своем:

- Спасенья нет! Данила не включает телевизор, так поет песенки. Цыганские, хулиганские. Срывается на чечетку. Сиротское детство шалит... Где я живу? В таборе, который давно ушел в небо?! Особенно плохо по выходным, когда хочется отоспаться... Вечером иногда вставляю ключ в скважину, в другую - оба замка закрыты. Его нет. Счастье! Если закрыт один замок - боже, опять он дома...

- Костер из зверя выжег человека, - неуверенно процитировал я поэта и добавил, - вам обоим не хватает домашнего тепла.

Она фыркнула, беспокойно крутясь в кресле. Я предложил перейти на кухню, приготовил чай. Пафос повествования нарастал:

- Я срываюсь. Он молчит. Потом начинает ласкаться. Как можно ласкаться, когда у меня нервы?.. Женщина с нервами не может нравиться! Он мне врет!..

- Марта, не горячись... Нервы у всех. Надо подумать.

Мы обсудили последние события и решили, что, действительно, все как-то не так... Но выход был: или смириться с недостатками мужа, или не затягивать с расставанием. Я подумал: «Шансов смириться почти нет, но говорить об этом пока не стоит. Слишком велика была бы нагрузка на ее психику».

А что будет с Данилой Макаровичем?.. Марта рассказала, что его бывшая жена Лидия Карповна к уходу «змея» отнеслась спокойно, истерики замужней дочери отлетели от него рикошетом. Но теща, жившая отдельно, вернулась, предала зятя анафеме, собственноручно разобрала по кирпичику стену в квартире и ликвидировала комнату, в которой он жил. Уходя к Марте, Данила Макарович, видимо, думал: вот она, его долгожданная фея... Мечтал о несбыточном, о постоянной игре в любовь, где встречи сменяют расставания так же легко, как нечаянная радость нежную грусть. Ослепление? А кто из них был зрячим!

Перед уходом Марта встала, внезапно распахнула белоснежный жакет, обозначив стройную фигуру.

- Ардальон, посмотри, какая я почти красивая! Мы так давно не были вместе. Обними меня! Ну...

И то еще озорство в бирюзовых глазах! Манящие губы и чуточку вздернутый носик, который хочется потрогать. Это по-прежнему она, Марта! Ну, разве можно такую женщину... не обнять?!

Время шло. Она снова звонила мне:

- Привет, ясновидец! Как дела в зазеркалье?.. Справляешься?.. А у нас новости: у Данилы теперь солидная пенсия, можно не работать. В квартире трепещут шелковые рубахи всех цветов. Меняет несколько раз на дню, в глазах рябит от этой радуги, ей-богу... Не меняет только джинсы из серебряной парчи. Артистизм одолел. Оперетка! Его сестра руководит ансамблем в Ростове-на-Дону. Когда обновляет костюмы, устарелыми одаривает брата.

- Марта, будь к нему снисходительна. Он в своей стихии...

- Снисходительна?.. Успевает разочаровать меня в любое время суток. Звоню с работы, хочу заказать к ужину рыбу, да разве дозвонишься... На кухне долдонит радио, телевизоры в комнатах гремят. Сравнивает программы. Вычисляет, где больше врут. Переживает. До телефона ли?.. Вечером головой к подушке - и сразу засыпает.

- Вот это никуда не годится...

- Ты все шутишь, Ардальон, а я так не могу. Он не способен мне нравиться, и это его угнетает

Взяв телефонный аппарат, я устраивался в кресле поудобней, понимая, что наш разговор затянется. Что ей сказать?.. История старая, как мир, а попробуй, сунься с неосторожным советом.

Марта наезжала, как грузовик.

- И самое невыносимое - его дотошность. Чуть-чуть задержусь с работы, посмотрит прокурором. Побывала у массажистки, ночь крепко спала, утром готово обвинительное заключение: «Здорово тебя вчера обработали!» Вернулась от соседки, отказалась от ужина, снова: «Ты еще и сытая пришла!» Пришлось давиться творогом со сметаной. Так мож-

но и располнеть, правда, Ардальон?

- Тебе это не угрожает, Марта.

Я старался быть сдержанным и корректным. В их жизни царил хаос. Дорога вела к обрыву... Говорить об этом мне не хотелось. Я слушал, а она, она все рассказывала:

- Ты не поверишь, в квартире завяли фиалки. Даже цветам стало тошно...

К возвращению Марты из чрева универсальной торговли у Данилы Макаровича по-прежнему был готов вкусный ужин, наведен образцовый порядок. Он все еще жил мечтой о счастливом браке, подбирал ласковые слова для своей малышки, но на мольбы не ревновать искренне недоумевал. Иногда он брал ее за руку, усаживал рядом:

- Давай поговорим!

И слышал холодное:

- О чем?..

Данила Макарович уже не сновал по квартире, а ходил, понуро опустив голову, все больше погружаясь в себя. Наконец, решился: «Уеду в Ростов-на-Дону, к сестре...» Прежнее гнездо через дорогу было разрушено, там его ждал и любил разве что черный Котик с белой манишкой и рваным ухом. Судиться с женой из-за комнаты гордый цыган не хотел. А у сестры свой дом, руки умельца там пригодятся. Да и Марта, как ее забыть, если будешь видеть каждый день?..

Он стал собираться в дорогу, но сборы подзатянулись. А может, трудно было расстаться с ненаглядной подругой?.. Как общались они последние дни, о чем говорили - никто уже мне не рассказывал: звонки от Марты прекратились.

Зато напомнила о себе по телефону моя школьная подруга Маша:

- Как живешь, Доля?.. Давно ли видел нашу общую знакомую?.. Несчастье, Доля... Марты больше нет. Она привела в гости мужчину с лыжной прогулки. Данила их застал.

Я был ошеломлен... Такая страшная развязка?! Тревожился и за Машу. Мы изредка встречались, она жаловалась: «Живу как на качелях. Мой танцор не унимается. То ласковый, осыпает подарками, то пьяный зверь». Но Маша как-то приспособилась, а преуспевающая Марта...

В день прощания в Никольском храме долго звонили колокола. Стоял февраль с его отчетливой прибавкой света, первой капелью с крыш и оживлением птиц. В светлом небе плыли кучевые облака, большие, белые, таких не бывает зимой. Вот-вот придет настоящая весна, снова в чем-то не такая, как раньше, и снова почувствуется волнение в крови, появится ожидание чего-то нового... но не для Марты.

На лыжах она гуляла даже в морозы: когда все засыпано снегом, спрятались люди и звери, наслаждалась прогулками в пригородном лесу. Совсем недавно, в январе, позвонила мне и восторженно рассказала, как над синим лесом летали две вороны - брачные игры! «У них, наверно, крылья скрипят от холода, а они кувыркаются!» Все, связанное с любовью, вызывало у нее жгучий интерес.

Через несколько месяцев я пришел в суд, где впервые увидел человека, давно известного мне заочно. Конечно, это был уже другой Данила Макарович. Землистым лицом и длинными седеющими кудрями он напомнил мне старого цыгана из бедного табора, в котором бывал мальчишкой в далекие послевоенные годы. Данила Макарович рассказал, как привез из гаража последний ящик с инструментами: «Смотрю, на лестничной площадке две пары лыж. На них еще снег не растаял. Дверь в квартиру открыта. Гремит музыка. Я захожу... они танцуют и целуются». А дальше - полный провал памяти, как будто засветили часть кинопленки. Что произошло потом, он узнал уже во время следствия.

В заключение подсудимый сказал, что потрясен и горько сожалеет о случившемся, что в ясном сознании никогда не сделал бы такого, о снисхождении не просил. Врачи вынесли решение: деяние он совершил в состоянии патологического аффекта, как говорили встарь, временного помрачения ума - преступления тут нет. Суд направил его на принудительное лечение.

Позднее я встретил врача больницы, где когда-то работал и куда поместили Данилу Макаровича. И коллега поделился со мной: тот тяжело переживает случившееся, у него снова ухудшается зрение, ему грозит слепота.

Эта скандально-романтическая история потрясла наш городок. Жалели и Марту, и случайного мужчину. А некоторые шептали, что цыган с его горячей кровью еще долго терпел.

Марта, Марта! При таких обстоятельствах привести кого-то с улицы... Талант кружить головы, неограниченно властвовать - и неспособность любить. Ты смутно чувство-

вала это, металась, искала острых ощущений и заигралась с огнем. Я легко отдавал тебе свое дорогое время, много пережил и побывал в кардиологии под капельницей. Я мог бы оказаться на месте погибшего мужчины: к этому шел, когда кощунственно слушал твой телефонный разговор с Данилой Макаровичем. Но сколько счастья ты мне подарила!

Тоскливые воспоминания постепенно превращаются в светлую печаль. Иногда поздно вечером сквозь сон я слышу неповторимое пение Марты, соловьиные трели ее фиоритур.

Прощанье до утра в грядущий понедельник.
Янтарный свет свечей. Прозрачная вода.
Какая мелочь жизнь - забава, рукоделье...
Какая мелочь смерть - прощанье навсегда...

Позднее узнал, что романсы, которые пела Марта, были на стихи Татьяны Омановой.

И все-таки, все-таки... Да, я нарушил неписаные правила оккультизма, поддался очарованию клиентки, но за что так поплатились Иван Алексеевич и Данила Макарович?.. Дошли до исступления. Иван Алексеевич, тот, уже впадая в беспомощность, находил сил промчаться в машине под окнами своей порховки и взглянуть, не появились ли там новые цветы. Их нет. Верна ему. Какое счастье! Парадокс: откуда возьмется верность, если не было любви... Данила Макарович поставил на кон сразу все, даже крышу над головой, а сейчас погибает от тоски и надвигающейся слепоты.

Она шутила - меня называла кавалером де Грие. Ей представлялось, что она Манон Леско. Хотя этой литературной героине изначально свойственна безбытность, а Марта дорожила домом. Но и она, как Манон, играла с нами, рок играл с ней, и все закончилось, будто в стародавние времена, преждевременным колокольным звоном.

Ничего не закончилось. Пришел запоздалый ответ Виктории. Она получила мой конверт с отпечатками ладоней Марты. Поработав с ними, гадалка подтвердила линию Власти и назвала не замеченный мною... отрицательный Фатум. (Я расценил его как знак паранормальных способностей.) Виктория отметила, что такое сочетание символов встретила впервые: тут что-то очень противоречивое, а значит, непредсказуемое, враждебное природе человека.

Марте выпал горький жребий: на ее руке читался злой Фатум. Ее долю, возможно, удалось бы смягчить, обратившись к опытному психоаналитику. Если б не моя ошибка... Не сумел помочь Марте и сейчас размышляю над этим - смерть напоминает о жизни. Мне выпало быть проводником ее существования, поэтому и записал все обстоятельства этого необычного путешествия.

Современная Манон Леско?.. Новая дочь северного ветра, встряхнувшего мой благостно-захолустный Палисадов?.. Было в ней что-то и от Сольвейг, другой литературной героини, воплотившей в себе женственность и ожидание любви. «Ты прибежала на лыжах ко мне улыбнуться пришедшей весне!» Что ж, нужно смириться и изучать науку расставанья, раз уж с наукой страсти нежной ничего не получилось.

36. ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ СОН!!!

Я снова в Крыму. Снял летнюю комнатку на окраине маленького города Алупты: жизнь здесь дешевле, чем в Киммерийске. Тихий, уютный дворик. Над головой крыша из виноградных лоз. Их листья под порывами ветра колеблются, и солнечные зайчики играют на столе, за которым пишу. Из православного храма на горе доносится чу`дное песнопение, усиленное горным эхом. Потом зазвучат протяжные призывы муэдзина с минарета. Но сегодня я почти не слышу переклички кораблей спасения: обстоятельства, верите ли... Вчера у меня деньги и документы сперли.

...Случайно ли нынче мне никуда не хотелось?.. Или неясные предчувствия породили происшествие?.. Так или иначе, но, когда в Палисадове пожилая женщина, остающаяся приглядеть за моей квартирой, сказала, что там, на юге, наверно, хорошо, раз уезжаю каждый год, я ответил: «Нет, дома лучше». А ведь раньше ликовал: «Засиделся. Скоро в дорогу. Ура!»

Это лето проверило меня на прочность сначала в столице: похолодало и зарядили дожди, с улицы пришлось уйти. Я навестил свою давнюю знакомую москвичку Ангелину Петровну. В Юго-Восточную Азию она больше не летает, в объятиях таиландского тигра

не фотографируется. Незабываемый снимок! И все-таки у Ангелины Петровны радость: приобрела «недорогую» туристическую путевку, о которой давно мечтала, - по маленьким городам Италии, осколкам Римской империи. Она предложила мне походить с ней по театрам. В Малом мы смотрели старинный водевиль «Таинственный ящик». Знаменитые артисты, популярная музыка, великолепные костюмы - увы, ничто не оживило пустого сюжета. «У Станиславского» шел «Спартак» в исполнении приезжей труппы, однако балет захватывает, если танцуют мастерски.

Потеплело. Но по-прежнему шли дожди, неуемно стучащие по стеклам, с постоянной влажной дымкой в воздухе, до слез тоскливые. Гостиничный компьютер бесстрастно отсчитывал дни. А рабочий сезон такой короткий, зато зима впереди такая долгая... Через несколько дней началась жара, в большом городе опасная для моего здоровья; и я по старой памяти решил уехать на берег Черного моря.

Вагон прошит солнцем, отслужившие свое окна задраены наглухо. Пассажиры раздражены. В плацкартном купе нас было четверо: кроме меня, молодой человек с наушниками, женщина среднего возраста, ее дочь. Вдруг девушка запела: «Появись, мой суженый, мой любимый, сердце девичье успокой!..» - и запела так, что вокруг затихли, я забыл о духоте, а парень снял плейер и попросил у исполнительницы автограф.

Концерт, который порадовал пассажиров, у солистки вызвал приступ удушья. Тут пригодились мои врачебные познания. Рядом старался больше всех любитель автографов, которого звали Митей. Когда бедняжке полегчало, он принес горячего чая с лимоном. Девушка прилегла на полке. В худенькой фигурке было что-то беспомощное, цыплячье, русые до плеч волосы спутались, но бледное лицо чуть порозовело.

Зачем она запела в пекле вагона?.. Хотела поднять нам настроение, или внезапный порыв?.. Может быть, певица мечтала о славе. Мать гордилась ею, жила для нее. Коварная болезнь - и все рухнуло. Или это искусство для души, звездочка, которая скоро погаснет... Какой коснулся я драмы?..

Забота о девушке сблизила нас. Ее мать, Таисья Марковна, достала корзинку и предложила зеленый лук, редиску, огурцы, вареную курицу: «Угощайтесь, прошу вас! А Женечка сегодня есть не будет...» Митя раскупорил бутылки с пивом. Я достал йогурты, сырки. На столике не осталось свободного места, мы задевали друг друга локтями, но не чувствовали тесноты.

Боковые места купе заняли двое мальчишек в разноцветных треугольных галстуках. Они обратили на себя внимание при посадке и необычным багажом - бутафорскими алебардами, мечами, которые положили на верхние полки, - и эффектными проводами, что устроили им товарищи. Поезд набирал скорость в сумерках, а пять фигур разного роста, от высокого до маленького, бежали за окнами вагона все быстрее-быстрее, пока не остановились как вкопанные у края платформы.

Я завел разговор с мальчишками. Они оказались скаутами и возвращались из-под Белгорода, где участвовали в игре, посвященной итальянскому смутному времени, событиям тринадцатого-четырнадцатого веков. Я удивился:

- Почему же вы не обыгрываете славянские смуты?

И получил обескураживающий ответ:

- Нам это неинтересно.

- Позвольте, мальчики... А Белгород, Белый город?.. Здесь все напоминает о страшной войне. Одна Огненная дуга Курской битвы чего стоит?! Сам вектор истории...

Куда там! И это скучно.

Когда прибыли в Крым, попутчик Митя изменил свой маршрут.

Таисья Марковна заметила ему:

- Вы говорили, что вам в Гурзуф!

- Я передумал. Еду с вами в Мисхор.

Женя, похорошевшая после сна, смутилась.

День близился к вечеру, жара спадала. Я гулял по Алуптинской набережной, наблюдая сценки курортной жизни.

Перед глазами двое отдыхающих, чеховские типажи - толстый и тонкий, голые по пояс, лица и тела красные, обожженные солнцем. У тонкого в руках барсетка, у толстого - шампанское. Он останавливает загорелого до черноты велорикшу, садится в коляску и начинает открывать перегретую бутылку. Хлопок, как выстрел. Пробка бьет парню в спину, пена омывает его. Толстый извиняется: «Пардон!» Тонкий подобострастно хихикает. Велорикша молча вытирается платком. Толстый выпивает оставшееся вино взахлеб, переводит дыхание, выронив бутылку, опрокидывается на сиденье: «Я покатаюсь»,

- и засыпает. Мускулистый парень нажимает на педали. Лакей бежит за коляской.

Газовая печь. Около нее на вертикальном вертеле медленно вращается мясная туша. Молодой татарин в красной феске и зеленой куртке срезает ножами верхние, поджаренные слои. Вдруг он поворачивается к толпе и кричит плачущим голосом: «Горит!.. Горит арабская шаурма! Самая вкусная! Самая сексуальная! Самая бесплатная!..» Этот «Фигаро» успевает проорать свою рекламу, не выпуская из рук больших ножей, поцеловать остановившуюся близко девушку (бедняжка цепенеет от страха...) и пожонглировать своими орудиями труда. Народ хохочет и валит в очередь. Двое других кулинаров готовят шаурму, весело поглядывая на товарища. Отведал и я «самой бесплатной». Жаркое быстро смешали с сырыми овощами, залили майонезом и аджикой, завернули в лепешку, запекли на плите. Вкусно и сытно!

Идет бомж, существо из другого мира. У него седая борода и детская панамка на макушке. Он толкает ржавую коляску, где вещи в два яруса. Все свое вожу с собой... Рядом семенит собачка - сморщенная мордочка и картонная коробка в зубах. К ним подходит сердобольная курортница. Послушное животное замирает, устремляет взгляд вверх, брови вздергиваются, распахиваются огромные глаза. В них столько грусти - мольба о помощи! Рука сама тянется погладить. Курортница ласкает собачку, бросает в коробку гривну.

Мы не знакомы, но бомж приветствует меня кивком головы и улыбкой. Его обветренное лицо на мгновение как будто молодеет. «Чует родственную душу?..»

Я спрашиваю его:

- Как зовут вашу умную собаку?

Он непринужденно подает мне руку, представляется как Лев Львович и добавляет:

- Где вы видите здесь собаку? Эту... таковой не считаю. Она не укусит, не ударит, не унизит.

- Мне неймется продолжить беседу:

- Скоро осень... Как вы спасаетесь от холода?

- Не будем об этом... Холод для вас плохая погода. Для меня - быть или не быть.

Но вот культурный Лев Львович позволил себе выпить и поступил не совсем тактично. Бросив в коробку купюру, очередная курортница потянулась погладить собачку, а он ей: «Мужа похоронила и приехала на курорт?..» Женщина отпрянула, покачала головой.

В толпе непонятная тревога, все смотрят в сторону вернисажа. Гляжу туда и я. Вижу растерянное лицо женщины. Вот кого-то окружили парни-художники, сдавленный стон. А, бьют карманника... Что поделаешь, у каждого ремесла свои издержки. Однако жаль, человек ведь.

Наступили ранние сумерки. Лучи заходящего солнца отчетливо, как на картине, пробивали серые облака, окутавшие вершины невысоких гор. Завтра будет пасмурно, может, и дождь. Я встал с рекламкой на облюбованном месте, около игровых автоматов. Их освещение облегчит мою работу вечером. Подошел мужчина, с усмешкой спросил: «А ты правда что-то умеешь? Где научился?..» Он попросил почитать ему линии. Что за печать ущербности на внешне замечательных знаках?.. Я растерялся, изучая их.

- Ваши символы имеют необычные рисунки. Занимаетесь каким-то редким делом?

Он перестал усмехаться.

- Я ширмач, по-вашему вор-карманник, авторитет... А твое гадание - туфта.

«Опять карманник? Прямо какой-то закон парных случаев!» Я воздержался от дискуссии о «туфте», иначе легко спровоцировать скандал. Нужен он мне, иностранцу!

Вор продолжил:

- Ты бухтишь про какую-то интуицию... Да у меня подход к людям. Словом могу околдовать! Мне скоро сорок - ни разу не сидел на нарах!..

Невзрачный. Серое, помятое лицо. Он рассчитался и ушел. Интересно, почему не проявил подхода ко мне?.. Не околдовал?.. Наверно, был не в настроении.

Испытанная в поездках черная сумка висела у меня на плече. В ней - зонтик, плащ и барсетка. Подошла клиентка. Я поставил сумку на выступ стены, в поле зрения, и приступил к работе. Линии оказались интересными, но читались трудно. Пытаясь улучшить освещенность ладоней, я попросил женщину повернуться раз, другой и увлекся.

Через несколько минут оглянулся на выступ стены - сумки не было. А в барсетке все мои деньги и документы. У меня похолодело внутри. Когда б я мог рассказать, что испытал при этом... растерянность, страх, отключение сознания?! Запомнилось только страстное желание: «Такого не должно, не может быть! Пусть это будет сон!!!»

Но, сверкая разноцветными огнями, двигаются кабины современной высотной качели RANGER. Раздаются крики восторга при взмывании вверх и вопли веселого ужаса при падении вниз. На фоне нарисованных парусников услужливые парни все также фотографируют немолодых матрон в затейливых шляпах и париках, в роскошных платьях великосветских модниц, с веерами в руках. Мастера body art по-прежнему рисуют диковинных зверюшек на покатых плечиках и рельефных ножках юных девушек. И возле казино «Остров сокровищ» вовсю выкладывается джаз-оркестр. Вертеп Мамоны. Сразу слышно: играют не за идею, а за деньги.

Увы, это явь... Завтра еще смогу прокормиться: плата последних клиентов лежит в кармане, а чем рассчитаться за квартиру?.. Продолжить работу сейчас? Нет сил. Бомж в чужой стране... И как теперь вернуться на родину?.. Без паспорта даже билет не купить.

Стояла непроглядная южная ночь, когда я добрался до милиции. Молоденький оперативник в штатском, с пистолетом на поясе, немного приободрил меня: «О деньгах забудьте! Документы подбрасывают редко: улика и тюремный срок. А временное удостоверение выдадим. Сфотографируйтесь».

На квартире у меня начался приступ самобичевания. Зачем снял с плеча сумку, если знал, что летний Крым кишит ворами?.. Зачем носил с собой деньги и документы?.. Конечно, это московская привычка - там не оставишь в гостинице. Здесь же у меня комнатка под ключ, о чем и напоминает сейчас хозяин. Просто я забыл о безопасности, а причина этого, наверное, в усталости. С утра писал: занятные наблюдения надо брать на карандаш, иначе подробности выветриваются из памяти. Днем занимался бытом. Вечером тренировал нервную систему в толпе. А, может, все проще - перегрел голову под южным солнцем?..

Утешения были слабыми. Уснуть я не мог. Началось сердцебиение. Две таблетки золотого лекарства, - настолько оно хорошо успокаивает сердце и дорого стоит, - не помогли. Принял снотворное - все напрасно. Как бы не было серьезного приступа... Смерти почти не боюсь, потому что начинаю уставать от жизни, но меня не смогут опознать. Бренные останки неизвестного на чужбине.

Я взял листок бумаги, написал свои данные и адрес сына-солдата, что служит в Москве. О дочери сообщать не стал: у нее большая семья. Парня из части отпустят. Он отправит на Север оцинкованного папочку-бродягу, не лишит его последнего права - на могилку. И голосистый батюшка споет надо мною: «Со святыми упокой...» Наконец-то я понял подлинный смысл расхожего выражения «благополучно умереть».

И тут мысли потекли в ином направлении: «Утрата денег и документов - конец жизни?!» Сегодня от рук террористов в доли секунды люди теряют все. Взрыв, шок, смерть. Выжившие, но искалеченные погружаются в бездну тоски, где тысяча безответных вопросов, главный из которых: «За что?!» Я относительно здоров. Наверное... могу и сочинять. Новый опыт жесток... но интересен. Литература - вот в чем мое спасение! Она уже выручала меня, удержала на плаву в дни опасной болезни. Сердце стало биться спокойней, потянуло на сон.

Утром я встал поздно, улыбнулся хозяину и сказал: «Все будет в порядке. Документы дома восстановят. А убиваться из-за денег глупо». Позавтракал и сел во дворике, под крышей из виноградных лоз. Их листья трепещут от слабого дуновения ветра, и на столе играют солнечные зайчики... Я попытался перенести на бумагу вчерашние впечатления и скоротал время. А к вечеру вышел с рекламкой на то же место набережной.

Несчастье оживило в моей памяти другое испытание последних лет. Вспомнил о ночном переплете на московской улице, из которого выкрутился с помощью осетинских пирогов. Может, помогла и моя легенда «нищий-пенсионер». До сих пор удивляюсь, как быстро разыграл тогда жалостливую сценку, никогда не замечал у себя таких способностей. А деньги надо было отдать. Они могли вызвать священный гнев грабителей: фишки прятать, балаболить браткам!.. Только позднее я понял, чем рисковал.

Добрый хозяин сделал отсрочку платы за жилье. Оперативник Роберт, - наверное, и спит с пистолетом на боку, такая у него служба, - оформил бумагу с фотографией. По ней я купил билет и поехал домой, беспечно развалясь на нижней полке плацкартного вагона.

Украинские службы пропустили меня без единого замечания. Вот и пограничная станция Успенка, до родной земли остались считанные метры. Вторая проверка. В вагон вошел русский офицер в фуражке с зеленым околышем. И мой документ не устроил его.

- Не могу пропустить! Вам нужно обратиться в ближайшее российское консульство. Оно в Харькове. Сделают запрос по месту жительства электронной почтой. Придет под-

тверждение - милости просим!

Сердце забилось с перебоями. Я сел, чтобы снять удушье. Что это?.. Снова удар судьбы!.. Снова «такого не должно, не может быть!» Пропадет дорогой билет... Буду ездить по чужой стране в подвешенном состоянии... И кто все устроил? Оперативник Роберт, разгильдяй с физиономией человека толпы. Почему не сказал о запросе?.. Можно было не спеша съездить в консульство в Симферополе, рядом же. Или не знал: недавно служит. Боже, сейчас это не имеет значения... А до родины - рукой подать! И в словах пограничника, по-моему, какая-то неуверенность: «не могу», «нужно». Что, если...

- Господин лейтенант, неужели я похож на преступника? Не тот возраст.

- Вы не знаете, какие получаем мы ориентировки о гражданах вашего возраста.

- Воры обокрали, но оставили в живых. Неужели постинфарктного старика добьете вы?

Он оторвался от бумаг, что перебирал, посмотрел пристально.

- У вас есть медицинская справка?

- Все украли!.. В том и беда.

- Во что превратится государственная граница, если мы будем нарушать инструкцию?!

- Сынок! У вас тоже есть отец. Представьте его в моем положении!

Бумаги посыпались на пол. Румяный офицер с пшеничными усами молча собрал их... и пошел по вагону дальше. Я сидел, не веря своему счастью. Спросил молодую попутчицу:

- Деточка, как вы думаете, пронесло?

Она улыбнулась.

- Не волнуйтесь... Но вы везучий! Я часто езжу и насмотрелась. Высаживают, если в старом паспорте нет вклейки о российском подданстве. Чистая формальность. А вас пропустили с таким смешным документом.

Поезд тронулся...

Домой я добирался не напрямую, а через Северный Кавказ. Хотелось повидать давних знакомых из Пятигорска, знатоков современной литературы, показать им главы своей рукописи. По старой памяти остановился в Солнечном, снял комнату, позвонил друзьям и договорился о встрече.

Электричка отходила в семь утра. А я, с моим чутким сном, открыл глаза в половине восьмого. Какая досада! Ведь мечтал снова побывать и в домике Лермонтова, походить по местам, с которыми связана судьба поэта, история его знаменитого романа. Внутренний будильник всегда выручал меня - на этот раз подвел.

На бульваре я почувствовал что-то неладное. Обычно в это время множество людей спешит пить нарзан, на ванны, в курортную поликлинику. Сегодня здесь было пусто, если не считать милицейских патрулей. А возвращаясь, я встретил во дворе хозяйку с потемневшим лицом: взорвали поезд, на котором ехала ее внучка, есть убитые, много раненых. Бросился в комнату, включил радио - то была моя электричка!

Я невольно вспомнил Киммерийскую набережную, декоративную зелень, скамейку, где сидела рыжеволосая оккультистка Августа Васильевна в шарфике цвета морской волны. Она учила меня непростому искусству хиромантии и намекнула: мне что-то начинает помогать. Я находил подтверждения ее словам: с выходом на набережную у меня, измотанного поденщиной, как будто появлялось второе дыхание, около нас возникала очередь клиентов... С тех пор прошли годы. И неведомое «что-то» стало забываться.

Но последние приключения напомнили о нем. Тучи сгущаются до темноты - и все-таки просвет! Когда-то я увлекался историей медицины и краеведением, а теперь варюсь в гуще людей и текущих событий. Без творчества уже не смогу. Художественная проза - мой новый виток. Однако при таком образе жизни можно очутиться в общей могиле с бомжами: неизвестный среди неизвестных. А дьявол ухмыльнется и скажет: «Он любил сочинять о них, пусть и лежит с ними». Что если прекратить скитания, вернуться к историческим поискам? Эта работа тоже интересна и захватывает. Но чем жить?.. Как ездить в столичные архивы?.. А цены в гостиницах.

Вернувшись домой, я восстановил документы. В моей хрущевке снова тихо зашумел компьютер. Одно из окон выходит на городской парк. Я ждал, когда обретет цветистость клен. Собрал пучок листьев, поместил их в высокую вазу, расписанную северной чернью, и поставил ее на столик перед окном. Так делаю каждый год. Пусть причудливые цвета и узоры напоминают о грядущей весне!

Полетел снежный пух - живописное зрелище вечером, в свете горящего фонаря. В

январе по утрам голые ветки деревьев опушал иней. Февральские вьюги наполнили сердце смятением: проходит еще зима, а я по-прежнему один... Знак Кризиса брака на моей ладони обесцветился и ушел. Острых воспоминаний давно уже нет. Но жизнь наложила на меня какую-то печать. Слежу за своей внешностью и одеждой, а при знакомстве слышу: «Вы одиноки». Загадка, недоступная разуму. А, может, как у булгаковской героини из «Мастера и Маргариты», в моих глазах читают «необыкновенное одиночество»?..

Кому не хочется хотя бы немного живого тепла... Казалось, мои друзья Полина и Чертик были люди заземленные, сосредоточенные на заботах о хлебе насущном и немало претерпевшие друг от друга, но я не представляю их порознь. Или мой арбатский клиент Андрей с его поговоркой «Без финтов!»: как дорожил своей «Катькой» еще не остывший от подвигов гуляка, и был очень доволен, когда они в очередной раз помирились.

Наконец, весеннее солнце плеснуло в комнату золотые лучи. Я снова почувствовал душевный подъем. А не позвонить ли писательнице Корешковой, которая сыграла большую роль в моей «эпопее»?.. Когда трудился на юге, она и там не забывала меня. Время от времени я отправлялся на почтамт. Если письма не было, становилось грустно. Когда оно приходило, был маленький праздник. Вести шли из деревни, где Римма Степановна работала над очередным романом. Рыболовные подвиги ее мужа, проказы детей, простенькая сельская хроника - эти мелочи неизвестно чем поддерживали мое светлое настроение.

Мы встретились. Римма Степановна по-прежнему легко зажигается новыми идеями, строит фантастические планы и не знает преград. Я показал ей готовые главы своей книги и услышал: «Не Умберто Эко, но читать будут. Верьте мне!» Еще сказала, что у меня есть преимущество перед кабинетными интеллектуалами: знаю правду жизни. Возможно, возможно. Однако от правды, с которой столкнулся минувшим летом, предпочел бы держаться подальше.

Теперь закончу о книжных людях, келейных мудрецах. После взрыва в электричке я все-таки побывал в Пятигорске. Мое повествование знатокам словесности понравилось не очень: «Разве что арбатский быт зарисован неплохо...» Они уверенно заявили, что литература исчерпала себя: все описано, можно только перекладывать по-новому старые кубики. Сперва я был шокирован. Затем стало расти недоумение: мир бурлит, его противоречия нарастают, новые идеи носятся в воздухе, а литературе нечего сказать?!

Пока притягивал письменный стол, накопились текущие дела. Вот они приведены в порядок, а у меня и радостно, и неспокойно на душе... И снова хочется на юг.

37. ВОЗДУШНЫЙ ШАРИК

Да. Пока не забыл, еще две крошечные арбатские зарисовки.

На этой узкой улице часты резкие порывы ветра, я сравнивал ее с трубой. С обыкновенной аэродинамической трубой. Чего только не заносят туда воздушные потоки! Однажды я заметил разноцветный шарик. Он метался, то снижаясь к жаркой каменной мостовой, то воспаряя над Вахтанговским театром с его фонтаном и золоченым изваянием принцессы Турандот, и неожиданно прилетел прямо мне в руки. Через минуту за ним подбежала бледнолицая худенькая девочка в золотисто-желтом платьице с кружевами; следом подошел молодой мужчина в очках.

Сперва он иронически улыбнулся на мою рекламку, затем неожиданно предложил изучить линии рук своей дочери. Но его отвлек сотовый. Я услышал: «На Арбате... С Розочкой... Буду вечером... Непременно... Целую». В это время невзрачная крошка, сидя на стульчике, одной рукой колотила отца по голове воздушным шариком на нитке; другую ее руку, вооружившись лупой, стал смотреть я.

Закончив телефонный разговор, мужчина снова обратился ко мне:

- Сосредоточьтесь на характере моей девочки. Сохранит ли привязанность ко мне? Ее мать была хорошей актрисой и невыносимой женой. Умерла от белокровия. Розу воспитывает теща, сегодня мой день.

Я сообщил отцу, что его дочь будет с амбициями и кое в чем добьется успеха... Это известие изгнало иронию из его глаз, он присел рядом со мной, протянул мне руки.

- Не совпадают ли ее характеристики с моими?

- Да, у вас похожие символы, только выражены сильнее.

- Сделайте, сделайте выводы! - горячо попросил он.

Я снова взял ладошки девочки.

- Линия Самолюбия яркая, но не зашкаливает. Семейные кольца формируются на-

дежные. Главное, не вижу знаков Позднего созревания и Повышенной внушаемости... В общем, она не станет ангелом, но у нее доброе сердце...

Глаза мужчины просияли за стеклами овальных очков. Он удовлетворенно тряхнул львиной гривой. Ему бы еще бабочку на шею - и копия Добролюбова. Отец с любовью погладил по голове дочку и отправил к витрине «Сувениры для новых русских». «Пусть полюбуется фарфоровыми куклами! Смысл картинок едва ли поймет, а фигурки смешные». Я понял, что ему хочется побеседовать со мной.

Оказалось, он продюсер на телевидении, и оно выжимает из него все соки.

- Это клоака, в которой копошатся пигмеи. Жаждут больших денег, легкой славы. И я такой же... Роза - из другого, безгрешного мира. Там нет ни зависти, ни лицемерия. Хитринка в ней проскальзывает, но совсем не та... Как-то мы заглянули в пиццерию. Она закапризничала: «Ах, эта противная пицца!» - не прикоснулась к ней. А стали уходить, подбежала к официанту и закричала во все горло: «Спасибо! Было очень вкусно».

Девочка вернулась, взяла отца за руку. Он протянул ей денежку, отправил купить мороженое. Сам продолжил:

- Сегодня зашли в универмаг, Роза понеслась здороваться с манекенами. Вдруг замерла около одного, безголового, и говорит: «Этому не подам руки. Ему за что-то отрубили голову». Вижу ее раз в неделю, но она возвращает мне силы. Встречи с любовницей опустошают. Если убрать игру, там останутся только пресыщенность да отращивание телес. Неужели чудо детства закончится?.. Роза будет такой же?..

Он опять заговорил, какой будет его дочка, которая сегодня резвится рядом с ним. А я подумал о другом: состоится ли это будущее, потому что заметил на ее линии Здоровья тяжелый знак. Но сказать об этом отцу было бы немилосердно. Может, не болезнь матери, а другой, не такой безнадежный недуг настигнет девочку. Его же замучает страх роковой наследственности.

Роза с мороженым вернулась к нам и потянула отца за руку. Он расплатился со мной, одарив голливудской улыбкой, и повел ребенка в «Макдоналдс». Там, в молочно-картофельном раю, кусаются цены, кондиционеры создают прохладу, звучит загадочная электронная музыка и работники зажигают в туалетах палочки с ароматическими веществами. Сделав несколько шагов рядом с отцом, крошка оглянулась, быстро подбежала ко мне и протянула свою игрушку, которая - наткнись на иголку - хлопнет и навсегда исчезнет. Мы с мужчиной переглянулись.

Я сижу и смотрю на ярко раскрашенный воздушный шарик. Знает ли этот продюсер, что идет лучшее время его жизни? Видимо, чувствует. Его сердце горестно сожмется, если дочь заболеет и перестанет дарить. «Так покупай же шарики чаще! Продли свое скоротечное счастье. Истина в нем! Верь моему опыту...» - мысленно кричу ему вдогонку.

38. СКРИПАЧКА

Стоял один из последних дней лета. Несколько раз набегали тучи, начинался дождик. Однако брусчатка покатой мостовой высыхала быстро, и можно было снова выходить из-под козырька ювелирного магазина. Только уселся на стульчик, как подбежала маленькая девочка.

- Дяденька, погадайте, буду ли я счастливой?

«У нее не случайно тревожный взгляд», - подумалось мне.

- Как звать тебя, деточка?

- Настя.

- Сколько тебе лет?

- Восемь.

- И чем ты здесь занимаешься?

- Играю на скрипке.

Я сказал девочке, что смотреть линии ее ладоней не буду: это может не понравиться ее родителям. Однако Настя заинтересовала меня, я стал наблюдать за ней.

Мое внимание и раньше привлекали маленькие арбатские музыканты. Чаще такой гномик пиликает на игрушечной скрипке, подражая взрослым. Временами забывает, зачем его вывели на улицу, и монотонно качается с ноги на ногу, наконец спохватывается и снова начинает извлекать хаотичные звуки.

Моя новая знакомая с каштановым хвостиком на затылке популярные мелодии исполняла чистенько. Детей любят, музыкальных особенно! Прохожие останавливались,

слушали ее, ласково улыбались. В концертных паузах она с ловкостью маленькой мартышки делала реверансы и сама улыбалась им в ответ. Холодные иностранцы таяли на глазах и бросали ей мелкую валюту. Заработав энную сумму, артистка стремительно убегала со своей жестяной копилкой в соседнее кафе, где ее ждала мама.

Роль была выбрана удачно, проблемы «заработаем - не заработаем» не стояло. Только бы не вызвать острой зависти, избежать наезда... Сегодня девочке не так уж плохо. Но пройдет несколько лет, она подрастет, и беспроигрышное амплуа вундеркинда кончится. Люди будут проходить мимо, безразличные к ее музицированию. «Может, имело бы смысл изучить линии ее ладошек: определить, талантлива или нет?.. Улыбнется ли ей счастье?! Господь не часто целует в темечко».

Ближе к вечеру я увидел Настю снова. Она смотрела своеобразную эстраду. Мальчик и девочка чуть постарше ее исполняли бальные танцы под магнитофон. Рядом сидела старушка, стояла сумка для сборов. Особенно задорно крутила плечиками, вращалась вокруг собственной оси маленькая декольтированная «барышня». Движения еще не отточенные, но была в кураже. Возможно, она станет танцовщицей кордебалета.

Следом началось представление уличных комиков: скабрёзные анекдоты, непристойные жесты. Это мне не понравилось. Я пригласил Настю посидеть со мной у ювелирного магазина, сказал, что она может воспользоваться стульчиком для клиента.

Мы сели. Я стал развлекать ее беседой.

- Училась ли ты музыке, Настенька?

- Дедушка показывал мне, как играть на скрипке.

- Он занимается с тобой?

- Нет, он живет далеко-далеко.

- А где сейчас твоя мама?

- Она уехала на свидание.

- И ты одна на улице?!

- Нет, я осталась со знакомой тетей. Она моет посуду в кафе.

«Вот так случай! А может, посмотреть руки музыкального ребенка?.. Не ждать, пока он подрастет?..»

- Скажи, Настенька, тетя из кафе придет сюда?

- Нет, не придет. Она влюбилась в повара.

Хорошенькое дельце! У знойных женщин что-то вроде любовного запоя, а малютка гуляет по каменным джунглям одна-одинёшенька. «Вот откуда тревога и беспомощность в твоих карих глазках, деточка... Вряд ли сотовый телефон, что торчит из кармана стильных джинсиков, заменил тебе маму».

- Настенька, ты просила меня погадать...

Она забавно смутилась.

- Так давай твои руки!

Я не спеша углубился в ее судьбу. Настя сидела спокойно, как взрослая. Недалеко от нас звучал молодежный симфонический оркестр. Он частенько играет у недавно поставленного памятника барду, который, как пишут, дошел до той неслыханной простоты, что всего нужнее людям. Из-под арки выходит согбенная серая фигурка, беспомощная и милая.

И вдруг я увидел такое, что выронил лупу, мою драгоценную, хорошо послужившую на своем веку, с несколькими щербинами по окружности, которые накопились от падений на брусчатку. Это бывает, когда внезапно открывается необычный прогноз и я не удерживаю тяжелый предмет. Но картина стоила новой зазубрины... Линия Аполлона затмевала все остальные символы: ее рисунок имел редчайшее дополнение - знак Мировой славы!!!

О таком прогнозе я когда-то читал, но наблюдал впервые. Значит, совсем не случайно этот ребенок популярные мелодии исполняет мастерски, с намеком на собственную аранжировку! Я разволновался, мне захотелось поделиться увиденным хоть с кем-нибудь. Знать бы, чем занята сейчас Виктория! Она свято верит в свои «уникальные» методики, а к моей относится без заметного внимания.

Нами заинтересовался мальчонка. Он шел по улице с большим рыжевато-коричневым псом, был не выше собаки, но крепко держал ее за холку правой рукой, ладонь левой мимоходом показал мне.

- Привет, брателло! Долго ли я проживу?

Такое обращение мне понравилось. Я мельком глянул на его линии и не стал скупиться.

- Девяносто лет!

Пацаненок расцвел в улыбке. Чмокнул в голову своего безошейного любимца. Меня передернуло: лижет бродячего пса... И тут я замер, пронзенный воспоминаниями о своем детстве. Вдруг ему больше некого целовать?!

Мальчик с собакой ушел. Но эта сценка отрезвила меня. И я ответил девочке на ее недетский вопрос, будет ли она счастливой:

- Тебе должна улыбнуться удача, Настенька! Надейся на большой успех в музыке.

Скрипачка вскочила со стульчика, радостно взмахнула руками и убежала.

Снова пошел дождь. Спешу под козырек ювелирного магазина.

39. ВЕРЕТЕНО СУДЬБЫ

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!..
Н.Заболоцкий «Метаморфозы»

Если нам повезет, мы еще встретимся с Настей на этой улице по-другому. Я, конечно, не узнаю ее в элегантной, уверенной в себе молодой женщине. Но когда она раскроет передо мной свои руки, редчайшая метка на линии Аполлона оживит мою память. Настя же узнает меня сразу и догадываюсь, о чем заговорит, потому что на Больших пальцах ее маленьких рук уже сегодня выступили знаки Великодушия: «Ваши слова помогли мне держаться в трудные годы. Приходите на мой концерт! И приводите всех своих друзей».

В первую очередь я позову почтенное общество, с которым познакомился у ресторана «Панчо Вилья». Несгибаемый Константин Паисьевич украсит твое выступление, Настенька, если доживет до этого дня. Последний раз старик подошел ко мне в демисезонном пальто с застегнутым наглухо воротом, а на ногах те же ботинки с торчащими пальцами. Бородой Саваофа и поизносившейся обувью он произведет в зале фурор, а может, вызовет скандальчик. Что ж, реклама и звезде не помешает... Посетит тебя и продавщица мороженого Света, если к тому времени не уйдет с улицы, выйдя замуж. Дувшего мне в ухо кларнетиста-еврея с печальными глазами тоже не забуду. Появится на концерте даже оккультист-москвич Евсей Тарасыч, но при условии, что поучение костылем пойдет ему впрок, он изменит свои убеждения и замашки.

Распахнется занавес, восторженная публика будет аплодировать знаменитой артистке и красивой женщине, а мои приятели загадочно улыбнутся, вспомнив маленькую мартышку с каштановым хвостиком на затылке и жестяной копилкой в руке. Конечно, это мечты... Беспощадное время основательно разбросает нашу компанию.

Я отправлю открытку моей покровительнице, коренной москвичке Ангелине Петровне. Столько лет в ее доме горел для меня гостеприимный огонек... А недавно в ее жизни приключилась большая перемена. Этому предшествовало печальное событие. Ангелина Петровна общалась с компанией таких же любителей экстремального туризма. Среди них был профессор, специалист по космической экологии, и его жена, тренер, известная в прошлом гимнастка. Этой парой любовались. Но, когда в семье все складывается очень хорошо и благостная идиллия затягивается, жди беды.

Моя покровительница только что не лобызалась с таиландскими тиграми - и ничего, здорова-здоровёхонька. А спортивной даме не повезло: подцепила в дальних странах какую-то редкую инфекцию, которая не поддается лечению. Уходя из жизни, она просила Ангелину Петровну присмотреть за ее мужем, беспомощным во всем, кроме науки. Мудрая женщина знала, кому доверить деликатную миссию. Прошел год траура, возникла новая семья. Я видел маститого ученого, он мне понравился. Даст бог, будет на концерте и он.

Я приглашу художника Гришу. Он пойдет с нами хоть в дождь с градом, хоть в лютый мороз, запросто отменит встречу с богатым заказчиком и откажет мне только в том случае, если на час культпохода придется его свидание с музой. Очень уж верит он в старинные легенды о покровительницах искусств: горец настоящий.

Впрочем, большая любовь, так странно начавшаяся, уже сыграла роль в судьбе Гриши: он сделал окончательный выбор между искусством и ремеслом. Его избранница Марина оказалась студенткой одного из театральных заведений столицы. Гриша говорил мне, что она сама не может понять, как решилась на озорную выходку на Арбате с «кредитом» в десять тысяч рублей. Я видел ее на выставке «Московская сюита», она держала за руку Гришину дочку. Девочка подросла, похорошела. Кто знает, может быть, Марина

станет настоящей музой этого художника и приемной матерью его дочери; я давно убедился, что в жизни бывает все. Если возникнет прочный семейный союз, то шуточка, положившая ему начало, станет со временем самым веселым его преданием: как крутая бабушка надула доброго дедушку и скрылась, но он ее нашел.

Я возьму на концерт Викторию. Мои крымские неприятности сперва огорчили, потом воодушевили ее: «Черт те что! Я так и знала, что вы там во что-нибудь вляпаетесь. Какая работа за границей такому рассеянному мечтателю! Утопить сумку в Черном море... С деньгами и всеми документами... Это надо суметь!»

Но если подруга увлекается фантазиями о моих приключениях, то и я напоминаю ей кое о чем: «Мы сыты, относительно здоровы, занимаемся интересным делом - что еще нужно умным людям? А? «Бочку варенья и корзину печенья»? Осетров, плавающих в ванне? Личный автомобиль, пусть и подержанный? Из-за него столько неприятностей!.. Не правда ли, Викториночка?..» Она, конечно, помнит об искушениях грязного бизнеса. Поэтому успокаивается.

Виктория назвала меня когда-то товарищем по борьбе за жизнь. Ей было с кем пикироваться, делиться успехами, кому изредка посетовать на неудачу. На эту роль я вполне подходил, но постепенно многое изменилось. Теперь с интересом слушаю астрологическое прогнозирование моей подруги, которая стала ученицей авестийского кудесника Павла Глобы, что рассказывает о будущем страны и мира. Под влиянием такого наставника она смягчилась, стала сдержанней в своих экскурсах, которые одно время раздражали меня, как назойливый громкоговоритель прежних лет.

Виктория - первая читательница моего близкого к окончанию романа и бывает недовольна, если при очередной встрече автор не готов прочесть ей новый отрывок. А на устные рассказы гадалки она неистощима, по-прежнему любит называть их «мои поучительные истории». Мы думаем, не издать ли их отдельной книжкой под двумя фамилиями?.. С ее дочерью Тамарой у меня завязалась переписка.

Когда сменилась эпоха, я был сорокапятилетним провинциальным врачом. Лучшие годы жизни прошли в труде и неведении, какие достижения мировой культуры закрыты от нас железным занавесом, недоступна даже Библия. Теперь воспринимаю сдержанно ветхозаветное «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, тот умножает скорбь». А вот античное «времена меняются, и мы меняемся с ними» мне по`сердцу: если б сегодня вдруг встретил себя, каким был до Перестройки, посочувствовал бы. Особую роль в моем духовном обновлении сыграло знакомство с писательницей Корешковой и заражение дерзкой идеей сочинять художественную прозу. Я усложнил свое существование, но каким многоцветным и волнующим стало оно!

Рисковал ли я, разъезжая по городам в неспокойные девяностые? Да, случалось. Толпа непредсказуема. Попадал в такие переплеты, что забывал про свое оружие самообороны-перцовый баллончик или не решался его применить. И потом с облегчением вздыхал: как хорошо, что забыл, не решился... Усмешку вызывают разве что опереточные бандиты, которые требовали сто долларов, обещая в противном случае сделать мне «дырку на черепе».

Верю, что снова выйду на узкую улицу длиною в одну версту, по которой счастливым молодоженом ходил Пушкин, воспетую одним из первых бардов России, вошедшую в название известного романа, с разноязыкой толпой, гудящей днем, поющей и свистящей по вечерам. Нет, не только возможность заработать влечет меня сюда. Может, тоска по несбыточному или сквозняк впечатлений?.. Есть тут что-то, близкое моей неспокойной натуре. Выйду и не потребуется лететь на Восток или в Штаты: интересные люди из дальних стран придут ко мне сами!

А сейчас приближается осень, пора разлук. Скоро, тоскливо курлыкая, полетит на юг клин журавлиный. В арбатских переулках, Большом Николопесковском и Староконюшенном, Денежном и Каменной слободы, закружатся пестрые «метели». Я вернусь на зимнюю квартиру заканчивать роман и ждать вестей от Виктории. Линии наших рук обещают удачу.

Алик ГОРЕЛИ

АБРЕК

«В горах раз стреляют, а потом сто лет перестрелка идет»
Горская поговорка

Часть первая

ВОЛК

Поймали, поймали, во все горло кричал мальчонка лет семи, несясь со всех ног. Солнце только начало прогревать сентябрьское утро. Густой туман, окутавший горное селение, ночью стал сползать в ущелье, где еще царила ночная прохлада. День обещал быть жарким. После заутренней в церкви святого Георгия, стоявшей на откосе, жители расходились каждый по своим делам, обсуждая меж собой проблемы насущные и предстоящие по хозяйству хлопоты. Вдруг внимание их привлек крик, непонятный поначалу, но приближавшийся и становившийся отчетливым. Из-за поворота проселочной дороги показался мальчонка.

- Что случилось?! - полетело по устам селян, зависнув напряжением в воздухе.

- Да это же Гаёз, внук деда Гурама, - воскликнул кто-то.

- Да-да, Гаёз, - подтвердил Тариел и подошел к деду Вахтангу, стоявшему впереди всех, опершись на посох.

- Что раскричался этот мамадзахли?! - прохрипел дед Вахтанг.

- Может, что серьезное случилось? Хотя этот Гаёз такой шкодливый, что вряд ли дед Гурам, случись что-либо серьезное, послал бы именно его, - сказал Тариел, облокотившись на огромный валун, лежавший на краю дороги.

- Поймали, поймали! - из последних сил прокричал Гаёз, остановившись и переводя дух. Запыхавшись, он внятно не мог объяснить обступившим его, что случилось. Только обрывистыми фразами и жестами пытался довести до них весть, с которой бежал через все селение.

- Дайте ему воды, пусть дух переведет, - сказала седовласая Дареджеан, мать Тариела. Напившись из дока и умывшись, Гаёз обвел всех своим прищуристым взглядом и прокричал:

- Поймали!

Дед Вахтанг отвесил ему легкий подзатыльник.

- Кого поймали? Отвечай, а то будет щас тебе.

- Волка, волка поймали! - радостно прокричал Гаёз.

- Какого волка?! - заголосили все вокруг.

И Гаёз рассказал, как дед Гурам, ну и, конечно же, он, поймали матерого.

Накануне ночью старого чабана Гурама не покидала тревога, предчувствия не обманывали его. Даже и не вспомнить случая, когда внутренний голос подвел бы пастуха. Слишком долгую жизнь прожил Гурам, и с годами не только седина покрыла его голову и вплелась в бороду, ценнее всего был жизненный опыт, мудрость, которым награждает старость. Всю свою жизнь он пас овец, ходил за перевалы, знал, как свои пять пальцев, все пастбища от Джавахети до Ананури, изучил повадки зверей, в особенности волков. Нет ничего опаснее волка-одиночки, сообразительность и дерзость которого непредсказуема.

Вот уже седьмой месяц пошел, как повадился в эти края волк. Много хлопот он принес жителям близлежащих селений. Целью его набегов были летние стойбища и овчарни. Ночные вылазки волка больше походили на месть, чем на обыкновенный голод хищника. Осенью туманы в этих краях явление частое. Бывает, заволочет так, что на вытянутую руку ничего не видно. Много страшных историй и суеверий связано именно с туманами. В старину, как рассказывают старожилы этих мест, жители разводили костры, веря, что свет отгоняет злых духов, выползающих из недр земли под покровом тумана.

Старуха Цицо из соседнего селения вот уже третий день гостила в доме старого Гурама, ее пригласили в связи с болезнью младшего внука. Она была известной целительницей, никто точно бы не мог сказать, сколько ей лет, но пепельно-седые волосы, глубоко изрытое морщинами лицо говорили о почтенном возрасте старухи.

- Гурам, вижу я, тебя что-то тревожит? - прошипела старуха. - Не беспокойся, все с твоим внуком будет ладно, жар спал, вот еще приготовлю отвар на завтра.

- Нет Цицо, об этом я не беспокоюсь, зная твое умение. Ты посмотри, Цицо, что на дворе творится, туман, очень густой туман, плохое у меня предчувствие, - старый Гурам встал из-за стола, провел ладонями по седой, аккуратно постриженной густой бороде.

- А что туман? Туманы - частое явление в это время года, - ответила Цицо, заливая кипятком травы. - Тебя, Гурам, не туман беспокоит, а тот, кто в тумане рыщет.

- Да-да, - протянул старик, - правда твоя, Цицо, - он подошел к окну и стал вглядываться в непроглядность осенней ночи. Тут в комнату вбежала Манана, жена младшего сына Гурама, мать захворавшего Дутуны.

- Бабушка Цицо, я принесла козий жир, как ты велела, сейчас и хворосту наношу.

- Да не беспокойся так, внученька, я уже все приготовила, а жир нам понадобится завтра, иди лучше присядь ко мне, отдохни, а то намаялась за эти дни. Слава Богу, - старуха перекрестилась, - все уже позади.

Гурам отошел от окна, заложил руки за спину, направился к выходу. У двери он остановился и, повернувшись, обратился к невестке:

- Манана, накрой на стол, я сейчас приду. Да, а где Гаёз? Не видела ты его?

- Он наверху, с остальными детьми, - ответила девушка, протирая стол. Гурам задумчиво протянул «да-а-а» вышел во двор.

Дома в горных селениях сложены из камня, в нижней части жилищ расположены столовые, погреба, мастерские, в зависимости от того, каким родом ремесла занято семейство. В верхних надстройках располагаются спальни. Вот уже несколько поколений род, к которому принадлежал Гурам, славился выделкой шкур и продажей кожи, женская же половина занималась шерстью. Пять его сыновей обзавелись своими семьями, четверо из них жили отдельно от родителя, младший сын Паата по закону унаследовал родительский дом, он, как его отец, дед и прадед, стал пастухом, вот уже восьмой месяц пас отары в горах, далеко от родных мест. Гаёз был его старшим сыном. Со скрытой неохотой он помогал деду по хозяйству, более всего не любил водиться с младшими братьями, оно и понятно. Под любым предлогом убегал из дому, на край селения, где паслись лошади.

- Гаёз, а, Гаёз, где ты? - прокричал старый Гурам.

- Здесь я, дедушка, уже иду, - Гаёз быстро влез в коши (кожаная обувь, наподобие тапочек) и сбежал по лестнице.

- Где тебя сегодня носило? Опять бегал к лошадям? Смотри мне, получишь ты у меня.

Гаёз хотел было что-то сказать в оправдание, но дед прервал его:

- Иди матери своей помоги, сейчас перекусим и сходим с тобой до овчарни. Давай бегом, - прикрикнул Гурам. Гаёз в тот же миг скрылся за дверью.

Последний раз волк дал о себе знать в соседнем селении месяц назад. Как только ни пытались поймать - все впустую. Что вообще не укладывалось в головах - как он остается незамеченным для собак. Стали поговаривать, что волк, мол, помесь собаки. Иные приписывали ему демоническое происхождение, по этому поводу даже сотворялись службы в местных церквях об изгнании из этих мест силы бесовской. На самом же деле все обстояло куда более обыденно. Зачастую человек является причиной всех бед. Ощущение вседозволенности - вот корень бед человека, безответственного в своих поступках.

В марте месяце снег стал обнажать зеленые предгорья большого Кавказского хребта. Весна, все в округе оживает, жизнь наполняется смыслом и надеждами. Богатейшая природа этих мест, встрепенувшись от зимы, начинает новый отсчет своего времяисчисления. Леса в это время года поют. Колесо жизни, сделав виток, все начинает заново.

В лесах предгорного Картли, точнее, в верховьях реки малая Миджуда, изобилующих всякого рода зверьем, обитала волчья стая. Охотничьи владения ее были обширны, стая разрасталась. Из первого помета главенствующей семьи отделился молодой самец, чтобы выбрать спутницу. Они ушли из стаи осваивать новые места. Молодой волк повел самку вверх по течению реки. Места там менее изобильные, но спокойные. Найдя подходящее место для логова в углублении скалистой породы, молодая семья стала обживать его, готовясь к появлению на свет своих первенцев.

Лай собак настигал. Вот уже несколько часов волки петляли, запутывая следы. Спасением была река. Волк остановился, вытянув вверх морду, он пытался уловить запахи и определить направление, кратчайший путь к спасению. Он понимал, что самка держится из последних сил. Так далеко от своего логова семья еще не уходила. Видно, судьба свела их с охотниками, которые каждую весну отстреливали волков, контролируя тем самым численность хищников. Ценным трофеем считались самки.

Волк решил увести за собой преследователей. Снега в лесу не везде успели сойти, и он выбрал идти по склону северной стороны, намеренно оставляя следы, как на чистом листе бумаги. Самка шла впереди, за ней метрах в шести след в след шел волк. Они продвигались медленно, и казалось, что собаки вот-вот настигнут их, лай эхом разлетался по лесу, подгоняя хищников, но спешка в данной ситуации была смерти подобна. Шла игра выдержки и азарта. Самка то и дело вздрагивала, останавливалась, но волк, рыча, подгонял ее. Спуск был крутым, намеренно выбранный, чтоб отделить охотников от собак. Опытные охотники хорошо знают значение выражения «волчья петля». Оно вошло в обиход местной речи и означало хитрость и коварство. Молодые псы, натасканные на волков, но не имеющие значительного опыта охоты на одиночек, в девяти случаях из десяти обречены на гибель.

Волк же не намерен был атаковать, надо было как можно скорей оторваться от собак, не подвергнув опасности жизнь самки и еще не появившихся на свет щенков. Порывы ветра доносили запах шедшим по следу, лес наполнялся визгом и пронзительным лаем. Расстояние неизбежно сокращалось. Наступил момент, который определил дальнейшую судьбу, настал час выбора между жизнью и смертью. Волк, прижав уши, оскалившись, стал кружить на месте, как будто пытаясь ухватить себя за хвост. Самка, поскуливая, подойдя к нему, улеглась на снег и ждала. Волк вдруг встал, как вкопанный, вытянув морду вверх, завыл, наполнив окрестность жутким и воинствующим призывом. Самка в тот же миг вскочила. Встрепенувшись, широко расставив передние лапы, опустив и чуть вывернув морду, скалилась, готовая к любому решению самца. Волк взглянул на нее, лизнув, он в ту же секунду прихватил ее за шею, волчица взвизгнула и шарахнулась в сторону. Он смотрел на нее и рычал, это был знак к расставанию.

Волчица жалобно скулила, пыталась приблизиться, но он не оставил выбора, и ей пришлось подчиниться его воле. Она взглянула на него в последний раз, разбежалась и, оттолкнувшись, вкладывая в этот прыжок остаток сил, кубарем скатилась вниз, исчезнув в зарослях горного кизила. Волк, подойдя к месту, где обрывались следы, стал обнюхивать, потом буквально на мгновение застыл, смотря куда-то вдаль, прислушиваясь и принюхиваясь. Лай резал слух. Был слышен сухой треск и хриплое дыхание преследователей. Волк покружил на месте, затаптывая следы, потом, выдрав клок шерсти из задней лапы, прокусил шкуру, кровь тонкой струйкой закапала, оставляя на снегу следы жертвенности и благородства.

Он был свободен в своих действиях, и это придавало определенную уверенность и силы. Теперь оставалось запутать следы и уйти невредимым. Порывы ветра доносили спасительный, но еще очень далекий шум реки. Волк бежал вдоль склона, изредка останавливаясь, чтобы убедиться в погоне. Все в нем было обострено. Инстинкты, которыми награждает природа хищника, и навыки, которые передавались из поколений, научат его превращаться из добычи в охотника. И этому суждено будет быть. Собаки, почуяв кровь, визжали, давая понять хозяевам неизбежность приближающего конца.

Пробежав с полверсты, волк стремительными рывками стал подниматься в гору, петляя меж деревьями и продираясь сквозь густые заросли кустарников, специально оставляя клочья шерсти, как определители пути. Усталость сковывала мышцы, дыханье становилось хриплым, прерывистым, переходящим в свист. Волк на ходу с жадностью хватал снег пастью, чтобы хоть как-то смягчить и охладить пересохшую глотку. Усилия были не напрасны, ему удалось оторваться, это была лишь маленькая победа в большой схватке.

Он понимал, это далеко не все, но он выиграл время. Волк также знал, что поддаться усталости - обречь себя на смерть. Он сменил направление и вновь медленно стал продвигаться вдоль склона. От напряжения его шатало, задние лапы то и дело подкашивало, а тело пронзала дрожь. Нельзя было дать остыть мышцам, и волк медленно стал прибавлять ход. Откуда в нем проснулись все эти знания, накопленные веками? Инстинкт, переросший в интеллект, - вот что определяет и ставит на высшую ступень развития тварь - существо, которое по сути своей не имеет дальнейшего развития, кроме того, какое ему определено природой.

Жажда к жизни в сложившихся обстоятельствах, способствующая такого рода развитию, зачастую ложится в основу правдивых рассказов, охотничьих баек или перерастает в легенды, передаваемые из уст в уста. Ему суждено было стать легендой. Одиночками не рождаются, ими воспитываются, и все вокруг его было подчинено этому закону. Закону, который выточит из него того, кого по праву будут остерегаться те, кто решил увидеть в нем добычу. И закон этот - месть.

Волк бежал трусцой, надо было как можно скорее замкнуть круг, а потом уж смотреть, стоит ли затягивать петлю или просто уйти, оставив псам замкнутое следами пространство. Лес был тих. Как будто все вокруг настороженно следило за этим поединком. Снизу доносился лай собак, но не это тревожило волка, все его мысли были с ней. Он бежал, на ходу поднимая морду, внюхиваясь в малейшие колебания, пытаясь уловить что-то знакомое. От этого чувства в нем проснулись силы, скрытые в глубинах, доселе неведомые ему, пробудившиеся и переполнявшие его сердце. Все в нем чего-то ждало, его стало тревожить чувство ожидания, предчувствия не опасности, а неизбежности чего-то, пока необъяснимого.

Паата с детства ходил в горы. Часто старый Гурам брал своего младшего сына, передавая ему все навыки и премудрости родового дела. С ранних лет ходил с взрослыми на охоту. Крестный отец его, названный брат Гурама, охотно учил его этому ремеслу, поговаривая: «Мужчина - добытчик, сынок, помни, проявляй уважение к тому, на кого охотишься. Беда человеку, если он только ради забавы бьет зверя. Нет у человека больше той власти, какая ему дана от Бога».

Хороший человек был Гаёз. Сгинул в горах. Вот уж седьмой год пошел, как нет его. Паата своего первенца в честь его назвал. Потом, как водится, всё проходит и почти все забывается. Наставления мудры, да где силы, чтоб следовать им. Известное дело - у молодости свои законы, свои взгляды. На то и старость, чтоб, помудрив, осознать свои ошибки. Паата, роста среднего, худощавого телосложения, с чёрными, как смоль, густыми волосами, с правильными чертами лица, доставшимися ему от матери, и тонкими аккуратными усами был хорош собой. К двадцати восьми годам народил троих сыновей и дочь. Отец его, еще до рождения своего младшего сына, положил завет с родом Намгалаури о родстве. На том и порешили, уповая на Бога и судьбу. Через год у Гурама родился Паата. Роды были тяжелые, жена после этого слегла и вскоре померла, оставив на руках Гурама новорожденного. Заботу о младенце взяла на себя Дареджан, двоюродная сестра Нотэлы, жены Гурама. Своим молоком она вскормила Паату и своего старшего сына Автондила. Любимцем был Паата в семье, старшие братья его опекали, учили борьбе, езде верхом, но ничто не заменит сыну материнской ласки. Гурам, нрава строгого, как мог, старался быть добрее к младшему. Бывало, на старших сыновей в сердцах накричит, но те обид не проявляли, понимали отца.

Охотники разделились. Двое продолжали преследование, а Пата, спустившись к реке, стал двигаться вдоль затопленного берега на лай собак. Крестный рассказывал, и он точно знал, что волчья семья разделится, путая следы, самец попытается увести погоню за собой, и что река их единственное спасение. Таяние снегов каждую весну оживляет ручейки, превращая их в бурлящие потоки, несущиеся стремительно и шумно навстречу Меджуде. От избытка снегов и щедрости весенних дождей река затопила растущие по берегам кустарники, и берег был перенесен ею к поросшему лесами склону гор.

Паата приспустил поводья, и лошадь ковыляя пробиралась меж деревьями. Сняв ружье с плеча, подаренное ему отцом при рождении первенца, взведя курок и убедившись в готовности и безотказности, привел его в исходное положение. Но положив ружье поперек седла, все же держал палец на спусковом крючке.

Лес был прозрачно тих. Высокогорный лес существенно отличается от густых лесов предгорья. Он преимущественно кустарниковый, мелко стволовой, этакая приграничная полоса, переходящая в бескрайние луга высокогорья. Лес еще не облачился в зеленый наряд, снега, лежавшие по склонам, напоминали о зиме. Все вокруг казалось серым, грязным и безнадежно пустым. В воздухе, пока что по-зимнему холодном, уже летали запахи, несравнимые ни с чем, пробивающиеся сквозь ледяное дыхание гор, подобно ранним цветам, прораставшим сквозь снега, дарующие надежду, будоражащие чувства в обновленном от предвкушений сердца.

Покачиваясь в седле, Паата мыслями был далеко. Бурное течение реки нагоняло сонливость. Усталость, скользнув, отяжелила веки, он аппетитно зевнул и сомкнул их. Шум

реки не менее завораживает, в нем есть своя тайная красота - мощь. Симфония свободы освобождает душу из теснины накопленных сомнений, наполняя внутренний мир покоем и гармонией. Паата задремал. Вдруг лошадь остановилась и, фыркая, попятилась назад. Она стала вздрагивать под седоком. Он открыл глаза, быстро оценив ситуацию, стал прислушиваться и смотреть по сторонам. Перекинув ружье на плечо, Паата чуть натянул поводья. Потрепав лошадь по гриве, наклонившись, стал шепотом чукать на ухо и поглаживать ее мощную жилистую шею. Животное успокоилось, но все же косило огромным глазом, вслушиваясь в малейшие шорохи. Спешившись, Паата перехлестнул поводья через сук корявого, похожего на куриную лапу, деревца. Проверив его на прочность, стал гладить лошадиную морду и шепотом приговаривать: «Чу, чу, Бедо», - так ласково он называл свою кобылу. Лошадь ткнулась мягкой мордой ему в грудь, потом, фыркнув, выгнула шею и застыла, вслушиваясь в голоса леса.

Паата прислушался. Медленно отдернув края овечьей душегрейки, поправив на голове кехурку и беспорядочно пошарив по карманам, он осторожными шагами, как бы ощупывая землю, потянулся к седлу. Бурка была скручена и затянута кожаными ремнями с задней стороны седла. Пастух запустил в нее руку и медленно извлек из нее сверток, положив его во внутренний карман тужурки, скинул с плеча ружье, оттянул кремневый курок, осмотрел запал и так же осторожно стал продвигаться вперед.

«Чу, чу, Бедо, успокойся», - прошептал он, потрепав за ухо лошадь. Бедо тряхнула головой - удила закляцали. «Чу-у-у», - приглушенно протянул Паата, приложив палец к губам. Известное дело, лошадь волка за версту чует, от того и беспокойно ей. Паата двигался медленно, то и дело оборачивался, Бедо настороженно следила за хозяином, вздрагивая мышцами. Полуденное солнце пригревало, но с северной стороны по-прежнему тянуло могильным холодом. Воздух был кристально чист, гнилая сырость прошлогодней листвы, как ни странно, казалась по-весеннему свежей.

Поднявшись по склону, нашел удобное место для обзора возле валуна, торчавшего из земли и полностью поросшего мхом. Из-за того хорошо просматривалась местность. Паата стал ждать. Валун по виду напоминал огромный грецкий орех, наполовину вдавленный в землю. Устроившись поудобнее, прислонив ружье к камню, притоптав почерневшую листву и расстелив душегрейку, он сидел, скрестив ноги, облокотившись спиной о камень. Сверток лежал подле него. Закинув голову и положив под затылок руки, он смотрел ввысь, вслушиваясь в окружающую тишину. Он посмотрел на сверток, и лицо его посветлело, уста чуть дернулись, глаза - жаждали. Красота дарит предвкушение, ожидание, чувства, подвластные мечтам.

Он аккуратно размотал кожаный шнурок и развернул сложенные края тонкого шерстяного сукна. Шкатулка овальной формы, вырезанная из горного миндаля, с изогнутыми похожими на лапы ножками, была небольшой по размеру. Изнутри обтянута черной шелковой тканью. Он бережно открыл крышку и достал ювелирное изделие, напоминающее черепаху. Действительно, панцирь был натуральный, с гусиное яйцо, зелено-коричневый цвет его гармонировал с серебром, в которое он был вплетен, и представлял крышку роскошной подарочной коробочки. Паата любил рассматривать ее, красоту такую прежде не видел. Да-а, дербентские чеканщики славились своим искусством! Много разного видел Паата в ювелирных лавках, но такого не встречал. Коробочка была словно соткана из непонятных символов и знаков, стоящая на четырех змеиных головах с обнаженными для укуса жалами.

Вещь заморская - диковинка. «Говорят на Востоке, дальше Индии, народ живет, из глины стекло плавит, обращает металлы в золото и всякой всячине обучены. Колдунов, мол, там - тьма. Глаза у них света Божьего боятся, от того и узкие», - рассказывал Паате как-то лавочник в Хашури. Он ему верил, ведь тот ходил с караванами за море, был в Самарканде, Бухаре и не такое видывал, знал, о чем говорит. Подобные знаки он и видел в лавке хашурского купца и потому пришел к выводу, что его приобретение именно из той загадочной страны. В самой коробочке лежала брошь с изображением женской головы, вырезанной из слоновой кости, искусно обрамленная золотом и полудрагоценными камнями, украшающими ее края. Хороший подарок он приготовил жене. Не жаль того, что было отдано за эту вещицу. Он представил Манану, ее огромные черные глаза, наполненные слезами от радости встречи, длинную косу, сплетенную подобно виноградной лозе. В нем вдруг проснулась непреодолимое желание прижать ее к груди, боясь сдавить ее в своих объятиях, хрупкую, тонкую.

Вдруг где-то неподалеку тревожно вспорхнула куропатка, сидевшая, видимо, в кус-

тах. Быстро хлопая крыльями, курлыча, пронеслась над Паатой и стихла на том берегу. От неожиданности он вздрогнул, кобыла тоже проявила тревогу, встряхнув гривой, стала топтаться на месте. «Чу-чу», - приглушенно, как бы самого себя успокаивая, шептал Паата. Он завернул шкатулку в сукно и затянул шнурком. На отдалении, где-то впереди, послышался треск. «Наконец-то», - подумал он и перекрестился. Еще раз, бегло осмотрев ружье, застыл, готовый спустить курок. Сердце, казалось, вырвется. Паата слышал и чувствовал, как оно с каждым ударом натягивало все жилы. И вот меж деревьями промелькнул размытый силуэт. Сердце заколотилось пуще прежнего, казалось, лес наполнился его биением, в глазах от напряжения стало рябить. Он провел тыльной стороной ладони по лбу, медленно выдохнув, прижался щекой к прикладу.

Волчица выскочила прямо на него. Шагах в двадцати от места, где в засаде сидел охотник, она остановилась - до реки оставался последний рывок. Спасение было так близко, что самка позволила себе на миг пренебречь осторожностью и решила просто отдохнуть, ведь преодоление бурной реки требовало усилий и таило в себе не меньше опасности. Он смотрел на нее. Казалось, время остановилось, пространство сузилось, и он стал ловить себя на мысли, что вот-вот упустит добычу. Мысли в голове подобно реке бурлили, не давая сосредоточиться, к чему-то он вспомнил крестного, подобно молнии пронеслись в нем его наставления, но так и не зацепились за рассудок, который уже был воспален азартом.

Волчица вдруг вскочила - что-то насторожило ее. Река поглощала шумы, но запахи выдавали присутствие чужих. Она стала принюхиваться, потом, задрав морду, протяжно завыла. Паату пробрала дрожь. Она дернулась к реке, раздался выстрел. Пуля прервала прыжок, и бездыханное тело скатилось вниз. Все было кончено. Только было слышно раскатистое эхо, летевшее по ущелью, неся страшную весть Бог знает кому. Паата спустился к реке. Волчица лежала в кустах, голова ее свисала над водой, глаза были закрыты, только задняя лапа судорожно подергивалась, подавая последние признаки угасшей жизни. Пасть была оскалена, и сквозь белые клыки сочилась кровь, капая в мутные воды Меджуды, и так же бесследно растворялась, как и все то, что было скрыто ею.

Ощетинившись, широко расставив лапы, прижав уши и обнажив клыки, волк рычал. Перед ним лежало бездыханное, растерзанное тело легавой. С уголков ее пасти, липкая, как клей, свисала окровавленная пена. Его обложили со всех сторон. Скалистый выступ, на который загнали хищника, был узким. Под ним бурлили седые воды, бившиеся о гранитную грудь утеса. Выворачиваясь наизнанку, закручиваясь вихрем, они шумно неслись, наполняя окрестность грохотом разыгравшейся стихии. В его чутких ушах не утихал пронзительный, подобный скорбной песне, прощальный вой, долетевший до него и потонувший в раскатистом грохоте выстрела. Все в тот же миг было лишено смысла. Необузданное чувство ярости вырвалось наружу, заполняя собой его хищную природу. Волк уловил запахи приближающихся всадников, мысль пронзила его, он дернулся вперед, псы, визжа, отскочили, и одним прыжком он бросился с утеса в объятия бурлящей стихии. Волны скрыли его и понесли прочь.

За столом Гурам не проронил ни слова, видно, и аппетита не было - все думал о своем. Односложно отвечал на вопросы внука, который не утихал ни на минуту. Невестка даже не присела, все хлопотала, как пчелка, кружась у стола. Старуха Цицо, напротив, с аппетитом вкушала угощения, подаваемые Мананой, и не забывала нахваливать блюда, подчеркивая ее хозяйственность перед главой семейства. Гурам молча встал, подошел к шкафчику, висевшему на стене возле очага, раскрыв дверцы, извлек из него две стопки и бутыль, изготовленную из глины, с продолговатой горловиной, на восточный манер.

- Давай, Цицо, по чуть-чуть выпьем, день был трудным, а ночь еще Бог знает какая будет.

- Давай, Гурам, - поддержала старуха, махнув рукой, - за выздоровление твоего внука и за гостеприимство молодой хозяйки не грех выпить.

Гурам разлил содержимое по стопкам, подав гостье, хотел было сказать тост, но призадумался. Отставив стопку, промолвил:

- Нет, не буду сейчас, потом выпью. А ты пей, Цицо, не смотри на меня, вон, может, Манана тебе компанию составит.

Девушка, тут же открестилась:

- Нет, что вы, у меня вон дел еще сколько.

- Ну ладно, вы тут сами разберетесь, - махнул рукой Гурам и обратился к внуку: - Доедай быстрей, идти пора, я пока в кладовую схожу.

- Хорошо, дедушка, сейчас иду, - с набитым ртом пробурчал Гаёз. Гурам накинул на плечи бурку, лежавшую на тахте, и вышел во двор.

Помимо отары, насчитывавшей пятьдесят голов, в хозяйстве была и другая живность, три дойных коровы, четыре теленка, свиноматка с поросятами, все они квартировали с ранней весны до глубокой осени в летних загонах, построенных из речного камня, с соломенной кровлей и обнесенных деревянной изгородью. Овчарни находились около речки, на том берегу днем овцы паслись на лугах с остальным крупным скотом под бдительным присмотром козла по прозвищу Цвера и двух собак пастушьей породы. Хоть и стар был козел, но нраву был буйного - бодался. Дети любили дразнить козла и потому часто бегали от него, попадись ему на пути. Речка была мелкой, ребенку по щиколотку. Козлу нравилось стоять в воде в окружении овечьей свиты, охлаждаясь в жаркие дни. Потом, по обыкновению с первыми лучами заката, он вел овец в загон, важно идя впереди и горлопаня на всю округу. Гурам очень хорошо относился к своему постаревшему вожаку, сколько лет он ходил с ним в горы, перегоняя отары с пастбища на пастбище. «Хороший вожак сродни пастуху, - говаривал Гурам. - Лиши Отару головы, и погибнет она. Овца что?.. По природе своей жертвенна, оттого и глупа, да и постоять за себя не может, а козел опасность нутром чует». Да и козел признавал только Гурама, видя его издалека, бежит навстречу, уткнется мордой в ноги и ждет, когда его за ухом почешет рука хозяина.

Выскочив из-за стола, обтирая ладони о штаны, Гаёз сел на табурет, стоявший у двери. Скинув с ног домашнюю обувь, влез в сапоги, шитые из кожи буйвола, на носочках, дотянувшись до вешалки, сдернул с нее папаху и натянул до ушей. Мать подала ему душегрейку, шитую из волчатины, подарок отца, застегнув которую на все пуговицы, Гаёз выскользнул во двор. Мать только и успела перекрестить его в дверях.

- Не волнуйся, Манана, иди лучше посиди со мной, - обратилась к девушке старуха. Хозяйка подсела к гостье, и они завели долгий разговор о своем, о женском.

Ночи в горах и без того темные, а тут еще туман. Вооружившись факелами, заложив за пояс домбачу (самодельное оружие) и всунув в сапог охотничий нож, Гурам шел впереди, освещая дорогу. Чуть позади плелся Гаёз. Всю дорогу они молчали. Внук хотел было завести разговор, но дед прервал его, так и шли, не проронив ни слова, вслушиваясь в жуткую тишину осенней ночи. Изредка ее нарушал вой шакала, долетавший издалека. Окрестные собаки отвечали коротким, отрывистым лаем, потом все затихало на некоторое время и повторялось вновь. Все эти ночные голоса свертывали кровь. У Гаёза разыгралось воображение, ему казалось, что кто-то идет за ними, он то и дело испуганно оборачивался, вздрагивал, услышав посторонние шумы.

Все его страхи с каждым шагом приумножались, ночная прохлада стала пробирать до костей, и от этого, а может, от страха, его затрясло. Стала зловещей фигура, идущая впереди с поднятым над головой факелом, безмолвная, во всем черном, окутанная со всех сторон туманом. Размытые тени, вырастающие из тумана, так же неожиданно исчезали в его толще. Вой шакала, сковывающий и пронизывающий до глубины души, все это наяву напоминало рассказы о тех далеких временах, когда земля была населена злыми колдунами и дэвами. Об этом часто рассказывали на ночных посиделках, детвора с охотой слушала предания старины, а старшие с забавой рассказывали, играя испугом и детским воображением.

Из этих душераздирающих раздумий к реальности его вернул хриплый, протяжный кашель деда. Поначалу Гаёз аж вздрогнул и чуть было не выронил из рук взятый про запас факел, который он так хотел зажечь. Но тут же им овладело спокойствие. Все то, что вырисовывалось в его воображении, вдруг рассеялось, он облегченно вздохнул, когда приглушенным голосом дед обратился к нему: «Смотри под ноги, ступай тихо». Гаёз в ответ только укнул, и дед затушил факел. Все вокруг проглотила тьма. Постояв несколько минут, привыкая к темноте и вслушиваясь, они осторожно, шаг за шагом стали продвигаться. Гаёз держался левой рукой за бурку деда, сердце сорванца колотилось так, что прерывало дыхание, он почти не соблюдал дистанцию, то и дело натыкался на деда, то спотыкался. Гурам в ответ только шипел. Ночь была тихой. Лишь легкие порывы ветра нарушали тишину шелестом пока еще не опавшей листвы. Они почти дошли до места, слышалось журчание и всплеск воды меж речных камней. Пройдя еще немного, наткнулись на стог сена. «Здесь засядем», - чуть слышно сказал Гурам. Внук в ответ поддакнул. Осторожно, не создавая лишнего шума, разложили сено, устроились поудобнее и, накрывшись бур-

кой, стали ждать. Ночь пронизывал далекий, заунывный вой шакала и полусонный, ленивый лай сельских собак.

Месяц назад волк изрядно потрепал нервы жителям нижних селений. С интервалом в несколько дней им были совершены набеги на пастбища, до смерти перепуганы дети, купавшиеся в речке, и женщины, полоскавшие белье. Собравшись, мужчины устроили облаву. В итоге волк задрал двух псов и ушел, хотя в схватке пострадал и сам. Зализывая раны, он отлеживался в логове. За эти месяцы из молодого самца месть превратила его в матерого хищника. Не вернувшись в родную стаю и не пытаясь создать семью, он искал свою судьбу, сея вокруг себя ужас. Страх бежал впереди его, слагая легенды. Старики, покачивая головой и поглаживая бороды, говорили в один голос: «Беда, беда нам, не изведем беса, он вскоре на нас охотиться будет». «Ну как тут быть, - сетовали другие, - когда ему нечистая сила в помощь». «И за что нам такое, за какие грехи нас карает?» - голосили женщины. Одним словом, страх поселился в этих местах, расползаясь по склонам, передаваясь из уст в уста и приумножаясь.

Гурам вечером, загоняя скот, все тщательно проверил, опасения его были небеспочвенны. Дело в том, что овчарни располагались вблизи речки, почти у самого берега. Пожелай волк напасть, то выбрал бы именно его скотный двор, так как он стоял особняком и был удобен для нападения. Двор охраняли две собаки - а толку в них? Молодые кавказцы только натаскивались и не были особым препятствием для волка. Гурам разделил их. Самца поздоровей, по кличке Глурджа, он запер с овцами, а Шинда, так звали второго, был заперт в хлеву. Такое решение стало роковым, но безвыходность толкнула Гурама на это, с расчетом, что он опередит одиночку. Кровля была худой, сколько раз Гурам хотел обновить и укрепить ее, но все руки не доходили. Нет, решено, приедет сын, в первую же очередь перекроем, разве это дело, не кровля, а решето, думал старик, закрыв глаза. Гаёз, свернувшись калачиком, прижавшись к деду, сопел. Гурам нащупал рукоять домбачи. «Не подведи, - мысленно обратился он к оружию. - Нет, не должно, сколько раз выручало. Самодельное, но не хуже турецких ружей будет. Надежда на ловушки. Дай Бог, только бы все получилось». Мысли в голове старика кружились роем. Ночь была длинной, ожидание долгим, и было время, о чем подумать.

Волк вышел на опушку леса и долго стоял принюхиваясь. Он обошел селение снизу, легкое дыхание восточного ветерка доносило запахи и скрывало его присутствие. Места ему эти были хорошо знакомы, особенно собаки, с которыми ему доводилось встречаться. Продолговатый шрам на левой верхней губе - свидетельство жестокой схватки. Спустившись к реке, он еще некоторое время стоял, вслушиваясь в шепот осенней ночи. Войдя в воду, он стал не спеша подниматься вверх по течению. Приближаясь к селенью, все острее чувствовал запахи, наполняющие воздух разнообразием человеческого бытия. Но слаще всего запахи сонных овчарней, пьянящие остротой дремлющих псов. От этого кровь в жилах кипит, и ярость стекает слюной.

Все сильнее в воздухе сгущался едкий запах навозных куч. По обыкновению с задней стороны скотных дворов находились выгребные ямы, это существенно облегчало уход за скотом, и волк научился использовать это в своих целях. Остановившись на выборе, удобном для нападения, волк стоял, втягивая воздух. Запахи вырисовывали в нем картину, он знал, с чего начать. Волк, с присущей ему осторожностью, не спеша, то и дело вслушиваясь в ночь, улегся в воду, стал кувыркаться, плавно перекатываясь с бока на бок. Выйдя на берег, легко отряхнулся, вытянул морду, чуть присев, осторожно ступая, направился к месту, где лежала навозная куча. Извалявшись в ней, он без всякого труда, одним прыжком очутился на верху овчарни. Они сами по себе строятся приземистыми, чуть выше среднего роста человека.

Пройдя по краю кровли к правому углу, волк на миг затих, ночь не выдавала его присутствия. Внизу под ним мирно блеяли сонные овцы и изредка сквозь дремоту поскуливал пес. Волк осторожно стал разгребать сгнившую от времени солому, ему не составило особого труда проделать лаз. Просовываясь в него, словно змея, он все же привлек внимание старого козла. Тот издал приглушенный, наполненный тревогой характерный звук. Овцы тут же, встрепенувшись, прижались к противоположному углу, не понимая и не осознавая опасности, толкались, напуганные больше своей суетой, чем реальной опасностью. Вся эта суета не осталась без внимания Глурджа. Вскочив и ощетинившись, он зарычал, принюхиваясь, но не мог уловить запахов и не понимал, откуда все же грозит опасность.

Волк замер и ждал. Вроде бы напряжение спало, собака стала обнюхивать все вокруг, но ничего подозрительного не обнаружила. Сколько раз Глурджа вскакивал по ночам впустую по вине козла, то ли от старости или от постоянного страха ему всюду казалась опасность. Что там говорить о других, если собаки сами недолюбливали козла и при малейшей возможности не упускали случая прихватить его. Но тот был не из пугливых, пускал рога в ход, тем более - хозяйский любимчик. Все затихло, но козел не упускал натянутую им нить тревоги. Глурджа, почесав за ухом, громко зевнул, улегся на солому, положил морду на лапы и закрыл глаза. Овцы все так же грудились в противоположном углу, некоторые улеглись, игнорируя опасность, другие же оставались на ногах, дожидаясь, по-видимому, продолжения. Не спеша, постукивая копытцами, козел вышел вперед на середину и остановился. Глурджа открыл глаза и приглушенно зарычал, давая понять, что сейчас не до него.

Волк терпеливо ждал, выдержка - сестра внезапности и победы. Он понял, что собака одна, притом неопытная - это облегчало дело. Чего не скажешь про козла, который проявлял упрямство. Постояв на месте, козел так же не спеша направился к углу, откуда до него донеслись подозрительные шорохи. Подойдя, он остановился и стал вглядываться, но напрасно. Расстояние меж ними было меньше метра, волк прекрасно видел козла и ощущал на себе его дыхание. Козел хотел было отойти и уже повернулся, как в то же мгновение, подобно вихрю, налетевшему ниоткуда, волк, расслабившись, под силой собственного веса свалился и одним стремительным движением вспорол шею. Кровь хлынула из рваной раны, у козла подкосились ноги, и он повалился на бок, хрипя, захлебываясь собственной кровью. Все произошло так стремительно, что, не успев до конца понять случившегося, он издох.

В овчарне начался переполох. Овцы панически орали, надрывая связки, и метались из стороны в сторону. Пес, вскочив на лапы, в суматохе оценивая ситуацию на ходу, стал громко лаять, тем самым выдав свое местонахождение. Волк, ощетинившись, рычал, глаза горели в темноте, как адское пламя, и они бросились навстречу друг другу. Схватка была недолгой. Опыт матерого взял верх. Пес приглушенно скулил, лежа на спине, пытаясь освободиться, но все усилия были тщетны. Клыки все сильнее сжимались, сдавливая глотку до тех пор, пока тело Глурджи не стало слабеть и полностью не обмякло. Потрепав его, волк ослабил хватку, залитая кровью морда пса откинулась, он уже не подавал признаков жизни. За стеной лаем заходился Шинда, панически мычали коровы в стойлах, визг свиноматки с поросятами резал слух. Стена между хлевом и овчарней была не сплошной, и было возможным из одной половины попасть в другую. Вдоль тыльной стены, на всем протяжении, был стеллаж, по которому можно было перебраться через стену. Со стороны овчарни это не составляло труда, в хлеву же напротив это было затруднительно, так как стеллаж проходил вдоль стойла, и собаке оставалось лишь до хрипоты лаять и прыгать на стену, разделявшую ее и волка. Хищник стал рвать обезумевших от страха овец. Картина была жуткой: повсюду кровь, разорванные тела и вывалившиеся из них внутренности. Витавший в воздухе запах смерти пьянил волка, утоляя его ярость.

Опасения Гурама оправдались. Он ткнул локтем спящего Гаёза, тот спросонья вскочил:

- Что случилось, дедушка?

- Вставай быстрей! - раздраженно прикрикнул Гурам. Шум, доносившийся со двора, быстро привел в чувство Гаёза. - Держи, - Гурам протянул факел внуку и стал высекать искру.

Нервозность мешала, он стал выходить из себя, лай собаки, раскалывавший ночь, торопил пастуха. Время шло на секунды, он боялся не успеть. Наконец искра появилась, пламя стало облизывать пропитанный смолой войлок.

- Поджигай и свой факел, - спешно молвил Гурам, и они, рассекая светом тьму и туман, поспешили на помощь. На ходу Гурам извлек из-за пояса домбачу, осмотрел ее беглым взглядом и взвел курок. Они вбежали во двор. - Стой здесь и ни шагу, понял?! - крикнул Гурам.

- Угу, - испуганно ответил внук. Из-за дверей доносился ужас. Все звуки, слившись в один страшный хор, холодили сердце. Гаёз чувствовал, как дрожат и подкашиваются ноги. Выставив вперед факел, Гаёз пытался рассмотреть хоть что-то, но напрасно. Лишь бледно-желтое пятно впереди выдавало деда, который спешил.

Откинув в сторону засов, Гурам ворвался в овчарню, держа впереди факел. Свет рассеял тьму, но тонкая занавесь тумана, прокравшись вовнутрь, не давала пастуху разгля-

деть, тем более что ему мешали овцы, хаотично устремившиеся к спасительному выходу, путаясь и чуть не сбивая старика с ног. И вот он увидел зловещие огненные глаза, смотревшие на него, и услышал жуткое, как смерть, рычание. Волк стал метаться, не давая прицелиться пастуху, и одним прыжком очутился на стеллаже, готовый юркнуть в проделанный в кровле лаз. Раздался оглушительный грохот выстрела, пороховой дым окутал и без того плохо просматривавшееся пространство. Пуля со свистом вгрызлась в стену. Гурам понял, что промахнулся, выругавшись, с досадой плюнул и выбежал во двор.

- Ушел, - промолвил Гурам и со злостью сунул оружие за пояс. «Не подвело», - с холодной ухмылкой подумал пастух. - Гаёз! - окликнул он внука, - иди сюда, иди.

Волк, выскочив наружу, пробежав вдоль стены, хотел было уйти, но дыхание ветерка донесло до него то, что он уже и не пытался ощутить. Он остановился, как вкопанный, не веря в случившееся. С жадностью втягивал в себя воздух, в котором, словно неуловимая тень прошлого, витал слабый запах, который сковал его в тот же миг и буквально на мгновения смягчил его своей теплотой воспоминаний. Они все это время сверлили ему сердце и не давали покоя. Не зарастающей раной они жили в нем, не даруя надежду, но подпитывая ярость и желание мстить. Волк повернул назад.

Подойдя к переднему краю кровли, он глядел вниз, определяя источник, взбудораживший его. Виной всему была душегрейка, подаренная Гаёзу отцом. Кто знал, что мир настолько тесен. Волк переполнился приступом ярости - ощетинился. От цели его отделяли считанные метры. Инстинкт самосохранения притупился, глотка пересохла, чувства из прошлого улетучились, уступив в сердце желанию мести. Он попятился назад, готовя место для решающего прыжка. Главное, достичь цели, а дальнейшее его не волновало. Наконец-то он отомстит тому, кто вырвал из него жизнь, обрек его на призрачное существование, неизлечимую боль, заглушающуюся лишь привкусом смерти.

Гурам, выйдя во двор, осматривал все вокруг. Опустив вниз факел, будто бы искал что-то, пытаясь разглядеть, медленно продвигался в сторону, где стоял Гаёз. Внук шел ему навстречу, еще не оправившись от всего того, что случилось с ним этой ночью. Весь этот переполох пробудил окрестность, повсюду был слышен протяжный лай собак, тревожное мычанье и блеянье скота. Сквозь весь этот гам до Гурама донесся мимолетный шорох, сердце пронзила тревога. Он вскинул голову вверх и увидел размытый, бледный силуэт, скользнувший по кровле.

- Гаёз, осторожно! - во все горло закричал Гурам и бросился к нему. Оттолкнувшись от края стены, задние лапы волка чуть соскользнули и прыжок не удался. Волк угодил в расставленную Гурамом ловушку. Она являла собой крупноячеистую сеть, натянутую над землей на высоте двух локтей и закрепленную по краям кольями, глубоко вбитыми в землю. Попавший в нее зверь лишался опоры, провалившись, был скован в движениях.

Волк пытался вырваться, извиваясь и рыча, он грыз сеть, но надежда на спасение покидала его, как покидали и силы, таявшие подобно утреннему туману. Обессиленный волк был взят. В пасть была вставлена палка и обмотана бечевкой. Задние и передние лапы растянуты и привязаны к жердям. Все было кончено, но и связанный, волк не желал покоряться судьбе, косился зло наполненными кровью глазами, напрягая изнутри все жилы, он издавал гортанный хрип, наполненный ненавистью и безумием. Гаёз помогал деду, надо было хоть как-то привести все в порядок. Выпустить кровь из издыхающего скота и приготовить его к ошкуриванию. Десять овец и козел были убиты волком. Не считая Глурджи. Немалая цена заплачена, подумал пастух, но зато все кончено - и слава Всевышнему. Не жаль, ей-Богу не жаль.

Над вершинами запламенел восход, предвещая ясный и жаркий день. Туман медленно стал оседать, открывая размытые очертания гор. Гурам сидел на бревне, думая о своем, не вслушиваясь в веселый, неумолкающий щебет внука. Устало вздыхая и изредка покачивая головой, смотрел на волка, лежащего у его ног.

Рассказав селянам о ночном приключении, Гаёз закончил словами:

- Не верите? Приходите сегодня к старому дубу, там дед с волка живьем шкуру спустит, - и с важным лицом добавил: - По старому обычаю. Вот так вот.

Толпа загудела, обсуждая новость. Одни выкрикивали восторженно:

- Молодец Гурам!

Другие же проявляли сомнения:

- Кто его знает, тот ли этот волк, на лбу же не написано.

Но как бы то ни было, прийти к дубу решили все. По разным соображениям.

Старый дуб, был местом общих сборищ. Тут обсуждались важные дела, вершились суды. Правил всем совет старейшин. Дуб был посажен в незапамятные времена и символизировал стойкость духа, вековую мудрость и непоколебимость веры. Много всего произошло под его кроной. Лишь ему известно, что было и чему предстояло быть. В его тени полукругом лежали валуны, от времени вросшие в землю, по числу апостолов. На них и восседал совет. Место это было почитаемо и свято, дань уважения прошлому и укрепление духа будущего. Созывали жителей ударом колокола, висящего тут же, на массивных столбах, и прозванного в народе «глас совета». Гурам входил в совет и мог созвать жителей единолично, но для этого нужен был весомый повод, и пойманный волк был таковым. По обычаю, поймавший хищника, который угрожал жизни людей, считался избранным, так как простому смертному одолеть силу бесовскую не представлялось возможным. Поймавший наделялся последним словом в решении спорных вопросов, был окружен почетом и уважением не только в своем селении. Снятие шкуры живьем подтверждало принятие им всех этих почестей и символизировало изгнание темной силы. Воистину - тщеславие от лукавого.

Звон напряженной меди созывал селян. Гурам решил собрать всех перед обедней, провести обряд, а потом с народом идти в церковь и молиться. Народ стекался к месту совета, были даже посланы гонцы в близлежащие селения. Шутка сказать, демон изловлен - событие. Как такое пропустить. Жизнь проживешь, а на своем веку, может, и не случится этакого. Даже старики не припомнят подобного. Ходит легенда про охотника Зураба и о его схватке то ли с медведем, то ли с оборотнем. Толком никто не знает, оно и понятно, давно это было, живых очевидцев нет - иди разберись, где там правда. А тут вот оно - наяву. Любопытство слаще меда.

Толпа, обступив место, гудела. Набросив овечьи шкуры на камни, старейшины уселись. В центре перед ними лежал волк. Колокол затих, но воздух был пропитан его напряжением, все было готово к началу.

- Смотрите, едут! - воскликнул вдруг кто-то из толпы.

- Едут, едут! - пронеслось тут и там.

- Кто, кто едет?

Народ стал спрашивать друг у друга и вглядываться вдаль. Два всадника на алхакинских вороных скакунах приближались к месту общего сбора.

- Како-абрек это, - вдруг вырвалось из чьих-то уст и в толпе расползлось шепотом: - Како едет, смотрите, смотрите, и немой Зелим, вроде он.

Ребятня вырвалась вперед столпившихся и восторженно заголосила:

- Како приехал, Како!

Мальчишки часто играют в разбойников, называясь их именами. За смелость и свободолюбие они считались людьми уважаемыми.

Толпа расступилась, и всадники, натянув поводья, остановились перед собравшимися. Фыркая и клацая дорогой сбруей, жеребцы топтались на месте, тревожно подергивая мышцами, косились, почуяв волка. Приложив руку к сердцу, Како поприветствовал старейшин и весь честной народ. Зелим, смотря исподлобья колкими, холодными глазами, лишь кивнул в знак приветствия.

- Вижу, что-то важное собрались решать, - промолвил Како, обращаясь как бы ко всем присутствующим. Ребятня заголосила:

- Дед Гурам волка изловил!

Кто-то из юношей цыкнул на них, мол, куда вперед старших лезете, без вас разберутся. Те замолчали, виновато хлопая глазами, юркнули в толпу и глазели оттуда.

- Честь и хвала тебе, Гурам, - продолжил Како, чуть подсолив свое обращение к нему иронией. - Поймать матерого воистину под силу человеку храброму.

Внук Гурама стоял и светился от гордости и желания прокричать, что и я там был. Но встревать в разговор не позволяли обстоятельства. Гурам пропустил мимо ушей словесную закорючку абрека и ответил:

- Не только храбростью, но и мудростью жива старость.

- В этом нет сомнения, - молвил Како, спрыгнув с седла.

Он был среднего роста и телосложения, густая борода подчеркивала колоритную внешность его. К тридцати с небольшим годам от роду он был наделен всем тем, что вызывало в других по отношению к нему восхищение и неподдельное чувство уважения и гордости. Он был хорош собой. Каракулевая папаха, чуть надвинутая наискосок, подчеркивала его веселый нрав. Черная, словно ночь, бурка, застегнутая на золотую застежку, шитая из

дорого сукна чоха, подпоясанная кожаным ремнем с серебряной пряжкой, висящий сбоку кинжал, вложенный в дербентские серебряные ножны, украшенные лалом, и торчащий из-за пояса рукояти кремневого ружья, инкрустированного слоновой костью, приковывали взгляд, завораживая окружающих простотой отменного вкуса. Мальчишкам он казался былинным героем, юношам - олицетворением мужества и благородства.

Зелим так же был во всем черном, его отличала лишь мохнатая овечья папаха, выше обычного закругленные плечи бурки и перекинутые за спину крестом ружья. Он был чуть ниже ростом и широк в плечах. Из-под мохнатой натянутой на глаза папахи сверкали, словно кинжалы, глаза, выражавшие не жестокость - холод. Черная окладистая борода придавала лицу угрюмость. Он по природе не был немым, но почти никто не слышал его голоса. Принадлежал он гордой народности кистав. Никто не знал о нем больше ничего. Вот уже четвертый год он был предан Како, не разлучен, как тень, и тот считал его своим младшим братом. Познакомились они в сурамской крепости, куда были посажены каждый за свое. Вместе бежали, Зелим был ранен, Како на себе нес его, тот лишь приглушенно мычал, просил оставить его. Потом еще целый месяц ухаживал за ним, как за ребенком. Слава Богу! Выходил, и с той поры они вместе кочуют, и молва о них оглашала Кавказ. Зелим оставался в седле и пристально наблюдал за всем. Ребятишки, отделившись от общей массы, с любопытством разглядывали сидевшего верхом абрека, перешептывались, попытались приблизиться, но тут же остановились, не осмеливаясь ослушаться старших. Любопытство раздирало, Зелим видел все, но виду не подавал, в груди его что-то кольнуло, пытаясь размягчить, но проявление какой-либо слабости мгновенно уничтожалось в его душе.

Како вышел на середину, толпа, качнувшись в его сторону, остановилась. Гул стих. Абрек, сделав еще несколько шагов, встал, буквально на мгновение задержав взгляд на лежавшем почти у его ног волке. Они встретились. Не знаю, правду ли старики говорят, что, мол, в каждом из нас живет волк, но не каждому суждено наяву встретить своего, чтоб обменяться душами. Како, подобрав края бурки, присел, волк косился, не отрывал от него глаз.

- Вот и встретились, бедолага, - обратился он к хищнику, тот в ответ лишь хрипло рычал.

Абрек поднялся, обойдя матерого, встал перед советом и обвел старейшин взглядом. Те ждали. Молчание было кратковременным, но в нем был сгусток напряжения, ощущавшийся сердцем и проявлявшийся на лицах собравшихся. Только старики сохраняли хладнокровное спокойствие, готовые выслушать и принять единственно правильное, а главное, мудрое решение. Како начал:

- Позвольте мне, уважаемые, обратиться к вам, - старики одобрительно кивнули головой, он продолжил: - Знаю, много хлопот и бед принес жителям этот хищник, и вправе над ним свершить возмездие тот, кто поймал его. Но приговаривая к смерти, - в голосе абрека появилась легкая хрипота, подчеркивавшая всю важность сказанного, - будете ли вы уверены, что на принятие такого решения не повлияли личные мотивы, скрытые двусмысленностью и выгодой.

Лицо Гурама окаменело, внутри бушевало пламя, готовое вырваться и испепелить оратора, но это было бы слабостью, и потому, сдерживаясь, он не подавал вида и слушал. Абрек продолжал:

- Вы знаете, как я отношусь к Гураму, - вот в этом определенно была скрыта двусмысленность, так как никто точно не мог бы сказать, хорошо или плохо они относятся друг к другу - на то были свои причины. Како поправил папаху и обратился: - Тебе, Гурам, мое предложение. Назови цену - она твоя, и больше вы не услышите о волке. Молва и так будет знать, кем он был пойман, почет и уважение не обойдут тебя стороной. Содрав с него шкуру, - абрек указал пальцем на волка, - не пребудет и не убудет от тебя, но оставишь в живых, это подчеркнет твое благородство. Ведь сказано: умение сильного - прощать, - абрек, взглянув на Гурама, прохрипел: - Я все сказал.

Гурам обдумывал сказанное. Народ и совет ждали его ответа, напряжение нарастало, он знал цену ему, ведь как бы то ни было, последнее слово за ним. Гурам встал, провел ладонью по взрыхленной от морщин шее и, сделав шаг навстречу, не спеша хриплым, сдерживающим гнев голосом нарушил затянувшуюся тишину:

- Я что-то не совсем понял, что ты имел в виду, упоминая о двусмысленности? Разве совет не в силах разобраться и принять мудрое решение? - Гурам, повернувшись лицом к старейшинам, вскинул правую руку кверху, продолжил: - К вам, уважаемые, обращаюсь.

Разве обычаи, дошедшие до нас и передаваемые нами дальше, не делают нас сильней? Не укрепляют ли в нас веру? Не отцами и дедами разве написаны законы, по которым живем и будут жить наши дети и внуки? Припомнит ли кто-либо из присутствующих, чтоб совет вынес несправедливое решение, идя на поводу у чувств, пошел бы против устоев, оставленных нам на бережное сохранение и почитание?

Гурам был искусным рассказчиком и знал, как вести разговор. Не ущемляя своих интересов, находил выгоду, умело прикрыв ее знанием обычая и неписаных законов. Теперь, когда он помянул о старине, ему нужно было заручиться поддержкой селян, и он плавно перевел разговор из далекого прошлого в настоящее. Освежая память собравшихся об ужасе и страхе, который все это время жил в каждом из них, он подвел черту словами:

- Не говоря уже, сколько скота было задрано волком. И потому, - Гурам, выдержав паузу, продолжил, - я волен на то, на что дает мне право обычай.

Како смотрел на него, чуть прищурив глаза. Как ни странно, но ему всегда нравилось слушать старика, его изворотливый ум и тонкость мысли восхищали абрека. Невольно вспоминались его тосты, тягучие, как мед, и журчащие словно родник, утоляющие жажду мудростью и красноречием.

- Все, что сказано тобой Гурам, не подлежит сомнению, - начал было Како, - но это лишь одна сторона монеты. Что же касается другой стороны, то я постараюсь дать разумное пояснение о двусмысленности твоего решения, - Како начал набирать обороты. - Почему тогда не учесть те обстоятельства, какие сделали его таковым? Что или кто был причиной всего этого? Месть не чужда человеку, стало быть, и зверю ведома она. Я заплачу любую сумму тому, кто научит волка жевать сено и пастись, как овца. Таковым его сотворил Господь, такова его природа. Вы все знаете, кто я, чем живу и как живу. Разве не месть лежит в основе моей природы? Так как тут быть? Одних вы почитаете, других же обрекаете на смерть, - Како тонко чувствовал все происходящее и знал слабости человеческой натуры. Проводя параллель между собой и волком, он надеялся сменить гнев на милость, и более того, пробудить в них чувство восхищения. Ему это удалось. Толпа загудела. Расколовшись на два мнения, каждая сторона ревностно отстаивала свое. Совет решал. Удар колокола одернул спорщиков. Совет готов был огласить решение, и собравшиеся, затаив дыхание, ждали его. Дед Вахтанг, опершись на посох, встал. Окинув всех усталым взглядом, прерывисто, чуть приглушенно начал свою речь. Народ напряженно вслушивался в каждое вылетевшее из седых уст слово:

- Приговор к смерти - диктуется местью. Мудрость же лишена этого чувства, которое, как коррозия, выедает душу. Соблюдая ревностно обычаи, разве мы лишаемся добродетелей? Разве Господь наш не учит милосердию? Разве оно может быть выборочно? - дед Вахтанг, сделав паузу, обвел всех взглядом, проникающим в душу слушающих его. - Обычаи, - продолжал он, - пришли из глубины прошлого, много в них мудрого, но и спорного не меньше. Завет крови Христовой, вот закон на все времена, - Вахтанг перекрестился, и за ним последовали все. - Сколько крови и слез было и будет пролито, покуда месть и гордыня, подобно змеям, жалят наши сердца, - Вахтанг, прокашлявшись, протер уста. - Слушайте! - чуть повысил голос он. - Таково наше слово. Уважаемый Гурам, изловивший волка, назначает цену, и при этом за ним остаются все привилегии, согласно обычаю. Хочу заметить, деньги, полученные Гурамом, не выкупают живую тварь, ибо жизнь не имеет цены, они лишь возмещают убыток.

Не успел Вахтанг закончить, как толпа разразилась восторженными криками, приветствуя решение совета. Како подошел к Гураму и протянул руку, старик пожал ее.

- Может, останешься? - обратился он к абреку.

- Спасибо за гостеприимство, но нам пора, впереди долгая дорога.

- Как знаешь, дело твое, куда путь держишь? - спросил старик.

- В Джавахети, Гурам, - ответил абрек, запрыгнув на скакуна. - Ну-ка подайте матерого, - обратился он к двум юношам, рассматривавшим волка.

Те не без труда взялись за жерди, поднесли хищника. Конь, почуяв волка, затоптал, закружил на месте. Како, натянув поводья, успокоил его, волка закинули поперек. Абрек прокричал:

- Мир вам! - и пришпорил скакуна.

Всадники понеслись, развеивая бурками и поднимая пыль. Народ расходился, оживленный разговорами. Готовясь к обеденной молитве, многие проведут этот день, а может, и ночь, за долгими разговорами застолья.

Александр ХАЛОВ

В ЭПИСТОЛЯРНОМ ЖАНРЕ, или СОПЕРНИКИ

Повесть нарисованная в письмах

I

Володька, здравствуй!

Пишу тебе из белозерской деревни. Жена настояла, чтобы в этом отпуске всей семьей поехать к ее родственникам. «В деревню, к тетке, в глушь, в саратов...» Детей захотелось вывезти на лето на природу, подальше от города, городской грязи и городской пыли. Это, конечно, надо.

...Ну и нашла такой уголок у своей тетки. Лесной воздух, коровье, козье молоко, речка... В общем, им здесь все нравится, кроме черно-белого телевизора. Нам со Светланой тоже. Загораем, купаемся. Начало июня, дел особых нет, помогать, кажется, не в чем. Ну да Светланина тетка и не дает нам ничего делать, считает, что надо москвичам поднять здоровье. Закармливает нас своими пирогами, творогом домашним, сливками, маслом, заливает молоком. Дядька все время пытается меня упоить, то есть напоить так, как здесь полагается - дорогого гостя, то есть, до ус..чки. Ну, то есть, до положения риз. А еще лучше, до поросячьего визга. Я вначале сильно упирался, а теперь... Сил нет. Вернее, силы как раз на это появились. Так что, все возможно, как-нибудь мы с ним в хлеву очнемся под утро.

В общем, зря времени не теряем, наслаждаемся деревенской жизнью. Домой, ведь, как вернешься, как окунешься опять в «город», в работу, так только недели замелькают. А тут ходим не спеша. Несколько дней было холодно, так я даже в дядькиных валенках по дому бродил - красота. Ногам мягко, тепло.

Неделя с небольшим прошла, а кажется, будто месяц живем. Жизнь здесь будто удлиняется. Осталась нам еще неделя, потом оставим детей в деревне, у тетки, сами съездим в Петрозаводск, к предкам. Надо.

Я, как всегда, здоров. Светлана здесь пободрее стала. А Юлька с Димкой - вообще хорошо. Света все жалеет, что никакие заготовки в июне нельзя сделать, поделали бы здесь, пока отдыхаем, да увезли домой. Тетка уверяет, что сделает сама, только приезжайте, заберите осенью. И малины, говорит, наварю, и брусники. И клюквы наношу, берите. Картошки - пожалуйста, сколько угодно можно брать. Дядька говорит, что бычка будет колоть, мяса отделит и нам, забирайте, мол. У нас только слюнки текут. Но как я поеду, это же такая даль, как это все везти? Машины у меня нет, а если кого-то нанимать, или даже если кого-нибудь из приятелей просить, то на один бензин столько денег уйдет, что рентабельнее и проще купить все в магазине, у себя под боком. Так что... Вот мы и ходим, вздыхаем и мечтаем. Была бы своя машина, я, конечно бы, не утерпел, скатался за домашней выделки продуктами, одни сливки здесь чего стоят. Но мои заработки, Светланкина зарплата не позволяют нам, практически, ничего лишнего. Какая нам машина - мы кроме еды, одежды, расходов на что-нибудь из мебели раз в год ничего существенного из покупок себе позволить не можем. Сейчас, вот, мечтаем о компьютере для ребят. Это же хорошо, если они с детства привыкнут к компьютеру, будут с ним «на ты». Вроде бы и пальто Свет-

ланке надо новое, да и у меня зимняя шапка никуда не годится. И вот, сидим мы иногда с женой, рассчитываем, уже намереваемся отложить денег на какую-нибудь вещь ей или мне, а кончается все тем, что купим что-нибудь детям. Может это и неправильно, но мы как-то переориентировались, как бы себя поставили на второе место, а их на первое. Поэтому новая димкина курточка мне, например, «заменяет» две новых мне. Телевизор - это в семье для всех, поэтому телевизор и «видик» в этом году мы обновили. (Видеомагнитофон был еще советского производства - помнишь «Электронику ВМ-12»? А телевизор «Рубин» ламповый? Все это у меня пахало исправно, но все-таки нам хотелось более удобных, современных вещей и мы разорились на хорошие телевизор и видеомагнитофон.) Это приобретение совсем недавнее, так что ты о нем еще не знаешь. Шик, просто обалденное удовольствие вылезть в субботу вечером из ванны и посидеть всей семьей у телевизора. Кассет пока своих нет, берем в прокате или у знакомых. Ну а еще наше достижение - отдельный школьный уголок Димычу. Это уже не покупка, не разорение, потому что стоит подобная вещь очень много (для нас я имею ввиду), это мое и достижение, и изобретение. Делал я сам. Считай, что год шаркал - пилой, рубанком, напильниками, дрелью и так далее. Димку возле себя каждый раз держал в обязательном порядке. Хоть их в школе и будут потом на трудах учить, но если дома никто своими руками ничего не делает, я считаю и дети, когда вырастут, в своем доме ничего сами, своими руками делать не будут. Так что мы с Димкой вдвоем или, вернее - я, при его мешании и порчении моих заготовок, делали.

Не знаю, интересно ли тебе то, что пишу, ты у нас человек творческий, тебе мои заботы могут показаться мещанскими, обывательскими. Ну что делать, мне нравится так жить. Я помню, сколько мы с тобой спорили, все равно меня не переубедишь: семья у человека должна быть на первом плане.

Очень хотелось побывать у тебя, но сам видишь: не получается. Хочется посмотреть на тебя ТАМ, посмотреть, как ты там вообще устроился. Мне до сих пор непонятно, хотя столько раз уже мы говорили об этом: как ты решился удалиться от благ, так сказать, цивилизации? Мы вот здесь отдыхаем, можно сказать, и телом, и душой, но постоянно жить здесь - извини... Тетка с дядькой, как встают в пять-шесть утра, так весь день на ногах: корова, овцы, поросенок, куры, огород, печка, дрова... Это же деревня! Сам образ жизни, место обязывают. А дядька, хоть и любитель заложить за воротник во всякое время, вкалывает, дай бог. Тут и после работы и до работы такая же работа, если не больше. Ни душа, ни ванны, ни отопления. Очень трудно тут жить.

Ехали мы сюда долго и поразмышлялось мне чего-то, пока сидел в поездах и автобусах. И кое-что стало понятно. Ответь: так или нет. Я вот прикидывал в сравнении с тобой: почему я держусь своей работы, квартиры, семьи. Не то, чтобы цепляюсь, скажем, за работу или квартиру, но держусь за них - сам понимаешь. Я живу этим, это главное: семья, потом квартира, потом работа. Надо детей поднимать, надо быт улучшать. Я не могу себе позволить заниматься чем-то посторонним, не зарабатывать или мало зарабатывать. Увлечения, конечно, есть, как у всех, но они только в свободное время. Дачный участок, вот, взяли, огород разрабатываем. Даже фундамент будущего дачного домика заложил. Видно, так от родителей мне передалось (у моих предков по сорок лет трудового стажа и по одной записи в трудовой книжке!): в жизни должна быть одна работа, одно постоянное место жительства. Ну и - это уж совсем естественно! - чтобы одна жена (а не на каждый разный период жизни разная, это камень в твой огород). Чтобы дети все время были рядом. Бывает что-то и хочется изменить в жизни (ну бывает, у всех наверное бывает иногда, моментами какими-нибудь), но взвесишь, оценишь все нажитое, и сразу страшно становится все потерять. Да и последствий дальних опасаешься, которых никогда нельзя до конца предвидеть, особенно при поворотах судьбы. Так что - «нет». Я даже не наступаю на горло собственной песне, как бы сказал ты, я просто ценю то, что уже есть, что нажито.

А у тебя все, тем более все бытовое (или, может, я не прав?), как попутчики. Все и все у тебя до тех пор, пока пути совпадают. Ты не держишься ни за что. Вернее, ты держишься. Но лишь за одно: за свой путь. Идешь с кем-то, с чем-то, потом вдруг, или не вдруг, я теперь уже не понимаю: «Вот, новый поворот, и мотор ревет, что он нам несет, омут или брод, пропасть или взлет?» Да? «И не разберешь, пока не повернешь! За поворот!.». Так? Эх, вот уж не завидую тебе иногда!.. Бывало, вижу, как ты круто заворачиваешь руль, ну, думаю, поначалу, по первым случаям думал: все, опять Володьке не повезло - авария. Потом стал чувствовать: что-то не так, не совсем так. А теперь думаю, что совсем все не так: по тебе не сказать, что ты на обочине. Как будто даже все наоборот. Своеобразные у тебя

достижения. И рост. Наши друзья-приятели какие уже карьеры сделали, каких вершин достигли! Ну, свою карьеру я тебе только что назвал. А твоя карьера, так действительно, от слова «карьер». (Из серии: аллюр, галоп, карьер) «Золото Маккены» - твоя карьера. (А обо мне - ты не думай, я не иронизирую, я даже в чем-то горжусь тобой - обо мне действительно нечего говорить: мои достижения все налицо, ты их видишь, когда приезжаешь.)

...Причем все у тебя начинает происходить как раз тогда, когда жизнь налажена, когда все спокойно: живи и пожинай плоды прежних трудов.

Ну как это так: не нравится тебе легко и спокойно жить, что ли?! Как будто ты решил себе поставить за принцип: не почивать на лаврах. (Так спи теперь на соломе. Шучу.) Ты даже как будто страшишься этого: тебе страшно почивать на лаврах.

А еще ты, по-моему, водитель, который решил проехать по всем дорогам.

И вот, поэтому, начало новой, следующей, очередной дороги проезжаешь, ухабы, завали, зигзаги, виражи крутые миновал, вышел на ровный участок, впереди только чистый асфальт и все заранее известно по карте - известен теперь весь твой маршрут на этом пути. Тогда на первом же подходящем перекрестке: тормоза до отказа, - вой, скрип, скрежет от этого, - руль в нужную сторону тоже до отказа (нервы, наверное, тоже). Встречные - поперечные - в стороны, попутчики, если какие и удержатся, то только самые-самые верные. А ты (как бы ты образно выразился, дай подумать, с чем бы сравнить, ну, например) - а носорого-слоно-гиппопотам поворачивает туда, прет туда, куда захотел повернуть. Тот, кто встанет на пути, будет либо перешагнут, либо снесен, либо отлетит в сторону от движения, как пылинка.

И вот ты на новой дороге. Новые ухабы, повороты, перевалы, рытвины - новизна ощущений. Ну что, горки миновал, пошла ровная дорога. И все известно по карте. Чуть-чуть по ней еще тогда проедешь. И снова выглядываешь что-то. Что? Ну чего тебе опять не хватает?!..

И опять баранку судьбы вправо-влево, и все по новой опять. Вот кошмар... Ты не думаешь, что когда-нибудь не удержишь руль? Хотя у водителей и растет мастерство с количеством пройденных поворотов.

А близкие? Близкие могут не выдержать, могут вообще, совсем не понять, испариться. (Мне-то что, я далеко и могу, так сказать, наблюдать издалека за «водородными взрывами», из укрытия, в безопасности. Могу я, товарищ, причислить себя к Вашим близким?)

В общем, раздумывал-раздумывал я, сидя и глядя в окно, над всем этим да и проанализировал как-то, для себя незаметно, все это. Все, что происходило у тебя на моих глазах и потом. Сам понимаешь, профессиональный бзик. Бывает и свои-то действия, поступки машинально анализируешь на эффективность, целесообразность, конструктивность и так далее. Вот мы, например, когда со Светланой выбирали, где взять дачный участок, она говорит одно, а я ей - полную раскладку: стоимость проезда, качество земли, количество земли, наличие речки, наличие автобусного маршрута, возможность подвести электричество и так далее. В итоге выбрали для дачи не самый ближний участок. Но он практичнее всех других и для души, и для тела!

...Я прошелся по кругу твоих занятий (увлечений) за те годы, которые мы знаем друг друга. (Ведь мы с тобой уже дай бог сколько вместе. Два года в школе в старших классах, вместе поступали в институт, да пять лет проучились вместе, да при этом три года прожили в одной квартире. А что было у тебя раньше, я, наверное, могу экстраполировать.) Получилось у меня так: при мне ты как раз единожды прошелся по некоторому кругу занятий. Это заняло лет семь. Потом ты расширил его, вышел, так сказать, за свой обыденный круг, дополнил его новым. И вернулся на круги своя. Ты вернулся к кругу прежних своих увлечений-занятий, включив новые, в свой обыденный круг. И в дополнение вернулся уже на другой высоте (глубине?). И пошел снова по кругу. И далее. У меня получилась расширяющаяся спираль. Она начинается из точки (эта точка - это точка рождения) и идет вверх направлением раскручивания своих расширяющихся колец. Мне стало завидно: так жить!!! Но - ну тебя на фиг... В общем, - к аллаху, конечно же.

Теоретически, при рисовании фигура красивая. (Вернусь, попробую развернуть ее на компьютере.)

По-моему, ты пробуешь себя в каком-то деле (профессии, области занятий, области знаний), пока не постигнешь их на ту высоту (глубину?), которая... Тут я долго не мог уяснить, не мог определить даже саму постановку вопроса: что? чему? Долго напрягал ум, думал, вдруг осенило (вертикаль-то поднимает возрастная составляющая!): которая соответствует возрасту.

Попробую объяснить. Получается, ты имел какие-то задатки, таланты: способности. И ты с детства «пошел» по ним, как по увлечениям. Пошел, конечно же, машинально. Затем то же получилось в юности. Со стороны покажется: ты увлекался. Я говорю теперь: ты использовал, применял, заставлял работать свои задатки, свои таланты. Развивал их.

Так, стоп, еще раз. Ты от рождения, от бога, так сказать, получил какие-то способности. Вначале, в детстве, ты не понимал этого. Просто занимался тем, что тебе было интересно, что привлекало - «щупал». Затем тоже самое (когда смог сам делать, пробовать, берем пример - фотография) стал изучать, пробовать, пробовать себя практически, в деле. Затем - и это был третий виток, третий круг - ты пробовал уже не себя, не таланты, а их силы - свои силы в своих увлечениях. (И это было при мне. Пример - та же фотография). Ты все также увлекался, но наращивал уже не количество занятий, а, ограничившись кругом тех, к которым способен, шел в их глубину.

А вот потом... Потом ты «пошел», повинуясь уже не влеченью и интересу, а какому-то необъяснимому инстинкту. И это чувствовалось. Это ощущалось по твоим письмам. Особенно по письмам. Ты пошел, повинуясь инстинкту, заложенному в самих дарованиях. Хотя, я думаю, почти уверен, ты сам не знал зачем. (Но все время, всю жизнь ты подчинял материальную сторону своей жизни - духовной. Движению, вектору духовной стороны. И это о чем-то серьезном говорит. Прости, не хочу путаться, не знаю, к чему эта мысль, поэтому эту мысль обрываю.) И вот, двигаясь на инстинкте, по инстинкту - и все время по «кругу» - ты вычленил, выбрал свои главные таланты, ты установил, к чему тебя влечет больше, к чему твоих способностей больше. Затем ОПРЕДЕЛИЛ ДВА главных. Затем ОДИН главный. (Хотя - это всего лишь ты так решил, никто не знает, какая способность у него большая.)

И тогда уже все другое (со стороны - резко, но, признаюсь, мне теперь кажется, очень плавно) свернул и весь отдался главному. (Главному таланту.) (Ты был инженером по профессии, а стал - художник.) И всю свою жизнь дальше - место жительства, местность, жилище, работу (сферу зарабатывания денег на жизнь) подчинил главному: использованию, применению своего наибольшего таланта.

При этом другие свои увлечения-занятия ты не бросаешь, а занимаешься ими как бы время от времени. То есть движение и по кругу тоже продолжается. В следующий этап жизни - виток спирали - ты берешь все нажитое нематериальное духовное и душевное в предыдущих витках - периодах. Берешь и двигаешься дальше, выше. Круто. («Это круче, чем гонки на карах...» - как бы сказал мой Димка.)

Интересная вырисовалась мне концепция жизни: использование своих способностей, талантов, как способ жизни. Это первый и основной принцип. Творчество, как смысл жизни - твой второй. Третий: постижение жизни, как смысл ее. И четвертый (ну ты наглец... ты нахал...) - само творение своей жизни на основе данных тебе от бога способностей, как смысл ее.

У меня после этого анализа, да еще от вольготной неограниченной жизни здесь, в чистой природе, на свежем воздухе, что-то сдвинулось в голове. Не могу не признать тебя Большим человеком. А может, просто - дальновидным?

...При этом, у тебя такие требования к себе!!!.. Что невольно туго приходится и близким окружающим: им невозможно «отдохнуть, остановиться». (Я теперь понимаю, почему вы с Люсей расстались. Извини... Хотя и тебя теперь понимаю. Мы, вот, со Светланой друг другу «по скорости» соответствуем, - и вообще соответствуем, - так у нас и мыслей расстаться, чтобы не мешать друг другу никаких никогда не приходит.)

(Ты знаешь, я все-таки думаю, плохо, что ты один. Давай, ищи все-таки «пару». Вчера я слушал кассету Никольского (Константина Никольского) - помнишь, его песни были когда-то нашими культовыми! У Светланы есть знакомая художница - график, я попрошу ее «нарисовать песню» Никольского «Мой друг художник и поэт...» И пошлю тебе. Обязательно. Мне тоже захотелось по-твоему творить.)

...Так вот. И все, кто не соответствуют уровню твоего... (тут тоже термин еще не установленный) Остаются за бортом твоего... (Назову это: круга жизни.)

С людьми ты поступаешь своеобразно. Встречая нового человека, ты как копир: перенимаешь у него все самое свежее, сильное. Все конструктивное человеческое, чего еще не имеешь сам. Или - что интересует тебя. Ты «берешь» у него нужное, интересующее тебя качество и «вставляешь» себе. (Как, какими силами ты это делаешь?!.. Ты даже у меня «взял»! И я теперь знаю, что. Ты «обогатился» от меня!.. При этом еще больше отдал мне. Странно все: берешь, при этом больше отдавая. Ладно, разберемся.) Далее ты «идешь»

с ним до тех пор, пока он этим свежим для тебя (и сильным) обладает. Переняв, с удовольствием «идешь» с ним, пока он развивается, как личность. Как только он утратил свежее для тебя, или как только он остановился в развитии, ты покидаешь его. Как? Ты просто идешь дальше. «Прошагиваешь» его и идешь дальше. А так как вся жизнь твоя подчинена твоей внутренней жизни, духовной жизни, то постепенно у вас, у тебя с твоим бывшим близким человеком и жизненные пути становятся разными, перестают пересекаться. Отсюда, ты не встречаешь больше его, не встречаешься с ним. И забрасываешь его.

Боюсь, что и я тебе не смогу всю жизнь быть интересен. Твой темп трудно держать, он просто невыносим. Непрерывное (для чего-то) улучшение, изменение себя как ЕЩЕ ОДИН из смыслов жизни? Это трудно, это слишком напряженно, это тяжело. И без того забот выше головы, надо и «отдыхать». Ты конечно ответишь: «душа обязана трудиться». Но что поделать, если время такое недушевное. Да и материальная сторона жизни немаловажное, так? Да и тут уже не душа, тут уже у тебя другое: я бы назвал это дух - дух по твоему постоянно обязан трудиться, творить. (Все, хватит.)

...Кстати, почему бы тебе не заняться бизнесом? Ты утверждаешь, что творчество, созидание - единственный смысл жизни. Пусть так. Бизнес - это ведь тоже творчество?

Ты вспомни, как еще за сто лет до перестройки, году - дай бог памяти - в 1979-м, мы с тобой зарабатывали, подвизаясь на ниве фотографии. Как мы отрабатывали способы производства, приемы заинтересовывания клиентов, способы поиска клиентов. Услугами, расширением ассортимента услуг... Рассчитывали цены, конкурировали с другими частниками и с государственными ателье, снижая свои цены, улучшая качество своих фотографий. Помнится, наши цены в итоге оказались раза в полтора ниже государственных, а зарабатывали мы с тобой на двоих в среднем... Постой, сейчас пересчитаю на доллары, так как там рубли были другие. А считай, шестьсот долларов на двоих в месяц. (Восемьсот, помню, однажды было, когда без продыха потрудились). Какие мы были деляги, а? Это так бы мне сейчас зарабатывать! Может, начнем опять? Надоела постоянная бедность.

Мы ведь тогда даже сняли квартиру на двоих вместо общаги - шикарно жили!.. Я тогда, помню, сумел первый раз в жизни без помощи предков прилично одеться, а ты - а что ты?... Не могу вспомнить. Ах, да: ты приобрел другую аппаратуру, более дорогую и, естественно, более лучшую, с большими возможностями. «Никон» «широкий», «Экзакту», павильонную камеру 24 на 30. Во, вещи! Глаза у нас тогда горели, это так.

А что было дальше. Да-да-да... Это Россия... Дальше появилось много «доброжелателей». Россия... Тебя вызвало факультетское начальство и задало вопрос в духе штурмбанфюрера Мюллера: «На кого вы работаете?» И с кем вы работаете. Я был удивлен, что тебя вызвали одного, наверное, я меньше занимался съемками и клиентурой, а больше сидел в лаборатории. То есть, был не на виду. Когда тебя вызвали, я решил, что неприятности будут крупные, тем более, мы оба были кандидатами в члены КПСС. А в обвинении было: гребешь деньгу лопатой, подпольный частник, снимаешь «хату». Кроме всего, водишь «девочек», с которыми круто веселитесь. Обликус морале... Черт возьми, как мы с тобой тогда на все обозлились! Ведь вместо того, чтобы действительно по ночам веселиться, корпишь за фотоувеличителем ночь, пальцы всегда желтые от химикатов, постоянный недосып, потому что работа обычно с вечера до утра, а с утра - занятия, а днем надо учиться. А какая-то сволочь из зависти, из-за неспособности своей на тебя капает и клепает, чтобы завалить. Но вроде бы даже партийное руководство всякой-то ерунде не поверило, кроме - деньгу лопатой. Да и куда бы оно без тебя - все освещение культурно-массовой работы, спортивных соревнований, все фотогазеты : все на вас с Люсей было.

...Тогда ты повел - а вот так вам! а запросто! - начальство на нашу «хату». И правильно: чего голословить, смотрите сами «малину»... (У тебя всегда была какая-то дальновидно-непредсказуемая, совершенно альтруистически-шкурная реакция!.. Помнится, ты любил - и хорошо выходило, кстати - в «мизера» в преферансе играть: никто никогда не в состоянии был предсказать твой сброс и твой ход).

Начальство долго недоверчиво смотрело на застанный врасплох полный порядок в квартире, отсутствие всяких примет разврата - нет, стоп: кроме огромной фотографии Высоцкого и «Битлз»! Осматривало фотоаппаратуру, выспрашивало, сколько это стоит, качало головами. Восхищалось фотографиями ночной столицы, портретами, пейзажами, фотомонтажами. Умилилось деревенским видам, слезно вспомнило свое босоногосопливое детство. (Как сказал, а!..) На прощание всего лишь отечески пожурило за корыстное использование своего дарования. И рекомендовало оставить незаконную предпринима-

тельскую деятельность (так страшно тогда это называлось), не втягивать в нее товарища (то есть, меня). И «не дразнить гусей» нескромными заработками... Пока дело не дошло до ОБХСС. История на том и закончилась, все замяли, спустили на тормозах, спасибо партии родной.

Так вот, немало ведь мы с тобой изобрели тогда, добиваясь высоких заработков. И насколько я помню, в основе всякого приращения денег была во-первых хорошая идея, творческая идея. То есть, я хочу сказать, бизнес - это тоже творчество. Может быть ты решил, что этот путь уже пройден? Попробовал и достаточно? Больше ничего интересного нет? Не знаю - не знаю... Как говорится, дело не в деньгах, а в их количестве. Когда в карманах пусто, и на душе кошки скребут. А у тебя, как я понимаю, в карманах совсем не густо. Ну да ладно, дело твое, тебя ведь не свернешь.

Но ты посмотри, как я расписался! Всегда с удовольствием читал твои письма, самому все некогда писать. Для меня всегда было проще взяться за телефон, чем за авторучку. Да и жизнь не так богата событиями, которые интересны за пределами семьи. Но твои письменные миниатюры о жизни, твои зарисовки давно искушают меня. И вот, наконец, подвигли ответить тем же. Да и обстановка располагает, и времени в избытке. Попробую и я себя в эпистолярном жанре. Завтра и напишу (есть одна история), сегодня, боюсь, не дадут. Дядька с работы придет, наверняка потребует у тетки праздничный ужин (плавно переходящий в ночное чай с вином питие). В совхозе у них какой-то праздник: то ли день какого-то святого, блин, то ли январскую зарплату выдали. А может, все вместе. Так что, идет большой сабантуй, ешкин кот. И в меня уже пол стакана влили. (А ты думаешь, чего бы это я так расписался и разоткровенничался, е!..) Ладно, оставлю пока писание, гребем сейчас всей семьей на речку, пока дядька не вернулся. А без нас тетка его один на один оглоушит едреной феней, утихомирит и спать завалит без гудежа. Все, Светка уже кричит: чего вошкаешься!

...Так, Володя, привет, все нормально: обошлось вчера. В общем, жму руку, привет тебе от всей нашей семьи, рассказываю: слушай. Мой рассказ называется: «Try (трэй)». Что по-английски значит: пробовать, стараться, пытаться».

Английский язык мне в жизни пришлось изучать трижды: в школе, в институте и на курсах. Вот с этими курсами и связан случай, о котором хочу рассказать.

...Естественно, сколько бы я ни изучал инглиш, все, что у меня потом от него оставалось, это хау ду ю ду, да еще хэппи бездэй то ю... Ну - еще умение кое-как переводить со словарем. (Как и у большинства совспециалистов с дипломом.)

По работе приходилось иногда переводить технические тексты. Мало-помалу даже наловчился и руку набил в своей области. Терминов у нас специальных много - составил словарик в тетрадке за четырнадцать копеек, карманный словарь на три тысячи слов постоянно в столе держал. Потом еще один - на пятьдесят тысяч слов приобрел. Хватало. Потом даже какое-то удовлетворение стал получать от переводов - работы с текстами. Коллеги стали обращаться, как к главному спецу.

Как-то наше начальство надумало поднять наш интеллектуальный уровень. И организовало Курсы повышения квалификации. И все это прямо в стенах родного НИИ, так что и ходить никуда не надо. Был в том числе и курс английского. Дело происходило летом, пригласили вести английский какую-то знакомую какого-то знакомого - школьную учительницу. Народ наш кое-как собрался на первое занятие, все тоскуют - придет тетя в очках, зануда какая-нибудь. А пришла такая женщина интересная! Что все наши ходить на английский стали: и лысые, и толстые, и женатые, и холостые. И даже женщинам нашим она понравилась. (Что - сам понимаешь!..) Не скажешь красивая - миловидная, привлекательная. Повела она себя со всеми запросто, как своя. Но что интересно, всегда за той чертой, что отделяет от разных там мыслей... Мы ее от начала до конца исключительно: Евгения Владимировна.

Вот это специалист! Почему у меня такой учительницы в школе не было!! Она нам такой темп задавала, что два часа - на одном дыхании, еле за ней успеваешь. Но всегда с удовольствием занимаешься, все в голове остается. Я в конце концов стал анализировать: почему у нее так получается? Пришел к выводу, что она и сознательно, и бессознательно включает в работу наши чувства. Сознательно - как хороший специалист, бессознательно - как интересный человек и интересная женщина.

В общем, все было отлично. После второго занятия уже все перестали конфузиться при отрабатывании произношения. А попробуй-ка всерьез сорока да пятидесятилетних

мужиков заставить перед дамами вымучивать английское «т» или там «з». «...Образуйте, плиз, щелочку между передним краем языка и верхними зубами...» И мы все и образовываем. Умора, детсад. Но все старались, и все ходили.

Так вот... А, кстати, о чувствах: давно заметил - когда чувства работают, память действует гораздо эффективнее. Безразличная учеба в будущем ноль.

Ходил на занятия и я. Хотя голова моя была занята полностью. Своими проблемами. (Какими - потом объясню.)

...А сколько мы узнали про Гриит Бритэйн! Можно было подумать, что наша учительница оттуда не вылезает. Оказывается, она побывала там, еще учась в институте (Надо думать, как отличная, как способная студентка. Почему нас с тобой в Ай Би Эм не посылали?). Потом она почему-то жила две или три недели у одной миллионерши, в ее доме. Какие там обычаи шикарные!.. Если пес хозяев встал лапами на плечи гостю (и на новый смокинг), гостю это только в радость. Если Вы согнали со стула, чтобы сесть самому, хозяйскую кошку, будьте уверены: Вас в этот дом больше не пригласят. Но если ты, едучи в автобусе - троллейбусе, захотел уступить место женщине, тебя просто не поймут: за это место уплачено тобой! Ну что это такое... А миллионерша, у которой наша учительница жила, ела - пила очень скромно. (Не по-нашенски живет, скряга!) Пьяных на улицах вообще нет. Но на приеме, организованном нашими по какому-то культуробменческому поводу англичане так навалились на нашу водку и закуски, так наклюкались, что... В общем, на дурняк уксус везде сладок. (А я и не подумал бы никогда на англичан... С виду такие всегда церемонно-культурные. (?)) Но что ее особенно потрясло на приеме - фуршете: наши английские друзья водку тянули через соломинку. (Нас это тоже потрясло, у нас так даже алконавты не делают.)

В Америке бывала со своими школьниками. Привезла оттуда яркие шорты (там летом все ходят в шортах в небольших городках) и привезла еще твердое убеждение в том, что наша система школьного образования или лучше, или гораздо лучше. Те, кто хочет учиться, у нас от школы получают значительно больше.

В общем, я бы долго еще рассказывал, да дело не в этом.

Мысли у меня тогда были совсем о другом: голова была занята проблемой рождения наследника. Жена на последнем месяце, волнуюсь за нее - сам знаешь, она у меня такая миниатюрная (до перестройки в детских отделах магазинов одежду себе покупала), что роды это проблема. Положили ее заранее. Я хожу гадаю, угадываю: кто у нас будет? В нашем роду наследники появляются трудно - я вот четвертый после трех моих сестер, - представь, то же случится у нас с женой? Во-первых, как мы станем жить в однокомнатной «хрущобе» вшестером? Во-вторых, на что мы станем жить, на какие шиши? Однако, в первом ребенке мы с женой не раскаялись, как квартиру после общаги получили, так сразу на второго пошли. Наши знакомые и приятели нам все уши прожужжали, что мы - сумасшедшие. Мол, посмотрите, что в стране делается, дай бог самим себя прокормить! А нам, честно говоря, надоело ждать, пока в нашей стране жить по-настоящему можно будет, у нас в стране всегда что-нибудь: не понос, так золотуха (причем, в каждом веке). В общем, мы решили жить сейчас. Плевать - какое нам дело до того, кто и как в нашем Кремле подвизается, у них свои игры, у нас своя жизнь. Наша со Светланой жизнь - это во-первых семья, вот мы и решили ЖИТЬ. (А уж будет не на что, так и в строители уйду, еще не забыл ни как мастерок держать, ни как раствор класть. Да мало ли что я вообще могу.)

Ну вот (короче), жена в больнице, я хожу, переживаю. Уже смирился с тем, что девчонка родится. Даже уже прикидывать начал, где, какие еще полставки взять, чтобы Светлана могла дома сидеть, когда на третьего пойдем. К предкам, думаю, съезжу, скажу: батя, желаешь иметь внука, давай помогай, иди к свату, помогайте материально, нечего сидеть, да покуривать, вон вы какие еще крепкие лбы, будете сиднями сидеть, до смерти в девках останетесь. Вот какое у меня было настроение. На работе все практически забросил, все встало, не движется. Меня, правда, особо и не напрягали, знали, что отработаю. Да, вот, у англичан, кстати, обычай хороший: рабочий день закончился, по домам разъехались - все, ша! Никто по служебным делам не позвонит. У нас же!.. Начальник отдела, как куда соберется, особенно по личным делам, - например, за запчастями к своему «Жигуленку», - так мне: бряк-бряк... Сделай, мол, то-то и то-то. Или замзав так же позвонит.

Вот однажды звонок. Шесть утра. Я - ну!.. Достали... Трубку не беру. (Я и не подумал, что это из роддома, у нас оттуда наоборот не позвонят.) Минут через двадцать опять трезвон. Поднимаю трубку, слышу голос начальника отдела. И - не глядя : «Здравствуйте, Николай Иванович, да, Николай Иванович, я составлю график работ на сегодня, Николай

Иванович, только назначьте ответственного за проведение работ». Николай Иванович мне: «Ты что - озверел? Какой график - аппаратура на профилактике. Ты почему дома не ночуешь... Но - ладно, это дело личное. У тебя сын родился. Меня подняли ни свет, ни заря, до тебя дозвониться не могут! В общем так, выходи на работу, а там посмотрим. Надо будет в роддом - уйдешь».

Как меня понесло с самого утра!!!.. Сын! Сы-ын!!! Сын!!!.. Ленку, дочь, чуть не напугал: пляшу и сам с собой разговариваю. Естественно, хлопнул рюмочку: да здравствует продолжатель нашего рода! (И отец его.) И полетел в институт.

Наши женщины и без повода в восемь тридцать уже первый чай ставят. А в этот день сразу в восемь - как пришли - поставили. Наш сектор скучковался, я сделал заявление: хочу широко отметить столь знаменательное событие. Возражений не поступило. Ну так тут же сделали и почин (не привлекая пока внимание).

Потом я слетал в роддом, потом в магазин, потом пошел по всем кабинетам и лабораториям: товарищи! Такое дело! Не откажите! В семнадцать шестнадцать (то есть, строго после окончания рабочего дня) прошу зайти к нам, в сектор, отметить рождение. Товарищи не отказывали.

Сам - парю, сам в полном блаженстве. Какие мне уже картины рисуются!.. Как мы с сыном возводим дом (пусть дачный, но ведь - дом!). Как я учу его тесать, строгать. Как копаем гряды, как разбираем компьютер... Едем с сыном на рыбалку, учу сына подтягиваться и вертеться на турнике... В общем... Ну да не всем это интересно.

В обед мы еще посидели, тесной компанией. Чего-то выпили, не помню чего, сколько, не помню сколько. Кажется, много. Но я был в таком состоянии, что лишь настроение поднимается, а нигде нисколько ни в одном глазу.

Обеденное застолье плавно перешло в послеобеденное, чтобы потом плано перейти в послерабочее - без перерыва. Народ из других лабораторий начал подтягиваться. Все прекрасно и я «герой дня без галстука»! Вдруг в три часа появляется наша англичанка. Все как завопили от восторга!.. (Мне даже неудобно сделалось - экая мы уже были пьянь...) Завопили! Потащили за стол! Наливают, угощают! Пытаются целовать, комплименты на рязанском английском только вьет, отпускают! Она молодец: сразу оценила обстановку. Очень красиво, церемонно, как это умеют делать англичане, от всей души, как это принято у русских, меня поздравила, даже в щечку поцеловала. И говорит всем: «Вам надо поберечь силы для вечера - давайте заниматься». Народ заморщился. Она: «Есть у вас актовый зал? Пианино? Все. Тема сегодняшнего занятия: английские песни. Поем русские и английские песни». Ну от такого занятия никто не отказался: продолжили застолье под официальной «крышей».

Евгения Владимировна нам аккомпанировала, мы пели. Потихоньку толпой: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...» Громко, она: «Естэдэй...» Потихоньку мы: «Что стоишь, качаясь...» Громко, она: «Гел». Потом чего-то еще. Потом она заставила нас разучивать шотландскую народную песню «Май бони». (И это теперь у нас в отделе что-то вроде «национального» отдельского застольного гимна. Как «крупно» посидим, так под занавес обязательно после «Шумел камыш...» (который является признаком перепития) затягиваем «Май бони». «...Май бони из оувэ зэ оушн, май бони из оувэ зэ сии-и-и...» И слова ведь, черт побери, с первого же занятия... Из головы не вылетели! И поем, - и споем, и снова затянем. И плачем (перепились, ясно...): боню жалко.)

Ну вот, в семнадцать пятнадцать занятие закончили - напелись. С семнадцати шестнадцати до восемнадцати - напились.

На столе скромно рисовалась одна бутылка сухого вина. (Двадцать одна тусовалась под столом). Один стакан, несколько конфеток. Желающие поздравить заходили, поднимали стакан, произносили тост. Сменялись.

Руководство тоже зашло. Приняло по капле, поздравило от лица. Наш пьяный народ начал неестественно громким шепотом в сторону и вверх, в потолок, говорить: неплохо бы так-то человеку квартирку дать!.. Жилплощадь ему расширить. Можно бы как хорошему специалисту!.. Можно бы и вне очереди... Как ценному кадру и в перспективе многодетному отцу. Руководство по-тихому смылось. Желающие посидеть «еще» остались тесной компанией.

...До дома я добрался «на автопилоте». Помню, движения у меня были такие плавные, медленные, как взмахи крыльев у большой белой птицы... Как у лебедя. (Нет, не у Лебедя...) А в метро еха-а-ал!.. Песня. Костюм, галстук - и пьяная улыбка до ушей. Дипломат в одной руке - и авоська с початой бутылкой и кульком конфет в другой. Народ на меня

только косился. Но народу в вагоне я сразу и запросто, без всяких аглицких церемоний, объявил на весь вагон: у меня сын родился, дочкин брат и... И вообще все люди - братья. Так спасибо людям: меня бережно, можно сказать, любовно на эскалатор завели, эскалатором подняли и мимо милиционера провели, Я ему тоже объяснял что-то, пытался ему налить и угостить конфетами. Ой...

Ввалился в квартиру, дочь рисует, уроки сделаны. Я ее угостил конфетами в честь дня рождения братика. Помню, мы с ней еще чай пили и о жизни говорили: философствовали. Потом она говорит: давай ужинать, а я уже ничего не могу, чувствую, отключаюсь. Строго наказываю: в квартиру никого не впускать, никого не выпускать (меня особенно). Пойду, говорю, доча, я, прилягу: что-то у меня все болит. Да, доча, я заболел. Но немножко. К утру пройдет. Пойду прилягу я. До утра надо выздороветь. Потому что поедем к маме. А ее нельзя такой «болезнью» расстраивать. Алена спрашивает: «Ой, что с тобой, папочка?» Я... (Вот уж недолго думал, мозги-то на взводе, набекрень!.. Как и в голову-то приходит умное такое!) Я, говорю, пил сегодня яд! Есть такой обычай во взрослой жизни, традиция. Во взрослой жизни он, понимаешь? «Понимашь! Всем во взрос... жись... прих...ся пить эт-т ядд...» Мужчинам больше достается - они есть сильный пол. Так вот, когда рождается сын, отец должен выпить как можно больше этого яда. Зачем? Чтобы сыну меньше осталось. И вот, чтобы твоему братику осталось меньше, - а потому, жилось лучше, - я сегодня изо всех сил отпивал его долю. Алена: «Бедный мой папочка... Спасибо тебе от братика, я ему потом все расскажу». Я содрогнулся, потом прослезился и уснул.

Что мне снилось, что со мной было - чего только не было. Помню только последний сон, вот какой.

Приезжает в наш институт делегация из Англии. С комиссией из Академии наук. Внезапно приезжает. И как раз по теме нашего отдела. Переводчика почему-то нет. А руководству нашему нельзя в грязь лицом ударить, оно заметалось. Вдруг вызывают меня. Прихожу к директору. «Ты, говорят, лучше всех в отделе английский знаешь - вперед. Выжми из себя все, как на экзамене. А чтобы тебе легче было...» Я и слова сказать не успел, подхватили меня под руки, потащили куда-то. Я вначале пошел, потом стал упираться: что, мол, за спринт, куда вы меня гоните? Отвечают: к психологу - он что-то рассказывал про стимулы человеческого сознания, вот пусть он тебя и простимулирует. Я вообще обалдел: то ли меня в психушку тащат, то ли эти с переполоху тронулись.

Приволокли меня, слава богу, к институтскому психологу - к Потапычу, в его лабораторию. Я поуспокоился, в лицо мы с ним знакомы, здороваемся, хороший человек. Они ему: «Давай, что ты там рассказывал на семинаре». Он: «Каждый из нас хоть раз в жизни изучал английский. Так вот, некоторые ученые утверждают, что в ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕКА ВСЕ виденное, слышанное и чувствованное ОСТАЕТСЯ. В этом смысле человек подобен записывающему устройству: записывает в свою память все, что попадает в органы чувств. Но, но... Не ко всему запомненному всегда есть доступ. Доступа нет в обычных условиях. Сами знания, например, есть, а доступа к ним нет. Задача состоит в том, чтобы, попросту говоря, научиться выталкивать знание из глубин. То есть, необходимы стимулы. Существует с десяток основных стимулов человеческого сознания, выбирайте. На первом месте у человека стоят сексуальное желание, страсть. На втором любовь». И мне подмигивает. Руководство прямо оторопело - ошизело, запараноило... В те времена секса у нас в стране еще не было, он только-только зарождался, и наши старые олухи даже растерялись от такой, Потапыча, научной наглости. Наконец, зам директора по науке выдавил: «Эт-та чта ему сначала бабу, пардон меня дери, надо, а потом только - англичан?» Потапыч спокойно отвечает: «Вы меня не поняли - я перечисляю стимулы человеческого сознания, а уж ваше дело, какие кому выбирать... Далее идут: желание славы, успеха, власти, денег. Потом - музыка, поэзия, литература. Затем дружба, интеллектуальный союз. Далее - общность страданий - испытаний, самовнушение, страх, алкоголь, наркотики».

Все - немая сцена. Потом слышу шипение: «...Ну и стимулы у вас, товарищ психолог государственного научного советского учреждения... Вас послушать, так сознанию: то бабу, то денег, то вина... Вперемежку с общностью страданий от всего этого. Неужели же для советского человека, неужели для сознательного социалистического члена общества ничего более подходящего нет!?» Потапыч снова мне подмигивает - ну оч-чень многозначительно...- и отвечает : «Почему же, есть и для советского человека кое-что. Вы же меня прервали, не дали изложить, я перечислял вначале общее: общечеловеческое. Есть и для советского - так называемые социальные стимулы: повышение в должности, награждение орденом, медалью, грамотой, вручение премии, получение новой квартиры, - нако-

нец, загранкомандировка. Ну, загранкомандировка для нашего стимулируемого сейчас неактуальна, а вот расширение жилплощади, как я заключаю по выражению его лица, форме надбровных дуг и форме пальцев, очень и очень, весьма и весьма стимул веский и своевременный». И снова подмигивает мне. Ну я его понял! «Потапыч!.. - изо всех сил головой в знак согласия киваю, - ты молодец!» Мысль у меня заработала, как процессор, как бетономешалка: надо для семьи выжать из ситуации все, что можно! Надо выбить квартиру!

Руководство засовещалось. Потапыч отводит меня за перегородку и говорит вполголоса : «Слушай, я их озадачил, пока скребут затылки, хочу тебя поздравить». «С чем?» - спрашиваю. «Как с чем? Ну, ты даешь! Уже весь институт знает! Вылетело из головы с этими, - кивает на перегородку, - что ли? У тебя же сын родился! Народная молва донесла, что до этого три девки было, а теперь вот парень. Ну ты молодец! Герой! Я тебя поздравляю! Жаль, не знаком с твоей женой, познакомь мою с ней, прошу. Что у тебя за женщина - вот это настоящая! Вос-хи-щен вами!!!.». И наливает нам с ним по чашке коньяку. Выпиваем.

«...А насчет делегации - не бери в голову: стимулов у тебя сегодня будет, хоть отбавляй. Единственное что подскажу - какая у тебя память лучше работает?» «Зрительная», - отвечаю. «Ну вот, - говорит он, - будешь разговаривать с иностранцами, если чего не знаешь, не торопись. Представляй сразу же открытый словарь, листай его и бери себе нужное слово». Я: «Угу-м».

Тут руководство зовет: «Вы где там?» Потапыч: «Все, все... Я тут как вы просили: простимулировал его маленько - практически. Э-э-э... - инъекцию сделал». Из-за перегородки с опаской, настороженно: «А это не того... Не опасно?» Потапыч: «Не-е-ет!.. ЭТО - не опасно. Хотя, как знать, кому как, на каждого по-разному действует». Вытерли мы губы тыльной стороной ладони, выходим. Нам объявляют: «Руководство института входит в мое трудное жилищное положение и выделяет моей семье, как единственной в институте многодетной, трехкомнатную квартиру в достраиваемом доме. Конечно, при условии моей успешной работы с сегодняшней делегацией. Вот ордер». И подают мне какую-то бумажку. «Расписывайтесь». (А я - забыл здесь сказать - на самом деле в этот день расписывался в документах на квартиру, но еще не в ордере. А сейчас мы живем в трехкомнатной, ты знаешь.)

...Что я потом делал, где был!.. Не знаю. Онли римэмбэ, что стоим мы с делегацией из Гриит Бритэйн и комиссией ин ауэ лэборатори. Обход и отчеты, и выводы, как видно, уже сделаны. Все о»кэй. Олл райт ин Раша - директорат сияет. Я в сторонке болтаю с какой-то лэйди фром Ландон. И она так похожа на нашу тииче Евгению Владимировну, что я диву даюсь. И треплемся мы с ней, и треплемся, и слова из меня сыплются горохом. Она спиик ми, что родом вообще-то из Шотландии, из какого-то (вот не запомнил название) смолл таун. Тогда я вспоминаю и мы с ней поем на два голоса сонг «Май бони». По-английски, конечно. Все в восторге, все хлопают. Я извиняюсь за свое произношение и говорю, тоже, разумеется, по-английски: «Мой английский, конечно, плох. Он беден. Но я...» Тут хлопки усиливаются. Я договариваю фразу, произношу последнее слово, оно звучит так: ...»трэй». Хлопки становятся еще громче, я морщусь и... И просыпаюсь. При этом в сознании будто что-то захлопывается. (Вот это ощущение хорошо запомнилось!)

...По комнате ходит дочь в ночной рубашке, напевает и хлопает в ладоши. Замечает, что я проснулся, бросается ко мне : «Папочка, папочка, ты выздоровел? Мы поедем к маме и братику?» Я сел в кровати, в глазах заходили такие круги!.. В затылке так стукануло!.. ТАК голова у меня еще никогда не болела! С кровати встал, чуть не упал. «Ну, Потапыч, бурчу!.. А говорил, не опасно. Да разве можно коньяк с сухим вином мешать...» Еле до ванной дополз, как голова раскалывалась.

Но было что-то сильнее бодуна, что не давало покоя. Я покачался под душем, отсиделся в ванной. Поставил чай, напился чаю... А последнюю-то фразу из сна как-то зацепил. Как зацепил, так и держу, и потерять боюсь, твержу ее про себя. Почему-то первая ее часть звучит у меня по-русски, а последнее слово - по-английски. «Мой английский еще плох, он беден, но я ... трэй». Что я трэй? Зачем я трэй? Что такое за трэй? Кого я - трэй?!.. Или может я кого-то спьяну ударил?! Кошмар начался. Что я такое спьяну ляпнул, может, неприличное что-то?! Я листал словарь до тех пор, пока не отупел. Слова не было. Походил по кухне, осторожно выяснил у дочки, как я себя вечером вел - нет, вполне!.. Все в рамках допустимого, приличного.

Вышел на балкон, закурил. Тут же бросил - какая гадость!.. (Знаешь, ведь, как это с

перепою бывает.) «Во, - говорю себе, - наклюкался, даже курить не можешь. Значит, нажрался здорово на радостях». Снова чай пил, с лимоном. Снова в ванной под душем стоял. Фразу держу и твержу. Ни-че-го. Наконец, что-то такое проклюнулось в мозгу: хватаю словарь, смотрю на обложку. Словарь называется «Русско-английский». «Ну, - говорю себе, - ты и кретин». Бегу в комнату, хватаю англо-русский, который и нужно было сразу смотреть! Веришь ли - руки дрожали, когда листал страницы и подходил к нужной! Когда взгляд подводил к тому месту, где должно было быть ЭТО слово!.. Медленно-медленно перевернул последний раз страницу, медленно скольжу взглядом вниз - вот оно. Оно есть! «Трэй - пробовать, стараться, пытаться». У меня на секунду даже «крыша» поехала, разум помутился!

Теперь последняя фраза звучала так: «Мой английский, конечно, еще плох. Он беден. Но я стараюсь (пытаюсь, пробую)...» Да, теперь я все вспомнил: именно так я и хотел там сказать.

Перелистал теперь русско-английский словарь, отыскал в нем слова «пытаться, пробовать» - результат тот же.

Все, финиш. Сижу на кухне на табурете в полной прострации: не знаю - кто я, где я, что я... Понимаешь, как только я нашел в словаре то слово, я понял: не мог я его сказать, не мог. Почему? Да не знал я его, понимаешь! Не знал и точка! Точно! Уверен: не знал. А если не знал, значит, не мог сказать. Но ведь сказал? Какой-то замкнутый круг. Не знал, но последняя картина сна ясно показывала обратное.

Голова вообще стала раскалываться. Выпил кофе с коньяком. Сердце вздрогнуло и в затылке погорячело, но в общем стало получше. Накормил дочь, пошли на трамвай. До самого роддома думал, как я мог произнести слово, которого не знал.

Потом стало не до того.

...Позже я перелистал все свои английские записи, все переводы, все рукописные словари - нет, не пользовался я этим словом. Как, видимо, и многими другими из моего разговора во сне, которые просто не запомнил, которые промелькнули во время разговора, которые не успел выхватить из сна.

Вспоминая сейчас эту историю, нахожу объяснение всему происшедшему в том, что листая десятки, сотни, тысячи раз справочники и словари, взглядом скользил и по тому, что не было нужно, но что, однако, в поисках нужного видел, то есть как бы читал. Значит, взглядом записывал в память все, что видели глаза, вот оно все и всплыло, а как еще иначе?

(PS. ...Я запрещаю своим детям смотреть фильмы ужасов, триллеры, фильмы с мистикой, дьявольщиной, маньяками, потоками крови, кровавые боевики, похабную эротику, порнографию, слушать и смотреть по телевизору новости, которые состоят у нас почему-то из одних преступлений и происшествий. Я думаю и нам тоже стоит поберечься: наши умы - не свалка грязи и мусора.)

(PPS. ...Письмо отправляю уж из Москвы. Да... Опять дом - работа и захлестнули дела. Вместе с письмом и рисунок.)

II

Валерка, здравствуй!

Валенок ты деревенский - привет! Привет, привет. Не хотишь, гришь, жить в дяревне? Ни ванны тябе, ни душа, ни отопленья? Одна робота да черно-белый тилявизор? Ну-ну... Действительно, от такой действительности с ума можно сойти. Но кто, спрашивается, тебя принуждает жить так? Живи по-другому - устрой себе ванну, душ, устрой себе работу! Это же элементарно, мой ватсон! Ну не живи ты в избе, если не хочешь избы!.. Устрой себе Дом! Потрудись, поломай мозги и устрой свою жизнь так, как желаешь, а не только отрицай то, что не устраивает и не нравится. А то прямо как в «Бременских музыкантах» : «Не же-ла-ем жить по-дру-го-му, не же-ла-ем жить - эх! - по-дру-го-му!» И так далее, но не более, чем это далее.

Валерка - пьяница ты белозерский на час... - я бесконечно рад твоему письму! Ведь два с половиной месяца молчал! Ну что это такое... Разве можно так... А уж рассказу твоему - рад от души, тем более, ты выбрал (для меня) для него на редкость удачное время. Он - да и все письмо - подняли мне настроение, а то совсем я было... Раскис. Болею. Представь! Я - и за-бо-лел. Это что-то странное. (К тому же болеть я терпеть ненавижу!) С тех самых пор,

как перешел на бег босиком (вместо бега в кроссовках - и по жизни, мой друг, и по жизни тоже) - босиком по земле, по воде, по камешкам на тропинках, по хвое, по росе, по стерне - у меня все разложилось по полочкам. С тех самых пор я стряхнул с себя ворох простудных болезней. Каждое их посещение, во-первых - явление, во-вторых - горестное событие. Не умею болеть. И не желаю. Каждая болезнь у меня непременно что-то означает, обычно, какую-то чрезвычайную для организма ситуацию. Предпоследняя простуда, например - сильная нервная передряга. Последняя ангина - отлакировал за один присест метров шестьдесят квадратных!.. Паркетным лаком паркетного пола. Сразу и свалился с отеком. Но теперь не то. Стрессы, неконструктивные нервные вспышки обхожу, по паркету не хожу... Купаюсь - точнее, заставляю себя купаться! - в любую погоду, до льда. Радуюсь холоду, стараюсь жить, как все живое в природе. И одеваюсь чуть легче, чем принято по погоде: хочу чтобы организм работал. А если вдруг становится холодно, просто ускоряю шаг. Некогда специально закаливаться, чем увлекались мы раньше, заставить организм работать, реагировать, самому защищаться - вот Задача.

Ты спросишь, отчего тогда я все-таки заболел? Отчего, не догадаешься ни в жизнь, потому что это так интимно, что на это нельзя и подумать. И смешно: ты бы слышал, как я время от времени сейчас покатываюсь над собой! Смешно дураку, смеюсь: получил подарок... Представь себе: любимая женщина наградила... Бывает же такое! (Бывает, конечно, и хуже... Тьфу, тьфу, тьфу...)

И вот теперь отмучиваю положенное для болезни время: лежу, сижу. (Прошли времена, когда дела были превыше всего и болезни переносились на ногах - ну к черту...) Ляжу-у на пя-а-чи. Пью с медом чай. И таблетки. Через день, то прокаливаюсь в русской печи, то парюсь в бане. Если бы не болезнь, была бы не жизнь - лепота.

«Твой» рисунок!.. Вот это подарок! Спасибо. (Уж признаюсь: НИКАК не ожидал!) Класс!.. Это я (так ты мыслил?) и моя «мечта». И графика прекрасная - просто прелесть! Давно я уже столь тонкой - более того: поразительной! - работы не встречал! Вот это рука! (Поцелуй от меня эту руку.) Передай мое восхищение и преклонение и еще... (Сам решишь, можешь не передавать.) Твоей художнице лет двадцать пять - тридцать. Это раз. В «Константине Никольском» она понимает так же, как я... - в гаубицах... Ну да, все внешнее из песни есть. Прости, нет духа ее, ее сути - красивая картинка... Не расстраивайся, я уже «нарисовал» тебе «ответ». Сам я пишу «маслом», поэтому попросил свою «пару» (спасибо тебе сердечное за тревогу и за заботу), она любит графику и неплохо рисует - «мы» нарисовали вместе. Это называется: «ЖЕНСКОЕ». Мы попытались дать в одном образе все женское. Взгляни на свою жену свежим взглядом - есть ли все это в ней?

...А я вот сейчас ничего не рисую: нет энергии, у больного слабенькая энергетика, нет сил созидать. Читаю. Развлекаюсь О"Генри, наслаждаюсь Стендалем. И вот что еще сделал: лет пять уже не знаю почему, снедало какое-то любопытство - перечитал «Овода». Может быть хотелось узнать, как воспримется теперь, в этом возрасте? Может быть, хотелось сравнить, как будет восприниматься теперь, после того, что в нас, в стране так произошло? Не знаю, копаться не стал, мучило любопытство и все, я и поддался ему. Болезнь дала время читать, считай, помогла.

Что тебе сообщить... (Уж верно не станешь сам перечитывать.) Читалось с интересом, да-да. Кроме того, что я совершенно позабыл за годы многие места и поэтому читал книгу, как НОВУЮ книгу, и вспоминал ее, я позабыл и свои впечатления, позабыл «того себя» и, читая, вспоминал «его», и сравнивал. Себя «того» и себя «сего». (Последний раз я читал книгу, кажется, в шестнадцать лет.)

Ты знаешь, Овод более не пронял и не потряс меня. Как в детстве. Нет, не пронял, нет-нет, не потряс. Ни своей убежденностью (недальновидно, не умно, он даже еще не марксист), ни своей деятельностью (неэффективно, просто страшно неэффективно!), ни своими принципами (не жизненно).

Верно ты заметил: трудно быть системщиком (даже бывшим) - дурацкая привычка все машинально проверять на взаимосвязанность, целесообразность... Послушай, может он просто слишком молод был? Жизни не понимал? Ведь посмотри, что у него за принципы - так вообще жить нельзя! Что за принципы, по которым сильную и чистую любовь необходимо не проявлять, а подавлять, скрывать? Во имя чего - дела? Значит, это твое дело бардак, а не дело! Это для меня од-но-знач-но.

ЗАЧЕМ ЖИТЬ, ЕСЛИ НЕ ЛЮБИТЬ?..

...Зато на совершенно невозможную, новую, потрясшую меня вещь наткнулся я в «Оводе»! И всего-то одна-две, как говорится, строчки. Но какие! Но какие!!!.. Как я за них

благодарен писателю, книге, Оводу. Они заставили пережить меня новое ощущение: чувство взгляда в свою могилу.

В самом конце книги, если не поленишься посмотреть (взгляни, но только, видишь ли, это надо бы прочитывать в контексте), Овод перед расстрелом проходит мимо отрытой для него (именно для него!) только что могилы. Свежевырытая, свежая, на краях - земля. Он проходит мимо и заглядывает в нее. Так вот, в этот единственный миг я был заодно с ним. Я вдруг пошел с ним и встал с ним на край своей могилы. Я заглянул туда и увидел ее дно. Край, дно. Вот сейчас раздадутся выстрелы. И сразу после них в падении в эту яму прекратится моя жизнь. Все... Дно, край.

Обреченно. Нет, не то. Тупо. Тоже не то. Со страхом. Нет. И нет, и да. Но не со страхом смерти - со страхом небытия смотрелось у меня вниз и вперед. Я еще смотрю вперед, еще вижу далеко, вижу горизонт. Но и край. И этот, под ногами, край земли есть буквальный край: это край моей жизни. И вовсе не солдаты с винтовками, не пули, не расстрел, не сама смерть - конец, край! О нет! Вот - вот эта свежевырытая яма мой конец! Конец вообще, конец всего на свете, мгновенный ад. Бр-р-р...

Вот это ВОСПИТАТЕЛЬ! Вот - ВОСПИТАНИЕ.

...Какие такие неудачи, проблемы, терзания, страсти, стоимости, цены, деньги, налоги, дела... - и что там еще!? После ВСЕГО. После ЭТОГО всего.

Наверное возможность утром проснуться, открыть глаза, увидеть мир, заварить кофе или чай, - а вечером, устав от трудов, забот этого мира и своих хлопот в нем, лечь спать, - вдыхать воздух и чувствовать его кожей, промокать под дождем и изнывать от жары, солнца и искать снова и воду, и жар, - слышать - свист ли косы на лугу, дребезжанье ль трамвая, - главное - слышать, видеть, любить, творить, создавать, мыслить, переживать - вот оно, главное и вот только что и надобно.

И никто у тебя никогда не сможет ничего отнять, потому что все, что ты имеешь, находится у тебя внутри.

...А где это все происходит - сегодня в городе, завтра в деревне, послезавтра снова в городе, да какая разница?! Да не все ли равно, лишь бы жизнь была полна!

Когда мы будем стоять на краю, наверное, только эти ощущения взволнуют нас. Взволнуют тебя? Я попробовал, меня - да. Когда попробуешь, начинаешь чувствовать, что в мыслях теперь иное. Чувствуешь, что в мыслях нет места ничему другому - только жизни и тебе, как творцу, в ней.

...Вспомнишь, что получил деньги и не успел потратить? Да вряд ли... Как говаривал Сухов: «Это вряд ли...» И не вспомнишь о том. Может быть, вспомнишь бокал, из которого пил чай последние несколько лет, и какую-нибудь неровность на боку его... Ты - скорее пожалеешь, что детям обещал что-то купить и не купил. Меня - поразит летящий осенний лист, - желтый, невзрачный, который я еще запечатлел, но не успею уже нарисовать!.. А ведь он, как я, как мы: он еще летит, но уже не живет...

Ты знаешь, по отношению человека к смерти я сужу сейчас о его отношении к жизни. И вообще о том, можно ли иметь с ним дело. Ежели человек понимает, что постоянный фон жизни - смерть, можно. Ежели не понимает, значит, еще «молод», не развит, может подвести, извлекая выгоду за счет другого, может обмануть. Он даже еще не Щенок - он еще не родился.

Чаще думай о НЕЙ, увидишь, как просто жить. И увидишь, как надо жить. И не будешь столько раз спрашивать, а почему ты поступаешь так, а не вот так, - почему ты не желаешь жить легко, остановиться, успокоиться, почивать на достигнутом, как на лаврах... Дружище, это ль вопрос?! Да хотя бы потому, что тогда вся моя жизнь будет в прошлом. А я хочу жить постоянно, настояще, - в сей день и в сей час. Ты же сам написал эти замечательные слова: мы решили жить сейчас! Но ты имел ввиду свою жизнь, свой подход к ней - семья, дети, это твое любимое настоящее, а я - свое.

Водочку-то с дядькой пьешь? Пье-о-ошь. А почему пьешь? А-а-а... - пьянит! Вот и я пью: жизнь. И каждый день - «новую бутылку». И каждый день хочу выпить до дна, потому что каждый меня пьянит. (А выпитое вчера сегодня лишь отдает хмелем.)

Что ты там еще говорил о продуктах? Ах, да, ты писал о том, как здорово, как хорошо иметь свои продукты. Оставим то, чего они стоят, как достаются... Действительно, здорово, когда молоко, творог, сметана, сливки, масло, картошка, морковка, свекла, лук, чеснок, огурцы, помидоры, перцы, укроп, петрушка, яблоки, сливы, вишни, смородина, рябина, черемуха, мед, мясо, хлеб, пироги, рыба, грибы, вино, табак, шерсть... - домашние, свои. Я стал чувствовать: в них больше, чем просто еда! Кроме того что ты, имея это все,

становишься менее зависимым от внешнего мира, ты начинаешь чувствовать: ты можешь быть частью Всеобщего, природы. Начинаешь искать свое гармоническое место в ней! Словами этого не передать.

Трудно жить в деревне? Это точно. Очень трудно. Только трудно не то, что ты думаешь... Сложность в ином: здесь ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ТЕБЯ. В городе ведь что - нет воды, «Водоканал» виноват, надо звонить в «Водоканал». Нет тепла - в «Теплосеть», в котельную. Туалет забило - в ЖЭУ. И так во всем. Ты привыкаешь, что кто-то отвечает за что-то, за все. А здесь нет! Нет воды? Значит, ТЫ НЕ ПРИНЕС. Холодно в доме? Ты не позаботился, не сделал тепла. Крыша течет - ты не отремонтировал крышу. Ах, забило туалет? А это ты не сделал черпак, не взял его и туалет не почистил. Надо признать (и признаться): привыкнуть к тому, что ты отвечаешь за все, перелопатить в этом смысле себя - вот труднота! Зато потом - когда СТАЛ, когда СУМЕЛ... - лафа. Ведь городская жизнь - горожанину даже не заметить этого! - по сути дурдом. Человеком почувствовать себя - сложно. «Крупные города созданы со специальным назначением, - пишет «мой» Сан Саныч Любищев, - показать, что вечность мучений вполне совместима со благостью божьей. Мучения не противоречат благости, если они выбираются добровольно, а москвичи, например, крепко держатся за свой ад».

Дети, быт, семья... Я не уверен, что быт надо постоянно улучшать. Я придерживаюсь следующего: надо устроить его один раз и больше не касаться. Раз в год, раз в три года можно что-то дополнять, заменять. Но все время?!.. Его просто не должно быть видно, он должен не-ме-шать. Дети и семья. Дети, семья - это главное в жизни для нормальных людей. Мои дети - это мои творения, мои вещи.

Дороги. Ты говоришь про дороги и водителя, который захотел проехать по всем. Да нет, я не собираюсь пробовать все, не все ведь для меня. Я просто смотрю в себя и угадываю те, что по моей натуре, по мне. Все очень просто (just so...) надо только делать то, что по тебе, по натуре, по нутру.

Вообще, я думаю, люди должны жить по очень простым двум «правилам»: по своему таланту, данному каждому от рождения, от Бога, и по Законам - Заповедям, если угодно, - данным нам всем, всему сообществу, от того же Бога Творца.

Не знаю, когда это до меня дошло, как будто я всегда это знал. (Да нет, конечно, лишь недавно дошло!) Ощущаю так: люди должны жить (научиться жить) во-первых не по своим, придуманным ими самими законам, правилам, нормам. (И даже не по совести. И уж точно не по морали! Ну их к аллаху...) А вот как: «стоя на двух китах, следуя двум векторам двух основополагающих правил:

- следуя побуждениям, соблюдая законы своего таланта (1),
- следуя законам, прописанным им, подсказываемым им законами Творца (2).

Убежден: стоя, идя на этих двух ногах, человечество не пошатнется, ничем не заболеет, не умрет, сможет идти, развиваться бесконечно.

Ах, если бы мы, люди, жили каждый так! Рай. Мир. Картина. Я пробую. Стараюсь, пытаюсь. Вот это - Дорога! И Работа.

...Что ты говорил? Что в жизни должна быть одна работа? Одна квартира? Ну это, извини, глупость, наносное, чисто советское. Как жаль, что мы с тобой «совки» от рождения, как жаль. Много, невероятно много времени истрачено на всякую чисто советскую, чисто идеологическую чушь. То есть, впустую. Это было нежизненно, это галиматья. Меня утешает сейчас лишь то, что все это я делал искренне.

Ну почему должно быть одно рабочее место, одна специальность, одна профессия? Как ты зарабатываешь деньги, которые - суть что? - только средства для жизни, для твоих планов, - которые всего лишь средства на жизнь - это одно. А чем ты живешь, другое. Зарабатывай деньги, но не живи одними деньгами и в жизни не станет скучно, используй себя, как человек.

Бизнес, это тоже творчество? Согласен. И если подойти по-настоящему - не упираться в одни только деньги - еще какое! Но ведь бизнес - каждому свой? Меня устроит только тот, что по моим способностям и мне по душе. Вот как найдется такой, непременно займусь, потому что это и деньги, и самовыражение, и самореализация.

Хотя ты прав: этот путь для меня возможен, но уже неинтересен - опробован во всех подробностях, потому и неинтересен. То, что мы с тобой делали, это и был он, в чистом виде. Только он тогда не так назывался и был в стране наказуем.

Сейчас мне некогда, не до денег: наверстываю упущенное в жизни за время жизни в советской жизни. Читаю недоступное ранее, осмысливаю, наблюдаю, тружусь: наблю-

даю себя.

Ты знаешь, никто не понимает, не верит, все думают - темню. Все бросились в погоню за деньгами, главное в жизни - деньги. Все ищут их, добывают, вырывают, зарабатывают. Где-то, как-то... Думают, и я - где-т-то, как-к-то, втихомолоч-ч-ку... А прикрываюсь сельской жизнью и философией. Интересно наблюдать за людьми.

Деньги, конечно, нужны, это правильно. Да деньги все равно, как вода: сколько бы их не приходило, все уходят, итог один. «Размеры состояния определяются не величиной доходов, а привычками и образом жизни» - цитирую тебе Монтеня. (А он вычитал в свое время у Цицерона. А мне до Цицерона не дойти. Да и бог с ним.)

Но ты прав, надо будет обратить внимание на свои доходы, меня их величина тоже начинает тревожить. Да и любимая женщина ведь сбежит (и правильно сделает) - я заметил такое их природное свойство: от мороза и безденежья они вымирают.

Дружище, наши отношения, твои наблюдения и склад ума позволили тебе... -э-э-э-... раскусить, назовем это так, меня. Ну да - раскусить, если применять положительно се слово. Благодарю, разобрал... Распотрошил, как мышь подопытную. (Ну я тебе отомщу, «дедунюшка, вот выпадут у тебя зубы, я тебе жевать-то не буду!»)

Да, пожалуй. Я иду по жизни, как по кругу своих талантов, данных мне от рождения (хочешь, называй - от Бога) способностей. Их называют увлечениями, поэтому, будто я «увлекаюсь». Иду по кругу своих увлечений и своего в них творчества. А в последнее время в сферу творчества входит и сам путь, жизнь. Тебе это понравилось. А знаешь, как нравится мне!!!.. Мне тоже!

Любую работу, самую тяжелую, рутинную, грязную стараюсь превратить в творческую. Это не так-то просто и вначале происходило, видимо, машинально. (Я теперь думаю, что это тоже своего рода талант, такое умение. И мне он оказался дан.) Так вот, сначала - машинально, непроизвольно, теперь даже забавляюсь этим. Как-нибудь покажу, как я придумал месить глину для печного раствора. (Сам знаешь, когда печи кладут, обязательно раствор из смеси глины и песка требуется). Меня один старый дед, печник, попросил помочь (естественно, ведь мы клали печь в моем доме). Я согласился (а куда б я делся). О, боже!.. Минут через двадцать я уже проклинал и себя, и это дедовское занятие. В двадцатом веке лопатой перемешивать глину до сметанообразного состояния - ну!.. Чуть не плакал от досады, что три дня - три дня!!! - буду палкой глину мешать. И придумал... (От лени...) Через полдня у меня дед плакал от умиления: он такой глины в жизни не видел! Да он ее на хлеб собирался намазывать! Поет: «Нада жа!.. Глинка-то! Какова глинка! Яко сметанка! Как по рупь семьдесять! Ну ты и хитрый! Ну ты и лентяй! А ну марш на печку - стенку будешь пока класть! Беру тебя в подсобники!» Приходится гордиться: ТАК старый печник сказал!

Итак, тебе мой способ жизни явно понравился. Ты пишешь - завидую. Ты знаешь, я тоже завидую тебе, у тебя самая нормальная, самая естественная, самая-самая человеческая жизнь. Я ее помню, у меня была когда-то она. Но я не выдержал. Слава богу, люди разделены на две части, иначе - либо застой, либо хаос. А так - люди творческие развивают человеческое, саму жизнь, а люди обычные, нормальные - и их большинство - держат жизнь. Так что я завидую тебе, я благодарен тебе - ты опора! На тебе держится жизнь! Держись. Спасибо тебе.

Ты знаешь, твое замечание - «можешь прошагнуть человека» - попало мне не в бровь, а в глаз. (Знаю, что сказано «про-шагнуть». А слышится, будто - «пере-шагнуть». Хотя, на самом деле ведь, нет, ведь ты сказал слово совершенно другое. Но нет, обидно, обидно даже стало, неужели я жестокий?) Прогревая свои бронхи в русской печи, я думал об этом. Что ж, прошагнуть, так прошагнуть, наверное, это так, если только в твоем новом слове нет оттенка от высокомерия.

...А вы не купались в детстве в прудах? Впрочем, что я такое говорю родившемуся на Онеге... А мы купались, в нашем городе не было реки. Ты знаешь, пруд, если он только что отрыт, год - и год, и два - хорош. Как река - чистый, свежий. Потом что-то происходит, замутнение, заиливание какое-то, вода зацветает, тухнет. Не помогает даже весеннее обновление. Вода застаивается. И чем больше возраст пруда, тем вода его неприятней. Головастики, лягушки, ряска, тина, зелень вонючая, тягучесть какая-то. Даже коровы не пьют из старого пруда. Ну стоит вода в прудах, не движется, все одна и та же - чего с нее взять?! Чего от нее хотеть? Ветер только один и смущает водяную прудяную поверхность, - а сантиметром ниже уже полное безмолвие, глушь.

Я могу иногда посидеть на берегу такого пруда, но любоваться его водой, но купаться,

но пить из него - ну-ну-ну... Не стану, не буду.

Если ты собираешься стать «прудом», я, конечно, буду приходить по старой памяти, затем по старой привычке на твой «бережок». По старой привычке. Для ностальгии. Даже травку могу кругом окосить. Даже лягушек твоих из вежливости послушать. Но любить тебя, но скучать по тебе, но письма писать... Извини. Не буду.

Да, не все люди мне интересны. Это не «криминал»? Да ведь и я тоже кому-то абсолютно безынтересен!..

Кого-то люблю, к кому-то безразличен. Благоговейно уважаю трудолюбивых (без различия - профессия, ум... Труд! Постоянный труд дает жизненную умность, а она-то мне и интересна.) Ценю порядочных, лучше сказать так - обязательных, верных своим принципам и своему слову. (К идеально-порядочным отношусь с подозрением: не лежит ли где свинья.) Интересны же мне только сильные, увлеченные люди. Трудно подобрать какой-то один термин, однословное определение. Давай назову так: богатые, неиссякаемые люди. Люди - родники. Источники. Реки, озера, моря! Не пруды. И если, например, человек часами рассказывает мне о своем коллекционировании значков - как достал такой-то знак, когда тот выпущен, в честь чего, сколько знаков выпущено... И так далее, и прочее, прочее, прочее. Я!.. Я прямо тащусь, балдею от таких людей, - я готов сидеть и смотреть на них, и слушать их часами. Мне, например, даже невероятно симпатичен толстенный Ниро Вульф, хотя я не люблю жирных людей и толстых, - и О.Бендер с его четырьмя стами способами обойти закон. А вот добропорядочная компания порядочных людей, собравшихся в праздник выпить, поесть-закусить и перемолоть последние сплетнеизвестия, окромя приступа сильной тоски и отчетливого ощущения убивания времени иных чувств не вызывает. Странно, что ты можешь прогнозировать себя так.

Да, давненько мы с тобой не виделись. И опять при встрече ты скажешь мне, что «я уже не тот, что был вчера...» Да... «Мне эту жизнь так просто не вернуть». Верно, все верно, я уже не тот, каким был даже вчера. И ты это увидишь. Но опять не будешь знать, почему. Почему? Я убедился еще кое в чем. И это кое-что, право, грустно, даже печально: в этой жизни нам чересчур много приходится страдать. Я бы даже сказал так: эта жизнь дана, чтобы мучаться.

А еще - никогда не думал, что на себе постигну тяжкий смысл странных библейских слов: «Страшно впасть в руки бога живаго».

Жить, означает и страдать. Не могу решить: плохо то или хорошо. Это данность, это принадлежность жизни, вот и все, вот и всего. Но вот что интересно! Вот что оказалось: РАДОСТЬ И СТРАДАНИЕ - они-то и ДЕЛАЮТ ЧЕЛОВЕКА! Не ум, не образование, не материальное богатство, не труд, не знания. Радость и страдание, страдание и радость. Можешь спорить (Если можешь.) А по-моему, так.

Пережитые маленькие - слепят маленького, большие - сделают большого. Пережитые огромные выкуют огромного. И обязательно, чтобы они действовали в паре, чтобы воздействовали с двух сторон. Одно без другого... Выйдет, как косо поклеенные обои: вроде и комната и в тоже время комната какая-то наперекосяк... Смотреть невозможно, лучше выйти, полная ерунда!.. Одно только все время счастье сделает не человека, а... - а тютю! А одно лишь без меры страданье - либо зверя-циклопа, либо раба. И даже - повторюсь в раздумье - пожалуй, наверное, скорее всего: вне зависимости от интеллекта, образования, всего умственного прочего.

Вот поэтому, кто мне сейчас действительно интересен, - даже жадно интересен! - кого с жадностью пишу, так это люди с судьбами - путями нелегкими, - ломаные, братые на излом. Братые, при этом не опустившиеся, не озлобившиеся, не сломавшиеся, а наоборот: муками своими себя увеличившие. От зла, через пережитые муки и недобро движущиеся к добру в себе, от пороков наших - к чистоте желаний своих. Вот таких люблю, вот здесь чувствую настоящее человеческое!

...А не в компьютерном бизнесе, куда меня ты зовешь. Компьютеры, бизнес - это слишком просто, это пройденный этап (и не уговаривай).

...Слушай, а давай-ка в самом деле как-нибудь съедемся? Уж пора? Может как-нибудь устраним бытовые препоны? Ну сколько можно говорить!.. Мне что ли к вам приехать? А у тебя найдется пара бутылок «Цинандали»? Нет? Ну так, как добудешь, срочно телеграфируй, сразу примчу.

Валерий батькович, ей богу, ты доставил мне множество удовольствий своим письмом и рассказом. Ты - герой, это для тебя подвиг. (Я тебе за это орден дам! Сделаю из паспорта качества с водки «Довгань», он как раз круглый.) Спасибо за рассказ, готов и

посоперничать с тобой и отплатить той же монетой: в эпистолярном жанре.

Но, друг мой!.. (Как писали в недалекие стародавние времена.) История такова, что, право, не знаю как и начать. Ведь так и подмывает брякнуть: «Валера! Ты чего все врешь?! Ведь так-то так, да не так все было! Ты зачем все пересочинил?! Да еще как правдоподобно!.. Ну ты даешь!.. У тебя же вышло «на то же слово», как у меня. Да так похоже!!!.. И непохоже одновременно. Как мне и быть теперь».

Как быть - отступать поздно. Так что, жму руку, привет семье и listen to me, my dear friend - слушай.

«Что по-английски значит: пытаться?» Рассказ.

...Пробуждение было трудным, потому что горло изнутри саднило, как!.. «Ох-й-ей...» - Игорь с опаской дотронулся до горла. Как и вчера, и позавчера оно продолжало болеть. Однако возникло ощущение, что маленькие саднящие ранки внутри затянулись коростой, это означало, началось выздоровление. Игорь осторожно, чтобы не нарушить затянувший ранки слой, откашлялся. Голос был сип и глух.

В комнате стояла прохлада. Задернутые шторы мягко просвечивало зимнее солнце. Дети спали, жены не было. «Уже ушла?» На кухонном столе Игорь обнаружил записку: «Если пойдете гулять, зайдите в детский сад, узнайте». Игорь постоял, соображая. Состояние памяти, ума из-за недельной болезни было размытым. «Чего узнайте?! Хоть бы написала, чего узнать?»

Новый день начинался напоминанием о старом. Накопившаяся от болезни усталость давала о себе знать: хотелось лечь, лежать и ни о чем не думать. И не делать ничего. Игорь потоптался перед раковиной в ванной. Вздохнул: «Взвешенное какое-то состояние... Отпуск кончается... Ангина эта!.». Он поднял глаза. Увидел в зеркале заросшего щетиной недовольного человека. Зрелище было настолько неприятным, что он усилием воли решил стать обычным собой. «Так. Побриться! Щетину сбрить! Зубы почистить! Горло прополоскать! И хватить киснуть!» Он начал умываться, бриться, чистить зубы... Простые действия обычного ритма жизни утвердили его в своих силах, улучшили самочувствие, подняли настроение. Радующимся, вошел в детскую, стащил одеяла со спящих дочерей. «Эй, маленький народец! Пора вставать!»

Старшая дочь, сейчас же свернулась клубком и издала звук крайнего неодобрения, что-то вроде «ы-у-у...» Младшая приподнялась и снова упала в кроватке. «Ну ладно... - нарочито недовольно пообещал отец. - Сейчас я вас разбужу! Сейчас я вам сон прогоню, забудете про сон! - Он подошел к стойке с проигрывателем и пластинками. - Для вас играет... - Игорь вытянул из секции с пластинками первую попавшуюся - Группа «Диалог»! Игра плавно опустилась на черный диск.

Музыка. Энергия. Вода, умывание. Свежесть воды, заряд бодрости. Чай. Рассеивается в голове ночной туман. Завтрак. Не нужно покидать дома - довольство. Все вместе убрали постели. Дочки уселись играть, Игорь присел на диване возле них. Младшая потянула его за рукав, поднялась, потянула к стойке с проигрывателем, пластинками. «Ма-па-па, ма-ма-ма». «Что - мама? Мама на работе, мама на работе». «Па-па-па... Му-ыу-ку тавь». «Музыку поставить... Пластинку?» «Та».

Игорь улыбаясь поднялся. «Да конечно поставлю. А что вам поставить?» Он раздумывал. «А поставлю я вам - «Бременских музыкантов». Он переменил на проигрывателе пластинки: поставил новую, прежнюю убрал в конверт. Зазвучала музыка. Он задержался у стойки, начал читать надписи на конверте пластинки. «Диалог». «Просто». Группа называется «Диалог», диск называется «Просто». На обратной стороне конверта он прочитал названия всех песен. Названия были написаны на двух языках: русском колонкой слева, английском - правой колонкой. «Группа «Диалог». Dialog Group. Диск называется «Просто». То есть - «Just so». Просто! Just so. Интересно, по-английски so означает «так». Что тогда just? Джаст. Соу. Джаст соу...

Игорь не был ни профаном, ни знатоком английского. Он не смог бы на нем говорить, но мог что-то сказать. Он смог бы прочитать любой текст, но при этом не определил, о чем точно написано. Он интересовался языком. Интерес пробуждался у него периодами - в школе, в институте... Предыдущие полгода он пытался наладить самостоятельные занятия. Последний раз занимался неделю назад, до болезни. Тогда он пытался - стремился, пытался, пробовал - отработать произношение гласных. Напала болезнь, - а болеть он не умел, переносил тяжело, запускал все, забрасывал увлечения, тянул по инерции только

самое необходимое, брал больничный и не ходил на работу.

«...Просто. Хм-м, просто джаст соу. Джаст, джаст - что же все-таки значит это джаст? Нет, не вспомнить. Да я и не знаю этого слова. А если не знаешь, что значит вспомнить? Вспомнить то, чего не знал? Ну ты даешь!» - примерно так говорил он себе. «Как можно вспомнить то, чего не знал? Взять из воздуха? Надо посмотреть в словаре: узнать и запомнить. Запомнится, тогда можно будет пытаться вспоминать... Ой, горло болит как!.. Разве запомнится сейчас что-нибудь... Посмотрю все-таки, что же это за джаст такое». Он шагнул к книжным полкам, достал словарь, начал листать, отыскивая страницы со словами на букву «джей». Он сосредоточенно листал, отыскивал эту букву, задерживался глазами, если встречал знакомые слова, - когда словно ждущему ему открыли кран и потекла вода... В н е з а п н о о н п о н я л: с е г о д н я у ж е л и с т а л с л о в а р ь и ч т о т о «б р а л» в нем.

Ощущение было явным, четким, но таким слабым, что Игорь даже замер, боясь нарушить и потерять его. Но где это было, когда?! Он зачем-то огляделся. Он был в своей квартире и никуда со вчерашнего вечера не выходил. Да и вообще уже никуда несколько дней не выходил. Он еще машинально продолжал листать странички, а сам цеплялся за ощущение, тянул его на себя. И в памяти что-то прояснилось, и в сознание вплыл - «Что за бре...- еще говорил язык - вплыл сон.

...Школа. Его школа - его: восьмиклассника Игоря. Класс. Его родной класс. Звонок. Звонок с урока только что отзвенел и (неуместная подробность) затих где-то в дальних концах школьного коридора. Звонок с урока - ура!.. Но никто из ребят почему-то не поднимается с места, не мчится, как обычно за дверь. Все ждут. Но чего?! (И, кажется, все даже знают точно - чего. Один Игорь недоумевает.) Игорь не понимает, однако, поддавшись общему настроению, не поднимается, не собирает портфель. Молча, по твердой школьной привычке держит руки на парте перед собой.

((«Боже! Какие подробности! Вот это да!» - влетела в сознание изумленного сердца мысль.))

Молодая учительница приветливо улыбается. «Дети, - говорит она, обращаясь к классу, - вы, конечно, заметили: в вашем классе появилась новая ученица». Игорь прослеживает учительницы взгляд, поворачивается и... (Голос учительницы настигает его.) «...Ее зовут Хэлэн». Справа от себя, за узким проходом между рядами парт, он обнаруживает новое для себя: видит симпатичную девчонку. Он приятно удивлен. «...Она из Англии. Ее родители...» - сообщает голос учительницы. «Вот чудеса! - думает Игорь. - А я и не подозревал - три урока уже прошло! Но почему?!» Игорю вовсе нет дела до ее родителей. Он улыбается девчонке, как старой знакомой, она улыбается ему. Они вступают в разговор. Да, (вот подробность!) - будто только они видят друг друга. И они вступают в разговор. Но вот перемена закончилась.

Следующим уроком геометрия. У Хэлэн нет стирательной резинки и угольника, у Игоря (почему-то) простого карандаша. Игорь и Хэлэн обмениваются друг с другом. Во время урока они тоже тихонько обмениваются - краткими просьбами, вроде : «Give me, please... - Thank you. Take me my... - Find me... - Yes I see that... - Let me take your...» Игорь чувствует, что порой перевирает слова, что у него ужасное произношение, что он часто неправильно делает ударения и неверно применяет времена. Но - главное! - смысл его речи его прелестной собеседнице ясен вполне.

...Как быстро, как незаметно пролетает урок! Снова звонок. Звонок, - и гомон кругом, и крики, и топот, и смех. Кажется, на них никто не обращает внимания. Это хорошо. Убраны учебники, пеналы, тетради. ОНА улыбается! Какая у нее интересная улыбка... Она - нет - ОНА! - спрашивает («Зачем??»): «Do you speak English?» (Ты говоришь по-английски?). «Have you a good mark in English?» (У тебя хорошая отметка по английскому?) У Игоря в принципе давно готов ответ. Даже два варианта ответа. Например: «Yes, of course». (Конечно, само собой разумеется, несомненно.) Или: «No, please speak me slowly». (Нет, говорите, пожалуйста, медленно.) И он отвечает так. Он отвечает так, но потом ему хочется сказать ЕЙ, что он искренне хочет, искренне желает научиться, поэтому он... И он страстно подбирает ТО, единственное слово, которое скажет ЕЙ все. Какое? «Я учусь? Нет, это не то. Я хочу? Нет. Я пробую? Не это. Нет - я пытаюсь, я стремлюсь! Вот что подойдет! Надо сказать это!» Но Игорю неизвестно такое английское слово. И в тоже время он УЖЕ начал отвечать, он УЖЕ произносит начало ответа, он уже отвечает. Он говорит: «I... (Я...)» И пока он произносит это английское «я», спохватывается: «Что же мне делать?!» Мгновенное напряжение «памяти, ума» - и перед глазами Игоря возникает, сразу перелистываясь, словарь. Игорь (глазами) подхватывает листание, доводит до нужной страницы,

находит ТО слово, ТОТ глагол. (Это глагол.) В нем три буквы. Игорь радуется, что смог быстро найти, все сообразить. Словарь больше не нужен и словарь сам собой исчезает (словарь просто исчезает, а не становится закрыт). «Да, но как произносится слово?» Игорь теперь жалеет, что не посмотрел транскрипцию, что нет больше словаря. Но словарь и не нужен - у Игоря всегда была хорошей зрительная память, поэтому он теперь видит слово. Да, он именно видит! Две первые буквы - согласные, третья, последняя - гласная. И эта гласная в разных сочетаниях произносится двояко. Игорь в затруднении. Но, оказывается, ответ им уже произнесен!.. Произнесен и... Понят и принят - принят с удовольствием, одобрением, с улыбкой, которой он добивался, которой ждал.

...О чем рассказывает, что ему щебечет теперь собеседница Игорю как будто уже не важно, теперь не важно. Да. Потому что главное - дружбу - он завязал. Он улыбается ЕЙ, милой, прелестной в ответ, кивает в ответ, старается не пропускать в обрушивающейся на него словесной лавине вопросы, старается, пытается отвечать на них... Но все словесное уже не важно, важно, что ОНИ теперь разговаривают на...

...»Что?» Он ошарашено замер возле пластинок, проигрывателя. Он взвешивает на ладони словарь, как будто пытается загипнотизировать толстую книгу, открыть словарь взглядом. При этом мучительно пытается осознать что-то. «Что?!..» Ему нужно удержать в себе, удержать и не упустить что-то важное. «Что?»

...»Что это? Как это так? Это - сон? Наваждение какое-то... Это значит, я пролистнул сразу все ненужные страницы, нашел быстрехонько, за тысячные доли наносекунды нужное слово, взял и проговорил его. То есть, сказал. Та-ак... Сказал... Взял, нашел. Нашел, взял, сказал. Сказал, взял, нашел». Звук собственного голоса подействовал на Игоря отрезвляюще. Он осмотрелся: где я? Он попробовал подвигать плечами, шеей, - моргнул глазами, посмотрел вверх, вниз. Все было о"кэй.

«...Это значит... Что, собственно, это значит...» Игорь стоял и отрешенно улыбался. Он подумал, что от случившегося глупо будет просто так отмахнуться. «Так, так, так. Вот вам и джаст соу, - назидательно сказал он дочерям. - Ну-ка не балуйтесь. Не шумите так! Тихо! Тихо! «Чапай» думать будет!»

Устроившись поудобнее на диване, Игорь принялся с дотошностью выуживать из памяти все, что осталось от сна. «А отчего я вообще проснулся? Был гудок... Нет, был звонок. Магазин, что ли, открывали внизу? Странно, обычно сон всегда прерывается на самом интересном месте. А здесь я его прошел. А может, еще не прошел? Оу!.. А может, я еще не дошел, а?!» - эта внезапная мысль настолько поразила его, что он даже испугался, ведь в таком случае его ожидало вообще нечто невероятное. «Уж тогда бы я точно дошел: до ручки. Да ладно, оставим черный юмор. Итак, была школа». Игорь подумал о ней, но что-то уже не давало полной уверенности, а Игорь был инженером и привык к точности формулировок. «Нет - вроде бы была школа... Класс. Класс? Почему тогда не запомнилось ни одного одноклассника? Так что же: вроде был класс?!» Игорь уже не был уверен. Он колебался и уже не мог вернуть явственного изображения. Действительно, всплывшее отчетливо в первый раз, теперь потускнело: как бы заколебалось, поплыло. Так легкий ветерок смазывает на воде отображения. Одно лишь Игорь ухватил и держал прочно: он сам, став во сне мальчишкой, разговаривал по-английски с девочкой из Англии. И абсолютно точно, что в одном из эпизодов беседы, она его спросила: ты говоришь по-английски? А он (ответив: да, говорю, но плохо, поэтому говори, медленней) постарался донести до нее, что он все-таки... И на этом «все-таки» изображение мгновенно расплывалось.

Игорь на минуту перестал думать о сне, перевел дух, сказал что-то дочкам. Затем усилием воли заставил замереть все внутри себя, попытался отнять у явно закрывающейся памяти кончик ниточки - часть изображения. (При этом на другом, более тонком уровне сознания он одновременно посмеялся над собой: вот, напряжение «в сети» падает и доступ к памяти прекращается. А еще на одном - еще более тонком -он рассердился: «Ну и бардак у меня в голове! А еще говорят, чужая душа потемки, когда тут своя голова сумерки!») «...Так, что же я сделал, а?» Он растянулся на диване, непонимающе глядя на играющих дочерей. «Нет, все-таки?..» Ему вдруг вспомнилось, что они с девочкой (ему неожиданно открылось: ее звали Helen!) пели песенку «Май бони»! Он подумал: «Зацепиться бы за этот эпизод и!..» Попробовал и не смог. «Нет, надо сосредоточиться на чем-то одном, главном. Так, листающиеся страницы. Они возникли сами по себе, я лично не открывал никакого словаря. Страницы возникли сами, от сильного напряжения, от какого-то сильного желания. Слово, которое мне было нужно, я именно увидел. Нет, я - «увидел»

его. И «взял». А не вспомнил, не услышал, не подсказали и так далее. Но акцент тут, пожалуй, надо поставить на «увидел», а не на «я увидел», потому что, может, это был и не я. Как теперь разберешь? Так, слово. Слово это было - глагол. Ведь я хотел сказать ей, что я что-то делаю». Так осторожно, пользуясь то памятью, то ощущениями, то логикой Игорь пытался вытянуть на себя ниточку, добраться до слова, а главное - до СПОСОБА взятия слова! «Глагол. Из трех букв. Две согласные. Но нет, кажется, две гласные». Он снова сел на диване, мучительно напрягаясь, все больше недоумевая. «Если две из них согласные, то почему я думал, как их произнести? А? Над чем тут думать?!.. Значит... Значит две из них гласные! Две гласные в глаголе из трех букв - я найду его!!! Есть основа для поиска! Я отыщу слово и вспомню весь сон!» Он почувствовал, как сильнее застучало сердце. «Конечно, по двум гласным в конце я найду его - неделю буду искать, но найду!» Он попытался успокоиться и не смог. «Ну ладно...»

Прокрутив сон еще и еще раз, напрягая память еще и еще, напрягаясь весь сам даже мышцами, Игорь почувствовал, что изображение колеблется и стирается уж напрочь. Теперь он не мог бы даже сказать, что были класс и была школа. «Да, - говорил он себе, - помещение было похоже на класс. Но почему я в этом уверен? Был разговор и потребность подобрать слово. Было увиденное на странице словаря. А был ли это словарь?! Вот!!! Был ли это словарь!.. О-о-о!.. Да что же это такое!!!..» Игорь чувствовал, что хочет схватиться за голову и потрясти ее. «Тогда все, стоп: с этим хватит. Возьмемся за слово. Почему я решил: первые две буквы - согласные? Ведь если так, то почему я думал, как его произнести? Что за ерунда!..» Он вдруг понял, что запутался уже непоправимо. А еще вдруг осознал, что уже какое-то время то вслух, шепотом, то мысленно перебирает знакомые английские слова - ойл, эйк, сэй, мэй, пэй - и анализирует ударение. «Бог ты мой! - чуть не вскричал он, - Вспомнить бы каплю какую еще из сна!.. Ладно, она спросила, я ответил. Дальше что? Ни-че-го». Тут Игорь осознал, что не может И УЖЕ НЕ СМОЖЕТ ни вспомнить сон, ни глагол.

Он поднялся с дивана, подошел к книжным полкам, взял другой словарь, - он брал то один, то другой словарь, по очереди вдумчиво листал их, потом листал просто так, туда - обратно, - но ничего не выходило, он так ничего и не нашел. Не отыскал, не увидел, не вспомнил, не взял. Хотя - пытался.

Листая, перелистывая словари, он не раз пробегался взглядом и по ТОМУ слову! Но равнодушно скользнув по нему, спешил взглядом дальше, - проходил мимо, оно ни разу не остановило, не задержало внимания, потому что в жизни он никогда не пользовался им: он вообще не встречал, не знал его.

(PS. Я вовсе почистил бы мир: убрал бы из него все то, о чем ты пишешь в постскриптум, потому что все, что только помыслено, уже произведено! И в так называемой ноосфере уже существует. И давит на нас, и засоряет нас - наши чувства, наши умы. Мы же чистим иногда свалки, сжигаем мусор? Мы знаем: большие объемы грязного, мусора - опасны. И не копим бесконечно его.)

Александр ХАЛОВ

WOMAN OF MOON,

или ДАНЬ МАРИНАМ

Повествование в частях

...And that is - part one!
...Or no!.. - there are: часть первая.

Ей было тридцать два, она жила в городе, ее звали Марина.

Часть 2

В том все.

Часть 3

Однажды...

«...Однако, здравствуйте», как в двадцать один тридцать иногда говорят нам из любимого «окна». Да, мы снова у «телевизора» и... «С вами, уважаемые...» - здесь опустим приставку «при» - «...зрители, программа «Нарушение этики» и я, ее ведущий...» Ведущие, однако, меняются. С вами сегодня - я: автор.

Однако - вот в чем. Изрядно вспотев в северных своих широтах над знойной второй частью и порядком устав, - а теперь отдохнув (брал отпуск, летал в... на юг), - и с высоты верблюжьего вкуса и южных гор, с волн и глубин - превратностей моря, вдруг иначе увидев написанное, я подумал: не весь читательский ряд меня сможет понять. Однозначно. А кто-то - такой же отдохнувший и теперь сочащийся словоохотливостью, как виноградная кисть при давлении вина, - возможно, не удержится поболтать. Воскликнет: «Да первая часть коротка!..» И повесит гроздь (вопрос). «Ничего себе, - скажет, - «Часть 1...» (Но где написано «Часть 1»? Не перевирайте контекста.) И еще скажет: «Ну и автор... Ему что - лень писать?!.. Или у него проблемы с чернилами?»

Так вот: отнюдь. Что отнюдь? (А забавная была бы телепрограмма. Но наша будет - приготовьтесь - забавней.) Отнюдь - все. Прокравшийся на служебные ряды зритель! Сойдите в партер, мы здесь не ради забавы!

Да-да, - вы будете не правы, если именно так расчувствуетесь, разочаруетесь и воскликнете. Часть первая даже длинна! (Тут упреждаю: не знаю, откуда я это знаю, этого я не знаю.)

Шерше ля Марин! (Это ужасно: в моей компьютерной главе нет французского.) Найдите, - спросите наугад любую из названых выше. Спросите, спросите Марину! Хватит автору за все отвечать - сегодня делю знания и ответственность на три! Найдите Марину и прочтите ей мою первую часть!

И если вы опять поторопитесь, и у вас ненароком вырвется - «Тут не коротко ль? Не следует поподробнее? Не нужно ли - э-э-э... порасписать». Загодя уверяю: учтите, вас

вряд ли поймут! Скорее так: на вас посмотрят, как на большой детский сад.

Моя часть первая - приблизительно сто шестьдесят пять листов. (Кстати, еще не считал.) И если разумному автору удалось выразить общий их смысл столь кратко, - если удалось упаковать так, что компьютер транслирует теперь все его (мои) - образы, ощущения, раздумья, - синяки, опыты, - шишки, размышления, - предложения, словосочетания, запятые, многоточия, прочие знаки - дефисы (это невозможно: дописываю то, что дописываю, и все - снова улетаю: устал, нет сил. В Сочи, в Сочи!) - одной строкой! То это (милосердие, милосердие к читателю!) - говорит не о его проблемах с чернилами, а лишь о том, for example, что (просто в пример): WinRAR у него хороший.

Впрочем. Теперь. Благодаря вашей до-критике. Благодаря собственному иному однако-взгляду, автор видит в самом подходе к изложению «Части один» слабое звено. (Вот уж не хотелось бы вновь касаться телевидения.) А именно: не все мои читатели - Марины.

Вот так, выходит, хоть что-то (назрело) о них - этой части, срезе, прослойке женского в общем женском, - этом частном человеческом в вообще человеческом, - всем остальным автор должен рассказать. (Затем и пишет.)

Что ж, науки ради искусство требует жертв; так что впереди - отнюдь не литература. К тому же «errare humanum est». Да-да, - человеку свойственно ошибаться, писателю тоже; важно не болеть этим хронически. Начну еще раз, не символически.

_____

errare humanum est - человеку свойственно ошибаться

«Однако» - название популярной телепрограммы на российском телевидении

«Слабое звено» - так же

Часть 4

Недавно ей исполнилось тридцать два, она родилась и выросла - и жила теперь - в городе, ее звали Марина.

Она училась в школе и в семнадцать окончила среднюю. Поступала в институт; не хватило ноль целых две десятых балла, не прошла по конкурсу. Конечно, расстроилась; но много не горевала, подобрала работу, начала трудовую жизнь. Так устроилось.

Так... Специальное образование - вначале среднее, затем высшее - получала заочно.

Вышла замуж уже в двадцать; к тридцати оказалась разведена. Осталась собственницей отдельной квартиры и девятилетней дочери. Близкие люди - отец и мать - были и родственники, и опора.

И теперь Марина работала. (Марины не умеют - ах, начинается... - сидеть сложа руки.) Где, не будем сейчас уточнять. Наша Марина нашла применение себе там, где, говоря образно-шумным языком политической экономии, предметом и средством труда являются право, закон, права, обязанности. Описывать - труд; область та широка.

Можно бы, - и обязательно нужно! - согласно незыблемым правилам, постулатам банальной (чуть не сморозилось - банановой) литературы, продолжать поступенные роспись и уточнение, и даже выписать всю ту Марину конкретно. Соблазнительно, согласитесь, придумать ей цвет волос, формы, - и профиль лица, - цвет глаз, длину ног, изгиб и длину окружности тальи... Теша читателя (но вначале, конечно же, себя - себя!) воображенческим стоном. И!.. Законы обоих союзов писателей (России) требуют: если - литература, образ - живописать. Все увесисто строго. Дать детали, представить читателю все до мелочей. Читатель должен увидеть живого человека, все должно быть реально, конкретно.

Но - скука!.. И!.. - право. Стоило ли затевать целый рассказ по причине причинно-следственной связи с какой-то единственной из моря Марин... Скукотища. Ску-ко-та... Едва представлю себе что нужно писать, рука отказывает. Ей-ей - сама; даже не божусь. Рука отказывает; а глубинный мир замирает: осмеют, не лезь, не стоит этакого затевать. Н-н-да...

Вот что я думаю: историй - наслушаетесь, а деталей насмотритесь в жизни. Не-ет! ЗДЕСЬ все любопытно, - и заслуживает описания! И сопоставления событий! Как раз тем, что здесь нет инд-частности: здесь характер, система! Подобное могло произойти с любой из этих непотопляемых - нет, лучше, вернее - непотопимых! - женщин.

Что же такое - Марина?!

Вот тут-то я подумал... (Догадайтесь.)

Еще я подумал: кто я такой, чтобы сломя голову лезть в омут?! Я порассуждял: в любой области есть специалисты. Если есть область знаний, значит, имеются и принадлежности ее: лаборатории, институты, младшие научные сотрудники, доктора. Пусть - область странна и узка. Но даже среди энтомологов есть разделение, неужели наши прелестные бабочки не имеют своих докторов?

В глазах появился прищур, рука потянулась к телефону.

...Часть 5

«...Кх-х, гм-м, кх-м. Э-э-э... - я внимательнейше вас слушаю», - ответили мне.

Я испугался. И молчал.

«...Э-э-э... - кто, собственно, гм-м, говорит?»

Робея перед такими явными признаками учености, я ответил: «Собственно, ваш коллега. Однако, здравствуйте. Доктор?»

«...Ну-с, здравствуйте, коллега, здравствуйте... Homo homini amicus est!»

Меня обрадовало, меня воодушевило - что он догадался.

«...Кх-м, гм-м, кх-м... Великодушно простите за любопытство: вы - каких наук?»

Я представился. Назвал также и цель встречи.

«...Гм-м, приходите. Я как раз ничем не занят сейчас.

Любопытно, любопытно, - даже любопытно: как вы точно попали в цель. Ведь я узко специализируюсь. Именно по вашему именно-вопросу!»

...У меня масса стереотипов/комплексов. (Нет вольготной внутренней свободы.) Часто мои мышление, либо ощущения, - либо простое невнятное, никогда не объяснимое себе самому беспокойство, - этакий камешек в почках - козявка в печени, нервируют меня. Кроме того, я уже точно знаю: люди оценивают себя неадекватно. Я собрался с тщанием.

Взял два внешне неразличимых пакета. (Не ударить в грязь лицом - сориентироваться, на ходу сообразить.) В один поклал фуфырь портвейна и пачку «Примы» с фильтром (громко называемую теперь «Balkan Star»). В другой - в другой аккуратно завернутый «Токай», «Furmint», пятилетний жар винограда, чуть-чуть подмороженный в холодильнике, и одну из разновидностей волшебных тонких «Virginia Slims».

...Мы встретились.

- Э-э-э - здравствуйте, коллега.

- Здравствуйте. Кол...

- Так вы что же - какой вопрос волнует вас?

- Да вы знаете - Марины. Я к вам по поводу Марин: вот взволновали.

- О-о-о! Вы попали в точку, точку и точку! В настоящее время я! Являюсь самым крупным - первейшим! - специалистом в данной, надобно вам заметить - труднейшей! - области. Я вам расскажу... Э-э-э - у вас есть деньги?

Я понял его правильно.

- Да-да, у меня найдется, чем заплатить.

И (ну глупо же!) пошутил:

- После общения с Маринами я платежеспособен.

(Хотя это была не шутка. А «шар».)

Он рассмеялся. (Гм-м, он его пропустил!.. Странно?)

- Ха-ха-ха - мои услуги недешевы... Знаете ли, знания, - настоящие знания! - требуют и настоящих затрат. Больших затрат!.. В свое время для глобального изучения - э-э-э - предмэта мне пришлось понести большие расходы. И - поймите меня правильно!.. Lupum auribus tenere.

Я понял его верно.

- Я согласен на ваш тариф, я думаю, он разумен. Напишете в счете нужную сумму.

- Ну что ж, тогда приступим. С?..

- Да-да, уж начнем-с.

И мы начали.

Я вкратце изложил ему предпринятое мной самостоятельно начало - первые главки.

Он согласился. Записывать его на диктофон он запретил. (Либо - «пятьдесят червонцев» - вот флюс...) Поэтому излагаю все по памяти. (Она у меня такова, что смысл всегда остается тютелька в тютельку, смысл транслирую, как радио: дословно.) А вот стиль изложения, манера речи врезались не полностью (я вникал больше в смысл), поэтому манера речи здесь путаная - где его, где моя.

Прошу жаловать: консилиум Докторов!

_____

homo homini amicus est - человек человеку друг

lupum auribus tenere - «держать волка за уши», т.е. находиться в трудном положении

SIX part!

Итак...

...Гм-м, спросим себя: что же такое «Марина»?

Присмотревшись к поверхности, заметишь интересное невероятно: в этих лагунах всегда кипят страсти - море страстей! Как говорится, все, как в море: волны, рифы, шторма, таинственные острова, - полуострова, мысы, материки, - случаи, обстоятельства, - неординарности, крайности, - поступки из ряда вон, переделки... Во всем - мужчины, мужчины, мужчины...

И что удивительно! Что поражает!.. Представителям отблесков этих витрин блестящего огнями, умытого водой вечернего города, кажется, дела нет до внешности - этих рельефных ландшафтов, волн, - этих переливов и немизантропических сверканий: радужных полос женского в нашей общей, к сожалению - разделенной, природе!

(К какому сожалению... К чьему?!.. К счастью!! Какой он странный... Дурак - «к сожалению...» - помнится, тихохонько хмыкнул я.)

...Им нет дела! В то время как иных представительниц того же пола они прежде ощупают глазами, руками, - оценят с ног до головы и наоборот. И снова с ног. И вновь наоборот. И так без конца. А вот Марину!..

Он входил в раж. Он увлек меня - он поэтически рисовал! Доминировал! Как настоящий художник, он бросал крупные мазки на чистое до него полотно, - не глядя смешивал обычные краски, получал новые и запросто пользовался ими. Я - засмотрелся!

...Красива или не красива Марина, с детства до старости она обладает неким шармом, необъяснимым волнительным магнетизмом, притяжением высоты и бездны, Марины - женщины экстра-класса. Пред сей силой беззащитны сильные мира сего.

(Мужчины).

Конечно, несправедливо пусть даже и косвенно умалять достоинства женщин иных, - блюда вообще глупо сравнивать, их надо пробовать, кушать! Надо учиться вкусу, надобно вкус развивать, а вкус блюд - понимать!

К тому же сравнивать и оценивать Блюда законное право имеет лишь их Повар? Мы же - разве мы Повара?! Мы способны лишь разливать!.. Нам - испробовать, откушать, понаслаждаться, понаблюдать...

Описывая после свои ощущения, об этом можем что-то сказать. Вот, например.

(Да-да, коллега, - если можно, пора бы уже поконкретней. За что платим?! Где анализ, где детали, где глубина?! - где мои деньги?!)

...Скажем, если Елены, - существа, которые желают стоять НАД миром, властвовать им, по врожденной привычке дожидаясь, пока из-за них разразится война или очередной парис схватит и понесет, - если Елены - женщины, из-за которых из миллениума в миллениум трясет множество земных мужчин и весь наш и без того неустойчивый земной мир, то Марины!..

Маринам претит война - они любят ВСЮ жизнь целиком. Как любят САМИ и участвовать в ней. Обязательно. Всем своим существом, всеми чувствами - мыслями и руками, всем телом.

И им не требуется для неземного счастья весь земной шар!..

(Да конечно, - она скажет: фи, право...)

Достаточно одного... Герцогства, графства, королевства! Главное для них - имение собственного. Собственного! Чтобы царить!.. А для этого достаточно царства.

К тому же рассудок их никогда не спит и всегда гласит им: нет мужчины, который без серьезных проблем для вас обоих бросит к твоим ногам весь мир. Это первое. Такой

мужчина, если он и есть, очень быстро уйдет: погибнет, будет перехвачен другой и так далее... Это второе. Зачем тебе одной - и то третье - весь этот сумасшедший шар!

Нет, нет, - Марина смела, горда и активна, чтобы царствовать, - но лишь настолько, чтобы одной страной. Но - собственной. Но безраздельно.

...Эти натуры - романтики.

(По-нес-лось...)

...Вернее - как бы по-скрупулезнее? - это они думают, что они романтики! Тогда как их бескрайняя морская чувственность, их способность создавать миражи, поэтические пространства, надолго затихать и неожиданно смертельно волноваться, - их романтизм и неоромантика имеют и ложе расчета, и ограничительные берега! И кроме того, периодически, методически, с интервалом не длиннее минуты закругляются оверлоком того осмотрительного механизма, направляются огоньком того сигнального бакена, - всегда находящегося в поле зрения маяка, - который всю жизнь беспрерывно промеряет фарватер их. Отмеряя чувствам секунду, а разуму - две. В их несомненно романтической голове. У людей приземленных он называется неизысканно: расчетом.

Да-да! Чувственность и расчетливость, практичность и романтизм смешиваются у Мариночек постоянно, да так, что непосвященному легко заплутать: ум у них в сердце? Сердце у них в голове?!.. Чувственность и расчетливость растут у них, что называется, как кажется, из одного корня и, разойдясь над поверхностью Земли в две прелести, что начинаются со ступни, вновь сплетаются чуть выше чрез сердце. И еще выше - гнездятся. В вышине - в голове, как в облаках. Нельзя - боже вас упаси!.. - ни искать лишнее, ни отделять одно от другого. И многих такое отталкивает! По причине, вследствие - необъяснимо! Но то же и притягивает многих!.. Завораживает смотреть в высоту-бездну...

(Неизвестно, правда, кто в кого смотрит: ты в бездну, или бездна в тебя.)

...Марины легки на подъем. И легко зажигаются. Однако не вспыхивают пожаром, и не полыхают мрачно. Они не угрюмы, даже когда прогорят.

Загораясь, они умеют гореть долго. До-о-олго-о-о!.. Да вот проблема: дров в этот костер кто-то восхищенный - его теплом, его огнем, его даже полохами - должен все время подкладывать еще и еще. Удаляться от огня, от обязанностей кострового, нельзя. Нет, нет и нет! Все время необходимо неутомимо и изобретательно изыскивать, находить, подкладывать дров. Огонь должен быть обеспечен, тогда и вам обеспечен огонь.

(Даже не каламбур! Я все более им восхищался.)

...Они умеют любить.

А вот маленькая их характерная деталь: Марина НИКОГДА не увлечется мужчиной, в котором нет изюминки. Пусть, скажем мы несколько увлеченно, ее обожатель будет стар, лыс, страшен, толст, коротковат - но! Какое прелестное «но»! Если в нем имеется эта «ягода», Марина притянется к нему, пойдет с ним, Марина будет его. Просто размер изюмины должен в таком случае компенсировать ей все.

(А вот это можно было бы и не провозглашать. Сказал бы одному мне, и шепотом.)

...Марина уйдет, в конце концов, от «денежного мешка», пусть и обеспечивающего кругом ее материальные интересы, в котором раздавились былые свойства романтика. Марина не вытерпит поэта, который долго детально не задумывается о бренном - все бос да гол. Марина будет искать, скорее всего, всего сразу: сочетания душевного и материального. По-настоящему ее интересуют лишь такие men-ы.

(О какие мы!!..)

...Марины умеют дружить. Причем в дружбе они - «би»: одинаково сходятся и с мужчинами, и с женщинами. А надо отметить: не все женщины по-женски умеют дружить.

...Они умеют трудиться, работать, это люди - и женщины, о, конечно - действия.

Они не станут «пахать». Но могут повкалывать. И способны самое трудное дело доводить до конца. При этом, - имея чувства и ум неразделенными половинками единого целого, - они тонко-умно понимают жизнь! И подобно Жанне Д`Арк не сгорят на работе. Вот уж чего нет, так нет никогда. Жизнь для них лишь постольку работа. Жизнь для них шире - многогранна, переменно-фокусна, по-морски широка.

...Трудно приписать им большой интеллект.

Оазис их деятельности - серединка. Например, - среднее административное звено, некрупный бизнес, юридическая, медицинская практика, - средняя семья, - среднее управленческое звено. Среднее?! Но на своем месте они расправляют крылья! На своем месте они велики: не укорить, не умалить достоинств их.

(Да, отдавая дань всегда довлеющей справедливости, необходимо заметить: как и

везде, как и у всех, бывают выдающиеся случаи, можно сказать, исключения. Например, в связи с интеллектом, из современных нам, из нашего времени Марин, можно упомянуть ту Марину, которая, не будучи даже военнообязанной, в 90-х годах двадцатого столетия несколько лет замещала начальника сектора самого умного Управления - управления автоматизации - Генштаба. И бывала впереди в то время, в тех трудных случаях, когда майоры и подполковники с академическим образованием вставали в тупик, оставались позади: за нею по интеллекту сзади. Я начал подражать.)

Это женщины с синтетическим типом мышления, пожалуй, им доступно все.

(Я начал уставать.)

...У них есть редкое - интуиция!

Их интуиция - кошачий глаз в темноте! Они зрячи там и тогда, где и когда слепы другие!

(Так, так, так - вот это интересно! Надо быть повнимательнее!)

...Но им напрасно гордиться: их интуиция - это, скорей, их чувствительность и чувственность! Помноженные на объемное, без провалов и исключений, понимание жизни. Интегрируем сюда некоторый интеллект, плюсуем жизненный опыт. И - непременно - расчет!

Тонкая чувствительность плюс тонкий, почти бестелесный, расчет - весь фокус!.. Дас!..

...Дело случая, но при желании Марина способна обвести вокруг пальца всех.

(Я не согласился. Со мной это у них не проходило. Я бы сформулировал: достаточно многих.)

...А вот в сферах мистических Марины слабы.

Да, да и да, и нет, нет и нет. При начальном общем, они определенно отстают от Маргарит.

(И - друзья-писатели! - кому ЭТО важно, придется прикармливать Маргариту. Ну вы помните: желтые цветы... И так далее.)

...Марина никогда не полетит на метле.

(Здесь просто необходимо прибавить! Даже с таким мужчиной, как Воланд. Даже ради Мастера. Доктор - вы молодец!)

...Во-первых, обревизует она, - это неудобно...

(Ну зачем ставить многоточие!.. Здесь вы можете его не понять - translate: некомфортно, некомфортабельно.)

...А будете настаивать, навязывать - может некорректно... э-э-э... отшить... Да так, что!.. Ушки у нее крепки... Выдаст что-нибудь разэтакое: «Летать? Ну ладно. Но уж не на деревянной палке между ног, милый...» Вот и конфузься потом - что имела?.. А она - ничего: ничего двусмысленного! Она так прямо и заявляла: кощунственно улетать на метле ног между.

Кому - кто, чему - что... Избирайте!.. Для своих полетов.

Нет-нет, шутки в сторону: мистическое им не дано и все тут, и не о чем говорить.

...Зато есть область!.. Где Марины!..

(Я обрадовался, что он не будет изъясняться скабрезностями.)

...За-ме-ча-тель-но превосходят многих и многих.

(Он вдруг пригрозил мне пухленьким пальчиком. Ба... При чем тут я?!..)

...И по одним моим знакам пре-, и при подобном внимании, Марины уже догадались!.. И, я думаю, скромнея от нахлынувшей чувственности, пунцовеют, при этом нескоромно смеются.

...Да-да! Их сексуальность, их умения и желания - Марианская впадина! Да нет - Эльбрус-гора!.. Смотреть вниз, вверх, - в глубь, даль!!!.. Вершины - завораживают, глубины - потрясают.

...Секс для них - это... Это... Это - э-э-э... - всего словцо. Словечко. Полупустое, бросовое. Термин плотоядности самцов и самок. Наименование полусимпатий. Чтот-то такое... Скажем так: малоинтересное. Ну я не знаю...

А вот - любить для них!.. Заниматься любовью!..

И половина жизни, - и сердечное наслаждение, и телесная сладость, - и лакомство, и времяпрепровожденье. Наслаждение - желание - обоняние - осязанье - мука - холод-голод - жар - страсть. Да-да-а!.. Предмет сердечных забот и страсти рассудка!

...Заниматься любовью с Мариной - наказание, мученье, кошмар.

(Мне показалось странным, что тут он применил точку: точка - это уверенность.)

...Для тех, кто это - ах, каким бы сердитым термином изъясниться!.. Как жизнь!.. Как любовь!.. Как лакомство!.. И искус, и искусство одновременно!.. Как обольстительное плаванье на волнах, - шторм, полусмертный взлет! И - сразу!.. - низверженье в пучину! Не уме-ет... Не жела-ает... Не лю-юбит.

(А может, не так, а вот как: не умеет, не желает, не любит?)

...Марина не даст спокойно повозлежать.

(Боже правый, он что - «марина»???..)

...Прочим - настоятельно рекомендуется.

Это женщины с сильным влеченьем. Однако произвольно попасть к ним в постель либо невозможно, либо невозможно никак.

...И до смешного легко, если Марина сама положила глаз. Если мужчина ей положительно нравится, считайте, он уже в ее постели. И - никаких особых усилий. Даже если ей придется согрешить. «Изюминка»! «Изюминка»! Вот что всего на свете для нее важней!.. Если Марина захотела, Марину не остановить. К тому же, Маринам не под силу разделять душевное и телесное тяготение, любовь и близость, близость-любовь, любовь и близость, и...

...И для полноты, для завершения картины, я бы добавил вот что: Марина - длительная любовница для достоинствами неравноценной ей жены однозначно опасна, страшна. Почему? Обычно, она изощренный кулинар. (См. связанное свойство: секс.) Неплохая хозяйка, и вообще нескучная жена.

Конечно, в Маринах нет той же основательности, - заодно - статности, - каковые качества природно присущи Галинам. (Зато в них нет и тяжеловесности Галин.)

Нравственность Марин довольно крепка, установлена уже врожденно. И совершенно определенно имеет знак плюс. Марина, да - смела и да - раскована. Но не доступна, но не распущена - однозначно. К тому же, низко пасть ей помешает врожденный вкус (он машинально определит: это невкусно) и внешняя склонность попротиворечить.

Проблемы случаются при действиях. Как любой обоз не поспевает за ведущей наступление армией (или как сорвется с привязки буксира баржа), так и у них: при энергичных действиях, при бурных страстях, страстях - безудержной деятельности, их нравственность на время может просто не поспеть за их действиями. Сорваться. По-от-стать. И тогда, в чистом поле, на чистом листе (если им выгодно) свои моральные принципы (на время «полевых действий») они могут менять.

Негромкость, притягательность, вкус, общительность, воля, расчетливость, чувственность, независимость, сексуальность - вот основные черты характерных марин.

Что еще. Это женщина характерная. И не позволит, не даст себя изучать. Почерпните отсюда, кто не знает Марин.

...Что же касается планет, - вы уж простите... Название нашего повествования к Маринам вообще ни-ка-кого отношения не имеет. Так получилось. В смысле - вышло так.

В смысле планетарном, если продлять тон, в Маринах есть все: от Меркурия до Марса, от Венеры до Плутона. Даже до Фаэтона... Даж... - до Калипсо.

Но если... Если хотите, коль жаждется!.. И автор должен (впасть в ересь и отчитаться)!.. Что ж, кому пусть на время не мечтается показаться: и я с умом! Конечно, на время можно не только принять умный вид, но даже надеть очки.

В смысле планет, доложу я вам, Марина - плоть от плоти Земли. Хоть именем и «морская».

Эта, вышедшая, как и все мы, из моря воды, из моря веков, и, но не утратившая с ними связь, женщина, один из срезов и средоточений отменного качества женского: женского естества, женственности. Она - земная женщина во всех случаях понимания данного слова. Она - морская, и она земная. И от этого все.

В нашем же конкретном случае (возвращаюсь к банальной литературе, к вопросам описаний частностей, индивидуальностей) с той individual Marin история вышла из ее, всем известного в городе, городских кругах, бзикового на тот момент увлечения английским. И неоднократного повторения одним прожектером не к месту обыденной поговорки: далеко, как до Луны.

Что ж, вот, наконец, и обещанная Woman of Moon.

Смотрите.

Часть 7

«...Однако!.. - воскликнет дотошный читатель. - Смотрите... Что за вольное обращение с моей дыхательной диафрагмой!.. Деньги были уплачены!.. Так деньги на что пошли?! Где? Где окончанье предыдущей беседы?!.. Либо - где деньги?!»

Ах да, забыто «про «докторов». Надобно отчитаться.

...Он мне подмигнул: «Не знаю, как вы, - то бишь, не знаю, насколько вы понимаете меня, коллега...» Мне показалось, академический снобизм взыграл в нем. «...Вам знаком - по крайней мере, хотя бы в общих, ну, хотя бы самых общих чертах - разбираемый предмет?.. Э-э-э-... А?..» - небрежно добавил он.

Не знаю, как вам, мне надоело. Мне надоели это его шаманство.

Его многозначительность, умничанье, - его переливания из порожнего в пустое. Меня уже заражали - арканили! гипнотизировали! - бубновые свистопляска и заклинания. «...Любовь и близость, любовь и близость, душевное и телесное, близость - любовь!..»

И я выхватил бубен у шамана. Lupo agnum eripere! «Три мои жены - (хотите - верьте) - и шесть, в разное, впрочем, э-э-э - коллега, а-а-а - время подруг - были Марины.

Может, я подзабыл чего - (я специально огрубил слово) - манехо. Но...» И я вперил в него - «Где, родимое сердце, деньги?!» - голубико-наивный (с эксклюзивной жестокостью: голуби - удивительно кровожадное племя: за понюшку заклюют своего) взглядик «М.Б.» - Борисовны: первой святой из моего причта Марин.

Надо отдать ему должное: он не был полным профаном - соблюду справедливость. И кое-чему, по-видимому, у него можно было поучиться. (Excuse me, коллеги: но не за такие же деньги!..) Он парировал неплохо поставленным взглядом - «Зачем ТЕБЕ деньги!..» - «оу-Юрьевны», третьей из м-Марин.

Возможно, мы бы еще пикировались. «Я вижу...» - церемониально начал фехтование он... Но он обидел меня. И я выкинул шпагу и вынул дубину. (Чем? Как? Тем, что загнул сумму (в сравнении с крутизной своих знаний) в два раза. Это по крайней мере, по крайней!)

«Я вижу...» «Вот как?! Вы видите?!.. Я - не столь специалист. Как вы. Сколь любитель. Дилетант!.. Если вы помните, что diletto - удовольствие. Любовник... (Пусть трактует, как хочет.) Нынешний мой интерес - Ангелины. Марины - это просто, это для мэнээс... (Младших научных сотрудников.) А не докторов. (Чего не придумаешь на ходу.)»

Вы можете заметить по стилю, манере изложения, по знакам, где кончилось в «Six part» его повествованье.

Но - люблю игру в докторов!

Произошло, как всегда. (Так женщины, не думая, брякнув, попадают в точку.) Ведь я же случайно, без умысла сунул ему имечко «Ангелина»! А он - вз!.. Его реакция - ах! - улееила мое самолюбие! Вы бы знали!..

Он вздрогнул - взгорел, взопрел! «Вы что-то знаете об Ангелинах!!!» - вскричал он! И пальчонки его стрекнули. (Ой - ей...) Глазки его минометно стрельнули. Так цыганенка выдают глаза - выдают его маниакальное желание выманить у вас, не монетку - нет, не монетку, которую он просит. Отнюдь! Ему - не копеечку, не рублик - ему весь! - весь целиком ваш кошелек! «...Расскажите! Расскажите, я заплачу!» - вскричал он.

Я покашлял, соображая. («Фу - какой... Что делать?! Как быть?!»)

«...Я хорошо заплачу, у меня есть деньги!..»

(«Да, деньги мне очень нужны, может, взять?»)

«Расскажите, расскажите! Я не возьму с Вас денег - давайте просто обменяемся услугами!»

(O sancta simplicitas!)

«Услугами? Прекрасно, мудрое решение. Вы - доктор ВСЕХ НАУК! По рукам».

Но я уже решил услугу и месть ему совместить. (Homo homini lupus est.)

Вы помните, про всякий случай я брал с собой два пакета. Я просто не знал, с кем буду сидеть за столом, будем ли курить. А так как он не предложил мне стола, содержимое не выставлялось. Мы беседовали даже без «чашечки кофе», не говоря о вине. (Ответьте себе сами: нормальный человек в таких условиях начинает разговор о женщинах?) Я решил их использовать теперь.

- Возьмите, это вам, - начал откланиваться я. - Возьмите, дружище, когда будете один

- фужер, - стараясь заранее гримасками не выдать своей клоунады, блюсти лицевое глубокодумие, - и граненый стакан. Вот мой вам - затертый жизненной практикой и коллоквиумами с a students - граненый стакан. В последний плесните «Токайского», а в фужер налейте портвейну. Раскурите и «Приму с фильтром», и «Вирджинию». Непременно поставьте музычку - не увлекайтесь попом, лучше Моцарта.

И ввечеру!.. В полностью интимной комнате - самим собой приватизированной атмосфере... На границе светового пятна! Производимого любимым интимным абажуром... После глубокой - фугасной - затяжки, под симфонию, - «Примой», делайте глоток «Токая». Затем - сразу из фужера. И непременно затянитесь «Вирджинией» - батенька, всенепременно! Инструктирую дальше: понаслаждайтесь. Также и Моцартом. Да-да, - погрезьте Моцартом, музычкой, посозерцайте закат.

...И если найдете в этом всем - вкусе и действиях - смысл, - если сумеете найти в этом гармоническое наслаждение!.. Сможете насладиться и своей Ангелиной... И раскусить Ангелин.

И вписаться в мир Ангелин.

Ха-ха-ха-ха... Sic transit gloria mundi ...» - с этим добрососедским гоготом над чужой бедой я удалился.

Veni, vidi, visi...

Скважину дальше пришлось бурить самому, одному.

Что бы я добавил... Чего-то не хватает. Запутали. Запутался. Все - сердит без меры! Развелось бездельников - каждый, кому приспичит... Кто хочет, тот и выписывает себе книжонку. Удостоверение: Доктор! Бездельники - путают добрых людей. Вот! Вот - частностей в Повествовании недостает, частностей! Интригующей индивидуальности! Все плоско и общо - изображение размазано, несъедобно; как непеченый блин.

Все, спешу поднять себе настроение.

А способ один: к Марине...

Смотрите.

_____

Lupo agnum eripere - «вырвать у волка ягненка»: о трудном деле
O sancta simplicitas - о, святая простота
Homo homini lupus est - человек человеку волк
Veni, vidi, visi - пришел, увидел, победил
Sic transit gloria mundi - так проходит мирская слава

Часть 8

Ей было теперь тридцать два, близкие, подруги и друзья в ее городе обращались к ней свойски: Марина.

Ее характер вам теперь знаком, внешность, - конкретная, в нашем reality-show - будет представлена, ее манеры и линию поведения вы почти знаете.

...Вы знаете, некоторые незамужние, - и, особенно, разведенные - женщины имеют у нас привычку регулярно посещать ресторан. Обычно по субботам; или пятницам; в воскресенья реже. Вот и наша героиня, оказавшись в жизни бессемейно-одна, незаметно для себя приобрела эту общую привычку. Втянулась, как говорится, вошла в колею.

Неделя идет и проходит, вот пятница. Но вначале (жаль, что в неделе есть и иные дни), с восьми утра нелюбимого понедельника, Марина крутится, как белка, в заведенном не собой колесе.

Понедельник - собрана и напряжена.

Вторник - сосредоточена.

Среда - блестящая речь на заседании.

Четверг - прием посетителей.

Пятница - the last of pea time - отлынивание, чай, мелкие дела и отчеты.

(Да, в учреждениях - пятница лишь до обеда день дел.) И в этот, ожидаемый и любимый даже более выходных, день, к двум часам (к четырнадцати) у Марины, - там, где обращаясь по имени к нему непременно прибавят отчество, - закончены заседания и подписаны протокола, - там к четырем часам выпровожены вызванные и незваные (не посетители), - закрыты папки и наверняка заперт сейф, - шеф извещен о скором убытии подчиненной. К шести - решены все вопросы «бабушка - внучка» (с вечерним досугом и

ночлегом дочери). К восьми готова прическа, в девять заедет друг. Если же такового нет сейчас, - вообще нет или сейчас отсутствует, - к девяти для веселого вечера (что ж, прекрасна и чисто женская) компания из трех-четырех подруг на «извозчике» подрулит к давно облюбованному ресторану.

В тот раз было лето. Выдался прохладный денек!.. Вечер, после двухнедельного зноя, животворя, дунул усладой... Настроение взлетело!.. Настроение взмыло вверх острыми рожками блестящего месяца, вырвавшегося, наконец, из чертова мешка на хуторе близ Диканьки!.. Приспичило оторваться, покуролесить: «хорошо посидеть».

Попрыгав от дивана к шкафу и от шкафа к зеркалу в одних носках и трусиках (меняла на пути туфли, прикидывая и разбрасывая колготки), Марина натянула кожаную юбочку, рубашечку, сверху - кожаный жилет, с всевозможными облегчающими вырезами. Было желание попрыгать (потанцевать), побеситься и поблестеть. Раз так, на шею цыгански, монистом упали крупные бусы. Глянула в зеркало - сегодня понравились. Ну так что-нибудь еще по крупному! Что?!.. А вот. И в мочки ушей впились клипсы - золотые колеса. Побегала еще, меняя пары туфель и насаживая на пальчики золото, и насадила штук шесть колечек и перстней (любила желтое). Покрутила, попересаживала - какие два сегодня выберутся? Предпочтения не получилось, задумалась: что за настроение сегодня такое?! Прохлада влияет? Марка долго нет, - и ревность внутри кусает и сама в себе бесится?!.. Оставила до выхода пока все (что было надето) на пальцах.

«Так... Маникюр... Очки теперь в сторону... Звонок?!.. Ну кто еще там не вовремя - ring me tomorrow!.. Девчонки - вы, что ли?!.. Отвлекаете!.. Да, девочки, уже выхожу! Все - все... Встречаемся на нашем месте».

Еще разок к зеркалу подбежать!.. Глянула на себя - повертелась, осталась довольна. Ножки стройные (но не худые) - аппетитны, колготкам льстят. Бедра крепкие, до «не могу» обтянуты юбчонкой... Попа упругая, кажется прикрытая, а так - вся, как на виду, - прелесть попа... Руки - обнаженные до локтей, и руки привлекательны не менее ног. Груди, - «карандашный тест», но поболее - натягивает рубашечку!.. Что еще. Глаза карие таинственно, лучше - нагло, блестят, губы полные, - губы чувственные лакомо млеются. Кудряшки на лбу и локоны по плечам.

Помигала на себя отмороженно: н-ну!.. Повыхохатывала, вертясь у зеркала - «Блин, ты даешь... О-пу-петь...» Да - девочка-оторва!

«Так... Пора - поехали!» Ничего на себе не меняя ключ от квартиры в сумочку - шмяк! Входной дверью - хлоп! Каблучком, удало изогнув ступню, пивную банку, пустую, гремящую, с лестничной площадки (а не бросайте где попало!..) - бац! Шар-рах!.. Чирк-чирк, тук-тук-тук... Через минуту только дверь в подъезде - как камешек по воде - прохлопала.

...Друг у Марины тогда был. Любить, - как-то страстно, безумно, безудержно, - не любила: притягивал, был надежен, была увлечена, весьма нравился. Но друг в тот день был в отъезде (дела, вопросы бизнеса), и маринкина женская троица, уговорившись заранее, скатилась к одному времени в свой ресторан без цели знакомств. Исключительно - посидеть; и в большом обществе, и втроем; выпить, потанцевать, пообщаться, - понаблюдать «кто с кем» сейчас, раствориться в шуме, развинтиться в гвалте ресторана.

Ресторанные завсегдатаи всегда чувствуют, кто за чем пришел; кроме того, компанию знали, и мужчины со стороны с намерением и предложением более чем «потанцевать» не подходили. Так сказать - не лезли, под ногами не путались, веселиться по-своему женскому обществу не мешали.

Все шло прекрасно, гладко: расслабляющий пятничный вечер. И подружки - sing like a lark.

Через час стало чуть обыденно. (Вздох.) Невозможно более roar with laughter.

Через два (тут зевок) - скучновато. (Все-таки мрачно в мире - make no mistake about it - даже ресторанном, мирке - без мужчин.) Марина уже позевывала. Позевала, выпила, рассеянно водила глазами: хоть бы какой-нибудь «друг»...

Вдруг!.. В середине ресторанного вечера!.. Перед ней, скучающей, возник - интересный на вид один. Как!.. Как - мессия ей во спасение; из табакерки. Из шума, говоров, музыки, танцевального хлопа, блеска фужеров и полутемноты. «Можно вас станцевать?» - проговорил неизвестный. Марина прищурилась. (Очки в сумочке.) «Так можно?!» Марина сощурилась, оценивая. «Ну что...» Мужчина был ей неизвестен - никогда не видела: как быть? (Любила порядок.) Для постоянной компании ресторана нов. Марине - любопытен; но не люб.

Сдержанно-крут, явно манерен. Кричаще дорогой костюм, белые лаковые туфли.

Выдающий чужой вкус галстук. О чем-то говорящий (о недавней бедности? Нет. Но о чем?!) - массивный золотой перстень.

...Белого пальто с шарфиком не хватало - ага: Кристофер Ламберт на работе, позер, сосланный в трактир «Сороконожку». Aim at the moon ...

Марина прикинула и... Благосклонилась. Танцевали.

Во время танца ламберт назвался, у нее имя спросил. Она ответила. Он разговорчик завел. Она поддержала - междометием. Он начал действовать: туману напустил; и сгустился величественно. Марина подумала: да - пари бога ради, мне-то что...

Оттанцевали, туман до столика ее проводил. Кивнул, испарился. Она присела и дугу испарения спиной четко продолжила - область, точку приземления тела вычислила. Развернулась, как бы просто - просто так, попробовала тот островок, ту отмель хотя б искоса поразглядывать. Что-то ускользало от нее в нем - что-то такое, что не дало при танце поболтать не зажимаясь, - хохотнуть, потрепаться. Сидела с сигареткой, чувствовала: обязательно еще раз явится. Решала: провести до закрытия время в его обществе? Дать понять, что занята? Каждый раз в туалет улепетывать? Наблюдала пока исподлобья - темноты якобы опущенных глазок - как новый завотделом городской администрации секретаршу пенсионного фонда «облизывает». Уламывает, трудится. Прыскала про себя: «Вот болван! Это ты думаешь, что ее надо обхаживать. А она уже обхожена... Уже уломана - сразу! Как тебя завотделом назначили. У нее мечта всей жизни: выйти за начальника... Но Любка, девушка ничего, все при ней, может для вида поартачиться... И правильно делает! Давай, Люба, за так ничего ему не давай! Хватит с него - и так, нахалюга, бесплатно дом строит! Но - не подкопаешься... К сожалению...» И продолжала покуривать да краем глаза отстреливать ту сторону, где ламберт размачивался. Высказывала пожелания другой парочке: «...Слава, ты, дурак женатый, - другого места выбрать не мог?!.. Или думаешь, в темноте, да в столпотворении вас никто не увидит?... Вот светиться охота!!!.. Сразу трахаться надоело, решили на виду у всех до этого дела - того: потанцевать...» И - краем глаза - «Ого!.. «Мой»-то уже не вытерпел» - краем глаза: манерный в ее сторону пробирается.

Музыка - медленный танец. Оглянулась по сторонам, подруги разобраны. Подумала: «Пойти, что ли?..»

Кавалер подошел, приглашает. Лицо высокомерно-слащавое.

Музыка на танец пришлась - бывает такая - невыносимо длительная; невыразимо приторная, медленная-медленная. Влюбленным парочкам под нее удобно на виду у всех друг с другом колыхаться - объятия, качания, сладкие взгляды, ретроспективы чувств, жмуренье от удовольствия, поцелуйчики, предвкушения!.. Нет слов! (Без слов, одни взгляды.) А другим что делать? И наша пара поневоле разговорилась. «Мариночка» - осторожно и нехотя, от непонимания, кто перед ней, - слово от слова за километр, как дорожные знаки, километровые столбики - только особенности дороги отмечают. А танцор ее, - оказывается, он на нее давно глаз положил, только проверял, одна она или с кем-то, - оказывается, он выбрал ее потому, что она здесь сегодня самая яркая! Луна пригожая!.. Лукавый - слова, как козы горох свой из-под хвоста рассыпают, когда ветки обдергивают, да топчутся. Он - ну ей в ушки ее достоинства расфасовывать!.. Марина поняла, время зря потеряно - чем заняться? («Ах, вот». Продолжила свои английские упражнения. Тема все прежняя - пословицы, поговорки.) Разговор же попробовала перевести на другие рельсы. Кристофер сейчас же ей - про свои достоинства. («...Persuade somebody that the moon is made of green cheese...»)

...Какой он крутой да важный! Да какая судьба у него была трудная! И его ковала... («The man in the Moon?!..» - Марина начало послушала.) Как за друзей своих он - горой! Чуть ли не в Афганистане воевал. Да как пострадал, и страдал долго. Марина: что за страда? Он не понял. А что за друзья? Друзья? О-о!.. И друзья за него горой. Во - друзья! У них такая дружба!.. По гроб. Марина: по чей? (Уже язвительно.) Он: умрем друг за друга, но в обиду не дадим!.. Друзья его не забыли, не бросили, - и только он опять сюда... Тут же они ему... Они его... И «хата», и «тачка», и «бабки» - живи друг, живи, братан!

- I have a bad man... - тут Марина вздохнула и насупилась.

- Бэтмэн? Без проблем!..

Да! Он, как Бэтмэн! Только покруче будет.

- Black man, - вздохнула Марина. И, повздыхав, поинтересовалась (не могла не поинтересоваться): типа, а где были-то, в каких местах так долго, что вас забыть могли?

Ну!-у... - тут певец ее вообще, в натуре, ну - типа вербой после зимы, - новогодней

елкой с лампочками расцвелся. «Да вы панима-а-ете!..» Да уж как-нибудь. «Да это та-а-ки-и-е лю-ю-ди!.. У нас ба-а-льши-и-е дела!.. Бальши-и-е «бабки» делаем!..» Ваз-мо-о-жно, может бы-ы-ть, при более близк-а-ом зна-а-комстве, при удобном случае - он расскажет ей. Но ей не понять, потому что... «Но для вас это...» Тут он при танце как бы отодвинул от себя Мариночку, как бы давая ей понять, что откровенно ее оценивает, разглядывает ее - ее, такую вот... Такую вот чистенькую, гладенькую, беззаботную бабочку, - аккуратненькую, сытенькую, - даже холеную. Возможно, умненькую. Да-а! Девочка не без ума - техникум, наверное, закончила.

- Так я не пойму, все-таки... А... Нет - понятно... - покивала Марина. («A confidence man... Promise me the moon».)

- Да - снизошел он. - Для вас это, панимаете... Для вас это, как до Луны? - так он свое детерминирование прервал.

После чего, уже по-свойски, как по своей, собственной - по ручке ее, оголенной до локтя, пальцами прошершал! (Марина про себя поморщилась.) Стиснул у локоточка. К себе «девочку» подтянул. И прижал - груди ее прочувствовать, аппетитно глаз грели. (Марина про себя фыркнула изумленно.) А он уже попку ее смело, - расковался, брат, - потискивает. Марина икнула от изумления, но и этакое стерпела, потому что - «Ах так!..» - мгновенно связав все обстоятельства, уже придумала, кто кого (и как - get a fair show) «здесь и сейчас» будет использовать. Бедрами машинально повела - ручонки убери!.. А он понял, наверное, - бога ради, приятно, не жалко. А что он еще мог подумать, - такой? Он же на раз привык завоевывать «девочек». И вот - очередную: завоевал. Пора «окучивать».

Но - танец все идет, пара наша танцует. Марина (решив все на раз) - хоть бы что, пируэты своего «фаэтона» дотерпливает, не прерывает. Почему бы нимфой Калипсо себя не почувствовать?! Чувствует себя уверенно: be at home. Ничего с ней не сделается, она и не такое, и не таких видывала. Нашелся, тоже, наследник Макдональдса... Вот Марк у Марины, действительно, в своем городе был «крутой», и за Марком она (и в его отсутствие) в любой городской точке чувствовала себя, как за стеной. (Своей охраняемой квартиры.)

Присматривалась к танцору - надо же! Собрался ее окучивать... Неумно, по меньшей мере. «Это мы вдвоем, парой нашей с Маричкой, в этом городе - можем и посадить, и закопать, и окучить».

А этот!!.. Как карт-бланш получил - попку сверху юбки потрогал. Расковался, раздухарился, - ведет, распоряжается. Командует. Утянул Марину к своему столику. Одного компаньона подвинул, другому кивнул - ублажать, сам щелкнул пальцами официанту.

Миг! И крупный фужер, полный духмяного вина, пред Мариной, притворившейся размягченной и чуть пьяненькой, поставили. «Мариша! Давай-ка...» Мариша не наклоняясь - и не придвинувшись, - издалека, как собака благородных кровей верхним чутьем - носиком винный воздух с фужера потянула! «Фи!» - коротко бросила. Заявила, - с поджиманием губок, с брезгливостью, что она эту муть за сто рублей - амаретто тверского разлива - с детства не переносит. Как в средней группе детского садика бросила, так больше и не употребляет. «А вот рюмочку настоящего коньячка...» - начиная времяпрепровождение по-настоящему и обращаясь больше к официанту, чем к застольщикам, - сейчас бы, именно сейчас! Бы с удовольствием выпила. Это раз.

На счет три чуть ли не председатель совета директоров участвующего в нашем спектральном событии однокоренного ресторана склонялся перед ней с в правой руке темной бутылочкой. Как говорится, наклеечку и пробочку просмотреть не соизволите?.. Жаль, что у полотенца один цвет - белый. Ну так лицо сверкало у служивого всеми цветами солнечной от радости радуги. А вот рот - на замке, - а глаза, почему-то, в кучку. Рот так хорошо заперт, что вместо двух губ одна полоска - губ не видно! Что с ним делается?!?..

Марина завороженный взгляд с коньяка перевела, глазами попыталась с глазами встретиться - а вот ни фига вам, Марина Владимировна, а нету глаз! А нету - их вообще нету. Взгляд поймать не сумела, послала гримаску - это-то он увидит: «Ой, будь другом, исчезни, а! Ты мне еще днем надоел!»

Гримаска собутыльниками была истолкована не! правильно. Служителя услали чуть ли не самим Бахусом - «Моей даме этот ваш коньяк не нра-авится!..» Марина генеральному официанту (как раз следила за плеском коньячного вкуса во рту) возмущенно (и отрицательно): «У!.. Гу!..» Ручкой - «Нет, нет! Все не так! Прости, пожалуйста, это не я, это вот балбес!..» И - ручкой, ручкой (губы от коньяка не оторвать) - показывает.

Ну что, налитый коньяк она обстоятельно пригубила, вкус оценила. (Коньяк был дорогой, качественный.) Начала смаковать глоточками. Спросила еще - лимончик в сахаре да маленькую шоколадочку. Да!.. И кофе заварить не запамятуйте.

Продолжила. Пригубляет, каверзно прищуривается. Наблюдает, молчит, головкой кивает, наслаждается. Всему поддакивает. А, в принципе - что?! За такое вкусовое великолепие один раз можно... Кроме троих, кругом все свои, и свой, ресторанный, знакомый, приятно рассеивающий внимание, шум кругом! Красота.

То, что перед ней сейчас несколько мужчин расстилаются, ее не вдохновляло. Во-первых, у нее имелся собственный, куда более интересный и куда более надежный, во-вторых, она предпочитала иные «коврики», в-третьих, ничего интересного, кроме коньяка, она за этим столиком не сыскивала... В-четвертых, - и вот в четвертых... В-четвертых, она уже спрогнозировала, чем после коньячного запаха завоняет. И вонь та ее обоняние никак не устраивала. (Например, на трупы она принципиально, из-за атмосферы при них, не ездила.)

Ногу на ногу закинула, - с задиранием юбочки и коварной усмешкой: Шэрон Стоун вспомнила, - коньяк пригубляла. В пение и шепот в ушки старалась не вслушиваться.

Но - внимание, восхищение, суета вокруг ее персоны, ей, безусловно, льстили, льстили, льстили. (Так как завистливое внимание окружающих дам приковывали.) Были приятны, пьянили крепче коньяка.

...Незамедлительно отведала второй коньяк. Подняла глазки на официанта, промолвила: «М-м-м...» (В смысле, хотелось бы уж - трилогию! Подыграй, пожалуйста? Не Марка же разорять тут у вас!..)

...На четвертом коньяке актерствовать перестала - совестно маленьких дурачить, неприлично настолько объегоривать. Обратилась к своему фигуранту попросту: «Хотелось бы сравнить эти коньяки с каким-нибудь еще - равноценным». Отпробовала.

Официанты!.. С каждой новой бутылкой каждый раз новые подходили, как следующие в очереди, - кажется, прибывали даже из других ресторанов и баров города. Тоже, развлекаловку себе устроили: пробиться лично позреть, как Марина Владимировна коньяки стоимостью в среднеобластную среднемесячную зарплату дегустирует. И всем знакомым наливает: а пусть пробуют!

Наконец, Марина решила: побаловались и хватит, пора опомниться - fly in the face of Providence. Причины следующие: сигналы из сердца голове - момент подсказывают. Кроме момента - контролируемая сумма расходов: безопасность превысила. Кроме того, в голове периодически, а в ушах уже бесперебойно, и все более какими-то словами путаными, пошумливает, позванивает. Что-то нашептывают, и что-то все более тискают. А это уже и неприлично, и не нравится. «...Что ж, пора и честь знать...» - вдруг заявила. (И - не роняя ее - shoot the moon! - выкручиваться.)

Стоимость выпитого (всех коньяков, самой и знакомыми) она списала на стоимость ее (дражайшей Марины) общества. А вот нашептывания и тисканья, это уже ей в дебет - в дебет... Итого, общий баланс у угощавшего - минусовой. И далее поэтому: «Ну так где! За что! И по какой статье вы все-таки отбывали - так и не расскажете». Без подтекста и без иронии, закончив не вопрос не застольным пафосом, приготовилась подниматься. «Ну и ладно, мне и... Будет нужно, сама узнаю», - доверительно сообщила она. Этому... Этому, - который (ask for the moon) в друзья по сну напоследок, в струю коньяками, обволакивающе греющими под юбочкой, одеялочком набивался.

Официанты!.. Every man jack! Во главе с администратором!.. К тому времени уже в колонну по одному, как тридцать три богатыря с дядькой Черномором, дважды мимо продефилировали. И почти прыскали. Что Марину беспокоило, раздражало, сердило - нарушало комфорт. И способствовало ее раннему отлету к подругам, и в пенаты. Марина могла прыгать и визжать под «Мадам Брошкину», и задирать ноги до ушей, пусть даже трусики мелькают и грудь нечаянно при всех вывалится - это в порядке вещей, когда ВСЕ разошлись и все ТОЛПОЙ на миг в пике веселья в ресторане взбесились. Но тот цирк, который происходил, ее угнетал, не устраивал.

...Контингент ее, простофиля ее услыхал только знакомое. Соответственно, реакция: «Да ты па-а-ни-ма-а-ешь!.. - начал он гнусавить в ответ и гнуть пальцы. - Да я па-а-нима-а-ю, да-ра-га-а-я: для тебя это, как до Луны!..»

- Слушай, дорогой, - вздохнула, вставая, и еще раз вздохнула, подманив его пальчиком, Марина. Усмехнулась сатирически, глядя на свои пальчики, пооглядывала их - ах, вот в чем дело. Растопырила. Как - ну, типа, - у этих принято. Бровки вздернула, носик

задрался. Ладошкой махнула, подумав, фужер подальше - не опрокинуть б случайно - отставила. Ручкой помахала перед собой. (Зрителей - официантов разгоняя.) И перед этим - как привлекают отвлекшегося, как проверяют спящего. «Эй, мол, внимание попробуй сконцентрировать!» Не вышло. Тогда: «Ты-ы па-а-цан, я-а па-а-ца-ан, что ли?» - поддразнила.

«Дорогой» восхитился: надо же - своя, оказывается! И какая сообразительная!..

Тогда она развернулась к нему, потянулась всем своим аппетитным корпусом, головушку его к себе, поближе, мигерой ласково за ушко притянула... И отчеканила раздельное.

Как зачитывала днем. Тоже в зале, только не ресторанном.

- Слушай, дорогой - every man is a fool sometimes, and non at all times. Я в этом городе - помощник прокурора. И через день и каждый день. На эту твою луну! Людей отправляю.

...Что и как (эти последние слова) она ему говорила, мало кто слышал. Те же, кто присутствовал при их расставании, утверждают: из-за стола компанию, наливавшую Марине, как отливом морской волны слизнуло. Сдуло, как ветром, как говорится.

А официанты ее, после того вечера, с легкой руки одного умника, за глаза - иначе чем наша «woman of moon», - то есть женщина луны, - и не называют.

Yes - she pass into a proverb. And...

Но нет - кончим на этом. Далее только лишь - bark at the moon. А нам еще надо...

Часть 9

Она все такая же. Только ей уж не тридцать. Она живет, она работает. Друзья и близкие в городе ее величают Марина.

_____

the last of pea time - последний этап, последняя стадия
ring me tomorrow - перезвоните мне завтра
sing like a lark - распевать весело, звонко, от полноты счастья
roar with laughter - покатываться со смеху
make no mistake about it - не обманывайтесь на этот счет
aim at the moon - быть тщеславным, высоко метить
persuade somebody that the moon is made of green cheese - убеждать кого-либо, что Луна сделана
из молодого сыра. Т.е. доказывать явную нелепость
the man in the Moon - мифический человек, обитающий на Луне. Или - с Луны свалился
a bad man - злодей, головорез, закоренелый преступник
black man - злой дух, дьявол, сатана
a confidence man - аферист, мошенник
promise me the moon - обещает мне луну с неба, т.е. вешает лапшу на уши
get a fair show - использовать удобный случай, представившуюся возможность
be at home - чувствовать себя, как дома
fly in the face of Providence - искушать судьбу
shoot the moon - ночью съехать со снимаемой квартиры, не заплатив за нее
ask for the moon - просить луну с неба: требовать невозможного
every man jack - все до одного, все, как один, все без исключения
every man is a fool sometimes, and non at all times - никто не бывает дураком всегда, а вот изредка - всякий
pass into a proverb - войти в поговорку
bark at the moon - лаять на луну, то есть тратить время попусту

Александр РУЛЁВ-ХАЧАТРЯН

БАТУРИНСКИЙ КЛАД

Любой наш разговор, когда мы случайно встречаемся в городе, заканчивается одним вопросом:

- Чего Морошку позабыли? - спрашивает, помаргивая левым глазом, Семен Семеныч, пенсионер из Батурина, что за Шексной.

И надо сказать, в тоне вопрошающего столько язвительности, будто мы с Морошкой у него курицу украли, а до сих пор вот не признаемся, хотя столько воды утекло.

- Все о тебе спрашивает, все спрашивает, - говорит Семен Семеныч уже на ходу.

«Пускай его», - думаю, направляясь по своим делам, но знаю, что весь день буду вспоминать о Морошке, о наших с ним приключениях... необычайных, можно сказать.

1

В начале июня, точнее, пятого июня к полудню я появился на берегу Шексны неподалеку от Батурина, в прошлом знаменитого села, славившегося во всем Пошехонье.

Здесь я должен сказать вот о чем... Считается, что Пошехонье расположено вдоль речки Шохны. Но я с этим общепринятым мнением не согласен, а считаю, что Пошехоньем следует называть левобережье реки Шексны, потому что раньше она именовалась Шехной. Позднее некоторые умники стали букву «ха» читать как «икс», вот и получилась - Шексна. Когда эта мысль впервые пришла мне в голову, я тут же стал искать на карте славное село Турино, полагая его стоящим на Шексне, а не Шохне. Так и наткнулся на Батурино и, ничтоже сумняшеся, отправился на поиски Бранного Погоста, то есть воинского кладбища, указанного в летописи 1691 года. Там было сказано: «Сохранеша и обрегаша ратников, а числом девятеро».

Одним словом, добирался я на трех видах транспорта и добрался до места. Хожу вдоль по берегу, обозревая местность, прикидываю, что к чему, с чего начать. Курю, сидя на большом камне. И вижу: спешит ко мне волна от «Волго-Балта 19», но разбивается, не достигнув берега метрах в двадцати, о подводную гряду или песчаную косу. «Или каменную стену...» - гадаю я.

Теперь мне уж никак невозможно стало сидеть на берегу. Сунулся было в воду. Смотрю - глубина. Оделся, пошел искать лодку.

Оказалось, единственная лодка в Батурине принадлежит Морошке, так мне сказали. Из расспросов я также узнал, что мужское население села давно забросило рыбный промысел и делится на три равные части: механизаторов, пенсионеров и школьников. Последние для своих забав предпочитают плоты. Так что лишь один Морошка держит лодку, рыбачит и вылавливает на ней отставшие бревна и снабжает дровами школу. А механизаторы сами привозят дрова себе и пенсионерам. Узнав это, я вернулся на берег.

Морошка был уже здесь. Потом выяснилось, что рассказать ему обо мне успел вездесущий Семен Семеныч, или попросту Сима-пенсионер. Сам он теперь сидел чуть в отдалении на бревнышке, елозил и ждал, чем кончатся наши переговоры, а пока делал вид, будто любуется рекой.

Еще на ходу я успел разглядеть отличную лодку, смоленную, а некрашеную, как у городских. Где была спрятана лодка до этого, не знаю. Подойдя, я поздоровался. Передо мной стоял вихрастый старичок с переломанным носом и такими ушами, словно эти уши принадлежали великану и тот их утерял по рассеянности, а Морошка подобрал и приладил их себе, одно ухо выше, другое ниже - так поначалу мне показалось. Потом я понял, что такое впечатление создается из-за привычки Морошки наклонять голову к плечу.

Зовут Морошку, как медведя, Михайло Потапыч. Лет ему шестьдесят пять, исполнилось шестого апреля текущего года, как он сообщил мне при знакомстве.

- А тебя как будем звать? - спросил.

Я не успел ответить - раздался голос с бревнышка:

- Да чего ты с посторонним лицом тары-бары развел, губа! Документ потребуй, документ! - Сима-пенсионер встал и пошел, оглядываясь, как будто собирался вернуться сюда с милиционером.

Я стал рассказывать, зачем нужна лодка. Морошка слушал, слушал и вдруг прервал меня, вскочив на ноги.

- А тебя никто спрашивать не думал! Вот-вот! Указчик нашелся! - кричал далеко ушедшему Симе и при этом болтал руками, перепрыгивал с места на место легко, как перышко. И голос у него был звонок и свеж. - Ну дак, зачем тебе кладбище? Секрет? - он быстренько уселся на песок, сразу же забыв о Симе.

- Какой тут секрет... Хочу откопать воинов.

- А зачем? Секрет?

- Да никакого секрета. В музей наш краеведческий, если шлемы, кольчуги... Оружие также должно быть. А если золото...

- А золото если, то куда? Секрет?

- В Госбанк, в хранилище... смотря что.

- Никакого интересу, - зевнул и отвернулся Морошка.

- Вот те на...

- И лодку не дам. Зачем она тебе?

- Я же сказал - хочу осмотреть дно.

- Та-ак. А что на дне?

- Не знаю.

- Секрет?

- Можно сказать - секрет.

- Тогда отчаливать надо! Айда пошли, чего тут рассиживаться. Дело государственное, верно? - Морошка запрыгал по бережку, то и дело оборачиваясь. - Государственная тайна, так?

- Да, - отвечал я, уразумев, что имею дело с человеком, у которого ни в грош не ставится все нетаинственное и несекретное.

Бревна он вываливал потому, что их надо высматривать - это вроде охоты. И рыбачил он, понятное дело, из-за того, что на крючках перемета рыба могла оказаться, а могла и не оказаться - вот в чем интерес. Опять же, если бы в реке, положим, ловился один только лещ, то Морошка ни за что бы не рыбачил - какой тут интерес, когда никаких неожиданностей. В общем, я встретил человека с душой, открытой навстречу любым неожиданностям.

2

У Морошки славный дом, только очень старый. У его соседа, пенсионера Симы, такой же дом, но новый. Эти два дома срослись, и от стыка их поперек двора идет забор без калитки. Если надо на улицу, то идешь мимо симиных окошек. Из одного тебя провожает взглядом академик Келдыш, на другое приклеены лицом наружу портреты А.Можайского и Поля Робсона. Дальше идет Кутузов. Всего же портретов шесть, но кто изображен еще на двух портретах, я так и не могу узнать.

Если же надо к реке, то дорожка к ней проходит через морошкин двор, заваленный чем попало. Затем она вьется запущенным огородом. За огородом сразу луг, за лугом песок, а там две сосны на самом берегу Шексны. Глядя на сосны, я рассуждаю так: к бору шел старинный шлях, с двух его сторон теснились сосновые леса, значит, не в лесу, а рядышком с дорогой должны лежать воины, которых мы ищем. От шляха остался каменный мост через узкую вадь, от леса - две сосны, одна справа, вторая слева дороги.

- В путь, - каждое утро вот уже десять дней кряду говорит Морошка, прежде чем двинуться к реке.

Он хлопотливо спешит первым с топором и веслами в руках, я за ним тащу веревки, доски, лопаты - когда что, смотря по тому, какой план действий начертан на сегодня. За нами в двадцати шагах - Сима, он наблюдает за всеми нашими действиями с перерывами на завтрак и обед. Ужинаем одновременно. Мы с Морошкой варим картошку с тушенкой и пьем чай из котелка во дворе на приступочках. Сима роскошествует за самоваром у себя на обширном крыльце.

- Все ищут, ищут, а спроси - чего, сами не знают... - говорит он своей жене Лидии

Матвеевне. Она, как запружиненная, часто-часто кивает согласно головой. Морошка молчит и терпит пока что. Я слушаю, тоже не вмешиваясь.

- Раньше бы если, в хорошие-то времена, тунеядцев никто бы кормить не стал. Не-ет. Извини подвинься! Одно дело, когда многолетним трудом, так сказать, на поприще, заслужил покой и всеобщее... А тут один стыд и безобразие. Нету властей на них. И то сказать, какие власти... Подумай, Лида, милиционером Гришку сделали! Какой же из него блюститель, понимаете, если штаны не держаться. Говорил я с ним, провел беседу. И в сельсовет ходил, - уже кричит Сима, поглядывая на нас. - Доложили в письменной форме. Тоже мне нашлись - землю роют! Под водой шарят! Доберемся!

Я ухожу в избу, ложусь в сено, которым устлан пол возле распахнутых окошек. И слышу голос Морошки, хотя он уже возле забора, разделяющего дворы:

- Много ты понимать стал, губошлеп! - обрывает он симины излияния и тут же прибавляет свое неизменное: - Вот-вот... И нечего в чужие дела лезти, вот-вот. Ишь мне нашелся. Оратор!

Я представляю, как Морошка подпрыгивает и мешает руками. Сима что-то отвечает, но что, я разобрать не могу. Прошумевшись, Морошка заходит в дом, и мы начинаем обсуждать свои дела. Потом вместе долго мечтаем о том, что будет, когда наши поиски завершатся успехом, и незаметно засыпаем. А наутро вся деревня имеет возможность наблюдать, как мы снова двигаемся к реке - Морошка, я и Сима вслед за нами.

3

По деревне ходят невероятные слухи о наших с Морошкой занятиях. Правда, пересуды старух о светящихся в ночи кладах, бродячих мертвецах и говорящих утопленниках уже пошли на убыль. Даже ребятишки, крутившиеся возле нас первые дни, занялись обычными делами. Но Сима по-прежнему продолжает упорно преследовать нас и изводить намеками. Морошка рассказывает мне, что когда-то его сосед, хотя и недолго, но ходил в директорах МТС, отчего взял да и испортился, между тем прежде был вполне нормальным человеком, даже рыбу удил и охотился.

- Вот-вот... - и Морошка указывает на Симу.

Тот сидит на бревнышке в льняном кителе, застегнутом на все пуговицы, и в фуражке, какие носят машинисты паровозов.

- Много золота нашли? - спрашивает он, так приставив ладошку к фуражке, словно собирается как надо разглядеть золото...

Какое золото! Нет ничего, хотя и берег избугрен, и дно проталено вплоть до подводной стены - она, действительно, похожа на ограду, но, быть может, это всего лишь остатки монастырских построек, кто знает. Я уже не верю в удачу. Не верю, но работаю, чтобы не расстраивать Морошку. Вот он стоит, наклонившись над ямой, и ждет, ждет, ждет.

- Звякнуть должно, - говорит он уже сто первый раз, наверно, - или бухнуть. Ежели звякнет - это железо, а бухать будет - дерево, - и через минуту снова: - Не звякает?

- Нет, - отвечаю и лезу наверх перекуривать.

Сима ушел обедать, но Морошка все равно говорит шепотом:

- Давай вдоль дороги копать. Пока вода убывает, пороемся здесь. А дня через три откроется дно, как в Рыбинске воду спустят в Волгу, - тогда где хошь долбай. Верно?

К вечеру я так устал, что взмолился:

- Морошка, отпусти меня, пожалуйста... В город надо съездить.

Морошка долго смотрел на меня.

- Эх ты-ы... А еще искатель!

За ужином он объявил, что с утра собирается ловить рыбу, да и бревен вон сколько пропущено мимо. Потом он отошел к дровам, сел и стал наблюдать вечернее небо над рекой. Тишина всякий раз овладевала миром, когда вот так где-то далеко опускалось солнце и меркнувший свет как-то по-особому оттенял деревья, дома, холмы. В тот вечер я думал о древних воинах, и они представлялись мне похожими на Морошку, с такими же почерневшими от солнца лицами и с просинью в детских глазах. Где они? Как их разыскать? Что мне сказать Морошке на прощанье?

- Не уезжай, - просит на ночь Морошка. - Я в кузнице новый крюк заказал, по дну пахать станем. А?

Под утро он будит меня.

- Ну, чего ты, Морошка?

- А то совсем оставайся, а? У меня ведь никого, у тебя в городе тоже...

- Спал бы...

- Ладно... Знаешь, как бы зажили-и, иэх! - и заворочался, и притих, будто уснул. Но через минуту-другую уже снова затормошил меня. - Тебе сколько лет?

- Двадцать три.

- Вот-вот, это самое... Я и говорю... - но дальше говорить не стал, а только вздохнул по-стариковски отстраненно и глухо.

4

Наутро все переменилось - и настроение, и планы. «Тук-тук-тук», - в раскрытом окне лицо Симы. Это он стучит.

- К вам идут, к ва-ам... - злорадно произносит он.

Морошка заторопился во двор, и я за ним. Между тем сосед проворно улепетнул к себе, одни белые подштанники мелькнули. И тут же мимо Поля Робсона и Можайского прошагал милиционер Гриша, тот, чьи штаны якобы не держаться. Гриша был в гражданском, шел не спеша и раза два обернулся, словно поджидая кого-то. И верно, следом за ним показалась девушка. Глядим - тоже идет к нашей избе.

- Доброе утро, - сказали они вместе, а девушка улыбнулась при этом.

Гриша потоптался на месте, потом сел на приступочку, закурил.

- Двоюродная из города, видишь ли. Морошка ее знает, - сказал он.

- Как не знать, как не знать, - засуетился Морошка.

Он пригласил молодых людей войти в избу, но ранние гости смущенно отклонили его предложение. Одного взгляда на них оказалось достаточно, чтобы понять, зачем они пришли. Не случайно Гриша был в рабочей одежде, а девушка в спортивном поношенном костюмчике. Мои планы отступления в город рухнули.

- У меня, видишь ли, бумага, ну вот начальник и сказал, чтобы содействовать, значит, по мере возможности. До сенокоса две недели, - торопливо принялся объяснять свое появление Гриша.

- А я на каникулах, - потупилась девушка. - Люба, - назвала она себя.

- В техникуме учится, в городе, в библиотечном! - ликовал Морошка, размахивая руками. - Ай да Люба, ай да молодец!

- Все ясно, - печально подвел я итоги...

- Вы оба сидите пока что! - обернулся к нам с Гришей Морошка. - А ты, Люба, завтрак сообрази, в избе пошарь, все найдешь. Мне ведь в кузню за крюком. В кузню я, а вы ждите! - отдал он приказ и горделиво прошествовал мимо Кутузова.

- Это власти называются... Какие власти теперь, если туда же с шалопаями, с баламутами и тунеядцами. Власти... Без пистолетов ходют. Милиция... - это сосед, забравшийся в курятник, чтобы удобнее было подслушивать, возмущенно кудахтал теперь оттуда.

5

Так сложилась артель: Морошка за командующего, Гриша - ударная сила и всем первый помощник, Люба - в поле рядовой, а на кухне главный, я же, кроме землекопа-кладоискателя, был еще и штабистом, то есть давал советы Морошке, когда он разрабатывал планы пробных раскопок. И пошла жизнь колесом. На деревне снова только и разговоров что о нашей бригаде. Приходила тетка, завклубом, просила прочитать лекцию об археологии. Сима пустил слух, будто Морошке увеличат пенсию в будущем, а сейчас, мол, зарплату дают, но не деньгами, а квитанциями вроде прежних трудодней.

- Болтуны, - гудел Гриша, и сразу становилось ясно, как он терпеть не может всяких разных трепачей.

Гриша поразил меня своей уверенностью и прочностью, с какой он капитально обосновался на земле - и у себя дома, и в деревне, и в целом на свете. И было странно, как такой человек верит в тайны. Между тем Гриша был совершенно уверен, что если долго копать даже на одном месте, то все одно до чего-нибудь докопаешься.

- В земле все должно быть, - говорит Гриша. - Я так понимаю: если на земле все есть, то почему бы и под землей не быть всему, чему там быть положено.

Люба над ним посмеивается, но ласково, по-сестрински. Знает она Гришу давно и привыкла к нему. А всякий раз, наблюдая, как смело копает Гриша в любом квадрате,

указанном Морошкой, думаю о том, что, наверно, в Батурине всегда жили крепкие люди и что и Гришин отец и дед были такими. «Здесь», - покажет Морошка - и Гриша тут же начинает выкидывать мягкую землю. «Осторожней надо», - предупреждаю я, но он, обучившись у Морошки, отвечает: «Звякнуть должно, если железо».

- Ну дак че - звякает? - подает голос Сима со своего бревнышка.

- Звякает, звякает, - передразнивает его Морошка. - У тебя не спросили, губа.

- Дура! Под мостом искать надо, а вы целину подымаете. Вон прошлой весной Николка деньгу нашел. А где? Под мостом. А вы где ищете? На берегу. Ума нету, известное дело, - и Сима умолкает, чтобы дать Морошке возможность собраться с мыслями для ответа.

Морошка сопит. Кажется, вот сейчас бросится на соседа. Однако он удерживается, считая, видимо, что руководителю всей артели следует вести себя естественно.

6

- Ну и лето, ну и лето! - восклицает Морошка поближе к обеду.

Солнце в это время окончательно останавливается над нашими головами, а Шексна делается тугоплавкой и покрывается оловянным налетом. Сима уходит на зов жены. Люба приносит из дому горячей картошки да квасу. Гриша нарезает хлеб, Морошка булькотит ложкой в котелке с ухой. Лишь расселились - начинаются разговоры о кладах. Я рассказываю о серебряных монетах, найденных мной прошлой осенью под Городищем. Где прибавлю, где убавлю, но в общем-то факт - клад был, монеты были. Мало, правда...

- А тебе зарплату какую-нибудь платят или как? - спрашивает Гриша.

- Нет. Пока что не платят, у музея денег еще нет, но им что-то обещали. Я ведь числюсь при краеведческом.

- А на что живешь? - Люба смотрит почти жалостливо, и мне делается не по себе.

- Дают деньги на экспедиции, когда за книгами хожу старинными. Да и за клады платят. Десять процентов.

- И сколько же ты заработал таким способом?

Гриша, Люба и Морошка интересуются бескорыстно, просто им не все еще понятно в моей жизни. А мне хочется, чтобы Люба узнала, кто я такой.

- Один раз мне заплатили тысячу рублей...

- И все?

- Все.

- Но ты умеешь еще что-нибудь делать?

- Умею... Но сейчас я ищу клады. Больше я ничем другим заниматься не могу. Не хочу, вернее. Душа не лежит.

- Хорошо-о... - Гриша водит ложкой , что-то еще хочет спросить.

Его перебивает Люба:

- Ешьте, хватит о пустяках...

Умолкаем. Морошка смотрит за реку и думает. Гриша ест, Люба смешно оперлась на руки, морщит свой мягкий носик, искоса посматривая на всех по очереди. Ее белые ноги полузасыпаны, она время от времени шевелит пальцами в песке. Ступня узкая, а пальцы длинные, вот снова спрятались под песок.

- Стало быть, ты сознательно... - Морошка не заканчивает фразы, как осекается.

И все четверо понимаем - вот скажи он сейчас, что хотел, - и все разрушится, потому что тайна, даже очевидная, но не названная, остается тайной, а назови ее громко - пропало дело. Сразу мы станем скучными взрослыми людьми. И тогда прощайте романтики-кладоискатели. Но Морошка промолчал. Виновато улыбнулся своими глазами-василечками нам с Гришей, а Любе подмигнул.

- Давай картошки, что ли...

Игра, к общему удовольствию, продолжилась. И все мы почувствовали, что стали ближе друг к другу.

Еще неделю под землей ни звякало, ни бухало, а если что и попадалось, то это были, как их называют, следы новой и новейшей культуры: алюминиевые кастрюли, тележные колеса, карбюратор от полуторки.

Был воскресный день, когда мы в предвечерии сидели на траве за ужином под окнами морошкиной избы. Сима пил чай на положенном месте и что-то втолковывал своей Лидии Матвеевне. Обстановка, в общем, не из веселых. Игра игрой, а все-таки где же

клад? Или захоронение? Пора бы... Примерно такие мысли бродили в голове у каждого из нас. Даже Морошка успел за неделю порастерять большую часть своей бодрости. Сказать им, что я уже не жду никаких открытий и находок, это было бы честно, однако... Ну скажу, ну распадется артель, ну я уеду в город... А Люба?

- Там в огороде зимарь вымахал. Принеси лучку, а, Люба, - просит Морошка.

Люба встает, идет. Вот прошла вдоль старой ограды, вот скрылась за углом дровяника...

- Ой! - слышим ее голос немного погодя.

- И эта об камень ногой, - уверенно говорит Морошка. - Все, кто ни пойдет, ну все, будь он неладен, все бьются об этот камень. Слышь, Гриша, вот же несколько лет лежит он, с детства помню, а нет-нет, да задену ногой. Вроде бы и привыкнуть должен, так? Вот-вот, ну никак не привыкну. Ты куда? - спрашивает у меня.

- Погляжу, чего Люба не идет.

- Сиди-и. Делов-то. Лю-убк! - кричит Морошка, поворачиваясь в ту сторону, куда ушла Люба. Но Люба не отвечает.

- Убрать надо камень и выкинуть, - решает Гриша.

Мы с ним идем в огород. Морошка с нами.

- А и вправду, давайте уберем проклятый камень, раз такая мужская сила скопилась.

Люба сидит на плоской плите и стонет, покачиваясь. Держится за босую ногу.

- А я что говорил! Камень. Ну кто тебя положил, ну кто?

Морошка ругает камень, чтобы утешить Любу. Потом бранит за то, что она ходит босая. Я разглядываю ее пораненный палец и принимаюсь дуть на него - это снимает боль. Люба утихает и смотрит веселей. Гриша изучает проклятый камень со всех сторон.

- Без ломов не взять, - говорит он и отправляется за инструментом.

Морошка вьется вокруг каменной плиты, приседает, даже встает на нее - просто так он подождать не может. Наконец не выдерживает и убегает во двор помогать Грише.

- Прошло?

- Уже проходит, - Люба старается улыбнуться, но слезы все еще стоят в глазах. - Помою холодной водой, - она встает и, припадая на ногу, уходит к колодцу.

Гриша с Морошкой несут ломы и лопаты. С ними - Сима. Видно сразу, что и у него на этот камень зуб, быть может, с детства, как у Морошки. Лицо у Симы сейчас такое, словно идет он убивать соседскую собаку. Для начала пробуем подцепить камень ломом. Видим - дело зряшное. Тогда принимаемся откапывать плиту с четырех сторон. Когда почистились тесаные грани, я говорю:

- Этот камень не просто-ой...

- А ты иди отсюда, иди, никто и не звал, - сразу налетает на Симу Морошка. Но Сима упорно суется то с одного, то с другого бока.

Проходит час. Вокруг навалено земли - уйма! Плита очищена до метровой глубины. Но когда мы пробуем сдвинуть ее, она не поддается ни на вот столечко.

- Ты спать иди, спать, - твердит Морошка Симе. - Вон и жена зовет, иди!

Сима ничего не делает, но и не уходит. Сидит рядом. Гриша начинает мастерить переноску, он только что сходил домой и принес провод и патрон для лампочки. В связи с электричеством вообще и с отсутствием такового в морошкином доме с ходу разгорается скандал. Морошка в дому палит керосиновую лампу. А у Симы везде и всюду включатели и выключатели. Мне даже кажется, что выключателей у Симы больше, чем включателей.

- Сколько лет говорят - спалишь нас, ведь спалишь! Да на тебя в суд подавать, что ли? А! Лодырь! - орет Сима на Морошку.

- А тебя и не спросили, вот-вот, - не совсем уверенно отбивается Морошка и посматривает на Гришу: мол, тебе придется подключаться к соседской электросети.

- Да как же это не спросили? Да я сейчас, хочешь знать, могу на тебя протокол потребовать! За огнеопасность! Все давно протянули провода, один ты - лодырь! У меня счетчик с пломбой. Индивидуальный, а не просто шаляй-валяй. Ишь ты, ему свету захотелось, а я плати, да?

После слова «плати» Сима зеленеет.

- Барсук ты, барсук и есть, - Морошка подскакивает на камне и с него держит речь, обращенную к Симе, к нам, ко всей деревне и клюдям планеты в целом. - Живете вы и ничего не знаете, вот-вот. А совсем скоро, даже в этом году уже, по вероятности, понавесят лампы. Новое изобретение группы ученых! Одна лампа на деревню. Как только вклю-

чат - у всех светло! Хоть читай, хоть чего другое. И висеть она будет сама без столба над всеми домами. Как вечер - раз! И в каждом доме свет. В городах будет то же самое. Но в первую очередь в деревнях...

Морошка заканчивает речь, а сам все еще глядит восторженным взором в небо над Батуриным, словно там вот-вот загорится волшебная лампа на всех.

- Трепло, - только и произносит Сима.

- Ладно ты, - говорит ему Гриша, - покажи, где подключиться можно. Электроэнергия не твоя, а государственная.

Вскоре в огороде вспыхивает свет. Я лезу в яму, еще раз осматриваю плиту и вот у самой земли вижу какие-то затеси. Когда очищаю часть камня, то различаю буквы. В голове буря. А когда в тебе начинается лихорадка, то внешне делаешься спокойным, чересчур медлительным и глупым. Таким я и стал.

- Так-так-та-ак, - сказал я, глядя на своих товарищей, - так.

- Чего так -то? - не утерпел Морошка.

- Да так... Так-так... Любаша, водички бы, а? Пожалуйста! Гриша, очень прошу тебя, выдерни отсюда лом.

Я, наверно, бы и Симе сказал что-нибудь сверхвежливое, если бы нашелся, что сказать. Когда Гриша спускается ко мне, чтобы помочь вытащить засевший лом, я беру Гришу за руку. Мы наклоняемся к лампочке, я глазами показываю на буквы. Потом я пью воду, принесенную Любой. Гриша копается внизу, зовет Морошку. Они шепчутся в яме. Люба недоумевает. Сима пытается подслушивать.

- Так-так-так, - повторяет Гриша, заразившись пустым словечком.

Ошалели мы все, если говорить попросту.

- Письмо! - объявляет Морошка, он первый обрел дар членораздельной речи.

- От кого? - Сима тянется к яме.

Люба, как была, так и садится на кучу земли, но лишь затем, чтобы таким образом скорее съехать вниз. Туда-сюда ходит лампочка в яме. Буквы, буквы.... Всех немного приводит в чувство трезвый голос Симы:

- Пойду спать. Все лучше, чем с дураками возиться. Не позабудьте вывернуть свет, - Сима тает в темноте.

Мы держим долгий совет. Решаем ждать утра. Морошка выворачивает лампочку. Гриша с Любой уходят огородами. Мы с Морошкой идем в избу, где сразу и засыпаем...

7

В половину четвертого Морошка будит меня. Тут же вижу Гришу с Любой и удивляюсь. Но, вспомнив о камне, вскакиваю.

Брезжит. Мы гуськом двигаемся по огороду, моем босые ноги росой. Молчим. Камень на месте, буквы тоже. Морошка разбирает - «вие», Люба считает, что это «сие», Гриша обнаруживает стрелку с хвостиком. Я изучаю стрелку, она вытесана как бы с оперением. Морошка первым догадывается, что стрелка точно глядит на север. Гриша сопит, орудуя лопатой, я готовлю подкладки под рычаги, Морошка с Любой раскидывают землю наверху...

Лишь к двенадцати мы сумели полностью очистить могучую плиту. Она лежала на камне поменьше размером и сильно нависала над ним со всех сторон. Стало очевидным, что мы обнаружили не часть какой-то стены, чего мы боялись, а действительно, отдельную плиту, уложенную на красный камень, да так плотно, что в стык между ними не пролезал и нож. Гриша потыкал, потыкал ножом, потом говорит:

- Чего-то на ноже есть.

Морошка определил - свинец. Я подтвердил - свинец. Люба тоже сказала, что это свинец. Плита на камне, между ними свинец - ну как тут не взволноваться, а ?

Принесли подтоварины, подложили чурбаки, стали подымать плиту - ни с места. Чего только ни делали. Даже целое бревно заводили, но так ничего и не добились.

Ну, а того, что было нами переговорено за это время, повторить невозможно. Хоть книгу пиши - не уместить. Только вряд ли кто стал бы ее читать, потому что большинство страниц заняли бы одни и те же слова: мое бессмысленное «та-ак», гришино «так-так-так», морошкино «осторжней, губа!» и любино «мамочки, до чего тяжелый!» Иногда она просто говорила «ма-амочки», не поясняя, к чему это относится. Ладно, разговоры разговорами, а плита на месте.

- Трактор возьмите, страдальцы, - советует Сима из-за угла, куда его прогнал-таки Морошка, - или кувалдой на куски - и дело.

Гриша бледнеет от варварских советов, но пока что удерживается от каких-либо агрессивных действий против Симы. Измученные и грязные, мы уходим передохнуть. И вот она - незабвенная минута... С огорода, куда он пробрался задами, врывается Сима и орет:

- Ваш камень развалился!

Мы вначале не поняли его.

- Развалился! Сам! Под ним чего-то есть! - глаза у Симы белые.

- Разломал, жаба? - ругается на ходу Гриша.

Прибегаем и видим чудо: плита разошлась на четыре одинаковые части. Оказывается, она была составной, и теперь все четыре квадрата тяжело опрокинулись и вмялись гранями на глину, а в центре нижней плиты обнаружился люк. Он - чугунный, с двумя скобами. В пазы меж камнем и люком когда-то залили свинец, он теперь побелевшим неровным кругом окаймляет люк, на котором бугристыми пузырчатыми буквами отлито: «1786 РХ».

- Фотографировать не будем? - строго спрашивает Гриша. - Если будем, то я фотографа привлеку.

- Зачем же, Гриша... Давайте люк откроем и посмотрим, - снимает общее напряжение своим теплым голосом Люба.

- А где копали, вот-вот, где копали... - суетится Морошка.

Я ухожу за проволокой. Морошка догоняет меня.

- Ну, не дураки - у реки копали, а клад в огороде. Сколько раз ударялся, а вот - на возьми! Любка не ударилась бы, ничего бы и не нашли. А она ударилась ногой - и все тут как есть. Любке спасибо сказать надо. Камень-то, камень - в огороде. А мы на реке...

Под морошкины разговоры мы совершаем путь туда и обратно и теперь накручиваем проволоку, делаем петлю для ваги.

- Может, там и нету ничего, - осторожничает Гриша.

Мы с ним начинаем поднимать люк. Он шипит, потом выстреливает и повисает на бревнышке. Отводим его в сторону, бережно опускаем. При общем молчании я осторожно заглядываю в колодец. Там ничего не видно. Пахнет пылью, вроде бы известковой.

- Пусти меня, - Гриша свисает в люк почти по пояс, и голос его становится глухим и необычным. - Слышите, ничего не видно.

- Веревку принести? - спрашивает Люба.

- Ой вы, деятели! Сейча-ас... - Морошка лезет в колодец ногами вперед, а не как мы. Гриша едва успевает схватить его за запястье.

- Отдай руку, - сердится Морошка, - нечего, тут скобы имеются, - сказав это, он продолжает спускаться в глубь колодца.

- Ну чего-о? - кричит сверху Гриша.

- Морошка, осторожней! Лучше вылезай! - ору я.

- Мамочки, - волнуется Люба.

- Чего и вылезать, если я достиг, - гулко звучит спокойный голос Морошки.

- Да чего там?

- Не знаю. Под ногами вроде камни... да кирпичи, кажется... Душно здесь. Я вылезу пока...

Долго выбирался Морошка, покряхтывая в глубине. Наконец над урезом показалась его рука. Он ухватился за край, подтянулся и сказал, тяжело дыша:

- Передохну малость, подождите, - и лишь когда отдышался, распорядился: - А теперь тяните меня...

Мы с Гришей с трудом вытянули белого от пыли Морошку - я ухватил его под мышки, а Гриша за левую руку. Правой Морошка прижимал к телу круглый предмет неизвестного назначения. Морошка держал его крепко, боясь шевельнуть рукой. Мы проволокли его наверх по откосу вместе с его находкой. На ровной земле Морошка разжал руку и оттолкнулся, потому что бронзовый шар не тронулся с места. Он остался лежать там, где его опустил Морошка, - позеленевший от времени и загадочный.

- Ядро это, не подходите, - сказал Гриша.

- Нет, это не сосуд, - я различил на шаре какие-то буквы, но разобрать надпись мешала зелень.

- Фотографировать придется, да? - снова предложил Гриша.

Теперь все смотрели на меня как на лицо ответственное. Я уже тоже осознал, что наша милая авантюра превратилась неожиданно в серьезное дело, за которое я отвечаю. И поэтому прикидывал план дальнейших действий. «Главное - не пороть горячки», - решил я. Гриша ожидал моих указаний, готовый ринуться за фотографом. Люба очень серьезно разглядывала шар. Морошка, родной Морошка, гордый и счастливый, уселся рядом с находкой и крутил головой, словно говорил: «Ну и дела! А где искали...»

- Там еще чего-то есть, полезу я обратно, - вызвался он.

- Погоди, вначале вскроем это, - сказал я.

Мы внимательно осмотрели шар. Гриша заметил сделанную впотай крышу с прорезью. Принесли отвертку. Крышка стала легко подаваться на резьбе... Теперь оставалась секунда, всего одна, до самого счастливого момента в жизни кладоискателя - вот-вот раскроется тайна. И станет известно: что там.

...Из шара ручейком полились на землю золотые монеты. Ручеек на глазах разлился в небольшую лужицу.

8

- Как в сказке, да и только! - сказал Морошка.

- Первый раз в жизни вижу золото, - Гриша развел руками.

- А потрогать можно? - спросила Люба.

- Конечно, - я смело зачерпнул горсть, как будто сам это делал не впервые, и насыпал монеты в подставленные ладони.

- Царские, что ли? - вертел монетку перед глазами Морошка.

- Греческие, сказала Люба, высыпая золото в бронзовый шар.

- Римские, - уточнил я.

- Сколько ж тут, к примеру, а? - спросил Морошка.

- Много, - ответил Гриша.

- Ну, ладно... Морошка, вы с Любой считаете, а мы с Гришей займемся колодцем. Там ведь еще что-то есть.

- А то как же! - Морошка рванулся было к колодцу, но сообразив, что ему велено считать деньги, вернулся к сосуду и заговорил обиженно. - Я наступил на эту штуку, а там еще чего-то было, вроде ящика. Может, кирпичи? А вот эта штука...

- Сосуд, - поправил Гриша и поглядел на всех.

- Верно - сосуд. Давай за проводом, Гриша. Удлиним. Я со светом полезу... А ты, Люба, считай, считай.

- А как считают их? На штуки или на рубли? - Морошка пошевелил рукой золото.

- Какие рубли! Считайте так. На фанерку надо либо на доску и по десять штук в грудочки, - придумывал я на ходу правила подсчета золотых монет.

Морошка с Гришей направились в дом, один за фанерой, другой за проводом. Им навстречу выскочил из-за угла Сима. Он ловко обогнул идущих и в несколько прыжков очутился у золота. Мы даже вскрикнуть не успели, как он с маху бросился плашмя на монеты и накрыл их телом.

- На всех, на всех, на всех, - задыхался он, - на все-ех! И я копал, и я копал, - зачастил он тонким голосом, а сам обеими руками подгребал под себя землю, монеты, траву.

Люба в страхе откликнулась и замерла. Первым пришел в себя Гриша. Он подошел и встал за симиной спиной.

- Гражданин! А ну встаньте!

- Чиво-о? Да ты, да я, да ах ты... Вот ты как! Да я-а-а! - закончил Сима криком свою путаную речь.

- Не прите нахалку, гражданин! - Гриша поднял Симу за шиворот. - Покажите ваши руки. Еще! И не касайтесь государственной собственности. Ясно? Прошу покинуть место раскопок.

- Пожалуйста, уведите его, уведите! Мне страшно... - Любу на самом деле колотило.

- Да не бойся ты его, - успокаивал ее Морошка.

Вместе с ним мы принялись собирать золото в сосуд. Гриша не знал, что делать дальше, так и стоял между кладом и Симой, который тоже замер, пригнувшись, как вратарь, и почти бессмысленно водил оледенелыми глазами.

- Граждане! Товарищи! Братики миленькие! Ведь никто не видел, ведь по закону все

наше-е-э. Я все законы знаю. Все, все, все. Не обманете. Делить надо, делить... Сообщу-у!

Гриша вошел в ярость.

- Брысь! Проваливай! Нечего здесь ошиваться.

Сима развернулся и побежал, высоко вскидывая ноги. Со двора на шум выбежала его жена.

- Ну, Григорий, ну-у! - у Симы неожиданно прорезался высокий тенор. - Ну-у! Да меня даже этот самый боится, если хочешь знать! Понял! - Сима уходил, качаясь, поддерживаемый ничего не понимающей Лидией Матвеевной.

***

Память - вещь хорошая. Вот сегодня встретил Симу в городе, и сколько вспомнилось подробностей о Батуринском кладе, а ведь прошло с тех пор больше двух лет.

Что было потом?.. Кое-как успокоились после происшествия с Симой. Полез я в колодец, он оказался глухим - никаких дверей или ходов в сторону. Золота больше не было, но зато обнаружились две рукописные книги, а в одной из них, в малых четьи-минеях, между пятым и шестым листом Люба нашла шифровальную карту. На карте была точно такая же стрелка с оперением, как и на каменной плите. Карту до сих пор не удалось прочесть, но когда-нибудь... Имеются и некоторые соображения, короче. И, быть может, отыщутся древние воины.

Перенесли мы все находки в избу к Морошке. Вечером приехало гришино начальство, потерявшее связь со своим уполномоченным. Начальник рассказал, что от Симы за последнюю неделю поступило три серьезных предупреждения о предосудительном поведении сельского милиционера. Затем Грише тут же при нас была объявлена благодарность, она почему-то называлась «приказом по линии». Но мы не обиделись: мужик этот, ну, гришин начальник, нам понравился.

На следующий день в сельском клубе собралось столько народу, сколько там никогда не бывало и не будет. Мы рассказали о кладе, показали находки. Меня спросили о стоимости золотых монет. Я назвал примерную цифру.

- А рукописи? - спросил кто-то.

- Им цены нет! - первым крикнул Морошка. И добрая половина зала в одно дыхание повторила:

- Им цены нет!

И это правда.

На другой день утром мы погрузили упакованный клад в легковик председателя колхоза, и Гриша повез его в город. Добирался он на трех видах транспорта и в городе передал находки по акту, а через день вернулся. Рассказывал, что и там за ним по пятам бродил, как очумевший, Сима. Сосед Морошки заходил и в госбанк и в музей, справлялся - все ли сдано.

Что было дальше?.. Был счастливый сенокос до середины августа. А в июле приезжали из города и привезли Морошке новую «Казанку» и мотор. И по сей день лежит эта лодка кверху пузом на школьном дворе: Морошка предпочитает смоленую, на ней рыбачит и ловит бревна. В августе мы с Любой уезжали в город. У Любы начиналась практика, потом занятия. Нас провожали Гриша и Морошка.

С тех пор мы с Любой побывали в разных деревнях, разбросанных по Шексне. И всюду нам встречались люди, похожие на Морошку, на Гришу... На Симу - тоже. А сегодня вечером, когда я вернусь домой, мы с Любой будем долго вспоминать о Батуринском кладе и мечтать о том дне, когда снова поедем к Морошке. Потому что нет теперь для нас человека роднее Морошки, а лучшее место на земле - это его изба в Батурине на берегу Шексны.

Николай ТОЛСТИКОВ

РОДИТЕЛЕВ ГРЕХ

Повесть

Видение отца Андрея

- Да хоть голову рубите, все равно в «живцы» не загоните!

Отец Андрей уронил свою косматую, в прядях седины, голову на стол перед сидящим за ним уполномоченным так, что тот - чернявый парень с видимым испугом отпрянул. Брат Аркадий, взмахивая широкими раструбами рукавов рясы, подбежал к отцу Андрею, тряхнул за плечи:

- В своем ли ты уме так-то говоришь?! Опомнись!

- Отойди, отступник! Иуда!

Председатель горсовета и двое дюжих «огепеушников», приехавших с уполномоченным из Вологды, угрюмо молчали. Вывели-таки старого попа из себя. Сухонький, невысокого ростика, он отвечал невозмутимо, скупо. Поначалу сулили ему чуть ли не златые горы, если в «обновленческую» церковь перейдет, на брата указывали - правильно, мол, понимает момент товарищ. Иногда, правда, поправлялись: гражданин поп.

Аркадий, широкоплечий - подрясник по швам трещит, голова в крупных кольцах смоляных волос, отца Андрея помладше едва ли не на двадцать лет, кивал согласно, норовил в агитацию свои слова вставить. Не проняли посулы старшего Введенского - посыпались угрозы. И тогда отец Андрей вспылил...

- Вот что! - нарушил тишину пожилой вислоусый «огепеушник» и тяжелыми шагами, заложив руки за спину, стал вымерять горенку. - С сегодняшнего дня храм закрывается, помещение передается горсовету под склад. Постановление...

Он протянул руку, и председатель, услужливо согнувшись, подсунул ему лист бумаги.

- Ознакомься... По просьбам трудящихся.

- Завтра же престольный праздник! - глянул на него с недоумением отец Андрей. - Со всей округи народ придет!

- Придет да уйдет! - усмехнулся «огепеушник». - Отменяется ваш праздник! А ты, батя, сбирай-ка по-шустрому монатки, с нами прокатишься.

Попрощаться с домочадцами не дали. На улице в скорых зимних сумерках у распахнутых настежь ворот церковной ограды таился крытый возок, запряженный тройкой сытых ухоженных лошадей. Отец Андрей шагнул было к тропинке, ведущей к поповскому дому, но за спиной батюшки вислоусый, воровато озираясь, подмигнул напарникам. Один вместе с ним подхватил священника под локти, а другой, молодой, шмыгнув за ворота, что есть силы толкнул от себя кованую створку.

Отец Андрей вдруг почувствовал, что не достает ногами земли, единственное, что еще он успел сделать - запрокинул назад голову, оберегаясь от летящих навстречу чугунных граней причудливых узоров калитки. В глазах ослепительно-ярко рассыпалось что-то круглое, похожее на солнце, растеклось кровавым маревом и схлынуло разом в черную пустоту...

Удар был сильным: крепкие мужики, приподнявшие и выставившие перед собой священника наподобие щита, еле устояли на ногах.

- Здоров ты, Ежкин-Стежкин! - похвалил юнца вислоусый. - Давай-ко попа в сани! Пригоним - и в ледник его! Очухается, подморозит там муде, на все согласен будет.

- Праздничку-то, ить, точно не бывать! - хмыкнул юнец. - Занемог батюшка-то.

- А-а! - вислоусый, довольный, хлопнул парня по плечу. - Погнали!

Отъехали немного, и кто-то увидел метавшуюся в проеме ворот фигуру в раздуваемой ветром колоколом рясе.

- Братец не видал, как мы его?

- А и видал дак... Наш ведь человек, - усмехнулся вислоусый и лениво зевнул...

Отца Андрея разбудил, вывел из забытья нестерпимый, поднимающийся снизу по ногам холод. Он тысячами игл впивался в кожу, ранил ее, ломил изведенные ревматизмом суставы, но, подобравшись к грудине, споткнулся словно и надавил жгучей, не позволяющей глубоко вздохнуть болью.

Священник, боясь пошевелиться, осторожно разрывая жесткую коростину на лице, разлепил веки и ничего не увидел. По-прежнему вокруг была тьма, лишь обоняние уловило запах старого слежалого льда и примешивающийся к нему - крови. Отец Андрей отшатнулся, охнул от боли в груди, окоченевшие ноги его подкосились, но он не упал, даже не сдвинулся с места: что-то прочно удерживало его. Он приложился щекой и ощутил продолговатое железное кольцо, в нем - замкнутое - другое и понял, что висит на цепи, ввинченной в потолок. Она-то, зацепленная за пояс крюком, царапающим острием ребро, и держала. Расстегни бы пояс и освободись - да не тут-то было: руки связаны за спиной, и их затекшие кисти - как чужие.

Отец Андрей с содроганием догадался вдруг, где находится. Наверняка это был тот самый купеческий ледник, о котором в городке ходили страшные слухи - откуда и слежавшийся лед, и запах крови. Батюшка на миг представил злобные лица чекистов, почувствовал сжавшие ему локти сильные руки, и опять кованая, в узорах, створка ворот летела навстречу...

«Изверги, хоть бы на пол бросили умирать! На каменном-то не долго б промучился! Нет, подвесили на крюк, как тушу... Может, здесь еще кто православный страдает?» - он с надеждой несмело вопросил в темноту, но слабый его зов прозвучал одиноко и беспомощно, зато отголоски, отлетев от стен, гоготнули зловеще.

«Все! Изведи из темницы душу мою... Прости мне, Господи, все грехи мои и прегрешения!»

Холод теперь обволакивал и боль в груди, она стала утихать. Священник, уронив голову и прикрыв глаза, еле шевеля непослушными распухшими губами, начал было читать отходную молитву, как неосязаемо, будто в полусне, ощутил льющийся откуда-то сверху свет, и в теплом, радужном мареве, весь трепеща, различил знакомые и родные с детства пологие низкие холмы. На одном из них в окружении неглубокого ровика, заполненного водой, стояла убогая избенка с куполком и крестиком на крыше.

Отец Андрей привычно поискал взором церковь, но ее не было! На том месте избушка и чернела... Он странным непостижимым образом перенесся близко к ней, даже смог заглянуть в крохотное оконце и поразился, увидев внутри ее изможденного человека в заношенной, в заплатках, монашеской одежде. Чернец пошевелился и звякнул цепью, спускающейся с потолка и прикованной к железному обручу на его чреслах. Отец Андрей не мог поверить в то, что видел. Дело в том, что он знал кто был перед ним...

Жителям Городища иссохший, с веригами на теле, в ветхом одеянии монах примелькался скоро; некоторые с немалым трудом узнали в нем выкурнувшего невесть откуда посадского мастерового Ганьку Подкидыша. Однако на прозвище он не откликался, а называл себя полученным при постриге именем гордым и звучным - Галактион.

И уже давали ему по щедротам кто бревнышко, кто жердину, чтоб успел до зимы доладить келью. Место он выбрал за городским валом, с краю посада, на пустом бугре, окруженном низинами с журчащими в них ключами. Едва достроил низкую, с куполком на коньке крыши келейку, принялся орудовать лопатой - окружать свое обиталище рвом, и когда вода из ключей заполнила ров, попросил у кузнеца сделать длинную тяжелую цепь и приковал себя к потолку кельи. Никуда больше не выходил.

Народ на посаде жил небогатый да сердобольный. Любопытные ребятенки порассказали матерям о сидящем на цепи, дни и ночи напролет молящемся чернеце, и те, крестясь и приговаривая испуганно-уважительно: «Гле-ко, спасается-то сердешный как!» - стали посылать с отроками узелки со снедью: с голоду не помер бы. Но Галактион, звякая цепью, подходил к окошку и молвил тихо:

- Спаси Бог за милостыню... Не желаю быть нахлебником, несите кожу - сапоги тачать

стану, чай, не разучился!

Он не пошел, как иные из братий, из монастыря по топям и чащобам звериными тропами искать уединения для молитвенной беседы с Богом. Он возвернулся в свой Городок, куда когда-то давно был привезен еще несмышленым чадом и никак не мог взять в толк - почему после чистых высоких палат оставил его дядька Иван в тесной, пропахшей кожами и дегтем, избе. И сам пропал.

Отрок прижился в чужой семье: хозяина с хозяйкой вскоре стал называть тятей и мамой, и те уж не отличали его от своих кровных детушек. Семейство пробивалось сапожничаньем, ремеслу обучился и подкидыш.

Вошел Ганька в лета, и сосватали, оженили его на посадской красавице. Недолго пожил Ганька с молодой женой: в одночасье преставилась она, сгорев в страшной лихоманке. Подкидыш словно умом тронулся: бродил по городку пугающей безмолвной тенью, исхудалый, в изодранной в клочья одежде, грязный. Его жалели; как ни старались, не могли добиться ни слова, и когда он однажды запропал - подумали, что не наложил ли на себя руки, не продал ли душу диаволу, и облегченно вздохнули, когда кто-то из земляков заметил его в послушниках в дальнем монастыре. «Туда ему и дорога! - рассудили. - Все одно, средь нас не жилец...»

Однажды всколыхнуло городище: нагрянул шибко важный боярин аж из самой первопрестольной от грозного царя с отрядом ратников; местный воевода дрожал, как лист осиновый. Рыскали не понять и кого, вроде б какого-то княжого сына, и не сразу раскумекали людишки: ищут-то Ганьку Подкидыша. Отряд умчался шарить по окрестным монастырям, а из народишка кое-кто испуганно крестился: не зашибли бы сановные малохольного, коли сыщут.

Да уберегся, видать, Ганька то ли плахи, то ли чести, раз вернулся обратно. А вот зачем принялся изнурять не жалеючи плоть свою железом, не ведал никто, кроме него самого. Он часа своего ждал...

Как-то, еще в монастыре, за вечерней молитвой в храме на распростертого в земном поклоне Галактиона не то сонная хмарь накатилась, не то выпал он просто из сознания, ощущая невесомость в теле и пугаясь, а еще больше дивясь видению, взору открывшемуся...

Красивый, поблескивающий позолотой куполов церквей возле мощного детинца на холме город был обложен со всех сторон неприятельской ратью. «Суздальцы!» - будто кто подсказал Галактиону, завидевшему стяг со львом на полотнище, под ним - князя, кутающегося в алое корзно. Готовились к приступу. Князь поднял руку, и ватага лучников выдвинулась вперед.

Похоже, приступ обещался быть последним. Над городом клубилась зловеще черная дымная туча, там и сям от пущенных с огнем стрел разгорались пожары. Защитников на городской стене оставалось немного; израненные, они угрюмо, молча, взирали на подступившую рать, ожидая смертного часа.

Послышалось вдруг, словно из-под земли донеслось тихое молебное пение. Люди на стенах откладывали в сторону оружие, торопливо снимали шеломы и становились на колени. «Пресвятая Богородица! Заступница усердная...» - шептали запекшиеся губы, а взгляды с надеждой устремлялись на икону, несомую двумя дюжими монахами. Шествие медленно двигалось вкруг по стене, сияло яро облачение на епископе, вился синий дымок ладана из кадильницы диакона, клиросные певчие - женщины с испуганными заплаканными лицами подрагивающими голосами тянули тропарь.

Епископ был стар, тяжело опирался на посох. Галактион попригляделся и, обмирая сердцем, узнал Иоанна Новгородского - видел фреску с ликом его на стене своего монастырского храма. Знал еще, что жил святитель до нашествия Батыевой татарвы, в самый разгар княжеских распрей. Но изумление монаха застила горечь увиденного: брат на брата...

Между тем князь в алом корзне под городскими стенами хрипло, с насмешкой обратился к притихшему войску:

- Чего испужались-то? Ихней иконы? А ну, лучники, всыпьте!

Стрелы тонко запели в воздухе, осыпали навершие стен, и тотчас среди застигнутых врасплох защитников раздались стоны. Одна стрела - Галактион увидел четко, будто рядом стоял, - впилась в лик Богородицы на иконе; из глаз Пречистой Девы вытекли слезы. Раненый епископ, павший перед иконой на колени, слабеющими руками подставил край

одежды, чтобы богородицыны слезы не скатились на грешную, политую кровью, землю.

Богородица - Галактион и это видел - отворотила свой лик от нападавших... Средь полезших было на приступ суздальцев возникло замешательство, словно черная морока опустилась на их расстроенные ряды. Растерянны, обезумев, бежали они от стен, в суматохе поражая друг друга. Происшедшее с иконой заметил и воевода:

- Знамение! Знамение! - крестясь, закричал он и перекинул меч в правую руку. - На вылазку, робята! Зададим им жару!

В распахнутые ворота вытек жиденький ручеек недавно еще безнадежно оборонявшихся...

Пленили сброшенного взбесившимся конем князя; он в ярости бессильно скалился под навалившимися молодцами и, брошенный поперек седла, связанный, в обрывках своего алого корзна, норовил упрятать лицо под лошадиный бок.

- Знамение! - неслось над полем битвы...

Приходя в себя, словно вываливаясь из глубокого сна, ощущая лбом и коленями холод каменных плит пола храма, Галактион услышал:

- Иди и помоги спастись граду твоему...

Он чувствовал, что медлить больше нельзя. Расковав цепь, ломая босыми ногами хрупкий осенний ледок в лужицах, прибрел в городок. Минули первые михайловки, урожай был собран и ссыпан в закрома; народ теперь, обрядившись по дому, после обеденного часу беспечно почивал, лишь лениво погавкивали псы в подворотнях.

Галактион узкой улочкой вышел на площадь с деревянной церковкой и приказной избой, так и не встретив на пути никого. Но здесь дремотной тишины как не бывало. В расписном тереме богатого торгового человека Нечая Щелкунова вовсю расходилось гульбище: из раскрытых окошек доносился гул подгоряченных бражкой и выдержанным медом голосов. Рокочущий протодиаконский бас возгласил многолетие воеводе - и затянули, кто бухая, басовито, а кто трескучим козлиным тенорком.

В трапезной заседала вся городская знать. Раскраснелись потные лица, горели хмельным весельем глаза, в пьяном гвалте никто и не заметил незваного гостя - чернеца. Лишь хозяин, кряжистый, обросший чуть ли не до глаз черной вьющейся бородищей, удивленно вскинул лохматые брови:

- Гле-ко, кто пожаловал!

Нечай стоял возле воеводы: старец сей, ублаженный «многая лета», уже мирно почивал в креслице, уронив на грудь седовласую голову. Щелкунов отодвинул подальше блюдо с кушаньем, чтоб тот не испачкал бороденку, взял порядочный ковшец с перебродившей медовухой и собрался поднести пришлецу.

- Опомнитесь! - Галактион, позвякивая цепью, обвитой вокруг тела, вознял иссохшую, восковой бледности руку. - Гроза грядет! Покайтесь, пока не поздно!

- Это что ж ты городишь, брат? - возразил Нечай, обескураженный тем, что монах отказывается от угощения. - Какая такая гроза и откуда? Самозванцу в Москве, по слухам, рыло набок своротили, чего ж еще... Скажи лучше - гнушаешься нами?

Чернец, кажется, не слышал его, обращался к сидящим за столом с ухмылками на пьяных рожах гостям:

- Спасайтесь! Умолить нужно Заступницу, чтоб беду отвела! Храм надо об один день воздвигнуть в честь иконы Знамения Божией Матери!

- Где прикажешь? - с издевкой спросил заметно осерчавший Нечай, расплескивая медовуху из ковшеца. - Возле твоей кельи? Ух, и ловок ты! Чтоб все денежки тебе!.. Накась, выкуси! Сиди, яко пес, на цепи и не вякай!

Щелкунов, выставив вперед свое немалое брюхо, попер на чернеца, выталкивая его за порог.

- Одумайся, богатый человек! Ждет тебя погибель лютая... Прогуляете город!

Галактион, отступая, споткнулся в сенях о порог и по крутым ступенькам крылечка скатился вниз. Ему помогла подняться девица. Заулыбалась, поблескивая черными, похожими на щелкуновские, очами: дескать, что ж ты, батюшко, на ногах не стоишь, но нахмурилась, сведя бровки к переносью, завидев, как чернец, подойдя к храму на площади, пал на колени, воздевая руки:

- Господи, прости неразумных и грешных!

Потом заплакал и побрел к своей келье, волоча за собою по земле цепь...

Простые люди, прослышав про беду, чаще по одиночке, побаиваясь насмешек, подхо-

дили после к келье, и Галактион, предрекая кому скорую погибель, а кому чудесное избавление, подбадривал, призывал молиться о спасении души...

+ + +

Отец Андрей Введенский тоже вдруг почувствовав себя способным сойти с места в леднике, приблизился к келье и склонился перед чернецом.

- Коль не отвергнешься веры, - услышал, - ждет тебя мученический венец!

Глава первая

(Наше время)

Крестный ход почему-то задерживался, из церковных, окованных железом, врат все никак не выносили большие золоченые лепестки хоругвей, и на колокольне старичонка-звонарь в одной рубашке, надувавшейся на худом теле пузырем от ветра, продрог и озлобился вконец. Высунув в проем белесую головенку, потянул, как ищейка, ноздрями воздух, поперхнулся и вопросил, будто петух прокукарекал:

- Иду-ут?!

Старушки-богомолки, после тесноты и духоты в храме отпыхивающиеся на лавочках на погосте, привезшие их сюда на «жигуленках» и иномарках сыновья-зеваки ответили ему нестройным хором: «Не идут!» Звонарь на верхотуре затих, но сиверко пробирал его до костей, через недолго старик опять возопил тоненьким надтреснутым голоском. Услышав снова разнокалиберное «нет», звонарь яростно взвизгнул:

- Когда же пойдут...

И припечатал словечко. Народ внизу на мгновение от изумления охнул, замер. Старушонки часто закрестились, молодяжка криво заухмылялась.

На паперть, наконец, вывалили из храма, тяжело ступая, колыша хоругвями, церковные служки, заголосил хор, тут-то старик ударил в колокола. Один, побольше и видно расколотый, дребезжал, зато подголосок его заливался, словно бубенец. Звон был слышен разве что в пределах ограды: где ему - чтоб на всю округу окрест. «Язык» от главного колокола, который едва могли поворочать два здоровых мужика, валялся с тридцатых годов под стеной храма...

Крестный ход опоясывал церковь, священник кропил святою водой то стены, то народ, и о звонаре-охальнике все как-то забыли. А он нащупал дощатую крышку люка, открыл ее и осторожно поставил ногу на верхнюю ступеньку винтовой лестницы. Прежде чем захлопнуть за собою люк, подставил лицо заглянувшему в окно звонницы солнцу, похлупал красными ошпаренными веками. Звонарь был слеп, но по лестнице спускался уверенно, изучив на ощупь не только каждый сучочек на ступеньках, а и щербинки-метки в стискивающих лестницу стенах.

Слепого звонаря прозвали дедом Ежкой, именовать же его на серьезный лад Иннокентием считали недостойным, да и языку иному лень было такое имечко произнести. Дед Ежка появился у церкви иконы Знамения Божией Матери в бесконечно сменяемой череде приблудных бродяг, побирался первое время на паперти и с особо щедрых подачек, как и другие убогие, гужевал напропалую в заросшем кустами овраге под церковным холмом, напивался до бесчувствия, бывал бит, но уж если и вцеплялся какому обидчику в горло, то давил до синевы, до хруста, насилу оттаскивали.

Нищие приходили и уходили, а Ежка прижился - обнаружилась у него способность управляться с колоколами. Взамен за службишку слепой много не требовал, довольствовался углом в сторожке да тем, что сердобольные прихожанки подадут. Так прошло немало лет, и слепой звонарь стал необходимой принадлежностью храма. Откуда он да чей - выпытать у него не смогли, как ни старались. Трезвый он просто отмалчивался, а из пьяного, когда к нему решались залезть в душу, перли потоком такие слова, что святых выноси.

Глава вторая

Домишко на краю церковного погоста устоял, уцелел. Только давно в него не заходили. Просела, проваливаясь, драночная крыша, забитые досками окна уперлись подоконниками в землю.

Роман Ропшин без труда обнаружил широкий пролом в изгороди, ступил в бывший огород, скорее уж луг, заросший духмяным цветущим разнотравьем. Пробираясь к крылечку, старался не мять окропленные вечерней росой и никнувшие под ее тяжестью венчики цветов; осторожно смахнув с приступка слежавшийся слой трухи, сел и с любопытством посмотрел на свой извилистый, темнеющий ямками с примятой травой след.

...И не было когда-то давно здесь этого лужка в помине, а чернели обыкновенные гряды, и он, Ромка Ропшин, докапывал последнюю из них. Обнажившись по пояс, бахвалился еще не успевшей одрябнуть после армейской службы мускулатурой, горделиво скашивал глаза на наколку на плече - девичью фигурку, но пуще-то поглядывал на Ольгу, ходившую по бороздам вслед за отцом с ведром картошки в руке.

Сергей Петрович Козырев острием кола проминал в рыхлой супеси гряды ямки, четко выдерживая расстояние между ними: и тут оставался верен себе бывший школьный математик. Усохший, со скрюченной спиной, с редким белым пухом, обметавшим голову, Сергей Петрович не утратил суровости учительского взгляда из-под низко нависших, всегда хмурых и тоже белесых кустиков бровей - Ромка его побаивался. И когда, подустав, парень собрался закурить и, воткнув лопату в землю, вытащил из кармана пачку «Примы», старик строго кашлянул. Может, и без всякого умысла, но Ромка машинально скомкал полупустую пачку в кулак и спрятал за спину. Потом опомнился - не на перемене же за углом. Сигареты в пачке были безнадежно смяты, и Ропшин, чертыхаясь, швырнул ее в борозду и завалил землей. Ольга, бросая картофелины в ямки, только посмеивалась.

«На свиданье прибежал, а они меня пахать заставили. Еще и насмехается... Знала бы, за что ее Леха на днях продал, - не так бы лыбилась!» - возжаждал мести Ромка... А оценил свою бывшую подругу ромкин наставник в журналистике репортер Леха всего в стопку водки.

Редакционные деятели, под разными благовидными предлогами выскользнув из-под ока начальств, сбились в компашку и гуляли на квартире у одного пенсионера. Долго стоял дым коромыслом, но вот одни потихоньку убрели, иные «отключились»; остались лишь Леха с Ромкой, самые молодые и стойкие.

Перед ними на столе среди разбросанных по нему хлебных окусков поблескивала гранями последняя стопка с водкой. Они оба пялились осоловело на этот стакашек, и одновременно у обоих из тупого безразличия пробуждалась жадность. И вот тут-то Ропшин, облизнув осадок на пересохших губах, предложил:

- Ты отдай мне Ольгу... за стопочку-то. Лады?!

Леха согласно мотнул плешивой головой на длинной худой кадыкастой шее:

- Забирай! По наследству.

И цепко ухватил стакашек дрожащими пальцами, пока «покупатель» не передумал...

В городке такой роскоши, как своя газета, не существовало, выходила она в райцентре; молодой журналист Ропшин мужественно мотался на рейсовом автобусе или на попутках каждый божий день взад-вперед. Первый год Ромка очень гордился своей работой: в автобусе, садясь, задирал нос, ревниво косился по сторонам - смотрит ли кто на него с почтением. И по городку вышагивал, едва не налетая на встречные столбы. Но то ли народ был без понятия, то ли Ропшин на рожу и фигуру не вышел, только относились все к его виду равнодушно, а в автобусной давке грубо пихали под бока локтями, и какая-нибудь старушенция могла запросто над ухом успевшего занять местечко Ромки противно зазудеть: «Вот ведь молодяжка! Здоровый лось, мог бы и место уступить!»

Ропшину, скучая, оставалось присматриваться к попутчикам. На утреннем и вечернем рейсах ездили почти одни и те же личности: кто на работу, кто учиться, и примелькались они Ромке быстро. Иногда появлялась незнакомая девушка. Высокая, рыжеватенькая, с правильными чертами лица, одета она была скромно, неприметно, видать, и годики того требовали. Хотя заметные морщинки возле глаз миловидности ничуть не убавляли. Ромке захотелось с нею познакомиться, да вот как... Он парень застенчивый в этом деле. Когда приходилось общаться даже с ровесницами, и то краснел и пышкался. Да от судьбы не уйдешь.

Однажды прижатый вплотную к незнакомке в автобусной давке, Ропшин отважился выдавить из себя несколько слов и, заметив, что к нему прислушались, вовсе расхрабрился - набился девушку провожать. И по дороге не умолкал, нес какую-то околесицу и неожиданно выяснил, что общих знакомых у них в редакции немало. Вспомнил Леху среди прочих.

- Знаю, знаю... - теплые пальцы коснулись запястья ромкиной руки. - Меня Ольгой зовут.

Вот ее-то и запродал за стопку водки Леха и тут же вылакал выторгованное, смачно зачмокал губами, довольный, взгляд его вконец одеревенел... Промолчал Ропшин, не выдал дружка, да и Ольга неизвестно как восприняла бы такую «крутую» сделку, шуганула бы, может, самого с огорода, как козла несчастного.

Старик Козырев, похоже, не ведал про перекуры: Ромка, докапывая гряду, так умаялся, что язык на плечо чуть не высунул. Уже темнело. В это время приотворилась узорная кованая калитка в ограде церкви, вышел бородатый служитель в долгополом черном одеянии, с ним еще двое мужиков в простой одежде. Разговаривая, они миновали козыревское подворье и расположились полулежа на молодой травке на самом краю обрыва в песчаный карьер, где на дне подземные ключи наполняли озерцо. Карьер выжрал полбугра, на котором куполами и крестами белым кораблем высилась церковь, подобрался под стены ограды, так что заброшенная банька на задах домика Козыревых накренилась сиротливо, боком сползая в огромную ямищу.

Ропшин услышал тихое заунывное пение: пели все трое, бородач в рясе, басовито выводя непонятные слова, взмахивал руками, дирижировал. И тогда пот жгучей солью залил Ромке глаза, руки и спину заломило с непривычки, ревность ущипнула сердечко, когда приметил он, что Ольга прислушивается к певцам.

- Вот неработь! - парень, распаляясь, кивнул в их сторону. - Содрать бы балахон с того бородатика, а самого пахать сюда! Расхотелось бы песенки распевать!

Сказал, конечно, негромко, чтоб мужики не услышали, наткнулся в земле лопатой на камень и старательно заскыркал острием по нему, дожидаясь, что неразговорчивый ольгин отец обязательно поддержит его в гневе праведном - старики-учителя все заядлые атеисты, и Ольга геройство достойно оценит. Но Козыревы, отец и дочь, дружно взглянули на Ромку, как на придурка, и тотчас ушли оба в дом. Ропшин потоптался-поперетаптывался, психанул и помчался прочь...

...Сколько с того вечера минуло, лет двадцать без малого, и немногие бы узнали в сидящем на крылечке заброшенного дома человеке лопоухого Ромку-журналиста - был новый настоятель Знаменского храма отец Роман Ропшин, от вечернего холодка зябко кутавшийся в рясу.

Глава третья

У деда Ежки появился напарник - Ропшин принял на работу нового дворника, известного в городке «молодого» поэта Юрку Введенского. По старой памяти...

Заходя в редакцию газеты, Юрка сожалел, что однажды неосторожно «раскололся» на семинаре местных дарований. На мероприятие приехали областные писатели и, прежде чем усесться за банкетный стол, решили обсудить творения пары-тройки человечков. Успели они бегло проглядеть юркины опусы и предложили автору рассказать о себе. И дернул черт Введенского «резать» за чистую монету:

- Вор я бывший, карманник. Четыре «ходки» имею...

Юрка неожиданно для себя увлекся, живописуя свою прежнюю житуху, да и не удивительно было - солидные седовласые «члены» внимали ему, по-вороньи распяля рты, с интересом разглядывая его - маленького, суетливого, в чем только душонка держится, мужичка за пятьдесят с плешивой, дергающейся в нервном тике головой и, как у мороженого окуня, глазами. Костюм в крупную клетку, позаимствованный на время у тороватого соседа, висел на Юрке мешком, брючины пришлось закатать, но все бы ладно: и треп, и внешний вид, кабы вошедший в раж Юрка не предложил кому-то поэкспериментировать с бумажником. Выну, дескать, не засекете! Все с испугом залапали карманы, облегченно завздыхали потом, запосмеивались и Юрку за банкетный стол не взяли.

С той поры при появлении Юрки в редакционном коридоре бабенки поспешно прятали сумочки, мужики на всякий пожарный пересчитывали наличность в карманах; и юркины творения, со старанием переписанные им от руки ровным школьным почерком, вежливенько, холодно отклоняли, морщась:

«Поезд уходит в даль заревую,
Колеса мерно стучат.
Пассажиры запели песнь боевую,

Над крышей вороны кричат».

- Че он приперся-то, тут у нас люди приличные ходют! - ворчала секретарша.

Введенского, в какой бы кабинет он с робостью ни заглядывал, везде встречали молчаливые, ровно кол проглотившие, сотрудники; привечали его только в репортерской клетушке с обшарпанными, прокуренными обоями на стенах и колченогим шкафом, наполненным порожними бутылками, Леха с Ромкой. Угощали куревом и, слушая какую-нибудь юркину байку, понимающе кивали. Юрка оставлял свои произведения и не видел, уходя, как их тут же отправляли в «корзину» и смеялись: «Все веселей с ним!» Как-то Введенский заявил вполне здраво: «Буду в корнях своих копаться!» - но доброе его намерение, как обычно, пропустили мимо ушей...

Юрка до поры верил в воровскую судьбу, хоть и играла она с ним, как кошка с мышкой. После детдома, «ремеслухи», втыкая где-то на заводе, он влип за пьяную драку: коротышка, сухлец, чувствуя, что забивают его до «тюки», нащупал на полу железяку и всадил ее в здоровенного верзилу. Тот, слава Богу, оклемался в больнице, Юрка же, мотая срок, не любил вспоминать, за что его получил, простым «бакланом» не желал прослыть. У него иной «талант» в полный цвет вошел, за какой в детдоме крепко лупили, да все равно его не выбили.

После лесоповала на «зоне» возвернувшемуся на волю Юрке вкалывать особо не захотелось. Но сытной жратвы, вина, баб властно требовал его отощавший изрядно организм. Введенского понесло мотаться по разным городам, благо вокзалы, базары, общественный транспорт существовали везде. Он наловчился «работать» мастерски: обчищал карманы у зевак, ловко разрезал отточенной монетой дамские сумочки и долго не попадался. Жаль вот добытые деньжонки мгновенно таяли. Когда особенно фартило, Юрка, приодевшись, пытался кутить, но быстро спускал все до последних порток, да и милиция уже висела на «хвосте» - унести бы ноги. Бывало, не успевал...

Между «отсидками» Юрке удавалось заводить женщин, но все попадались такие, какие его не дожидались. В лагерях в большие авторитеты Введенский не выбился. В «шестерках» его не обижали, хоть и был он безответного и безобидного нрава. В лесу, где зеки валили деревья, вдруг замирал возле поверженной в снег сосны, задирал к небу исхудалое, с ввалившимися щеками лицо и устремлял ввысь оторванный от всего взгляд вытаращенных полусумасшедших глаз. Юркины кровоточащие на морозе губы едва заметно двигались, что-то шепча. Порою Юрка падал на колени, прижимая сложенные руки к груди.

- Придуряется! - говорили, жестко усмехаясь, одни и норовили подопнуть его под бок.

- Молится! - прятали тоскливые глаза другие, что послабже, поизнуренней.

Случалось, Юрка лез к какой-нибудь забубенной головушке - угрюмому, зыркающему исподлобья «пахану», расспрашивая того вкрадчиво-участливо, пытаясь затронуть что-то потаенное, бережно хранимое в глубине души. И в ответ обычно получал зуботычину или в ухо, отлетал пришибленным кутенком, но самый лютый громила начинал потом тосковать, о чем-то задумываться. За Юркой прочно закрепилась кликуха Поп. Вот за это самое...

После последней «отсидки» Введенского потянуло неудержимо в городок, на родину, туда, где пуп резан. Он как-то сумел худо-бедно обустроиться в общаге, не запил, не воровал, работал где придется и кем попало, даже стишата сочинять брался. Видели часто его стоящим на службе в церкви. Юрка молился, внутренне радуясь чудесному совпадению: если в самом деле так, то конец его безродности! В этом храме когда-то служили священники братья Введенские, расстрелянные в тридцать седьмом. От младшего брата Аркадия осталась куча ребятишек, которых власть рассовала по разным детдомам. А вдруг... он один из них?! Юрка тем и тешился, верил и не верил.

Глава четвертая

...За дурацкую выходку на огороде Ольга над Ромкой подтрунивала - ишь, какой герой выискался, но больше выговаривала:

- Ляпаешь, не думая. Балахон с попа сорвать да... За кого тебя мой отец посчитал? За идиота? Теперь на моих родителей не обижайся!

Ромка, вышагивая позади Ольги по узкой, через поле, тропинке, сердито сопел. Что верно, то верно. Два «божьих одуванчика» нынче покосились на него несмила - наверняка старик рассказал обо всем старухе. Он, не здороваясь, хмуря брови, убрел на улицу, а

Варвара Андреевна, поджав губы, никак не выходила из кухни. Рядом, в узком проходе прихожей стоял большой сундук, на котором Ромка с Ольгой просиживали не один вечерок. Старики в передней смотрели телевизор, а парень пытался поцеловать Ольгу и потискать. Но она была не как все девки - ромкины ровесницы в городе: отстранялась, поглядывая насмешливо, и на улицу гулять с Ромкой не шла:

- Стыдно мне с тобой, ты ж такой молоденький...

Сидеть в комнате бубень бубнем Ромка робел, старики посмеивались даже:

- Вы как горюны раньше на посиделках!

- Кто такие?

- А те, кому родители встречаться не разрешали. Вот они по темным уголкам и жались...

Похоже, нынче Варвара Андреевна собралась вспомнить старое время, заговорила с Ромкой назидательным учительским тоном, точно отчитывала у классной доски.

- Давно собиралась вам сказать... Вы бы, молодой человек, другую партию себе подыскивали. Ольга вас намного старше, институт заочно заканчивает, ей сейчас не до вас. И вам надо учиться, а то что от вас проку? В подоле только принесет...

Тут старуха прикрыла ладошкой рот, сообразив, что сморозила лишнее. Ольга вспыхнула и выбежала на улицу, Ромка - следом.

- Не поглянулся ты моим, - вздохнула Ольга, когда Ромка нагнал ее, и они побрели к домишку возле церкви. - Не Леха... Услужливый, обходительный, приедет - мамочка сама за бутылкой в магазин бежала. Мне все подружки завидовали. Семь лет мозги пудрил... А увидала случайно его с этой, чернявой, и в больницу даже слегла.

Ромка знал, что за «чернявая» бегала за Лехой... Докторша. Маленькая, кавалеру до подмышки, «наштукатуренная» хохлушечка в узеньких брючках, она подкарауливала Леху чуть ли не у нужника, в редакции посиживала в кресле, закинув ногу на ногу, и, попыхивая сигареткой, разглядывала мельтешащую перед ней газетную братию проницательными черными глазами.

Познакомились они с Лехой на празднике; потом Леха, принаряженный в «тройку», повел свою пассию в местную ресторацию. Врачиха - дальше: затянулась к нему домой и своей непринужденной позой и сигареткой в кокетливо вытянутых пальчиках шокировала лехину полуинтеллигентную мамашу:

- Кого привел?! Чтоб ноги ее здесь не было!

Леха как только не уворачивался, пытаясь скрыться от новой подруги. Ромке надоело отвечать за него на телефонные звонки; в городе, едва завидев ее, Леха задавал стремительного стрекача, выписывая длинными ногами замысловатые кривули по закоулкам. В редакции кто подсмеивался над этим «романом», кто сочувствовал. Леха всем отвечал, обиженно вытянув титькой губы: «Женить на себе хочет!» Один лишь Ромка завидовал втайне: за ним никто еще так не бегал.

Кончилось все тем, что чернявенькая вышла замуж за русоволосого доктора и укатила с ним в другой город; Ольгу Леха презентовал, как известно, Ромке за стопочку, и теперь успокоенно посиживал он в кабинете, вытянув длинный нос и временами с блаженством почесывая раннюю плешь...

Возле церкви, когда подошли к ней Ольга и Ромка, было тихо. Солнце, багровея, еще висело над пиками дальнего бора, уже казалось, что жильцы деревушки при погосте тоже уснули вечным сном, как и те, в церковной ограде. Робко потрескивали кое-где в начавшей сыреть траве кузнечики да какая-то птаха не ко времени запищала в кроне вековой липы возле козыревского домика и тотчас испуганно смолкла.

Приоткрыв скрипучую калитку в ограде, Ольга провела Ромку внутрь; они пошли по мощеной стертыми каменными плитами дорожке к храму, остановились у большого деревянного креста возле стены.

- Бабушка... - с грустью кивнула Ольга на аккуратный, убранный цветами, одинокий холмик.

- А дед? - как-то само собой слетело у Ромки с языка.

Ольга в ответ посмотрела не то удивленно, не то с непонятным смущением:

- Ладно. Пойдем!

Ромку она оставила ждать на ветхом крылечке домика, сама же вернулась вскоре с деревянной шкатулкой в руках.

- Смотри! - Ольга, отомкнув крышку, порылась в пожелтевших от времени бумагах и вынула блеклую фотографию на картонной, украшенной позументом, корочке. С нее на

Ромку пристально глянул немолодой священник в широкой черной рясе и с крестом на груди.

- Вот он, дедушка мой Андрей! Говорят, перед войной расстреляли его... Ты только дома у нас о нем не вспоминай и не спрашивай, - заметив, что Ромка заинтересованно изучает фотокарточку, предупредила Ольга. - У нас в семье об этом говорить не принято.

Глава пятая

Сергей Петрович Козырев за многие годы научился подавлять в себе всякое, даже малейшее воспоминание о тесте своем, священнике Андрее Введенском. И в семье о нем была истреблена всякая память; дозволялось лишь упоминать о нем матушке попадье, и то, помянувши невзначай, она, косясь на зятя, испуганно замолкала, пусть и была в его доме нечастой гостьей, а жила-поживала одинешенька в дряхлой хибарке на краю церковного погоста.

«Чтоб не дразнили нас поповским отродьем, не утыкали тем дочь нашу!» - твердо говорил Сергей Петрович жене, и та соглашалась с ним. Надо было, она и от отца родного отреклась публично, когда его арестовали, и ушла «самоходочкой» к молодому учителю точных наук, влюбившись без памяти...

Сергей Петрович, хоть родился и вырос в соседней деревне, быкам, как и все парни, хвосты накручивал, но учился потом в губернском городе и прикатил в бывшую церковно-приходскую школу ярым атеистом. Громить и разрушать было уж почти нечего: опустошенный загребущими руками храм стоял закрытый по «просьбам трудящихся» на крепкие замки, колокола со звонницы сбросили, и осколки их валялись везде. Приезжали такие граждане, что поглядывали, кривя рожи, и на кресты, но сдернуть их с куполов охотников пока не находилось. Сергей Петрович тоже поглядывал, но пуще - на юную поповну Вареньку.

Просторный поповский дом отдали под школу, а прежних хозяев выселили в убогий флигелек. Козырев из окна верхнего этажа часто видел хлопочущего возле домишка священника отца Андрея. В поношенном зипуне, в старой шапке, напяленной на длинную гриву седых волос, топорщившейся, подернутой куржаком инея бородой, он напоминал скорее простого мужика из ближней деревни, чем «паразита и мракобеса». Мужики и бабы отрывали его от домашней работы, приходили с заказами пошить сапоги, и тогда допоздна светился тускло в крайнем окошке избы огонек.

«Прикидывается! Трудяга-а! - решал, неприязненно косясь на попа при встречах в школьном дворе, Сергей Петрович. - Какой он сапожник!» Еще больше озлобился на отца Андрея Козырев после того, как тот, приметив, что учитель выписывает круги около его дочки, а та постреливает лукаво в ответ глазами, остановил однажды на подтаявшей тропке Сергея Петровича:

- Вы бы, мил человек, к моей дочери не приставали, оставили в покое. Ей-ей, не пара она вам.

Отец Андрей говорил тихо, но твердо; в голосе его зардевшемуся Козыреву почудилась скрываемая насмешка. Изумившись такой наглости, Сергей Петрович отступил в сторону с тропинки, провалился по колено в снег и долго провожал злющими глазами согбенную спину священника. «Да как он может?! Мне! - забурлило все в Козыреве, руки нервной дрожью затряслись.

Еще недавно, на днях, секретарь комсомольской ячейки дал «проборцию» Сергею Петровичу: «С поповной тебя видали. Ты, паря, смотри - чуждый элемент... Как бы чего!» Козырев встрепенулся: « Да она своя в доску, наша!» «Своя-то, своя. Ладно уж, дело молодое, - не унимался секретарь. - Батя-то у нее, сам знаешь... Этот нашим никогда не будет». Что верно, то верно. Сергей Петрович озаботился: даже встречаясь тайком с Варей, думку свою не оставлял... То там выявляли «врага народа», тот тут. И из людей не последних, уважаемых, а этот попишко преспокойно топтал землю. Заловить бы его на чем-нибудь «таком», не может быть, чтоб он «перековался»!

Сергей Петрович сон потерял, чернеть начал и... чутко услышал как-то краем уха от ребятишек в школе, что батюшка крестит малышню по-тихому, ходя по крестьянским избам. Ребятенки в младшем классе сплошь числились нехристями, но когда Козырев ласково и настойчиво стал допытываться у них о крещении, сознались почти все: «Приходил батюшко, в стужу даже на печи крестил». Козырев, закрывшись в учительской, крякал от удовольствия, обстоятельно сочиняя бумагу. Куда надо...

И ждать долго не пришлось. Спал он по-прежнему неспокойно и ночью услышал за окном во дворе шум подъехавшего автомобиля; при слабом лунном свете разглядел несколько теней, метнувшихся к крылечку поповского флигелька. Спустя какое-то время, хлопнула дверца «воронка», заурчал мотор. Сергей Петрович, всматриваясь в полоски света, выбивающиеся из-под занавесок на окнах, различил, скорее угадал женские причитания. «Помог тебе твой боженька? Защитил? То-то!» - он, торжествуя, с визитом к Введенским решил все-таки погодить до утра.

Поутрянке, завидев заплаканные красные глаза попадьи и Вари, Козырев почувствовал себя гаденько. Это ночью, лежа на кровати, он злорадствовал, пуская в потолок кольца табачного дыма, а теперь жался в уголку, помалкивал, избегая лишний раз взглянуть на мать с дочерью.

- Ведь он был там, у них, - говорила, вытирая платочком слезы, матушка. - В леднике едва не заморозили, чтоб от веры отрекся. Привезли: не чаяла, что встанет. Все чахоткой маялся, грудь-то отбили ему, в последнее время бродил еле. Хоть бы зло кому делал!

«Знаем, чего он делал и какое зло!» - усмехнулся про себя Козырев и, посмотрев мельком на Варю, вдруг обмер, аж холодный пот шибанул! «Теперь же она не только поповская дочь, отца осудят - враг народа! Тогда... - лихорадочно пытался сообразить Сергей Петрович. - Тогда... Ехать срочно надо к брату в Ленинград, давно зовет, и Варю сагитировать с собою. Не поедет, мать одну побоится оставить? А почему бы и нет. Пока они растерянные да раскисшие, действовать надо. А потом нужно будет, так и от отца откажется, уломаю!»

Варя поглядывала на Козырева сквозь слезы с надеждой и мольбой, и он не стал медлить... Она и вправду слабо запротестовала: «А мама как же?» - но Сергей Петрович, на крылечке бережно обнимая ее за плечи, успокаивающе нашептывал: «Обустроимся, к себе заберем. А там, может, и... отца твоего отпустят». До матушки не скоро дошло, что хотят от нее дочь с учителем: «Может, вы, Сергей Петрович, и на самом деле желаете для Вари как лучше... Только замуж-то так не выходят, и благословения родительского нам с батюшкой вам не дать. Бог вам судья!»

Вроде бы все так и сбылось, как задумывал Козырев... Одно только не укладывалось - тянуло постоянно на родину. Казалось, в чужом городе прижились, блокаду перебедовали. После войны Варвара каждое лето ездила проведывать мать, и когда подходил к концу ее отпуск, Сергей Петрович всякий раз начинал не на шутку беспокоиться - как бы там, в городке, жена не осталась. Однажды сам составил ей компанию, и ... надумали в городок переселиться. А там - долгожданная радость, чего уж не чаяли в чужом месте: дочка родилась.

Теща-попадья никуда не делась из флигелька возле церкви, жила-поживала в нем, покосившемся и под худой крышей. Старушонка, пока была покрепче, возилась с грядкам в огороде около пепелища сгоревшего в грозу поповского дома-школы. Сергей Петрович - люба уж, не люба теща! - разработал весь участок, сменил изгородь, домишко, как мог, поправил: дело не вновь, из деревенских. Но принимался он за все с каким-то злым остервенением, набычась, и во время трудов побаивались с ним жена и теща даже заговаривать. Была тому причина. Вернувшись в городок, Козырев ожидал увидеть от знаменской церкви руины или зачуханный склад, а тут храм, как в прежние времена, сверкал нетронутой белизной на знакомом взгорке, трезвонил уцелевшим колоколом, и стекались к нему богомольцы.

Сергей Петрович хотел в тот же день уехать обратно, но впервые взмолилась жена, прежде послушная во всем: «Останемся, не могу больше...» И через силу согласившись, Козырев попытался себя успокоить, тешась - все равно храм, рано ли, поздно, прикроют, коммунизм же строим. Взялся даже в школе лекции по научному атеизму читать и проводил их с жаром, не только чтоб для «галочки» языком отбрякать.

А в церковь и вправду тянулись лишь старушки-богомолки, народ помоложе близко боялся подойти, а несмышленышей любопытных милиция в компании с комсомольцами вылавливала. «Скоро все равно карачун вам!» - взирая на кресты, торжествовал Сергей Петрович. Он, поначалу собираясь взять огород в другом месте, передумал, дожидаясь, специально копался на тещином. И не заметил, как дожил до пенсии, давно схоронил тещу, а тихая потаенная жизнь в храме, куда ни разу не вошел, продолжалась...

Как-то, укрепляя подгнившие бревна в сеннике, Сергей Петрович обнаружил тайничок, а в нем - шкатулку. На толстом слое пыли и древесной трухи, набившихся за многие годы в резных узорах на крышке, остались видны недавние следы чьих-то пальцев. «Не

иначе, старая что-нибудь спрятала, - помянул покойную тещу Козырев. - Но кто лазил сюда недавно? Жена? Так она не ходит, чтоб сердце, говорит, не травить. Неужели Ольга? Кому больше? Завещала, небось, старая...» Отомкнув простенький запорчик, Сергей Петрович едва не выронил шкатулку из рук: с поблекшей фотографии глянул на него отец Андрей.

- Все-таки опять нашел ты меня! - Козырев, сам не замечая, говорил вслух. - Всю жизнь я бился, чтоб память о тебе уничтожить! Ну, ничего, это поправимо...

На участке дымил костер, Сергей Петрович сжигал разный накопившийся хлам. Подкинув в теплину ворох сухой картофельной ботвы, он бросил во взметнувшееся пламя, не закрывая, шкатулку. Деревянные ее стенки пыхнули легко и весело, огонь в мгновение ока слизнул скорежившуюся ненавистную фотокарточку. Как и не бывало...

Не почувствовал Козырев облегчения, стало казаться ему , что совершил он опять, как когда-то давно, просто-напросто обыкновенную подлость. Прежде гнетущее это ощущение удавалось заглушить, схоронить где-то внутри, убеждая себя, что так надо было. Он даже, пока молод был, и гордился. И старательно убивал и вытравлял всякую память об отце Андрее не только в себе, но и в жене, паче - в дочке. Под спудом многих прожитых лет уж ничто не ворохнется, не отзовется смутой в душе, но увы...

Теперь Козырев, заметно сникший, боялся заглянуть своим домочадцам в глаза, пропадал больше на огороде, где всегда находилось какое-либо дело, а за ним можно было ненадолго забыться. Скоро и здесь покоя не стало - что-то надломилось в железном хребте покорной привычности: Сергей Петрович, будучи на пенсии, уловил это не вдруг. Ожил, повеселел тихий, доселе незаметный храм Знамения, со звонницы его, прежде безголосой, залились колокола, и толпы людей, взрослых и малышни, устремились принять святое крещение. Козырев, видя все это, занемог...

Из последних сил он притащился однажды на огород и в то место на пустыре в углу, где сжег шкатулку и которое суеверно обходил, воткнул слабеющими руками, озираясь, сколоченный из деревянных реек крестик.

Глава седьмая

У Ропшина в городке оставалось немало знакомых, одноклассников, дальней родни; с кучерявой черной бородкой его узнавали и не узнавали. Он, разговаривая с кем-либо, все пытался обиняками, вокруг да около, выведать об Ольге, а напрямую спросить стеснялся. Еще в автобусе, подъезжая к городку, о ней первой вспомнил.

Ропшин увидел ее в храме неожиданно, в воскресенье, когда правил службу. Подавая прихожанам крест для целования, он случайно бросил взгляд к выходу, в притвор, и там, в сторонке от галдящих возле свечного «ящика» старушонок, заметил женщину, на кого-то удивительно похожую. Вот только платок, неловко повязанный, надвинутый на самые брови, мешал узнать... Ольга носила либо беретик, либо шапочку. Так это же она! Только бы не ушла!

Ропшин, волнуясь, торопливо снял облачение, натягивая на голову скуфейку, вышел из храма. То, чего он боялся, не случилось: Ольга стояла у калитки в ограде, уже простоволосая, щурилась на высоко поднявшееся солнце. Ждала. Обернувшись, улыбнулась одними уголками губ, все такая же, как и прежде, разве что тоненькие морщинки возле глаз собрались сеточкой, и улыбка получалась натянутой и грустной.

- Тебя и не узнать! Здравствуй, батюшка! - сказала она. Ропшину почудилось - излишне взбодренно. Еще он приметил - насмешливые огоньки в ольгиных глазах оставались прежними, только стали холоднее.

- Здравствуй... - он притронулся к ольгиной руке, робко сжал тонкие хрупкие пальцы.

- Что, пойдем? - кивнула Ольга за ограду. - Проводишь! Или нельзя вам?

На тропинке, спускающейся с холма в низину к Святому роднику и потом дугой, через поле, выходящей на большак, по которому спешили обратно в городок богомольцы, было безлюдно. Шли молча. Ропшин старался идти рядом с Ольгой, но она не уступала дороги. Оставалось брести позади и глядеть ей в затылок с завитками русых волос, скакать же по обочине в долгополой одежде немного радости.

- Ты, значит, сюда служить... Как до такой жизни-то дошел, поделился бы! - Ольга, наконец, обернулась, и было не понять - с обычной насмешливой колкостью спросила или на полном серьезе.

- Тут в двух словах не расскажешь, - замялся Ропшин и ухватился за спасительную соломинку: - А ты сама как живешь?

- Одна я, - Ольга сухо поджала губы, отвернулась и ускорила шаги.

- Постой! Когда еще увидимся?

- Зачем? - Ольга остановилась на развилке тропы с большаком.

- Расскажу о себе и про это - тоже! - Ропшин посмотрел на белеющий на холме храм. - Посидим у Аленкина омута, как раньше бывало. Есть что вспомнить.

- Ладно, - согласилась Ольга, мельком заглянувшая в просящие ропшинские глаза. - Не переживай. Давай завтра!

«Какой была, такой и осталась!» - Ропшин провожал ее взглядом до тех пор, пока она не скрылась за пригорком. Полумальчишеская давняя любовь, напрочь было схороненная за прошедшие годы, затеплилась, встрепенулась в сердце, напомнила о себе. Не забылось выстраданное и выболевшее...

Леха, покинутый новой сударушкой - врачихой, принялся тогда посылать покаянные письма ольгиной матери; та, завидев Ромку, уже не только скрипуче советовала ему подыскивать другую «партию», а смотрела волком. И Ольга сама старалась выпроводить юного кавалера со свидания пошустрей, бывало, и не сказывалась дома. Потом вдруг, молчком, укатила с подругой отдыхать по турпутевке, а когда вернулась, обрадованному соскучившемуся Ромке, холодно чмокнув его в щеку, хмурясь, сказала:

- Пойдем-ка прогуляемся... Поговорить надо.

До окраины городка они прошли, как обычно, на «пионерском» расстоянии - так Ольга Ромку принародно ходить приучила; шагая по полевой дороге, она трудно подбирала слова:

- Ты не обижайся только... Ты для меня вроде развлечения был, и Лехе мне поднасолить хотелось. Чтоб побесился, помучался... Может, вернется? Семь лет ведь с ним, семь лучших лет! - Ольга вздохнула. - Но вернется - все прощу! Порода, видно, у нас такая - однолюбки! Ты уж извини...

Глава восьмая

Девчушка лежала на боку на асфальте, поджав к животу ноги в дешевеньких джинсах и неестественно вывернув кисти рук с длинными тонкими пальцами с посиневшими заостренными ногтями. Соломенные, стриженные в «скобу» волосы, рассыпаясь с затылка, уже стали приклеиваться к луже застывшей крови. С белого, как мел, лица смотрел незряче-жутко застекленевший, с уплывающим под веко зрачком, удивленный глаз.

Ропшин со своими думками спешил домой из редакции областной «молодежки», где работал немало лет после переезда из городка, на кучу народа на перекрестке не обратил внимания, хотел просунуться сходу, чтоб перебежать улицу и увидел...

Девчушке, похожей на подшибленную камнем птичку, было не больше четырнадцати-пятнадцати лет. За обочиной валялся искореженный мотоцикл, и где-то далеко обезумевший шофер гнал грузовик с яркими красными пятнами на борту кузова. По краю дороги взад-вперед бродил, волоча ушибленную ногу, высокий парень в кожаных штанах и куртке, теребил в руках мотоциклетный шлем и бормотал что-то вполголоса. Отбросив «шлемак», парень упал на колени, воздел руки и, прокричав протяжно и страшно, обхватил голову, упал ничком, прижимая лоб к разогретому за день солнцем дорожному полотну.

Наехали, сверкая мигалками, машины ГАИ, «скорой». Ропшин, трясясь как в ознобе, побрел куда глаза глядят. Девчонку эту он видел вчера в магазине у перекрестка, столкнулся с нею в дверях. И вот...

Тротуар оборвался, под ногами оказалась усыпанная прошлогодней жухлой листвой тропинка с выползающими кое-где на ее поверхность узловатыми корнями деревьев, длинной задичалой аллеей тянущихся вдоль берега реки. За гущей свежей зелени кустов зажурчал, забулькал взбудораженный недавним паводком речной плес.

На взгорке средь невзрачных нежилых развалюх высился, пестрея выщербленным кирпичом в стенах, храм без куполов. Пустые провалы окон пугающе чернели. И тихо было кругом, лишь пересвистывались в кустарнике вечерние птахи, долетающие отголоски городского шума безнадежно гасли в кронах вековых лип.

Роман пробегал мимо этого места не раз и не два и как-то не обращал особого внима-

ния: мало ли было в областном центре порушенных, приспособленных на скорую руку невесть под что церквей. И здесь в прежнее время коптила небо фабричонка валяной обуви, пыхала дымом труба кочегарки, торчащая из алтаря.

Ропшин, преодолев кучу мусора, пробрался к окну нижнего этажа и отшатнулся от шибанувшего в нос едучего тяжелого запаха невыветрившейся канифоли и подвальной заплесневелой сырости. Он с надеждой поднял глаза, увидел лестницу и, рискуя загреметь с гнилых ступеней, стал подниматься по ней, карабкаясь почти на четвереньках.

Внутри храма был розовый мягкий полумрак: еще не закатившееся солнце щедро засылало лучи в двойной ярус высоких окон, и изъеденные кислотными парами голые кирпичные стены не казались мрачными, а словно бы светились теплом изнутри.

Роман осторожно ступал по храму, звуки его шагов отдавались где-то вверху гулкими отголосками; оттуда же доносилось воркование голубей, хлопот крыльев. Ропшин попригляделся и различил под самой крышей остатки лепных украшений: в углах ангелочки, надув забавно щеки и топорща крылышки, норовили слететь с места да никак не могли. На своде сквозь осыпавшуюся грязно-серую побелку проступал лик. Роман, задирая до боли в шее голову, долго разглядывал поначалу вроде бы темное пятно, но вот разобрал черты лица, и показалось оно на кого-то похожим, даже знакомым. Ропшин вспомнил вдруг старую фотографию у Ольги в руках, которую она выносила украдкой от отца. Схожи были лики неизвестного Роману святого на фреске и ольгиного расстрелянного деда-священника...

Допоздна бродил Ропшин по храму, останавливался, вслушиваясь в его гулкую тишину, и под скрывающимися в вечернем сумраке сводами чувствовал в душе сходившее откуда-то с выси успокоение. Отступило, оставляя в покое и зарубцовываясь, запекаясь на сердце, потрясшее Романа видение нелепой, ужасной смерти. Храм, будто огромный прочный колокол, защищал со всех сторон... Ропшин знал теперь, куда ему идти в горький час беды или даже просто растерявшись в жизни.

Обкомовские комсомольцы, в пламенных речах костьми готовые лечь за дело и процветание родной партии и народа, чуть припекло, шустро и молча разбежались заниматься прямо противоположным тому, к чему призывали простодушный молодняк. Кое-кто из них, поглупее, угробивший себя в застольях и оргиях на загородных дачах, пошел орать на углах среди нищих стариков и размахивать красным флагом. Никому не нужная газета - «молодежка» была на предсмертном издыхании; Ропшин с горькой усмешкой попрощался с последним фанатиком - ее редактором, объявившим в порыве отчаяния рассмешившую всех голодовку...

Он верил - Бог не оставит.

Ольга слушала рассказ Ропшина внимательно, в конце улыбнулась грустно:

- Я бабушку свою вспомнила... Она меня еще маленькой потихоньку от отца в церковь водила, учила креститься, поклоны бить. А дома... ни иконы, ни крестика, и отец при бабушке сам у себя спросит: что, мол, поп в церкви делает и ответит - дурака валяет. Так-то и жили!..

Ольга все-таки пришла в условленное место: на бережок Аленкиного омута.

Ропшин, вытащив из травы оставленную половодьем доску, пристроил ее на валунах - ладная получилась скамеечка да ждать на ней довелось долго. Он уж клял себя за необдуманно назначенное свидание - вот искушение-то, измучиться можно! Набрав в горсть галечника, Ропшин бросал камешки, стараясь достать до середины омута, смотрел на расходящиеся по поверхности воды торопливые круги и не расслышал даже, как подошла Ольга.

- Ты и в гражданском неплохо смотришься! Солидный дядечка! - привычно уколола она, пристраиваясь на краешек скамеечки.

Ропшин вспомнил прошлый, скомканный и с недомолвками разговор и стал рассказывать о себе: обещал...

- А фотография деда твоего, та, что в шкатулке сохранилась? - спросил он после недолгого молчания у задумавшейся Ольги.

- Нет, - покачала она головой, - отец нашел и сжег. Перед смертью признался маме. Я все не понимала: почему он так деда Андрея ненавидел, а оказывается вот что... Он сознался, что деда-то «сдал» в тридцатых, донос написал. Теперь мучился, прощения просил то у мамы, то у деда безвинно убиенного... Мама не в себе стала, заговаривается. Догадывалась раньше, да страшилась спросить. Вдвоем с ней и живем. «Что же Леха ваш к вам не

возвернулся...» - с проснувшейся некстати застарелой ревностью мстительно подумал Ропшин.

Незабвенного Алексея Сергеевича он встретил, вскоре по приезду заглянув на прежнюю работу в редакцию «районки». Леха, изрядно пооблезший, все в том же костюме-тройке и при пестром галстучке, отнесся к встрече радушно-деловито: разговаривая, вроде бы поблескивал с интересом глазами, но и часто потирая лоб рукой, многозначительно собирал губы в «титьку», мыча. Ропшин догадался, что это он интервью берет, сейчас за ручкой и блокнотом потянется, если диктофон втихаря еще не включил. От встречных, о себе, вопросов Леха искусно уходил, увиливал, и вскоре Ропшина потянуло побродить по другим кабинетам в поисках знакомых.

Он узнал, что Леха остался один, как сирота казанская, подкармливался то ли у дядьки, то ли у тетки, но свою манеру кружить возле бабеночек не забросил. Теперь были они, конечно, поплоше и с детками и порхавшего возле них мотыльком Леху, разнюхав, что он - ни рыба ни мясо, скоро прогоняли.

С Ропшиным Леха распростился так же как и встретился: ни обрадовался, ни огорчился...

- Пора идти! - Ольга зябко передернула плечами и встала.

Едва закатилось солнце и с реки потянуло свежим ветерком; Ропшин тоже продрог в легком пиджачке.

- Прости, что исповедалась. Легче своему-то, чужому бы не смогла. Когда уж под пятьдесят, а жизнь проходит... Не провожай!

Ольга торопливо пошагала прямо по росной холодной траве. Ропшин, топчась на берегу, то смотрел на черную гладь омута с закрывавшими свои лепестки и уходящими на ночь под воду кувшинками, то следил за удаляющейся одинокой фигуркой Ольги. На сердце разливалась жгуче запоздалая жалость к ней, больше ничего.

Грехи отцов падают на детей.

Глава девятая

Юрка с дедом Ежкой вроде б и подружились: один наверху звонит, другой внизу метет. Слепой вначале спросил у Юрки - чей да откуда, и тот вилять не стал, про былую житуху выложил без утайки. Дед Ежка хмыкнул одобрительно: ночуй, если хочешь, за компанию в сторожке все веселей. И своровать надумаешь, так нечего. Введенский окинул взглядом горенку, и дед Ежка, видно, учуял это, затрясся в мелком смешке, хлупая ошпаренными веками: знал, куда гость смотрит - в передний угол.

- Иконки-то ценные, старые. Про то хозяйка прежняя сказывала, помирая, а ей их попадья Введенская отдала. Родня-то хреновая, взять боялись... И ворье не добралось: сторожа по «кумполу», замки на дверях церкви выворотили, а ко мне заглянуть не додули. Вот ты, паря, можешь их стянуть али подменить. Я слепой, не увижу!

Юрка бы в другом месте вспылил, убежал, хлопнув дверью, - кому любо, когда старым в глаза тычут. Но он сидел, уставясь на темные, в блестящих окладах, лики. Опять Введенских помянули... И старик почувствовал, что болтает лишку, словно зрячий, безошибочно нашел и прижал к столешнице юркину руку.

- Не обижайся, паря, шуткую я. Голос твой мне вроде знаком, часом не встречались где?

Юрка недоуменно пожал плечами, и слепой опять будто увидел это:

- Ну-ну! Я че вспомнил-то... В тридцать седьмом я в команде исполнителей приговоров служил. Насмотрелся, как смертный час человек встречает. По-всякому... Попало нам в «расход» расписать двоих братьев-попов. Повел я своего в подвал, поставил к стенке. Бац из нагана! А он стоит, не валится. Я еще - бац, бац! Что такое, поджилки затряслись - все семь пуль в него влепил, а он стоит! Оборачивается ко мне - поп-то здоровый дядька, молодой, - и говорит: «Видишь, служивый, Господь меня хранит, отводит, час мой, чаю, не пробил». Я таращусь на него, как дурак, и из нагана только пустой щелкоток слышен. Попто на меня надвигается, пальцы вознял: благословляю тебя, палача моего! Я уж, себя не помня, выбежал за дверь: знаю, что там караульный стоит. Винтарь у него из рук вырвал, хлоп в попа - наповал! А прихожу в караулку - там хиханьки да хахоньки! Чего удумали сволочи - в барабан нагана мне холостых патронов напихали. Всем смешно, а я чаял - все, карачун схватит! - дед Ежка затренькал неприятным трескучим смешком и потрогал паль-

цами свои изуродованные веки. - Меня Бог по-другому наказал... И кабы не это, лежать бы мне давно в земле сырой. Исполнителей наших всех в «расход» тоже пустили, следом за ими же убиенными. А я вот, хоть и худо, да живу: ни тех, ни других до того свету встретить не боюсь. Никого не осталось, лежат-полеживают... У тебя, паря, голос с тем попом схож, че я вспомнил-то, - закончил неожиданно Ежка и зашаборошил пальцами по столешнице, нащупывая стакашек с водкой. - Налил мне? Давай помянем загубленных человеков!

Юрка слушал, раскрывши рот: как прожил жизнь дед Ежка, он прежде стеснялся поинтересоваться, теперь же все всколыхнулось, закипело в нем.

- А-а! - он дико, по-звериному, взвыл, наверное, так, когда подростком еще на заводе всаживал прут арматуры в добивавшего его громилу. - Никого не осталось? А я? Сын того попа! Думаешь, не достану тебя ?!

Юрка, сжимая кулаки, привстал со стула, но дед Ежка, прикрывавший руками голову, вдруг медленно, боком, повалился на пол и, дернувшись, затих.

«Неужто пришиб падлу? - Введенский в недоумении поглядел на свой кулачок. - Не дотянулся вроде б, не успел. А ведь убил...»

Юрка засуетился, бросился перед ликами на колени, торопливо крестясь. И опять сработала в нем потаенная пружина - вовек ей не заржаветь. Он, нашарив в углу горенки мешок, принялся запихивать в него иконы.

- Мои... Имею право! Мое наследство! - бормотал он и, уложив иконы все до одной, закинул мешок на плечо и уже на пороге споткнулся и растянулся во весь мах.

Из незавязанного мешка выскользнула икона Богородицы, копия храмовой. Юрка, глядя на лик ее, тонко-тонко заскулил, до боли прижимая затылок к острому углу дверного косяка. Если б он умел плакать...

Видение отца Андрея

Из этой камеры был только один выход - это знали все, находящиеся здесь, и все они, шепча молитвы, плача или замыкаясь в себе, не теряли слабой надежды на иную участь.

Когда в камеру втолкнули нового смертника, к нему устремились жадные взоры. Отец Андрей не сразу узнал в топчущемся у дверей арестанте с осунувшимся черным лицом и обвисшими болезненно плечами младшего брата Аркадия; окликнул его, и брат, обрадованный, тяжело и неловко ковыляя, добрался до нар и упал на колени перед старшим Введенским.

- Братушка! Сподобил Господь перед смертью-то свидеться! - он, роняя слезы, пытался разбитыми, распухшими губами целовать отцу Андрею руки.

Тот, усадив его рядом, прижал к себе.

- Ты же с н и м и, Аркадий, вроде был? Как здесь-то очутился? - спросил, когда брат поуспокоился.

- Был. В прелесть впал. Помнишь, как небогато жили мы на приходе, чуть что - и от архиерея шишки. Денег, славы, пуще - воли возжелалось. А потом еще понял, что если с н и м и не рука в руку - пропал. Выжить хотел, робят поднять... Отпусти, брат, мне грехи, каюсь: лукавый прельстил!

Отец Андрей положил на горячий лоб брата ладонь, но в это время проскрежетал ключ в замке, и из-за отворившейся со скрипом железной двери раздался окрик:

- Введенский Андрей?! На выход!

Братья в последний раз обнялись.

- Все, конец? - прошептал Аркадий.

- Нет! - твердо ответил отец Андрей. - Это только начало другой жизни, вечной...

Лицо конвоира, невзрачного паренька в мешковатой гимнастерке, ведущего отца Андрея по длинному узкому коридору, а потом по склизким каменным ступеням в подвал, показалось священнику знакомым: жесткая хищная усмешка не сходила со скул с первым пушком. Введенский припомнил разгар зимы, стынущий на морозе храм и летящую навстречу кованую калитку, а за нею потешающегося парня...

- Идти, не оглядываться!

«Все о н и на одно лицо!» - вздохнул отец Андрей.

Впереди, освещенная тусклым светом лампочки из-под потолка, близилась глухая серая стена. Вдруг она раскололась надвое, и отец Андрей увидел...

...Воры с литовцами вламывались в городок темной сентябрьской ночью. Укрывшийся еще накануне днем лазутчик отомкнул ворота передовому отряду. Сонная, в подпитии, стража погибла под ножами без единого звука.

В распахнутые ворота, чавкая копытами по подмерзающей грязи, влетела конница; пешцы, звякая оружием, устремились по улочкам спящего беззаботно города. В узких извивах не видно ни зги - лишь месяц окровавленным оком сумел выглянуть раз-другой в разрыве туч. Треща смолою, занялись факелы, и в разных концах города пыхнули пожары. В зловещих отблесках огня заметались, обуянные смертным ужасом, полуодетые жители. Стыли отчаянные крики, гасли последние стоны, лишь огонь трещал, разгораясь весело и неистово, выстреливая снопами искр; дерево трещало и под ударами ломившихся в клети лиходеев.

Нечая Щелкунова еле растолкал в постели старый слуга. После крепкой воеводской медовухи - седмицу беспробудно пить и сдохнуть можно - разламывалась голова, мутило нутро, и еще толком не прочухавшийся Нечай, накинув на плечи зипун, вышел на волю к калитке. Заслышав шум, он отомкнул засов, выглянул на улицу и нос к носу столкнулся с усатой озверелой рожей и едва уклонился от сверкнувшей молнией перед глазами сабли. Пудовым своим кулачищем звезданув в висок, Нечай свалил лихоимца замертво, бросился, скумекав, что худо дело, за секирой в дом... и от оглушающего удара по затылку сполз под ворота тяжелым кулем.

Опамятовался, когда уже и дом, и подворье опряло пламя. Яркой рождественской свечой пылала церковь напротив. Кто-то склонился к Нечаю, норовя пособить подняться - дочь в наброшенной поверх исподней рубахи шали.

- Живой, тятенька?

- Покуда...

Щелкунов ощупывал сгустки крови в волосах на затылке.

- Я-то схоронилась, когда вбежали они, - рассказывала дочь. - Холопьев наших каких побили, какие сами утекли. Давай по сундукам, по ларям шарить...

- Не послушались Галактиона, пропили город! - простонал Нечай. - Прощения просить да каяться б!

- Хозяин-батюшка, бегут сюда! - предупредил невесть откуда выкурнувший, весь в копоти, старый верный слуга.

Поблескивая саблями, к ним подбегали воры. Нечай подобрал клинок возле валявшегося снопом, кулаком пришибленного литвина, крикнул дочери и слуге:

- Из города выбирайтесь, нет спасения тут! К Галактиону хоронитесь, авось келью не тронут! Прощения у него попросите!

Злобно скалясь, ватага набегала; Нечай приготовился защищаться...

В пылающем городе было светло, как днем. Нечаевна со слугой, увертываясь от летящих головешек, споро добежали до заветного лаза в стене, но в освещенном пожаром посаде к ним прицепились двое воров. Эти за сабли не брались, стали лапать девку, пытаясь сдернуть с нее рубаху.

- О, гарна дивчина!

Слуга, выхватив из-за пояса нож, сунул его в брюхо одному, а второму, послабже и пожиже, вцепился в горло.

- Беги, куда тятенька указал!

Нечаевне удалось ускользнуть в ивняковые заросли: ветки больно стегали по лицу, она падала, спотыкаясь об корни. До взгорка, где стояла келья Галактиона, добралась уж, еле переводя дух, но через круговую канаву сиганула - не заметила, только ноги ожгло ледяной водой.

Галактион, стоя на коленях, молился, на отворившуюся внезапно дверь, насторожась, скосил глаза. Девицу, белым пятном появившуюся в проеме, с растрепанными, в саже, волосами и драной грязной рубахе узнал сразу - занимался уже серенький осенний рассвет. Это она, смеясь, помогала чернецу подняться из пыли под воротами щелкуновского двора.

Девица умоляюще взглянула на Галактиона, уста ее беззвучно шевелились.

Он понял и без слов: в низине трещали кусты, доносился возбужденный гомон пьяных мужских голосов. Галактион расковал цепь, молча схватил Нечаевну за руку и потянул из кельи. Та, испуганно тараща глаза, было уперлась - стены монашеской келейки казались последней защитой, но чернец, кротко улыбаясь, успокоил: «Пойдем, пойдем! Спрячу!»

По склону взгорка они сбежали вниз к громадным валунам, притащенным когда-то древним ледником. Нечаевне опять пришлось шлепать босой по студеной ключевой воде, зато следы терялись. Под одним из валунов, невидимый в зарослях чапарыжника, открылся лаз в маленькую пещерку. Пробравшись в ее сухое нутро вслед за монахом, девка часто закрестилась дрожащей рукой - разглядела в дальнем углу добротную «домовину».

- Не пугайся, дщерь! - Галактион постучал согнутым пальцем по звонко отозвавшемуся дереву. - Часа ждет. Призовет Господь.

Прикрыв лаз обломком плитняка, Галактион взбирался обратно к келье долго. Поглядел с вершины горки на догорающий, затянутый сизо-мрачным облаком чада город, прошептал, перекрестясь: «Упокой, Господи, души усопших рабов твоих в месте светле, месте злачне...»

Гремя молотком, он успел только-только вогнать обратно и расплющить заклепки на цепи, как в келью ворвалась погоня.

- Девка не у тебя, святой отец? К тебе, видели, побегла, деться ей больше некуда.

Разгоряченные ватажники душили Галактиона вонью перегара, от их испачканных сажей, забрызганных чужой, еще не успевшей засохнуть кровью, звериных рыл чернец отшатнулся, осенив себя крестным знамением. Но о нем вроде бы сразу и забыли, перевернули все вверх дном в келье, по бревнышку едва не раскатали, обшарили и все вокруг, оглядывали из-под ладоней окрестность.

- Дивка гарна...

- Хороша-то хороша, но городского самого богача дочка. Ведает, небось, где отец казну со златом скрыл.

- Говори, куда спрятал девку?! - подступили лихоимцы к Галактиону. - Думаешь, что на цепь себя, ровно кобеля, посадил, дак и не тронем? Святым стал? Еще как башку оторвем!

Сухое тело чернеца месили кулаками почем зря, пинали, били плашмя саблями, даже крюк цепи вырвали из потолка. Галактион, сдерживая стоны и мысленно вознося молитвы к Богу, упорно молчал.

- Бросайте на нем топтаться, зипуны без нас поделят! - крикнул кто-то снаружи.

Злодеи, толкаясь в дверях, сломя голову выбежали из кельи.

Галактион, мало не втоптанный в земляной пол своего обиталища, ощущал, как растерзанное, изломанное, горящее одной сплошной раной его тело покидает жизнь. Последним усилием воли он взмолился: «Господи, прости неразумных - и тех, и других! Благодарю тебя, что сподобил душу невинную спасти и свою отдать в руце твои...»

Александр ЛОМКОВСКИЙ

ИДУЩАЯ ПО ОСЕНИ

1

Я каждый день пытаюсь встретить её по дороге на работу. Она идёт мне навстречу, милая и грациозная, словно песня осени. Её недлинные светлые волосы треплет лёгкий ветерок, отчего издалека кажется, будто у неё над головой парит какое-то необыкновенное облако. Руки обычно в карманах жёлтой коротенькой курточки, за спиной синий рюкзачок, коричневые, чаще всего, джинсы. Красивой её не назовёшь: чуть широковатые скулы, слегка вздёрнутый носик, на котором при ближайшем рассмотрении можно заметить весёлую россыпь веснушек. Но глаза... Чистого серого цвета, отдающего даже в синеву. Такого цвета я нигде в природе не встречал: зимнее небо чуть более блёклое, осенняя вода гораздо темнее и тяжелей как-то, ртуть светлее. Непостижимые глаза! Тёплые, задумчивые.

Похоже, что я уже влюблён. Смешно, наверное... Не зная ни её имени, ни разу не услышав её голоса - только лишь эти короткие утренние встречи. Я не могу, не имею права, что ли, просто подойти к ней, сказать «Привет», познакомиться. Не хочу нарушать гармонию наших безмолвных встреч. Кто я? Живущий четвёртый год в разводе, начинающий понемногу спиваться поэт. Нужен я ей - такой-то! Со своей загаженной собачьей конурой, которую мои многочисленные друзья гордо обзывают «квартирой». Нет-нет - я просто не имею права знакомиться с этим нежным, юным созданием. Пусть остаётся всё, как было. Но всё же как теплеет в груди, когда, переходя по перекидному мостику речушку Содему, я сразу вижу её, спускающуюся с Медуницинской горки мне навстречу. Она идёт по парку, легко ступая ножками в белых кроссовках, по усыпанной жёлтыми кленовыми листьями - этими слезами осени - тропинке. Я невольно замедляю шаги и впитываю её всю - идущую по осени девчонку, вчерашнюю школьницу, спешащую на какую-то свою работу. Я сильно волнуюсь, душа ухает куда-то вниз, сердце начинает биться в клетке рёбер пойманной птицей, перехватывает дыхание. Чтобы немного успокоиться и не выдать себя случайным каким-нибудь взглядом, я неизменно закуриваю сигарету. Это даёт мне шанс просто пройти мимо, не задев её своим взглядом. И поднявшись потом в горку, я останавливаюсь, выбрасываю далеко окурок и смотрю ей вслед. Она уже переходит речку и поднимается по тротуарчику к новостройкам. Я вижу издали жёлтое пятнышко куртки с синей точкой рюкзака и светлый ореол над её головой. Мысленно прощаюсь с ней до завтра и не спеша бреду к своим опостылевшим стиральным машинам, которые я умею ремонтировать.

Целый день потом меня не покидает чувство какой-то необыкновенной радости. Я просто рад тому, что она есть. Что она просто живёт на свете, проходит мимо меня, обдавая чуть слышимым запахом давно позабытых мной духов. О, этот тонкий, чуть горьковатый аромат, отдающий дымом сгорающих листьев и чуть-чуть новизной первого снега. Как я мог его позабыть! Этот запах неизменно ассоциируется у меня с Ленинградом. Тогда, в восемьдесят четвёртом, наша рота тащила службу на двадцати с лишним концертах Пугачёвой в СКК. И тогда эти духи - до сих пор не знаю их названия - были очень популярны в Ленинграде. В фойе комплекса так и стоял аромат этой марки. И вот, через четырнадцать лет почти, я впервые ощутил этот запах. И, по-моему, это весьма символично, что пользовалась этими духами моя таинственная незнакомка. Я просто был ей благодарен за такой подарок. Всё-таки жизнь идёт по кругу. Уходя из одной точки - обязательно возвращаешься к ней же. И неважно - сколько прошло времени, сколько чёрных и белых полос промелькнуло в судьбе, сколько новых событий наложилось на слои памяти. Один незаметный мазок, всколыхнувший воспоминания - и ты вновь в далёком прошлом. И по какому кругу пойдёт жизнь дальше - неизвестно...

2

Из дневника Светы. 22 сентября.

Отработала почти месяц. Думала, что работа чертёжницей более интересна. Но целый день стоять за листом ватмана и бродить по нему карандашом... А может, как говорит Римма Михайловна, я ещё не приработалась. Видимо, такое бывает. Но как иногда хочется послать всё к чёрту и просто ходить по улицам, с утра до ночи. Заглядывать в окна первых этажей, вникать в чужую жизнь. Как это должно быть романтично!

Не забыть: через неделю мамина годовщина. Уже шесть лет. Ужасно просто, как же постарел папа. Но ничего, держится. Молодец он у меня всё-таки. Мы опять пойдём на кладбище с огромным букетом белых георгинов. Мама их так любила. И даже когда на неё наехал этот ржавый кусок железа с пьяным придурком за рулём, мамулечка несла с дачи именно эти цветы. Нет, всё... хватит про это. Сейчас разревусь, как школь... (Дальше несколько строчек размыто).

А всё-таки, кто он - этот утренний парень? Каждый день, как увидит меня, так заледенеет весь, сгорбится, руки в карманы сунет, и прёт мимо, ничего не видя. Дымит только, как паровоз. Смешной такой - вечно небритый, хотя щетина ему и идёт. Побреется если, то я, наверное, его и не узнаю. Шутка.

А всё же - как постарел папа...

3

Дома меня поджидал сюрприз. С двумя пузырями портвейна нагрянул Алекс - «не самый плохой поэт», по его же собственным словам. Мне и Лёшке Спецову, который месяц жившему у меня, это оказалось весьма по сердцу. Лёшка - тоже поэт, однажды написал про себя: «я не последний сукин сын, я - предпоследний сын России!» Что и говорить - друзья у меня были оригинальные. Портвейн, как это всегда бывает в подобных случаях, закончился сразу, и Алекс предложил сбегать ещё за двумя пузырями. Мы с Лёшкой восприняли это «с чувством глубокого удовлетворения». Потом, как обычно, начали читать свои стихи и тут же клевать друг друга за изъяны. Затем Спецову пришла в голову мысль обозвать наш триумвират литобъединением «У трёх Алексов». Идея понравилась. Алексей и два Александра - три Алекса. Причём, как я удачно пошутил, в случае чего всё наше собрание может с успехом заменить один Алексаев. Потому что он к тому же ещё и Александр Алексеевич. «Алекс в кубе!» - тут же подытожил Лёшка. Затем сочиняли устав литобъединения, где основополагающим постулатом проходил пункт о водке, которая пьётся легко и с удовольствием. Ненадолго забежал непьющий в это время Пиман, третий месяц мучавший своего «Степана Разина». С каким-то медвежьим тактом поклевали и его поэму. Предложили вступить в только что организованный клуб. Прочитав устав, Пиман мефистофельски поухмылялся, пообещал подумать на досуге и убежал. Видимо, добивать «Степана». Потом, как обычно, с разговоров о шансах нашей сборной на чемпионате, плавно перешли к размышлениям о женщинах. Все разведены, Спецов даже дважды, так что поговорить было о чём.

Странно, но в этой «тёплой» компании я совершенно не вспоминал мою незнакомку. Да это, в общем-то, и понятно: не мог же я вынести своё только-только зарождающееся чувство на всеобщее обозрение, хотя бы даже и лучшим друзьям. Вырубились далеко за полночь, а в пять утра мучающийся с похмела Алекс попытался разбудить меня и поговорить о поэзии. Конечно же, пять утра - самое подходящее время для разговоров. Особенно о поэзии. О чём я не преминул ему напомнить в вежливой и тактичной форме, при этом пытаясь лягнуть его ногой. Алекс оказался далеко не дурак и сразу отстал от меня со своими разговорами. Но тут же начал слоняться по комнатке из угла в угол, топорщить пальцы и бормотать свои стихи. Перескакивал, как обычно, с пятого на десятое, сам с собой спорил, говорил кому-то «прошу прощения» - видимо, разговаривал «о поэзии» сам с собой. Это было в высшей степени тактично перед человеком, которому через полчаса подниматься и ползти на работу. Так как сон оказался безнадёжно потерян, я, от нечего делать, начал прислушиваться к его бормотанию. И тут же обжёгся строкой: «Про неё говорят - неземная она, И никто её губы не знает...» С этого момента Алекс отошёл куда-то на задний план, а мне тут же вспомнилась моя незнакомка. Я попытался примерить к ней несколько женских имён. Наташа? Нет, не подходит. Ольга? Однозначно, не Ольга. Света? Может быть, хотя... не знаю. Вита? Хм-хм... Тут я с удовольствием вспомнил одну свою знакомую Виту, немного посмаковал воспоминания и с огорчением вынужден был признать, что имя Вита к незнакомке не подходит более всего. После чего я сел на диване и тут же какой-то подлец, сзади, шарахнул мне по затылку кувалдой.

- Алекс, дуй за пивом! - страдальческим голосом пропищал я. - Не дай сдохнуть собрату по перу!

Вмиг повеселевший Алекс сразу перестал разговаривать с «мадам Поэзией» и выскреб из кармана горстку мелочи. Пересчитал, тяжело вздохнул и виновато посмотрел на меня. Тут всё было понятно. Я тяжело поднялся и, пошатываясь, побрёл в кухню - заваривать чифир. Минут через сорок, нагрузившись пустой пивной посудой, мы резво поскакали к киоску у стадиона. Присовокупив к стеклотаре пригоршню мелочи, я и Алекс ока-

зались счастливыми обладателями четырёх бутылок пива. Кайф!

- Лёху похмелять будем? - поинтересовался Алекс.

- Не, пусть дрыхнет пока. Потом встанет - найдет, где похмелиться. Я когда с работы прихожу - он уже пьяный в дымину. Сходит в пивнуху, почитает стихи местной гопоте, они и поят его. Хорошо ещё в квартиру их не ведёт. А то у меня и вовсе шалман бы тут был. Ты куда сейчас?

- Добреду до центра. Там с человечком надо повстречаться. Насчёт бумаги для книжки. Да потом, возможно, в Союз писателей заскочу.

- Передавай там привет, - посоветовал я, захлёбываясь пивом.

- Саныч нам с Лёхой постоянно талдычит - не спаивайте Саню, не спаивайте...

- Это ещё вопрос - кто кого спаивает, - ухмыльнулся я.

- Я с тобой тогда до Бывалова доскребусь, а там на троллейбусе.

- Пойдём...

Я только потом сообразил, что по дороге на работу мы повстречаем дитя осени. Даже хотел другой дорогой идти, но раздумал. Оценит ли Алекс так, навскидку, мою незнакомку?

Поднимаясь на Медуницинскую горку, мы мирно беседовали «о поэзии» и допивали пиво.

4

Из дневника Светы. 1 октября.

Долго не открывала свою заветную тетрадку - всё некогда было. Столько событий навалилось - ужас! Во-первых: получила первую получку. Хотя и не получку даже, а аванс. Но всё равно деньги, и главное то, что первые. Римма тут же послала меня за шампанским и тортом - сказала, что так у них принято. В итоге от денег остался пшик. А я, в общем-то, размечталась уже будильник электронный покупать, а то старый барахлит что-то, останавливается. Того и гляди, что на работу проспишь. Когда пили шампанское, Олечка всё время пыталась нахваливать мне Эдуарда. Что и положительный, дескать, он, и машина, мол, у него, и вообще - за ним не пропадёшь.

А он с умным видом пялился в окно, отпивал по глоточку шампанское и вёл себя в высшей мере по-ло-жи-тель-но. Вечно «здравствуйте, как провели ночь?», «до свидания, приятного вечера», «не соблаговолите ли, Светлана...» Положительный весь такой - пробу негде ставить. Хоть бы раз чертыхнулся, что ли. Всегда наглаженный, наодеколоненный, чёлочка поблескивает... А губы у него мокрые всегда! И взгляд у него рыбий! И чего Олечка так его нахваливала? Не иначе, как договорились. А что? Может быть. Сама-то она за пузаном каким-то замужем, а пару раз видела я, что она с этим Рыбом уезжала с работы. В этом клоповнике всё может быть. Тоже мне - коллектив! Все друг другу козни так и строят. То ватман утащат из-под носа, то ластик свистнут, то шепчут чего-то друг дружке. Как ещё ножки у стульев не подпиливают? А что - с них станется!

Съездили на кладбище к мамуле. Долго плакала. В парке у речки, когда шла с работы, специально насобирала кленовых листьев. Усыпала ими всю плиту. Георгины в жёлтых листьях: очень красиво получилось.

А его, значит, зовут Сашей. Моего утреннего парня. Как узнала? Сегодня и узнала, случайно совершенно. Спускаюсь, значит, это я с горки, а он мне навстречу. Да не один, а с приятелем. Пиво пьют - прямо из бутылок. Морды у обоих опухшие, но глаза ничего. Я бы даже сказала - жадные до мира глаза. Такие только у художников и поэтов бывают. У него, оказывается, глаза коричневые, почти чёрные, первый раз и заметила - сегодня он не прятал их в землю. И даже посмотрел в мои. Обожгло, правду говорю. А у его приятеля - зелёные какие-то глаза. Хоть и говорил о своём, а тоже смотрел на меня прямо. Мне даже неловко стало. Идут два взрослых мужика и смущают девочку. Меня, то есть.

- Саша, нам никогда не придумать такого восхода. Таких красок не бывает, - это зеленоглазый сказал.

А Саша (какое интересное имя и главное - редкое!) ответил что-то про Виктора Иваныча, который знает каноны. Дальше я не сумела подслушать. Чёрт, как это должно быть интересно - идти осенью по парку, пинать листья (это Саша пинал), пить пиво и без всякой тени сомнения рассуждать о красках восхода и канонах загадочного Виктора Иваныча. Наверное, я начинаю влюбляться. Бред! Нет, конечно же! Влюбиться во взрослого мужчину, которого и видишь-то только по утрам... И всё же... Я бы, наверное, хотела идти с ним по осеннему парку, также попинывать листья, пить пиво (ох, прости меня, папа, такую доченьку!) прямо из бутылки и слушать про какие-то там каноны Виктора Иваны-

ча. Должно быть хороший человек, как и тот, зеленоглазый. Саша с плохими не дружит. Не дружишь ведь? Как хорошо всё-таки, что есть дневник! Можно вытягивать из головы какие-то крамольные мыслишки, прямо за хвостики, и сажать их на бумагу.

А то потом всё забывается. А стоит открыть дневник и - вот оно! Осенний парк, краски восхода, каноны...

Ух, что-то я сегодня расписалась! Пора и заканчивать. Вот и Ричик возле ног трётся. Гулять просится, лапулечка моя! Сейчас, допишу только, и пойдём. Смотреть какими бывают краски заката, пинать листья и загружаться канонами. И без всякого Виктора Иваныча прочухаем все каноны. Верно, Ричик? Сами с усами!

5

И всё-таки Алекс оценил дитя осени. Когда она прошла мимо, он, пройдя по инерции ещё немного, перестал говорить, остановился и долго глядел ей вслед, ощупывая её глазами. Я ждал, хотя внутри всё бурлило.

- Саша, мне нельзя с похмелья на улицу выползать, - наконец сказал он.

- Знаю. Тогда все девочки тебе красивенькими кажутся.

- Нет, не то. Эта - особенная. У неё такой взгляд умненький. Таких отличники по ресторанам водят. Нам не по соплям. И всё же, и всё же... Я, наверное, про неё стихотворение напишу. Задела девочка. Задела.

Вот это фортель! Ай да Алекс! Я, который так берегу эти встречи с ней, и то не додумался ещё стихотворение про неё писать. Не дорос, то есть. В общем - рано мне ещё про неё. Надо вынянчить чувство, вырастить его. Я и маме-то всего одно лишь стихотворение посвятил. И то шёл к нему лет восемь. Когда ещё только учился рифмам, то был просто не вправе посвящать ей что-то. Когда научился - спасибо «Ступеням» за науку - стал подбирать подходящее настроение, потом подходящие слова. Такие, чтоб сердце выжигали. Таких не нашёл. Зато стихотворение получилось как-то само, неожиданно, легко. Мягкое такое, лиричное. Но за восемь лет. А смотришь, бывает, стихи молодых авторов - в каждом сборнике по три-четыре стихотворения о мамах. И с неподдельным огорчением понимаешь, что стихи-то проходные! Кое-как сляпанные, корявые, недоработанные. Стыдно даже за авторов становится. Вот моих друзей возьми: что Спецова, что Пимана, что Алекса - ребята пишут давно, хорошо, серьёзно. И ни одного стиха, посвящённого матерям. Да вовсе же не от чёрствости - просто сами чувствуют - не доросли ещё такие большие чувства на бумагу выплёскивать. Это что касается быстроты, с которой пишут поэты.

А тут Алекс - «Я ей стихотворение посвящу!» Вот ведь вражина, обскакал. Как есть - объегорил! Сначала я даже обидеться на него хотел и всё ему начистоту выложить. Про наши встречи безмолвные. Про то, что я уже влюблён почти. Но потом раздумал. И правильно сделал. Уже на работе, в своей электрической кандейке, я тщательно проанализировал сегодняшнюю встречу и даже порадовался за Алекса. Всё верно. Вот так, с наскока, стихотворение можно написать только про то, что задело моментально. Тут же в голове возникают какие-то строчки, неясные образы, обрывки мыслей. И всё. Ты уже пленник придуманного самим же противоречия. Натура отторгает всё загадочное, мистическое, чему нет и не может быть объяснения, а душа поэта говорит: ан нет, давай покопаемся! Видишь девчонку, идущую по осени? Обычное вроде бы дело. А девочка-то необычная. И фигурка стройненькая, и глазки умненькие, и вообще она так вся и вписывается в осень. Симбиоз уже. Не разорвать как бы. Вот и давай, пиши про неё.

Душа поэта, она вечно ехидствует над простыми, казалось бы, вещами. И когда эти простые вещи ложатся на бумагу, обработанные соответствующим образом, - тогда и получаются хорошие стихи. «Февраль. Достать чернил и плакать...» И всё. Заткнись, проза жизни! Молчите, завистники! Появился ещё один хороший Поэт.

Обалдевший от таких мыслей, я не сразу заметил, что меня давно уже трясёт за плечо Галина Николаевна, моя начальница.

- Саша, подъём! Тебя уже давно девчонки заждались. У них машина одна не отжимает.

- А, бу сделано! А кстати, Николаевна, вы осень любите?

Галина Николаевна даже растерялась немного.

- Люблю, вообще-то. Но больше зиму. Мы с мужем на лыжах любители покататься.

Она зачем-то поправила свои чёрные волосы и с удивлением посмотрела на меня.

- А чего это ты?

- Да вот. Осень люблю. Не загружайтесь, Николаевна. Пойду машинку чинить.

Разбирая засорившийся фильтр, я мысленно дал «добро» Алексу на написание сти-

хотворения. На душе сразу же полегчало. Всё-таки я не один уже прикоснулся к этой тайне идущей по осени. Может быть, а скорее всего, наверняка уже, я скоро расскажу Алексу про дитя осени. Как интересно знать, он отреагирует? Нет, скажет, без бутылки тут не разобраться! Я так явственно представил себе эту ситуацию, что невольно тихо засмеялся. Наташка посмотрела на меня, как на придурка.

Придя с работы, я с удивлением обнаружил дома совершенно трезвого Спецова.

- Ты чего это? Довольный и трезвый - так не бывает!

- Саша, я написал сегодня два неплохих стихотворения. Накатило что-то.

Я не стал откладывать дело в долгий ящик.

- Читай!

Не успел Лёшка разложить свои бумаги, как прибежал Алекс.

- Я написал-таки о девочке. В смысле не про неё, конечно, но от неё отталкивался. Ну, ты понимаешь.

- Да всё мы понимаем, - загудел Спецов.

Я всегда завидовал гулкому, выразительному, когда надо, голосу маленького тщедушного Спецова. У меня бы так никогда не получилось. Особенно когда на понравившееся стихотворение Лёшка восклицал своё «Великолепно! Великолепно!» - аж мурашки по коже суетились. А ещё Лёшка был очень грамотным и начитанным мужиком. В своё время даже работал редактором одной газеты. В те годы как раз у него и появился экспромт: «Кто откуда вдруг - собрались друзья, И стаканы в круг, и не пить - нельзя...» А сейчас он иногда мотался по командировкам «в глубинку» и писал что-то о лесе. И в любом районе его сразу же узнавали по этому именно стихотворению. «Как же, как же - читали!.. Было пить - нельзя, и не пить - нельзя!» - цитировали его и наливали до краёв. И Спецов никогда не сопротивлялся.

- Эх, водочки бы сейчас... да под стишки! - размечтался я.

- Водка-то как раз нас и губит, - как бы про себя бормотнул Лёшка. - И доконает когда-нибудь, - и тут же повысил голос, - и пусть доканывает! Спасибо не скажем, но и плакать не станем.

Алекс, полулёжа пристроившийся на диване, задумчиво произнёс:

- Я бы убил того, кто водку придумал...

- Ага, - захохотал я, - а потом бы ему памятник поставил!

- Точно! - обрадовался Алекс. - Вы позволите своё стихотворение прочитать?

- Читай, - согласились мы.

- Алексей, мы сегодня с Саней такую девочку встретили...

- Ага. Идущую по осени, - пробормотал я.

Алекс наморщил лоб, подумал немного и осторожно сказал:

- Идущая по осени - это, конечно, красиво. Подаришь?

- Вот ещё. И сам вставлю куда-нибудь.

- Хорошо. Проехали. Так вот - эта девочка почему-то мне жену напомнила. Ну вот и получилось.

Тот дивный миг, оставшийся в судьбе,
Мелькнул, как сон, но возвращенья просит.
И на тебя, на память о тебе
Скажи, зачем похожа эта осень.
Но ты другой осталась навсегда,
Под листопадом в парковой аллее...

Мне почему-то сразу захотелось завыть. Завыть серьёзно, без дураков. Уже как сквозь вату доносились голоса друзей, Лёшка читал свои стихи, о чём-то они горячо спорили с Алексом, а я всё сидел, видел свою незнакомку и пытался снова заглянуть ей в глаза. Дитя осени, откуда ты появилась на мою голову? Неужели мне так и суждено теперь носить это чувство в душе? За что, за что, Господи?! За какие такие грехи ты послал её мне, почему? Ведь не смогу, не смогу же я просто подойти к ней и объясниться. Я не чувствую себя вправе сорвать этот нежный цветок осени. Ей же не нужен такой, как я. Что она после этого будет думать о людях? Судя по всему, разница в возрасте лет пятнадцать, если не больше. Новый такой Гумберт Гумберт выискался. Любитель Лолит. Нет, всё-таки лучшее лекарство от любви - это водка. И пусть, как говорит Лёшка, - она нас доконает. Чёрт возьми, не заплачем! Как там у меня сказано в одном стихотворении? Поэты пьют обычно до конца? Яволь! Будем пить, и гори оно всё синим пламенем!

6

Из дневника Светы. 8 октября.

Олечка с Риммой упорно сватают мне Эдуарда. Что они, с ума посходили, что ли? Олечка-то понятно ещё - у них с Рыбом могут быть свои какие-то секреты. Но при чём здесь Римма? Она-то чего хочет? Не успела на работу устроиться, и вот - пожалуйста! «Смотри, не упусти парня», «Таких как он, поискать ещё», и папа у него шишка какая-то. Что, других девчонок по отделам мало? Я-то здесь при чём? А сам Рыб ни полслова, раздувается только, как пузырь, да в окно пялится - дескать, природой любуюсь. Романтик занюханный!

Вчера заходил Витька из соседнего подъезда. Посидели, чаи погоняли с вареньем. Когда узнал, что варенье сама делаю, попросил рецепт. А если бы папа варил? То и рецепта не надо? Тёпленький он какой-то. Погулять звал. Пришлось наплести ему, что папа меня одну боится отпускать.

- Так ведь со мной же! - брякнул он.

Ну, я и ответила, что это всё равно что одной. Похоже, что он обиделся. Сразу же встал и засобирался. А потом, когда мы с Ричиком гулять пошли, то они с пацанами и какими-то двумя шлюшками сидели у нашего подъезда.

- А говорила, что папочка одну не пускает! - попытался подколоть он.

- А я с Ричиком...

Похоже, что обиделся ещё больше. От моего Рича пользы не больше, чем от попугая. Он даже кошек боится.

Мы долго бродили по парку, я пинала листья и пыталась рассуждать об осени. Получалось плохо - одной немного порассуждаешь. А Сашу уже неделю не видела. Не попадается навстречу, и всё тут. Я и на работу раньше выходила, и шла медленно. Нет и нет. Заболел, может? Вчера поревела в постели, так, на всякий случай. Потом, засыпая, ехидно поухмылялась - надо же какую-то альтернативу рёву создать. По-моему, получилось неплохо.

7

Алекса вновь обуял бес рисования. Приволок откуда-то полуразвалившийся мольберт, который мне пришлось восстанавливать всю субботу, наполовину выдавленные тюбики масляных красок и три-четыре кисти. Затем устроил ревизию моим полатям и - удивительное дело! - отыскал там несколько старинных банок с масляной краской, про которые я и сам не знал. Видимо, остались после последнего ремонта, которые так любила затеивать моя благоверная. Я же ремонтов никаких не переваривaю в принципе. Ненавижу их просто. Бывают же люди, помешанные на чистоте? Может, я к их числу и не отношусь, но ремонт - это всегда грязь. Очень много грязи из самых неожиданных мест. Уж лучше так как-нибудь... На мой вопрос, чему он так обрадовался, отыскав пресловутую краску, Алекс загадочно улыбнулся и сказал, что ещё увижу. Со своей работы я притащил несколько метров холста, снятого с гладильного пресса. В некоторых местах он оказался прожжён, но это не помешало нам выбрать какие-то хорошие куски, приколотить их на подрамники и загрунтовать желатином. После чего моя комната навсегда пропиталась едким запахом скипидара. Надо сказать, что Алекс уже пробовал рисовать, когда жил у Спецова. Лёшка тогда снимал квартирку где-то в Заречье у своего друга. Как-то раз туда забрёл пьяный Алекс, да так там и остался. Точно так же потом ко мне прибился и Спецов - не гнать же друзей на улицу! Так вот, Алекс уже там начинал рисовать. Но у Лёшки он создал всего несколько картинок на ДВП, неплохих по мысли, но неважных по исполнению. Оправдывался тем, что не может одновременно рисовать и писать. «Раздвояется».

А тут, он, совершенно бросив писать стихи, отдался картинам. Откуда что и берётся? Вот он вроде бы, Алекс, - простой, как три копейки. Поэт, друг, хороший парень. И вдруг рисовать начал!

- Мазилка, тюбик, - ехидствовал Швецов.

- Гигант! - поддерживал я Лёшку.

Мы усердно пили чай, так как ни на что другое денег не было, и прохаживались в адрес Алекса колкими замечаниями. Под вечер Алекс захлопнул книгу, из которой он что-то перерисовывал, забрал картину под мышку и направился к дверям.

- Э, погоди. Дай посмотреть-то!

- Нельзя, сырая ещё, - ответил Алекс и выскочил за дверь.

Мы с Лёшкой повздыхали о том, что потеряли такого хорошего поэта, и снова принялись за чай. Телевизор бубнил о чём-то хорошем и добром. Минут через двадцать дверь

распахнулась, - она и вообще закрывалась только на ночь, - и на пороге появился Алекс с каким-то рваным совершенно пакетом. Но из этого пакета, как из рога изобилия, начали появляться такие вещи, что мы с Лёшкой только рты пораскрывали. Колбаса, карамель, батон, сыр и много-много портвейна.

- Картину спихнул у пивнухи, - небрежно пояснил Алекс. - Ещё и денег полкармана осталось.

- Мазилка, тюбик... - только и выдавил Спецов.

- Гигант! - радостно заорал я и начал молотить Алекса по плечу.

В общем, теперь денег на водку и портвейн хватало всегда. И к тому же у меня внезапно пробудился (от жадности, что ли?) азарт коллекционера. Несмотря на горячие протесты Спецова и самого Алекса, я непреклонно отбирал каждую четвёртую картину, сколачивал для неё примитивную рамку и гордо водружал на стену. Картины у Алекса получались хоть и непрофессиональные, но зато живые и тёплые. Мягкие такие картины, как и душа самого Алекса. Он работал много, неистово, словно боясь, что не успеет чего-то. Раньше он выплёскивал себя в стихах, а сейчас с той же одержимостью он говорил с миром посредством живописи.

Однажды на огонёк забрёл Виктор Иванович - хороший мой друг и дипломированный художник. Посмотрел на стены, где уже жили несколько картин.

- Мазня, - наконец вынес он свой вердикт. - Ноль на входе, ноль на выходе.

- Врёшь! - ахнул я.

- Мазня, - не менял позиций Иваныч.

- Да ведь покупают картины-то! Они... хорошие.

- Таких красок в природе не бывает. Ну где ты видел в природе чёрную краску? Любой тёмный цвет имеет свои оттенки. Так же, как и светлый. А здесь?

Иваныч ещё долго распространялся о том, что он как художник может отличить хорошую картину от плохой, как, впрочем, и вы, поэты, отличаете хорошее стихотворение от подделки. Каждый компетентен в своей области. Мне, в общем, нравилась горячность и убеждённость, с которой Виктор Иваныч отстаивал свою точку зрения. Свои каноны. Но в то же время и было очень грустно, так как картины сильно нравились. Пусть, за недостатком красок из тюбиков, они дорисованы кое-где красками из банок с полатей - какая разница! И всё же я никогда уже не расстанусь с ними. Так я решил для себя во время монолога Иваныча.

Однажды Алекс нарисовал девушку, бредущую по жёлтому осеннему парку. Ох, лучше бы он этого не делал! Чувство, которое я давил в себе и пытался выдрать с корнем, вновь овладело мной. Я до полуночи смотрел на картину, а потом сказал Алексу, чтобы он её унёс. Куда угодно и прямо сейчас. Алекс пожал плечами, завернул картину в газеты и ушёл. Я пошёл в кухню, поставил чайник и закурил. Из комнаты доносилось мирное лёшкино похрапывание, да в кухне негромко шли ходики. Тик-так-так. Тик-так-так... Так, всё так. Я, скорее всего, идиот. Вместо того, чтобы зубами хвататься за предоставленный мне судьбой шанс, я, как последний даун, две недели хлестал водку, ходил на работу другой дорогой и оправдывал себя в собственных глазах. Играл в благородство. Не имею права - и всё. А почему, собственно говоря, не имею? Кандинский в семьдесят лет женился на восемнадцатилетней и жил ещё долго и счастливо. Да и кто ещё сказал, что у нас что-то срастётся? С чего это я взял? Даст она мне отлуп по полной программе - и будет совершенно права. Может, ей замуж скоро выходить - что я о ней знаю вообще? Может, она стерва, каких мало. Или же имеет патологическую ненасытность к деньгам, как некоторые из женщин, которых я имел счастье, а скорее, наверное, несчастье, знать, и к тому же любит ремонты. Бр-р!

Я пил кофе и накручивал, накручивал себя, пытаясь победить душу рассудком. И вроде бы достиг уже определённых успехов в этом направлении, но вспомнил её взгляд - наивный взгляд только начинающего постигать тайны мира птенца, выпущенного в жизнь суровой действительностью. И всё. Лопнули мои доводы радужным мыльным пузырём. Люблю. Люблю этого ребёнка. Господи, что же делать-то?

Я лихорадочно начал одеваться и, несмотря на то что часы показывали лишь половину четвёртого, со всех ног побежал к Алексу. Правда, пришлось дать небольшой крюк, чтобы забежать в ближайший магазин за портвейном и чипсами. У дверей Алексаева я немного отдышался и успел ещё о чём-то побеседовать с Джеком, который лежал на коврике и оказался рад моему появлению. Чего нельзя было, конечно, сказать о дяде Саше - отчиме Алекса, который открыл мне дверь и долго матюгался на площадке, стоя босиком и в огромных семейных трусах. В другое время я с удовольствием бы послушал его ненорма-

тивную лексику, в которой он оказался большим докой - не ожидал даже! - но только не сейчас. Пронырливым ужом я ввинтился в прихожую и, скидывая на ходу кроссовки, прошлёпал в комнатку Алекса.

- Ну что, брат, поговорим о поэзии? - с удовольствием спрашивал я Алексаева, трепля его за ухо.

Не всё же ему надо мной издеваться! Удивлённый и ошарашенный Алекс сунул в рот сигарету, прикурил и попытался рассеять меня движениями руки. Когда же у него это не получилось и он, наконец, врубился, что я не мираж, то был весьма заинтригован моим столь поздним, а может быть и ранним, появлением. Попивая по очереди из одной чашки портвейн, я долго вполголоса рассказывал Алексу про дитя осени. Он вздыхал, яростно скрёб затылок и отчаянно завидовал. Так потом и сказал:

- Завидую я, Саня, тебе. Вот так полюбить... Я, наверное, уже так не смогу. А девочку надо бы посмотреть ещё. Правильная девочка. Глазки умненькие и вообще.

- Так что делать-то?

- А я знаю? Я, знаешь ли, тоже любил издалека одну девчонку. Но так и не сумел подойти. Бог мне судья...

8

Из дневника Светы. 25 октября.

Наконец-то! Всё возвращается на круги своя. Я его увидела. Он шёл навстречу, курил, но на этот раз не смотрел в землю. В груди у меня что-то затрепетало. Но... дура! Какая же я дура! Ведь, по-моему, он хотел со мной заговорить. Даже приостановился. А я задрала нос выше деревьев и проскакала мимо. Взыграло ретивое! Как же - ведь я столько мучалась! Помучайся теперь и ты, Сашенька. Ох, что я наделала... Оглянулась, уже из-за мостика и чуть ли назад не побежала. Он стоял под деревом и... смотрел на меня!!! Но не побежала. А наоборот даже - заревела, как последняя дура, и попилила на работу. Все мужики по дороге мне вслед оборачивались. Как же! Несётся девчонка, света белого не видя, и плачет. Хорошо ещё, что нет моды красить морду лица. Иначе вся косметика растеклась бы.

Вот как перед Богом клянусь - завтра сама подойду к нему. И неважно, что там дальше будет. Пусть всё случится...

А Рыб совсем ошалел. Чуть ли не силком сажал после работы в машину. Дождь, видите ли. Да того дождя и было-то всего ничего.

Вечером с Ричиком гуляли по парку. Я даже место выбрала, где к Саше подойду. Прямо посреди лужи. Я так люблю его, оказывается.

Господи, дай сил пережить эту ночь. Господи, дай сил решиться.

9

На улице накрапывал мелкий дождик. Резкие порывы ветра морщили заспанные физиономии луж на асфальте и гоняли по ним листья. Сунув руки в карманы старой джинсовой курточки, я стоял и смотрел ей вслед. Вот она перешла мостик, зачем-то оглянулась и заторопилась дальше. На душе было пусто. Пронзительную вселенскую эту пустоту было нечем заполнить. Все чувства, что жили в ней до этого, умерли. Я бездумным взглядом скользил по поверхности речушки, в которой, словно застывшие на века мамонты, уродливо горбили спины старые автомобильные покрышки; переводил взгляд на мостик, по которому торопилась в школу разная детская мелочь; смотрел в небо, где по дороге, проторенной недавно совсем журавлями, лениво ползла стая сытых наглых ворон. Как всё просто! Я уже выложил свою душу на ладони и нёс её ей в дар. Уже заготовлены были какие-то простые и важные слова, которыми я хотел поделиться с ней. Но она, необычайно оживлённая сначала, вдруг покраснев, проскочила мимо. Обидевшаяся, видимо, душа вспорхнула лёгкой канарейкой и умчалась с раскрытых ладоней. За ней, наверное.

Дитя осени! Значит, ты была рождена не для меня. Ты появилась ниоткуда в этой осени, в этой шикарной грустной концовке года, позвала за собой мою неприкаянную душу и растворилась в жёлтой накипи листопада. Осень, эта состарившаяся на подмостках года травести, попыталась было соединить нас - но, видимо, взвесив все мои грехи, нас же и разлучила.

Мне вдруг снова почудился нежный аромат её духов. Неужели?! Неужели она вернулась? Стряхивая с себя навалившуюся сонную одурь, я резко оторвался от дерева и оглянулся. Нет. Конечно же, нет. Как я мог себе это подумать? Вместо запаха духов в моё сознание, оказывается, проник горький тлен сжигаемых листьев, который изменивший направление ветер принёс от горящей неподалёку кучи. Робкий дождь прижал его к земле,

и дымок стлался по ней ласковой белёсой змейкой.

Отчего-то закружилась вдруг голова. Этого ещё не хватало! Пора. Я начал быстро подниматься в горку. Дойдя до первых пятиэтажек, я, как обычно, оглянулся назад. Зачем? Она ведь давно ушла, навсегда покинув эту осень. Я горько усмехнулся, и тут же кто-то, неопределённо тёмный, рванул когтями грязной шипастой лапы прямо за сердце.

А потом пришла гулкая боль... И запоздалый вой «Скорой».

10

Из дневника Светы. 26 октября.

Ох, что же я натворила... Зачем, Господи, ты устроил вчера олечкин день рождения, пьянку в отделе, а потом ресторан, откуда я почему-то уехала с Эдуардом. Проснулась в чужой квартире и совершенно не могла понять, где же нахожусь. Пока врубалась, рядом кто-то зашевелился. Рыб! Го-осподи... Скомканная кучка одежды валялась на полу, а мы лежали совершенно голые на шикарном диване. Меня неудержимо начало рвать. Прямо на ковёр, прямо на его одежду. Долго не могла отыскать ванную. Стояла под душем, отмывала с ног засохшую кровь и ревела. Я же ничего не помню, боже! Он, наконец-то, получил своё. Я, видимо, тоже. Причём по полной программе. Нет мне прощенья ни перед людьми, ни перед Богом...

11

Ко мне в больницу пришёл Серёга Пиман. Принёс законченную, наконец-то, рукопись «Степана Разина». Я захотел оставить её, чтобы посмотреть на досуге, но он не согласился. Сказал, что много ещё недоработок, и он лучше почитает её с листа, вполголоса. С его-то иерихонской трубой вместо глотки читать вполголоса. Как же! Засыпающие было на соседних койках мужики, начали с интересом прислушиваться. Потом попросили читать громче, что Пиман с превеликим удовольствием и сделал. В конце уже, при словах Степана: «Прости, народ московский! Вижу - в осмыслении маешься...» - соседа слева даже на слезу пробило. Для Серёги это оказалось высшей наградой. Уходя из палаты, он по очереди пожимал всем руки, а прослезившемуся мужику даже, на всякий случай, пожелал выздоровления. Вот что значит - пущенная вовремя слеза! Сразу после Пимана явилась бывшая жена с дочкой. Алёнка - маленькая, смешная, в белом платочке, ворвалась в палату небольшим смерчем, тут же по-хозяйски переставила коробочки с таблетками на тумбочке у одного деда и вежливо поинтересовалась у него, вкусными ли яблочками кормит его мама. Ошарашенный дед с испугом посмотрел на этот тайфун в платочке и, под требовательным взглядом моей доченьки, ждущей ответа, вынужден был признать, что - да, яблоки, которыми его кормит мама, действительно вкусные. Попробовал даже украдкой всучить одно из них Алёнке. Но та гордо от подарка отказалась, заявив, что они со своей мамой тоже принесли яблоки папуле. Мне, значит. Приятно, ёлы-палы. Кто-то носит «Степана Разина», а кто-то и яблоки. В общем, в больнице я чувствовал себя довольнотаки комфортно. Тут тебе и чтение рукописей вслух, и яблоки, и передачка от девчонок с работы, которую притащила Галина Николаевна, и разговоры «за жизнь» с ночной сестричкой Леной. Не ожидал, что окажусь настолько востребован. Хорошо, что ты кому-то нужен. Дед, которого в своё время терроризировала Алёнка, оказался нормальным мужиком, профессором филологии из ярославского педа. Владимира Николаевича я сразу же переделал в Николаича, на что он совершенно не обиделся. Он приехал в гости к родственникам и тут же нарвался на инфаркт. Иногда я читал ему свои стихи, и мы вместе долго ползали по строчкам, критикуя чуть ли не каждое слово. Отличная получилась школа. Как-то раз на огонёк заскочил Алекс. Сказал, что живёт пока у меня, а Лёшку опять упекли на пятнадцать суток. Забрали его, как обычно, от его любимой пивнухи.

За окном уже кружился лёгкий, словно вуаль, снежок. Он мягко падал на умершие листья, но неспокойный ветер, иногда забредающий в больничный дворик, устраивал весёлую кутерьму на сыром асфальте и снова перетасовывал листья между собой. Что ж, на то он и ветер, чтобы никому не давать умирать спокойно. Осень ушла молча, без шума и суеты. И, слава Богу, забрала с собой мою сводящую с ума любовь. Идущая по осени... наконец-то я могу вспоминать тебя спокойно, без боли в сердце и спазмов в горле. Ты прошла по осени изящная, как струйка сигаретного дыма, и тревожная, будто песня ветра, заблудившегося в проводах. Однажды что-то лопнуло в моей душе, и я понял, что отныне свободен. Видимо, порвалась тонкая ниточка связующих нас чувств. Отчего так произошло - не мне судить. Наверное, так было угодно Богу.

Теперь я буду ходить на работу другой дорогой. Хоть это и несколько дальше, зато я уже точно не встречу её. Идущую по осени...

Александр ЛОМКОВСКИЙ

ЖИВОДЕР

- Аксинья-то совсем уж ... - горестно вздохнула Зинаида, присаживаясь рядом с мужем на лавку.

Михаил ничего не ответил.

- И не ест ничего, - продолжала жена. - Сено так и осталось нетронутым.

Михаил только сильнее сжал свои маленькие кулачки, не отводя взгляд от чего-то, одному ему видимому, во дворе.

- Знаю я все, - тяжело выдохнул он. - Пора уж...

Нелегкие эти слова, с такой болью давшиеся ему, так, казалось, и застыли горьким серым клубком в нарядной и веселой, не по-деревенски, избе. Но потихоньку и они стали рассеиваться под наплывом других звуков: мягко спрыгнул с печки кот Потапыч, будильник на комоде нервно вплетал свое быстрое тиканье в важный и неторопливый шаг стенных ходиков, зашебаршил газетой под диваном еж Семка - поудобней устраиваясь на дневную спячку.

- А ведь жалко, Миша. Не чужая ведь, - завздыхала Зинаида. - Сколько лет вместе-то...

Михаилу и самому было жалко до слез козу Аксинью. Взяли они ее еще совсем маленькой - как только приехали из города в Выселки. Вынянчили ее, выходили. Как ребенок была она им. Но годы идут - и вот уже перестала доиться, умирает. Надо колоть, пока не поздно.

- Миш, - опять заныла жена, - чо делать-то?

- Чо-чо... Раскудахталась, - оборвал он ее. - Сегодня и пойду к Ивану.

- Ой, - закрыла рот ладонями Зинаида, - к Ивану? Ой, не надо бы к нему - живодер ведь. Никакой жалости.

- А тут жалость как раз и не нужна, - сказал, как обрубил, Михаил. - Иди пока, прощайся...

- Либо Витька опять чего набедокурил, стервец, - засуетился Иван Полозков, невысокий кряжистый мужик с огненно-рыжими волосами, увидев входящего в калитку Михаила. - Ну, я ему задам, ну задам... - и поспешил навстречу, протягивая, издалека уже, руку: - Михаилу Андреичу, значит...

Михаил немного даже засмущался - вот они издержки работы школьного учителя! Куда ни приди - все одно на школу сведут. Но вслух сказал:

- Да нет же, Иван Алексеевич. У Виктора все хорошо, а я к вам по совершенно другому делу, так сказать, - и тут же мысленно выругал себя за эту просящую интеллигентскую концовку. - По делу, - уже тверже добавил он и покраснел.

Михаил Ромашкин, учитель русского языка и литературы, даже прожив двенадцать лет в деревне, до сих пор не разучился краснеть по малейшему поводу, особенно когда дело напрямую касалось его лично. Тогда простое невыразительное его лицо неузнаваемо преображалось: в синих глазах под стеклами очков поселялись ежики, складки губ становились жестче, скулы заострялись - и вот перед вами уже совершенно иной человек. Но эти метаморфозы касались только его внешности - в душе он в такие моменты ругал себя на все лады за мягкотелость и нерешительность. Но люди в большинстве своем судят поверхностно, и за Михаилом Андреевичем прочно закрепилась слава этакого городского гордеца.

- По делу - так по делу, - продолжал суетиться Полозков: то чурбак какой-то с дорожки откатит, то и без того чистую скамейку ладонью обмахнет. - Садитесь, Михаил Андреич. А то можно в избу - там потеплее будет. И чайку заодно... Валентина, вздуй-ка самоварчик! - закричал он весело своей супруге, появившейся в это же время на крыльце.

- Нет-нет, я, собственно, на минутку, - опять смутился Михаил. Его начала раздражать уже эта кипучая деятельность, поднятая Полозковым по случаю его прихода. Он даже пожалел, что пришел сюда.

- На минутку - так на минутку, - говорил, почти напевая, Иван, глядя на учителя круглыми внимательными глазами. Но улыбка, словно приклеенная, так и не сходила с его лица.

«А ведь права Зина! - с тоской подумал вдруг Михаил. - Такому убить - раз плюнуть. И не поморщится даже. И улыбаться не перестанет. Одно слово - живодер...» Но отступать было поздно - посчитает еще за слюнтяя, и пойдут, поползут по деревне слухи...

- Я, собственно, вот, - с трудом сглотнув какой-то шершавый ком в горле, наконец заговорил Ромашкин. - Собственно, как и сказать-то? В общем, козу мою, то есть нашу, Аксинью... - тут он окончательно покраснел, словно предлагая что-то нехорошее, и, опустив глаза, начал носком полуботинка передвигать туда-сюда щепку, почему-то оказавшуюся рядом. Не думал он, что будет так трудно даже говорить об этом - как будто совершал предательство по отно-

шению к Аксюхе. Хоть и коза, бессловесная скотина, а все одно - считай, что член семьи. Замутило даже Михаила Андреевича.

Но Полозков не растерялся. Недаром за врожденную хитринку и расторопность иной раз называли его прямо в глаза Хват. Все схватывал прямо на лету. И тут смикитил, как надо. Понял, что первый раз человек скотину колет. Он и сам в семилетнем возрасте орал благим матом и все хватал отца за полы полушубка, когда тот, с мужиком из соседней деревни Прохором, шел в сарай резать на Рождество кабана Вихляя. Три почти года считал маленький Ванька его своим другом: без устали таскал ему желуди из соседней рощи, чесал щетину жесткой скребницей и с веселым визгом то догонял его во дворе, а то улепетывал от него во все лопатки. Славное было времечко! А вот теперь за глаза называют живодером. Но называть-то называют, а как припрет - непременно к Ивану на поклон. Мяса-то всем хочется!

- Так это мы сейчас, мигом сообразим. Заколем-то. У меня и ножи завсегда точеные - мало ли что... - быстро заговорил Полозков. - Сейчас, оденусь только - да и пошли.

Михаил еще больше засмущался.

- Понимаете ли, Иван... - от волнения он никак не мог вспомнить отчество Полозкова, - да, Иван, - тут он обреченно махнул рукой - отчество не вспомнилось, и он решил, что некоторая доля фамильярности в таком деле не помешает. - Нам с Зинаидой Александровной не хотелось бы у себя. Ну, вы понимаете? Вы бы, Иван, не могли... ну, здесь, например. Нам, знаете ли, и вообще ее не хотелось бы... в смысле мяса, - с ужасом чувствуя, что несет какую-то ахинею, лепетал Михаил. Но уже никак не мог остановиться. - У нас, видите ли, какие-то этические мерки, моральная, так сказать, сторона дела. Это каннибализмом, если хотите, отдает даже...

Иван так крякнул, что даже улыбка немедленно сползла с его лица. Ухватистой пятерней он залез в свою густую шевелюру и непонимающе уставился на учителя. А тот еще тише добавил:

- Мы, в общем, хотим вам ее отдать. Мы ведь не сможем есть ее потом...

- Продать, что ли? - на широком лице Ивана наконец появилось подобие понимания.

- Нет-нет, - заторопился Михаил, - не продать. Отдать ее. А мясо вам пойдет как компенсация за работу.

«Мясо?! - весело про себя изумился Иван. - Да мясо его козы вряд ли и собаки-то пережуют. Ей же в обед - сто лет! Одни жилы да кости». Вслух же сказал, для солидности немного подумав и явно набивая себе цену:

- Вот вы говорите про моральные издержки, - намеренно перепутал он. - А у меня тоже ведь сын тут крутится постоянно. Витька, значит. Увидит, ежели...

- Да я же знаю, - вдруг неожиданно агрессивно заговорил Михаил. - Я знаю, что вы и у себя во дворе режете животных. Потому к вам и обратился. Чтоб в усадьбу Ксюху не тащить. Не дойдет, потому как, - тут он опять пригорюнился, а Иван, не на шутку струхнувший, что вдруг да учитель опомнится и начнет потом зло вымещать на Витьке, - и кой леший он про него ляпнул? - опять натянул на лицо улыбочку и зачастил:

- Да-да, я и не подумал как-то. До усадьбы, действительно - путь неблизкий, а тут по добрососедству, так сказать. Можно и в сарайчике ее порешить. Вы приводите, приводите козу-то, а я приготовлю все сейчас.

У Михаила словно гора с плеч свалилась. Он вскочил и кинулся домой за Ксюхой, по дороге боясь, как бы Иван вдруг не передумал. Зайдя в сарайчик, где стояла безучастная ко всему Аксинья, он обнял ее в последний раз, привязал к рогам веревку и, поминутно вытирая глаза платочком, вывел козу на улицу.

Осень в этом году умирала медленно. По утрам, правда, уже подмораживало, но до снега было еще далеко. На голых полях вовсю хозяйничал ветер, ворчливо перенося что-то с места на место. Иногда он наносил откуда-то из-за дальнего обнищавшего леса надоедливую липкую изморось и надолго укутывал ею деревню. Но в этот день погода выдалась, как назло, веселая и сухая. Ярко светило маленькое уже солнце, по-осеннему пронзительно синело небо, трещали о каких-то своих делах сороки. И даже унылые и сырые стога за деревней как-то по нарядному преобразились, грея блестящие свои бока под редким теперь солнцем.

Аксинья понуро плелась следом за Михаилом, видимо, предчувствуя уготовленную ей участь. Михаил и сам, не менее понурый, медленно брел по улице, скользил бездумным взглядом по соседским огородам и ругал себя последними словами за, как ему казалось, слабость, проявленную им у Ивана. Примерно на полдороге он сел на чью-то скамейку и медленно тяжело закурил. Приобняв козу за шею, Михаил что-то ласково шептал ей в ухо. Слова, вперемешку с сигаретным дымом, почти не доходили до гаснущего сознания Ксюхи. Она стояла равнодушная ко всему и наполовину уже неживая. Докурив, Михаил аккуратно затоптал оку-

рок и, поднявшись со скамейки, тоскливо продолжил свой путь. За углом их обогнала стайка весело галдящих пацанов. Они так сильно махали руками, радуясь, видимо, хорошему деньку, что никого отдельно Михаил выделить не смог, хотя там, конечно же, были и его ученики. Ватага уже успела скрыться в чьем-то дворе, а Михаила Андреевича только еще обгонял незнакомый шестилетний карапуз верхом на деревянной палке. Он громко пыхтел, подстегивая себя для скорости прутиком по ногам, и время от времени подавал какие-то утробные сигналы ртом, видимо, одновременно совмещая лошадь, всадника, автомобиль и шофера. Скорее всего, он пытался догнать промелькнувших недавно пацанов. Проводив его ничего не выражающим взглядом, Михаил пошел дальше.

- Побежала коза в огород, ей навстречу попался народ... - как заведенный, повторял он что-то из Рубцова. - Вот и отбегалась ты, Ксюшка, по огородам. А последний народ в твоей жизни, которого ты увидишь, - будет живодер Иван. А может, глаза тебе завязать? Действительно - взять, да и завязать глаза, - и он внезапно успокоился этой мыслью. И что же он раньше-то не сообразил?

Иван сидел на скамейке, радовался внезапному солнышку и совсем не думал о предстоящей ему работе. А чего тут раздумывать? Дело-то привычное - сколько их прошло через руки Ивана: коров, свиней, овец... Расслабился Иван, отдыхает. Тут во двор вышел иванов сын Витька с какой-то палкой в руках и принялся бесцельно слоняться возле поленницы. Иван встрепенулся.

- Уроки-то не выучил, поди, а шляешься без дела!

Витька, в величайшем недоумении, вылупил на отца глаза.

- Ты чо, бать? Каникулы же...

- Да? - Иван опять сунул пятерню в волосы и задумчиво поскреб затылок. - Ну, все равно, иди-ко со двора. Сейчас учитель припожалует. Нечего ему лишний раз глаза-то мозолить.

Витьку дважды просить не пришлось. «Каникулы каникулами, а вдруг да и начнет чего выспрашивать? Ну его совсем!» - не без основания подумал он и побежал разыскивать приятелей. Но встречи с учителем избежать все же не удалось. Только Витька выскочил со двора, как тут же, нос к носу и столкнулся с Ромашкиным.

- Здрасьте! - на ходу крикнул он и помчался было дальше, но, не услышав привычного: «Здравствуй, Виктор!» - в изумлении остановился. Оглянувшись, он увидел, как расстроенный не в меру учитель проталкивает древнюю козу в калитку витькиного двора.

- А, козу жалко! - догадался пацан и, посвистывая, побежал прочь.

- Привел вот, - сказал Михаил поднявшемуся навстречу Ивану. - Давайте поскорей, что ли, закончим.

- Да мы же еще и не начинали, - удивился Иван, - но побыстрее - это можно. Это завсегда пожалуйста!

Михаил немного помялся.

- Вы позволите ей глаза завязать?

Пораженный Иван опять было сунулся к затылку, но, подняв руку, только махнул ей. «Хоть и учитель, а со странностями», - решил он про себя. Кое-как, неумело, Михаил завязал Аксинье глаза каким-то тряпком, который и подал ему Иван. Подвел козу к сараю, где уже стоял эмалированный тазик. «Для крови!» - с ужасом догадался Михаил.

Сзади уже подходил Иван с ножом в руках. Михаил обернулся и растерянно посмотрел на него. Как все просто! Сейчас вот чикнет по горлу - и все, как и не было козы Аксиньи. А будет только холодеющее постепенно тело. Михаила даже передернуло.

- Отвернись, учитель, - внезапно перешел на «ты» Иван. - Незачем... - он не договорил, но и так все было ясно.

Михаил, стараясь не смотреть на Ксюху, отвернулся. Он все ждал какого-то предсмертного хрипа, бульканья крови где-то за спиной и твердил себе, что все это необходимо вытерпеть, не разреветься здесь же, в ивановом дворе. Он вобрал голову в плечи, глубоко засунул руки в карманы городского плаща и, ссутулившись, безучастно смотрел в землю. Иван почему-то медлил.

«Чего же он тянет? - недоумевал Михаил. - Какого черта?» А Иван за спиной Михаила стоял, опустив руки, и в недоумении смотрел на слезы, льющиеся из ксюшкиных глаз, из-под неумело завязанной Михаилом тряпки.

«Да что же это такое? - лихорадочно и потрясенно соображал он. - И не человек я, что ли? Или не мать меня родила? Или коза эта заколдована - и руки не поднимаются, и учитель вон ревмя ревет. Да пропади она, эта коза, пропадом! Вишь ты, плачет еще... Пускай ее учитель в усадьбу вон прет - там и почище меня ухари найдутся. Не клином же свет сошелся на мне. Ну

ее, в самом-то деле!»

- Почему вы медлите? - вдруг сорвался на крик Михаил, обернувшись к Ивану. - Да что же это в самом деле-то, а? Все ведь нервы вымотали!

Но Иван, воткнув нож в стоящий рядом чурбак, тяжело двинулся к скамейке, доставая на ходу папиросы. Долго не мог прикурить, ломая спички в трясущихся руках.

- Не смог я... - наконец выдохнул он. - В усадьбу придется.

Михаил все понял и, потрясенный и расстроенный ивановым благородством, без сил рухнул рядом с ним на скамейку.

- Это исключено, - почти прошептал он. - До усадьбы нам не дойти.

Его стала поколачивать нервная дрожь. «Мандраж!» - решил Иван и, поднявшись, быстро прошел в дом. Оттуда он появился с поллитровкой в кармане и большим блюдом, на котором горкой лежали свежие еще, тугие помидоры, три засоленных огурца, хвост какой-то большой копченой рыбины, огромный ломоть хлеба и пара луковиц. Ловко вытащив железными своими пальцами пробку с горлышка поллитровки, он достал из другого кармана стакан, дунул в него и, налив ровно половину, протянул Ромашкину.

- Пей!

Бездумно приняв стакан, Михаил медленно, словно воду, выцедил горькую влагу, даже не почувствовав ее вкуса. И тут же зажгло, заболело в груди, перехватило раскаленными клещами горло, и Михаил надсадно закашлялся, жадно хватая ртом прозрачный холодный воздух и тыльной стороной ладони размазывая по лицу обильно выступившие слезы. Иван деликатно постучал его по спине и подал огурец.

- Спирт, - лаконично пояснил он. - Чистый... ядрит его, - и налив и себе половину стакана, одним махом опрокинул его в рот.

Тоже закашлялся, но более привычный к такому напитку, быстро схватил с блюда ярко-кровавый помидор и жадно всосался в его мякоть. В головах у обоих быстро прояснилось. Выпили еще понемногу. Козу, чтоб не мозолила глаза, завели в сарай.

- Вот что я тебе скажу, Михаил, - медленно, будто ворочая камни, ронял слова Иван. - Веришь ли - впервой рука не поднялась на животину. Стареть, что ли, стал? - спрашивал он уже, скорей всего, самого себя. - И коза - веришь ли? - заревела... Первый раз такое вижу. Хотя слышать и приходилось. Да...

Михаил с ожесточением покивал головой.

- Это у них бывает.

- Так бывает же! О чем я и толкую. Жалко, ядрит ее налево, стало. Как все равно человек какой.

- Лучше! - икнув, подтвердил Михаил.

- Чего? - не понял Иван.

- Лучше, говорю, иного человека, - посображав, отозвался учитель.

- Так ведь я и говорю, - бубнил свое Полозков.

- Умрет... - неожиданно глухо подал голос Михаил.

- А и пусть, - даже обрадовался Иван. - Я и похоро... тьфу ты! Закопать то есть помогу.

- Похоронить! - мрачно и твердо выговорил Михаил. - Как члена семьи. Все по-человечески... Наливай, Иван!

Иван с сомнением посмотрел на сомлевшего уже учителя, но в просьбе не отказал. Не отказался, тем более, и сам. Через некоторое время, смахнув ставшую ненужной закуску на землю, они, уже обнявшись, пели какую-то протяжную песню.

- А знаешь, Иван, - заплетающимся языком выговорил Михаил, - тебя на деревне этим - ну как его? - живоглотом зовут.

- Живодером, - поправил Иван учителя. - Про то мне ведомо. Да пусть их, - махнул он рукой. - Язык-то, он и без костей.

- И до Киева, м-м, доведет! - поддакнул Ромашкин.

- До какого Киева? - не понял Иван. - Кто? Кто кого доведет?

- Не знаю, - честно признался Михаил Андреевич. - Наливай, друг! - и заплакал.

- Эх ты, бедолага, - тоже загрустил Иван и - небывалое дело! - вдруг почувствовал, как по густой щетине его пробежало что-то горячее и повисло на скуле. - Друг! - внезапно с чувством выпалил он и полез к Михаилу обниматься. Не удержавшись, оба свалились со скамейки и, словно недельные щенки, слепо тыкались друг в друга носами, пытаясь подняться на ноги.

В это время на крыльце появилась Валентина - жена Ивана. Посмотрев на катающихся кубарем по холодной земле мужа и учителя, она брезгливо обошла их, заглянула в открытую дверь сарая и, пробормотав: «Ну, и работнички - нажраться бы только!» - бестрепетной рукой вытащила из чурбака оставленный Иваном нож и шагнула к жалобно заблеявшей вдруг Аксинье.

Фаина СОЛОМАТОВА

ЦВЕТ ТАВОЛГИ

Мария смотрела на таракана. «Откуда ты взялся? Я же вас всех под корень вывела. До чего же живуча тварь! И печь такая белая. А я же на Пасху собиралась побелить ее только».

Она осмотрелась. Высокий, белоснежный потолок. Рядом такая же стена. И лежит Мария не на печи, а на узкой железной кровати. В единственное очень большое окно светит солнце. Рядом, на соседней койке, стонет женщина. Около нее хлопочет молодая. Зашел мужчина в белом халате и стал осматривать лежащую. «В больнеце я, - догадалась Мария. - Как же я сюда попала-то?» Но сколько ни пыталась припомнить, у нее ничего не получалось. А только заломило и закружило голову. Мария по привычке хотела поправить платок, но он не поддавался. Она ощупала голову. Она была крепко забинтована. «Что же произошло?»

Койка вдруг поплыла, как лодка, к потолку. Таракан начал увеличиваться и расплылся огромным темным пятном. Солнце кололо и резало глаза. Мария закрыла их. «Будет... Ни к чему все это... Надо силу, а у меня ее нет». И она вновь вернулась в забытье. В мир тьмы и тишины.

- ...ударилась сильно Манька. Упала в подполье. Наверное, голову обнесло. Старший сын был, теперь младшего ждут доктора-то. И меньшому тоже не нужна. Здоровых-то нас не надо, а уж хворых и подавно.

Мария слушала неторопливый женский говор. Она вновь вернулась из сна. Один голос Марии показался знакомым. Но кто говорил, она не знала. Мария впомнила о таракане. Его не было. На соседней койке лежала женщина. Ее она сразу узнала. «Катерина! И ты тут. И дочь ее Юля здесь...»

- Все без сознания? - тихонько спросила женщина, знакомая Марии по голосу.

- Да, - вздохнула Юля.

- Даст Бог - поправится. Меня тоже паралич шибанул. Ни рукой, ни ногой не шевельнуть, и язык на замок замер. А отошла, и видишь, шарашусь помаленьку.

Юля непрерывно хлопотала около матери. Медсестра принесла капельницу. Подключила к Катерине и ушла.

«Как сторож около матери-то. Была бы у меня такая дочь. Девки ближе матери. А сыны - не то. Знают ли, где я? И давно ли я тут валяюсь?» Мария забоялась, что думы ее вновь утомят. И опять закружится голова. Уходить в забытье Марии сейчас не хотелось. Думать и слушать - тоже. «Немножко отдохну». И она закрыла глаза.

- ...и второй сынок, Алешка, наведывался к Маньке-то. Постоял, потоптался. Кулек с гостинцами на тумбочку сунул - и был таков, - рассуждал знакомый Марии голос. - Маньке за грехи, видно, час расплаты настал...

«Не про меня ли судачат? - подумала Мария. - Второй-то сын у меня Алешка. И имя мое называют». Она даже дыхание притаила.

- Интерес невелик, коли она пластом лежит. Мужик побрезгует ее обиходить-то, - вздохнула женщина, незнакомая Марии.

«Разговор обо мне. В подполье, выходит, я бухнулась». И тут Мария вспомнила. Она полезла за картошкой. Оступилась на первой ступеньке, а у них такая высота...

- Врачи-то говорят, что у Маньки сердце крепкое. Поживет еще... - переговаривались женщины.

- Может, Нюра, ее сыны все же возьмут?

- Не нужна. Отказался и младший. Врачи начали хлопотать, чтобы Марию после боль-

ницы в дом престарелых пристроить.

«Да это же Нюра Кондакова, - узнала наконец Мария. - Хорошо треснулась, коли соседку не могу признать. Если бы я ее увидела, а по голосу - трудно».

- Мария Катерине дорогу не раз переходила. Немало крови попортила, - продолжала Нюра.

- А не слышат они нас?

- Да нет. Обе без сознания. Катерину жаль. Наверное, не выцарапается. А Марию все время осуждала, и теперь осудить не грех.

- Дочка-то как ухаживает. И день, и ночь ни на шаг, - сказала незнакомая Марии женщина.

- Тяжело болеть, нелегко и над больным сидеть, - вздохнула Нюра.

«Значит, я еще поживу, - обрадовалась Мария. - Вину перед Катериной знаю. И ответ еще придется, наверное, держать. Но пусть не сейчас. Пожить еще хочется. Чую, и сила возвращается. Так что, Катька, я тебя опять обскакала, - усмехнулась Мария и взглянула на срперницу. - Какие же мы, Господи, лукавые! Каемся и тут же грешим».

- У Катерины любовь была с Петром. Не видела я больше такой. Как два голубочка. Все за руку, будто друг к другу приклееные. Где Катя и Петя - там и в ненастье вроде тепло и светло. Такие красивые, радостные. Родители Катерины и Петра собирались осенью свадьбу справлять... - Нюра прервала разговор - в палату вернулась Юля.

«А я сперва обрадовалась, что война началась, - вернула Нюра Марию в прошлое. - Свадьба Катерины с Петром отложится. Повоюет Петька, малость чужой стороны хватит, может, и забудет Катьку. По нраву возьмет, да и Мария придется...» И как на фронт Петя уходил, как сейчас видит Мария. За деревней в луг кинулся. Огромную охапку таволги нарвал. Всю ее, Катьку, цветами осыпал.

- Дальше не ходи. Вернусь я, Катя, - и поцеловал ее, перегнувшись через букет.

Мария задохнулась - в сердце будто нож воткнули. Она убежала в лес. Из бору вернулась в сумерках.

Мария ошиблась - война затянулась надолго. Убили отца, она решила - это наказание. Шибко радовалась войне то. Ей - по делу, а матери-то за что?

От Петра, она знала, письма Катьке ходили часто. Без царапины все года прошагал и перед самым концом пропал без вести. Катька, как тростинка, сломилась, одни глаза на бледном лице остались. «Тебе-то так и надо! Не все в цветах - и в слезах походишь. А вот Петра жалко. Ох, как жалко! Но вернись Петр, он ее, Марию, и не заметит. Ему и дела нет, что ждет и любит его Мария. Может, в тысячу раз сильнее, чем его Катька ненаглядная. Так уж чем видеть эту пару неразлучную, пусть так и будет, как есть».

- Тетя Нюра, посмотрите, пожалуйста, за мамой, - попросила Юлия, - я позвоню домой - как они там без меня.

- Ступай, дорогая. Не торопись, на улицу сходи. Духота в палате-то, - посоветовала Нюра.

- Поженились Катерина-то с Петром? - поинтересовалась незнакомка у Нюры.

- Нет. Петра на войну призвали. Перед победой пропал без вести. Катерину начали сватать. Сперва она отказывалась, а потом для всех неожиданно вышла за Василия. Мужик нравом крутой и войной сильно потрепанный. Катерина - душа добрая - пожалела, видно, а потом потерла соплей на кулак от муженька.

Неожиданно Петр вернулся. Черной тоской исходил по Катерине. Мать его караулила, чтобы руки не наложил. Мария Петра охомутала. Поженились. Счастья все желают, только оно не всех жалует. Вскоре Мария схлестнулась с Василием - мужем Катерины.

Нюра затихла. Вернулась Юлия. В палате установилась тишина.

«Права ты, Нюрка, не сладилось у меня с Петром. Немного радости я отхватила. Душу не разделишь. У Петра она Катьке принадлежала. А я не смогла привыкнуть и смириться. Чего нет, да не изведал - ох, как хочется! Я баба здоровая, как мячик надутая, не чета Катьке. Если бы я была мужиком - на нее и не посмотрела бы. Бледная, как поганка, с вечно постным лицом. Да ей меня на ста вороных не догнать! Человек не камень: терпит, терпит, да и треснет. «Ты, Петр, отворачиваешься, а другому я в аппетит буду. Не любишь, а наревнуешься досыта. Сумею задеть за живое».

Отчебучила на октябрьские праздники. Когда застолье стало веселым и поддатым - тогда о приличии забывают. Правда, несколько старух контролируют поведение пьяного народа. Эти праведницы трезвым оком, как часовые, секут и ловят все. Но и они на миг теряют бдительность. И в такой момент, оценив обстановку, Мария не почувствовала слеж-

ки. Всем было не до нее. Юркнула за Василием, катерининым мужем, в коридор.

- Ох, упара, мочи нет...

Окончательное решение дозрело здесь, на гулянке, когда она лихо отплясывала под игру Василия. Мария не раз ловила на себе его удивленный и восхищенный взгляд. «Васька - карта козырная. Посмотрим, чем они ее крыть станут!» Мария обняла Василия за плечи. Тот обернулся.

- Что, испугался? - игриво усмехнулась Мария.

- Побольше бы такого испугу... Ты, гляжу, в ударе сегодня. Не баба - пламя...

- Это цветочки. А ягодок не желаешь отведать? Катьке ты в тягость, а мне в радость...

- А Петька - что? А ну его к лешему... - Василий полез целоваться.

- Охолонь. Не тут же. Ступай к нам. Замок без ключа...

Мария вернулась на гулянье. Петр уже подсел к Катерине. «Тянет, как кота, на сало! Ко мне бы так-то», - кольнуло ее. А вслух бросила мужу:

- Схожу, дома проведаю...

- Ну, кто лучше? - усмехнулась Мария. - Что молчишь? Язык прикусил или угорел?

Она протянула Василию ковш квасу.

- Отмочи...

- Яр квас... Но ты, Манька, перец! Перец с медом, - поправился Василий.

- Вывернулся! Ты свой перец прикрой, а то ненароком кто зайдет.

- Красивая ты, Маня. Ровно девочка.

- Угадал. Нецелованная и небалованная. Дело прошлое. Ты Катьке пломбу сорвал или Петька опередил?

- Без изъяну Катька досталась...

- Ой, врешь! Не сознаешься в своем поражении.

- Во те крест! Но у нас то же, что у тебя с Петром... Тебя бы и с заделом взял и не скаялся бы...

- Ладно... Иди вперед, а я следом, - выпроводила Мария Василия.

А потом она чуть позже влилась в круг.

- У нас лошади в галошах.

А коровы в сапогах,

У нас пашут на телегах,

А боронят на санях.

Мария дурачилась и веселилась. «Васька, как квашня. Пыжится, смущается, на лбу же не нарисовано, чем он сейчас занимался. Ничего, я совью из тебя веревочку. И так стреножу, что шага без моей указки не ступишь».

«А вы, - взглянула Мария на Петра и Катерину, - чем понапрасну страдать, сходили бы, как мы, враз порезвели бы. Нет, вы не такие. Ну и черт с вами!»

Подвыпивший Василий облапал Марию и горячо зашептал:

- Подсоблю, Мариюшка, скотину угаивать...

- Перестань слюнявиться. Осторожность соблюдать не станешь, считай - приснилось, - отстранилась Мария.

- Мадам, понял вас. Я сообразительный!

И действительно, смекалки и выдумки у Васьки на следующие встречи было не занимать. Завертелась, закружилась у Марии с Василием любовная канитель. Она назло Петру, а Васька - дурак, что ли, от такой смазливой бабы отмахиваться. Но шуточное дело, сгоряча придуманное Марией, к весне приняло серьезный оборот.

- Поменяться нам надо. Ты - ко мне, Петра к Катерине отправлю. Всем благодать будет, - пошутила Мария.

- Все отдал бы за ласки, взоры, лишь ты владела мной одна, - затянул, дурачась, Василий.

- Перестань горло драть! Любовь, миленок, на замок запирай. У Петра машина сломалась. Ночевать станет дома.

- А как же я, Маня?

- Ты к Кате под бочек. Не одна ли малина...

- Не скрою, я к тебе вначале чисто мужской интерес имел, а таперь нет...

- Знаю я твой интерес... - расхохоталась Мария.

- Да я у чужой бабы голого тела выше колена не видал! - обиделся Василий.

- Уж не влюбился ли?

- Чего зубы-то скалишь? Я ей душу выворачиваю, а она... О дальнейшем надо думать.
- Охота - так ломай башку. Только судьбу на кривой не обскачешь, милок!
- Ладно, Маня, может, что и придумаем...
- Выигрыш с проигрышем в одних санях ездят, - поникла Мария.
- Давай уедем куда-нибудь? - предложил Василий.
- Чего несет, и сам не разберет. Я ему про Фому, а он про Ерему, - оборвала Мария Василия.
- Чувствую, не кончится добром все это. Не могу я без тебя, Маня...

Мария посмотрела на Катерину. И та смотрела на нее. «Видно, в сознание пришла». И так неловко, впервые стыдно стало Марии от пристального взгляда соперницы. Не смогла Мария его вынести. Отвернулась. А прежде гордо вела себя Мария. Голову держала высоко. Глаз не отводила - от хороших жен мужья не уходят.

- Мама, посмотри, что я принесла, - Юля держала цветущую ветку яблони.
- Таволга... - прошептала Катерина. - Поближе, доченька. А запах-то... Как тогда... Спасибо, родная...

Улыбка озарила лицо Катерины, и столько в нем было радости и счастья. «Одной ногой уже там, а все еще о таволге бредит. И Петр о таволге, умирая, шептал...» И Мария вновь вернулась в далекое прошлое.

Василий беду напророчил. С тоски стал в бутылку заглядывать, когда свидания с Марией прекратились. Дома начались скандалы. Катерина сор из избы не выносила - терпела. Василий - дальше больше. Раз закрыл дом и начал крепко куражиться. Дочь Юлька выскочила через поветь и к Петру.

- Папа маму бьет. Он всегда ее за тебя бранит и колотит, - заплакала девочка.

Петр сорвал со стены ружье. Мария не поняла, в чем дело, бросилась за ним. Около дома Василия толпился народ.

- Загубит кобель Катерину, - испуганно переговаривались бабы. - Петр в горячах еще застигнет паразита - сиди майся потом...
- Где Петр-то? - спросила Мария. Ей никто не ответил.
- Где уж Катерине уноровить делом, коли Манька перестала ублажать телом... - крикнула Нюра Кондакова, зло зыркнув на Марию.
- Ты, Нюрка, какая непонятливая. Весной щепка на щепку лезет, а у них медовый месяц прервали. Легко ли... - подтрунивали мужики, поглядывая на Марию.

«Все знают! - удивилась Мария. - А мы думали - шито-крыто. А Петр-то знает ли?»

Хлопнул выстрел. Смех и крики стихли.

- Конец, видно, Ваське настал... - ахнули бабы.

И тут дверь распахнулась, Васька цел и невредим стоял в дверном проеме. Окинул толпу мутным, диким взглядом.

- Чего вытаращились? В чужое дело носы не совать, - погрозил Васька кулаком.

Его никто не слушал. Все хлынули в дом. Петра нашли в хлеву. Зацепился ружьем, когда лез на поветь. Вынесли его на улицу, положили на лужайку.

- Катя, - прохрипел Петр.
- Тут я, Петя.
- Уйди от него... Загубят они тебя... Таволгой... Катя, пахнет... Слышишь?

Когда подъехала телега, везти Петра в больницу, он был уже мертв. И пока не приехала милиция, Катерина сидела около Петра. Мария подойти не посмела. В тот же день Катерина ушла к матери.

Василий недолго пожил один, а потом перебрался к Марии. Нажили Мария и Василий двух сынов, но радости и прежнего пыла в их отношениях не было. Через десять лет Мария вновь овдовела. Зачах Василий. Раны век укоротили, а больше тоска его съела. О чем Василий тосковал, открылось перед его кончиной.

- Не так надо было мне с Катериной-то. Не по-людски... Может, и у нас бы все ладом тогда...
- Что было - то уплыло. Руками не надо было махать. И Петр жив был бы...
- Петра бы ты Катерине не отдала. А меня ты на крючке держала для понту.
- Чего ко мне-то приперся? Катерине в ноги кинулся бы - глядишь, и простила бы.
- Ходил. Каялся. Ни в какую. Тогда к тебе и пристал...
- Если поправишься - прогоню.

* * *

Умерла Катерина солнечным июньским утром. Тихо и легко. Она то смотрела на букет, то на дочь. И улыбалась...

- Нюра, подойди ко мне, - попросила Мария.

- Гляди-ко, очухалась! - удивилась Нюра.

- Катерину пусть положат между Петром и Василием.

- Так ты же себе это место облюбовала. Оно и по закону твое. А уступать ты непривычная...

- Они ее оба ждут. Мне хоть там им мешать не следует. Сами разберутся, раз здесь мы не сумели.

КАПКАН

Сергей швырнул в сердцах штакетину вслед отъезжавшему молоковозу. У ручья вымыл руки и сапоги, заляпанные грязью. Посмотрел на деревню. «Сейчас там шумно, поди... Растрезвонит балаболка и напридумывает с три короба. Милицию вызовет, как пить дать! Расквитался, называется! Ох, Зина-Зинушка, какой я, выходит, сюрприз-то приготовил!» Вспомнив о жене, Сергей торопливо зашагал к деревне. Потом остановился. Нет, показываться там пока не стоит. Слушать визг и вранье Галинки... Ну нет.

Он шагнул с дороги. Сел на камень. «Придут забирать, выйду... Значит, добровольно, - усмехнулся. - Ишь, и слова-то какие на уме! Мне бы страх у нее, злыдни, увидеть. Но не было его. Толстокожа. Не проберешь! Так бы вдарить, - Серега сжал кулаки, - чтобы сидеть, так хоть знать, за что!»

Горечь и обида сплелись в клубок. Воздуха бы глотнуть, да ни отдушины, ни малой щелочки. Ком в горле, как кляп, накрепко застрял, остановился. И Сергей рухнул на землю. Распластался, будто вывороченное грозой дерево. Его полное сил, крепкое и здоровое тело ломало, точно перед смертью.

- Ишь, как доняло беднягу... Ты к нему не подходи близко-то. Но и глаз не спускай. Уж если начнет изобретать чего над собой - тогда...

Петька вытаращил испуганные глаза:

- Не, я боюсь.

- Чего бояться? Скажешь, значит, иду на сенокос, и ни на шаг от него. Ну, а уж если сам сладить не сможешь, тогда на пригорок и ори. Усек?!

- Ладно, - не очень охотно согласился Петька.

Но опасения были напрасны. Серега лежал неподвижно. Петьке порядком надоело. Он забрался на черемуху и поплевывал сверху косточками, благо ягоды были сочны и крупны.

* * *

А Серега то ли забылся, то ли задремал, вернее, ни то, ни другое. Ему вспомнилась их с Зинаидой свадьба.

Светло-голубые глаза смотрели на Серегу распахнуто и счастливо. А когда Зинаида смеялась, ему так хотелось потрогать пальцем ямочки на ее щеках! Целоваться их заставляли часто. От пахнущих земляникой губ Серега быстро отстранялся. Голова начинала кружиться, он вперед невесты плюхался на лавку.

- Сколь парень-то робок, - судачили новые родственники.

- От радости сдурел малость, - посмеивался отец Сергея...

Отшумела, отплясала свадьба. Пробежало и времени немало, но радость у Сергея не иссякает, а словно с каждым днем прибавляется.

- Что, Серега, дрожишь, как овечий хвост? Сбавь пыл наполовину, а не то растеряешь скоро, - предостерег отец.

Прав оказался старый. Ох, как прав!

Шел Серега вечерком после работы домой, как обычно - с улыбочкой на счастливом лице. Сейчас Зинулю свою увидит...

- Молодожен, подсобил бы, - попросила Елизавета, соседка, - мы вот с Галинкой со всех сторон заходим, а осилить не можем.

Мать с дочерью кололи дрова. Остались сучок на сучке, и выбирать было не из чего.

- Тихо, бабоньки, все уедем, - пошутил он и быстро расхрястал чурки.

Серега нагреб охапку дров, внес в избу и рассыпал с грохотом у шестка.

- Что еще прикажете? - спросил весело.

Его и без того отличное настроение еще поднялось.

- Без мужика дел не переделать - всюду прорехи... Вот клетку бы починить в хлеву.

- Давай инструмент.

- Инструмент вот, - Елизавета взяла ящик с инструментом, и они подались во двор.

- Золотые руки у тебя, Сергей, гляди-ка, топорик так к руками и пристал! Батько твой, царство небесное, тоже мастеровой был, жаль, мало пожилось...

Отец Сергея неожиданно умер. (Запрягал лошадь на конюшне). Смерть отца потрясла, но ненадолго. Острота боли растаяла, словно весенний снег. Верх взяло живое и ощутимое их счастье с Зинаидой. Отца не стало, и забылось, развеялось. Временами счастье распирало грудь Сергея так, что он захлебывался им.

- Да, батько у тебя знал и умел много, - продолжала Елизавета, - знающие люди переведутся, как жить будем?

Елизавета ловко помогала Сергею: вовремя подавала, что требовалось, поддерживала, когда надо.

- Я вот тебе про батьку расскажу, - Елизавета хотела умаслить Сергея разговорами об отце. - Не водились у нас овечки. Хлев сменили - без пользы. А в народе молва ходила, дескать, твой отец знает заговор на скотину от всяких напастей и болезней. Ему дед передал, когда помирал. Только батько завещанное в секрете держал. Подступались - без толку. Так и уйдут, не солоно хлебавши. А я дождалась случая. С похмелья батько был. Моды в ту пору не было опохмеляться, и в запасе не держали. Уж если ко времени только... Ну, думаю, - пан или пропал. И только мать твоя на скотный двор - я к вам. Бутылку за пазуху сунула. Поздоровались чин по чину, о жизни покалякали малость. Родитель твой, чувствую, голову ломает: дескать, зачем ее в экую рань притащило? Решилась: «Егорушка, выручи!..» А сама бутылку под стол к ножке поставила, от себя недалеко. Думаю: шугнет, крутой ведь был, так я свое добро прихвачу - и тягу! Он на меня из-под лохматых бровей зыркнул. Молчит, а сам, сердешный, к кадке уж при мне два раза вставал. Горит, вижу, нутро, спасу нет. «Овечки не водятся у нас, - говорю. - Хвороба, что ли, какая завелась?» Отвечает: «Так вот ты с чем? Да ведь не знаю ничего». А я вижу - знает! Только говорить не хочет.

Сергей слушал болтовню Елизаветы, а сам вспоминал ту же историю со слов отца: «Голова трещит, спасу нет, что-то надо придумать, а то ведь заберет бутылку обратно... Решился. Отрезал краюху хлеба от каравая, круто посолил. Была не была! Подошел к топящейся печи, думаю, чего бы сказать? Где там! Все пословицы и поговорки напрочь выскочили из хмельной головы. Замешкался, подрастерялся. Но все же сорвал амбарный ключ с гвоздя, бросил под пятку, где-то слыхивал экое, сплюнул и приступил....»

А Елизавета:

- Еще сказал - не знал! Я даже теперича, как об этом деле вспомню - волосья на голове шевелятся. Блики-то красные по ключу играют, аж мороз по коже. Я за заборку спряталась и от страху зажмурилась. А как стал заговор вести, экой великанище сделался.

Серега расхохотался. Напуганные овечки сгрудились в одну кучу, в угол.

- Вы, молодые, не верите, - с укоризной пожалела Елизавета, - а зря.

Она обиженно замолчала. Серега вспомнил дальше рассказ отца. «Придешь домой, Елизавета, перво-наперво ступай в хлев. Пусть скот пока не поен, не кормлен, в дом ни шагу», - приказал. «Так ты уж все?» - удивилась Елизавета. «Нет. Я, знаешь, Лизка, не могу припомнить, голова дурная ноне. Вот пропущу одну, может, и придет на ум наказ родителя. Кой-что вспомнил, а все - не могу... - после стопки вновь подошел к печи и забормотал громче и уверенней: - Чтоб у Лизки-Гогишны овечки родились-плодились, табунами водились, от нечистой силы хранились... Аминь!» - громко произнес последнее слово, а про себя подумал: «Прости, Господи, грешного, век бы не пошел на такое паскудное дело. Но невтерпежь! Соблазнила окаянная Лизка на мерзость! Ну и я ей преподнесу каверзу!»

«Скормить надо, Елизавета, особым манером, - наказывал отец, - а не сумеешь исполнить - пеняй на себя. Придешь в хлев, встань к овцам задом, руку с куском просунь промеж ног... Обязательно, чтобы матки с бараном отъели, приплод не в счет. Если накормишь маток, но не отведает баран - без пользы, и баран один не в счет - вот условие какое...» «Благо».... - начала Елизавета, непростительно забыв, что этим самым могла испор-

тить всю обедню. «Типун на язык! Ровно маленькая!» «Забыла, Егорушко, ну не дура ли?!»

Елизавета, словно угадав воспоминания Сергея, продолжала:

- Вот тут, - показала она, - встала к суягной серухе, а чернуха, у той уж приплод нарушен был, подскочила ко мне и отхватила полкуска! Так, думаю, на всех не хватит. Отломила немножко, а остаток в карман сунула и зову серуху, а та, экая смирная, знай в угол жмется. Я подол подняла, чтобы увидеть, кто подскочит. И тут как врезалась в ясли, искры из глаз забрызгали! Очухалась малость. Кусочка нет, одни крошки в кармане. Скормила уж так, не по указке Егорушки, а остальное в пойло бросила, чтоб всем маленько досталось. И до сих пор не жалуюсь - порядок с овечками.

Сергей вспомнил: нахвастала Елизавета - и понеслась молва о целителе Егорушке. Повалил к нему народ: и свой, деревенский, и дальний. Просьбы и обращения были разные. Вначале по скотинным болезням. Затем, если помогает животине, то почему не должно помочь человеку? И стал Егорушка осведомлен по сердечным делам многих сельчан. Прием проводил только в отсутствие домочадцев. И неизвестно, сколько бы продолжалась егорушкина практика, если бы он не услышал частушки. Пела девчушка-соплюшка и явно с чужого голоса:

Меня дролечка не любит,
Что-нибудь поделаю,
Накладу туес капусты,
До Егора сбегаю.

Отец - в ярость великую. Крестил и пушил всех, кто и на небесах обитает, но больше досталось его бывшей клиентуре. Малость приутихнув, заключил: «Ишь в шамана превратили, сукины дети! Хрен вам, закрыта амбулатория!» На том все и кончилось.

- Спасибочки! Управил - пойдем в дом, Галинка самовар согрела... - оторвала Сергея от воспоминаний Елизавета.

Посидев немного для приличья, Серега нахлобучил шапку.

- Бываешь дома-то у молодой жены? - Галина процедила эти слова. - Она ждет, - продолжала Галина, - счастливая! И до тебя не мерзла, и теперь согретая...

- Полно, - одернула ее мать, - ты что, помело пустое, болтаешь-то?

- Что я? Все за углом судачат, а в глаза не всякий скажет. Чем я хуже его Зинки? Кожей? Рожей? Кому вволю, а кому и оглоданной кости нет... - она сорвала с гвоздя фуфайку и выскочила на улицу.

- Не слушай дуру, - Елизавета расстроилась не на шутку. - Пришел человек помочь, а ишь, как обернулось. Годы ходят, кровь бурлит, а парней нет, вот и бесятся девки с бабами. Плюнь, пустое, по дури сказано...

Но крепко застряло сказанное Галиной, сверлило буравчиком. И, как червь-короед, ело душу сомнение: а может, правду сказала Галинушка? Какой ей резон врать? Зависть? И начал Серега потихоньку справки наводить, ненароком так, кой у кого. Самому стыдно за подозрение, а перебороть, забыть не может. Гложет и гложет недоверие. Выросло, словно гриб-поганка, и потянулись от него поры по всему телу с головы до пят.

А сторона, как борона, точно никто не знает, а вот вроде бы слыхали: дескать, останавливался у Зинаиды с матерью уполномоченный. И не раз. Молодой и видный. И Зинаида с ним, кажись, шуры-муры водила. Спросить бы у самой? Сперва духу не хватало: зачем ее обижать? Лишь когда недоверие перехлестнуло через край, решил: все равно не признается жена в грехах своих давних. Зажало душу накрепко капканом. Жжет и давит, а освободиться, не знает как.

Когда спустя восемь месяцев после свадьбы Зина родила девочку, Серега сделал окончательный вывод: дыма без огня не бывает! На другой день на конюшне Галина объявила:

- Бабы-то нонь по-стахановски управляются! Сам Серега распечатал или подсобили!

- Полно, Галинка! Тебе за материной спиной ловко нежиться-потягаться. А Зинка на ферме наломится до упаду, да еще и дом весь на ней. Долго ли до греха? Не доносила...

Серега не дослушал перебранку баб и ушел из конюшни. Вечером напился до бесчувствия и лишь под утро заявился домой. Коршуном налетел на спящую Зинаиду. Той бы бежать, а она, слабая от родов, дитя собой прикрывает.

- За что? В чем я виновата, скажи? - хрипела изнемогающая Зинаида.

А он крушил и ломал, что попадало под руку.

- Опомнись! Дитя изувечишь! Дай я его положу, меня хоть до смерти бей! - взмолилась она.

- А! Ублюдка своего жалеешь! - Сергей шибанул Зинаиду по голове табуреткой.

Она обмякла и рухнула...

* * *

Зинаиду увезли в больницу, а Серега со дня на день ждал милицию. Но за ним никто и не приехал. Отвозивший Зинаиду сказал в больнице, что упала, дескать, на колоду возле колодца. Больничных в ту пору не давали: упала так упала. Больных много, фельдшерица одна.

И жил Серега один в опустевшем доме. Прослышал, забрала Зинаиду с девочкой ее тетка. Живут теперь там. Зинаида так и не поправилась: стала малость чокнутой или, как говорили бабы, полудурком.

Пока жена была в больнице - пил, путался с одной вдовушкой. Узнал о Зинаиде, интерес к пьянке с гулянкой пропал. Обрядится со скотиной, лампу не зажигает. Пролежит ночь, не смыкая глаз. С бессонницы Зинаида стала мерещиться. Вскочит: «Зина! Ты?! Да ты же тут сейчас была!» Никто не отзывается. Молчит пустая изба. «Что же я такое натворил? Живы были бы отец с матерью - все бы ладно было. Они в Зинаиде души не чаяли, а я довел».

Не стало больше сил терпеть, поехал Серега к Зинаиде.

На крыльце у тетки долго обметал валенки, хотя на них не было и снежинки, хлопал задубелыми рукавицами. Онемевшие от сиденья в санях ноги тряслись, не от холода. Не озяб: тулуп до пят и мороз невелик, да и к весне уклон пошел. «Ну, с богом», - и нырнул, как в прорубь, в низкую сенную дверь. На «здоров живут» никто не ответил. Тетки дома не оказалось. В избе стоял полумрак. Низковатые, маленькие оконца были проморожены, а у одного стоял раскидистый фикус и вообще не пропускал света. Около него сидела Зинаида, а Аленка, дочка, спала на кровати, закинув ручонки за голову. Жена, как сидела, так и продолжала сидеть.

- Зина, прости меня... подлеца, - Серега упал на колени, дополз до нее и уткнулся ей в колени. Она испуганно развела их - он больно стукнулся носом о лавку.

Зинаида вздрогнула, и он подумал, что она плачет.

- Полно... будет.

Поднял глаза. Нет, она не плакала. В полумраке избы сидела вроде бы она, Зинаида, но лицо было как бы зашторено. Маска. Именно маска, ничего не видящая, не понимающая и напугано жалкая. Ко всему был готов Серега, только не к такому обороту.

- Зин, поедем домой? - скорей для себя предложил Серега.

Она безразлично кивнула.

Возил он ее в большие города - врачам показывал. Иногда ее оставляли, лечили, но пользы было мало и перемен больших с ней не происходило. В последний раз профессор смотрел и лечил Зинаиду. Сергей обрадовался, понял: тот видит улучшение.

- Ну-ну... бывает... оставьте, еще полечим, понаблюдаем.

- Спасибо! - Сергей готов был расцеловать этого седенького старичка.

- За что, сударь? - удивился профессор. - Пожалуй, вам надо сказать спасибо за ваше терпение. Наверное, вы счастливый человек: в наше время - дефицит на добро и милосердие, дружок.

Серега покраснел, как рак.

* * *

Так они и прожили почти двадцать лет. Алена росла. Крутой и горячий нрав Сергея с годами сник - утихомирился. Неразговорчивость жены перешла и к нему. Того не замечая, научился беседовать сам с собою. В первые годы новой жизни его приглашали в гости:

- Приходи, маленько душа смягчает, - сочувствовали сельчане.

И тянуло. Но раз решил: без Зинаиды никуда. Уходил в чулан, забирался в полог и, чтобы не слышать соблазняющих звуков с улицы, совал голову под подушку. Уйди он - Зинаида навряд ли заметила бы его отсутствие. Но Серега не хотел лукавить и не давал себе поблажки. Хорошо, в деревне праздники справлялись нечасто. К тому времени, когда пить стали по всем случаям, он стал стопроцентным трезвенником. Мужики подтрунивали над ним:

- Во жизнь, как у монаха: круглый пост!

Прозвище «монах» закрепилось за Сергеем, но никто им не злоупотреблял. Если у кого невзначай и вылетит, то не по злобе. Жалели его и мужики, и бабы, и крепко уважали, старались, как могли, скрасить его жизнь. Если в летнюю пору нежданно-негаданно налетал дождь, а у Сереги была гребь, старушки, уже не принимавшие в колхозных делах участия, торопились (откуда и прыть бралась?) к нему на пожню. Серега стеснялся.

- Спасибо вам, бабоньки, чем только я рассчитаюсь?..

- Он еще благодарствует, да у нас дыханья в одной ноздре, кое-как замяли-затолкали, ты уж не помысли.

Знали сельчане: сколько у Сереги дров припасено, какой урожай овощей, как доит корова. Знали все его беды и радости. Зинаида иногда копошилась на грядках, но чаще сидела, безучастная ко всему происходящему, жила своей, одной ей известной жизнью. Уходя из дому, Сергей запирал калитку и колодец на замок, убирал ножи, ножницы. В амбар запирал косы, старые серпы, все колющее и режущее, хотя жену к этим вещам не тянуло. Но Сергей соблюдал предосторожность. Когда подросла Аленка, у Сереги хлопот поубавилось. А теперь вот она уезжала учиться на доктора.

- Поезжай, Аленушка. Доктором - это хорошо. При матери все время не насидишь. А мечту не губи.

Сергей держался советов врачей, не давал Зинаиде залеживаться. Под черемухами, около дома, смастерил ей беседку, рядом в тень ставил еду и питье. Он радовался: с зимы ей стало значительно лучше. Опустится гирька часов - Зинаида подойдет и поддернет. Вечером задвинет занавески на окнах и свет включит. От этого у Сергея в душе будто сто ламп загорится!

Подолгу Зинаида стояла, смотрела, как он обхаживает скотину, морщила лоб, будто что-то вспоминая...

- Ален, кто сегодня яичницу в печь ставил? - с затаенным трепетом спрашивал он.

- Мама, - с гордостью похвалялась дочь, - и суп ее, и солит она сама.

Он ел яичницу, досаливая слезами, а спазмы радости сжимали горло.

Прошла неделя, как уехала дочь. Утром Зинаида сказала:

- Сегодня от Аленушки письмо должно быть.

И точно, пришло! Значит, она сосчитала, что после отъезда дочери прошла неделя. Затеплилась надежда в серегиной груди.

- Тут как трон. Сиди и дыши, - привел он ее к черемухам.

Схитрил:

- Зин, еду принести сюда или домой сходишь?

А сам не отрываясь смотрел на жену. Ждал, что она ему ответит.

- Вот как дур-то обхаживают! Позавидуешь! Видать, Егорушка оставил заговоры не сыну - невестке. Всю жизнь, как с писаной торбой, носится, - соседка Галина с вилами и граблями стояла у тына (видимо, собралась на сенокос). - Только ты ее тут не сади. Черемухи мои! Мало ли что дуре на ум может взбрести?! Избу спалит! А спрос - горсть волос. Отвез бы ее куда следует - и себе руки развязал, и деревню от забот освободил.

- Заглохни, язва! Или я тебе сейчас рот заткну! - направился Серега к Галине.

Если бы та не побежала, может, и обошлось бы...

- Полоумные! Свихнулся и этот! - заверещала Галина и бросилась к дому.

Сергей поднял вилы, брошенные Галиной, и пошел от окна к окну. Затрещали переплеты рам, со звоном полетели осколки стекол.

- Получай! За Зинаиду давно следовало... не смел только.

В избе за окном металось побелевшее испуганное лицо. И это приводило Сергея в еще большее бешенство и ярость. Галина выскочила через поветь и побежала по огороду. Сергей - за ней, глухо хлопая кирзачами. Гнев поутих: устал, стегая окошки.

«Остановись, дурак, - приказал себе Серега. - Сгоряча наломаешь дров! А Зинаида?!» Отшвырнул штакетину в голубой полуоблезлой краске, оторванную от соседского забора, и как будто прикоснувшись чему-то липкому, вытер руки о траву. А Галина опрометью бежала по дороге. Увидев молоковоз, с такой прытью взлетела на подножку, что и молоденькой не под силу. Шофер резко затормозил:

- Ты что, тетка Галина, сдурела. На ходе лезешь...

- Поехали! - приказала она.

- Куда? - удивился молоковоз Васька.

- В милицию! Серега дом по бревну чуть не раскатал. За мной с ножом гнался - в свидетелях будешь! Моя возьмет: одних грамот - избу заклеить - останется, и медаль не зада-

ром дана!

Васька заржал.

- Тетка Галина, тебе не приснилось экое наваждение?! Серега комара не раздавит.

- За всех не ручайся, молод еще! А ведь в зятья к Зинаиде метишь, - и довольная, что нанесла урон супротивнику, приободрилась, перешпилила волосы, выбившиеся из-под платка.

Васька резко тормознул, Галина ударилась в лобовое стекло.

- Вылазь! - приказал он решительно.

- С каких рыжиков, коль в район собрался? - растерялась она.

- А вот иди сюда, - позвал Васька.

Галина вылезла. Он захлопнул дверку:

- Читай!

- Перевозка людей запрещена, - прочитала по слогам по слогам она.

- Все ясно?

Рванул машину, обдал незваную пассажирку газом и пылью.

- Погоди-ко! - закричала, опомнившись, Галина и кинулась вслед отъезжавшей машине.

- Молоко киснет! Базарить некогда!

Василий заехал в столярку:

- Мужики! Серега Демин у соседки побуянил, окошки повышибал. Проучил ее за давнишний раздор какой-то. Не сдержался. Она в милицию навострилась. Надо выручить, а?

- А сам Серега где? - спросил тревожно Федор, друг Сергея.

- У ручья, у фермы сидит.

- Пошли, Петька, со мной, - приказал он сыну. - Вы, мужики, к Галине. Наведем марафет, сама своей избы не узнает, еще довольна будет. Главное, до властей управить надо, а то чем черт не шутит?

Мужики закивали согласно.

* * *

Вечером Сергей медленно, словно крадучись, подходил к дому. У черемух сидела Зинаида. Увидев мужа, встала и пошла ему навстречу. И вдруг улыбнулась!

- Зина, Зинушка!!! Ты еще попробуй, ну постарайся еще, пожалуйста, голубушка ты моя ненаглядная! Получается. Главное, не робей! - умолял он с надеждой, как ребенка, сделавшего свой первый шаг.

И Зинаида улыбнулась снова...

ВОРОНЬЕ

Воробей вспорхнул на оградку.

- Клюй, боле не потревожу.

Мария собрала в охапку сорняки, вынесла на дорогу, проходящую рядом с кладбищем. Затем опустилась на скамейку.

- Ну вот, дедко, изобиходила. Ты уж на меня не серчай, что редко навещаю. Рада бы, да не ускочишь. Погода-то нынче: все перепуталось, перемешалось, круглые сутки дождь полощет. Машинам ни пройти, ни проехать, их и рвут, волочат до бетонки.

Мария докрошила яйцо, высыпала остатки пшена. Воробей снова шмыгнул на могилку, с опаской кося на женщину черной бусинкой глаза. А она расстегнула кофту, сняла платок, провела устало пару раз гребенкой по коротким седым волосам.

- Смотри-ко, дедко, вовсе оседателя после тебя. И остриглась. Знаю, что не по мысли тебе сделала. Зимой чирьи одолели, по всей голове напрыгали. Вот и резала помаленьку. А так здоровье пока - грех жаловаться. Живу потихоньку, куда денешься.... Гляди-ко, и не потускнела, хоть и давнишняя... - потерла бумагой фотографию на памятнике.

И вдруг она заробела, почувствовала себя перед ним неловко. Отвела взгляд в сторону, стараясь представить его в памяти таким, каким он был в последнее время. Обдумывала, выбирая главное из того, что произошло в его отсутствие. Но мысли почему-то обрывались и прыгали, как эти снующие взад-вперед воробьи.

- ...И соседи к тебе прибыли. Сергей Реутов жизнь по-людски прожил, так и останется

добрым, порядочным человеком. А Олег с Колькой жизнь в вине сожгли.

Солнце стояло к полудню. Ласковый ветерок изредка перебирал листья березняка и осинника. Те ленивым полушепотом благодарили и затихали, с опаской поглядывая на степенно стоящий сосняк.

- Приморилась, Гришенька, отдохну чуток, - передвинулась на край скамейки, в тень. - Царство небесное, Гришенька.

Вдруг поймала себя на мысли, что называет мужа, как в молодости.

Пожевала пирог. Тот подсох, пока убиралась в оградке. Раскрошила начатый кусок, остаток положила обратно в сумку. Воробей крутился уже не один, видимо, со всем семейством. Радостно и шумно чирикали птахи...

- Что-то неладно нынь со мной стало, Гришенька, - продолжала Мария. - Жизнь прожитую ворошу, бывает, и сон с явью спутаю. Вот и гадаю: приснилось или вспомнила? Может, оттого, что к тебе скоро переберусь?..

Мария посмотрела себе под ноги. Вот тут, где она сидит, - ее последнее пристанище.

- Зимой-то как заболела! Чего греха таить - хотела, чтоб уж скорей... Кому любо с нами возиться?.. А как на ноги встала - раздумала... У ребят все ладно, - спохватилась Мария. - А то я все о себе да о себе. Надюшка и оградку выхлопотала. Напористая. Вся в тятю характером.

«Хотя ведь Надежде и неоткуда быть в тятю, не нашей породы», - поразилась она своей мысли.

И незаметно потекли воспоминания ...

* * *

Прошло почти два месяца с окончания войны...

Спешит-торопится Мария после четырехлетней разлуки домой. Птицей летит! Только столбы телеграфные мелькают на большой дороге. Остановится на миг перевести дыхание и невольно на деревья засмотрится, залюбуется буйно алеющими на обочине цветами шиповника. Кружит голову от скорой встречи с недалеким уже домом. А вот и Шайма.

- Здравствуй, Шайма! - крикнула Мария реке.

- Ай-ай... ма... аа... - отозвалось эхо.

Девушка вздрогнула.

- Расшумелась, полоумная, - одернула себя.

Спустилась к реке. Вот тут, где-то в осоке, родничок, а на кусте - берестяной ковшик. (В жаркую сенокосную пору бегали сюда пить). Вот он! Мария с удовольствием плеснула и раз, и другой на лицо, шею... Затем долго пила, наслаждалась ключевой водой, пока не заломило скулы. Плюхнулась на траву. Но разве улежишь? Вскочила, увидев большущий муравейник. Похлопала ладошкой по его макушке - муравьи заволновались, забегали. Поднесла руку к лицу, вздохнула. Перехватило дыхание, защипало в носу. Перебираясь через поваленное дерево, Мария чуть не наступила на странный ком.

- Что это? - она нагнулась и... отпрянула.

«Не мерещится ли?!» Наклонилась вновь. Нет. Из тряпья синело детское личико, облепленное муравьями. Опомнившись, Мария схватила ребенка и выскочила на луговину. Развернула. Муравьи были и на тельце. Она достала из чемодана платок, стряхнула с ребенка насекомых. Девочка слабо пискнула и затихла.

«А где же мать-то у тебя? - Мария оглядела поляну. - Оставлена ты, видать, уже давненько, и приходить за тобой никто не собирается».

Ярко светило солнце. Громко щебетали птицы, и никому не было дела до невесть кем оставленного маленького существа. «Что же мне с тобой делать? - растерялась девушка. - В чем и перед кем ты провинилась? Кому ты стала лишней?..»

* * *

Мария представила, как она с ребенком заявится домой. Поверят ли мать с отцом? В деревне тотчас узнают. Испугалась.

Сколько раз виделась ей встреча с матерью, ее белый платочек с коричневой каемкой. Часто снились мамины руки, на вид грубые и шероховатые, но самые нежные и мягкие на белом свете. «Если бы ты только знала, мама, как я по тебе соскучилась!»

Ребенок зашевелился, попискивая.

- Ну, что надо, почему плачешь? - стала успокаивать его Мария, хотя и сама была готова зареветь вместе с найденышем. Платок развязался, и в опрелых местах она увидала червей.

За четыре года службы в госпитале девушка нагляделась всякого и наревелась предостаточно. Там Мария видела людей взрослых, которые боль свою пытались скрыть, да она на больших и сильных телах не казалась такой зловещей, как на этом комочке, брошенном в самое пекло.

«А, будь что будет!» - Мария подняла ребенка, подхватила чемодан и направилась прочь от злаполучного места. И только показались крыши деревни, она свернула с дороги, чтобы к дому выйти задами.

У изгороди щипала чуть отросшую траву стреноженная лошадь. «Вроде Малютка?»

На огороде заскрипел колодезный журавль, медленно поднимая в небо привязанный на конце чурбан. Мать она узнала сразу. И та из-под руки посмотрела в ее сторону. Вдруг бадья гулко забухала по колодезному срубу. Мать бросилась навстречу, приостановилась у полосы с житом и медленно, как по реке, словно боясь оступиться в глубоком месте, краем стала пробираться к дочери. Мария стояла, как вкопанная.

- Манька?! - мать смотрела на дочь с недоверием и страхом, все еще не веря, что это именно ее дочь, а не кто-то другой. - Кровинушка ты моя ненаглядная! - бросилась к ней и запнулась, увидев ребенка.

И встали они друг против дружки, потихоньку всхлипывая.

«Откуда у нее ребенок-то объявился? Не писала. Хотя хвастать тут особо нечем. Таила, выходит. Позор теперь на всю деревню ... - размышляла мать. - Только она не первая, не она и последняя. Живая возвернулась - и то ладно! А может, и мужик еще объявится».

- Нагуляла или как? - спросила она с некоторой надеждой.

- Не... это не мой, - выдохнула Мария. - Я его около Макарова починка нашла.

Мать, на что-то еще надеявшаяся, враз сникла. Провела по лицу рукой, как бы снимая невидимую паутину, затем подхватила чемоданчик дочери. Мария плелась следом, стараясь не смотреть в спину матери. Ей казалось, что она идет слишком медленно, а из домов глазеют на них. «Господи, и за что мне этакое наказание?» Дома затопталась у порога, не смея пройти дальше.

- Что стоишь? Клади его пока на кровать. Раз сумела завести, так и водись... - не докончив, мать шмыгнула за печь. - Что батьке скажем теперича?! - запричитала она.

- Мам, я вправду ее нашла! Жалко стало. Девочку и так мураши чуть не заели, да и червяки по ней ползают.

Мать метнулась из-за печи к кровати, развернула платок:

- Царица небесная! Как ты посмела так изгаляться над ребенком?!

- Не я. Честное слово, мама!

Мать посмотрела в упор. Дочь не отвела взгляда. «Манька никогда не врала. Неужто на чужих людях опаскудилась?»

На крыльце раздались шаги, сопровождаемые пристукиванием. «Тятя», - узнала Мария отцову клюшку. Насторожилась. «Какая я все же невезучая!» - с отчаянием пожалела она себя.

- Мария?! - удивился отец. - Вот так радость! Мать, сон твой сбылся. Утром рассказывает: руку порезала, кровь бежит - вот в руку и есть.

Подошел, обнял. Небритой колючей щекой прижался к ее лицу. Мария вновь стала маленькой девчушкой. Вспомнила, как отец носил ее на закорках. «Тятя, тятенька, прокати меня еще немножко, у меня ножки колет, я идти не могу». Мала была, не понимала, что ее забава отдается болью в раненной ноге отца.

Мария погладила его по щеке.

- Тятя, я так соскучилась по вам!

Мать засморкалась. Вдруг запищал, завозился ребенок. Отец недоуменно стал осматривать избу.

- Манька сказывает, робенка нашла у Макарова починка, - начала мать, не веря сама в то, что говорит, и махнула рукой: дескать, ничего не знаю, не понимаю, так и говорить ни к чему.

Отец подошел, посмотрел. Руки его затряслись. Он так сжал клюшку, что суставы пальцев побелели.

- Родила... бывает... но хвостом-то вилять зачем?

- Правду говорю, что нашла... у починка, недалеко от тропинки, что к нашим покосам, - уже нисколько не сдерживаясь, заревела Мария. - Не хотела брать, да шибко жалко стало, умрет ведь человек. А знала бы, что так, - ни в жизнь бы не взяла! Сейчас назад сволоку!

Мать встала у кровати, преграждая ей дорогу. Отец сел на лавку. Трясущимися руками достав кисет, стал сворачивать цигарку. Затянулся несколько раз и вдруг поперхнулся, закашлял.

- Сколь яр самосад, так до пят и пробирает... Мань, ты где, сказываешь, робенка нашла?

Та вспыхнула и не расслышала вопроса отца.

- Мань, чуешь? Батько спрашивает, - подступила мать, - где его подобрала-то?

- У починка, у наших покосов. Да какая разница, где, - все равно не верите. Вы не верите, а в деревне... - она завсхлипывала сильнее.

В избе установилась тишина, только жужжали, ударяясь в оконное стекло, мухи. Мать вытянулась, почувствовав: старый что-то знает (за долгую совместную жизнь она научилась читать его мысли). Но ее злило, что он тянет, и потому она поносила его в уме почем зря. А старый сопоставлял, прикидывал и наконец начал:

- То-то она, как шальная, в кусты сиганула, супростив ее ведь я ничего не имел...

Рассуждая, он все еще чего-то додумывал.

- Кто? - не вытерпела мать, хотя знала, что он страсть как не любит, когда его перебивают.

- Дед пыхто! Баба с робенком грудным! Вчерась утром косил, а она правилась с лесопункта к большой дороге. Стал косу точить, она обернулась и кинулась бежать. Как медведица, кусты заломала.

Мать облегченно вздохнула.

- Ну вот и ладно. Мариюшка, ты уж прости, не гневайся. Откуда знать-то, как на самом деле есть! Своему дитя каждый родитель хочет, чтобы все-то ладно да хорошо было. И встретить-приветить тебя после долгой разлуки чередом не сумели...

- Затоковала, как тетерев на току. Не умеешь ты, мать, коротко и понятно мысль изъяснять, - прервал отец.

Ох, хитрил старый, стараясь незаметно смахнуть влагу с уса. И вдруг словно сорвался:

- Не вертись, как сорока на коле, да перестань квохтать, что твоя кура-парунья!.. Все ведь без толку. Дочь напои, накорми... У найденыша смазать, присыпать надобно, живого места нет на теле. А она топчется да причитает.

Отец командовал и весело подмигивал Марии, дескать, не бойся - в порядке все теперь. А дочь его только сейчас поняла, что она - дома. Села на лавку и вытянула гудящие ноги, слушая беззлобное переругивание родителей.

- Да не он, а она.

- Не углядел, что девка. Да я уж и девке имя дал: Надюха-Найдюха.

Отец принес с повети очеп и стал прилаживать зыбку.

- Зря стараешься, отец, помрет, поди, девка-то, - сказала мать.

- Не каркай раньше время-то! Все так и норовит дите на тот свет отправить. Мать бросила. Да я бы ее, суку!.. Будь моя воля - голым задом посадил бы на муравейник и продержал эдак сутки двои, чтобы она поскакала, подрыгала ляжками.

Отец закончил с зыбкой, качнул пару раз и вдруг запел:

Я качаю-зыбаю,
Отец ушел за рыбою,
Мать ушла пеленки мыть,
Бабушка - коров доить.

Мария редко слышала, чтобы отец пел. На праздниках и складчинах он иногда подпевал про бродягу, который бежал с Сахалина. Отец больше любил слушать, а сам петь был не мастак. А тут запел. Для матери это оказалось еще большей неожиданностью.

- Ошалел старый на радостях, - выскочило у нее, но она тут же поправилась. - Нисколь, отец, сосулю не берет. Может, она и титьки отродясь не сосала?..

Платок Марии мать бережно свернула и повесила на спинку кровати.

- Это твой, Мань, полушалок-то?

- Мой, пеленка больно грязная была, я ее там и оставила. Ой! Забыла совсем, - она раскрыла свой чемодан и протянула отцу брюки.

- Тятя, это вам.

- Благодарствую, доченька.

- А это, мама, вам. Не знаю только, поглянется ли.

Мария раскраснелась от волнения и радости.

- Ну-ко, не по нраву, ровно барыне какой. Ты бы хоть себе, мне зачем - не девка красная.

- Здорово живете, соседи! - вошла, пригибаясь в дверях, высокая и дородная соседка Степанида. - С благополучным возвращением, Мария Петровна, - поклонилась и расцеловалась с Марией.

- Вот дочкины подарки разглядываем, - растерялась мать от неожиданности.

Степанида рассматривала подарки, а сама зыркала на зыбку. «Сделала вид, что не заметила? А как ты ее не увидишь?! Да, не вовремя наведалась и назад уйти неудобно». Но Степанида была не из робкого десятка и нашлась быстро.

- Велик ли внучонок-то? - деревянным, осевшим голосом поинтересовалась она, а про себя подосадовала: «Вот Гришка дождался дролю!»

И обида за сына прошлась по сердцу. «Променяла Мария Григория на кого-то».

- А бог его знает, сколь он на белом свете живет. Недели две, не больше, - пришел на подмогу отец. И сразу в атаку. - Ты, Степанида, вчера гребла в новинках-то?

Петр видел ее там и знал, что она наверняка заметила бабу с ребенком. Да Степанида мышь углядит, а тут человек прошел бы незамеченным! Соседка тянула шею к зыбке, но подойти близко не смела.

- А бабы с робенком не приметила? - продолжал отец.

- Ась? Петр, ты мне чего баешь-то? - наконец поняла, что обращаются к ней. - Про какую бабу расспрашиваешь?

- На сенокосе вчерась, говорю, бабу не приметила?

Мария видела, что отец едва сдерживается, чтобы не выматерить Степаниду за ее чрезмерное любопытство.

- Бабу? Вчерась?.. Да пороходила какая-то. Я выворочала траву-то, пусть, думаю, обдунет, и пошла в кусты за косой. А бабу издали еще приметила. И она меня, видать, потому что ее как будто леший понес в кусты. Робенок на руках был. Сама незнакомая, правилась к большой дороге.

Отец засмеялся в усы и вновь подмигнул Марии.

- Выходит, Степанида, мы ее планам мешали. То она и скрывалась от людей. А Мария девку подобрала ближе к Макарову починку...

Степанида стреляла глазами поочередно на всех: дескать, сочинили басню, а толком сговориться не успели, я пришла. Но растерянности ни у кого из троих она не заметила. Василиса прилаживала старую юбку на полог к зыбке. Мария выкладывала свои немудреные гостинцы. Петр привязывал к люльке веревку для того, чтобы качать. Все были при деле. «А и впрямь, чего баба от людей шарахалась? Съели бы ее, что ли?..»

- Тетя Степанида, возьмите, - Мария подала два куска сахара.

Та замахала руками:

- Что ты, что ты! Я ведь не за гостинцами - тебя посмотреть.

В словах ее была правда. «Девка ладная и характером покладистая, с Григорием неплохая пара бы. И он ждет не дождется. А ведь сын заезжал к ней, как демобилизовался, знал ведь он... Тут и впрямь что-то не то. Робенок был завернут у той бабы в красную тряпицу. Если Мария нашла, то тряпка должна быть здесь. Не видать. Может, за печью?»

- Что-то попить захотелось.

Зачерпнув из кадки, Степанида залпом опростала ковш и обратно пошла за печь. Но и там красной тряпки не было.

- Мань, а ты случайно не приметила, в чем робенок-то завернут был?

- В красной тряпке. Я ее на берегу оставила, больно грязной показалась.

- Верно, в красной! А я сперва, грешным делом, не поверила... Ну, засиделась, надо бежать.

Но на этом Степанида не успокоилась. Любила всякое дело доводить до конца. Их гребь у Макарова починка должна была поспеть завтра, но ждать-гадать целые сутки Степанида не собиралась. «А вдруг приметил Петр, в чем завернут был робенок? Они ведь, мужики, тоже не лыком шиты. Ишь, ей чего-то подмигивал. Чего не сделаешь ради своих детушек!»

- Ну и прокурор! Уж до чего эти бабы ушлый народ! Вы думаете, она успокоилась? Ни

в жизнь! Гляди-ко, грабли схватила и подула в новины тряпку искать. Сбегай, растряхнись, Фома неверующий, - рассмеялся отец, глядя в окно.

Степанида тряпку нашла быстро, сполоснула и бросила на куст сушиться.

* * *

Громко закричала стая ворон, закружилась над лесом. Мария встрепенулась.

- Раскричались, расшумелись! К дождю, наверное. Вот видишь, Гришенька, пришла доложить и проведать, а сама бог знает где. И солнце за полдень давно перевалило, скотину скоро заставать. Держу овечку с двумя ягнятами и козу завела. Не любила коз, а вот пришлось и с ними обряжаться: на веку, как на длинном волоку, - всего изведаешь.

С коровой сразу после похорон рассталась, руки мозжат - спасу нет, сам ведь знаешь, как я с ней маялась. Деньгами своими всех оделила поровну, чтобы без обиды. Надюшке давала - не взяла. Уговаривала, что, мол, за труды, да и растратилась с твоими похоронами (все она управляла), - ни копейки не взяла.

А другим деньги ко времени пришлись: Евгений дачу достраивал, у Зинаиды очередь на машину подошла. На Игоря не сердись, что на похоронах не был: поездом с Сахалина-то не успеть, а самолеты не летали в ту пору. Они теперь в нашем доме живут. Игорь тебя навещал, как возвратился из дальних мест. Забежал ко мне, говорит: «Дай, мам, бутылку - отца проведаю». Приходил ли? А я, дедко, в бане живу теперь. Надюшка мне ее сторговала. Ты не думай что-нибудь про Игоря с Зиной: все по-людски. Сам знаешь, дом небольшой. Как расставили мебель, да ребятишек двое - тесновато. Игорь принялся мне чулан утеплять. Печь класть собрались, да разве там удержишь тепло?

С Надеждой обсоветовали и купили баньку. Добро мне в ней. По избе своей я уже не тоскую - обжилась. Да баньку-то теперь и не узнать. Заборки все выломаны, все околочено, выкрашено.

Надежда к себе звала. А я не поехала: не с тобой лежать неохота. Всю жизнь вместе - так разлучаться ни к чему... Мы бы с ней ужились. Она говорит, и к тебе потом доставит. Надюшка исполнит. Только зачем хлопоты эти? Нагляделась, как с тобой ей досталось. Не приведи господь.

Раздались сигналы машины. Мария засуетилась:

- По меня ведь... Заехали, как обещали. Оставайся, дедушко, к осени еще проведаю.

Игорь ВАГАНОВ

ПРАВО НА УБИЙСТВО

«Вошь ли я, как все, или человек?..
Тварь ли я дрожащая - или право имею...»
Достоевский, «Преступление и наказание»

1

После обильного и вкусного завтрака Сергей вышел из подъезда и торопливо зашагал по тротуару. День предстоял напряженный: с утра подъедет клиент - надо осмотреть его «Жигули» и определиться в цене, в обед необходимо вывезти из лесхоза пиломатериалы, а к вечеру ожидался из Питера его компаньон Вовка с партией автозапчастей.

На улицах районного города Жердянска вовсю хозяйничала весна: подсыхали лужи, одевались в свежие зеленые обновы недавние голые унылые деревья и везде, во дворах и на улицах, на окраинах и в центре, радовало слух деловитое птичье многоголосье.

Сергей поравнялся с остановкой и дождался автобуса, который в городе курсировал нечасто, по единственному маршруту, но вполне регулярно, по графику - в пору сверять часы. Народу было немного - час пик уже миновал - только пенсионеры, школьники и дачники с обычным садовым инвентарем.

Он вышел на сонной окраинной улочке. Здесь, в окружении одноэтажных домиков, располагался центральный офис его «фирмы»: старый пятистенок, приобретенный на паях с Вовкой у родственников умершего старика-инвалида. Дом годился только на дрова. Новые хозяева быстренько соорудили кирпичный гараж и занялись ремонтом автомашин. Двадцать соток земли превратились в стройплощадку: повсюду лежали штабеля досок, поддоны с красными и белыми кирпичами, плиты перекрытия. А рядом с ветхой хибарой уже красовался солидный пьедестал нового фундамента, на котором, по замыслам Сергея, в недалеком будущем должна вырасти современная автомастерская.

Войдя в гараж через калитку, Сергей переоделся в спецовку и повесил чистую одежду в небольшой самодельный шкафчик в углу гаража. Включил свет, открыл настежь ворота. Заказчик подъехал без опоздания - тощий старикан в массивных роговых очках. Его машина, видавшая виды «копейка», нуждалась, в основном, только в кузовном ремонте.

- Заменим крылья, пороги, подварим днище и заново перекрасим, - перечислял Сергей. - В итоге - полторы тысячи рублей. Цена не больше государственной СТО.

- Сумма терпимая, - кивнул старик. - Договорились.

Оформив заказ, Сергей загнал машину в гараж. Повторно все осмотрел. Можно приступать к делу. Он всегда с головой уходил в работу, сосредотачивался максимально, не отвлекаясь на перекуры. Окружающий мир как бы отодвигался в сторону, время текло в ином измерении и определялось не часами и минутами, а количеством выправленного, обработанного, приваренного металла, проходящего через его мастеровитые руки...

Его вернул к действительности басовитый сигнал - приехал грузовик-длинномер. Пора в лесхоз. В этот раз ему напилили брус и доски на стропила. С погрузкой, перевозкой, выгрузкой времени ушло порядком. Материал скидывали вдвоем с водителем: как попало, валом, стараясь побыстрее освободить машину. Потом, с Вовкой, Сергей все аккуратно уложит в штабель. Отпустив водителя, Сергей огорченно отметил, что на часах уже начало четвертого. «А я и не обедал!» Закрывая ворота усадьбы, он мысленно прикидывал, где бы перекусить: «Поехать домой? В столовую?»

- Постой, хозяин, не торопись, - услышал он нарочито ленивый басок.

Сергей обернулся - перед ним предстала ненавистная долговязая фигура. Вытянутое, как у лошади, испитое лицо, кулаки в наколках, шикарный кожаный плащ нараспашку. Рядышком - два «ассистента», неряшливые полупьяные юнцы в куртках из кожзаменителя.

- Друзья встречаются вновь, - куражливо прокомментировал один из них.
- С тебя пятьсот! - потребовал у Сергея долговязый.
- Тебе недавно давали. Месяца не прошло, - пробовал отказаться Сергей.
- Непредвиденные расходы. И без базара! Через два дня готовьте бабки. Или все здесь подпалю.

Вымогатели ушли, а Сергей, от огорчения позабыв про еду, остался у приоткрытых ворот...

2

Произошла эта история в те интересные, можно сказать, легендарные годы, когда на экранах телевизоров вовсю суесловил Михаил Горбачев, в городах и поселках крепкими утесами возвышались обкомы и райкомы единственной в стране партии, слово «демократия» многие произносили с умилением в голосе и наивно верили, что с ее приходом на Россию посыплется манна небесная. Уже был дан зеленый свет частному предпринимательству, и, как маслята после дождя, открывались разнообразные кооперативы.

О собственном деле Сергей мечтал давно. За все тридцать четыре года жизнь его проходила по привычной схеме: школа, техникум, армия, производство. Обкатанная дорожка, по которой послушно шагали миллионы его сверстников. После срочной службы Сергей стал работать механиком в автоколонне. Как всякий нормальный человек, был женат и воспитывал сына. И, подобно многим согражданам, имел хобби. Правда, хобби у него было не совсем обычное, и если у других их пристрастия отнимали кое-какие средства, то Сергею оно приносило надежный доход. Его хобби - ремонт легковых автомашин. Брал обычно поллитровками (водка в магазинах стоила дорого и продавалась по талонам), а иногда, при объемной работе, договаривался с заказчиком на определенную сумму. Постепенно втянулся, начал работать быстро и качественно, и это хобби превратилось в весомое подспорье семейному бюджету. Сергей стал подумывать о собственной автомастерской, тем более что в Жердянске этим всерьез никто не занимался, а до ближайшей станции техобслуживания - около ста километров, да и машины брали в ремонт только по блату или за дополнительную мзду. Но частное предпринимательство тогда считалось преступлением, и об этом можно было только мечтать. Втайне.

Но вот началась «перестройка», и за что раньше очень сурово наказывали, наконец-то разрешили официально. Дескать, работай - не ленись!

Новый кооператив состоял из трех человек: Сергей, его жена - бухгалтер, и Вовка, автослесарь автоколонны, высокий и крепкий, как буйвол, мужик тридцати лет, любитель хорошо выпить и хорошо поработать. Мастер на все руки, владеющий всеми видами сварочных работ, до тонкостей разбиравшийся во многих моделях отечественных автомобилей, он восстановил в автоколонне не одну безнадежную машину. Был и у него недостаток - в пьяном виде становился вспыльчивым и легко ввязывался в драки, за что и отсидел в прошлом два года. Но, как говорится, при чутком руководстве с Вовкой можно было осилить немало славных дел.

Два месяца оформляли документы и одновременно подыскивали базу. Подходящий вариант вскоре нашелся. Помер одинокий дед-инвалид, проживавший на окраине города. Дочка, инженер из областного центра, за старый дом держаться не стала - с одним ремонтом разоришься. Тут и подвернулись кооператоры. В меру поторговавшись, обе стороны сошлись на шести тысячах, и новоиспеченные бизнесмены обзавелись постоянным адресом.

«Наш центральный офис!» - в шутку стали называть они свое приобретение. К осени, одновременно с регистрацией кооператива, выстроили гараж - небольшой, на одну машину, закупили оборудование и всерьез занялись делом. С работы оба уволились.

Всю жизнь Сергей пахал на чужого дядю, послушно исполнял чьи-то указания, в назначенные дни получал аванс и зарплату. От ярма - к кормушке, таким было его существование. Теперь, став вольным хозяином, он ощущал доселе неизвестное чувство свободы. Свободы не в том смысле, что можно сколько захочешь валяться на диване или пить водку. Можно самому планировать свой рабочий день, устанавливать выходные или отпуска, самому, сбалансировав доходы и расходы, назначать себе зарплату. Возникала независимость. Это придавало энергии, способствовало еще большей предприимчивости и в итоге - дальнейшему возрастанию доходов.

Их фирма удачно вписалась в пустовавшую до этого нишу - автолюбители Жердянска, намаявшись с ремонтом своих четырехколесных «питомцев», один за другим потянулись с заказами. Удобно. Не надо ползать под днищем, разбираться с какой-нибудь зако-

выристой неисправностью, разыскивать дефицитные запчасти. Пригнал автомобиль, заплатил деньги и через условленное время - сел и поехал. К тому же и цены за услуги компаньоны установили не выше государственных, по прейскуранту областной станции техобслуживания. Запчасти Вовка покупал в питерских автомагазинах и привозил в Жердянск на своем старом «Москвиче».

До Нового года они отремонтировали два десятка машин - все заказчики остались довольны. С наступлением морозов гараж утеплили, поставили электрокалориферы. Большая часть доходов шла на закупку стройматериалов - весной планировали ставить фундамент для новой автомастерской. Столь успешная деятельность не могла пройти мимо внимания доморощенных мафиози. Их шеф, Витька Сыч, был коренным жителем Жердянска. Вопреки сложившемуся мнению, будто все бандиты - выходцы из неблагополучных семей, Витька Сычев рос в атмосфере уюта и материального достатка. Отец работал мастером на местном деревообрабатывающем заводе, мать - учительницей в школе. Жили вполне обеспеченно и для единственного сына средств не жалели. Учился Виктор хорошо, но примерным учеником не считался - не хватало терпения освоить задания досконально, прыгал, как говорится, по верхушкам. Лидер по характеру, он был непоседлив и своенравен и никак не мог ужиться с господствовавшей в школе комсомольско-пионерской структурой. Отказываясь маршировать «под барабаном», он обратил свое внимание на улицу. Прибился к одной из дворовых компаний и там, благодаря настырному характеру и неплохому физическому здоровью, быстро стал пользоваться авторитетом и с увлечением занялся различными рисковыми забавами. По молодости лет грань между озорством и воровством воспринималась им очень расплывчато. Начав с набегов на садовые участки - свежие ягоды, яблочки, - он постепенно перешел к ревизии чужих сараев. Увещевания или наказания Витьку только раззадоривали, отцовский ремень - а начали его пороть, увы, слишком поздно! - уже не внушал должного уважения, и после порки Витька попросту исчезал из дома на пару дней. Из уважения к родителям несколько лет педагоги, руководствуясь наставлениями Макаренко (вспомните «Педагогическую поэму»), пытались образумить подраставшего шкодника. Но любому терпению приходит конец. Когда в девятом классе Витька залез в чужую квартиру и попался, учителя вкупе с участковым наконец махнули на него рукой и спровадили в колонию для малолетних преступников. Началась обычная воровская биография: пребывание на нарах, кратковременный отдых в родном городе, новые кражи - и снова за колючую проволоку. Работать Витька не хотел принципиально - работяг считал безмозглым быдлом и в свои тридцать пять лет имел отдаленное представление о трудовой книжке. Окончание последнего срока совпало с правлением Горбачева. Оценив обстановку, Витька решил сменить свою прежнюю профессию домушника на более современную и перспективную - рэкетира.

Криминальный мир Жердянска жил тихо, без лишнего шума, придерживаясь издавна установившихся традиций. Днем его представители коротали время в пивбаре, получившем у законопослушных граждан название «В мире животных», с наступлением темноты они, как и подобает преступникам, расходились творить всякие безобразия. Местная милиция держала пивбар под наблюдением. Жердянск был городком небольшим, соглядатаев хватало, злоумышленники довольно часто попадались и отправлялись в привычные «не столь отдаленные места». Раскрываемость преступлений была высокой! Правда, на место выбывших вскоре появлялись новые (возвращались из заключения битые воры, подрастала способная молодежь), но это уже детали.

Витька Сыч - вор-рецидивист, уважаемый в своей среде, и язык у него хорошо подвешен - хоть депутатом становись! С присущим ему красноречием он сумел доказать «коллегам», что обслуживание «новых русских» обещает стать делом более прибыльным и безопасным, чем «ревизии» государственных магазинов и чужих квартир.

В стране шла бессмысленная широкомасштабная борьба с пьянством: вырубались виноградники, закрывались винные отделы, вводилась талонная система на приобретение спиртного. На этой волне возникла доходнейшая отрасль бизнеса - подпольная торговля спиртным, которая стала первой питательной средой начинающих рэкетиров. Действовали по разработанной Сычем схеме. Какое то время наблюдали за торговцем, подсчитывали приблизительное количество покупателей за ночь, за неделю и, соответственно, сумму выручки. Потом, под личиной запойного алкаша, один из рекетиров приходил ночью в нелегальный шинок. Остальные, притаившись, стояли рядом. Когда дверь открывалась - народ в те времена был еще доверчивый, непуганый, - вся орава врывалась внутрь, и начиналось «воспитание».

С законом столкновений не было - перепуганные торговцы о милиции, естественно,

не помышляли и покорно выплачивали назначенный оброк. Сергей с Вовкой об этаких страстях не догадывались - их пока не трогали, а отдельные слухи и разговоры воспринимались, как своеобразные фантастические рассказы, местный «черный юмор», дурацкие сплетни. Рэкет в те годы считался невозможным, присущим только капитализму и не свойственным России-матушке.

Зимой Вовка познакомился в Питере с очень полезным мужичком - работником станции техобслуживания. К этому времени Вовка уже примелькался в некоторых здешних автомагазинах, стал постоянным покупателем, и столь важное знакомство произошло, как он предполагал, наверняка по чьей-нибудь «наводке». В тот день Вовка, по приезде в северную столицу, заскочил в небольшой комиссионный магазин «Автозапчасти», который он давно облюбовал за умеренные цены и возможность приобретения товара «под заказ». Он быстро осмотрел витрины, пошарился на прилавках, перекинулся несколькими фразами с продавцом и с недовольным видом обернулся, когда его осторожненько похлопали по плечу. Перед ним стоял приземистый мордастенький мужичок средних лет, одетый в дешевый китайский пуховик и потертые джинсы. Поначалу Вовка его принял за мелкого «штучного» торговца и очень неохотно согласился выслушать.

Разговор состоялся здесь же, в магазине. Вовка был при деньгах и опасался вляпаться в неприятную историю. Мужичок назвался Михалычем, работником станции техобслуживания (даже сообщил адрес) и предложил любой ассортимент автозапчастей со скидкой на 20 процентов ниже рыночных цен. Он объяснил столь льготные условия тем, что терпеть не может магазинов, не желает с ними связываться, а предпочитает работать напрямую с покупателем - в итоге, учитывая проценты, взимаемые магазинами с комиссионного товара, в прогаре не остается.

Вовка - стреляный воробей - прикинулся лаптем, охотно кивал головой, а про себя соображал, что Михалыч темнит, и товар его либо «сэкономлен» на СТО, либо снят с украденных автомашин. И на первый раз Вовка купил совсем немного, по мелочам (договорившись, однако, о следующей встрече) - то, что у Михалыча было с собой, в багажнике простецкой желтенькой «копейки». Через неделю Вовка с Сергеем прикатили к Михалычу и закупили столько «железа», сколько вместилось в «Москвич».

Такую крупную партию запчастей они привезли впервые. Небольшую толику использовали при ремонтах, а остальное продали с хорошей выгодой. Автозапчасти были в большом дефиците, разошлись в считанные дни. И ко всему - налоги с этой сделки платить не пришлось: кооператив занимался только ремонтом, на торгово-закупочную деятельность разрешения у них не было. Какое-то время они, как обычно, занимались латанием старых автомобилей, но безнаказанность и легкие деньги к добру не приводят. Срочно понадобилась немалая сумма, и Вовка опять отправился в Питер. Понавез он столько, что у компаньонов возникли проблемы с реализацией. Открывать бойкую торговлю в Жердянске опасно - привлечешь внимание властей! Пришлось им сильно покрутиться: они проехались по центральным усадьбам совхозов, заглянули в соседний райцентр. В итоге - продали все!

После этой сделки компаньоны устали считать деньги. Такая простота обогащения - не надо возиться с металлом, прилагать какие-то длительные усилия - туманила головы, незаслуженно возвышала в собственных глазах. Вовка расстался со своим «Москвичем» и при посредничестве Михалыча купил в Питере подержанный, но вполне приличный с виду «БМВ». Это была первая иномарка, появившаяся в Жердянске, что сразу повысило престиж начинающих бизнесменов. Количество заказов увеличилось. И вот тогда на их горизонте и появился Витька Сыч.

Был март. Погода еще стояла по-зимнему холодная, и приходилось во время работы по-прежнему включать электрокалорифер. Временами обмениваясь короткими деловыми фразами, Сергей с Вовкой не спеша снимали двигатель с щеголеватой «семерки», взятой в ремонт несколько дней назад. Вовка находился в отвратительном настроении - вчера перепил - и потому для поднятия трудоспособности периодически прикладывался к бидончику с пивом.

Они вошли молча, без стука. Сначала Витька, в шикарной долгополой турецкой дубленке и норковой шапке, за ним - еще шесть человек, одетые попроще, кто в чем. Витька, абсолютно трезвый, пребывал в боевом настроении, глаза агрессивно поблескивали, он то и дело сплевывал, выставляя на всеобщее обозрение свою золотую коронку.

- Вы, господа, обнаглели, - без предисловий начал он. - Государство обманываете, доходы скрываете и тем самым наносите значительный ущерб местному бюджету. Тогда придется платить мне.

И Витька назвал сумму. Солидную! Она составила примерно третью часть доходов от нелегальной торговли автозапчастями. Сергей стоял столбом. Услышанная цифра и все происходящее никак не укладывались в его голове, казалось нереальным, случайными кадрами глупого американского детектива. Он перевел взгляд на Вовку - тот, как человек в этих делах более опытный, все сообразил быстрее. Лицо его побагровело, кулаки рефлекторно сжались, напоминая своими размерами два увесистых булыжника. Чувствовалось, что он едва сдерживается. В таком состоянии Вовка становился совершенно неуправляемым и, не думая о последствиях, ввязывался в самые безнадежные драки.

- Поостынь, - шепнул Сергей. - Их слишком много.

- Да... понабежало всякой шантрапы, - произнес Вовка, исподлобья глядя на Сыча. - Одному прийти - кишка играет.

- Ты, мужичок, чего бормочешь? - презрительно сказал Витька. - Я тебя сейчас один рогами в землю воткну. Чтобы знал свое место.

Вовка выпил два больших глотка пива и, не слушая Сергея, попер на улицу. Куртку он скинул, остался в свитере. Его противник снял дубленку с шапкой, поправил на руке золотой перстень с печаткой. Сыч был спокоен - к дракам он привык, как к неизменному атрибуту своей безалаберной и опасной жизни. Конечно, этот «рыцарский турнир» был, в общем-то, не нужен - только мигни, и из работяги сделают котлету. Но Сычу захотелось размяться, позабавиться. К тому же и риска никакого не было: будет одолевать Вовка - вмешаются витькины помощники, а в случае победы Сыча - его авторитет только возрастет.

Драка началась. По мокрому липкому снегу быстро перемещались два высоких сильных человека и от всей души отвешивали друг другу мощнейшие удары. Дрались без правил, руками и ногами, но без применения новомодных приемов восточных единоборств - ими тогда в Жердянске мало кто владел. Вовка был массивен, с рельефными мышцами, цепкими ухватистыми руками. Однако Сыч неожиданно оказался очень ловким, с отменной реакцией, и многие вовкины удары приходились впустую. Сыч всегда считался очень выносливым (это неоднократно было проверено на лесоповале), сейчас он старался прежде всего измотать противника, всячески уклонялся от ударов и не вступал в близкое соприкосновение.

Вовка начал уставать - сказывалась вчерашняя пьянка, движения замедлились, мышцы одеревенели, дыхание сбилось. И тогда на него посыпались точные удары Сыча, наносимые в наиболее уязвимые места. И после удачного пинка ногой Витьке удалось свалить противника. Не упуская инициативы, он несколько раз треснул его по почкам и печени. Финиш! Больше Вовка не встал. Сыч, с разбитой бровью, но довольный победой - свалил такого бугая! - отошел в сторону. Добивать Вовку не входило в его планы - тот нужен ему здоровым и работящим, не инвалидом.

- Завтра готовьте деньги, - повернулся Сыч к Сергею. Не дождавшись ответа, Витька вошел в гараж, схватил с пола монтировку и замахнулся над капотом автомобиля.

- Ладно, согласен! - торопливо выкрикнул Сергей.

Витька медленно опустил железку.

- То-то же...

3

Требуемую сумму компаньоны собрали: часть денег в запасе была, остальное заняли у друзей и знакомых. Для покрытия убытков пару заказов оформлять не стали, доходы скрыли. Провернули очередную махинацию с запчастями. Через месяц Сыч вновь потребовал бакшиш. Вымогателю стоит заплатить только раз - и от него уже не отвяжешься. В милицию обращаться - грехи мешают. Могут прикрыть фирму. Ввиду отсутствия должного опыта, компаньоны еще не знали, что лучше было бы закрыть кооператив или, повинившись, уплатить государству налоги или даже штраф, чем связываться с такими личностями, как Сыч. Они предпочли платить дань, и это было ошибкой.

Каждый раз, отдавая свои кровные деньги, компаньоны молча страдали от бессильной ненависти. И если Вовка заглушал отрицательные эмоции периодическими выпивками, то Сергей, спиртным не увлекавшийся, все копил в себе. От природы не кровожадный человек, он вдруг обнаружил, так сказать, в тайниках души, неведомые прежде запасы злобы. Иногда, во время работы, он начинал предаваться диким фантазиям, в которых различными способами пытал Сыча и в завершении - вешал на березе.

Не имея каких-то определенных целей, Сергей стал исподволь собирать сведения о Сыче и его гопкомпании. В таких маленьких городках, как Жердянск (и 20 тысяч жителей

не наберется), трудно скрыть свое прошлое, да и настоящее тоже. Какой бы важной фигурой ты сегодня ни стал, найдутся люди, помнящие тебя еще сопливым мальчишкой. Жил Витька в центре города, в микрорайоне типовых пятиэтажек, занимая вдвоем со старухой-матерью просторную благоустроенную квартиру. С утра он всегда спал до полудня, а потом совершал неизменный променад в пивбар. Там, за кружкой пива, в окружении соратников, он обсуждал различные проблемы и намечал визит к очередной жертве. Умный, начитанный, любитель шахматных турниров, он играл роль грабителя-интеллектуала, современного революционера-анархиста.

- Экспроприаторов - экспроприируют! Вспомните товарища Ленина, - нравоучительным тоном провозглашал он, вышибая мзду у какого-нибудь «нового русского».

Из всей своры местных рэкетиров реальную опасность представлял только Сыч. Его подельники могли избить прохожего, стянуть кошелек, забраться в чужую квартиру... и получить за это соответствующий «срок». С приходом Витьки положение изменилось: «клиенты» послушно выкладывали деньги, а если и приходилось иногда поучить редкого строптивца - заявления в милицию не поступало. Сами посудите, не станет же торговец водкой или кооператор, уклоняющийся от налогов, связываться с органами правопорядка. Дешевле откупиться. С особо упрямыми и несговорчивыми предпринимателями Сыч расправлялся безжалостно и с определенным театральным эффектом. Один из торговцев водкой, тощий усатый мужчина по прозвищу Таракан, в прошлом судимый за спекуляцию, стойко выдерживал регулярные избиения и платить Сычу отказывался. Тогда Витька, дабы устрашить других «дойных коров», решился на жестокую экзекуцию - вместе с дружками подловил вечером на улице Таракана и собственноручно перебил ему ломом руки и ноги. В милицию пострадавший не жаловался, поправлялся долго, торговать водкой прекратил. После этой истории все «клиенты» исправно выплачивали установленный Сычем «налог».

В своей группировке Витька строго следил за дисциплиной и запрещал любые самостоятельные дела. Ослушника с треском изгоняли - так Сыч боролся за чистоту своих рядов. Иногда Сергею приходила в голову нечаянная мысль, что с устранением Витьки рэкетирская бригада навряд ли долго продержится: многие, вспомнив прошлое, займутся параллельно с вымогательством примитивными кражами, грабежами и в итоге попадутся. Но это были только мечты - с законом у Сыча, как было сказано выше, столкновений не было, а о физическом устранении врага Сергей, как законопослушный гражданин, и не подумывал.

Требование выплатить дополнительные пятьсот рублей являлось полным бесстыдством - две недели назад Сергей отдал целую тысячу. Это ясно показало компаньонам бесперспективность их нынешнего положения: захочет завтра Сыч удвоить сумму «налога» - и конец всем замыслам, кооператив придется закрывать. Надо было решаться на какие-то действия. Но... неискоренимо русское «авось»: авось, пронесет, авось, Витька не станет повышать «налог» или не узнает о некоторых сделках. Пятьсот рублей заплатили, и все осталось по-прежнему.

4

Наступившее лето погодой не обрадовало. Зарядили ежедневные продолжительные дожди - не искупаешься, не позагораешь; небо с утра до вечера было затянуто свинцово-серым покрывалом, воздух пронизан сыростью, а под ногами, куда ни глянь, хлюпали глубокие мерзкие лужи. В такие дни компаньоны обычно подолгу засиживались в гараже за работой - бесцельно убивать время у телевизоров им не хотелось. Несмотря на происки Сыча и плохую погоду, строительство мастерской продолжалось. На новом фундаменте два опытных каменщика быстро выстроили высокий кирпичный цоколь, уложили автокраном плиты перекрытия: получился просторный, десять на пятнадцать метров, и довольно высокий, не ниже двух с половиной метров, полуподвал. Вход в него - через большие железные ворота. Здесь, по плану, будет располагаться автомастерская с мойкой и камера для покраски. В верхнем этаже разместятся офис и магазин автозапчастей (в будущем компаньоны собирались дополнить устав кооператива пунктом о торговле и тем самым попытаться избежать назойливой опеки Сыча). Как видите, каждый метр площади пойдет в дело, ничего лишнего.

Одновременно со всей суетой больших и малых забот Сергей, чей талант мастера удачно сочетался со способностями предпринимателя, увлекся новой идеей. В то время только-только были сняты ограничения на загранпоездки. Профессии «челнока» или «автоперегонщика» лишь зарождались, и массовый ввоз автохлама в Россию пока не начался.

Даже подержанная иномарка в провинции встречалась редко и стоила дорого. А если учесть, что таможенные пошлины еще не вызывали состояние шока, то это дело обещало стать прибыльным.

При помощи пронырливого Михалыча Вовка организовал приглашение в Финляндию. Приглашение на имя Сергея - у него, как человека несудимого, меньше хлопот с оформлением загранпаспорта. Собрали все наличные рубли и поменяли их на марки. Чтобы не чувствовать себя в другой стране безъязыким бараном, Сергей заучил несколько десятков расхожих слов и теперь мог кое-как объясниться по-фински. Он всегда все делал основательно. С Михалычем, человеком бывалым и совершившим уже несколько визитов в соседнюю северную страну, обсудили маршрут поездки, расположение недорогих гостиниц, дешевых авторынков.

5

В свою первую зарубежную поездку Сергей отправился морским путем - на пароме через Финский залив в Хельсинки. По прибытии в финскую столицу он не стал глазеть на городские достопримечательности, бродить по музеям и универсальным магазинам. На это у него не было ни времени, ни средств. Он приехал сюда с определенной целью - купить автомобиль - и не собирался размениваться по мелочам. В соответствии с рекомендациями Михалыча, Сергей даже не стал соваться на столичные авторынки, переночевал в недорогой третьесортной гостинице, а утром, опять-таки в соответствии с советами Михалыча, отправился на автобусе в небольшой городок с труднопроизносимым названием.

«Страна озер» показалась Сергею до неправдоподобия благопристойной, пасторально чистенькой. Сытые доброжелательные лица. Чужая речь. Красивая природа, соединившая в единый ансамбль озера, скалы и сосновые леса. Аккуратные качественные автомагистрали и соответственно дорогам - великолепные современные автомобили, которые раньше Сергею доводилось видеть только на иллюстрациях журнала «За рулем». Добравшись до конечного пункта, Сергей устроился в крохотном кемпинге. Можно было приступать к делу.

И тут ему повезло - он познакомился с земляком. Коля, высокий худой мужчина приблизительно одного с Сергеем возраста, житель Новгорода, приехал в Финляндию третий раз. Он уже присмотрел себе симпатичный японский микроавтобус, договорился с ценой и советовал Сергею повременить с магазинами и автосвалками и обратить внимание на местных жителей - может быть, удастся с кем-нибудь договориться.

- Дешевле выйдет. Особенно если с деревенским каким столкуешься, - объяснял он. - Я, к примеру, свою технику у фермера взял. Он на ней раз в неделю всем семейством в город приезжал. Семь лет, а пробег - шестьдесят тысяч километров. По здешним дорогам - пустячок!

Подходящий вариант попался не сразу. Кто-то отказывался от продажи, а другие заламывали такую цену, что Сергей сразу прекращал разговор. Помог Коля, задержавшийся еще на сутки прикупить на оставшиеся деньги различных тряпок - не ехать же порожняком! Когда Сергей после очередной неудачи пил кофе с великолепным финским шоколадом в кафе при кемпинге, в маленький зал стремительно вошел Николай.

- Вот ты где! - воскликнул он с порога. - Идем. Срочное дело.

На улице Николай указал Сергею на небольшой японский грузовичок (наподобие наших грузовых «УАЗов»):

- Это продавец. Старик-фермер. Я с ним сейчас случайно разговорился - есть легковушка. Купил семь лет назад, а ездить некуда. Так и стоит без толку.

Они подошли к хозяину - невысокому белесому старичку. Старик кое-как мог объясниться по-русски и сообщил, что у него есть пятилетний «Вольво», который он согласен продать - срочно понадобились деньги на приобретение дополнительного участка земли. После обстоятельных переговоров сошлись на окончательной цене, приемлемой и для фермера, и для Сергея...

В обратный путь Сергей отправился за рулем престижного (по крайней мере для него) автомобиля. Пробег машины составлял всего 52 тысячи километров (для образцовых финских дорог - смешная цифра!), кузов сохранился идеально - автомобиль постоянно находился в гараже и зимой эксплуатировался редко. Нервное напряжение, максимальная собранность, ожидание, сомнения, не покидавшие его за все дни пребывания в чужой стране, наконец-то стали уменьшаться. Сейчас, усевшись в автомобиль, владельцем которого он только что стал, Сергей ощутил надежность и самоуважение - он опять, в который

раз, добился своей очередной цели. Он вел машину аккуратно, постепенно приучая свое тело и движения к норову этого дорогого сложного механизма. Ему, как профессионалу, было интересно самому оценить машину, чьи технические возможности значительно опережали отечественные модели.

В Хельсинки он погрузился на паром и через несколько часов прибыл в Питер, где его дожидался Вовка. До самого Жердянска они ехали почти без остановок (за исключением автозаправочных станций), поочередно сменяя друг друга. Впрочем, такие меры предосторожности оказались излишними: на дорогах тогда еще не пошаливали «работники ножа и топора», домой друзья приехали без приключений.

6

Машину поместили в гараж - подальше от атмосферных воздействий и любопытных глаз. Обслуживание техники клиентов пришлось перенести во двор - сколотили временный дощатый сарай. Рабочий день отныне стал очень длинным. Днем трудились над заказами, а после ужина до самой полуночи изучали свое приобретение, стараясь не пропустить какой-нибудь скрытый дефект. Покупателя предполагалось найти состоятельного, и скорее всего, машину будут осматривать приглашенные специалисты - богатые люди недоверчивы. Да и несолидно прослыть мошенниками или неучами!

Работали в охотку. Погода к тому времени наладилась, вечера стояли теплые, светлые - наступило обычное для Жердянска время белых ночей. Вооружившись разнообразной литературой по «Вольво» (достать ее было нелегко), компаньоны терпеливо вникали в теорию, а потом, усвоив прочитанное, переходили к практике. А когда усталость наваливалась особенно сильно и головы от обилия знаний превращались в подобие чугунных болванок, они посылали все за тридевять земель и запасались испытанным лекарством. В такие вечера компаньоны задумчиво пили водку, вдыхали аромат сосновых лесов, обступивших город со всех сторон, и рассуждали... о технических особенностях различных марок автомобилей. Есть такая привычка у русских мастеровых - на рабочем месте они говорят о выпивке, а в застолье - о работе.

Несмотря на меры предосторожности - языками не трепали и машину держали взаперти, - об иномарке вскоре стало известно всему Жердянску. У некоторых это вызывало зависть, но у большинства обывателей - уважение. Как-никак, такой маленький кооперативчик, а за год двумя иномарками обзавелся. Возросшая популярность способствовала дальнейшему процветанию: машины для ремонта стали пригонять даже из соседних районов. Витька Сыч при встречах с Сергеем многозначительно подмигивал - тот отворачивался.

- Выжидает он, - поделился Сергей как-то вечером своими опасениями с приятелем. - Если продадим машину - обязательно потребует долю.

Вовка всегда слыл молчуном - красиво говорить не умел и не любил, и сейчас он только коротко выругался и произнес единственное слово:

- Обломится.

Далее разговор вел Сергей, а его молчаливый приятель иногда дополнял этот монолог все теми же короткими фразами.

- Вкалываешь, шустришь, как бобик! Столько сил вложено, можно сказать - частицу самого себя здесь оставил, - размышлял Сергей, поглаживая ладонью по серебристому капоту «Вольво» (они, как всегда, работали в гараже). - А придет какой-то охломон - и выдай ему денежку. Да не на бутылку, а столько, что рабочему человеку за эту сумму полгода трудиться надо. И если бы мы опять где-то схитрили - за машину государству уплатили сколько положено. Он повадится - за каждый шаг с нас «налог» брать будет. Аппетиты растут.

Решили больше не платить - вообще никогда. Хватит быть дойными коровами. И будь что будет! Витьке пока ничего не говорили, но потихоньку готовились: Сергей отослал жену с сыном к теще в деревню, а Вовка свое семейство - в местный пансионат отдыха. Теперь, когда тылы в безопасности, можно действовать раскованно.

Желанный покупатель отыскался в соседнем районе. Директор небольшой организации, в просторечье - «шараги». Денег, по всему, наворовал он предостаточно, сейчас стремился выглядеть солиднее, чем он есть на самом деле (обычное стремление ничтожных людишек), и поэтому решил пересесть на иномарку. Тем паче, времена пошли спокойные, демократичные и отчитываться перед кем-то за такую крупную покупку вовсе не требовалось. Машину перегоняли на рассвете. Сделка прошла успешно...

Домой друзья возвращались на рейсовом автобусе. В карманах - уйма денег, в головах

- легкая эйфория. Их состояние объяснимо. Если ты за тяжелый однообразный труд получаешь пустяковую сумму - испытываешь только досаду. Если при напряженной работе ты и получаешь прилично - на душе покой и удовлетворение. А если за какой-то месяц, пускай и чрезмерного запредельного труда, на тебя сваливается сумма, равная, пожалуй, только гонорару какого-нибудь мэтра эстрады?! Всю жизнь оба тянули от аванса до получки. После открытия кооператива поступавшие за ремонт машин суммы тут же расползались на текущие расходы, да и местные бандиты пощипывали - на жизнь оставалось не слишком густо. Не голодали, конечно, но и богачами себя не считали. А сейчас, с учетом всех официальных налогов, накладных расходов, чистая выручка составила такую сумму, что обе семьи могли без забот прожить полгода. Но это в идеале! Опять львиную долю выручки предполагалось вложить в дело, а остатки поделить в качестве зарплаты. В этот раз, учитывая успешное завершение крупной сделки, компаньоны решили не скупиться и взять по 400 рублей на брата.

В первый же день застраховали все имущество - и личное, и кооперативное - на максимальные суммы. Теперь можно ждать гостей. Гости пришли через два дня, когда Сыч, вероятно, как-то узнал о продаже автомобиля.

Двери гаража были распахнуты настежь - больше света и тепла. Облачившись в старые спецовки, компаньоны осматривали «Москвич-412», доставленный им накануне. Настроение у них было превосходное - этакий праздник души, не оставлявший их все дни после продажи машины. Приятным аккомпанементом раздавалась в салоне автомобиля песня популярной певички - приемник работал чисто, без помех.

И тут, некстати, появились эти двое: высокий длинноволосый юнец призывного возраста в грязных джинсах и не менее грязной потрепанной футболке и его ровесник, коротконогий толстяк по кличке Пончик, одетый в относительно чистый спортивный костюм. Оба были известными в городе тунеядцами, под стать своему патрону - Сычу. На последнем курсе ПТУ они попались на грабежах дачных домиков. Отсидев по году (благодаря молодости и неиспорченной доселе биографии), подельники вышли на волю. Сначала они присматривались, пьянствовали, а потом, не оскверняя себя работой, присоединились к сплоченной когорте местных рэкетиров.

Стараясь придать грубые интонации своему писклявому голосу, Пончик заявил, что Витька Сыч требует срочно доставить ему ящик водки - это аванс, остальную сумму «налога» назначат позднее.

- Тоже умники - загнали тачку и помалкивают. От нас ничего не укроется, - добавил он уже от себя.

Вовка резким движением выключил приемник.

- Испортил музыку, подлец! - произнес он непривычно длинную для него самого фразу. Эту фразу, еще в школьные годы, услышал Вовка на уроке литературы, пытаясь изучать труды какого-то классика. И как-то запомнилась она ему своей простотой и лаконичностью, засела в голове и теперь, неожиданно для него, оказалась вполне уместной.

Вышвырнуть их труда не составило. Оба молодца были чуть живы с похмелья, да и не ожидали они сопротивления от двух безропотных кооператоров. Вовка единым порывом схватил длинноволосого за шиворот, развернул и пинком выкинул вон. Сергей почти одновременно с ним проделал подобное действие с Пончиком. А когда те, опомнившись, достали ножи, Вовка с недоброй усмешкой взял в руки тяжелый лом. И сникли начинающие бандиты, утерлись, провизжали угрозы и ушли.

- Вечером надо ждать всю кодлу, - подытожил Сергей.

7

Подобно многим жителям Жердянска, Сергей любил периодически выбираться на охоту. Ружье у него было отменное - двустволка двенадцатого калибра, проверенная не одним сезоном. При покупке заплатил за него Сергей 350 рублей, что по тем временам было для охотничьего оружия суммой большой. Сразу после изгнания вымогателей он, не теряя времени, приготовил заряды с солью и взял несколько патронов с пулями.

Выбор сделан, и колебания сразу исчезли. Это как зимой с крутой горки скатиться. Сначала страшно, но пересилишь себя, рванешь вниз по склону, и уйдет испуг, все мысли и силы сконцентрированы на обеспечение правильных действий - устоять на ногах, увернуться от случайного дерева, где надо - яму объехать или перепрыгнуть.

Устраивать побоище Сергей не собирался - хотелось просто попугать наглых дармоедов, но если всерьез прижмут, он был готов стрелять на поражение. Его огорчало только одно - рассчитывать приходилось только на свое ружье, Вовка из-за судимости прав на

владение оружием не имел.

Вечер прошел в ожидании. Ближе к полуночи улицы опустели - разбрелись по своим жилищам последние прохожие, молодежь отправилась в клуб на дискотеку, только кое-где, за крепко запертыми воротами, скучновато побрехивали собаки. Компаньоны заперли гараж, ворота усадьбы и расположились на новом фундаменте, за поддоном кирпича. Обзор прекрасный, видимость тоже - «белые ночи» еще не отступили. В отдалении, на соседней улочке, внезапно во весь голос зашелся лаем чей-то пес.

- Идут, - прошептал Сергей. И оказался прав.

Мелькнули на перекрестке неясные ускользающие тени. Кто-то негромко выругался. Шесть человек приблизились к забору. Впереди - Витька Сыч.

- Эй, купчишки, вылезайте! - заорал он. - Повинную голову меч не сечет.

Сергей зарядил ружье: в один ствол - соль, в другой - пулю. Встал на видном месте. Рядом с ним выросла внушительная фигура Вовки, в руках - длинный лом.

- Убирайся вон, - спокойно произнес Сергей. С оружием в руках он чувствовал себя уверенно. Даже азарт появился - как на охоте на крупного зверя. - Кормушка закрыта. Денег больше не увидите. Полезете внутрь - пристрелю.

Витька от такого нахальства растерял все слова, какое-то время стоял, выпучив глаза, потом властно кивнул Пончику. Тот, испуганно посматривая на Сергея, взобрался на забор, перевалился и на секунду застыл, развернувшись задом. Этого было вполне достаточно. Рука охотника не подвела. Раздался выстрел - и заряд соли сочно вошел в мягкое место нарушителя границы. Издавая жалобные вопли, толстяк воробышком перескочил обратно и куда-то убежал. Скорее всего - вымачивать соль. Сергей убрал стреляную гильзу, зарядив ствол боевым патроном.

- Теперь стреляю только пулями, - предупредил он.

«Сычата» нерешительно топтались у ворот, вопросительно посматривая на главаря. Лезть под пули не хотелось. Витька застыл, как изваяние. Как всякий лидер, он неплохо разбирался в людях и теперь сразу понял, что этот кооператор не блефует и готов на самом деле открыть настоящую пальбу. И не сказать, чтобы он испугался ружья (видел Витька и пострашнее оружие), а тем более Вовку с его примитивным ломом. Витьке не хотелось поднимать большого шума: дальнейшие выстрелы наверняка привлекут внимание соседей (народ тогда был еще не пуганный, любопытный), позвонят в милицию, начнется разбирательство... Стараясь сохранять невозмутимый вид, Витька развернулся и молча пошел прочь. За ним побрели остальные.

- И запомните - мы все застраховали! - крикнул вслед Сергей. - Подожжете - еще лучше построим.

8

Торжествовать победу было рано. Компаньоны прекрасно понимали, что эта неудача скорее разозлила, чем напугала бандитов. В любой момент следовало ожидать какой-нибудь пакости, и Сергей с Вовкой старались постоянно держаться вместе, а на улице передвигались только на машине. Ночевали в кооперативе, спали по очереди - надо присматривать за автомобилями клиентов, они-то не застрахованы.

Через неделю у ворот гаража опять появился Витька Сыч. На этот раз он был один. Одет с иголочки - новые американские джинсы, пиджак из натуральной кожи, фирменная рубашка, остроносые итальянские полуботинки. «Вот куда идут денежки наших кооператоров, - подумал Сергей. - Сам за свою жизнь ни копейки не заработал, а одевается лучше всех в городе». Демонстративно отвернувшись, Сергей стал прибираться на верстаке. Вовка разбортовывал колесо и ждал продолжения.

- Успокоились? - неприятным скрипучим голосом начал Витька, остановившись у входа. - Рановато. И деревенька Кружково мне известна, - назвал он место проживания тещи Сергея. - И до пансионата всего три часа езды, - Сыч выразительно посмотрел на Вовку.

Вовка нахмурился, оставил колесо, встал. Витька иронически улыбнулся - улыбка получилась довольно мерзкой - и в качестве последнего аргумента в его ладони сверкнула грозная чернь пистолета.

- Не ожидали, - хихикнул он. - Про свою берданку забудьте - мозги вышибу. Короче, готовьте водку - ящик. Для начала. В качестве штрафа за непослушание. А потом, в дружеской беседе, установим окончательную сумму. Будете тянуть - навещу ваши семейства...

В этот день Сергей с Вовкой больше не работали. В реальности услышанной угрозы компаньоны не сомневались. Недавняя стычка, в результате которой Витьке впервые при-

шлось уступить, пошатнула его авторитет. Отказ платить грозил появлением подражателей. Медлить, а тем более не принимать мер, никак нельзя: стоит только раз дать слабину, и с ним никто не станет считаться. Кооператоры и торговцы водкой перестанут платить «налоги», и разочарованные подельники изберут другого вожака. Бунт надо давить срочно и полностью, не останавливаясь на полумерах. И если для этого придется покалечить какого-то подростка - другим, несговорчивым, урок будет наглядный. Видимо, публика стала забывать про искалеченного упрямого Таракана, придется напомнить.

Примерно так, по мнению Сергея, должен был рассуждать Витька, и поэтому ждать от него снисхождения было наивно, надо срочно принимать определенное решение. Обращаться в милицию? Свидетелей разговора нет, да и сама угроза была произнесена в такой завуалированной форме, что вряд ли будет сочтена за криминал. В милиции даже заявление не примут, сочтут выдумкой или преувеличением. Тем более, что рэкет в те годы считался атрибутом буржуазного строя и нереальным для нашего общества фактом. Нет. Надеяться надо на себя. Сергей напрягал извилины, пытаясь придумать что-то дельное, а Вовка облегчал душу бесполезными угрозами и порциями спиртного.

Но, несмотря ни на что, смириться и вновь выплачивать дань друзья не собирались. Оба они относились к той породе людей, которых можно долго давить и доить, но... до определенного момента. Внезапно дойные коровы превращаются в бесноватых быков, которые, не считаясь с последствиями, затаптывают недавних притеснителей.

Перебрав разные варианты, они сошлись на одном: заманить Витьку в укромное место и поколотить его от души. Так, чтобы он всю оставшуюся жизнь в инвалидной коляске ползал. Или умом тронулся. Кому он тогда будет нужен? Дружки забудут о нем через неделю. Деталями предстоявшей операции занялся Сергей.

9

Летний вечер был на исходе. Большая часть обывателей давно заняла места у телевизора - лучшего друга советского человека (не продаст, не обидит, взаймы не попросит, в безделье развеселит). На улицах оставалась молодежь и запоздалые пьяницы, с трудом пробиравшиеся к родным очагам. Иногда, потеряв равновесие, какой-нибудь красноносый гражданин кулем валился на тротуар, а встать уже не было сил. Подъезжала милиция и увозила страдальца в медвытрезвитель.

Расставшись у пивной с друзьями, Витька медленно брел по пустынному тротуару. Выпитый «ерш» приятно согревал тело и душу. Хотя не мешало бы пропустить еще! Темно-синий «БМВ» подъехал почти бесшумно. За рулем - Вовка, Сергей - на заднем сиденье справа. Два дня они терпеливо наблюдали за Сычем, стараясь застать одного, сегодня им повезло втройне - Витька был один, пьяный и вокруг ни одного прохожего. Машина плавно остановилась у кромки тротуара, точнехонько напротив Сыча.

- А-а, буржуазия, - недружелюбно протянул Витька.

- Мы согласны, - вместо приветствия сказал Сергей. - Литр водки у нас с собой, - кивнул он на переднее сиденье справа, где заманчиво поблескивали две бутылки. - Остальное на даче. Если хочешь - поедем, заберешь.

- Давно бы так! - ухмыльнулся Витька и уселся справа от водителя. Предложенная водка была кстати - луженая глотка алкоголика (кем давным-давно был Сыч) настойчиво требовала «горячительного». Хорошенько взболтнув бутылку, он натренированным движением ловко сорвал пробку и вытащил из кармана своего шикарного кожаного пиджака граненый стакан.

- Закусь есть?

Сергей протянул плитку шоколада. Витька налил сто пятьдесят граммов, выпил, зажевал долькой шоколада.

- Едем! - скомандовал он.

Дачи находились в пяти километрах от города, по другую сторону реки. В дороге Витька еще раз приложился к стакану, опьянел и, как всякий алкоголик, стал угрюмым и агрессивным. Скрылись последние окраинные улочки, серые островки складских помещений, дорога пошла сосновым бором. Сергей молча вздохнул - надо решаться. Везти Сыча на дачу не имело смысла, водки там нет - это был только предлог, так сказать, приманка в мышеловке. А разбираться с Витькой на дачах, в людном месте, просто глупо.

- Может, найдем компромисс? - неестественно хриплым голосом предложил он. - Платить за все, даже за легальные дела - это перебор. Государству мы платим налоги, и тебе - дай. Где же логика?

Витька всем телом развернулся назад. Лицо раскрасневшееся, с отечными веками.

Молча пригубил бутылку, отпил прямо из горлышка.

- Вот и вся логика - в бутылке. Пока я жив - будете меня поить и кормить.

Витька отвернулся, вновь развалился на сиденье и продолжил, обращаясь теперь уже к Вовке:

- А вздумаете упрямиться - детишек своих навещать придется. В травматологии...

Лучше бы он этого не говорил. В последний момент Сергею пришла в голову неожиданная мысль. Он понял, что Витька, с его настырным характером, будет опасен и в инвалидной коляске. Деньги у него наверняка в загашнике имеются, а при их наличии нанять кого-нибудь из «коллег» для утоления мести - проще пареной репы. Успокоится Витька только в гробу. И уже замахнувшись маленьким рыбацким топориком (заранее припасенный, он лежал под передним сиденьем), Сергей развернул руку и ударил не обухом, как было задумано, а хорошо заточенным лезвием. Топорик пробил череп с характерным треском. Для полной гарантии - в машине тесно, удар слабоват - Сергей добавил еще несколько раз.

Тишина. Обмякшее тело бандита, после коротких конвульсий, полулежа застыло в кресле. Темно-красная кровь из разрубленного темени быстро стекала на бархатный чехол. Вовка притормозил на обочине.

- Ну и дела! - удивился он. - Вроде покойник.

- Туда и дорога, - все еще находясь в боевом возбуждении, сказал Сергей. - Здесь ему не Чикаго. Другим дышать легче. Надо бы его хорошенько упаковать.

Они съехали с шоссе на проселок, остановились на берегу реки.

- Место глубокое - не вынырнет. Я здесь частенько окуньков ловил, - заметил Вовка.

- Вот и ладненько, - согласился Сергей. - Рыбкам тоже кушать хочется.

Обшарили карманы трупа - пистолета нет, только большой охотничий нож. Решили не брать. Сергею было не по себе - он впервые убил человека, но он старался сдерживать свои эмоции перед Вовкой, мысленно напоминая себе, что уничтожил бандита, покушавшегося на благополучие и жизнь его родственников. Вытащили тело из машины.

- Вот гад - всю обшивку испачкал! - ругался Вовка.

Взявшись за руки и за ноги, проволокли по песку и бросили в воду. Раздался звучный всплеск, разошлись круги...

- Одной заботой ме... - начал было Вовка и замер на полуслове - на речной поверхности появился темный округлый предмет. Голова!

Это всплыл Витька. Видимо, удары маленького топорика только лишили его сознания, и холодная речная вода вновь привела в чувство.

- Живым его оставлять нельзя, - пробормотал Сергей.

Вовка подобрал первую попавшуюся палку и стал отталкивать Витьку от берега, он заметно растерялся, движения были суетливые, неуверенные. Сергей действовал, как автомат: деловито осмотрелся, нашел длинную тяжелую дубину и подбежал с ней к кромке воды. Отстранив Вовку, он широко размахнулся и со всей силы ударил дубиной прямо по окровавленной голове Сыча. Смотрел при этом ему в глаза. Голова вновь исчезла в воде. На этот раз навсегда. Отряхнувшись, компаньоны поднялись к машине.

- Если каждый предприниматель убьет по бандиту - рэкета в России не будет, - тяжело дыша, сказал Сергей приятелю.

И тут он заметил очень скверную картину: на противоположном берегу, рядом с чахлым кустарником, прохаживались несколько рыбаков с удочками и с интересом поглядывали в их сторону. Кто знает, когда они появились, что успели заметить. Во всяком случае, когда Сыча бросали в воду, оба берега были безлюдны - это Сергей помнил твердо. И вот такие неуместные свидетели!

- Приплыли, - устало, с безразличием в голосе, сказал Сергей и медленно уселся в машину - опять на заднее сиденье.

- Ты чего? - удивился Вовка и... тоже увидел. - Они же ничего не заметили.

- Еще светло. И река здесь неширокая - метров сто. Может, что-то и увидели подозрительное, - ровным голосом - навалилась апатия - продолжал Сергей. - А машина твоя приметная - одна на весь город. Поехали, в дороге поговорим.

Они отъехали в ближайший лесок, выбросили в кусты недопитую бутылку водки - после Сыча к ней было противно прикасаться, испачканный кровью чехол кресла свернули и положили в багажник. Выезжая на шоссе, включили фары - начинало темнеть. Медленно двинулись в обратном направлении.

- Его обязательно будут искать, - объяснял Сергей. - Первой забеспокоится мать - единственный сын! Потом спохватятся и дружки. Ну, они, возможно, в милицию и не пойдут.

Но мать - обязательно. А вдруг кто-то видел Сыча в нашей машине? Кровь с обшивки не убрать. Продать машину? Подозрительно. И бесполезно - найдут, если захотят. Тут еще рыбаки некстати появились! И когда нам предъявят обвинение - выкручиваться будет тяжело. Самое разумное - всех упредить. И дело можно представить так: вымогал деньги, угрожал - согласились выплатить. Поехали на дачу выпивать и расплачиваться, в дороге Сыч стал безобразить, стращать ножом, и я, защищаясь, нечаянно убил. Превышение необходимой обороны! Получу по минимуму. Может быть, условно. Ты будешь только свидетелем. Предварительный сговор отрицаем - с твоей прежней судимостью могут накрутить сверх головы.

Впереди показалась жиденькая россыпь огней - начинался Жердянск. По квартирам разбредаться не стали, отправились на базу. Включили свет в гараже, распечатали бутылку водки, нашли немного хлеба. Подняв стакан, Сергей словно в первый раз окинул взглядом привычный интерьер гаража - верстак, стеллажи, разнообразный инструмент. Обычная рабочая обстановка, истинную ценность которой начинаешь понимать в такие вот прощальные минуты.

Особенность ситуации состояла в том, что никто Сергея в милицию не тащил. Он был свободен, впереди - два-три дня (возможно, и больше), в течение которых Витьку искать не будут. Можно спокойно собрать деньги и раствориться в российских городах и поселках. Или завербоваться на сибирскую стройку. Новые документы - при деньгах не проблема. Но то, что хорошо для уголовника, не годится для него - законопослушного гражданина. Не сможет он, как крыса, прятаться всю жизнь. Лучше прийти с повинной.

Ночь прошла в разговорах. Сейчас было важно наметить тактику дальнейшего поведения. Детально обсуждали, как будут вести себя на допросах, что отвечать, на чем настаивать. Адвоката решили пригласить из областного центра. Дорогого! Побольше заплатишь - поменьше дадут. Профессионал в своем деле, Сергей понимал, что с законом лучше общаться при посредничестве опытного профессионального юриста. Экономия обойдется дорого.

Под утро задремали на несколько часов. А около девяти Вовка повез Сергея «сдаваться». Остановились неподалеку от здания милиции. Сергей вылез из машины, пожал приятелю руку и уверенно зашагал к обыкновенным с виду дверям - барьеру между тюрьмой и свободой.

10

Все произошло примерно так, как и предполагал Сергей. Его обвинили в убийстве при превышении пределов необходимой обороны и по статье 105 УК приговорили к двум годам лишения свободы. Собственная предприимчивость и финансовая поддержка Вовки (деньги - они и в тюрьме деньги!) помогли Сергею пристроиться в колонии на теплое местечко инженера по технике безопасности. На общие работы его не отправляли. Все положенные посылки и свидания он получал без ограничений. Через год за примерное поведение ему даже разрешили краткосрочный отпуск домой, и он появился в Жердянске к великому изумлению семьи и знакомых.

Тело Сыча, выловленное из реки, предали земле. Безутешные «соратники» устроили грандиозное траурное шествие с привлечением духового оркестра. Потом было богатое застолье, положенные в таких случаях речи... А месяц спустя о нем все, кроме матери, забыли. Компания после смерти главаря быстро распалась. Случай получил широкую огласку, и угрозыску пришлось всерьез заняться местными вымогателями. Воспользовавшись ситуацией, многие кооператоры отнесли заявления в милицию, и почти всю «братву» отправили на лесоповал. На свободе совершенно случайно остался только Пончик: после заряда соли он, подлечившись, сразу же уехал из города и таким образом на время исчез из поля зрения правоохранительных органов.

11

Отсидев полтора года, Сергей освободился по амнистии. Все это время Вовка, как мог, поддерживал на плаву кооператив. Мастерская, конечно, так и осталась недостроенной - на это у него не хватало сил и средств. Главное было - сохранить фирму, и она продолжала функционировать, хоть и в более скромных масштабах. Досрочное освобождение Сергея оказалось весьма кстати.

Наталья УСАНОВА

ГОРОД ЗОЛОТОЙ

Дневник студентки
(Журнальный вариант)

Год первый

29 августа. Если закрыть глаза - не совсем, а так, чтоб чуть-чуть видно, и смотреть прямо на солнце, появится полоска - зеленый, розовый, желтый... Она дрожит. А я знаю, как это все называется. Это белый свет проходит через дифракционную решетку моих ресниц. Слово-то до чего интересное - ди-фрак-ци-... Ч-черт! Что? Ясно, фонарь. А на лбу шишка будет, больно.

Так я иду по городу. Люди никогда не ходят просто так, а я человек, значит, тоже иду по делу, ведь я теперь здесь живу. У меня комната в серой пятиэтажке. Похожих пятиэтажек в городе много-много, а отличаются они разве что номерами. Моя - 31. Совсем забыла, есть у нее еще один характерный признак: на боку вывеска «Second hand». Но магазин отхватил только маленький кусочек здания. Остальное - общага. Это значит, что в моей комнате живут три пока не моих человека.

Между прочим, общага хорошая, потому что здесь нет наркотиков и драк, а телевизионка есть. И девчонки мне попались тоже хорошие. Когда захожу, каждый раз об этом думаю. Женя все время что-то делает, и у нее ловко получается. Сейчас занавески прикрепляет. Я пока ее побаиваюсь, потому что мне рядом с ней постоянно кажется, что я ничего не умею, и она строгая. Алина - человечек совершенно замечательный. Она как ребенок - играет в «Тетрис». Пухленькая. С ямочками на щеках. Постоянно улыбается. Тоня тоже хорошая. Сейчас лежит на кровати с мобильником. Названивает какому-то Коле по пять секунд и молчит. Алина и Тоня на четвертом курсе филфака. Я и Женя на первом курсе и в одной группе. Я с ними подружусь. Очень просто: днем мы будем ходить на пары, вечером мы будем делать что-нибудь интересное. Например, печь блины. И будем разговаривать. Алина тоже любит Есенина.

Я не знаю, чем заняться, куда сунуться. Сажусь на кровать и беру подушку. Есть у меня глупая привычка сидеть с подушкой. Я беру ее на колени, обнимаю, и мне становится спокойно. У меня из-за подушки из-за этой целая трагедия была, когда я заселялась и ее получала. Я у кастелянши на бланке написала в графе ФИО «Дарья Владимировна Петрова», а на меня наорали. До меня сразу не дошло, за что. Оказывается, так писать нельзя. Надо писать: «Петрова Дарья Владимировна». Я очень тогда расстроилась. Дура. Из-за каждой неприятной мелочи начинаю дрожать и сжиматься.

2 сентября. Странный город! Здесь принято ездить. Пешком нужно только до остановки. Я даже не успеваю толком посмотреть по сторонам и пока еще ничего примечательного не запомнила по дороге на учебу. Только заметила вот этот большущий памятник. Написано, что Бабушкину. Я такого не знаю, но, наверно, какой-нибудь деятель времен тоталитаризма. Я обязательно узнаю, кем он был, как только меня запишут в библиотеку.

Осень. Город как золотой. Даже в университете - там желтые стены, и на них бьются жилки, солнце через жалюзи. Все преподаватели в костюмах и с галстуками, умные, значит. Даже страшно. Но я буду все-все качественно учить, как в школе, так неужели же не потяну?

- Приветище!

Рита пришла, староста. Здоровается сразу со всеми. У нее полосатый шарф, яркий, прямо в глазах рябит. Она может хоть с кем заговорить и обещает, что наша группа будет самая лучшая и мы всего добьемся. А я и не сомневаюсь, ведь все такие необычные, такие индивидуальности и личности! Миша говорит, что играет на гитаре в собственной группе

и составляет песни, исправляя тексты Гумилева и Пушкина. Катя училась в настоящей женской гимназии. У Оли глаза большие и печальные. Настя К. и Ира умеют говорить о политике и носят футболки с Чегеварой. Олег - просто хороший парень. Дима стихи пишет. А с Лидой, Ирой и Лешей я познакомилась еще в общаге. Точнее, они со мной познакомились: я же трусиха, никогда первая не подойду. Меня очень пугает, что я не могу до сих пор нормально, свободно разговаривать. Но как разговаривать, если я такая обычная? Я скажу, а им неинтересно будет.

Сегодня одна пара, у декана.

- Помните, вы приехали сюда учиться. Наш университет по праву считается одним из лучших, поэтому здесь смогут учиться только те, кому это надо. Остальным советую сразу уйти...

Будто мы и так не понимаем, что все по-взрослому. Звонок! Где Женя? Она что, не подождет меня разве? Она с Лидой пошла и совсем не на остановку. Я боюсь одна ехать. Проеду еще, как вчера, мимо своей остановки, если Бабушкина вовремя не увижу. Ой, Леша. Тоже в общагу. Мне повезло. Надо бы заговорить, неудобно так. Как? Синтаксическую конструкцию в разговорном стиле часто начинают обращением. Но так неудобно назвать чужого человека по имени! Нет. А он на кого-то очень похож. Да ведь на меня! Тоже очкарик лохматый. Только ростом пониже. Мне по имени ни за что не назвать. Ну, тогда...

- Ты не знаешь, когда в общежитии душ будет работать?

Кошмар. Ужас. Жуть. Не могла ничего поумнее ляпнуть.

- На следующей неделе, думаю, откроют. Я люблю каждый день голову мыть.

14 сентября. Я снова рисую. Алину в свадебном платье. Алину с натуры, а свадебное платье под диктовку. Большой вырез, пышные рукавчики, колье сердечками. Я не знаю, зачем ей это. Но ей нравится, пусть так. Только мне стыдно немножко. Милая. Смешная. Я ей потом расскажу, что бывают другие рисунки, и она, конечно, поймет. Я мечтаю нарисовать колокольный звон. Чтобы смотреть на бумагу - и слышать. Именно городские колокола, которые над перекрестком, над машинами.

16 сентября. Полдевятого. Я еще успею книжку почитать. Я роман-газет бабушкиных привезла целую связку.

- Девчонки, давайте скинемся на неделю. Я майонеза куплю.

Это Женя. Держит банку. Да-да, мы храним наши сбережения в банке.

- Даша, чайник поставь. А чего ты кастрюлю плохо помыла?

Верно, кастрюля вымыта препаршиво. И мыла ее я. А майонез я просто терпеть не могу. Женя опять из комнаты вышла. Бегает по комнатам и записывает дни рождения, чтобы потом писать поздравления именинникам от этажа. Она активистка. Я о ней мало знаю. Вчера она при мне с Лидой разговаривала и сказала, что для нее смысл жизни - карьера. Да, Женя, я ненавижу майонез. Особенно оливковый.

Стук в дверь. К нам всю неделю заходят разные люди. Мне нравится закрывать глаза на три секундочки и угадывать, кто пришёл. Раз-два-три... Леша? Нет, это из пятьдесят первой девушка, растительного масла просит. А вот и Леша. Я как чуяла, что он к нам заявится. Делает ехидную улыбочку и протягивает мне руку:

- Здорово.

Руку тебе пожать? Легко. У меня есть одна особенность - я для девчонки очень сильная физически. У меня рука большая и крепкая.

- О-о-й!

Не так больно, конечно, он прикалывается. Но нам смешно.

21 сентября. У меня чрезвычайное происшествие. Что делать? Я разбила банку с вареньем, а с минуты на минуту придет Женя. Когда что-то рассыплешь, нужно собрать это метелкой на совок. Когда разольешь, нужно тряпкой затереть. А как быть, если варенье? Оно же и не сухое, и не жидкое, да еще и с осколками. Ой, сейчас до половика дотечет. Вот в халате, в кармане, носовой платок есть. Мне мама во все карманы аккуратненькие платочки кладет. Только вся перемазалась. Почему я такая растяпа? Сейчас сяду на пол и зареву.

26 сентября. Сколько я уже здесь? Месяц почти. Так и не прижилась до сих пор. Нет, у меня все нормально: меня никто не обижает, я их люблю. Как-то получилось, что пока я неделю за неделей удивленно хлопала глазами на личностей и индивидуальностей, они все

между собой передружились, а я осталась за бортом наедине со своим удивлением. Женя подружилась с Лидой, Дима с Олегом, Рита с Катей, Леша с Олей. Прихожу в универ, и нападает на меня какой-то ступор. Глядя на парту, вожу по ней пальцем - рисую лица и пейзажики. Их не видно, потому что от пальца не остается следа. То, что я вычерчиваю, никто не видит. А парта - зеленая.

28 сентября. Смешно - я когда-то мечтала стать археологом и найти мамонта. Я тогда еще в школе училась. А еще раньше я думала, что если долго-долго копать Землю, то можно докопать до ее другой стороны. Она же шарик. Ведь если, скажем, клубок ниток проткнуть спицей, то она хоть как выйдет на его поверхности. Я пыталась докопаться до другой страны. Я была уверена, что там люди ходят наоборот, и трава сверху, а небо снизу. Хотелось с ними дружить. Но Земля оказалась слишком большим шариком, а я - слишком маленькой.

4 октября. Сижу на семинаре и молчу. Я готова, полтетрадки исписала, но мне ни за что не заставить себя ответить. Я раз попробовала и заикаться начала. Все рядом такие развитые, другие. Столько поднятых рук! Катя вон как уверенно рассказывает. Еще часто отвечает Олег Федоров. Он, я слышала, победитель какого-то молодежного конкурса, поступил со льготами. Рита очень складно говорит. Может говорить абсолютно обо всем. Я не смогу с ними подружиться, ведь в дружбе нужно что-то дарить, а что я подарю? А в школе меня ненавидели, потому что я шла на медаль. Я раз получила тройку, и весь класс смеялся.

Перемена. Рита:

- Ребята, слушайте, давайте встретимся завтра вечером у Оли на квартире: она приглашает.

Я боюсь. Я не хочу. Здесь, на учебе, можно уткнуться в книжки. Там придется говорить.

- Рита, а если никак не пойти?

- Даха, пойдем! Мы же все вместе, все друг для друга. Все пойдут. Нам именно без тебя не обойтись.

Обняла меня. Какая большая, яркая! Ну, раз все... Что мне для них сделать? Ура, придумала! Я намочу тряпку и вымою доску.

5 октября. Меня после учебы поймала Рита. Она видит, что я не могу приколлективиться, и решила, видно, мне помочь. Она повела меня к кофейному автомату, мы взяли по стаканчику этой пакости под названием «Irish cream».

- Даш, ты чего комплексуешь? Мы все тебя любим. Давай, расскажи, о чем ты думаешь, когда молчишь.

У меня, естественно, все слова из головы вылетели. Я попыталась помямлить, а потом достала мой дневник и подала Рите. Она взяла мою тетрадку, положила к себе на колени. Сказала, что это я правильно, мол, дневники и есть для того, чтобы их читали. Бунин тоже дневники вел. А сама она, Рита, однажды забыла свой дневник у Костика Белова. В дневнике было то-то и то-то, и поэтому... Мы о многом говорили, только дневник мой она так и забыла открыть. Ее позвали - она убежала. И я пошла. В общагу не хочется.

Надо подумать. Значит, пойду ходить, скорее всего, в парк. Почему туда? А потому, что там есть чертово колесо, огромнейшее. У меня у маленькой была мечта покататься на такой штуковине, а сейчас есть возможность, но я почему-то не решаюсь, только хожу на него смотреть. Я вообще большой любитель помечтать. Смешно вспомнить, раньше я думала, что научусь летать. Я собирала крылья: подбирала на улице блестящие вороньи перья. Ну, такое счастье выпадало на мою долю не каждый день, поэтому я пополняла мои запасы, ковыряясь по ночам в подушке. Куриные перья - они белые и легонькие. А гордостью моей коллекции было перо, которое я нашла однажды в лесу, большое, в крапинку. Я считала его страусиным. То, что страусы не водятся в лесах возле поселка Тюшкино, где живет моя бабушка, для меня было несущественно: может, страус пролетал к себе в тепло и уронил. Только недавно я узнала, что страусы не летают. А я училась летать. Связывала перья и прыгала с пенька за огородом, размахивая «крыльями». Несколько раз нос расшибала, вот и все.

Ой, я же хотела подумать о том, как мне дальше жить, и опять унеслась черт знает куда. В парке хорошо, березы. А знаете что, березы? Я не буду придумывать, как дальше жить. Я - просто - буду - жить.

Женя согласилась, что я пойду на встречу группы с ней, а то я бы обязательно не нашла нужный дом. Неприятно было навязываться ей в компанию, но я одна боюсь, пришлось навязаться. С нами идет и Лида. Я к ней еще не привыкла. У нее смешные кудряшки и

резкий, громкий голос. Она, как и Женя, из деревни. Я запомнила, потому что деревня у нее интересно называется - Остров.

- Лида, а Остров - крупный населенный пункт?

- Крупный. На одном конце Тузик тявкнет, а с другого конца Бобик отзовется. У нас там целых несколько домов.

Первый раз в жизни ехала на лифте! Это - да! А вечеринка... Да нормально прошла, а написать вроде не о чем. Говорили. Пили. Ну, я не пила, я никогда не буду пить, потому что пьяная девушка - это противно. Смеялись. И все, пожалуй. Спать хочу.

19 октября. Люди, снег! Между прочим, первый. И мы всей подгруппой побежали на крыльцо, даром что звонок уже был - успеем. Рита всех обнимает по очереди, Лидку чуть с ног не повалила, обе хохочут. А Олег целится в них снежком. Из чего и наскреб? Леша говорит: «Подумаешь, снег». А сам, пока на него никто (ну, кроме меня) не смотрел, снежинку ртом поймал и улыбнулся. И опять сделал строгое лицо. Можно, мы насовсем такими останемся?

21 октября. А у меня, между прочим, новые сапоги - замшевые. Алина чуть не лопнула от зависти. Тоня, как всегда, отреагировала, крайне флегматично - повернулась на кровати на другой бок и зевнула. Скучная она. Оживляется, только когда Алина по телефону знакомит ее с каким-нибудь парнем. Алина сама уже завела себе двух постоянных парней в разных городах, но на всякий случай ищет еще. Она не хочет выйти замуж не за того. А Тоне она отдает запасные варианты.

Вообще-то я о сапогах. У меня еще никогда таких дорогущих не бывало и таких шикарных: они до колена, прямо по ноге в обтяжку и узконосые. Приду завтра на учебу и специально положу ногу на ногу, узким носком вверх. Но это будет завтра, а пока я для пробы пройдусь до магазина. А что? Я по делу пойду. Допустим, куплю там зубную щетку. О, я придумала! Сейчас пойду в тот большой магазинище, который на углу. Я раньше не отваживалась туда сунуться, в нем все прозрачное, стеклянное, есть эскалатор. Там даже двери самооткрывающиеся! Сейчас мне туда можно, раз я в новых сапогах. Этот магазин - город в городе. Целая Вавилонская башня.

...Я так и не пошла в магазин. Дошла до входа, забылась и - прямо, а там стекло. Я-то думала - откроется, но оказалось, что самооткрывающиеся двери соображают медленнее, чем я. Ну, я в это стекло носом с разбегу. Очки направо, я налево - как всегда. Замечательно. Я мысленно плюнула и пошла в мой парк, на чертово колесо смотреть. День сегодня определенно не задался, потому что дорога к парку слякотная. Я прыгала-прыгала через лужи, думая, как хорошо было в старых моих рыжих ботинках, и решила, что запихну я новые сапоги под кровать.

29 мая. Я случайно нашла мой дневник. Начинала вести его осенью, а потом у меня в голове угнездилась одна идиотская мысль. И не скажу я, какая, потому что чушь это все. Стыдно о ней писать. Стук в дверь. Ура, это Леша!

3 июня. Сессия. И этим все сказано. И депрессняк у меня только из-за нее.

5 июня. Если я завтра сдам старослав, то... я сдам старослав. До того доучилась, что потеряла всякую способность соображать. Хорошо, что Алина и Тоня уже уехали, потому что иначе я бы точно не сдала. Женя ушла учить к Лиде. Включив радио, я села его слушать. Холодно. А радио нагрелось. А если его обнять? Это идея. Так и заснула я с этим радио в обнимку, прямо за столом вырубилась. Не услышала даже, как Лешка пришел.

- Петрова, ты чего, спишь?! - смеется. Уходить собрался.

- Подожди, я совсем не сплю нисколько.

Он к окну подошел:

- Смотри-ка, трава! А у тебя есть пятнадцатый вопрос?

- Вроде был. Там ведь про...

Точно: трава, самая настоящая, зеленая. Она выросла, а мы и не заметили, как. Значит, скоро лето.

18 июня. Я еду домой. Уже целый год, как не была дома. Все наши, кто из приезжих, жалуются, что скучают по своим родным. Я тоже жалуюсь, но если честно, не очень скучаю. Наверно, это плохо и я бесчувственная дура. В электричке скучно. Почитать эсэмэс-

ки, что ли? У меня их много накопилось. Я все храню, потому что они как подтверждение, что я кому-то нужна, что я друг.

«15.10.04. Аня Серюбина: «Есть диско седня? Идешь? Ты в какой комнате?» Я с Аней этой в первый раз на дискотеку ходила. Боюсь дискотек, я не знаю, куда мне себя девать, если музыка, темно, толпа. Я танцую обычно с закрытыми глазами. Аня не так. Она на диско в своей стихии. Она почему-то называла меня «песец» и говорила, что научит меня плохому. Я с ней толком подружиться не успела, ее выгнали после первых экзаменов.

«3.11.04. Олег Федоров: «По англ. задали стр. 67, 71? Если да, то принеси завтра, пожалуйста! Заранее спасибо. Олежек». Олег умный парень. Он молодец, работает. Барменом. Только он зря изображает из себя крутого, ему не идет.

«12.12.04. Катя Лапина: «Дашка, не могу я учить! Солнце такое - в окошко выгляни!» Это сессионное. Обожаю Катю. Она, наверно, самый образованный человек в нашей группе. Ее родители - педагоги. И еще - она самый солнечный человек. Когда кому-то плохо, она первая подбежит, обнимет и всегда найдет, что сказать. Она смешная - футбол любит. И - патриотка. Говорит, что будущее России зависит от нас.

«12.12.04. Леша: «Ja s Oley gylau. Popozje». Я просила его мою тетрадку по зарубе принести, он в ответ прислал. Да, он встречается с Олей. Об Оле я мало знаю. Она на кошку похожа, белую и пушистую - движения плавные, вместо «привет» говорит «мур-р». Она добрая: когда я совсем раздумаюсь о ерунде, забьюсь в угол и молчу, подходит ко мне и разговаривает. Она всегда печальная, любит вздыхать. Обаятельная. Они оба с Лешей очень хорошие, только у меня внутри давит что-то, когда они целуются у меня на парте. Это просто оттого, что лично меня никто в жизни не целовал, и мне как-то стыдно. Только из-за этого, и не больше.

19 июня. Все. Впадаю в летнюю спячку. Третий день дома, родители меня усиленно кормят - считают, что я похудела на студенческих харчах. По вечерам смотрю с мамой сериалы, а с папой - мультфильмы. Утрами сплю до двенадцати. По дому дел особых нет: стирает машина-автомат, ковры чистит пылесос. Только посуду мою совершенно сама. Днем от скуки читаю параллельно новеллы Цвейга, сборник танка и учебник по онтологии, науке о бытии. Да, бытие и быт - жутко разные вещи. Сейчас снова обедать. Мама зовет. Садимся. Вдруг у мамы делается странное лицо, я даже испугалась, а она:

- Даша! Ты как вилку держишь?

Ну, нормально держу. Зажала в кулак и держу.

- Да это же некультурно! Что люди скажут, если увидят!

- Разве культура - это умение держать вилку?

В город хочу. К моим.

7 августа. В город хочу, к моим. А еще хочу к...

15 августа. Гладко живу, до того гладко, что временами кажется, будто держу в руке скользкую жирную лягушку. Дома хорошо: меня здесь любят, обо мне заботятся, но я этой заботой обклеена, как скотчем. Сижу под пленкой, на меня любуются, будто я ценный музейный экспонат. Это называется «гиперопека». В свое время эта штука испортила Обломова.

Год второй

30 августа. Приезжаю, захожу в комнату, а мне в нос ударяет резкий запах спиртного. Запах исходит от стола, вокруг которого сосредоточились Тоня и Алина и еще какие-то тети-пятикурсницы, отмечают приезд. Мне предлагали водку, смеялись, что не пью. Я спать буду. Отвернусь к стенке и закрою глаза. Как бог о людях позаботился - сделал, что на глазах есть веки, и в любой момент можно их закрыть, как шторы. И не видеть. Сделал бы еще бог людям какие-нибудь закрывашки на уши, чтоб раз - и захлопнуть. Ну не люблю я маты. Не люблю.

31 августа. Вот и Лешка. Сначала как-то неловко было, ведь давно не виделись. Я ему руку подала. «Здравствуйте, - говорю, - ваше филологическое величество. С наступлением нового учебного года вас!» Слово за слово разговорились, и он даже принес мне свои стихи.

- Да, я пишу с матами. Иначе в наше время никак.

- Я не против матов. Просто, по-моему, любая ругань - признание собственной слабости.

- Интересная теория.

- Знаешь, твои стихи хорошие, глубокие. «Как стерпеть тишину заходящего солнца», «отдушина до фильтра догорела»... Но они у тебя из несклеенных частичек. Да, ты фрагментарно пишешь. Ты будто пытаешься в каждое стихотворение всю жизнь без остатка затолкать, будто боишься к чему-то близко приглядеться. Если бы ты взялся за каждую отдельную строчку и сделал из каждой отдельное целое, было бы очень-очень, правда!

- А я не хочу писать цельное по правилам. Мы все время читаем глянцевых классиков. А были еще одиночки-любители, неумехи, во всякое время были. Вот бы их почитать.

- Интересная теория.

11 сентября. Я больше не могу здесь жить. Есть песня у Высоцкого о том, что друга нужно проверять в горах, в зоне риска. Ничего подобного: друга нужно проверять в мытье посуды и подметании пола. Бытовые мелочи давят больше, чем концентрированная опасность. Алина и Тоня категорически не хотят иметь дело с бытовыми мелочами. На прошлой неделе у нас на этой почве возник конфликтик, и мы до сих пор не разговариваем. Глупо.

12 сентября. К Жене зашел ее знакомый. Зовут Глебом. Крутой такой, с распальцовкой. Настя ему что-то сказала, а он ей: «Какое время, такие и мы». А по-моему, наоборот. Всю комнату осмотрел хозяйским глазом, выражая кивком одобрение. Потом посмотрел на меня, рисующую:

- И что ты с этим делаешь?

- На шкаф складываю.

- Тупо. Могла бы деньги делать.

2 октября. Женя прибежала.

- Что делаешь?

- Я, Женя, объявление пишу. Видишь ли, раз уж все продается, почему бы мне свое рисовательство не продать?

- А что, правда, рисовала бы на заказ.

Я продаюсь. Завтра привешу в центре на какой-нибудь забор эту депешу с предложением услуг оформителя. Купите меня, я недорогая, потому что у меня нет корочек об образовании. Я для надежности и объявление в газету дам. Буду делать себе назло. Леша пришел, увидел мое объявление.

- И дорого ты теперь стоишь?

Я не знаю, что делаю, я делаю себе назло. Ненавижу себя. Но сделаю. Прости меня, Лешка.

16 октября. По вечерам я всегда так, без дела, просиживаю кровать в общаге. У меня достаточно денег, и мама прямо вся зеленеет от ужаса, когда я намекаю, что тоже могу устроиться на работу. Я не одна такая. Оля тоже не работает, у нее родители очень обеспеченные. И Рита не работает, ей некогда, потому что она вся в общественной работе. Рисовательство мое так и осталось моим, никто на объявление не отреагировал. Ну, и слава богу. Работа... Конечно, лучше бы найти работу, которая мне подходит. Например, писать. Я еще в школе пробовала писать в районку, и мои материалы охотно публиковали. Может, попросить маму выдать мне их? Она же наверняка их хранит в отдельной папочке, как все, что сделано мной и обо мне. Предложу себя на пробу. Точно, завтра с утра и пойду, потому что если завтра не соберусь, то начну сомневаться и бояться и совсем не решусь.

17 октября. Кабинет с надписью «Главный редактор». Дура, куда тебя несет? Не сиделось тебе тихо-мирно на кровати, пошла искать проблем на свою рыжую, хной свежепокрашенную голову. Стук в дверь получается просто оглушительный.

- Тебе чего?

- Понимаете, я студентка филфака, второй курс. У вас не найдется для меня работы? У меня есть опыт работы, вот...

Слава богу, принял мои бумажки. Сказал, что посмотрит.

- Зайдешь через недельку-две.

Я себя такой счастливой чувствую! Неужели я буду нужной, смогу писать, у меня будет дело?!

30 октября. Пошла вторая неделя с того дня, когда я была у редактора. Сегодня судьба решается. Снова эти здоровенные двери. Он на месте, рядом в кресле сидит еще один нехуденький дядя. Беседуют. Минут через пять замечают меня.

- Слушай, Сергей Петрович, возьми Надю к себе в отдел на испытательный срок. Будешь давать ей задания.

- Я не Надя, я Даша.

Сергей Петрович явно не в восторге от лишней проблемы, свалившейся на него в моем лице. Записал мой телефон, обещал, что позвонит, когда будет, о чем писать. Буду ждать. Все хорошо, значит.

4 ноября. Давно я не ходила гулять. Даже отвыкла. Меня пригласила погулять неожиданно появившаяся Лена. Когда-то, тысячу лет назад, мы вместе учились в школе. И что ей от меня нужно? Но вечер свободный, почему бы не сходить. Купили пива, потому что без пива мы уж точно не разговоримся. У Лены сегодня на вечер задача - подцепить какого-нибудь парня, поэтому идем в центр.

- Даш, рассказывай давай, как у тебя личная жизнь?

(Этого еще не хватало!)

- Да ничего интересного. Ты как?

- Я... О, смотри, парни симпатичные.

Я поворачиваю голову направо и... Хлопок! Громко-громко. Парни отскакивают в сторону. Они всего лишь хлопнули чем-то пиротехническим около земляной кучи. Нас, что ли, напугать хотели? Да вроде не нас. Смеются чего-то. И тут мне становится всерьез не по себе: то, что я принимала за кучу земли у магазина, поднимается и, пошатываясь, переступает. Это бомж, у него какое-то бесформенное лицо и грязные штаны. Он издает странный свистящий звук. Ненормальный?

- А дед-то обделался с перепугу! - компания дружно смеется. Лена тоже смеется. Люди, вы чего? Может, ему денег дать?

- Дедушка, вот... купите себе чего-нибудь... десятка.

Пихаю ему в руку десятку, а он не понимает. И вдруг всей тушей оборачивается ко мне и рявкает по-звериному. Я бегу.

Да, Лена мне редко звонила. Теперь вообще звонить не будет.

8 ноября. Лешка ходит невеселый - она с ним ссорится. По вечерам он мне рассказывает, как он ее любит. Он упрямо верит, что она королева, а королева требует, чтобы он лучше одевался и не приходил к ней без подарков. Я говорю, что все будет хорошо, а он не верит. Но на следующий вечер опять приходит ко мне, чтобы я это повторила. Да ладно, мне нетрудно. Если у меня крыша не съедет и сердце не треснет по швам, то, конечно, все будет хорошо.

20 ноября

- Ты когда-нибудь делала что-то очень вредное для своего здоровья?

- Нет вроде. А что?

Выясняется, что он опять «страдает» и поэтому выкурил сразу целую пачку сигарет, сидя в Архиерейском дворике. Он ждет, что я буду ахать. Я не буду. Не вовремя пришла в гости Лидка. Она садится между нами, и начинается нейтральный разговор. Я вдруг совершенно не в тему бросаю:

- Дурак.

- Сама дура.

- Ты какие курил?

- Ты чего задумала?!

- Ничего особенного. У тебя голова болит, да? Я тоже хочу пострадать.

- Ты этого не сделаешь! Обещай, что не сделаешь!

Конечно сделаю. Прямо сейчас. Я дождалась, пока Лида и Леша отвлекутся, и ушла. Я никогда не курила. Что ж, придется попробовать, раз иначе ты не понимаешь. Какие купить? Я ведь не разбираюсь. Смутно вспоминаю, что мой дед курил «Приму». Пусть «Прима». Оказывается, раскуривать трудно. Да еще дождь начался. Одну за другой... Гадость какая. Голова кружится...

25 ноября. С журналистикой у меня все. Позвонила вчера в редакцию. У меня спраши-

вают:

- Вы хотите предложить какой-то ценный материал?

- Нет, вы же мне хотели задание дать.

- Знаете, журналистов в городе много.

- Что? А-а... Газет в городе тоже много.

- Всего вам доброго.

- Вам тоже.

Никогда еще меня так культурно не посылали.

Я заметила, что в моем дневнике в последнее время все реже появляется университет. По-моему, это не случайно. Там принято работать для галочки, всерьез мы учимся только в сессию - самостоятельно. Я на учебе теперь редко появляюсь. И вообще, я уникальный экземпляр студента: я прогуливаю пары, уходя в библиотеку. Сейчас читаю о Сократе. «Я знаю, что ничего не знаю», поэтому мне некогда тратить время на формальные лекции.

27 ноября. Электричка качается и шумит, до дома еще час и двадцать пять минут. Зачем туда? Надо съездить. Маме надо справку на субсидию, дома давно не была, денег нет. Надо. Не хочу. По окну капельки текут и прямо моментально леденеют - белые на черном фоне. Будто снегом окно закидано.

28 ноября. Ночь. Мобильник:

- Ты спала?

- Нет, что случилось, Леша? Где ты? Да говори, не пугай меня!

- Ничего не случилось. Я в общаге, у окна стою в коридоре. Дашка, почему я такое чмо? Я ничего не могу сделать, я за все хватаюсь и ничего не могу. Она меня не любит, конечно. Она королева. А я...

- Не надо, ты же сильный. Слышишь? Я в тебя верю. Если ты захочешь, ты докажешь ей, что все можешь. Она добрая, все поймет.

- Не хочу ничего. Все в жизни - дерьмо.

- Перестань, слышишь! Просто тебе сейчас плохо, это пройдет. Ты еще будешь с ней. Хочешь, я ее попрошу? Хоть на коленях.

- Мне больно. Мне одиноко. Я пойду бродить по городу.

- Лешка, я тебя не оставлю.

По какому дурацкому совпадению я именно на эти выходные укатила домой в мой распроклятый городок с населением 12 000 жителей?! Секундочку. Через полтора часа есть ночная электричка. Я еще могу на нее успеть и через два часа буду в городе.

- Слышишь, не уходи никуда! Хочешь, я приеду сейчас? Я успею на электричку.

- Ну, приезжай...

...Что ж ты, электричка, так медленно едешь? Быстрее, миленькая, мне очень-очень надо. И мобильник разрядился, как назло. Леша, я скоро!

...Пробежка до общаги. В 134-ю - его комнату. Его нет дома. Где я буду искать его в целом городе? Бредово. Но лучше искать наугад, чем сидеть у двери.

...Не найти. Я везде была, кажется, - в центре, у музея, в парке, у моста. Все его любимые уголки. Значит, в общагу.

...У дверей общаги - ты. Живой, рядом, улыбаешься, уже спокойный. Слава богу. Ноги задрожали, а чего уж сейчас, вот же ты. Я к тебе иду.

- Чего ж ты приехала так сразу?

- Леша, а как иначе? Иначе не могло быть.

Сидим на холодных ступеньках. Он:

- Пройдемся, что ли?

И мы долго-долго шагаем по городу и говорим о всякой ерунде.

- Дашка. Помнишь, ты говорила, что нас с тобой в группе любят, но не таких, какие мы есть? А какие мы?

- Я не знаю. Мы ненормальные.

- Я сегодня ночью сидел на кухне и писал. Вот почитай в мобильном.

«Ложь - отмычка от горизонта. Дождь вне закона на линии фронта. Я замерзаю в кафельном теле. В кафельном, плиткою крытом теле».

- Что ты думаешь о моих отношениях с Олей?

- Я хочу, чтоб вы были вместе. Пока еще все зависит от тебя.

1 декабря. Все в порядке. Есть у нас на лестничной площадке между вторым и третьим

этажами подоконник. Сюда по неписанному закону принято приходить, когда нужно побыть наедине с собой и убедить себя, что все в порядке. Здесь часто сидит Оля с усталыми глазами, Регина с блокнотом, Женя с кофе. Сегодня это мое место. Мне сейчас так, что, кажется, я бы всерьез бросилась на эту желтую стену с кулаками. Сколько тысяч человек в городе? Не знаю. Но точно знаю, что этим тысячам мы не нужны. Поэтому просто необходимо, чтобы был хоть один человек, которому тебя надо.

13 декабря. В общаге происходят странные перемены: за одну ночь в коридоре выросло здоровенное дерево с подозрительно яркими листьями. Я, естественно, подошла, чтобы его обследовать. Оно оказалось совершенно пластмассовым, а жалко - издалека на живое похоже. А на третьем этаже еще смешнее - пальму поставили. Занавески свеженькие откуда-то вдруг взялись, клеенки на столах. Внизу, у выхода, прикрепили зеркало во всю стену - очень к месту, между прочим. Все эти новшества, замеченные утром, можно считать приятными. Главные сюрпризы нас ожидали вечером.

Полчаса назад мы с Алиной, вооруженные кухонными ножами, были направлены на кухню - отдирать жвачки с пола. Жвачки эти в пол влипли накрепко и сплошной массой. Ну, мы честно изобразили старание и под шумок ушли к себе. А в 12-м часу ночи влетает к нам староста и сообщает пренеприятнейшее известие: наша комната выдвинута на конкурс в смотре общежития, который пройдет завтра утром. Мы где стояли, там и сели. За что именно нам такое наказание? За какие грехи? Пока переваривали новость, староста убежала. А мы, печально обозрев разбросанные носки, пыльные тумбочки, незакрывающиеся от содержащегося в них хлама, и немытые чашки с тарелками, вздохнули и взялись за дело.

14 декабря. С утра по коридору широкими шагами ходит комиссия. Открылись двери, в них вошел главный, остальные не решились перейти за порог. А лица все знакомые: старосты, вахтерша, вон комендантша, и каждое из этих лиц смотрит очень уж почтительно. Комендантша говорит с улыбочкой:

- А здесь у нас художница живет, Даша. Она из Харовска, учится на отделении журналистики.

Оказывается, комендантша, которая на мое «здравствуйте» не всегда считает нужным отвечать, меня по имени знает. Вахтерша добавляет:

- Да, она умница.

Вчера вахтерша бесцеремонно выругала меня из-за пропуска. У нее тогда другое выражение лица было. Теперь понятно, почему нашу комнату выбрали: мои картинки на стенах. Культурная работа в общежитии. Главный с вдохновенным лицом смотрит на нарисованные жирные яблоки, которые над столом. Говорит солидно: «Да!» И остальные вздыхают эхом: «Да-а». Главный говорит, глядя на веселенькие гладкие деревья: «Прекрасно!» Бессмысленная пушистая кошка. Есенин с пустыми глазами... А все повторяют: «Вот оно где, искусство!» Я только сейчас понимаю, что все мои картинки - дрянь. Ни одного живого мазка! Ненавижу! Эти глупые глянцевые картиночки годятся лишь для фальшивой показухи. Так не будет их здесь больше! Тоня невозмутимо наблюдает с кровати, как я рву все, что было приклеено на стены. Видно, ей стало не по себе - вышла.

16 декабря. Я - японская девушка. Лешка вчера сказал. У меня халат шелковый с красными розами и восточный менталитет. И еще, когда он на моей кровати лежит и что-нибудь мне рассказывает (в последнее время рассуждает о своей бесполезности), я люблю опускаться на пол на колени. Интересно, какие в Японии носят прически? Я бы сделала себе.

18 декабря

- Дашка, ты любишь мечтать?
- Конечно, люблю.

Странно, что такой вопрос мне задает деловая, практичная Женя. Просто мы сидим весь вечер вдвоем и нам скучно. Женя перед зеркалом выщипывает себе брови и говорит:

- У меня есть мечта одна - танцевать латино в рейсовом автобусе. Знаешь, ПАЗики такие корявые ездят? Хочется, и все.

22 декабря

- Дашка, скорей! Шестнарик!

Я и Лидка с воплями несемся к автобусу. Лужа... К черту лужу! Топаю, смеясь, прямо по ней и ощущаю, как в левом ботинке становится сыро. Мы экзамен сдали. Мы молодые и счастливые. Мы у окна, перебивая друг друга:

- Он меня спрашивает, скажите, паж-жалуйста, чем характеризуется дескриптивный подход?

- Какой-какой?

- Дескриптивный... к изучению функциональных аспектов лингвистики. Представляешь? Я ему от страха даже что-то похожее на правду вывезла. Сейчас маме позвоню, скажу, что «пять».

Я смотрю на Лидку, а глаза-то у нее, оказывается, зеленые-зеленые.

- Лидка, я и не знала, что у тебя зеленые глаза.

Я как-то и не думала, что за люди Лидка и Женя. Я все ахала и охала о творческих личностях. А что эти творческие личности? Кстати, не все ими и оказались. Например, Миша, который мечтал исправить Гумилева, недавно читал свой вариант «Заблудившегося трамвая» - я прямо за голову схватилась. А «политики» наши говорят то же самое, что и в начале года - уже приелось. Женя и Лида - люди совершенно не творческие, но они настоящие, без маски. Они сами зарабатывают себе на жизнь, у их родителей нет лишних денег. Они берутся за несколько работ сразу: работают официантками в ночных барах, уборщицами. Они даже однажды были морковками - что-то там рекламировали. А я - я сижу у родителей на шее. И ножки свесила.

1 января. Новый год встретила дома, с родителями. Мама наготовила всяких вкусностей, а папа нас снимал на видеокамеру. В двенадцать мы пили лимонад и загадывали желания. Я загадала, чтобы у Леши с Олей наладилось. Я недолго посидела, потому что накануне два часа тряслась в электричке, стоя в прокуренном тамбуре.

9 января. Вернулась в город и решила, что хватит посвящать все свободное время нифиганеделанию. Надо искать работу. Только как? Я спросила у Жени. И вот уже к вечеру я-студентка, так и не превратившаяся в я-журналистку, превратилась в я-уборщицу.

21 января. Хорошая швабра - это очень удобная вещь. Гораздо удобнее, чем тряпка на палке. Я как-никак вторую неделю работаю, начала разбираться. Одно скверно: хрупкие эти швабры до чертиков. Я уже две сломала. Что, Дарья Владимировна, как тебе «журналистика»? Мама думает, что ты в газете работаешь, ты уже успела нахвастаться, а ты не акула пера, а начальница швабры. Работа так-то нормальная. Рано вставать я скоро привыкну и на учебу успеваю. Хорошая кафешка. Пардон, не кафешка, а пивнушка, если быть объективной. Да что же сегодня стекол столько? Беда прямо. Но я аккуратненько уберу. Я буду честно работать, качественно.

Мне больше нравится прибираться на улице, у входа, чем в зале. Чего только я не находила около крыльца! Основная масса мусора, конечно, окурки. Они же чинарики. Чинарики и окурки - стилистические синонимы. Иногда попадаются лепестки роз в гнилых листьях, это после свадеб. Как-то раз я крестик нашла, самый настоящий, с Христом распятым. Находила ключи, целенькую пару кроссовок. А в зале - только монеты на полу в осколках, рубль, двушка. Русскую жизнь можно изучать по тому, что валяется на полу в пивнушке. Леша правильно говорил, когда я сообщила ему о результатах моего трудоустройства, что все мы мусорщики.

Я никогда не беру то, что нахожу. Монеты сметаю в урны. Жутко даже подумать, что я их буду подбирать. Вещи покрупнее выкладываю на видное место. Только один раз подобрала листочек из пивной лужи. Увидела, что там стихи, и не удержалась. Что-то о любви из Заболоцкого. Я как увидела, что о любви, сразу бросила. Ну ее, эту любовь.

22 января. Внимательно рассматриваю собственные тапки. Розовые такие тапки, новенькие еще. Надо же куда-нибудь смотреть, если в глаза тебе я смотреть все равно не могу.

- Я с Олей расстался.

- Она так решила?

- Да. Понимаешь, Дашка, я слабый. Что я могу? Не могу даже на работу себя пристроить. Писать начинаю - бросаю, думать начинаю - одни пустые слова выходят. Мы все ничего не можем. Мы никто. У нас все только в теории. Мы теоретики, а не практики. А она сильнее всех нас, ты ее не знаешь. Она ищет себя, смотрит фильмы, слушает разную музы-

ку, читает - ищет свое. Согласись, она королева.

- Тебе лучше знать. Наверно, королева.

- Думаешь, я не понимаю, что уже достал тебя своим нытьем? Я понимаю. Прости.

Видно, у меня по лицу проскользнула готовность разреветься.

- Про нас говорят - потерянное поколение. А мы не потерянные, мы, Дашка, потерявшиеся.

Это как по литературе: были «лишние люди», «маленькие люди». Теперь - потерявшиеся, смесь тех и других. Мы все до мелочей понимаем и не можем ни за что взяться, потому что углубляемся в рефлексию и боимся. И опять «русский человек на рандеву» сбегает от трудностей, сверкая пятками. И идет отлеживаться на диван, упиваясь сознанием собственной трагичной ненужности.

- Ты должен написать про нас, потерявшихся.

Усмехнулся.

- Я не смогу. Понимаешь, Даш, мне нужно реальное полезное дело, но это я не потяну. Я слабый, опять только слова. Женщины - и то сильнее, чем я. Рита говорит, что можно просто проснуться и с утра начать новую жизнь, а у меня не получается.

Господи, когда же мне-то можно будет поныть?

23 января. Сегодня мама по телефону сказала, чтобы я посушила сапоги. Какие сапоги, когда у меня голова на плечах еле держится!

24 января. Я напилась. В стельку. В доску. В разлюли-малину. Вдрызь. И пошла я такая по городу. Меня занесло на окраину. Потом я вышла к церкви и зачем-то пила на паперти.

27 января. Ура! Лешка устроился на работу. Теперь у него дурь в мозгах поутрясется. Будет чувствовать себя взрослым и деловым, успокоится. Так я сначала реагировала на новость. Потом я узнала подробности и начала чесать в затылке. Мой «кающийся интеллигент» устроился на хлебокомбинат - работа на конвейере в жаре. График жуткий - ночные и дневные смены. Ой-ой! Так я реагирую теперь. Но молчу, а то надуется.

8 февраля. Сегодня нас возили на экскурсию в храм Лазаря. Там все очень настоящее, может, потому, что за городом. Батюшка ходит тихий-тихий, и глаза у него тихие, греющие. Рядом с храмом кладбище. Если птица чирикнет, то кажется, будто гром прогремел. Вот как там беззвучно.

19 февраля. Вот и все. Вчера заходим всей подгруппой в раздевалку. Навстречу вылетает расстроенная Оля, а в углу он плачет. Первый раз видела, чтобы парень плакал. И пальцы у него со следами от зубов - кусал руки. Мы долго сидели рядом - он, Люда, Катя, Дима, Рита, я. Каждый пытался дать понять ему, что рядом, прикоснуться, успокоить. Я положила руку ему на колено, а он дрожит весь. Мы молчим. И я чувствую, что тоже дрожу, как он, и тоже кусаю руки. Помню руку Лиды у меня на плече, она-то понимает. Я несколько раз шептала: «Леша, пойдем домой». И еще что-то. А он никого не слышал, говорил, что ничего не хочет и что он идиот и «вот так клюква». Потом он встал, бросил на себя куртку и вышел, пошатываясь. Не помню, как я попала в свою одежду. Тоже вылетела в коридор, потом опять в раздевалку. Думала, мы с Лидой его догоним. Лида выбежала. Его не было. Только потом Лида его увидела в другой стороне. Она говорила, что куртка у него расстегнута, а мороз минус тридцать. Я быстро-быстро пошла к нему, едва не побежала. Я потащила его за руку обратно. Лида застегнула его куртку. Было жутко холодно. Он не хотел домой. Зашли в универ, Леша вырвался от нас на второй этаж. Я хотела с ним остаться, но он отказался. Сказал, что «не на похоронах и нечего тут стоять». Снова вышли. Лида тащила меня к остановке - в общагу ехать. Но она поняла, что я от него не уйду. Тогда за ним отправились все. Заходили погреться в какие-то магазины. Он не хотел заходить. Тогда я тоже не заходила: «Если ты мерзнешь, то я тоже буду». И ни шагу. И он соглашался открыть дверь, впихнуть себя туда и минут пять тупо смотреть на витрину. Смс от Оли: просит меня помочь ему и говорит, что она плохая. И шли мы в колючем ледяном воздухе. Рита умно и правильно рассуждала вслух про рефлексию, ум, сердце и друзей детских лет. Я просто шла. Он матерился и заявлял, что уезжает в другой город, потому что у него нет сил. Что друзья-женщины ему надоели и не нужны. Что любовь для него умерла. Наконец я осталась одна с ним.

- Я не знаю, что со мной будет, если ты уедешь. Я тебя люблю давным-давно...

18 марта. Леша молчит. Неделю, две, три. Будто незнакомы. Хочу написать об этом в дневник. Не хочу написать об этом в дневник. Страшно.

20 марта. Холодрыга сегодня, жуть просто. Пока от остановки идешь, нос начинает медленно, но верно превращаться в ледышку... Это что? На дороге лежит крыса. Околела, поди. Нет, хвостом шевельнула, дышит часто. Бедная. Не боится даже, не убегает. На снегу же холодно, да?

- Гляди, тут крыса!

Около крысы появляются две пары мужских кожаных ботинок как минимум сорок первого размера - одни черные, одни коричневые. Черные ботинки говорят басом: «А если ее добить, пнуть так, чтоб полетела?» Коричневым идея явно понравилась: «Да, крыса - птица гордая, пока не пнешь, не полетит».

- Ну зачем вы, не надо, пожалуйста!

Ушли, слава богу. И чего же мне с тобой делать? Нехорошо ты это придумала - на дороге, замерзая, лежать. А в общаге я не одна, не разрешат. Да была не была, разберемся. Ведь ты меня не укусишь, ты же как хомячок - маленькая и глаза-бисеринки. Хорошо, что у меня перчатки плотные. Очень кстати, что девчонок нет дома - я успею ее пристроить. Они не будут против, крыса же совсем беззащитная. Куда мне тебя? Точно! Под кроватью коробки с банками, можно банки и вывалить. Тепло сейчас будет, я тебе газеты нарву. А еще у меня в сумке есть сметана, которую я только что в «Чердаке» купила. Я тебе на мордочку намажу, ешь. Чего отворачиваешься? Ешь огурец тогда. Давай я тебя укрою этой бумажкой. Ну, лежи. Я тебя назову как-нибудь, вылечу, а потом отпущу. Нет, лучше приручу и ты будешь жить у меня под кроватью. Опять не шевелится. Ты не умирай, ну? Задергалась как, значит, отживется...

Умерла...

Кто-то пришел. Лидка в гости.

- Даш, чего у тебя там? Батюшки мои! Ты ее откуда притащила, чудо?

- Люд, ведь она живая? Она у помойки на снегу... Холодно...

- Конечно неживая. Ты же ее с холода в тепло, она и сдохла от этого.

23 марта. Я сказала, что больше не могу каждый день бессмысленно болтаться до универа - есть - спать, болтаться до универа - есть - спать, болтаться до универа - есть - спать. А Женя сказала: «Представь, что мы большие желтые солнца, которые каждое утро скачут на учебу за шестнадцатым автобусом».

28 марта. Стипуху долго не дают и зарплату задерживают. Теперь у меня нет маминых денег: она думает, что у меня обалденная повышенная стипендия. Пусть думает. Я у нее не попрошу. Правда, надоело сидеть в долгах: Лидке должна полтинник, Кате за автобус. Сегодня в зале чисто - мне повезло. Но везение никогда не бывает полным: хозяйка открывает двери в туалет и ругается: «Напьются до того, что в унитаз не попадают, проклятые». Ниче, вымоем. Пить хочется после работы. На полу два рубля. Если я возьму их и приплюсую к тем восьми, которые есть у меня в кошельке, то мне хватит на кофе «Irish Cream» из автомата. А чего? Деньги как деньги, если обтереть.

30 марта. К Алине пришли два каких-то парня. Она оставила их на ночь у нас в комнате. Не знаю, как это ей удалось при нашей трусливой вахтерше. Наверно, сложила губки бантиком и сказала тихим детским голоском: «Ну паж-жа-луйста!» Она умеет, когда надо, делать такой голосок. Зато когда она по телефону устраивает истерики своему Вите, не желающему оплатить ее очередной заказ в «Avon», у нее открывается просто оперный голосина. Женя теперь почти все время у Лиды, и ночует там. Сначала она молчала непонимающе, глядя на Тоню и Алину, потом стала молчать протестующе. Перестала бывать дома. Я все раньше с ней молчала, мне мешало, что она такая шустрая и деловая, а ушла она - и я скучаю. Но не говорить же ей об этом.

Одиноко. Раньше я старалась на эту тему не задумываться. Здесь нет ничего моего, все - от тумбочки до разговоров - чужое. Бывает, посмотрю в окно - там ходят-ходят, на кровать - спят-спят, что Алина, что Тоня, на телефон - молчат-молчат. Наконец, посмотрю на люстру, и вот тут-то в голову и лезет: «Ну же и одиноко, черт возьми!» Хотя люстра вроде и ни при чем, но я обижаюсь обычно на нее. Должен же кто-то быть виноватым, а самой быть виноватой не хочется.

Поговорить бы, что ли. И еще: хочу о ком-нибудь заботиться. Может, купить декоратив-

ного крыса? А что - поселю его рядом с кроватью. Назову Лешкой. Буду его кормить, а по вечерам, когда Тоня и Алина будут просыпаться и уходить в бар, я буду рассказывать этому хвостатому Лешке мою биографию. «Знаешь, - скажу, - Лешечка, жила-была одна большая глупая девочка и пыталась быть хорошей. И от «пыталась быть хорошей» у нее осталось только «быть». Она оказалась нехорошей, и поэтому уже не пытается, а сидит и самым позорным образом сопли на кулак наматывает».

Ладно, добро уже ныть. Лучше порисуй, у тебя же есть идеи. Я давно уже задумала картинку «Эмбрион». Идея такая: нарисовать взрослого неродившегося человека в позе эмбриона. Этот человек не может разогнуться. Коленями он упирается в один край листа, макушкой - в другой, пятками - в третий. Он не может разогнуться. Вот и займусь.

Я редко берусь за дневник чаще, чем раз в день, а сейчас взялась. С последней записи прошло минут десять, но мне надо высказаться. Просто сейчас я пребываю в состоянии стопроцентного обалдения. Сижу я, значит, рисую. Стук в дверь, а за стуком - Лешка собственной персоной. Ну что же ты за человек, а? Заходишь и просишь чистящее средство, как ни в чем не бывало. Я не сообразила, что мне делать, и попросила почему-то, чтобы он принес мне Вольтера почитать. Недавно же Женя забегала, говорила, что обсуждает с тобой какие-то проблемы человечества. Как отмыть грязную сковородку, что ли? Я ничего не понимаю. Неужели у соседей чистящее средство не попросить и нужно ко мне через два этажа топать?

4 апреля. А у меня День рождения! Леша подарил мне хорошую книжку. Я с ним вместе сегодня в магазин ходила. Чувствую, что нам все еще трудно друг с другом. У него шнурок был развязан на правой кроссовке. «Завяжи! - говорю. - Запнешься». И сама запнулась, хоть у меня на обуви и нет шнурков.

5 апреля. Почему в жизни нет сюжета? Я сейчас пролистала мой дневник и обнаружила, что события есть, а сюжета нет. Каждый день как подготовка к кульминации, а назавтра - опять то же самое. Я Лиде эту мысль высказала, а она говорит: «Эко тебя шибануло. Не знаю».

24 июня. Через два дня уезжать. Ничего страшного - всего каких-то поллета. Но разве можно будет спокойно прийти на вокзал, добровольно купить билет и на поллета выбросить себя из жизни? Стук в дверь. Конечно, я знаю, кто это. Он заходит, садится ко мне за стол, и мы просто смотрим друг на друга. Слышно шум. Кажется, дождь. Да еще и с грозой! Я очень люблю грозу. В грозу я всегда рвалась на улицу или хотя бы к окну, а мама говорила, что это опасно и что я с ума сошла.

- Я хочу в дождь!

- Пойдем.

На крыльце под крышей жмутся полумокрые люди. Кто-то идет под зонтом. Человек под зонтом похож на гриб. Мы быстро выбегаем. Ну, выбежали. А куда дальше? Он растерялся вроде. Я смотрю на небо, так шею загнула, что даже больно. Оно расплывается по очкам. Срываю очки. Мы идем. Говорим о чем-то и сами себя не слышим, потому что все время смеемся. Одежда прилипла. У меня тушь растеклась, в кои-то веки намазалась и то некстати. Снова оказываемся у входа. На лестнице давимся остатками хохота...

- Даша, у тебя есть такой человек, с которым тебе очень-очень хорошо?

- Есть. А у тебя?

- Да.

- Она?

- Нет. Я ее больше не люблю. Я вообще не понимаю сейчас, как мы, такие разные, были вместе.

Несколько минут мы сидим на подоконнике, по-детски болтая ногами. Потом он уходит. От солнца все в комнате золотистое, особенно ярко светится утюг на шкафу. Просто сияет. Я не могу быть одна, я хватаюсь за блокнот и пишу туда все наше «сейчас».

10 июля. Каникулы, лето. Одна. Завела календарик, зачеркиваю дни.

12 июля. Занесло меня случайно в дедушкин дом. Мы туда не ходим, там пол местами провалился, обои почернели. А тут дождь начался, я думала, что ненадолго, и сунулась сюда под крышу. Почти ничего не изменилось. На стенах - несколько неудачных дедушкиных икон, он пытался этим делом заняться. И в ящике иконы. Порыться, что ли? Ну и запах

оттуда. Гнилой древесиной. Когда я видела дедушку в последний раз, мне было 10. А ему - 75. Теперь мне 19, а ему по-прежнему 75. Я мало о нем знаю. В его комнате постоянно пахло табаком. Он носил очки в толстой оправе и грязный коричневый фартук. Руки у него были большие, как клешни, а на одной - татуировка, сердечко со стрелой. Я про дедушку почти ничего не помню. Мне рассказывали, что он часто приходил домой пьяный, кричал и мог смахнуть посуду со стола, после чего его жена, а моя бабушка, больная пороком сердца, глотала валидол. А еще он любил пионы. Большие цветы, белые. Ну-ка, икона интересная. Глаза какие, прямо жутко. Насколько я понимаю, это Богоматерь. Жалко, что от этой Богоматери одни глаза и остались.

13 июля. Оказывается, у нас сохранились все дедушкины инструменты, от чеканов до обрезанного оленьего рога и фольги. Загорелась у меня бредовая идея - восстановить эту Богоматерь. Она не дедушкой нарисована, он не умел рисовать на левкасе. Я немножко наглоталась литературы по иконографии, конечно, многое не дошло, но основные приемы разобрала, да еще дедушкины записи вырыла в шкафу. Попробую.

15 июля. Осталось уже немного - фольгой оформить, сделать оклад. Почему эта проклятая фольга такая жесткая? У меня пальцы болят. Не могу. Завтра доделаю. Мама посмеивается над моей дурью, но одобряет, как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось. Она видит, что я скучаю по своим городским друзьям и хандрю. Смотрю я на эту икону. Не мое, не могу я. Чего она на меня вытаращилась? Ну, попробую еще, ладно. А, блин, эта фольга еще и режется. Весь нимб в крови выпачкала. Опять новый делать.

16 июля. Не спится. Вот возьму сейчас и сочиню от скуки сказку. Назову сказку «Путешествие Даши в Зателевизорье». Я раньше мечтала, чтобы в телевизоре сбоку была дверь. Я была маленькая, а телевизор здоровенный, «Рекорд». Он будто комнатка. В этой комнатке все тети обалденно красивые, все дяди мускулистые и умные. Они много едят, пьют из красивых бутылок и постоянно улыбаются. Конечно, изредка они друг друга убивают, но как-то небольно. А потом в новостях говорят, что миротворцы скоро все урегулируют и что скоро повысятся стипендии и пенсии. Иногда отойдешь от экрана, посмотришь вокруг, а увидишь одни обои. Зеленые. С маргаритками. Эх, зателевизорье. За телевизором у меня, если честно, жирный слой пыли и больше ничего.

3 августа. Смс: «Дашка, давай мириться, глупо ссориться». - «Я тоже больше ссориться не хочу, Леша! Леша, я помидоры поливаю, а еще я по тебе соскучилась честно, очень-очень». - «Я тоже соскучился. Я бороду отращиваю. Читал Бродского. С мамой чай пью». - «А я твой любимый детектив читала, про журналиста. И слушала Шевчука». - «И как тебе?» - «Мне вот так!»

6 августа. Смс: «Куда пропала? Как дела?» - «Я разрешила себе писать тебе только два раза в неделю. Так лучше. Я сегодня весь день пилю деревяшки циркулярной пилой. Будем забор с папой делать. Вот». - «Меня бы кто научил пилить циркулярной пилой. Меня мать обещала завтра свозить на дачу. Буду картошку жарить на костре».

9 августа. Смс: «А я в лес еду! С папой на мотоцикле! Уже в шлеме и похожа на космонавта». - «А я ползаю по городу и разношу газеты под палящим солнцем - на работу устроился! Мне даже нравится работать. Буду потом своим детям рассказывать, что прошел путь от простого разносчика до...»

24 августа. Смс: «Дашка, зачем я тебе? У меня плохое здоровье, нервный характер, я мамин сынок и влюбляюсь в каждую вторую девушку». - «У меня эпилепсиндром, близорукость, гастрит, я мамина дочка, я трусиха и никогда ни в кого не влюблялась, даже не целовалась ни разу».

30 августа. Смс: «Я подумала и решила, что нам надо поговорить. Поговорим в общаге или можно встретиться на вокзале. Моя электричка в 17.45».

3 сентября. Еду. Скоро уже вторая остановка будет, Аламбаш. Я часто думала, что мне это слово чего-то напоминает. Сообразила: Шамбала. Я давным-давно читала в старой книжке без обложки легенду, она до того мне нравилась, что я ее отрывки наизусть помню: «Свя-

щенный островок посреди озера из нектара. Шамбалу окружают семь снежных гор, напоминающих лепестки лотоса. Путь на Шамбалу ищи в своем сердце, и тогда прилетит золотая птица и умчит тебя на своих сверкающих крыльях. Ты, путешественник, пресекший границу, узришь сияние великого храма всех религий». А Аламбаш - это в прошлом поселок лесозаготовителей. Там люди нарубили леса, сколько хотели, и уехали. Никто там не живет, разве что бараки остались. Да и те, поди, сгнили давно.

Год третий

3 сентября

- Хай.

- Пришел все-таки? Ну, пойдем тогда, посидим где-нибудь. Здесь у вокзала скамейки.

Как назло, все скамейки заняты. Мы решаем идти по направлению к общаге, рассчитывая, что по дороге найдем, где приземлиться. Как жутко заговорить о том, для чего мы встретились! Нам надо наконец решиться, сдвинуться с мертвой точки. Спускаемся к реке. Здесь кусты, мусор и два камня. Садимся.

- Я, пока ехала, целую речь подготовила. А сейчас все из головы вылетело.

- Чего ты от меня хочешь?

Чего я хочу?! Но разве ты... Зачем ты так?

- Определенности. А ты - чего ты хочешь от меня?

- А не знаю.

Молчим. Ничего мы не решим. По реке проплывает прогулочный катер с музыкой, нам оттуда машут руками и кричат. Мы тоже машем. На реке солнце золотится чешуйками. Закат.

- Так мы сегодня и не сдвинемся. Пойдем в общагу.

Выбираемся на набережную. Он срывает ветку с куста калины.

- Это тебе.

Я несу эту ветку, а на ней ягоды ржавого цвета. Смешно, но мне никогда еще не дарили цветы. Он:

- Меня еще никто так не понимал, как ты. Ведь счастье - это когда тебя понимают?

- Конечно.

- Я боюсь счастья.

Леша достал мобильник, копается в нем, а я уже устала и присела на корточки. Он мне, оказывается, смс писал: «Можно я тебя поцелую?» - «Да». Подошел ко мне и присел рядом, снимая очки.

- Мне тоже очки снять, да?

- Движения копировать необязательно.

А у меня так во рту пересохло. Я глаза не закрою. Как, уже все? Когда же я успела глаза закрыть?

- Чего прячешься?

- Я не прячусь.

Но сама утыкаюсь носом в его руку. Хорошо, что у меня длинные волосы - моих глаз не видно.

- Странно у нас все как-то. Точно обещаешь принимать меня таким, какой я есть?

- Да, да!

- Но все равно я предупреждаю: тебе счастья со мной не будет.

Как же не будет, если вот оно!

Ночь. Девчонки спят уже. Мои девчонки, а не Тоня и Алина. Лида и Женя взяли меня к себе, в комнату Лиды. Я утром скажу им, что они очень хорошие, и переделаю любые дела, чтоб они отдыхали вечером и успели сбегать к своим любимым повидаться. Я... я всю-всю посуду одна вымою! Моя кровать - посередине комнаты, в проходе - шкаф. Стулья перевернуты, везде тазы с клеем, водой, краской (ремонт), и среди этого «порядка» я лежу с блаженной физиономией и совершенно не сплю. Что если я засну, проснусь утром и пойму - снилось?

6 сентября. Третий день хожу, ожидая продолжения счастья. А Леша молчит в универе, а к нам просто не заходит. Я не понимаю! Жду.

21 сентября. Прошло две недели. Почему-то молчим. Лешка, ты что? Я не понимаю. Мне страшно.

27 сентября. Ночью, оказывается, мне пришло сообщение, но я не слышала. Там было: «Выйди на лестницу между вторым и третьим этажом». А потом у меня мобильник разрядился. Утром я получила продолжение: «Я дерьмо, знаю, полное»; «я сделал тебе больно, но прости»; «я думал, что так будет легче. Я ошибался». Ладно. Отвечу, я сейчас одна, пусть придет и скажет, что хотел.

Сидит молча. Потом:

- Прости.

- Да простила уже давно, чего уж.

- А не надо было прощать!

Что сказать? Вот снова молчу, треплю подушку. Он сначала смотрит на подушку, а потом зло выхватывает ее и с размаху ударяет меня ею по лицу. Это ведь в шутку? Сейчас заставлю себя засмеяться. Подожди. А больно. Что он на полу ищет? Да, у меня же из очков выпало стекло.

Лида пришла. Мы делаем вид, будто он по делу зашел, спросить расписание.

Вечером пьем. Зачастили мы пить. Помню, первый раз я напилась на втором курсе, на Дне рождения Алины. Я не хотела, но на меня все смотрели. Когда Леша, который тоже был среди гостей, мне свою стопку протянул, я стукнула своим пластмассовым стаканчиком об нее и залпом проглотила. Представляю, как у меня тогда от водки глаза на лоб полезли, я же не знала, что надо закусывать. Лешка тогда выпил и не поморщился. А потом рассказал мне по секрету, что тоже в тот день водку пил впервые.

3 октября. «Прогуляемся после пар?» - «Да». Надоело же мне скрываться! Почему нужно обращаться ко мне через смс, когда я сижу на соседней парте? А, Лешка? Почему меня, свою (или нет?), открыто обнять - стыдно, а обнимать Катю (вот как сейчас!) или, скажем, Риту - нормально? А со мной даже заговорить не хочет при всех. Идем до дверей на расстоянии, после, за зданием, идем рядом. Я молчу.

- Чего, и рассказать ничего не хочешь? Душевно.

- Спрашивай - расскажу.

- Опять?! Ты постоянно молчишь. Почему всегда я должен говорить?

Вид у тебя такой, будто ты только что произнес очень содержательную речь. Трус. Сказать тебе, что ты трус? Я еще могу порассказывать. У меня много новенького. Например, плакать научилась. Вчера ночью занималась слезопроизводством. У меня такое внутри творится, что от каждого пустяка могут слезы закапать. Мне уж смешно от этого. Бывают люди, которым палец покажи - и засмеются. Алина из моей комнаты прошлого года такая. А мне, выходит, палец покажи - и заплачу. Рассказать? Нет, тебе больно будет. Лучше я отмолчусь, пока у меня пройдет злость на тебя.

4 октября. Когда я была маленькой, я всерьез решила вырасти изящной и хрупкой, как махаон. А выросла почему-то широкоплечая и сильная. Может, поэтому я всегда неловко себя чувствую среди людей, постоянно боюсь что-нибудь задеть или сломать. В довершение всех неприятностей я жутко рассеянная. Я постоянно попадаю в самые нелепые ситуации: врезаюсь лбом в стеклянные двери, неправильно надеваю одежду с разными сложными завязками и пуговицами, умываюсь тем, чем нужно душиться, и душусь тем, чем нужно замазывать неровности кожи. Люди выдумали столько сложных вещей, а мне иногда не хватает моей головы даже для того, чтобы понять, зачем придумана та или иная штука. Мне иногда кажется, что я среди людей - случайное и ненужное явление. Зато я никогда не чувствую себя неловко, когда лежу на траве и смотрю в небо. Я точно знаю, что в природе все настоящее и нет ничего лишнего, случайного. Я сама - часть ее, как же я могу быть ей не нужна? Она умнее меня, и для чего-то ей было нужно, чтобы я выросла широкоплечей и сильной. Вот такие мысли у меня сегодня в голове ходили, когда я у реки сидела, на окраине города. Расфилософствовалась.

7 октября. Мы собираемся фотографироваться! В мой парк! Я, Лешка, Лида, Женя. Ура!

- Пошто бы до потолка не попрыгать, - это Лидка мои бурные проявления эмоций комментирует.

- Женя, Лида, давайте красьтесь, я уже готова. Я прямо здесь вас фоткать начну.

И вот мы уже на дороге. Лида и Женя деликатно свернули в магазин за семечками, оставив нас вдвоем. Золотая осень. Я фотографирую его идущим мне навстречу. Лови листья! Видишь, они уже упали, а на фото они всегда будут в воздухе, летящие. А мы всегда

будем улыбаться. Потом еще долго фотографируемся на каруселях и качелях с догнавшими нас девчонками, и у меня настроение становится совсем детское: мне зачем-то надо на дерево, и меня туда кое-как заталкивают всей компанией. «Я счастливая сейчас», - постоянно повторяю про себя, хочу сфотографировать эти слова, а потом вставить их в рамку и держать на столе. Как картинку.

Мы молчим, но недолго, через несколько минут снова начинаем беситься. А выражается это в беге наперегонки по рельсам. Очень даже трудно бежать по рельсине и не падать.

8 октября. Смс: «Через 15 минут на улице». В смысле, он назначает мне свидание.

- Ну вот, я здесь. Зачем ты меня звал?
- Почему сразу «зачем»? Просто пойдем гулять. Давай рассказывай что-нибудь.
- Так прямо и начинать мою биографию с рождения?
- Так прямо и начать. С пеленок.
- Первую глупость, которую я сделала в жизни, помню смутно. Заключалась она в том, что я родилась. Случилось это зимой в тихом городочке с населением двенадцать тысяч жителей. Мои родители - тихие люди. Папа, слесарь, очень любит животных и мультфильмы, а мама, воспитатель, всегда боится, что в жизни что-то произойдет и любит лечиться и лечить меня, даже если я здорова. Еще у меня до третьего класса был дедушка, который всегда рисовал и пытался еще иконы делать. У него дома было как в тумане от сигаретного дыма, он очень много курил и кашлял. Он учил меня чему-то, но я его не слушала, вместо этого просила его рисовать мне принцесс и цветочки. В школу я пошла, твердо убежденная, что мой священный долг - быть отличницей, поэтому быстро стала первой ученицей, которую еще с начальных классов решили тянуть на медаль. А потом... получается, что и вспомнить нечего. Училась. Читала много. Все читала, что находила в дедушкином доме на чердаке. Были там книги, оставшиеся и от бабушки, которая была учительницей биологии и партийным работником, поэтому я наглоталась не только классики, но и разной литературы о добром старичке Ленине наравне с пособиями о разведении кроликов в школьном живом уголке. Друзей у меня не было: отличников обычно не любят. Да мне и самой не очень хотелось с кем-то из одноклассников быть поближе. Мои знакомые девчонки с ума сходили по Лео ди Каприо и Наталии Орейро, писали анкеты о любви, а я смотрела с папой мультики. Не влюблялась, даже первой любви не было. Лет в четырнадцать мне стало казаться, что мне чего-то не хватает. Примерно с этого времени я стала рисовать. А потом приехала сюда, со всеми познакомилась. Тебя встретила. Вот и все. Теперь ты рассказывай, я же ничего о тебе не знаю, хоть мы третий год за руку здороваемся.
- Что тебе рассказать? Ну, тоже родился. Правда, в городе не в маленьком. Потом жил в деревне с бабушкой. Мать работала в другой области, а отца не было. Дальше с мамой жил. Тоже медалист. Давно пишу, раньше стихи писал, теперь в прозе. Были приятели. Например...

Да он же не о себе уже, а о своих приятелях: об одном сказал, про другого начал, про третьего. И не то что они ему особенно дороги, просто меня в сторону уводит.

- Ну, а о тебе? Как ты сейчас, здесь?
- Ты знаешь: Оля...
- А дальше? Что будет потом, ты думал?
- Я не знаю.
- Тогда по-другому. Прямо: кто я для тебя? Я тебе нужна?
- Нужна, наверно.
- Наверно или нужна?
- Ты мне нужна.

5 января. Зима. У нас новогодние каникулы. Температура минусовая, но слякоть. Мы с мамой, пока бегали до магазина, все околели, грязь с обуви можно лопатой соскребать. Мама открыла квартиру, зашла в прихожую:

- Как дома-то хорошо, Дашенька! Как в раю.

У меня имеется дурацкая привычка все представлять буквально. Ну, допустим, помру я однажды. И? Хочу я в такой рай попасть? У нас все, конечно, обставлено по законам удобства, заключающегося в кнопках бытовой техники. И уют есть. Салфеточки, светильнички, коврики, фарфоровый соболь на этажерке.

- Мам, ты правда согласилась бы в такой рай? Если навсегда-навсегда?
- А что, согласилась бы.

Это что, всегда-всегда видеть фарфорового соболя?

12 января. Я приехала, а навстречу - Лидка. Повисла на мне - маленькая, родная...

14 января. Вечер. Я засела с книжкой, Женя развешивает какие-то постиранные тряпочки, Лида и женин Толик смотрят телевизор. Вроде бы сейчас и в дневник записать нечего, а хорошо. Спокойно. Придет после работы мой уставший Леша, положит свою лохматую голову ко мне на колени и, наверно, будет рассказывать про Шевчука или про какой-нибудь фильм. Он любит совершенно особенные фильмы, авторские. Такие называет, о которых я и не слышала. Но мне все равно очень-очень интересно.

18 января. У нас событие - подвернулась новая работенка. Зашел какой-то парень и предложил порасклеивать объявления, а это было очень кстати: мы, как всегда, с пустыми кошельками. Порасклеивали два вечера и сразу получили зарплату. Нам предложили пособирать подписи. Что ж, нормальное дело.

19 января. Добрый вечер! Мы собираем подписи в пользу кандидата в депутаты Законодательного Собрания Вологодской области по Заречному округу господина Г. Сергея Борисовича. Это кандидат-самовыдвиженец, представитель такой-то партии. На этом месте мы замолкаем, потому что Сергей Борисович для нас абстрактный неизвестный субъект, а жильцы квартир наверняка что-нибудь о нем слышали. Вопросительно улыбаемся тем, кто находится по другую сторону двери. Ситуация может развиваться в двух направлениях. Первое - нам говорят, дескать, конечно, мы подпишемся, мы его знаем! За этим следует процедура заполнения бланка. Второе - нам говорят, мол, извините, подписываться не буду, я поддерживаю другого кандидата. Так я представляла себе мою новую работу.

Нам дали адрес и бланки. Добравшись до подъезда и обнаружив кодовый замок, мы в первый раз за этот вечер испытали ощущение закрытой двери. Удалось проскочить в подъезд вслед за вошедшей женщиной. Неприятным сюрпризом оказалось отсутствие освещения. Но я сразу же подумала, что нас, наверно, впустят в комнату, а там светло. Звонок. Шаги. В щели над цепочкой появился большой красный нос:

- Чего надо?

- Добрый вечер! Мы собираем подписи в пользу кандидата в депутаты...

-Чего? Перестрелять их всех надо, депутатов этих!

Так мы снова испытали ощущение закрытой двери. Оно было более острым, потому что хозяин квартиры №1 хлопнул дверью так, что это, должно быть, слышали в квартире №60. Проглотив первое впечатление, отправились дальше. Позвонили.

- Кто? - женский вежливый голос.

Слушают? Прекрасно! На радостях я начала рассказывать, какой хороший человек Сергей Борисович, уже дошла до рассуждений о том, что он хочет помочь пенсионерам и молодежи, занимается проблемами образования и здравоохранения. Я не знаю его программы, но ведь все депутаты это обещают. А еще он наверняка хочет позаботиться о военных, о бюджетниках и... Тут я поняла, что меня не слушают. Просто молча отошли от двери и занялись своими делами. В следующую квартиру мы постучались уже очень настойчиво. Выглянул пожилой худенький мужчина, на вид не очень трезвый и перепуганный.

- Здравствуйте. Подписи собираем. За Сергея Борисовича Г. Потребуются ваши паспортные данные.

Я думала, что он рявкнет что-нибудь сердитое, а он растерянно поморгал и побежал за документами. Он бы сейчас, кажется, собственный смертный приговор охотно подписал, только бы ему позволили спрятаться обратно в комнату.

На лестничной площадке слышен непонятный шум. На следующем этаже обнаруживаем пьяного дядю. Он поет: «Земля в иллюминаторе». Слово «земля» он выговаривает более-менее внятно, а вот «иллюминатор» ему упрямо не подчиняется. Да, русский язык сложен. А еще русский язык очень эмоционален и выразителен. На площадку выходит маленькая женщина и вспоминает большое количество матов, уводя покачивающегося мужа. В их квартиру мы обращаться не будем. Пойдем к соседям. Там интеллигентный мужчина. Нас - впервые! - приглашают в комнату. Мужчина выслушивает с понимающей улыбкой, кивает, а потом с этой же улыбкой бросает: «А не хочу». И показывает нам на дверь. Как говорится, никогда еще нас так вежливо не посылали. Ну, что ж, это его право.

Нашего кандидата-самовыдвиженца в подъезде не знает никто. Мы за пару часов заполняем лист. Теперь - домой, переписывать паспортные данные и копировать подписи из бланка С.Б.Г. на бланк Н.Б.Б. За Н.Б.Б. платят меньше: 15 рублей подпись. Подписи копиро-

вать нетрудно, вот и пригодится мое умение рисовать.

23 января. Я не выходила на работу - простудилась и весь день сижу одна. Наконец, пришли девчонки.

- А сегодня нетрудно было: мы же как-никак проверяющие, нас возили на машине, а мы смотрели, как работают расклейщики. И знаешь, ведь поймали. Женя молодец, хорошо сыграла. Денис оставил машину за углом, а она подошла к расклейщику, разговорилась. Ну, он, особенно не скрываясь, и запихал при ней полпачки плакатов под какую-то поленницу.

Женя:

- Этот мальчик-тормоз нашел мой телефон и изволил позвонить мне сегодня. Видите ли, из-за меня его с работы выгоняют. А не фиг было кое-как эту самую работу делать!

Девчонки мне рассказали, что такое «сделать Шрека», их Денис просветил. Это значит поймать конкурента, намять ему бока, потом обстричь налысо и покрасить голову зеленкой.

3 февраля. У нас в комнате основательно завелся Домововка - Вова Назаров. Я как-то его сначала не замечала, а теперь все чаще вижу его у нас. Он с физвоза. Сам по себе - неприметный, носатый и тощий. Женя ему предложила нас возить, когда Денис, наш работодатель, велел ей искать для нашей группы водителя. Ну, Вовка не отказался подработать. У него всего имущества - эта старая девяносто девятая. Она поминутно ломается, но еще тарахтит, поэтому Вовка по ночам таксует. А днем возит нас.

7 февраля. Мы околели все, пока расклеивали плакаты с какой-то С. В клее перепачкались от кончиков ушей до пяток. А пятки больше всего замерзли. Ладно, хоть Лидка в валенках. Валенки оказались совсем случайно в багажнике у Вовки. Эх, самое обидное, половину нашей работы конкуренты уже ободрали. Они прямо за нами шли. Сейчас мы обратно ехали и видели из окна остатки наших плакатов возле моста. А остатки такие изрядные - мы на совесть клеили! Наверно, поматерились те, кому пришлось отдирать. Им, как и нам, зарабатывать надо, мы понимаем. Мы, например, за ними недавно агитационные газеты собирали - тоже нечестно. А газеты те с нецензурной критикой кандидата в депутаты З. были сделаны для создания шума командой самого депутата З.

24 февраля. Смотрю на холодильник и слушаю радио. По радио поют, что «Муси-муси, пуси-пуси, миленький мой, я горю, я вся во вкусе рядом с тобой». А на холодильнике - две грязные кастрюли и сковородка. Рядом со сковородкой стаканчик, а в нем росток. Лида опять принесла откуда-то, она все мечтает в общаге цветы развести. Только я знаю, что засохнет этот росточек, как и прежние. Какая-нибудь из нас так же каждый раз, садясь обедать и глядя на холодильник, будет говорить: «Надо бы посадить». А остальные - кивать: «Да, надо бы». А он будет медленно, но верно дохнуть.

28 февраля. Мы будем пить - Лида, Женя, я. Ничего не случилось нового и значительного, нет, разве что поубегались. Неужели это я, давным-давно, полгода назад, когда мне предлагали выпить, делала большие глаза и, заикаясь, щебетала: «Не надо, пожалуйста, не надо!» Сейчас мне не стыдно даже. Водка? Ну, ладно, пусть водка. Девчонки сегодня обе загруженные. «Загрузиться» - значит начать думать, именно думать, направленно и осознанно, а не мысли перебрасывать. Я до города такого слова не знала.

Пока ходим, Женя попросит у кого-нибудь стопки и устроит нам подходящее местечко на полу. Мы всегда пьем на полу. Раньше пили при светильнике: был у нас такой интересный светильничек - белый шарик с лампочкой внутри, а вокруг шарика фарфоровые дельфины. Но он упал с тумбочки и разбился. Теперь мы включаем черную настольную лампу. Штука неуклюжая, зато почти антикварная - вещь моего дедушки.

В магазине берем не троих бутылку 0,7 подешевле и триста грамм колбасы «Студенческой». Мы с Лидкой всю дорогу молчим, потому что нам слишком хочется говорить. Она знает, что мне сейчас скверно. Я знаю, что ей ничуть не лучше, чем мне. Мы обе хотим быть сильными и не давить друг на друга. А пьяные разговоримся. Первая стадия разговоров - о работе или универе. Вторая - о любви: от «за нас, красивых, за них, рогатых» до «почему, ну почему мы с ним не можем друг друга понять». Дальше - о родителях, о доме. Наконец - о том, что мы во всем вышеперечисленном запутались. Последняя стадия начинается с философской темы: «А никому мы в этой жизни и на фиг не нужны». Ну, тут мы можем дойти

до полной дребедятины. А финал чаще один и тот же - по кроватям и вырубаемся.

29 февраля. На деньги (большие деньги!), заработанные на выборах, я купила плеер. Он очень мне нужен, потому что я слушаю рок. Я специально выбираю самые циничные, самые пошлые песни и почти не вынимаю наушники из ушей. По сравнению с такими песнями мир начинает казаться еще более-менее доброжелательным и чистым. Если попадается какая-то нежная песня, от нее больно.

1 марта. А вы знаете, что «под небом голубым есть город золотой, с хрустальными воротами и яркою звездой»? Там «кто любит, тот любим, кто светел, тот и свят». Между прочим, это моя любимая песня. Не помню, когда услышала ее впервые. Будто всегда знала. Конечно, никакого города нет, и я это понимаю, не совсем дура. Только неправильно это - он должен быть. Поэтому я нарисовала его над своей кроватью, прямо на обоях. У Люды вместо города - корабль-парусник, а у Насти - морская ракушка на берегу. Была у нас мысль сообразить что-нибудь и на двери с наружной стороны, но единственное, что мне придумалось там изобразить, - это знак вроде таких, которые бывают на трансформаторных будках, желтый треугольник с черной молнией. Девчонки не одобрили мою инициативу, в результате двери остались первозданно коричневыми.

16 марта. Надоела общага. Надоело ходить домой по пропускам, постоянно слышать чужие голоса вокруг из-за тонких стенок, не находить места, где хоть секунду можно быть наедине с собой. А через два года и этого не будет. Кому есть дело да нас? Никому. Здесь закон естественного отбора. Лида:

- Пойдем сейчас куда-нибудь на улицу Ольховую, где деревянные домишки, попросим сотку. «Пожалуйста», - скажем.

- А серьезно, купим землю. На дом накопим, купим в деревне подешевке, их же там на каждом углу, пустых.

Женя достает толстенную рекламную газету. Лежа прямо на ней, читает вслух:

- Улица Пролетарская, дом с участком, б/у, 500 тысяч рэ. Однокомнатная, панель.

- Вот и выход, девчонки: панель.

19 марта. У меня вылезут мозги. Через уши или через нос. А вылезут они по той причине, что я весь день думаю, думаю, думаю. А думаю я, как переспорить Алексея Михайловича, который вчера поведал мне о своей новой теории. Она заключается в следующем: никогда никому не нужно помогать. Плохо человеку, падает он - ну, и пущай себе падает на здоровье. Зато сильным будет. Нечего его из дерьма, в которое он залез, за волосы вытаскивать. Но ведь не все люди - мюнхгаузены, способные вытащить себя за волосы из болота. Сволочь, блин. Стоп! Извини, Лешка, я увлеклась. Ты просто запутался, а так ты хороший.

11 апреля. Вчера мы ходили на берег жарить сосиски, ходили Лида, Вовка, Женя и я. Вышли часов в шесть, и сначало было светло. На берегу везде мусор. С одной стороны, это даже удобно, потому что есть чем костер поддерживать. Особенно хорошо горят пачки от кефира и газеты. Но весь мусор мы так и не собрали, уж больно его много. А когда стемнело, его не видно стало. Остался только костер и маленькие мы в большой черноте. Мы песни пели, а Вовка слушал. У Лиды и Жени одни песни на двоих, у меня свои, но я пела с ними. Ведь легче мне петь про белую черемуху, чем им - про некрофилию и людей-зверей. Я тоже раньше про черемуху любила, только слова плохо помню.

17 апреля. Лед нельзя растопить ударом, можно только отогреть, и придется, конечно, потерпеть, что руке от этого холодно.

19 апреля. Лешка ушел с работы. С кем-то поругался, и его попросили уйти, как он объяснил. А может, просто не выдержал. А Женя, наоборот, нашла работу. Ею еще на выборах заинтересовался один депутат. У него своя газетка, и Женю взяли туда журналисткой. Она деловая, не пропадет.

20 апреля. Вовка повез Лиду с Женей в кафе, а я отказалась с ними идти, потому что я сегодня взрывоопасная. Хожу кругами по комнате и пою песни. И в зеркале какая-то девчонка аккуратно проделывает то же самое. Знала бы эта девчонка, как я ее ненавижу за то, что она ничего не может сделать! Ишь, уставилась на меня. И розочки на японском халате

моего любимого цвета - красные. Как кровь. Банальное сравнение. А ничего не банальное, ведь кровь на самом деле красная. Вот нож, вот рука, и если ножом по руке, то... Все правильно: красная капелька. Еще одна... На пол капает. Странно, даже не больно.

21 апреля. Мы вдвоем в комнате. Лешка ходит, явно не в настроении. Спрашивает:

- Ты что будешь после института делать?

Подошел, рукой меня за плечо. Меня всю перекосило, у меня же под рукавом царапины от вчерашней дури. Едва не вскрикнула. Думаешь, отвечу, что замуж за тебя хочу, а у тебя будет повод попридираться и обвинить меня в навязчивости? Не дождешься.

- Уеду к родителям, накуплю книжек и буду читать по вечерам.

- А муж?

Все-таки нарываешься, значит. Ну, я типа не слышу.

- Я кошку заведу.

- Кошку?

Постоял, помолчал и вышел.

22 апреля. Вспомнился мне сейчас один знакомый. Он, бывало, рассказывает и вдруг прервется и ляпнет что-нибудь смешное, экспромтом сочиненное. Например: «Почему же, почему же я лежу и рожа в луже?»

26 апреля. Диалог за вермишелью быстрого приготовления у Лёши в комнате. Он говорит, что все бабы - стервы, в том числе Женя и Лида. Ничего, что я тоже девушка? Ну, почти все. «Мне надоело, между прочим, твое плохое настроение. У тебя вечно проблемы». Лешка, но у меня же были только твои проблемы, у меня уже не стало своих. Я хочу тебе помочь... «А ты не думала, что это мне тоже надоело?»

28 апреля. Вечеринка-маскарад. В чьей-то квартире на конечной нашего автобуса, в желтом доме. Я не хочу ехать, поэтому поеду. У меня будет и образ: буду стервой. Образ делается по простому рецепту: юбка покороче, каблуки подлиннее, наивности поменьше, косметики побольше. Художнические способности стерве очень даже пригодятся. У меня есть синяя тушь для рисования. Я сделаю себе татуировку по ноге и буду демонстрировать всем желающим. А литературные способности я использую на тосты. Что, Леша, молчишь? Не ожидал, что я тоже поеду. За окном черно, как под водой. Нет города! Кто выдумал, что он есть? Только фонари есть. Если бы их собрать в одно, было бы как от солнца. Хватит, Дашка. В жизни и без романтики дерьма предостаточно.

Рита, Катя, Димка, Лида, Женя... Давайте гулять так, чтоб соседи ментов вызвали. На машинах с мигалками. Рита, ты хотела, чтобы мне было весело, как всем? Мне весело. Шампанское? А почему не водка? Максимчик, а чего только Оле сигарету? Я тоже прикурить хочу! Зря удивляешься. Танцевать! С кем это я? Кто-то меня в шею целует. Катя у этого Артема, или как его, на коленях. Тоже нажралась. Рита ко мне подлетает, как всегда, большая и добрая:

- Даха, наконец-то! Наконец-то ты с нами, тебе хорошо!

- Да, мне еще никогда не было так хорошо.

Запнулась за кого-то: кажется, Аня. И плачет. Выбрала тоже место... Леша! Леша, ты где, мне страшно! Ты с ней. Целуешь. Одну секундочку, я надолго не отвлеку. Пару слов скажу:

- Знаешь, солнышко...

Противно говорить. А что это за хлопок? Да это же я ему пощечину влепила. Я сижу в зале на полу, прижавшись к запертой двери, и обнимаю ножку стола.

29 апреля. Утро? Нет, я не встану. Я ни за что не встану. Натянуть подушку на голову и лежать так, и ни о чем не думать - хорошо. А вчера... О, черт! Помню, что прижималась к запертой двери и думала, что дверь, если ее запереть, становится стенкой. И сейчас я вся в стенках, ненавижу их, стукнуть бы по ним кулаком, чтобы они разлетелись в пыль. Ради этого я даже повернусь на левый бок и... А на стенке - город золотой, который я рисовала. У меня кулак так и застыл на полпути. Тут Лидка на кровати заворочалась - будильник у неё сработал, а после Женя зевнула и потянулась.

Надо вставать. А похмелье - оно пройдет. И будет день.

Наталия БРАШКИНА

СКАЗ ПРО ВАСИЛИСУ ПРЕКРАСНУЮ, ПРО ЗЛОДЕЕВ ДА ДОБРЫХ МОЛОДЦЕВ

В некотором царстве, в некотором государстве жила, не тужила Василиса Прекрасная, дочка Кощея Бессмертного. Но вдруг нежданной грозой разразилась беда над девицей - Кощей надумал дочку замуж выдать. Василиса кричит-убивается:

- Как вам, папаша, не совестно?! Родную дочь, кровиночку единственную, да в чужую сторонушку! Да за старого, за безродного!

- Вот ведь горе-горькое! - говорит Кощей Бессмертный. - И ведь кому отдаю кровиночку единственную, красу Василису ненаглядную! Злата-серебра у жениха всего ничего - пятьдесят сундуков, теремок - три этажа, в палатах зеркала венецианские, в рамах серебряных, смарагдами изукрашенных, кушает он с золотых тарелочек, утирается шелковыми платочками. Как же ты, Василиса, будешь с ним жить-мучаться?! Что кушать будете, бедные? А как детки народятся, да не хватит денежек их выучить? Так и пойдут по миру несчастные сиротинушки при живых отце-матери!

Царевна примолкла.

- Выйдешь ты за него и точка! Завтра же свадебку сыграем! - сказал Кощей и выскочил за дверь.

- Ни за что! Сбегу, а замуж не пойду! - Василиса ножкой в красном башмачке топает, косы черные назад перекидывает.

Прислонился Кощей к дверям василисиной горницы. Платочком утирается и думает себе: неровен час - сбежит девка! И постучал по сундучку.

- Эй, вы, двое из ларца, одинаковых с лица!

Тут же крышка резная откинулась, оттуда выскочили двое молодцов.

- Что... - начал один.

- Угодно... - продолжил второй.

- Хозяину? - закончил первый.

- Тут стоять, никого не пущать, девку стеречь, от всех беречь!

Э-э, нет, Кощей, не бывать по-твоему, ишь чего захотел - свою волю надо мной поставить! - думает Василиса Прекрасная, примеряя жениховы подарки. Правду сказать, полюбились ей яхонтовые серьги. Эх, до чего же женихи ленивые пошли! Вот выкрал бы он меня, как у царевен полагается, глядишь, так я бы денька три покапризничала, посуду бы поколотила, а там и согласилась. А тут что выходит? Сговорился с моим отцом, навез подарков, вот тебе и все ухаживание. Обидно! А я ли не прекрасная?

Она подошла к зеркалу и спросила медовым голоском:

- Свет мой зеркальце, скажи да всю правду доложи! Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?!

Только покои богатые да сама царевна отражались в зеркале. Топнула ножкой царевна:

- Эй, ты там уснуло? Не слышишь, что ли?!

Зарябило зеркало, будто бы поморщилось. Проступили глаза и рот. Рот привычно забубнил:

- Ты на свете всех милее, всех прекрасн... - и рот сладко зевнул, - и не надоело тебе,

Василиса, по пять раз на дню одно и то же спрашивать?

- Ах, ты, мерзкое стекло! - возмутилась Василиса.

Царевна замахнулась. Зеркало зажмурилось в испуге. Но царевна вдруг передумала, отошла к окошку.

- Не пойду я за него замуж! Не хочу! - крикнула и ножкой топнула. - Сбегу! Сбегу с Иваном-царевичем!

И выглянула за окошко, выглядывая какого-нибудь Ивана-царевича. Однако никого не было, только темнота и хмурый дождик. Василиса огляделась, но в девичьей горнице не завалялось ни веревочной лестницы, ни даже простой веревки. Царевна уперла руки в боки и сказала вслух:

- Сначала я соберу кое-какие пожитки в дорогу дальнюю, а там уж как получится.

И Василиса принялась свои сарафаны да кокошники в сундуки складывать. Три сундука сложила, притомилась, присела на крышку, платочком шелковым обмахнулась.

- Этого, - говорит, - на первое время достаточно, а как обживусь в новом царстве, так пошлю к папаше за остальными сарафанами.

Подперев щечку рукой, царевна призадумалась. Из сказки героя не выкинешь, решила, и Иван-царевич должен объявиться и увезти ее в свое царство-государство, где будут они любить друг друга и умрут в один день. Василиса зажгла свечку и поставила ее на окошко, подавая знак суженому.

Ночь перешла за полночь, ничего не случилось, а девицу сморил сон. Задремала она, положив голову на белу ручку, так бы и разбудили ее мамки и няньки, прибежавшие одевать невесту, да приметил ее Змей Одноглавый, пролетавший мимо. Приметил и вежливо постучался в окошечко. Василиса вскинулась.

- Ах! - испугалась царевна и подсвечником бронзовым его хрястнула.

Одноглавый Змей исчез прочь с глаз. Василиса уже хотела кликнуть стражу царскую, велеть изловить, да набить из него чучело, но вдруг вспомнила, что прекрасных царевен выкрадывают не только Иваны-царевичи. Вот прабабку, тоже Василису, Змей похитил прямо из-за стола свадебного.

- Вернись, Одноглавый Змей, вернись чудище! - закричала царевна.

В ответ ни звука, ни шороха долго не слышала, но вот, так чтобы девице не дотянуться, показался, чернее темноты, Одноглавый Змей.

- У тебя свечка на окне горела, - говорит он. - И вдруг ты меня подсвечником. Передумала, что ли?

- Не передумала, не передумала, - отвечает Василиса, - это я от неожиданности.

- От неожиданности? - Одноглавый Змей призадумался. - Ну, коли так, тогда забирайся ко мне на спину, да смотри, больше ничем не бей, не то скину тебя вниз!

Повернулся он задом к окошку и протянул толстый хвост, чтобы Василиса забралась по нему на спину.

- Эй, погоди ты! А мои сундуки? Я без них никуда не полечу!

- Сундуки? - Одноглавый Змей посмотрел на царевну с новым сомнением. Но и на этот раз одержала верх краса девичья.

- Ну, пусть будут сундуки! Закидывая их мне на спину.

Летели они над полями, над лесами, над спящими городами. Свистал ветер в ушах царевны, замерзла она, словно на железной крыше в студеную ночь. Наконец, привез ее Одноглавый Змей в Синие Горы, где обитало племя змеево.

Тут Одноглавый Змей переменил облик, и предстал перед царевной добрый молодец, красоты неписанной. Как она его увидела, так он ей и приглянулся. Ну, она думает, хорошо, что меня Одноглавый Змей похитил, он - царевич, как день это ясно. Заживу я с ним безбедно и весело.

- Ну, царевна, - говорит ей Одноглавый Змей любезным голосом, - проходи, располагайся, знакомься с моими родителями, дядьями да братьями.

Собрались тут змеевы родственники, подивились василисиной красоте, заахали.

- Вот так красавица! Как же тебя зовут, красная девица?

- Дочь я знаменитого волшебника Кощея Бессмертного. Зовут меня царевна Василиса Прекрасная. У моего отца сундуки от злата-серебра ломятся! - отвечает им царевна.

Подивилось племя змеево таким словам, но говорят царевне:

- Ах, не врет молва, ты, точно, прекрасная! Будь же нам сестрицей названной, а Дормидонту нашему любезной супругой!

Проводили ее с почестями в горницу. Василиса ночь глаз не смыкала, в пути устала и завалилась спать на жесткую кровать.

А Кощей как утром узнал, что дочка его прекрасная сбежала, так грозно нахмурился, а за окном такой ураган поднялся, что все белье с веревок сорвало, да дюжины две куриц со двора унесло. Стоят перед ним Два-молодца-из-ларца ни живые, ни мертвые. А Кощей визжит, кричит и ногами сучит.

- Где Василиса, отвечайте, бездельники?! Она выходила или к ней кто-то захаживал?

- Никого не пропускали, - бормочут детины в два голоса.

- Никто не заходил, сама не выходила... Тогда где она?! - гремит Кощей, словно буря, что столетние деревья в дубраве выламывает.

- Так это... - лепечут они, - улетела...

- Как это - улетела? На чем?! Она на помеле отродясь не сиживала. Наколдовать летом дождик не в состоянии!

- На Одноглавом Змее, - шепчут богатыри, трясясь, как лист осиновый.

- Никак что-то в толк не возьму. На каком-таком Змее?

- На черном, - шелестят они.

- Ага, - говорит Кощей, - на черном. Так, получается, вы его видели?

- Через замочную скважину.

- Так, если вы его видели, почему же вы, разлюбезные молодцы, людей не кликнули, тревогу не забили?!

- Так это... приказано было никого не впускать да глаз с нее не спускать, а об окошке никакого приказу не было! - со страхом и обидой мычат молодцы.

- Ах, вы, дурни доморощенные, да нечто вам надо все на пальцах растолковывать, а своя башка на плечах лишь для шапки годна?! Так проучу я вас по-своему!

Наука злодея нехитрая, плюнул он в одну сторону, дунул в другую и оборотил слуг своих в плесень серую. Однако чуть погодя опамятовался, все же куда без работников в хозяйстве денешься, и возвратил им облик человеческий.

Тут старая нянька к нему сунулась - принесла напиток чудодейственный нервы кощеевы успокаивающий.

- Что ж ты, батюшка, хмуришься, как небо осеннее, тучами плотно укрытое?

- Какой теперь жениху ответ дать?!

- Эка невидаль - жених! - отвечает Семеновна. - Отдаешь против воли, да ладно бы еще за принца али царевича. Так нет же! За безродного! Василиса наша такая раскрасавица, что ясно солнышко, завидев ее красоту, со стыда за тучку прячется, а как выглянет она ночью в окошко, так звездочки с неба срываются полюбоваться девичьей прелестью, а луна аж бледнеет от зависти. Только свистнешь - тут же очередь женихов выстроится, да не из простых каких-нибудь, а из принцев заморских, царевичей, королевичей. Тут уж выбор так выбор! А твой женишок против них - тьфу! Да они с ним и разговаривать не станут!

- Свистели уже - не видать очереди! - сердится Кощей. - А у этого жениха разговор с принцами короткий. Принцам деньги, чай, нужны. То им охота приспичит пространствовать, то войну с соседями затеять, вот они к нему бегут, в пояс ему кланяются, величают по отчеству! Ох, Василиса, что же ты наделала? Не простит мне долг, кровосос проклятущий!

- Так ты свое родное дитятко на долги обмениваешь?! Да что же такое на свете делается?!

- Отдаю Василису замуж за безродного, но с состоянием. Будет жить, как сыр в масле кататься! Деньги он гребет лопатой, авось, не разорят его прихоти молодой жены. А ты, карга старая, коли будешь в государственные дела вмешиваться, на птичий двор сошлю!

Прикусила язык тут Семеновна, не хочется ей на птичий двор из палат царских. Но женский ум изворотливый, говорит она Кощею Бессмертному:

- Жениху ты скажи, что бабушка двоюродная заболела. Вот Василиса и поехала проведать старушку на Кудыкину гору.

- А пусть хоть и бабушка, лишь бы время выгадать! Авось, поверит в небылицу несусветную.

Разбудили Василису только к вечеру.

- Как тебе спалось, девица? Как отдыхалось, красавица? - расспрашивает ее Дормидонт.

- Очень даже отвратительно, - отвечает царевна, потягиваясь. - Кровати у вас жесткие, перины лежалые, тело мое белое болит да ноет от такого отдыха. Вот у отца моего во дворце

перины под потолок подымаются, а ляжешь на них, и будто на белом облачке. И горницы у вас тесные, шагу ступить некуда - повсюду на стены натыкаешься.

- Ну, царевна, привыкать тебе надо к непривычному. Вставай да одевайся - ждут нас за столом праздничным.

Привел Дормидонт Василису в залу обеденную. Показалась она ей темноватой, тесноватой да бедно украшенной. Усадили Василису с Дормидонтом рядышком и принялись жениха с невестой величать, песни петь да на гуслях играть. Все гости угощаются, одна Василиса сидит грустная, ни ест, ни пьет.

- Что же загрустила ты, красавица? - спрашивает ее Дормидонт. - Или тебе кушанья не нравятся?

- А чего же в них хорошего? Мясо у вас пресное, хлеба не белые, вино ваше кислое. Не привыкла я к такой еде - оттого и печалюсь! Одежда на вас грубая, - продолжает Василиса, - телу моему белому не привычная. Меня батюшка наряжал в сарафаны шелковые, такие тонкие да легкие, что пропусти через золотое колечко - не зацепятся.

Примолкли гости за столом, к словам царевны прислушиваясь, а она и рада, дальше продолжает:

- В доме моего батюшки развлечения изысканные. Во время пиров играли нам сто балалаечников да гусельников, и еще сотня в бубны били, в дудки дули! Гости отплясывают, коленца лихие выкидывают, камни самоцветные на их одеждах златотканых так и горят!

Призадумался Дормидонт, услыхав такие слова от девицы, а потом и говорит ей:

- Есть у нас старый обычай - трижды мы невесту испытываем. Коли выдержит она испытания, так станет законной супругой, а нет - так не обессудь! Вот тебе три задания: испеки к утру каравай, какой у батюшки своего кушала, да укрась его затейливо. А вторая работа будет тебе такая задана: вот тебе тюк с шерстью, напряди ты ее так же тоненько, как прядут девицы у твоего батюшки, сотки рубашечку, что проскочит через колечко и не зацепится. А после расшей ее шелковыми ниточками да такими узорами, каких еще никто не видывал, и укрась камнями самоцветными, чтобы не хуже получилась, чем у Кощея Бессмертного.

Сказал так Дормидонт, и веселье закончилось. Разошлись все по горницам, оставили царевну хозяйничать. Посмотрела Василиса на печь, жаром пышущую, на тюк с шерстью огромный, на шелковый отрез да нитки цветные, упала на лавку и горько заплакала.

- Где же мне, бедняжке, за ночь управиться?! Как же сладить с трудными заданиями?! Никогда я не пекла хлебов мягких, белых, а приносили мне их на тарелочке с голубой каемочкой. Никогда не пряла шерсть тонкую, а девки-чернавки пряли, когда мне пели песни жалостливые. Не умею и вышивать рубахи узорами. За три года с этой работою и то не управиться! Видно, такова моя долюшка горькая - не бывать мне замужем за царевичем!

Тут, откуда ни возьмись, появилась перед ней девушка черноглазая и заговорила с ней ласково:

- Не печалься, не кручинься, царевна прекрасная! Знаю я про твою беду. За тебя и хлеба испеку, и шерсть напряду, и рубашку сошью с диковинными цветами да звездами. Ты же за это мне подари сарафан шелковый, серьги золотые и бусы красные. А сама ложись спать-почивать на лавочку.

Василиса обрадовалась и завалилась спать.

Только царевна уснула, девушка хлопнула в ладоши, и тут же замесилось в кадушке тесто пышное, закружилось веретено, наматывая тоненькие ниточки, принялась иголка расписывать рубашку разноцветными узорами. К утру работа была слажена.

Разбудила тогда девица Василису да потребовала от нее подарки обещанные. Царевна отдала ей сарафан шелковый, вынула золотые серьги из ушей, да бусы красные на шею девушке надела. А сама думает, что у Змея сундуки от злата ломятся, задарит Дормидонт ее подарками лучше отданных.

Заходит Дормидонт в горенку вместе с первым солнечным лучиком.

- Ну, как, царевна, со всем ли управилась? - спрашивает.

- Всю ночь глаз не смыкала, работу сложную исполняла, утомилась, измаялась. Но вот, посмотри, хлеба стоят готовые, корочки у них румяные, затейливо украшенные. Вот пряжа тонкая, будто паутинка. А вот рубашка, расшитая затейливыми узорами...

Подивился Дормидонт василисиному проворству, отломил хлеба румяного, перебрал пряжу легкую, примерил платье узорчатое, самоцветами горящее.

- Ох, ты и мастерица, - покачал головой Дормидонт, - саму Марью-искусницу за пояс

заткнула!

- Ха! - говорит Василиса. - Да разве может сравниться со мной Марья-искусница! Она девушка крестьянская, а я царевна, красотой своей знаменитая. Она зимой и летом босиком бегала, а мои ноженьки обували лишь в сапожки сафьяновые да туфельки атласные. Она с детства к работе привычная, а мне стоило взгляд бросить, как мамки да няньки со всех ног бежали исполнять мое желание. От работы руки у нее загрубели, а от ветра холодного лицо обветрилось. У меня же, посмотри, кожа белая, как лилия на горном озере, пальчики нежные!

Подивился Дормидонт ее словам, но от слова данного не откажешься.

- Быть, значит, нашей свадьбе сегодня же к вечеру.

Василиса обрадовалась. Но вспомнила батюшкины наставления, села на лавку, сарафан на коленях расправила и спрашивает:

- Брак - дело важное. Ты получаешь жену-раскрасавицу, какой свет не видывал. Что же получит дочка Кощеева?

- Ты, я вижу, девица рассудительная. Чего тебе хочется, то и проси.

- Слухом земля полнится, будто ваше племя бережет сокровища несметные. Хочу увидеть сундуки тяжелые, выбрать к свадьбе украшения.

- Хм, - говорит Одноглавый Змей, - обманула тебя людская молва. Мы, Змеи Одноглавые законопослушные, добрых людей на больших дорогах не грабим. Перепутали нас со Змеем Горынычем. Он нам родственником приходится, но есть у него отклонения - трехголовый от рождения. Так вот он, и в самом деле, разбойничает да золото прикапливает. Мы же честно на жизнь зарабатываем - служим у царей перевозчиками да охраняем границы царства тридевятого.

Не поверила ему на слово Василиса Прекрасная, решила, что два яблока от одной яблоньки далеко не укатятся. Подумала, что он ее испытывает, не хочет показывать свои сокровища до свадьбы.

- Ладно, - говорит она ему, - проживем мы как-нибудь и на мое приданое. Кощей рано или поздно раскошелится и отдаст, что положено.

И начали собирать свадебку. Нарядилась Василиса в свой лучший сарафан, надел Дормидонт рубаху новую. Сели за столы, кушаньями уставленные, стали их гости чествовать, молодую невесту нахваливать, чаши заздравные за нее поднимать. Но случилась тут беда - зацепилась ниточка на новой рубашечке Дормидонта. Говорит тогда он Василисе:

- Ты возьми стальную иголочку, продень в нее шелковую ниточку, да поправь петельку!

Царевна за дело принялась, билась, билась, а узор все дальше распускается, иголочка из рук у нее выскальзывает. Говорит ей Дормидонт:

- Перед свадьбой ты, что ли, волнуешься?! Не слушается тебя иголочка.

- Ох, - говорит царевна, - горе ты горькое! Не могу я сама сладить-справиться. Где же моя помощница, где эта девка проклятущая?!

И только сказала, объявилась ее помощница. Видят гости девушку, красой Василисой Прекрасной равную: наряд на ней шелковый, серьги в ушах золотые, бусы на шее красные. Выхватила иголку девушка, ловко подобрала петельку на рубашке. И признали в ней все Марью-искусницу, а она говорит:

- Шила я эту рубашку волшебной иголочкой, кто секрета ее не знает - тот вовек с ней не справиться. А понравились ли вам, гости, хлеба мои мягкие? А видели ли вы пряжу мою тонкую?

- Ах, ты, - кричит Василиса, - обманщица! Завлекла меня, легковерную, в сети коварные, обманом серьги, сарафан да бусы выманила!

- Никого я, царевна, не обманывала, - возражает ей Марья-искусница. - Сама бы ты с работой и в три года не управилась. Предложила я тебе сделку выгодную, чтобы проучить Дормидонта. Променял он меня, дочь крестьянскую, на тебя, дочку царскую. Говорил он, что нет во мне вида внешнего, ни стана гибкого, ни кожи белой. Захотелось ему девицу благородную, да забыл он, что дети царские ремеслам не обучены. Вот пусть теперь с тобой и мучается!

Дормидонт с места вскакивает.

- Погоди, Марья-искусница, переменил я свое мнение. Мне нужна жена работящая, а царевна обманула меня - неумеха она ленивая. По-другому ты выглядишь в сарафане шелковом, готов я сыграть с тобой свадебку. А Василису отправлю обратно к родителям.

- Ах, Дормидонт, поздно ты опомнился. Выкрали меня из дома родимого и на чужбину продали. Угодить я сумела своей хозяйке - вот на ночку и выпросилась. А коли я тебе лю-

безна - разыщи меня, да из-под неволи вызволи!

Сказала так девица и пропала из виду.

- Как, - говорит Василиса, - не будет нашей свадебки?

- У нас с тобой, царевна, все по-честному. Ты работу не исполнила, а я на тебе не женюсь. Тотчас отправляюсь на поиски Марьи-искусницы. Тебя же по дороге подброшу до родителя твоего, Кощея Бессмертного. Заодно и поинтересуюсь, не знает ли он чего про мою суженую, разлюбезную Марью-искусницу.

Закричала Василиса, забилась, наговорила Дормидонту слов разных, насилу ее образумили и успокоили.

Посадил ее Одноглавый Змей снова к себе на спину, полетели они в обратный путь.

- Не могу я вернуться к своему родителю, - говорит ему царевна, - не нашла я с тобой счастья супружеского, так отвези ты меня к Ивану-царевичу.

- Мне, - отвечает ей Дормидонт, - некогда возиться с тобой, царевна. Тороплюсь я к Марье-искуснице. Отвезу я тебя до перекресточка, а дальше сама ищи своего суженого. А то, что не женился я на тебе, возмещу. Вырви с моей спины три чешуйки. В каждой чешуйке колдовская сила заключена. Произнесешь слова заветные, бросишь чешуйку да скажешь, чего хочется, то и случится.

Взяла Василиса три чешуйки, спрятала в пояс. Тут Одноглавый Змей и говорит:

- Здесь наши пути в разные стороны расходятся. Не поминай, царевна, лихом!

И сбросил ее вниз.

Летит Василиса, ни жива, ни мертва. Лететь ей до земли так далеко, что все Тридевятое царство до самых Синих гор, со всеми городами и деревеньками, пригорками и речками, лежит как на ладони. У царевны в ушах ветер свистит, а с алых губок срываются слова, какие в небесах до тех пор не слыхивали. Внизу лес дремучий сначала маленьким был пятнышком, потом темным пятном, а затем макушки его от края до края земли качаются. Лес тот был не простой, а Лукоморье заколдованное. Признал он в ней кровь кощееву, не захотел со злодеем связываться, поймал ее верхушками, да спустил вниз по веточкам.

С испугу лишилась царевна памяти, пролежала полдня без движения. А опомнилась, глядь, лежит на лесной подстилочке. Над ней деревья склоняются, шелестят листочками, в небесах кружит воронье недоброе, видно, чует смерть близкую, и нигде ни следа, ни тропиночки - не ступала здесь нога человеческая. Но царевна не отчаивается. Топнула она ножкой в красном сапожке, засучила рукава, погрозила лесу кулаком и говорит:

- А ну, отдавай мое имущество, а не то тебе несдобровать!

Зашумел лес сильнее прежнего, видно, не понравились ему слова царевны. Упали вниз сундуки ее тяжелые, железом окованные. Пересчитала их Василиса, в кучку стащила и стала косы переплетать да обдумывать, как они с Иваном-царевичем встретятся. И решила, что перво-наперво нужно из леса выбраться. Вспомнила она про подарок Одноглавого Змея, вынула из-за пояса одну чешуйку.

- Хочу проводника надежного, чтобы меня из леса вывел!

Произнесла Василиса вслух желание и села обратно на сундуки, дожидаться помощи, вдруг видит, глаза из леса на нее смотрят желтые, страшные, звериные. Душа у нее в пятки убежала, однако царевна того не показывает. Говорит:

- Ты, зверь лесной, иди-ка отсюда, пока цел. Я не простая девушка, я царевна, Василиса Прекрасная, дочка Кощея Бессмертного. Как батюшка узнает, что ты меня съел, так тебя из серой шкуры вытряхнет!

Отвечает ей серый человеческим голосом:

- Ты, девица красная, сначала со мной, как водится, поздоровайся, а потом пугай угрозами. Я хоть и зверь лесной, но о вежестве понятие имею.

- Ах, скажите пожалуйста! - насмехается над ним царевна. - По ночам рыскаем, а какие деликатные! Дай-ка угадаю, прислали тебя ко мне в помощники, чтобы вывел ты меня из леса непроходимого.

- Коли и так, почто ты со мной так обидно разговариваешь? И я тоже живность поднебесная.

- А чего мне с тобой церемониться? - царевна подбоченилась. - Чай, не царского роду работничек. Вези меня быстро к Ивану-царевичу! Да сундуки мои с приданым на спину закидывай.

- Сундуки твои - сама закидывай. Нет у меня для этого возможностей!

- Ах, скажите, пожалуйста! Возможностей у него недостаточно. Да мне ли, царской до-

чери, сундуки таскать тяжелые? Я к этому не приучена.

- Раз не приучена - подожди другого извозчика, посговорчивее.

Щелкнул он зубами и пропал из виду. Василиса одна осталась на глухой опушке, куда идти, не знает, не ведает. Села на сундуки и заплакала. Тут серый волк из кустов морду высунул.

- Одумалась ли ты, красна девица? - спрашивает.

Царевна украдкой слезы вытерла.

- Ладно уже, так и быть. Соберу я сама свое приданое!

Покряхтела царевна, пристроила сундуки волку на спину и сама залезла.

- Ты, волк, вези меня аккуратно, полегонечку, ямки все обскакивай, смотри, чтобы веточки не хлестали моего белого личика.

Волк мордой тряхнул, хвостом вильнул, одним прыжком через полверсты перемахнул, только елки перед царевной мелькают.

- Стой! - кричит ему царевна. - Остановка мне требуется! Растряс ты меня на дороге не торной, аж нутро переворачивается!

- Некогда мне, царевна, останавливаться, - говорит ей волк. - И так полвечера пропали пропадом. Добывать мне нужно себе пропитание. Коли тебе не нравится - высаживайся. Тут и лес кончается, доберешься как-нибудь до жилья человеческого.

Проговорил это волк, стряхнул царевну вместе с сундуками на землю и исчез.

- Ах ты, такой-сякой! - Василиса ему вслед ругается, потирая места ушибленные. - Оставил одну, без всякой помощи! Как приеду погостить к папаше своему, так и расскажу про твои проделки. Он тебе из шкуры блох вытрясет!

Но сколько ни ругалась царевна, как ни поминала серого волка, не вернулся он обратно.

Смотрит Василиса - впереди лес, и вправду, кончается. Выбралась она из густых зарослей в чистое поле. Солнце уже за горизонт садится, пора ночлег искать, а вокруг не видать жилья человеческого, одни стога стоят в чистом поле. Ну, думает Василиса, делать нечего. Переночую как-нибудь ночку. Трудное же, однако, задание Ивана-царевича по свету разыскивать. На что только соглашаться не приходится!

Вытащила она из-за пояса вторую чешуйку, пустила ее по ветру и говорит:

- Хочу Ивана-царевича в красной шапке с меховой опушкой, в кафтане с позументами да в сапожках сафьяновых со скрипами!

Подхватил ветер чешуйку да унес. Забралась царевна в стог, сеном укрылась, заснула сразу же. А под этим стогом мышка-норушка себе хоромы выстроила. Услышала она, как на крыше кто-то ворочается, высунула носик из норки, увидела красную девицу, подбежала к ней и говорит человеческим голосом:

- Пи-пи-пи, красная девица! Лежишь ты над моим домиком, потолки из-за тебя обсыпаются, горенки заваливают!

- Отстань! - говорит ей Василиса сквозь сон. - Я за день намаялась, что не могу двинуть ни рукой, ни ногой! Спать я хочу. И нет мне дела до твоего домика.

- Пи-пи-пи! Не твоя правда, красная девица! Под тобой амбар мой с запасами, засыплет его землей - умру я зимой с голоду!

- Дела мне нет до твоего разорения! - говорит ей Василиса Прекрасная, а сама даже не просыпается. - И до беды твоей маленькой.

- Трудно тебе, что ли, красная девица подвинуться? - не отстает мышка.

Пуще прежнего храпит Василиса.

- Ну, смотри, красная девица. Коли не хочешь по-хорошему, по-худому получится!

- Что ты можешь мне сделать? Ты - мышка маленькая, незаметная!

- Изгрызем мы твои сундуки деревянные, испортим одежды нарядные.

- Ах, напугала! - отвечает ей Василиса, и дальше спать.

Мышка выбежала в чистое поле, пропищала о своей обиде. Тут же на ее зов сбежались серые мышиные полчища, запищали воинственно, поклялись отомстить за обиженную родственницу.

Проснулась Василиса оттого, что ее кто-то дергает.

- Кто это мой сон смеет тревожить? - спросонья грозно спрашивает. - Ну-ка, мамкиняньки, изловите да накажите разбойника!

И тут царевна видит, как примериваются острые мышиные зубки к сапожкам сафьяновым, к сарафану шелковому. Взвизгнула Василиса не своим голосом, выскочила из стога и понеслась, куда глаза глядят. А за ней мыши, и столько их, что кажется, будто сама земля шевелится. Бежит царевна, не помня себя от ужаса, куда ни повернет, всюду глазки-бу-

синки, серые спинки да острые зубки. Так очутилась Василиса на поле, где рожь стояла еще не убранная, а мыши давай туда-сюда ее гонять, колосья вытаптывать.

В ту пору стерег поле, по батюшкину наказу, Иван, крестьянский сын, из трех братьев младший. Он уж было задремал под тулупчиком, вдруг слышит - кричит кто-то. Высунул из-под овчинного тулупчика кудрявую голову, и глядь! Что за диво! Девка по полю бегает, рожь приминает.

Так вот кто на наше поле повадился, думает, сейчас проучу тебя, безобразница! Сказал так, скрутил веревочку, подкрался сзади и накинул петлю на девицу. Свалилась Василиса с резвых ноженек, грянулась оземь, отчего дух у ней вышибло. Иван, крестьянский сын, связал девицу, поднатужился и приволок добычу в деревню. Сбежались люди добрые, смотрят они, удивляются, головами покачивают да рассуждают меж собой о чуде чудном.

- Не ждал, не гадал, что красную девицу в поле чистом выловлю, - говорит им Иванушка. - Думал, свершится все по предсказанию: взнуздаю кобылицу волшебную, у которой одна шерстинка серебряная, а другая золотая, отдаст она мне жеребеночка, хроменького и горбатенького. Окажется и он волшебником. Вот с ним-то и совершу все подвиги, мне на роду написанные.

- Говорили тебе, дурню, врут предсказания! - отвечают ему мужики деревенские. - А ты, лежебока, все свое талдычишь! Какая выгода коньку, хроменькому и горбатенькому, для тебя стараться?!

- И что теперь делать, не ведаю... - говорит Иванушка растерянно и лезет пятерней в кудри русые.

- Что же делают с девицами, да еще такими красавицами? - усмехаются мужики сельские. - Жениться тебе надо, Иванушка!

- Да как же мне жениться?! Изба моя старая, день и ночь по ней ветер гуляет, через крышу дождик капает, по углам пауки сети раскинули, да и печь совсем не топится.

- Меньше, - отвечают ему, - нужно было на лавке лежать да о кобылице мечтать!

Василиса, между тем, очнулась. Услышала она про свадьбу и говорит:

- Не бывать этому! Я дочка самого Кощея Бессмертного, колдуна великого, злодея ужасного.

- Ну, так и есть! - рассуждают селяне. - Нашел ты свое счастье. Не придется тебе царевну за тремя морями отыскивать да со Змеем Горынычем биться. Не соврала цыганка! Раз невеста твоя - дочь самого Кощея Бессмертного, знать, колдунья первостатейная. Проси у нее избу новую да сыграем сегодня же свадебку.

- Не бывать этому! - опять за свое Василиса Прекрасная. - Я по свету разыскиваю Ивана-царевича, неужто выйду за Ивана, сына крестьянского?!

- Не хочет за меня замуж красавица!

- А ее слушать нечего, - говорят ему мужики опытные. - Это в девках она ерепенится, а как первая ночка закончится - так и полюбишься! А ты, царевна, характера своего не выказывай! Коли не справишь избушку Ивану да не выйдешь за него замуж сегодня, отдадим мы тебя на расправу Чуду-Юду.

Испугалась Василиса. Слышала она о Чуде-Юде от батюшки своего Кощея Бессмертного. Даже Кощей его побаивался, слал ему на каждый праздник подарки богатые да велел от себя низко кланяться. А если не задобрить Чудо-Юдо, тогда ненастным вечером проберутся на двор под видом обыкновенных путников Горе, Злосчастье и с ними Прорва, да и останутся, пока не объедят хозяев до голых косточек и все из дома не вынесут.

Делать нечего, согласилась Василиса на их условия.

Развязали Василису, на ноги поставили, велели соорудить домик Иванушке. Василиса достала третью чешуйку из-за пояса, и жалко ей, да никак не извернуться, сказала слова заветные, тут же застучали топоры, завизжали пилы, вырос домик с резным крылечком и тремя окошками на улицу.

А пока домик строился, селяне к свадьбе приготовились, вытащили из домов столы да лавки, собрали с каждой избушки, что сами хлебают, да тем и накрыли.

Сидят гости за столом уже хмельные, чествуют молодых тостами заковыристыми, веселятся, как в тридевятом царстве водится. Одна Василиса слезы льет, невеселую думу думает, как ей жить замужем за сыном крестьянским да как от него избавиться.

В деревне свадьба своим чередом движется, но вдруг являются трое путников. Слезают с добрых коней, на четыре стороны кланяются и говорят:

- Мир вам, люди добрые. Не примите ли путников запоздалых, в дороге заплутавших,

под свой кров?

- А кто вы такие будете?

- Мы путешественники. Ходим-бродим, хотим мир посмотреть да себя показать. Вот - Иван-царевич, меня Елисеем зовут, а это мой братец названный, богатырь Фома.

Как услышала Василиса про Ивана-царевича, подняла на него свои очи ясные, так и обомлела. Стоит перед ней добрый молодец, сам бел да румян, шапка на нем красная, кафтан с позументами, сапожки сафьяновые поскрипывают. Смотрит она на него, глаз отвести не может.

- Отчего же, садитесь с нами, - отвечают сельчане, - сегодня радость у нас великая и история странная.

И рассказывают. Елисей слушает внимательно, ведет беседу приятную, а сам толкает в бок Ивана-царевича.

- Ты смотри, Иванушка, счастье тебе привалило нежданное. Хотел ты отыскать себе невесту богатую и знатную, а Василиса еще и красавица.

- Я-то здесь с какого боку? - спрашивает его Иван-царевич, к себе гуся жареного притягивая. - Вон она замуж выходит за деревенского.

- Так против воли, Иванушка! - отвечает ему добрый молодец. - Умыкнем мы девицу, то-то будет приключение!

- Догонят нас деревенские, надают дубьем по спинушке, - отказывается Иван-царевич.

- Да за нашими конями кто же угонится?

- Нет, это дело хлопотное.

- Да ты только взгляни на царевну! - уговаривает его Елисей. - Красоты она неписанной, у отца ее, Кощея Бессмертного, сундуки от злата-серебра, наверное, так и ломятся. Спасешь ты Василису Прекрасную от нежеланного замужества - будет она тебе весь век благодарная и верная. Такие невесты на дороге не валяются! Случай этот надо использовать!

- Самому мне с этим делом не справиться, - отвечает Иван-царевич, обгладывая гуся до косточек.

- Самому тебе и не надобно - есть у тебя друзья верные да кони быстрые. Как пойдут молодые почивать, так мы невесту с крыльца и сцапаем.

- Все же опасаюсь я, - сомневается Иван по-прежнему.

- А ты взгляни на красную девицу, и сомнения твои, как туман на солнышке, рассеются!

Тут Иван-царевич взглянул, наконец, на Василису Прекрасную, подивился красоте ее, а потом оглядел мужиков бородатых да головой покачал.

- Хороша красная девица, да ничего у нас не выйдет!

- Ты не волнуйся, Иванушка, - увещевает его Елисей. - Положись во всем на меня да на брата моего названного, а сам иди к деревенской околице. Коли услышишь неладное, садись на коня да скачи во весь опор к речке. Мы тебя нагоним.

Сидит Василиса на своей свадьбе, украдкой от всех на Ивана-царевича взглядывает, не знает она, о чем молодцы удалые сговариваются. Вот поднимают тост последний за молодых, да провожают их со смехом и прибаутками в избу новую. И вдруг Елисей с резного крыльца царевну подхватывает, вырывает из объятий жениха ненавистного. А сам шепчет на ухо красной девице, что, мол, действует он по поручению Ивана-царевича, полюбилась тому царевна прекрасная, и решил он ее из беды вызволить.

Поскакал ретивый конь скорее ветра. Через заборы высокие в один миг перелетает, через канавы и рытвины перепрыгивает, только искры из-под копыт сыплются. Погнались было деревенские за обидчиками. Но где там! Разве за ними угонишься! Выскочил Елисей за околицу, кликнул Ивана-царевича, но тот уж схоронился в укромном месте. Там они его нашли. Бросилась Василиса на грудь Ивану-царевичу, залилась слезами от радости. Тут Иван-царевич не растерялся, грудь колесом выпятил, нашел для девицы слова нужные.

И с этих пор побежали деньки светлые, теплые. Везде вдвоем ходят Василиса и Иван-царевич, как горлицы милуются. То они на качелях в саду качаются, то в салки-догонялки друг за другом бегают, то Василиса расчесывает Иванушке кудри русые.

Но вот с некоторого времени Иванушка стал с Елисеем не приветливым. Приметила то Василиса и спрашивает:

- Что такое, Иванушка? Чем не угодил тебе слуга твой?

- Тебе, - отвечает ей Иван-царевич, - многое неведомо. Вижу, берет Елисея зависть черная, чую, задумал брат мой названный дело злое.

- Так отошли его прочь, - Василиса советует. - Пусть живет, как сам знает.

- Ах, царевна, дело это тонкое, а я человек бесхитростный, - горько вздыхает Иван-царевич. - Ежели отправлю его к своему батюшке, боюсь, придумает он там какую каверзу. Царь-батюшка и без этого велит мне жениться из соображений государственных на принцессе иностранной. А прознает батюшка про нашу свадьбу до срока, так лишит меня наследства законного.

- Ну, - говорит ему Василиса, - тогда отправимся к моему отцу, Кощею Бессмертному. Кинемся ему в ноги, простит, да и позволит жениться.

- Коли ты так хочешь, девица прекрасная, так и сделаем, - соглашается Иван-царевич, - только ты, смотри, никому не говори о наших намерениях, чтобы не случилось беды великой.

Сговорились они бежать в ту же ночь со двора постоялого, да пробираться тропами тайными в кощеево царство. Едва девица дождалась, когда все улягутся, да полная луна покажется. Вот и кукушка в часах - время. Василиса поднялась с постели, встала у дверей, прислушалась. Ничего не слыхать. Посидела еще. Никто не идет. Походила взад-вперед по комнате и пошла к Ивану-царевичу в горенку. Думает, собирался мил-дружок, собирался, мучался-терзался опасеньями, да и от волнения заснул.

Василиса кошкой к нему в спаленку. А там пусто. И кровать не тронута. Василиса змеей во двор. Там никого. И конь его верный в стойле не стоит. Василиса грозой к Елисею в комнату.

- Говори ты, злодей, куда дел моего ясного сокола, моего любезного Ивана-царевича?!

Елисей спросонья ничего понять не может, глаза на нее пучит.

- Отвечай! - наступает на него Василиса. - Как извел ты доброго молодца?! Говори правду! Позавидовал ты нашей любви сердечной и убил его со своими дружками-разбойниками!

Елисея от таких обвинений пот прошиб.

- Не могу я в толк взять, прекрасная, - жалобно он ее спрашивает, - чего ты от меня добиваешься? Да разве твой добрый молодец не на своей пуховой перине почивать изволит?!

- Смеешься ты, что ли, надо мной, ирод проклятущий? Нет моего голубя сизокрылого в комнатке, постелюшка его не тронута, и коня его в стойле нет!

Крякнул Елисей и сам пошел в горницу иванушкину. Увидел постель не смятую. Спустился в конюшни. Нет коня длинногривого. Удивился Елисей и побежал тогда к себе в горенку, распахнул сундук и пересчитал золото. Все на месте. Тут и вовсе Елисей понять ничего не может.

- Вот чудо чудесное! Куда же подевался жених твой?! Я-то думал, что все у вас сговорено - отдадим вас под венец - и с плеч долой!

Заплакала царевна, закручинилась. И так она горевала, что затопила слезами окрест на три версты. Видит Елисей, что дело плохо, вот-вот на лавку забираться придется, чтобы ноги не промочить, и давай царевну утешать:

- Встанет красное солнышко, так снова пойдем в его горницу, авось сыщем следы какие. А может, то иванушкина воля добрая...

- Нет, умыкнули его злодеи коварные! - говорит Василиса, и слезы горькие еще пуще катятся. - И ты первый счастью нашему завидовал!

- Ты поверь, Василиса, не виновен я! Желал я тебе и Иванушке счастья супружеского!

Так ночь напролет убеждал Елисей царевну. А утром они нашли под кроватью заколочку позолоченную.

- Фи, - сказала царевна, - не моя она. Такие носят дочки купеческие в Тридесятых царствах. Ах! Я все поняла! - Василиса вскрикнула. - Моего Иванушку увезла в Тридесятое царство колдунья злая. Позарилась на моего жениха, подлая!

Снова слезы градом покатились, но вдруг Василиса вытерла глаза шелковым платочком, подбоченилась:

- Поедем же и мы следом за Иваном-царевичем. Ничего не пожалею, чтобы вернуть друга любезного.

- Но, Василиса, дорога туда далекая и полная всяких ужасов. Там Змей Горыныч из поднебесья добычу выслеживает. Коварная Баба Яга на лесных тропинках подкарауливает. А в Тридесятом царстве все не так, как у добрых людей: когда у нас встает красное солнышко, у них ясный месяц на небо поднимается, когда у нас хлеба поспевают, у них деревья в белые шубы укутаны, и ходят они так на руках, а ногами здороваются! Вот как купцы, люди бывалые, сказывают.

Но царевна все свое:

- Поедем, и все тут!

Долго Елисей слушал, как царевна словами сыплет да ножкой топает, долго глядел, как она черные косы на спину закидывает да руки в боки упирает. Было у него свое мнение, куда добрые молодцы перед свадьбой деваются, но не поспоришь с разгневанной царевной.

- Убедила ты меня, царевна прекрасная. Отправимся мы в дорогу дальнюю, разыщем твоего милого, но взамен пообещай одно желание выполнить.

- Все, что пожелаешь, исполню, - сказала, даже не призадумалась, - но только как найдем Ивана-царевича.

На том и порешили и стали собираться в путь неблизкий.

Выехали они на рассвете, а к вечеру добрались до речки Смородинки. Она и не широкая, но вода в ней быстрая и холодная, а под ней что-то мерещится. Солнце за дальний лес опускается, а брода все нет. Вдруг видят - стоит избушка покосившаяся.

- Вот здесь и ночевать попросимся, - говорит Елисей и с коня слезает. - Утро вечера мудренее, глядишь, завтра отыщется брод через речку Смородинку.

Заходят они в избу, а в ней нет никого, одни пауки обжились, свои паутины по углам развесили. Усталые путники у этих хозяев разрешения не спросили, в избу ввалились. Поужинали тем, что в сумах переметных отыскали, легли на лавки почивать. Только Василисе не спится, с боку на бок она ворочается. Слышится, кличут ее голосом иванушкиным, и сам добрый молодец за окошком чудится. Поднялась Василиса тихонечко, чтоб не разбудить спутников, выбралась из домика, хотела броситься на шею милому, да смотрит, уж манит он ее с мостика. Что за диво?! - про себя Василиса думает. Вечером моста никакого не было. Неужто Иванушка через речку перебросил, чтобы со мной встретиться? А сама идет.

В это время вышел Фома-богатырь на улицу. Стоит он за углом, на звезды любуется и тут видит, как Василиса идет прямиком к речке Смородинке. Пока Фома дивился на девицу да раздумывал, царевна к мостику подошла. А как позвать Елисея собрался, она на мостик ступила и пропала, словно никогда и не было. Тогда закричал Фома-богатырь изо всей богатырской мочи, словно пожар увидел, и Елисей из избушки тотчас выскочил. Смотрит Елисей - а нигде огня-пламени не видать, даже дым не валит. Смотрит и понять не может, но Фома-богатырь рассказал, что видывал.

- Ах, проклятущее место гиблое! - запричитал Елисей. - Не углядели мы за царевной, утащили ее злобные мороки. Что теперь-то они с царевной сделают? Найдем ли мы ее живую али мертвую?

- А может, отпишем Кощею грамотку, так, мол, и так, - говорит Фома, - сам ищи свою дочку ненаглядную, чай, чародей нешуточный...

- Нет, Фома, то наша вина. Не бывать на покое, пока не разыщем царевну прекрасную!

- Эх, Елисей, далась тебе царевна! Погляди вокруг, девиц прекрасных - что мошкары на сенокосе. Любую выбери, а эту давай вернем Кощею Бессмертному.

- Нет, - отвечает Елисей, - обещала царевна исполнить желание...

- Где же искать нам царевну? - спрашивает Фома с хитростью. Но Елисея на мякине не проведешь.

- Судьбе доверимся да счастливому случаю. Вон в синем небе летит лебедушка, подстрели ты ее, а там пойдем следом за перышком.

Во мгновение ока очутилась Василиса Прекрасная перед избушкой лесной. Иванушкой-то, конечно, не пахнет, а вот бабка из окошка нос высунула, костлявой рукой ее манит и улыбается. Так жутко Василисе сделалось, если б не разыскивала царевна Иванушку, то непременно сознания лишилась. Но девица подбоченилась и спрашивает:

- Говори, ведьма старая, куда дела ты моего суженого, моего Иванушку? Отдавай мне его немедленно, а не то я с тобой разделаюсь!

- Ох, и грозная ты, девица прекрасная! Чего шумишь, чего Бабу Ягу пугаешь? Войди ко мне в избушку, присядь на лавочку - я тебя напою-накормлю, в баньке напарю. Увидишь, я совсем не страшная...

Говорит ей коварная Баба Яга, а сама думает, как только войдет Василиса, опою ее травяным отварчиком, станет она покладистее. Главное, доставить ее до Змеюшки, а там уж пускай он с ней сговаривается.

Царевна чует - щами наваристыми из избы пахнет. Слюнки у нее потекли, в животе заурчало. Вспомнилось ей, почитай, целый день ничего горячего не кушала, один хлеб чер-

ствый с салом жевала да простой водой запивала. Сменила она гнев на милость и зашла в гости к Бабе Яге.

Откушала Василиса щей, выпила чарочку зелена вина и брякнулась на пол без памяти. А Бабе Яге только того и надобно. Послала она весточку условленную Змею Горынычу.

Много ли, мало ли прошло времени, а только очнулась царевна в месте незнакомом, в богатых покоях. Выглянула в окошко и видит - кружится, опускается на широкий двор Змей Горыныч. Припомнила Василиса, что молва о Змее говорит, встала, ни жива, ни мертва. Но входит в горницу статный молодец, приветливо улыбается.

- Здравствуй, - говорит, - девица. Не обманула Баба Яга, красота твоя замечательная.

- А ты и есть Змей Горыныч?! Лживая ходит про тебя молва!

- Нет, - усмехается Змей, - молва не врет. А это мое домашнее обличие. Скажи, царевна, правду, не пригожий ли я молодец?

Потупила Василиса глаза, чует, нельзя ему правду сказать, и вместо этого:

- Как ты посмел меня похитить? А знаешь ли, что дочка я самого Кощея Бессмертного?! Ну-ка, верни меня, откуда взял?

- Не я тебя похитил, а коварная Баба Яга заманила в ловушку. Я же тебя спас от лютой доли - выкупил. Расскажи мне, красавица, отчего кощеев терем покинула?

- Хм, - Василиса призадумалась, взглянула на Змея ласковее, - ищу я добра молодца, ненаглядного Ивана-царевича. Заколдовала его злая ведьма, унесла в Тридесятое царство.

- Так-так, - говорит Змей Горыныч, - значит, ищешь доброго молодца, ведьмой уведенного. Я летаю высоко, вижу далеко, принесу я тебе весточку от твоего милого, а ты, царевна, до того времени поселишься в моем тереме высоком, каменном. Полы в нем выложены изразцами цветными, ковры в нем заморские, тканные яркими нитками, двери из красного дерева, золотом и драгоценными камнями облицованные, ручки все серебряные, зеркала в светлицах в полный рост человеческий. Будут у тебя в услужении десять девок-чернавок, нашьют они тебе парчовых сарафанов, вплетут в твои косы черные жемчуга да каменья самоцветные. А вечером мы с тобой поужинаем, и ты расскажешь мне, по каким приметам отыскать Ивана-царевича.

И с этими словами Змей Горыныч отвел царевну в башню высокую. И там она нашла все, о чем ей хитрый Змей сказывал. Девки-чернавки встретили ее с поклонами, проводили под белы рученьки в баньку, жарко натопленную. И парили ее, и мяли, и натирали маслами благовонными. А другие в то время шили ей наряды, украшали их жемчугами и самоцветами. Третьи - накрывали столы в горнице. Вот сидит за столом царевна, в пух и прах разодетая, в косах алые рубины горят, на пальчиках брильянтовые колечки сверкают, сидит она бусами жемчужными поигрывает, поджидает Змея Горыныча.

Вскоре появился Змей лукавый. Стал любезно Василису потчевать, говорить речи сладкие о красоте ее ненаглядной, да вина подливать чудесные. Царевна сама не заметила, как все ему выболтала. Долго она ему плакалась про Ивана-царевича. Змей слушает внимательно, поддакивает, помощь ей обещает. А сам план коварный придумывает да легковерности женской удивляется.

- Уф! - щеки Василисы разгорелись, как красные рубины, в косы вплетенные. - Вот это я понимаю, вот это угощенье! Не то что у этих твоих одноглавых родственников!

- Надо, царевна, и честь знать, - говорит Змей Горыныч, - время уже позднее, ждут тебя перины пуховые, мягкие, как облака белоснежные.

Василиса хихикает, хочет встать, но резвые ножки подгибаются.

- Пойдем, царевна, провожу тебя до твоей светелки.

Проводил ее Змей Горыныч до покоев, но назад не вернулся. Мягка ему показалась перина на василисиной постели.

А между тем, в кощеевом дворце Семеновна горюет, Василисушку ненаглядную вспоминает, болит сердце у няньки. Вот и пристает она к Кощею Бессмертному.

- Ты, - говорит, - ирод, дочка родная пропала, а тебе и дела нет! Может, с ней какая беда приключилась, а мы про то не ведаем!

- Молчи, - отвечает Кощей, - старая, а не то гусей пасти отправлю! Не я ли посольство отправлял к племени змееву, да не знают они, где Василису искать. Говорят, увез ее обратно в отчий дом Дормидонт, да и сам, как в воду канул. И спросить не с кого.

- Да была бы я колдуном великим, так я б горы перевернула, реки б остановила, а нашла бы свою кровиночку! - изводит Семеновна его упреками.

- Это ты виновата! Твердила ей день и ночь о красоте ее неписанной да о царевичах.

Василиса тебе и поверила, сидела у окошечка все вдаль глядела да вздыхала, поджидая Ивана-царевича в красном кафтане да в сапогах со скрыпами. Да не тот царевич, на ком кафтан красный, а тот, у кого полцарства во владении!

- Да что же это такое?! - вздыхает Семеновна. - Вот злодей! Слово ему не скажи! Ты лучше покати яблочко по тарелочке с голубой каемочкой, чем со мной ругаться, поглядим, как там наша Василисушка.

Проворчал себе под нос Кощей о женском поле нелестное, но плюнул-дунул, как колдуну полагается. Покатилось яблочко по тарелочке, и увидели они Василису в тереме Змея Горыныча.

- Ах, ты, горе-горькое! Пропала Василиса, попала Змею в лапы! - Кощей закручинился. - Сорвалась свадебка окончательно?! Змей разбойник безжалостный, ни за что не отдаст нам царевну.

- А ты пошли к нему посольство с подарками да пригрози Чуду-Юду пожаловаться, авось, не захочет ссориться, - советует Семеновна.

Долго ли, коротко, да только Елисей всеми правдами и неправдами вызнал, куда подевалась Василиса Прекрасная. Пришел он вместе с товарищем к палатам каменным Змея Горыныча, выследил, что летает он днями по окрестностям да по большим дорогам безобразничать, и прокрался под окошко терема девичьего.

Сидит Василиса у окошечка каленые орешки пощелкивает, пряничками мятными закусывает, сама на небо поглядывает да поджидает, когда уже ее ненаглядный Змеюшко возвратится. Показался Елисей девице и повел такие речи:

- Здравствуй, Василиса Прекрасная! Долго я бродил по поганым бережкам речки Смородинки, про тебя выведывая, да вот и нашел. Оставь ты палаты расписные, прыгай ко мне из окошечка, тут я тебя и поймаю!

- Кто это речи держит неразумные? Зачем покидать мне разлюбезного Змея? Он меня холит-балует, одевает в материи яркие, дарит жемчуга белые, вплетает мне в косы ленты пестрые...

- Околдовал тебя видно проклятый Змей! - ответил на это Елисей с горечью. - Забыла ты своего ясного сокола, Ивана-царевича, забыла про кудри его золотые, про голосок медовый, про красный кафтан.

- Фи, - отвечала ему Василиса, - подумаешь, красный кафтан! Нынче зеленые в моде. Мой Змеюшко всегда зеленое носит!

Плюнул только Елисей себе под ноги, но увидел, что летит Змей, и поспешил убраться по добру по здорову.

Вернулся он на другой день, когда Змей Горыныч улетел, и принялся опять девицу капризную уговаривать.

- А знаешь ли ты, красавица, что девицы в этом тереме раз в месяц меняются? Натешится с тобой изверг и сожрет в свое удовольствие!

- Неразумны, неразумны речи твои, добрый молодец, - отвечает ему Василиса. - Ничего-то ты не ведаешь! Жениться он на мне собирается. В конце месяца свадебка будет!

И в этот день не смог уговорить Елисей царевну, пришлось ему уходить, не солоно хлебавши.

Но вот настал третий вечер, и снова пришел Елисей под окна к царевне и повел речь хитрую:

- Не знаю, Василиса, может, и хорош тебе Змей Горыныч, только все же он не Иван-царевич, в приличном обществе с ним не появишься.

- Хм?... - политично задумалась Василиса Прекрасная.

- Да-да, кто ж тебя на пир с ним позовет, если Змею Горынычу лучшее угощение - человечина. Всякий бояться станет, что он всю челядь сожрет, а закусит хозяйскими детишками.

- Ну...

- Нет, если ты согласна всю жизнь провести в этом тереме, то дальше и не буду уговаривать. Жаль, что на красоту твою будет любоваться только трехголовая рептилия. Но то твой выбор, твое желание... Есть, конечно, одно средство...

- Да? - царевна из окошка высунулась, упали ее косы тяжелые до самой земли. Елисей, не будь дурак, дернул ее за косы. Василиса с визгом вывалилась, тут Елисей подхватил де-

вицу и помчался куда глаза глядят, лишь бы от Горыныча убраться.

К вечеру возвратился Змей Горыныч домой, заглянул в башенку к Василисе, но никого там не нашел и в погоню кинулся.

Всю ночь и день скакали Василиса и Елисей с названным братом Фомушкой. Оглянулись назад, видят - нет никого. Решили остановиться, но вдруг померкло солнышко - Змей за ними вдогонку летит. Половину неба собой закрыл, из пасти пламя вырывается, хвостом реки поворачивает.

- Ах, - сказала Василиса, - это он за мной гонится. Может, отдадим меня, и я упрошу не трогать добрых молодцев?

- Великодушно себя чудищу пожертвовать, ради нашего спасения, - отвечает Елисей царевне, - да только не беспокой себя понапрасну, царевна прекрасная. Сложим мы буйны головушки, а не уступим Змею! Скажи-ка, дочка кощеева, а не знаешь ли ты слова волшебного, чтобы остановить Змея лютого?

- Стыдно добру молодцу просить помощи у красной девицы! Коли боишься ты Змея огненного - отдай меня ему, а коли силу в себе чуешь - против него с мечом выступи!

Сдержал вздох Елисей и говорит товарищу:

- Ну, приготовимся к ратному подвигу, сразимся с могучим Змеем.

И меч вытаскивает. Фома вздохнул, но не бросать же в беде товарища, не отступать от слова данного, и тоже из ножен тянет меч булатный.

Вот Змей Горыныч уже совсем близко. От жара воздух потрескивает, обливаются богатыри соленым потом, но мечей из рук не выпускают. Вдруг еще темнее сделалось, еще сильнее ветер поднялся.

- Что же это происходит? - богатыри друг у друга спрашивают.

- А это, - говорит царевна, - Змей Одноглавый летит.

Вон оно, как все складывается, сама думает, видно развела нас жизнь с тобой, Змеюшко, как берега речка Смородина!

А в небе сшиблись Змей Горыныч и Одноглавый Змей, и от грохота земля содрогается, молнии небо рассекают. От крыльев поднялся ветер такой, что столетние деревья в лесу повалены, воду из рек вычерпало. Змей Горыныч поливает Одноглавого Змея огнем, но тому все нипочем, чернеет только панцирь его от копоти. А Одноглавый Змей норовит Горынычу откусить головы. Горыныч не дается, извивается. Но вот упала на землю первая голова и пробила твердь до самых вод подземных, на том месте разлилось озеро. Другая скатилась за горы, и там забили источники. Но Змею Горынычу все ничего, лишь бы средняя голова была да палец с волшебным когтем, как он им по шее чиркнет - тотчас новая голова у него вырастает и огнем пыхает. Одноглавый Змей изловчился, откусил ему палец с волшебным когтем и плюнул его прямо Василисе под ноги. Она его схватила, за пояс спрятала, никто этого и не приметил.

Закричал Змей Горыныч страшным голосом, и от крика этого дальние горы обрушились, и пустился наутек. А Змей Одноглазый за ним следом, добить злодея хочет.

- Ну вот, - говорит Елисей, - не страшен нам теперь Змей Горыныч! Айда в царство Тридесятое.

Скакали они, скакали, не встретилось им ни деревеньки, ни двора постоялого. Но вот вдали лес засинел.

- Поспешим, - говорит Елисей своим спутникам, - доберемся до лесу до того, как солнышко сядет, там и заночуем.

Пришпорили они резвых коней. Вскоре и лес перед ними встал темной стеной, а там и небольшую речку приметили и домик ветхий, с виду как будто нежилой. Покликали они возле избушки хозяина, но из окон никто не выглянул, двери не распахнул. Тогда по собственному почину устроились они в домике, поужинали.

- Смотри, Василиса, - говорит Елисей, на лавке укладываясь, - никуда не ходи, а то опять беда какая-нибудь приключится.

- Что я, - отвечает ему Василиса, - дитя несмышленое, дважды на одни грабли наступать?!

Елисей ничего не сказал царевне, натянул на голову суконный кафтан и тут же заснул богатырским сном. Так же и его названный брат устроился, только царевне не спится. Лежит она на лавке, глядит в окошко, а там луна полная сияет и светло, как днем. Крутилась, ворочалась Василиса с боку на бок, затем не выдержала, захотелось ей на вольный воздух. Тихонечко поднялась царевна, на цыпочках выскользнула из избушки, только дверь ле-

гонько скрипнула. Села Василиса на завалинку, подперла щечку белой ручкой и задумалась. Долго ли просидела, то неведомо, но тут вышел на крылечко молодой богатырь Фома.

- Царевна, не сидела бы ты на завалинке, сегодня ночь для доброго человека опасная. Видишь, луна вышла полная, того и гляди, русалки из речки выскочат и захороводятся. Коли встретят добра молодца - защекочут, коли девицу - с собой утащат.

- Твоих советов мне не надобно, - отвечает Василиса, - недаром я дочь кощеева, как-нибудь разберусь с русалками.

Пожал богатырскими плечами Фома, да и отправился себе на боковую.

А вот дай-ка пойду к речке, погляжу на танцы русалочьи! Кощей с водяными знается, постесняются меня тронуть! Сказано - сделано. Идет она, по сторонам украдкой оглядывается, отгадать старается, откуда русалки выскочат, но вокруг никого. Над темной речной гладью легкий парок стелется, искупаться манит. Опустилась царевна на мостик, склонилась над водой, и оттуда выглянуло ясноглазое отражение. Василиса сама собой залюбовалась, перекинула черные косы за спину.

- Эй, водяной! - лукаво говорит девица. - Есть ли у тебя русалка, которая красотой со мной сравнится?!

Звонко засмеялась и плеснула водой. Закачалась луна в мелкой ряби, расплылось ее отражение, и с речного дна глянула на нее обрюзгшая физиономия водяного. Закричала царевна дурным голосом. Заверещали русалки, выпрыгивая из воды. Забулькал под мостиком водяной, сотворив глумливый жест. Царевна, охнув от ужаса, заметалась по берегу, а русалки злобно хохочут, не пускают ее к избушке.

Тут очнулись от сна добрые молодцы. Видят, русалки Василису взяли в круг. Царевна в одну сторону кинется, там ее уже русалка встречает, до крови ущипнуть норовит. Она в другую - там другая за косы дергает. Царевна на них ругается, а русалки в ответ только хохочут, да толкаются. Кинулись добрые молодцы Василисе на выручку, но где там! Увидели их русалки, подхватили Василису под руки и нырнули на темное речное дно. Долго кликали у воды царевну, но она так и не отозвалась.

- Все, - говорит Фома, - пропала красна девица. Водяной уж никогда ее не отпустит.

- Эх, - вторит ему Елисей, - кануло в воду мое желание. Что же делать теперь?

- А давай-ка пошлем весточку Кощею Бессмертному, может, он и сговорится с Водяным...

- Нет, - отвечает ему Елисей, - опять мы виноваты - не уберегли девицу. Пойдем ее из беды выручать. Только как проникнуть в водяное царство?

- Нырнуть в глубокий омут - про другие ходы к Водяному неведомо. Спроси лучше, как на вольный воздух от него выбраться? Слышал я про купца Садко, по прозванию, но говорят люди добрые, что с тех пор поумнели Водяные, не пускают в свои владения с музыкальными инструментами, - отвечает Фома.

Кинулись молодцы в омут с головой и очутились в подводном царстве. Видят, стоит на дне речном, на желтом песочке дворец перламутровый, возле него сад водорослей чуть колышется, а перед дворцом сидит на троне Водяной, рыбки вокруг него стайками плавают, русалочки хороводы водят, песни поют. Подходят добрые молодцы к Водяному и кланяются, как полагается.

- Здравствуй тебе, Царь Водяной! - говорят они. - Пришли мы в твои владения своей охотою и с просьбою: утащили ночью твои русалочки красную девицу, Василису Прекрасную, дочку кощееву. Отпусти ты ее обратно на волюшку. Зачем тебе с Кощеем связываться?

Водяной усмехается:

- Нет, добрые молодцы, не отпущу я царевну. Я теперь с Кощея Бессмертного выкуп богатый потребую, знаю, разыскивает он по всему Тридевятому царству свою дочь ненаглядную. Да и вам не видать больше красного солнышка, не дышать больше вольным воздухом - останутся ваши косточки на дне речном на веки вечные.

- Отведите, - кричит своим слугам ракам, - этих добрых молодцев на мои пастбища да отдайте рыбкам на съедение.

- Ты погоди, царь Водяной, не спеши, соблюдем старинные обычаи. Предложи выкуп за нашу свободу, предложи ты нам всю ночь сказки тебе сказывать, пока не рассмешим твоих русалочек, или еще какую работу задай!

- И соловья баснями не кормят, - отвечает им Водяной насмешливо, - а ты решил Водяного царя сказками угостить?! Ничего мне от вас не надобно... Только одну мне службу и

сослужите - рыбок моих покормите, чтоб тучнели стада мои.

И хлопнул Водяной в свои зеленые ладоши.

- Эй, слуги мои верные!

- Так-то ты с гостями обращаешься! В твоей мы воле... - отвечает ему Елисей. - Но коли нам нет отсюда выхода, то позволь погулять по твоим подводным владениям, поглядеть на чудеса твои подводные.

- Будь по-вашему - я сегодня в настроении. Погуляйте до нынешнего вечера, - соглашается Водяной.

И пошли добрые молодцы. Идет Фомушка и тяжко вздыхает, повесив буйну голову.

- Не кручинься, брат мой названный, - утешает его Елисей, - времени еще много. Перво-наперво разыщем Василису среди русалок, а там посидим-подумаем, вдруг найдется способ от Водяного вырваться!

Фомушка только покачал буйной головой недоверчиво, однако, за Елисеем последовал.

Нелегко оказалось отыскать царевну в русалочьем хороводе - русалки в воде полупрозрачные и зеленоватые, и все на одно лицо кажутся. Пришлось им этих русалок по одной перебирать, на счастье, в воде они были смирные и не пытались защекотать добрых молодцев, а только хихикали. Наконец, увидели они царевну. Взял Елисей ее за руку, рука у нее полупрозрачная, холодная, а сама царевна глядит так, словно и не узнала.

- Василиса, - говорит Елисей, - узнаешь ли ты нас, добрых молодцев? Мы спасать тебя пришли.

- Теперь мне русалочьи танцы и песни по сердцу. Хочу танцевать при луне и добрых молодцев песней заманивать.

- Ну, царевна, это мы уже слышали. Ты и от Змея Горыныча уходить не хотела, а тут я тебя спрашивать не буду. Вернешься с нами из водяного царства, исполнишь мое желание, а там уж поступай, как знаешь. Хочешь, воротись к Змею Горынычу, хочешь, разыщи Ивана-царевича, хочешь, снова в омут прыгай.

С этими словами оторвал Елисей от рубахи полосу синей материи, завязал на косе василисиной, чтобы отличить ее от других русалочек. А как царевна убежала хороводы водить, так вернулись они обратно ко дворцу, да приметили - кто-то по лесенке к Водяному спускается. Любопытство их разобрало, спрятались они в водорослях неподалеку от трона речного царя.

Приблизился к Водяному добрый молодец, а незаметно, что оробел. Собой он статен, одежды на нем богатые, но изорванные, да рука перевязана.

- А! Змей Горыныч ко мне пожаловал, - говорит Водяной и гостя рядом с собой усаживает.

- Надобно мне схорониться, - отвечает Змей Горыныч, - пока палец волшебный не найду или новый не отрастет. Бился со мной Дормидонт на смерть, да сумел я от него скрыться. У тебя отсижусь, пока он вокруг рыщет. Смотри же, если он объявится - не выдай!

- Ну, Змей, ты же меня знаешь!

- Очень хорошо, - отвечает ему Змей Горыныч, - я тебя знаю. А Дормидонт по свету разыскивает невесту свою Марью-искусницу. Коли меня выдашь, расскажу и я, что отдал тебе девицу и прячешь ты ее во дворце среди русалочек.

- Вон, стало быть, как ты о друзьях думаешь?!

- Баба Яга тоже мне подруга закадычная, да вот выдала меня, старушка подлая, Дормидонту проклятому, через это все мои неприятности.

- Не боюсь я Дормидонта. Нет у меня его невесты. Отдал я ее одной купчихе в услужение, а то уж очень девица непоседливая, воду мне мутила. Пускай на нее работает.

- А что же, ты ей серьги волшебные не надевал? Не стала через них она послушною?

- Надевал, надевал, да не помогло. Все она о своем милом печалилась, извела своими слезами. Я ей сто раз объяснял, что раз ты утонула, то нет теперь тебе никакого дела до земной жизни и всяких там женихов, а она все свое твердит. На волю, говорит, хочу, к милому вернуться. Вот я от нее и избавился.

- Ну, это к лучшему. Скажи своим русалкам, пусть сегодня ночью пойдут на поле да как следует поищут палец мой огненный. Вели им это немедленно!

- Вон оно как! Ночью русалочки все поле по травиночке переберут. А, Змеюшко, не позвать ли моих русалочек, пусть станцуют для тебя! Мне сегодня доставили девицу красоты удивительной...

- Не надо мне твоих русалочек, они как лягушки холодные, слово разумное молвить не умеют, а только хихикают бессмысленно.

- Как знаешь, Змеюшко, как знаешь. В их деле слова разумные излишние, а что хихикает девица, так это многим нравится.

Вернулись в свои в палаты добрые молодцы.

- Ах, - говорит Елисей, - незадача! Нет у нас пальца Змея Горыныча, а то бы уж нашли способ из беды выпутаться.

Сели добрые молодцы на широкие лавки, закручинились, но вдруг вздрогнул дворец царя водяного, закачались башенки. Богатыри подскочили к окошкам и видят: кружит над дворцом Одноглавый Змей.

- Это он за Змеем Горынычем! - обрадовались богатыри. - И нас заодно выручит!

Елисей говорит товарищу:

- Ты, брат мой названный, Фомушка, беги да расскажи ему все, что слышали, а я приведу Василису Прекрасную.

Нашел Елисей русалок. Все так же девицы хороводы водят, словно и не видят, что вокруг делается. Приметил Елисей голубую ленту, выхватил из круга царевну и потащил за собой. А Василиса идет за ним, ничего не спрашивает, не сопротивляется. Фома, между тем, с Одноглавым Змеем побеседовал. Одноглавый Змей поймал Водяного и допрашивает его с пристрастием, мол, кому продал ты, величество мокропузое, мою невесту? Как туда добраться и по каким приметам эту самую купчиху найти? И где Змей Горыныч спрятался? Отвечай, а не то разнесу я твой дворец, русалок на солнышко повытаскиваю!

Водяной с испугу не стал притворяться, что ничего не ведает.

- Змея Горыныча нет, - говорит, - улизнул в Тридесятое царство, как увидел, что ты над дворцом моим кружишь. Невесте я твоей зла никакого не причинил, так и ты оставь моих русалочек невредимыми и дворец мой не разметывай. Отдал я ее молодой купчихе в работницы, а она за то пару бычков-трехлеток, как ночь безлунная, черных в воду кинула. Ничего я о той купчихе не ведаю, знаю лишь, живет она в тереме, а на тереме золотой петушок.

- Коли ты соврал мне, ворочусь и исполню, что сказывал. А коли правда твои слова, то живи себе и дальше до поры, до времени. Мы, Одноглавые Змеи, не злобливые.

Только хотел Одноглавый Змей взлететь, как Елисей его останавливает.

- Погоди, славный Дормидонт. Не в службу, а в дружбу, вытащи ты нас со дна речного. Злодей Водяной силой нас тут удерживает.

- Возьму я вас с собой, да только отправлюсь я не на вольный воздух, а в Тридесятые царства, что на обратной стороне земли находятся.

- А нам тоже туда надо, - говорят добрые молодцы.

- Ну, тогда на спину ко мне залезайте, - говорит Одноглавый Змей. - А! И Василиса с вами. Я-то думал, образумится царевна, вернется домой под родительское крыло, а она все своего Ивана-царевича по свету разыскивает!

Забрались на змеиную спину широкую добрые молодцы, усадили девицу. Поплыл одноглавый змей не хуже рыбы, как крылом взмахнет - верста позади останется, да водовороты закрутятся. Вот показалась глубокая расщелина на речном дне, нырнул туда Одноглавый Змей. Долго они плыли в кромешной темноте, но вдруг речное дно снова увидели.

- Эй, славный Дормидонт! - говорит Елисей. - Опять мы в царстве Водяного очутились!

- В царстве Водяного, да не прежнего, - отвечает ему Одноглавый Змей. - Вынырнули мы на обратной стороне земли. Сейчас я вас из речки вынесу.

И вырвался Одноглавый Змей на вольный воздух. Поднялся к самым облакам, и сверху они увидели все леса дремучие, поля широкие, а посредине, горошиной на блюдечке, лежит Велик-город, палаты в нем каменные, и на всех теремах петушки золотые. Покружил Одноглавый Змей над городом, присмотрелся, а потом в овражек опустился и оборотился в добра молодца.

- Нельзя, - говорит, - мне появляться в змеином обличии, не любит здешний народ гадов летучих.

- Ну, - говорит Елисей, - вот мы и в Тридесятых царствах. Далеко нас судьба забросила. По свету молва идет, что все у них против нашего. Говорят, когда у нас ясный день стоит, у них ночь звездная, когда у них лето жаркое, у нас зима студеная. Говорят, и ходят они тут вверх ногами.

- Вот про день и ночь, лето и зиму ты все верно сказал, это факт научно доказанный, а про то, что они ходят будто бы на руках, - это враки. Так же им солнышко макушку припекает. Пойдемте в город, сами все увидите.

- Погоди, Дормидонт. Надо с Василисы морок снять. Оно, конечно, когда молчит - спокойнее, но уж больно бледная и прозрачная, да и очень глупо хихикает.

Вытащил Елисей из ушей девицы серьги, Водяным ей вдетые, и спрятал себе запазуху.

Василиса сразу же в себя пришла.

- Ну, надо же! Наконец-то догадались расколдовать! - говорит она, упирая руки в боки. - Значит, принес ты нас Дормидонт в царство Тридесятое... И что же нам дальше делать?

- Для начала, - говорит Елисей, - поможем отыскать Дормидонту его невесту, Марью-искусницу. И вот что, красавица, ты же дочь Кощея Бессмертного, волшебница знатная, помоги найти терем, в котором живет Марья-искусница!

- Вот еще, - тряхнула Василиса косами, - буду я вам помогать!

- Царевна, тебя же Дормидонт от Водяного спас!

- Не уговаривай, Елисей, девицу прекрасную, не поможет она. Василиса, даром что дочь Кощея Бессмертного, нет в ней колдовства и на волос, - говорит Дормидонт.

- Ну и ну! Обманула ты меня бессовестно, царевна, обещала исполнить одно мое желание, взамен того что я с тобою отправлюсь на розыски Ивана-царевича. И если все царевны такие же, то уж не знаю, стоит ли родиться в палатах царских!

Обиделась царевна на такие слова.

- А! Сразу видно, что ты родился не в царских палатах, а на крестьянских полатях! Каждому царевичу с пеленок ведомо, что жену берут не для пользы, а для украшения! И для царевны главное - красотой своей на весь мир славиться да богатым приданым! Это девки крестьянские пусть мастерицами становятся, а нам, царским дочерям, достается все за красивые глазки!

- Эх, царевна, оставить бы тебя здесь да одну одинешеньку, - отвечает Елисей. - Знала бы, как честных людей в заблуждение вводить.

- Только попробуй! - отвечает ему царевна. - Вот разыщу Ивана-царевича, тогда не сносить тебе головы.

Махнул Елисей рукой, и отправились они в город.

Идут они по городу и дивятся. Над городом стон-плач стоит. Народ весь слезами обливается, рукавами утирается.

- Что у вас случилось, люди добрые? - спрашивает Елисей.

- Вы, знать, чужеземцы, коли про беду нашу не слышали, - отвечает ему дородный лавочник, в фартук высмаркиваясь. - Объявился у нас Змей Горыныч, потребовал шесть юношей и шесть девушек. А иначе, говорит, город огнем дотла выжгу. Да чуем мы беду неминучую: не оставит он теперь в покое - пожрет всех наших молодцов и девушек, а после и за нас примется!

- Ах, вот оно что! - говорит Елисей. - И тут уже подлый Змей напакостил.

И обращается к Дормидонту.

- Ты, Дормидонт, лучше всех повадку Змея Горыныча понимаешь, все-таки он тебе родственник, хоть и дальний, вот скажи, где он прячется? В пещере али в высоких горах устроил он себе логово?

- Нет, - отвечает Дормидонт, - не в характере Змеев Горынычей жить отшельниками. Этим людоедам общество требуется. Прячется он в городе, приняв облик человеческий.

- Ах, вы, люди добрые! - в радости всплеснул руками лавочник. - Так вы нам его укажете и от горя-горького избавите?!

- Не видели мы его лика человеческого, одно ведомо - не хватает на правой руке у него пальца, - отвечает Дормидонт.

- Василиса знает его, да назло не признается, - говорит Елисей.

И правда, царевна в сторону отворачивается, будто и не слышит, что вокруг говорят.

Пришли они в трактир, велели хозяину приготовить для них ужин да комнаты. Царевна, как водится, закапризничала, потребовала себе лучшую комнату, кровать с перинами да окошко, на площадь выходящее. И пока она служанками командовала, сели добрые молодцы за широкие столы похлебать щи с потрошками куриными, закусить пирожками с ливером.

- Надо нам, - говорит Елисей, - придумать, как расплатиться с добрым хозяином.

- Да разве, - спрашивает Фома, - мошна у тебя опустела?

На это Елисей представляет такое рассуждение:

- Когда бы отцы наши каждый раз мошну развязывали, то не гуляли бы по свету царевичи да королевичи.

- Вот, - поддакивает ему хозяин, - здравое рассуждение. Подскажу я вам условие, по которому ничего вы мне платить не будете. Вижу, богатыри вы испытанные, лихие. Слышали, небось, про Змея Горыныча? Мало показалось, гаду летучему, шесть девиц и шесть

добрых молодцев - захотел еще и золота нашего. Пересчитал все заведения в городе и обложил данью непосильной. А у нас без того какой год недород. Каждый божний день лавки закрываются. Где же нам взять ему золото? Победите Змея лютого - не возьму я с вас денег за постой.

На том с хозяином и сговорились.

- Ну, - говорит Елисей товарищам, - теперь бы нам разыскать Змея Горыныча. Одна задача, да непростая - видимо-невидимо теремов в Велик-городе.

А Василиса тем временем с делами управилась, стала спускаться к добрым молодцам да зацепилась подолом вышитым за гвоздь и покатилась с лесенки. Вывалился у нее из-за пояса волшебный палец Змея Горыныча и покатился прямо на угли жаркие. Тут раздался крик нечеловеческий. Подбежал Елисей к Василисе, думал, что девица в смерть расшиблась, но не она то кричала. Тогда оглянулись добрые молодцы на человека, в углу сидящего и от добрых людей лицо скрывающего. Пусто в этот час было в трактире, только они и были постояльцами. Увидели добрые молодцы, как тот человек упал под лавку, за руку держится и кричит нечеловеческим голосом.

- Да это же Змей Горыныч! - сказали друг другу богатыри.

Елисей схватил кочергу, выкатил палец волшебный из углей и спрятал себе запазуху.

На крики сбежался народ, повязали они лиходея да посадили в клетку, а клетку поставили на дворе. И весь город прибегал смотреть Змея Горыныча, трактирщик всех пускал за медную денежку, а детишек, которые за мамкин подол держатся, бесплатно. Созналась Василиса, что подобрала она волшебный палец Змея Горыныча, но не знала она его цены.

Приступил Дормидонт к Змею Горынычу с допросом, куда продали Марью-искусницу. На что Змей Горыныч ему отвечал:

- Твоя правда, знаю я, где Марья-искусница. Я когда шесть девиц, шесть добрых молодцев себе на стол потребовал, велел, чтобы первую привели ко мне Марью-искусницу. Хотел отомстить тебе за поражение. Если ты меня отпустишь, то расскажу, где найти девицу.

- Ты, - говорит ему Дормидонт с достоинством, - не торгуйся со мной, а облегчай свою совесть и наказание. Всем известно, какое ты чудовище. Вынесут тебе приговор со всей строгостью, но по справедливости.

Хитрый Змей Горыныч сдаваться на милость не собирается, планы к освобождению придумывает и говорит:

- Позови сюда царевну, ей скажу, где Марья-искусница проживает.

- Нет, - отвечает ему Дормидонт, - не увидишь ты Василису Прекрасную.

- Ну, ладно, - говорит Змей Горыныч, - ничего не поделаешь. Слушай внимательно. На утренней заре высыпли на площади одну меру зерна да увидишь, как слетятся все золотые петушки его поклевать, ты кинь золотое колечко своей невесты, петушок его признает, в клюв подхватит, да и полетит к ней, а ты за ним следом беги.

- Что ты, Змей Горыныч, за дитя меня считаешь неразумное?! Предлагаешь мне такие способы! Где я возьму тебе колечко золотое? Говори, да по делу, а не то, смотри, научу горожан, как от тебя наверняка избавиться!

- Ну, так и быть, - говорит злодей сладким голосом, - коли ты такой неповоротливый, расскажу я тебе другой способ. Оставил я девиц и молодцев связанными в овражке прямо за городскими воротами. Если бы не палец отрубленный, то никогда бы вам меня не отыскать, а я бы уже распорядился с молодежью по обычаю.

- Эх, Змей Горыныч, стыд тебе неведом! Ну, пойду я свою невесту выручать!

Вторым к Змею Горынычу подступает Елисей. И так начинает речь свою:

- Ты, Змей, долго живешь, высоко летаешь, многое знаешь, вот скажи, например, как расколдовать девицу, сто лет без просыпа спящую?

А хитрый Змей отвечает:

- Пришли ко мне Василису, я ей на ушко нашепчу.

- Нет, не видать тебе Василисы! А не станешь мне помогать, брошу я в огонь твой волшебный палец, и сгорит он окончательно!

- Нет-нет! Не спеши, Елисей, органами раскидываться, - говорит ему Змей медовым голосом. - Скажу я все, что тебе хочется. Баба Яга, старушка древняя, колдунья знатная, она владеет такими секретами.

- Ну, - говорит Елисей, - смотри, не обмани, а не то поплатишься!

Сказал так, да и пошел на самый большой двор купеческий, где поджидали его именитые граждане, награду за поимку Змея выторговывать.

Тут проходил по двору, мимо клети железной Змея Горыныча, Фома. Змей его окликает голоском сахарным:

- Победили вы меня, добрые молодцы, и боюсь я наказания сурового за дела мои разбойничьи, а потому хочу помочь. Позови сюда царевну, тайну ей поведаю про ее Ивана-царевича. Видел я из поднебесья, где он обитает.

Ну, думает Фома, сильно царевна по дружку милому убивается, авось, разбойник раскаялся! И кликнул Василису.

- Ну, ты, - говорит Фома Змею Горынычу, - смотри, не балуй, а не то покажу я тебе свою богатырскую силушку!

- Ладно-ладно, - Змей соглашается покладисто.

Пришла царевна.

- Ты, царевна, вели уйти Фоме, - говорит Змей Горыныч. - Нечего ему беседы наши подслушивать.

- Ты, Фома, пойди к хозяину, - отсылает его Василиса, - привел он богатыря, померяться с тобою силою богатырскою.

- На это мы всегда готовые!

И убежал, о Василисе забыв.

Говорит тогда ей коварный Змей:

- Ох, и ловка ты царевна, ох, и прекрасна! Верни мой палец огненный, и снова заживем мы с тобой, как прежде, весело.

- Нет, - отвечает царевна, - нет у меня пальца волшебного, забрал его Елисей, и не хочу обратно в твой дворец. Мы с тобой совсем разные, и у нас ничего не сладится.

- Раз нет у тебя пальца - отвори замки трехпудовые, выпусти меня на свободу, а за это я тебе поведаю, где твой Иван-царевич!

- Ах, - говорит царевна, - ты знаешь, где Иванушка!

- Знаю-знаю, а как выпустишь - скажу!

- Вот уж нет! Вы, Змеи, все коварные да ушлые - сначала обольстите девицу горемычную, а потом наутек пускаетесь. Сначала говори, а после уж отомкну замки трехпудовые.

- Ох, царевна, мастерица ты торговаться! Ну, да ладно, будь по-твоему! Видал я твоего царевича в городе, живет в тереме купеческом, в том, где Марья-искусница прислуживала. Скоро приведет Дормидонт свою невесту, вот у нее-то все и выспросишь.

- Нет, - отвечает Василиса, - коли хочешь, чтоб я тебя выпустила, прямо сейчас показывай, где эта ведьма прячет моего Иванушку! Как вернется на двор Дормидонт да придет Елисей, станет поздно решетки железные отворять.

- Твоя правда, царевна, бежать мне надобно, пока Дормидонт невестой своей занимается, а Елисей золото стяжает.

И тут объяснил он ей, как добраться до купеческого терема. Василиса, как услыхала, сарафан подобрала да и пустилась бежать.

- Стой! - кричит Змей Горыныч. - Стой, Василиса! Ты же меня из клетки не выпустила!

- Ишь чего захотел, разбойник! - кричит ему царевна в ответ. - Я тебя выпущу, а ты опять меня украдешь, и будет меня Иванушка по свету три года разыскивать, а я теперь долго ждать не намеренная!

Взвыл с досады Змей Горыныч, принялся трясти клетку, но прутья в ней с руку толщиной, выдержали.

Прибежала царевна к терему, ворвалась в палаты, всех слуг перепугала. Влетела она в горницу и увидела там Ивана-царевича - пьет он чай, на блюдце дует, сахарную голову прикусывает. Как увидела Василиса, так и кинулась ему на белую грудь.

- Ах! - причитает царевна. - Зачем ты меня, мой соколик ясный, покинул?! На кого ты меня оставил? Я три пары сапог железных износила, три железных посоха истерла, железные хлеба изгрызла, пока тебя разыскивала!

- Это еще кто такая будет?! - поднялась из-за стола купчиха румяная, дородная. - Почему, свет мой, зовет тебя соколиком ясным?

- Ты, царевна, погоди, не торопись, - сказал Иванушка, отстраняя Василису. - Ты выйди в ту горницу, я сейчас к тебе и приду!

Сердце Василисы наполнилось плохими предчувствиями, но она послушалась, ушла. Стоит у дверей, слова Ивана-царевича слышит и себе не верит:

- Ангелочек мой сахарный, - говорит Иванушка купеческой дочери, - царевна это Василиса, дочка Кощея Бессмертного, а зачем она тут появилась, про то не знаю я, не ведаю...

- Ну, не знаю, верить ли тебе, солнышко мое ясноокое, - отвечает купчиха, - чую, не так просто дело, как рассказываешь.

- Почудилось тебе, лебедушка моя белая! Ужели я тебе свою любовь не доказывал. Каждый день, пока с товарами по белу свету ходил, вспоминал тебя, лютик мой желтенький.

- А что же царевна такое спрашивает?

- Ничего ей не обещал, все она навыдумывала. Да я ж к тебе, горлица моя голосистая, на Сивке-бурке прилетел. Как вышел темной ноченькой, как посмотрел на твою заколочку золотую, и так соскучился, что даже не стал дожидаться, когда солнышко встанет ясное!

Тут царевна ворвалась в горницу, ножкой топнула, косы на спину перекинула, руки в боки уперла.

- Так ты, говоришь, ничего мне не обещал?! Ничего не говорил?! В любви беззаветной мне не признавался?! Ну-ка вспомни хорошенечко, что ты мне обещал, когда мы в роще гуляли?

- Да что ты, царевна, такое говоришь! - Иванушка с лица опал. - Да я никогда не выходил за приличия. Я ж ни разу случаем не воспользовался!

- Ах, значит, не воспользовался?! - грозно спрашивает его царевна.

- Да я не то хотел сказать, царевна!

- Что же ты хотел сказать, соколик мой ясный? - забирая вышитые рукава рубашки повыше, да перевязывая потуже русые косы, спрашивает купчиха. - Что же ты, свет мой ясный, позарился на царские почести?

- Неужто ты, горлица моя белокрылая, царевне поверила?

- Поверить немудрено. Царевны на красные кафтаны да сапожки со скрипом падкие. А тебе, сизый мой голубок, все бы покрасоваться!

- Да на что мне сдалась царевна! - убеждает ее Иванушка. - Ведь как подумаешь, каково житье будет в царском тереме?! Свекор там Кощей Бессмертный - и не дождешься, когда хозяином станешь. Василиса - девка с норовом, только и горазда, что ножкой топать да косы за спину перекидывать. А тут случись война. Вот горюшко! Придется мне во главе войска вставать да оборону держать. Не ровен час, убьют. Нет! Не мне это счастье на роду написано! Буду уж лучше купцом богатеть да чаи вприкуску дуть со сладкими пряниками. Так что наши обеты свадебные у меня на сердце каленым железом выжжены.

- Будут они и на другом месте отпечатаны, ради долгой памяти, - отвечает ему купчиха.

- А! Так она тебе жена законная! А меня ты выставил на посмешище! - кричит Василиса Прекрасная. - Да я сейчас тебя обращу в петуха да велю повару на суп поймать!

И царевна стала произносить слова тарабарские. Тотчас раздался страшный грохот, задрожал терем до основания - то ворвался Елисей с товарищами. Вернулись они, увидели, что царевны нигде нет, догадались, чьи это выдумки, и заставили Змея во всем сознаться.

- Не надо, Василиса, не колдуй! Ты же не умеешь!

Иванушка, между тем, скользнул в дверь потаенную и побежал вниз по лестнице. Купчиха с ухватом за ним выскочила. Царевна же без чувств рухнула. Поднял ее Елисей на руки и унес на постоялый двор.

Как царевна пришла в себя, так села у окошка и едва не выплакала все очи свои ясные, едва не разорвалась от тяжких вздохов грудь ее белая. Тогда Елисей так принялся ей говорить:

- Ты, царевна, не счастье свое потеряла, а горя не нашла. Не был этот Иванушка царевичем, встретились мы с ним на большой дороге, ехал он в ту пору на телеге с обозом, я же пешим шел, попросил подвезти, а он заломил за услугу цену неслыханную. Потребовал себе Сивку-Бурку, а как добыли мы ему коня славного, так захотел он кафтан красный и в жены себе царевну.

- Ах, какая я разнесчастная! Вон Марью-искусницу Дормидонт по этому и этому свету разыскивал! А разве ровня она мне? И не раскрасавица и не царевна!

- Да и на что сдался тебе этот Иванушка? Погляди-ка, прекрасная, не хорош ли я, добрый молодец?!

Не один день так Елисей царевну уговаривал, наконец, она утешилась.

Между тем, собрались в Велик-городе судить Змея Горыныча за преступления его страшные. Стекались люди со всего царства Тридесятого поглядеть на расправу, но в последний день прибыли с поклонами мужики из царства Тридевятого, пригнали они с собой две дюжины возов с дорогими подарки, сложили их на главной площади и стали слезно молить отдать им злодея лютого.

- Все, - говорят, - знаем, все ведаем. Разбойник он, каких свет не видывал, да без супос-

тата энтово больно озорничают его подручные. Пусть уж лучше он за ними приглядывает. Отпустите Змея с нами, к вам он больше шагу не сделает!

Почесали великогородцы в затылках.

- Ничего, - говорят, - не понимаем! Но вот кто Змея изловил, пусть те и примут решение.

Тогда говорит Дормидонт:

- Я не желаю ничего, кроме как вернуть свою невесту, Марью-искусницу, а раз она со мной, то со Змеем Горынычем все счеты покончены.

И Елисей такие речи ведет:

- По мне, пусть возвращается. Палец волшебный послужит мне верной гарантией, что не станет Змей в моем царстве озорничать.

- Что же с вами делать! - говорят тогда люди мудрые Велик-города. - Мы получили подарки богатые, не в обиде мы на Змея Горыныча. Забирайте, коли вам он надобен!

На том и порешили, и в обратный путь отправились.

Снова прошли они через водное царство, да на этот раз Водяной им не вредничал и русалки под ногами не путались, говорят, переехали они в омут поспокойнее. Выбрались они на берег из того самого места, откуда в воду прыгали. Нашли у покосившейся избушки своих коней и пожитки свои в целости и сохранности.

А в кощеевом дворце снова Семеновна волнуется, Кощея Бессмертного со свету белого сживает.

- Ты, - говорит, - Василисе будто и не родной отец. Не знает она еще совсем жизни, попадет опять к какому-нибудь Змею Горынычу, погубит окончательно свою репутацию. Познает жених ее, разве он возьмет в палаты свои расписные! Ты, Кощей, дунь-плюнь на свое зеркало волшебное, посмотри, как у Василисы житье-бытье!

Послушался Семеновны Кощей Бессмертный, плюнул-дунул на зеркало, и показалась в нем Василиса, а рядом с ней молодец статный, красивый.

- Ба, - сказал Кощей, - да это же царевич Елисей. Вот девка шустрая! Мало ей Змея Горыныча, так она нашла еще одного охальника!

- Да чем же он тебе не угодил, ежели он царевич? - ворчливо заметила Семеновна.

- Да всем хорош молодец: и лицом бел да румян, и вежество знает, да только суженая его - Красавица Спящая. Обманут, опять обманут Василиску.

- Да неужто не влюбиться в такую красоту неписанную? Спящая Красавица ей и в подметки не годится!

- Не годится, - Кощей соглашается, - да только дура-девка наша Василиска. Вот Елена Премудрая, хотя и лицом, и фигурою уродилась в бабку свою Ягу, однако ж дело о замужестве повела так по-умному, что женихи на ее дворе день и ночь толпились, друг через друга перепрыгивали, лишь бы заполучить невесту да полцарства. Эх, Василиса бы к ней наведалась, глядишь, и умишком разжилась!

- Да тьфу на тебя! Может, у них все уже слажено.

- Эх-хе-хе, Семеновна, тут и к бабке Яге не ходи, уедет Елисей к своей Спящей Красавице, а Василиса-то с носом останется.

Посидела Семеновна, покумекала и отправила записочку жениху терпеливому. Так, мол, и так, появился у тебя соперник нежданный, негаданный. Привязался, ирод, к девице неопытной от самой Кудыкиной горы. Коли хочешь жениться на царевне прекрасной и получить обещанное приданое, то не тяни, царевну выкради, да отпиши нам записочку, как дело у тебя сладится.

Навестили и старую знакомицу, Бабу Ягу. Та, напуганная славой об их подвигах, злилась да сдерживалась, пакостей не чинила. Баньку истопила, как водится, накормила щами да пирогами с начинкою. Переночевали они у ведьмы, да на другой день перебрались через речку Смородинку. И вот очутились у Лукоморья, где три дороги расходятся в разные стороны. Остановили коней, спешились. Между тем, Василиса печалится.

- Всем ты, Елисей, добрый молодец, но не царского роду-племени. Как Кощей Бессмертный посмотрит на безродного да небогатого?!

- Никак не возьму я в толк, Василиса, к чему ты ведешь такие речи?

- А как не понравится Кощею безродный зять? Не даст он нам с тобой денег на пропитание.

Елисей посмотрел на царевну, призадумался.

- Как же другие дела свои личные устраивают, - говорит вслух Василиса, - и замуж вы-

ходят. Ага, вот! Я за тебя замуж выходить не стану. Дам тебе боярство - отстроишь себе теремок, заведешь тройку с расписными санками... Будешь мужа моего советником! Это устрою - дело нехитрое.

- Тяжело, говорят, царевна, в чужом пиру похмелье, - отвечает ей Елисей. - Я у чужих людей милости не привык просить.

- Эх, Елисей, коли не родился царевичем, так о том, что спина от поклонов болит, и вспоминать незачем.

- Нет, Василиса, негоже мне идти к твоему мужу в советники, не по роду это мне, не по племени.

- Почему это? Али ты царских кровей? Али разумеешь какое-нибудь занятие?

- Угадала ты, царский я сын. Отпустил меня батюшка на три года погулять, белый свет посмотреть да ума набраться. Три года эти выходят уже. Пора мне возвращаться в отчий дом, да разбудить Спящую Красавицу, что в жены мне с колыбели сговорена. Вот затем я колдунью и разыскивал, выяснить, как расколдовать Красавицу.

- Ах, ты, негодяй! Обманул красну девицу! Я думала, ты с серьезными намерениями, а ты!..

- Эх, Василиса, да разве так обманывают! Была у нас с тобой сделка честная: помог я разыскать твоего Иванушку, ты же обещалась мое желание выполнить. Вышло так, что колдунья ты никудышная, зато красавица знатная. Чего же ты сердишься?

Смотрит на него царевна и слово какое сказать не знает. Елисей же свое продолжает:

- Дормидонт, подскажи мне на прощание, как расколдовать суженую? Три года я хожу-брожу по миру, у всех спрашиваю, а никто не знает, не ведает.

- Да и я тебе в этом не помощник, - говорит Дормидонт, - не знаем мы чужих заговоров. Слышал я, что древние книги поцеловать ее советуют...

- Целовал я ее, целовал, - отмахнулся Елисей, - да она не просыпается. Вот и Бабу Ягу спрашивал. Она тоже талдычит про поцелуйчики, а больше ничего не ведает. Как же мне с этой бедой справиться, а?

- Ах, будьте вы все неладны! - закричала царевна. - Лучше бы я сразу замуж выскочила и ни о чем не думала! Да не знала я тогда, что все царевичи обманщики, а обманщики не все царевичи!

Тут из леса огромный волк выскочил, кони захрапели и в стороны шарахнулись. А серый волк подбежал к Василисе и говорит:

- Царевна прекрасная, прислал меня жених твой. Ждет он тебя в тереме своем расписном, злато-серебро в сундуках кованых пересчитывает, тонкие материи разворачивает...

- Можешь о богатстве и не рассказывать - выйду замуж за первого встречного!

Сказала так царевна, запрыгнула серому на спину и была такова.

- Вот и конец нашему путешествию совместному, - говорит Дормидонт, - пора и нам домой.

Тут обернулся он в Змея Одноглавого, подхватил Марью-искусницу и исчез.

- Ну, что, брат мой названный, опечалился? Запоем песню веселую, предстоит нам дорога дальняя, в горы высокие, где качается на цепях кованных гроб хрустальный со Спящей Красавицей. Разбужу я девицу, сыграем с ней веселую свадебку!

Тут сказка и кончается.

Сергей КОЗЛОВ

ЗВЕЗДА СВЕТЛА

Не отмолить нам у судьбы
Года неправедных решений.
Бессмыслен шёпот голытьбы
Вымаливающих прощений.

Когда есть сила - ум не в счет,
Когда есть ум - бессилье мучит
И глупостью берем расчет,
Когда безумие наскучит.

Страх поднимает к небесам
Глаза в покорность обращенных,
Но все ж с надеждой к чудесам
Идем походкой обреченных.

И смех, переходящий в крик, -
Для нас лишь таинство рождений.
Великомученника лик
От нас скрывает суть движений.

А в этой сути плоти грех
Ненаказуемых деяний.
Горят в огне мирских потех
Листы послушных ожиданий.

Святых угодников дела
Не служат искренним примером.
Звезда по-прежнему светла,
Взошедшая над Вифлеемом.

И ропщет люд, целуя крест,
Прося в терпимости пощады.
Плывет печально благовест,
Где речи матерно площадны.

Печали росчерк

Александру Петухову

Вновь с неба падает звезда и догорает
И свой трагический сюжет огнем сжигает.
Бессмысленно гадать судьбу, где пламя росчерк
Наложит на сонет любви, надежды очерк.

Да, принимаю власть небес, но... после гроба!
Уму знаком лишь страх чудес и до озноба.
Коль зрелых рассуждений нить - закономерность,
Тогда чудачества мечты - любовь и верность.

Пусть первая звезда в ночи пылает ярче,
И грешник, сбившийся с пути, смеясь, заплачет.
И выйдя к людям, скажет он: «Дорога - мудрость!»
Но голос низменно падет, скрывая трусость.

Но с неба падает звезда - печали росчерк.
Поймет лишь тот, кто дочитал надежды очерк.
И не жалея ни о чем, седой и властный,
Обнимет девицу рукой, смешной и страстный.

Моя звезда, гори в ночи, сгорай бесследно,
А напоследок вспыхни так, чтоб было лестно
Услышать дальний долгий крик, как причитанье.
Пойми, я все-таки - мужик! Не сочетанье...

Вновь с неба падает звезда и догорает
И свой трагический сюжет огнем сжигает.
Печали росчерк лег на снег и заискрился,
А путник, сбившийся с пути, перекрестился.

И, выйдя к людям, скажет он: «Звезда упала.
И мне, отвергшему мечту, путь указала.
Вот посох мой. Кто храбр и юн, - не в оправданье, -
Я отдаю им Млечный путь мой, как страданье».

Мама

Маме Козловой Екатерине Петровне

Бессмертие - доля святых,
Бессердечности нашей одежда.
Но для нас, приземленно-простых,
Доля: Вера, Любовь и Надежда.

Уходя в полуночную даль,
Оглянувшись, увидим оконце,
Что горит, как на солнце сусаль,
Отражаясь в бездонном колодце.

Мама ждет, провожая в ночи,
Осеняя пространство крестами,
И слеза вдруг тебя огорчит,
И смахнешь ее грубо перстами.

Соверши благодарный поклон,
Обнадежь ее взмахом ладони,
Чтобы радостной сказкой был сон
В заколдованном круге ироний.

Помни время неистовых лет,
Утомляющий говор разлуки.
И морщинистых рук робкий жест
Потеряется в омутах муки.

Уходя в полуночную даль,
Оглянись и запомни оконце,
Что горит, как на солнце сусаль,
Отражаясь в бездонном колодце.

Мак и Ром

Как запойное ненастье растревожило вином.
Мать, и та мой час - зачатье - называет черным сном.

Загрустил отец. В морщинах жизни прожитый укор.
И в задиристых картинах - мною венчанный позор.

Стынут бабок злые взоры. Хлещут душу, словно плеть.
Стали доводы и ссоры в сердце сорняками зреть.

В благодарность всем, кто вывел дурака на трезвый брод,
Я поллитру спирта вылил на апрельский тонкий лед.

***

Небо румяное к ночи готовится.
Солнце пунцовое к линии клонится.
Вечер оранжевой дымкою стелется.
Ветер в прохладе разлившейся плещется.
Жизни дневной замирает сумятица.
Прячется в шорох полей неурядица.
Истины вымысел временем мелется.
Счастье одышливым миром утешится.

Сердце в печали бессмысленно мается.
Разум грешит и неистово кается.
Говор разносится, будто безделица.
Эхом смеется людская нелепица.
Глупость вчерашняя завтра понравится,
Или забудется, или прославится.
Сном одурманила мудрая вестница,
Света тревожного добрая крестница.

***

Завелась метелица, кружит вдоль дорог.
Снежная кудельница с ветром на порог.
И стою, простуженный, до костей продрог,
Насморком облуженный, нос - как медный рог.

Пеши проторенная: где?.. Не видно зги!
С вьюгой бессердечною начинай торги.
Путнику уставшему подскажи, не лги,
Где дома протоплены, чай и пироги?

Где от чая мятного, сытных пирогов,
Я в тепле, раскаявшись, разомлев, усну.
Но молчит метелица, рвет мою сосну,
Что средь поля дикого, голубых снегов.